

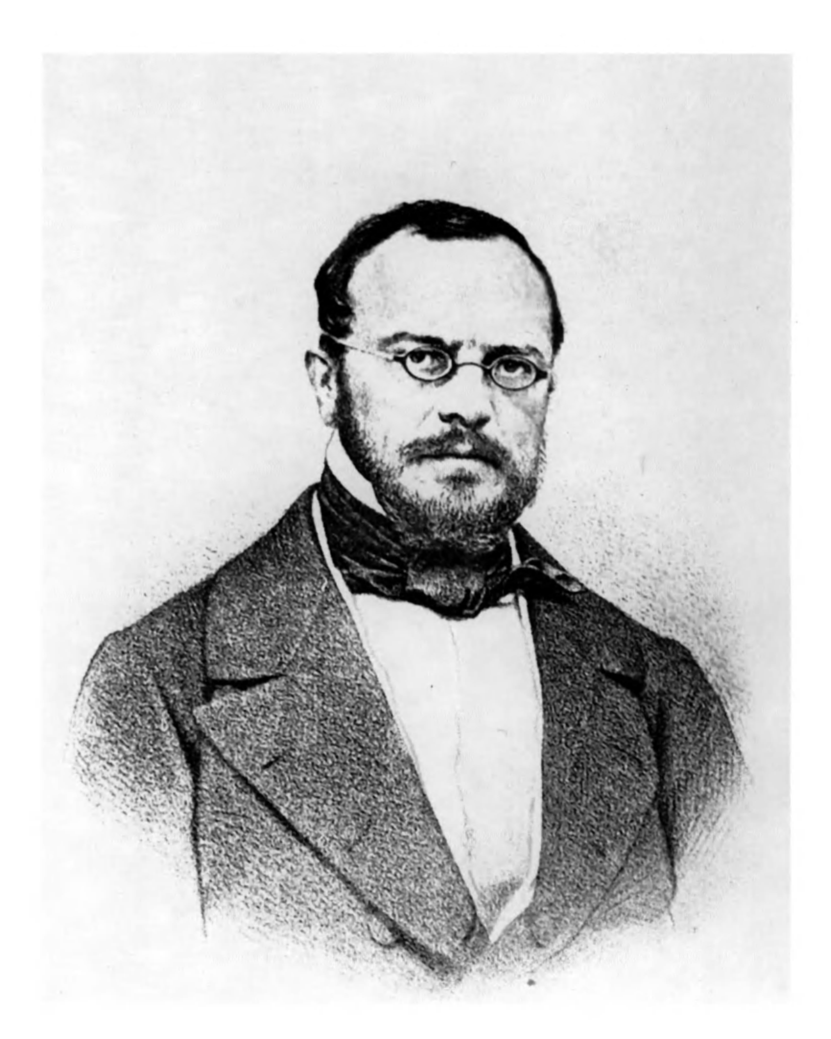
Записки Александра Ивановича Кошелева

(1812 – 1883 годы)

Записки Александра Ивановича Кошелева

(1812–1883 годы)

Записки А. И. Кошелева

А.И. Кошелёв

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Записки Александра Ивановича Кошелева
(1812–1883 годы)

С семью приложениями

Издание подготовила

Т. Ф. ПИРОЖКОВА

МОСКВА «НАУКА» 2002

УДК 821.161.1
ББК 84
З-32

Ответственный редактор
И.Г. ПТУШКИНА

ТП-2000-II-№ 177

ISBN 5-02-011799-4

ОТ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ

Издавая в свет "Записки" моего мужа, я считаю нужным сказать относительно их несколько слов.

"Записки" свои Александр Иванович начал писать 13-го апреля 1869 года и окончил незадолго до своей кончины (1883 года ноября 12-го дня); "Записки" обнимают собою период времени с 1812 года по 1883 год, следовательно, 70 лет.

После кончины Александра Ивановича мое искреннее и вполне естественное желание было издать его "Записки" в России, т.е. дома, на своей родине, которую он всегда горячо любил и которой он честно служил до своего последнего вздоха, чему свидетельством, между прочим, служат и самые "Записки" его. Ознакомившись ближе с содержанием "Записок", оказывается, что печатание их в России при существующих теперь цензурных требованиях возможно не иначе как со многими выпусками и сокращениями.

Не желая ради цензуры искажать и сокращать "Записки" дорогого мне человека, я решила, как это для меня ни тяжело, напечатать их за границею совершенно в том виде, в каком они вышли из-под пера моего мужа. Я только позволила себе ради удобства читателей сделать разделение "Записок" на главы, предпослав каждой главе ее содержание, чего сам Александр Иванович не успел сделать. Сверх того, согласно его указанию в одном из его дневников, я сделала в его "Записки" *вставки*, кото-

рые взяты мною из дневников 1857, 1882, 1883 года. Затем *третье приложение* к "Запискам" "Поездка русского земледельца в Англию на Всемирную выставку 1851 г." мною сокращено опущением подробностей, которые теперь утратили значение.

Как только цензурные условия нашей печати позволят, я сочту долгом издать эти "Записки" и в России.

Москва, 1884. *Ольга Кошелева.*

ВСТУПЛЕНИЕ

Бывши свидетелем многих великих событий, совершившихся в отечестве нашем, вспоминая, хотя смутно, 1812 год, сохраняя живо в памяти последние годы царствования императора Александра I и последовавшие затем происшествия, много нравственно пострадавши в тридцатилетнее царствование Николая I, принимавши более или менее деятельное участие в великих преобразованиях, которыми ознаменовалось нынешнее царствование, прослуживши в так называемом Царстве Польском более двух лет, едва ли не самых замечательных в истории нашего господства в этом крае, потрудившись посильно во вновь введенных земских и мировых учреждениях, которым горячо сочувствовал, не чуждавшись никогда литературы и положивши в эту народную сокровищницу свою малую лепту, бывши в коротких сношениях со многими замечательными людьми моего времени и оставаясь из моих сверстников одним из последних, считаю долгом писать *мои записки*. Решаюсь более не откладывать как потому, что начин есть уже, как говорят, половина дела, так и потому, чтобы не испытать участи некоторых из моих друзей и приятелей, которые имели то же доброе намерение, но все откладывали и – сошли в могилу, его не исполнивши. Да поможет мне Бог совершить дело, которое со временем может быть полезным.

13 апреля 1869 г.

Глава I. (1806–1824)

Род и родители. – Детство. – Юность. – Мерзляков. – Шлёцер. – Грек Байло и греческий язык. – Сверстники. – Московский университет и выход из него. – Кружок для самообразования. – А.П. Елагина.

Родился 9-го мая 1806 года в Москве близ Сухаревой башни[1], на 1-й Мещанской улице[2] в доме отца моего, ныне принадлежащем купцу Перлову[3]. Род наш идет от Аршера Кошеля[4], выехавшего из Литвы при вел. кн. Василии Иоанновиче[5], служившего ему в звании воеводы и получившего от него поместье. Дед мой[6] был богатый человек и пользовался большим почетом в Москве, где он жил на Девичьем поле в своем доме (впоследствии принадлежавшем Мальцовым, а ныне Черняевскому училищу)[7]. Он беспрестанно задавал пиры, и в особенности когда приезжали из Петербурга сильные там люди, с которыми он был в родстве или доброй приязни. Дед мой жил так открыто и безрасчетно, что сыновьям своим, которых у него было шестеро, оставил очень много долгов; и дети должны были для уплаты их распродать имения, оставивши себе только небольшие вотчины в Рязанской и Ярославской губерниях. Отец мой[8], старший из сыновей, Иван Родионович, был, как 14-летний юноша, отдан на руки дяде его Мусину-Пушкину[9], бывшему тогда послом в Лондоне. Выучившись вскоре английскому языку, отец мой выпросил у своего дяди позволение поступить в Оксфордский университет[10], где и пробыл три года. Когда ему было около 20 лет, он приехал курьером в Петербург. Там он понравился кн. Потемкину, который и взял его к себе в адъютанты. Отец мой пользовался особенным благорасположением своего начальника; но когда однажды он был замечен императрицею[11], ради его ума и красоты, и призван был ею к себе, то светлейший тотчас командировал его во внутренние губернии, и отец мой более в Петербург не возвращался. В царствование имп. Павла он вышел в отставку[12] с чином подполковника, женился на княжне Меньшиковой[13] и поселился в Москве. Здесь отец мой жил скромно, занимался науками, особенно историею, и приобрел общее к себе уважение. Он имел от первой жены четырех дочерей[14] и одного сына, умершего еще в детстве. Когда отец мой лишился первой своей жены, тогда, по истечении некоторого времени, в 1804 году он избрал себе в подруги девицу Дарью Николаевну Дежарден[15] (Desjardins), дочь французского эмигранта, родившуюся в России и крещеную по православному обряду. От нее он имел одного сына Александра, пишущего эти строки. Отец и мать моя были люди высокого ума, большой начитанности в области французской литературы и характера, приобретшего им общее уважение.

Первое, несколько живое и определенное мое воспоминание относится к 1812 году. Семейство наше обыкновенно в мае переезжало в подмосковную,

с. Ильинское Бронницкого уезда. Тут в этот злополучный год отец мой получал газеты и письма с известиями о вторжении врага в пределы отечества. Отец мой, старец под 60 лет, не допускал мысли, чтобы Наполеон мог добраться до Москвы, а тем еще менее – в ней расположиться и оттуда далее идти во внутренность империи, а потому на все убеждения моей матери в том, чтобы из подмосковной ехать куда-либо далее, отец мой отвечал шутками и отказами. Известия о Бородинской битве и об отступлении Кутузова с армиею сильно опечалили моего отца; и тогда начались приготовления к отъезду. Наконец замужняя сестра моя, остававшаяся с мужем в Москве и только что разрешившаяся от бремени, приехала к нам и привезла известие, что на следующий день французы должны вступить в Москву и что все русские власти из нее уже выбирались. Тогда решен был наш отъезд; и в день вступления Наполеона в Москву[16] мы выехали из подмосковной и направились на г. Коломну, где едва нашли себе кой-какую квартиру; ибо из Москвы все уезжало, и многие предпочитали этот путь отступления. Большая дорога от Бронниц до Коломны была запружена экипажами, подводами, пешими, которые медленно тянулись из белокаменной. Грусть была на всех лицах; разговоров почти не было слышно; мертвое безмолвье сопровождало это грустное передвижение. Молодые и люди зрелого возраста все были в армии или ополчении; одни старики, женщины и дети были видны в экипажах, на телегах и в толпах бредущих. Воспоминание об этом – не скажу путешествии – о странном, грустном передвижении живо сохранилось в моей памяти и оставило во мне тяжелое впечатление.

В Коломне мы не могли оставаться как потому, что негде было жить, так и потому, что мародеры французские показывались уже между Бронницами и Коломною. По получении известий о московских пожарах отец мой решился ехать в Тамбов, где прежде губернаторствовал, а потом просто жил родной его брат[17]. Из Коломны опять почти все разом тронулись, и на перевозе через Оку была страшная давка, толкотня и ужасный беспорядок. Во все время нашего переезда до Тамбова слухам, россказням не было конца; казалось, что Наполеон идет по нашим пятам. В Тамбове мы наконец поселились как должно; и тут матушка и сестра мои выучили меня читать и писать по-русски. Помню, мне было ужасно досадно, что меня не пускали в армию, и я постоянно спрашивал у матери: скоро ли мне можно будет идти на Бонапарта?

Из пребывания нашего в Тамбове осталась у меня в памяти вначале общая грусть, причиненная успехами Наполеона, а впоследствии – общая радость при получении известия об отступлении, а потом о поражении и бегстве врага. В декабре мы возвратились в нашу подмосковную, где в доме, подвалах, сараях и пр. нашли все разграбленным. Несколько дней мы пили чай из посуды, бывшей в нашем дорожном погребце и ели на деревянных блюдах и из деревянных чашек, которые брали у дворовых. Отца моего особенно огорчало то, что разграбление, как из рассказов оказалось, было произведено менее французами, чем нашими же крестьянами и некоторыми дворовыми людьми. Это было для него тем больнее, что он считал себя одним из лучших помещиков своего времени и постоянно обходился с своими кре-

постными людьми либерально, как и подобало человеку, воспитанному в Англии и слывшему в Москве “либеральным лордом”.

Весною отец и мать поехали в Москву и меня взяли с собою. Обгорелые стены каменных домов; одинокие трубы, стоявшие на местах, где были деревянные строения; пустыри и люди, бродящие по ним, – все это меня так поразило, что доселе сохраняю об этом живое воспоминание. Вскоре мы возвратились в деревню. Тут и мать, и отец занялись моим обучением. Отец учил меня русскому языку и слегка географии и истории; мать учила меня французскому, а дядька-немец – немецкому языку. Я сильно полюбил чтение; так к нему пристрастился, что матушка отнимала у меня книги. Особенно сильное действие произвела на меня вышедшая в свет в 1816 году Карамзина “История Государства Российского”. Из сперва вышедших восьми томов я сделал извлечение, которое заслужило одобрение моего отца. 7-го ноября 1818 года я имел несчастие его лишиться. Я очень жалел о нем; но еще более сокрушался о матери, которая была глубоко поражена этим горем и постоянно со слезами о нем вспоминала и говорила.

Лето мы проводили в деревне, а зиму в Москве. Когда мне минуло 14 лет, то матушка моя вместо обыкновенных второстепенных учителей дала мне профессоров. Двое из них имели на мое образование сильное действие: Мерзляков по русской и классической словесности и Шлёцер по политическим наукам. Мерзляков бывал иногда великолепен, но, к сожалению, часто ленился, и нередко любимый им “ерофеич” связывал его язык[18] и путал его понятия до того, что он вовсе не мог преподавать. В хорошие дни он прекрасно объяснял свойства русского языка и приохочивал к древним классикам. Это и побудило меня учиться по-гречески сперва у кандидата университета[19] В.И. Оболенского, а потом у грека Байло, человека очень образованного, издавшего в Париже на счет братьев московских греков Зосимов нескольких классиков (Плутарха, Исократа и др.). Успехи мои в греческом языке были таковы, что я стал читать греческих классиков почти без лексикона, знал наизусть первую песнь “Илиады”, перевел несколько книг Фукидидовой истории Пелопонесской войны и много отрывков из Платоновой республики[20], а Ксенофонта читал, как будто он писал по-русски. Латинский язык я знал порядочно; но он остался для меня языком мертвым. Особенно помогло мне в усвоении греческого языка то обстоятельство, что Байло говорил со мною по-новогречески. После двух–трех лет я выражался на новогреческом наречии довольно свободно. Древний греческий язык мне нравился и по собственной его красоте, и потому, что его простой, естественный склад речи казался мне очень схожим с славянским и даже русским слогом. Это и заставило меня много переводить с греческого на русский язык.

Шлёцер, хотя немец, следовательно, человек мало живой и большой теоретик, вводил меня в немецкую науку, и этим он был для меня весьма полезен. Он познакомил меня с Геереном и вообще пристрастил меня к немецкой литературе. Сам Шлёцер был человек очень умный, очень ученый и весьма общитель-

ЗАПИСКИ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА

(1812—1883 годы.)

СЪ СЕМЬЮ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

BERLIN, 1884.

B. BEHR'S VERLAG (E. BOCK).
Leipziger Str. 37.

Титульный лист "Записок Александра Ивановича Кошелева" (Berlin, 1884)

ный. Я ожидал с нетерпением его уроки, которые вместо полутора часа продолжались и два и три часа.

В это время, т.е. в 1820–22 годах, познакомился я с некоторыми сверстниками, которых дружба или приязнь благодетельно подействовала на дальнейшую мою жизнь. Первое мое знакомство было с И.В. Киреевским. С ним мы познакомились на уроках у Мерзлякова. Мы жили на одной улице (Большой Мещанской) в первых двух домах на левой руке от Сухаревой башни. Часто мы возвращались вместе домой; вскоре познакомились наши матери[21]; и наша дружба росла и укреплялась. Меня особенно интересовали знания политические, а Киреевского – изящная словесность и эстетика; но оба мы чувствовали потребность в философии. Локка мы читали вместе; простота и ясность его изложения нас очаровывала. Впрочем, все научное нам было по душе, и все нами узнанное мы друг другу сообщали. Но мы делились и не одним научным – мы передавали один другому всякие чувства и мысли: наша дружба была такова, что мы решительно не имели никакой тайны друг от друга. Мы жили как будто одною жизнью.

Другое мое знакомство, превратившееся в дружбу, было с кн. В.Ф. Одоевским. С ним мы вскоре заговорили о немецкой философии, с которою его познакомили возвратившийся из-за границы профессор М.Г. Павлов и И.И. Давыдов, заведывавший университетским пансионом, в котором воспитывался кн. Одоевский. Кроме того, в это же время я сошелся с В.П. Титовым, С.П. Шевыревым и Н.А. Мельгуновым. Здесь я упоминаю о них только мимоходом, потому что впоследствии об этих сверстниках я буду иметь случай говорить обстоятельнее.

В сентябре 1822 года я поступил в Московский университет[22] по словесному факультету. Тут я слушал лекции Мерзлякова – о словесности, Каченовского – о русской истории, Гейма – о статистике, Давыдова – о латинской словесности и Двигубского – о физике. Эти лекции оставили во мне мало живых воспоминаний: профессора читали, а мы их слушали только *по обязанности*. Возбудительного, животворного они нам ничего не сообщали. – Тут познакомился я с М.П. Погодиным; но в это время мы мало близились; ибо он уже выходил из университета, а я туда только поступал; но хорошо помню, что он был отличным студентом и всегда славно отвечал на вопросы профессоров. Ведь тогда профессора хотя читали и говорили, однако вместе с тем и предлагали слушателям вопросы, как то теперь делается в средних и низших учебных заведениях.

В следующем, т.е. 1823 году, Совет университета сделал постановление, в силу которого студенты должны были слушать не менее восьми профессоров. Это нас, студентов, сильно раздражило и даже взбесило, и многие не захотели подчиниться такому распоряжению. Тогда нас, "бунтовщиков", призвали в правление, и ректор А.А. Прокопович-Антонский объявил нам, что если мы вольнодумничаем и не хотим исполнить требование Совета, то должны выйти из университета. Мы доказывали ректору невозможность с пользою, т.е. с надлежащими приготовлениями, слушать восемь курсов; но

он твердил свое и выражался так повелительно и даже дерзко, что иные покорились воле начальства, а человек десять (и я в том числе) подали просьбы об увольнении из университета.

Освободившись от университета, где мы мало учились и много времени тратили напрасно, я налег на чтение и возобновил уроки у Мерзлякова, Шлёцера и других преподавателей, которые мне живо передавали разные знания. В это время особенно полезною была для меня дружба с И.В. Киреевским, с которым мы занимались вместе и друг друга оживляли и поощряли. Всего более занимали нас немецкие философские сочинения. Около этого времени мы познакомились с даровитым, весьма умным и развитым Д.В. Веневитиновым, к прискорбию, рано умершим. Немецкая философия и в особенности творения Шеллинга нас всех так к себе приковывали, что изучение всего остального шло у нас довольно небрежно, и все наше время мы посвящали немецким любомудрам[23]. В это время бывали у нас вечерние беседы, продолжавшиеся далеко за полночь, и они оказывались для нас много плодотворнее всех уроков, которые мы брали у профессоров. Наш кружок все более и более разростался и сплотнялся. Главными самыми деятельными участниками в нем были: Ив.В. Киреевский, Дм. Веневитинов, Рожалин, кн. В. Одоевский, Титов, Шевырев, Мельгунов и я. Этим беседам мы обязаны весьма многим как в научном, так и в нравственном отношении. Не могу также не упомянуть здесь о благодетельном влиянии, которое имели на меня и Киреевского наши матери, т.е. моя и его, Авдотья Петровна Елагина, друг Жуковского[24], женщина высокообразованная и одаренная чрезвычайно любящим сердцем. Они руководили нами очень умно, давая нам полную свободу в выборе и предметов для занятий и наших приятелей. Они были между собою дружны и действовали заодно ко благу своих детей.

В 1824 году мы держали с Киреевским экзамен в университет, требовавшийся указом 1809 года для поступления на службу[25]. Много забавных воспоминаний оставил в нас этот экзамен. В статистике, за кончиною профессора Гейма, экзаменовал нас Мерзляков, который столько же мало ее знал, сколько обстоятельно и весьма педантически ее знал покойный Гейм. Цветаев экзаменовал в политической экономии, едва знавши первые начала этой науки. Председательствовал на экзамене ректор Антонский, недовольный моим "вольнодумным" (так он выражался) выходом из университета. Он всячески ко мне придирался; мне удавалось очень ловко ему отвечать и из этого выходили презабавные сцены. По окончании наших испытаний возник между профессорами важный спор о значении слов "*весьма*" и "*очень*". Цветаев, у которого Киреевский брал уроки римского и естественного права и политической экономии, хотя и с небольшим успехом, хотел написать Киреевскому "*весьма хорошо*", а мне, хорошо знавшему эти науки, но не бравшему уроков у Цветаева и даже во время экзамена неоднократно его одурачивавшему, он думал написать "*очень хорошо*". Тогда Мерзляков вступился за меня, и после долгих споров решено было написать и тому и другому одинаковую аттестацию.

Глава II. (1825)

Поступление на службу в Московский архив иностранных дел. – Сослуживцы. Характер службы. – Литературные и философские занятия. – Внутреннее положение России в 1822–1825 годы. – 14 декабря 1825 года. – Присяга Константину Павловичу и Николаю Павловичу. – Аресты. – Коронация Николая I.

По окончании экзамена и я и Ив.В. Киреевский поступили на службу в Московский архив иностранных дел. Мое вступление было очень оригинально. После кончины моего отца[1] попечителем надо мною, по просьбе моей матери, был дядя мой и друг моего отца Родион Александрович Кошелев, который жил в Петербурге и пользовался особенною дружбою Александра I[2]. По просьбе дяди последовало высочайшее повеление об определении меня на службу по упомянутому архиву. Такое необыкновенное определение на службу произвело сильное впечатление на начальника архива А.Ф. Малиновского, который, узнавши, что я, вместе с матушкою, нахожусь в деревне, в Сапожковском уезде Рязанской губ., и, будучи обязан в месячный срок рапортовать об исполнении высочайшего повеления, решился не тревожить моей матушки и меня и по эстафете передал Сапожковскому уездному суду приведение меня к присяге на верность службе. Уездный суд в это время был не в городе, а в уезде – на меже, в с. Кравском. Такое необычайное поручение и странный чин актуариуса[3] (14-го класса), коим я был определен, свели почти с ума уездный суд. Судья (г. Ремизов) и его товарищи не знали ни как принять такого высокого сановника, ни как достойно исполнить такую чрезвычайную, на них возложенную, обязанность. Как теперь вижу смущение, страх и неловкость этих уездных властей в таком экстренном случае и не могу забыть их радости и поздравлений, когда это великое дело было наконец совершено.

В архив почти одновременно поступили, кроме Ив. Киреевского, Дм. и Алек. Веневитиновы, Титов, Шевырев, Мельгунов, С. Мальцов, Соболевский, двое кн. Мещерских, кн. Трубецкой, Озеров и другие хорошо образованные московские юноши. Служба наша главнейше заключалась в разборе, чтении и описи древних столбцов. Понятно, как такое занятие было для нас малозавлекательно. Впрочем, начальство было очень мило: оно и не требовало от нас большой работы. Сперва беседы стояли у нас на первом плане; но затем мы вздумали писать сказки так, чтобы каждая из них писалась всеми нами. Десять человек соединились в это общество, и мы положили писать каждому не более двух страниц и не рассказывать своего плана для продолжения. Как между нами были люди даровитые, то эти сочинения выходили очень забавными, и мы усердно являлись в архив в положенные дни – по понедельникам и четвергам. Архив прослыл сборищем “блестящей” московской молодежи, и звание “архивного юноши” сделалось весьма почетным, так что впоследствии мы даже попали в стихи начинавшего тогда входить в большую славу А.С. Пушкина[4].

В это же время составилось у нас два общества: одно литературное, а другое философское. Первое под председательством переводчика "Георгик" С.Е. Раича[5] (Амфитеатрова) собиралось сперва в доме Муравьева (на Большой Дмитровке, где помещалось Муравьевское военное учебное заведение и где впоследствии были училище проф. Павлова, Дворянский клуб и лицей г.г. Каткова и Леонтьева[6]), а потом на квартире сенатора Рахманова[7], при сыне которого Раич был воспитателем. Членами этого общества были: Ф.И. Тютчев, Н.В. Путята, кн. В.Ф. Одоевский, В.П. Титов, С.П. Шевырев, М.П. Погодин, Ознобишин, Томашевский, Алек. С. Норов, Андр. Н. Муравьев и многие другие. Наши заседания были очень живы и некоторые из них даже блестящи и удостоивались присутствия всеми любимого и уважаемого московского генерал-губернатора кн. Д.В. Голицына, Ив.Ив. Дмитриева и других знаменитостей. Тут изящная словесность стояла на первом плане; философия, история и другие науки только украдкой, от времени до времени, осмеливались подавать свой голос. Мне удалось там прочесть некоторые переводы[8] из Фукидида и Платона и отрывки из истории Петра I, которою тогда я с любовью занимался.

Другое общество было особенно замечательно: оно собиралось *тайно,* и об его существовании мы никому не говорили. Членами его были: кн. Одоевский, Ив. Киреевский, Дм. Веневитинов, Рожалин и я. Тут господствовала немецкая философия, т.е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Гёррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких любомудров. Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед; христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний. – Мы собирались у кн. Одоевского, в доме Ланской (ныне Римского-Корсакова в Газетном переулке). Он председательствовал, а Д. Веневитинов всего более говорил и своими речами часто приводил нас в восторг. Эти беседы продолжались до 14 декабря 1825 года[9], когда мы сочли необходимым их прекратить как потому, что не хотели навлечь на себя подозрение полиции, так и потому, что политические события сосредоточивали на себе все наше внимание. Живо помню, как после этого несчастного числа кн. Одоевский нас созвал и с особенною торжественностью предал огню в своем камине и устав и протоколы нашего общества любомудрия. Но возвратимся несколько вспять и расскажем о положении дел в последние годы царствования императора Александра I.

Смутно вспоминаю я о либеральных толках, бывших в 1818–1822 годах, особенно между военными, возвратившимися из Франции после событий 1812–1815 годов; но очень положительно и ясно сохранились в моей памяти жалобы на слабость императора Александра I в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву[10]. И старики, и люди зрелого возраста, и в особенности молодежь, словом, чуть-чуть не все беспрестанно и без умолка осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно ее желали и на нее полагали все надежды. Неудовольствие было сильное и всеобщее. Никогда не

забуду одного вечера, проведенного мною, 18-тилетним юношею, у внучатного моего брата[11] Мих⟨аила⟩ Мих⟨айловича⟩ Нарышкина; это было в феврале или марте 1825 года. На этом вечере были Рылеев, кн. Оболенский, Пущин и некоторые другие, впоследствии сосланные в Сибирь. Рылеев читал свои патриотические думы; а все свободно говорили о необходимости d'en finir avec ce gouvernement*. Этот вечер произвел на меня самое сильное впечатление; и я на другой же день утром сообщил все слышанное Ив. Киреевскому, и с ним вместе мы отправились к Дм. Веневитинову, у которого жил тогда Рожалин, только что окончивший университетский курс с степенью кандидата. Много мы в этот день толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе правления. Вследствие этого мы с особенною жадностью налегли на сочинения Бенжамена Констана, Рое-Коллара и других французских политических писателей; и на время немецкая философия сошла у нас с первого плана.

Никогда не забуду того потрясающего действия, которое произвели на нас первые известия о 14 декабре. Хотя уже знали, что император Александр I скончался, что скрывали его смерть, что в Петербурге в правительственной сфере происходили толки и переговоры и что в обществе было сильное волнение, однако известия об явном бунте нас сильно поразили: слова стали переходить уже в дела.

В этот промежуток времени, т.е. между получением известий о кончине императора Александра и о происшествиях 14-го декабря, мы часто, почти ежедневно, собирались у М.М. Нарышкина, у которого сосредоточивались все доходившие до Москвы слухи и известия из Петербурга. Толкам не было границ. Не забуду никогда одного бывшего в то время разговора о том, чтó нужно сделать в Москве в случае получения благоприятных известий из Петербурга. Один из присутствовавших на этих беседах кн. Николай Иванович Трубецкой (точно он, а не иной кто-либо – хотя это и невероятно, однако верно: вот как люди меняются![12]), адъютант гр. П.А. Толстого, тогда командовавшего корпусом, расположенным в Москве и ее окрестностях[13], брался доставить своего начальника связанного по рукам и по ногам (avec les mains et les jambes liées). Предложениям и прениям не было конца; а мне, юноше, казалось, что для России уже наступал великий 1789 год[14].

В первых числах декабря по указу Сената присягнули в Москве императору Константину Павловичу[15], и целые *десять дней* все просьбы подавались на его имя, и указы писались от его имени. Эта присяга принесена была совершенно просто – без всяких особенных обстоятельств. Не таковая была присяга императору Николаю Павловичу. Тут сочли нужным принять разные чрезвычайные меры. В соборе присягали одни сенаторы и высшие сановники; а прочие чиновники присягали особо по каждому ведомству.

Ночью разосланы были повестки насчет этой присяги. Меня разбудили в 4-м часу; я не мог более заснуть и до рассвета проходил по своей комнате. В 8 часов я поехал к Ив. Киреевскому и вместе с ним к Веневитиновым. Много

---

* покончить с этим правительством (*фр.*).

мы толковали и были крайне взволнованы; но, несмотря на то, в 11 часов собрались в Архиве коллегии иностранных дел для принесения присяги. Наш добрый начальник А.Ф. Малиновский был в крайнем смущении и испуге. По распоряжению свыше военный караул при архиве был утроен, и солдаты снабжены патронами. Командовал не унтер-офицер, даже не простой офицер, а целый майор. Воображали, кажется, что архивные юноши произведут подражание петербургскому возмущению. Но у нас все прошло самым спокойным образом, и только Соболевский в шутку, вполголоса, при попарном нашем шествии в церковь пропел "Марсельезу"[16].

Хотя в Москве все было тихо и скромно, однако многие, и мы в том числе, были крайне озабочены и взволнованы. Известия из Петербурга получались самые странные и одно другому противоречащие. То говорили, что там все спокойно и дела пошли обычным порядком, то рассказывали, что открыт огромный заговор, что 2-я армия (тогда армия состояла из двух отделов, один находился под начальством графа Остен-Сакена, а другой – гр. Витгенштейна) не присягает, идет на Москву и тут хочет провозгласить конституцию. К этому прибавляли, что Ермолов также не присягает и с своими войсками идет с Кавказа на Москву[17]. Эти слухи были так живы и положительны и казались так правдоподобными, что Москва или, вернее сказать, мы ожидали всякий день с юга новых Мининых и Пожарских[18]. Мы, немецкие философы, забыли Шеллинга и комп⟨анию⟩, ездили всякий день в манеж и фехтовальную залу учиться верховой езде и фехтованию и таким образом готовились к деятельности, которую мы себе предназначали.

Вскоре начали в Москве по ночам хватать некоторых лиц и отправлять их в Петербург. Очень памятно мне арестование внучатного моего брата и коротко мне знакомого Вас⟨илия⟩ Серг⟨еевича⟩ Норова*; лично при этом я находился, и это событие меня очень поразило. Сидим мы у Норова и беседуем. Вдруг около полуночи без доклада входит полицеймейстер и спрашивает, кто из нас Вас⟨илий⟩ Серг⟨еевич⟩ Норов. Когда хозяин встал и спросил, что ему нужно, тогда полицеймейстер объявил, что имеет надобность переговорить с ним наедине. Норов попросил нас уйти на время наверх к его матери. Опечатали все бумаги Норова, позволили ему только, в сопровождении полицеймейстера, взойти к старухе-матери, чтобы с нею проститься, и повезли его в Петербург. Этот увоз произвел на мать ужасное действие – она словно рехнулась. Он произвел и на нас всех сильное впечатление. Вскоре, также ночью, увезли в Петербург Нарышкина, фон Визина и многих других. Это навело всюду и на всех такой ужас, что почти

---

* В.С. Норов, старший брат А.С. Норова, бывшего впоследствии министром народного просвещения, служил прежде в лейб-егерском полку, считался отличным служакою, страстно любил военное дело и вышел в отставку по особому случаю. Вел. кн. Николай Павлович при фронте разругал его и, стукнувши ногою по земле, обрызнул его грязью. Норов подал в отставку, и все офицеры полка сделали то же. Это было сочтено за бунт. Норов и многие из офицеров были переведены тем же чином в армейские полки. Несколько времени спустя Норов получил отставку и поселился у матери в Москве.

всякий ожидал быть схваченным и отправленным в Петербург. Рассказы из Петербурга о том, кого там брали и сажали в крепость, как содержали и допрашивали арестованных и пр., еще более увеличивали всеобщую тревогу. Матушка очень за меня боялась, положила меня спать подле своей комнаты; ей постоянно чудилось, что за мною ночью приехали, и потому, на всякий случай, она приготовила в моей комнате теплую фуфайку, теплые сапоги, дорожную шубу и пр. Этих дней или, вернее сказать, этих месяцев (ибо такое положение продолжалось до назначения Верховного суда, т.е., кажется, до апреля[19]), кто их пережил, тот, конечно, никогда их не забудет. Мы, молодежь, менее страдали, чем волновались, и даже почти желали быть взятыми и тем стяжать и известность и мученический венец. Эти события нас, между собою знакомых, чрезвычайно сблизили и, быть может, укрепили ту дружбу, которая связывала Веневитиновых, Одоевского, Киреевского, Рожалина, Титова, Шевырева и меня.

Я было забыл рассказать об одном, хотя в самом себе и неважном событии, однако вполне характеризующем то прожитое время. В январе, во время ежедневных новых арестов, объявляется, что тело покойного императора будет провезено через Москву и что, по этому поводу, имеет быть торжественная встреча. Всех нас, архивных юношей, нарядили в мундиры и отправили к Серпуховской заставе, откуда мы пешком попарно вместе с другими ведомствами должны были торжественно шествовать до Кремля. Между тем прошел слух, что в Москве приготовляется манифестация против покойного и царствующего императоров. В Петербурге вздумали, что в "крамольной" Москве предполагается выбросить из гроба тело покойного императора и таскать его по улицам в знак общего негодования за назначение Николая Павловича наследником императорского престола. Войска, под предлогом бóльшей торжественности, а действительно из опасения манифестации, были в усиленных рядах расставлены по обеим сторонам улиц от Серпуховских ворот до Кремля и в самом Кремле, и сверх того, велено было солдатам иметь заряженные ружья. Таким образом, церемония грозила превратиться в событие, но таковым оно являлось только Петербургу, а здесь никто и не думал воспользоваться этим случаем, чтобы произвести возмущение. Все прошло совершенно спокойно и чинно; тело императора было поставлено в Архангельском соборе[20], тут оно простояло три дня; мы, по очереди, дежурили, а народ усердно приходил поклоняться праху; а на четвертый день также спокойно и чинно проводили тело до Петровской заставы.

Наконец дожили мы до мая и думали разъехаться по деревням; но начальник наш Малиновский получил приказание из Петербурга по случаю предстоящей коронации никого не увольнять в отпуск. Следовательно, приходилось нам жить в Москве, и мы положили ознакомиться с московскими окрестностями. Вследствие этого нашего решения мы постепенно посетили пешком все приближные местности белокаменной, и как все эти прогулки совершены были нами вместе, то они также сильно содействовали к скреплению нашей дружбы. Я вспоминаю о них с особенным чувством и знаю, что я им весьма многим обязан.

Слухи о предстоявших приговорах Верховного суда не переставали волновать Москву; но никто не ожидал смертной казни лиц, признанных главными

виновниками возмущения. Во все царствование Александра I не было ни одной смертной казни, и ее считали вполне отмененною. С легкой руки Николая I смертные казни вошли у нас как бы в обычай; и при благодушном Александре II они совершались не раз и уже не производили того потрясающего действия, какое произведено было известием о казни[21] *Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Пестеля* и *Каховского.* Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, нет возможности: словно каждый лишался своего отца или брата.

Вслед за этим известием пришло другое о назначении дня коронования императора Николая Павловича. Его въезд в Москву, самая коронация, балы придворные, а равно балы у иностранных послов и у некоторых московских вельможей – все происходило под тяжким впечатлением совершившихся казней. Весьма многие остались у себя в деревнях; и принимали участие в упомянутых торжествах только люди, к тому обязанные по службе. Император был чрезвычайно мрачен; вид его производил на всех отталкивающее действие; будущее являлось более чем грустным и тревожным.

Глава III. (1826–1830)

Отъезд в С.-Петербург. – Знакомства. – Служба в Министерстве иностранных дел. – Образ жизни. – Кончина Д.В. Веневитинова 1827 г. – А.С. Хомяков. – Д.Н. Блудов. – Составление “Общего устава для лютеранских церквей в империи”. – Д.В. Дашков. – К.А. Булгаков. – Е.А. Карамзина. – Девица Россети. – В.А. Жуковский. – Бар. Дельвиг.

Вскоре после коронации, т.е. в сентябре 1826 года, я отправился в Петербург на службу. Во время пребывания в Москве великих мира сего родственником нашим кн. С.И. Гагариным[1] был я представлен графу Нессельроде, управлявшему тогда Министерством иностранных дел. Он пригласил меня приехать в Петербург, обещая поместить меня в свою канцелярию. По приезде в Петербург я явился к дяде моему Род⟨иону⟩ Александ⟨ровичу⟩ Кошелеву, определившему меня, как выше было сказано, на службу. Он пользовался в Петербурге еще сильным влиянием и большим почетом, хотя блистательные времена для него уже прошли вместе с кончиною императора Александра. Дядя принял меня очень ласково и пригласил меня к себе обедать по воскресениям и четвергам, а иногда посещать его и по вечерам, когда он за мною пришлет. Он был в это время уже слеп, но сохранял полную деятельность ума. У него в доме я познакомился с кн. А.Н. Голицыным (который, по их мартинистским связям[2], бывал у него ежедневно), с Сперанским, В.П. Кочубеем и многими другими административными знаменитостями. Старик дядя очень меня полюбил и в декабре того же года (1826) предложил мне жить у него и быть камер-юнкером, что он пред-

полагал исходатайствовать чрез кн. А.Н. Голицына. Оба эти предложения меня смутили; но я решился тотчас же их отклонить. Отказаться от первого было нетрудно, я представил дяде, что у него в доме в 10 часов гасятся свечи и все предается покою; а мне приходится ездить на балы и вечера и возвращаться домой во 2-м и 3-м часу. Но устранить второе предложение было гораздо труднее: он считал придворную атмосферу самою лучшею, даже единою, возможною для благомыслящего человека, и верным путем к достижению почестей и политического влияния. Когда я ему сказал, что очень благодарен за его обо мне заботливость, что приму с глубочайшею признательностью всякое его попечение и старание к доставлению мне места и работы, но что придворным быть я не чувствую себя способным, тогда старик пришел в гнев и ужас и сказал мне: "Mon cher, vous finirez mal; avec de telles idées on n'avance pas, mais on se prépare la Sibérie ou pire que cela"*. После этого объяснения дядя был со мною холоден месяца два; но потом смягчился и стал опять благосклонен. Впрочем, не раз возвращался к мысли нарядить меня в камер-юнкерский мундир, чего я решительно не хотел, ибо всегда считал придворные звания, мундиры и обязанности лакейством, и притом тем худшим, что оно не вынужденное, а добровольное.

Гр. Нессельроде поместил меня не в собственную свою канцелярию, а в отделение ее, которым заведывал гр. Лаваль[3] и которому поручено было делать *выписки* для императора из французских, английских и немецких газет. Сперва на мою долю достались немецкие газеты, но они вскоре ужасно мне надоели; они были немногим лучше наших русских, та же безжизненность и то же отсутствие политического смысла. Я начал учиться по-английски, желая получить английские газеты. Наша канцелярия состояла сперва из трех чиновников: *Кремера, меня и Витте*. Первый был человек очень умный и весьма способный и заведывал французскими и английскими журналами, а Витте был великолепным и неутомимым переписчиком – он как будто гравировал все наши выписки. Кремер был впоследствии секретарем нашей миссии в Вашингтоне, потом поверенным там в делах и наконец генеральным консулом в Лондоне, где и окончил свою жизнь. Витте остался в Петербурге, получая чины и ордена; но его я совершенно потерял из вида. Вскоре вступил к нам в канцелярию воспитанник лицея Александр Крузенштерн, впоследствии сенатор и еще состоящий в живых. Как я уже несколько попривык к английскому языку, которым я занимался очень усидчиво, то, по совету Кремера, взял на себя английские газеты и передал немецкие Крузенштерну. Начальником нашим был сын французского эмигранта, гофмейстер гр. Лаваль. Хотя он был человек умный, но своим царедворством он нас очень забавлял. Перед поездкою во дворец он был всегда очень озабочен, словно готовился к священнодействию, а в важных случаях сперва он даже заезжал в католическую церковь и заказывал там молебен или что-то в этом роде. Особенное внимание он обращал на кухмистерскую часть в своем доме, давал славные обеды, и этим он поддерживал свое значение в Петербурге.

---

* "Дорогой мой, вы плохо кончите; с такими идеями вы не только не преуспеете, но и уготовите себе Сибирь или еще что-нибудь похуже" (*фр.*).

Служба моя шла не блистательно; но у меня оставалось много времени для собственных занятий, для выездов в большой свет, для посещения приятелей и даже для кутежа.

В Петербурге я был не один из москвичей. Кн. Одоевский еще прежде меня переехал в Петербург, женился на О.С. Ланской и поступил на службу по Министерству народного просвещения, а именно в Комитет иностранной цензуры. Вскоре после меня приехал к нам Д.В. Веневитинов и определен был в Министерство иностранных дел, по департаменту внутренних сношений. Не замедлил переездом в Петербург и В.П. Титов. Мы все часто виделись и собирались по большей части у кн. Одоевского. Главным предметом наших бесед была уже не философия, а наша служба с ее разными смешными и грустными принадлежностями. Впрочем, иногда вспоминали старину, пускались в философские прения и этим несколько себя оживляли.

Вскоре мы были поражены большим горем. Д. Веневитинов, при самом приезде из Москвы[4], был вытребован или взят в 3-е отделение[5] собственной канцелярии и там продержан двое или трое суток. Это его ужасно поразило, и он не мог освободиться от тяжелого впечатления, произведенного на него сделанным ему допросом. Он не любил об этом говорить; но видно было: что-то тяжелое лежало у него на душе. В марте он занемог тифозною горячкою; около двух недель был болен, и 15 марта он скончался. Эта смерть нас ужасно поразила и огорчила. Мы отпели его у Николы Морского, и тело его отправили в Москву.

Во время болезни Д. Веневитинова, за которым и днем и ночью мы ухаживали, я близко сошелся с А.С. Хомяковым, с которым я прежде был только знаком. С этого времени мы стали часто видеться, и тут начало той дружбы, которую прервала только кончина незабвенного Алексея Степановича[6].

Окончился 1827 год; наступил и 1828-й; делание выписок из английских журналов прискучило мне до крайности и тем более, что умный и веселый Кремер от нас выбыл и отправился в Североамериканские Штаты. Он был замещен милым и весьма неглупым, но мало живым остзейцем гр. Медем[7]. Гр. Нессельроде несколько раз обещал перевести меня в свою канцелярию; но только обещал и ничего не делал. Следующий случай заставил меня искать иной службы. Был концерт у графини Лаваль; я сидел подле прелестной гр. Сологуб (впоследствии Обресковой), за моим стулом стоял один приятель (Мертваго), который, увидевши, что гр. Нессельроде стоял подле меня, довольно громко сказал мне: "Кошелев, подле тебя стоит твой начальник, уступи ему свой стул". Взбешенный этими словами, я ответил ему также нетихо: "В обществе у меня нет начальников; если ты другого мнения, то принеси для него стул". Нессельроде вскоре отошел, но, вероятно, с мыслью: "Это – карбонари; для нас такие люди непригодны". Вскоре после того барон Николаи, наш посланник при Копенгагенском дворе, просил о назначении меня секретарем при тамошней миссии, но гр. Нессельроде не изъявил на то согласия. Это и побудило меня искать службы по иному министерству. Вскоре представился для того благоприятный случай. Д.Н. Блудов, управлявший в то время духовными делами иностранных испове-

даний и бывший делопроизводителем комитета, учрежденного под председательством гр. В.П. Кочубея для преобразования разных частей государственного управления, пригласил меня к себе на службу. Я был прежде знаком с Д.Н. Блудовым; но особенно хлопотал обо мне кн. Одоевский, который в это время уже был по особым поручениям при Блудове. Я остался числящимся по Министерству иностранных дел с откомандированием к статс-секретарю Блудову.

Мой новый начальник был очень умен, образован и крайне добр; но характером он был слаб и труслив. В те дни, когда он отправлялся к императору, он был весь не свой: не слушал, не понимал того, что ему говорили, вскакивал беспрестанно, смотрел ежеминутно на часы и непременно посылал поутру сверять свои часы с дворцовскими. Зато, когда возвращался от императора, не получивши нагоняя, он был детски весел, не ходил, а летал по комнатам и готов был целовать всякого встречного. Добра делал он очень много, был доступен для всякого и готов выслушивать каждого, кому он мог чем-либо быть полезным. В большой упрек ему ставили написанное им донесение следственной комиссии по делу 14-го декабря[8]. Конечно, оправдывать его я не буду; но, в извинение его, могу сказать, что он в этом уступил воле императора как по слабости характера, так и потому, что он надеялся смягчить меру наказания для виновных, выставив многих менее преступными, чем увлеченными даже до крайностей.

Блудов был большой и своеобразный "пурист" в русском слоге, и от этого он исправлял до смешного все бумаги, которые подавались ему к подписи. Сколько он любил исправлять, столько он не любил и почти не мог первоначально сам писать бумаги. Манифесты, изданные во время моего при нем служения, и важные рескрипты, порученные ему к написанию, были сочинены все мною и кн. Одоевским, но ни одно мое или его слово в них не сохранилось. Получив от императора приказание написать какой-либо манифест или иную важную бумагу, Блудов тотчас призывал одного из нас и сообщал, чтó нужно высказать в требуемой бумаге. Я писал, как мог; Блудов обыкновенно хвалил мою работу, оставлял ее у себя; ночью он принимался ее исправлять и к утру не оставалось в сочиненной бумаге ни одного моего слова. Затем кое-как мы разбирали его каракульки, переписывали и вновь ему представляли. Снова начинались переправки, которые продолжались до той минуты, когда он должен был везти бумагу к императору. Уверенность, что каждая бумага подвергнется тысяче и одному исправлениям, отнимала охоту что-либо написать хорошо. Однажды я решился испытать: я ли пишу плохо или мой начальник одержим страстью исправлять все, что ему попадается под руку. Одну, не очень важную бумагу, Блудовым особенно жестоко исправленную, я отложил в сторону на несколько недель – и после ему подал ее, как будто мною только что написанную. Блудов, как и всегда, похвалил и ночью всю ее исчеркал и не оставил ни одного из прежних своих собственных слов. Это меня совершенно успокоило, и я получил убеждение, что мой умный начальник одержим недугом исправления и того, чтó неплохо.

Несмотря на это, служба у Блудова была очень приятна. Кроме самого милого обхождения с своими подчиненными, для меня интересно было то, что он

поручал мне весьма важные и весьма секретные дела. Особенно интересовали меня бумаги по Преобразовательному комитету[9], где Блудов и Д.В. Дашков были делопроизводителями. Хотя труды этого комитета почти ни к чему не привели, однако тут затронуты были почти все преобразования, ныне произведенные. Вопрос об освобождении крепостных людей был неоднократно обсуждаем; и плодом этих совещаний был *указ об обязанных крестьянах*[10], который, правда, остался мертвою буквою. Хотели преобразовать и Государственный совет, и Сенат, и губернские учреждения, и из этого вышли указы, ничего не преобразовавшие. Самые важные и принесшие добрые плоды постановления были: указ о полюбовном размежевании и высочайшее повеление о составлении свода законов.

Дело, в котором я принял в то время прямое и довольно сильное участие, было составление Общего устава для лютеранских церквей[11] в империи. Образован был комитет из одного епископа (с.-петербургского), четырех суперинтендентов[12], четырех светских председателей консисторий[13] и двоих членов-делопроизводителей – одного для немецкой редакции ст⟨атского⟩ сов⟨етника⟩ Лерхе и одного для русской редакции – меня. Председателем был назначен сенатор граф Тизенгаузен. Комитет работал две зимы, имел около сотни заседаний и наконец представил свой проект устава. Тут в первый раз пришлось мне иметь дело с остзейцами, с их привилегиями и с их партикуляризмом[14]. Они видели, что в их порядках многое плохо, что существование в трех провинциях и на острове Эзеле различных церковных правил относительно одного и того же предмета более чем неразумно и неудобно и что необходимы обобщения и изменения; но каждый отстаивал свое, ссылаясь на свои привилегии. Председатель всячески старался привести членов к единогласию, но почти все решения утверждались большинством голосов. И странно было то, что протестантское духовенство[15] оказывалось менее упорным, чем светские члены консистории и особенно ландраты[16] Мандель и Кампенгаузен. Не раз приходилось мне крепко отстаивать желания правительства, клонившиеся к объединению постановлений для протестантских церквей в империи. Всего противнее для остзейцев была мысль об учреждении в Петербурге генеральной консистории для всех протестантских церквей России. Однако и эта мысль прошла в комитет хотя при самом слабом большинстве и при самом сильном давлении со стороны председателя и главноуправляющего Блудова. Некоторые члены сказались больными. Ландраты, эстляндский – Мандель и лифляндский – Кампенгаузен были в бешенстве. Устав этот был рассмотрен в Государственном совете, одобрен с незначительными изменениями, высочайше утвержден и распубликован. За труды мои по этому делу я был произведен в коллежские асессоры.

Эта полученная мною награда заслуживает особого рассказа. Д.Н. Блудов не раз прежде представлял меня к наградам; но император постоянно меня вычеркивал и однажды даже сказал Блудову: “C’est un mauvais homme; je vous conseille d’être sur vos gardes avec lui”*. В настоящем случае Блудов написал обо мне

* “Это дурной человек; я советую вам быть с ним осторожным” (*фр.*).

такой доклад, что мне совестно было его читать. На основании его следовало меня произвести не в следующий чин, а прямо в статские советники. Д.Н. Блудов закусил удила и поехал во дворец с твердою решимостью отстоять свое представление. Император был в добром духе, прочел доклад, усмехнулся и сказал: "Видно, ты этого очень желаешь, изволь, но ты мне за него отвечаешь". Блудов поклонился и отвечал: "Вполне принимаю ответственность за представляемого мною Кошелева".

Во время моего служения у Блудова мне пришлось месяца три или четыре быть под начальством Д.В. Дашкова. Блудов, уезжая за границу, с высочайшего соизволения передал своему другу Дашкову свои обязанности как по Главному управлению духовными делами иностранных исповеданий, так и по Преобразовательному комитету. Вследствие этого я должен был по отъезде Блудова явиться к исправляющему его должность. Являюсь; докладывают обо мне: "просит подождать". Жду час, два; снова докладывают и снова "просит подождать". Наконец уже 2-й час; я прошу вновь доложить и в ответ получаю: извиняется, что сегодня не может принять. Ухожу с твердым намерением не возвращаться к нему, пока сам он за мною не пришлет. Проходит три, четыре дня, и является ко мне курьер с приглашением к министру. Иду; Дашков тотчас меня принимает и до возвращения Блудова я почти не выходил из его кабинета. Тут я имел случай довольно коротко узнать этого даровитого, истинно государственного человека. Он был по природе очень застенчив; а потому не любил новых людей и всячески избегал официальных приемов. Поэтому и меня он не решился принять в первый раз, когда я к нему являлся. Вообще он не отличался деятельностью и трудолюбием; напротив того, он был ленив и дела любил откладывать до завтра; но когда необходимо было чтó сделать, то он работал и день и ночь без устали. Взгляд его на дела был светлый и обширный. Во время моего при нем нахождения ему необходимо было перед отъездом государя представить ему доклад об устройстве княжеств Молдавии и Валахии. Он принялся за работу вечером, проработал всю ночь и весь день, и в следующую затем ночь работа была готова. Доклад был великолепный: на 10–12 листах мелкого письма почти не было помарок и одно последовательно вытекало из другого. Не помню, в каком именно году был с Дашковым очень замечательный случай. По высочайшему повелению Сенат как верховный суд судил поляков из западных губерний за участие в каком-то заговоре. По недостаточности улик Сенат оправдал обвиненных. Император Николай был этим весьма недоволен и приказал дело это перенести в Государственный совет. Дашков как министр юстиции в оправдание решения Сената произнес прекрасную речь, и большинство Совета, за исключением князей Чернышева и П.М. Волконского, утвердило приговор Сената. Император в негодовании возвращает дело в Государственный совет с замечанием: Сенат, придерживаясь буквы закона, мог оправдать обвиненных, но Государственный совет должен был руководствоваться государственными соображениями, а потому рассмотреть ему это дело вновь, с государственной точки зрения. Дашков опять произносит речь в Совете, который, за исключением двоих вышепоименованных членов, остается при прежнем решении.

Журнал Совета отправляется к государю, который, вопреки своему обычаю, держит этот журнал почти две недели и возвращает с утверждением мнения большинства. Дашков во все это время не имел доклада у государя; но по накопившимся делам ему необходимо было испросить у императора личный доклад. Час доклада назначается, и Дашков, отправляясь во дворец, думал возвратиться оттуда уже частным человеком. Государь принимает его очень милостиво и говорит: "Ну, Дашков, мы с тобою поспорили, но я надеюсь, что это нашей дружбе не повредит". Этот рассказ мною слышан от самого Дашкова.

Много в Петербурге я ездил в общество, был почти со всеми знаком, играл в карты, но особенную отраду находил в посещении двух домов – Константина Яковлевича Булгакова и Екатерины Андреевны Карамзиной[17], вдовы историографа.

Прежде чем говорить об этих двух домах, не могу не сказать несколько слов о том, что я чуть-чуть не сделался полным картежником. Петербургская жизнь содержала в себе мало животворного и очень располагала к пользованию всякими средствами нескучно убивать время. Мои петербургские приятели гр. Медем, Бальис, Фонтен и некоторые другие очень любили играть в карты, а именно в экарте[18]. Умеренно в молодости я ничем не мог заниматься. Начавши играть в карты, я к ним пристрастился и считал почти напрасно прожитым тот день, в который мне не удавалось играть в карты. Это препровождение времени превратилось вскоре в страсть, и мы проводили вечера и даже ночи за картами, так что иногда прямо из-за карточного стола поутру, напившись чаю, отправлялись на службу. К счастью моему, я как-то занемог и дня два оставался один. Письма Киреевского, беседы с Одоевским, Хомяковым и некоторыми другими друзьями и собственное неудовлетворение ведомою мною жизнью заставили меня опомниться, и я решился более в карты не играть. Вскоре приятели мои, узнавши о моей болезни, посетили меня, потребовали карт; они были им тотчас поданы, но сам я играть не сел. Приятели мои сперва не верили моему решению, посмеялись над ним, всячески завлекали меня в игру, но я устоял на своем и до отъезда моего из Петербурга более карт в руки не брал. Впоследствии в Москве я играл в вист[19] по малой игре, но вскоре это мне надоело, и я совершенно и навсегда отказался от карт.

В доме Булгакова с самого начала моего пребывания в Петербурге я был принят как свой. Жена К.А. Булгакова, волошанка, не была особенно привлекательна ни разговором, ни обхождением[20], но он был весьма добр, умен и умел сосредоточить в своем доме все, что было замечательного в Петербурге в административном и общественном отношении. Он был со всеми в самых лучших отношениях, делал очень много добра, помогал и советами, и заступничеством, и особенно любил молодых людей, которые у него были, как у себя дома. Тут я познакомился с гр. Каподистрия, с маркизом Паулуччи, с гр. Матушевичем и другими знаменитостями того времени. Хотя Булгаков был только почт-директором, однако личный его авторитет в Петербурге был таков, что его ходатайства уважались всеми министрами, и когда он хотел кому помочь, то всегда достигал своей цели. Он умел сделаться необходимым для самих министров: не все

они были между собою в хороших отношениях, а между тем все часто имели друг в друге надобность, а потому Булгаков был между ними посредником, и притом посредником всегда удачным. Чрез Константина Яковлевича я узнал, почему император Николай был ко мне нерасположен и считал меня un mauvais homme*. Гр. Бенкендорф, управлявший тогда 3-м отделением собственной канцелярии, по просьбе Булгакова пригласил меня к себе и показал мне разные обо мне собранные сведения и в особенности перехваченное на почте письмо Киреевского ко мне[21], которое было совершенно ложно истолковано и даже вполне извращено. Киреевский в своем письме говорил о необходимости революции в нашем умственном и нравственном быте; а тайная полиция вообразила или с умыслом представила, что тут идет речь о революции политической, к которой душевно расположен был писавший, а равно и тот, по заключению 3-го отделения, к кому было написано письмо. А как Николаю Павловичу постоянно чудилась революция, то этот донос и крепко засел ему в голову.

В доме Е.А. Карамзиной собирались литераторы и умные люди разных направлений. Тут часто бывал Блудов и своими рассказами всех занимал. Тут бывали Жуковский, Пушкин, А.И. Тургенев, Хомяков, П. Муханов, Титов и многие другие. Вечера начинались в 10 и длились до 1 и 2 часов ночи; разговор редко умолкал. Сама Карамзина была женщина умная, характера твердого и всегда ровного, сердца доброго, хотя, по-видимому, с первой встречи, холодного. Эти вечера были единственные в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски[22].

На вечерах у Е.А. Карамзиной познакомился я с девицею Россети и страстно в нее влюбился. Мы виделись с нею почти ежедневно, переписывались и наконец почти решились соединиться браком. Меня тревожила ее привязанность к большому свету, и я решился написать к ней с изъяснением страстной моей к ней любви, но и с изложением моих предположений насчет будущего. Я все изложил откровенно; и она ответила мне точно так же; и наши отношения разом и навсегда были порваны**. Несколько дней после того я был совершенно не способен ни к каким занятиям; ходил по улицам как сумасшедший, и болезнь печени, прежде меня мучившая, усилилась до того, что я слег в постель. Доктора сперва разными лекарствами меня пичкали и наконец объявили, что мне необходимо ехать в Карлсбад.

Д.Н. Блудов выхлопотал, конечно, не без большого труда, дозволение мне ехать за границу, потому что в это время, вследствие Июльской революции во Франции и последовавших затем беспорядков и возмущений в Польше и Германии[23], император почти никому не разрешал отъезда в чужие края. Я почти обрадовался усилению моей болезни; вполне предался мысли о заграничном путешествии; и в несколько дней все приготовления к отъезду были окончены.

---

* дурным человеком (*фр.*).

** Эта девица Россети впоследствии вышла замуж за Н.М. Смирнова и, по своему уму и любезности, сделалась известною в среде литературной и в высшем обществе Петербурга и Москвы.

Заканчивая рассказ о петербургской моей жизни, я считаю нужным сказать еще несколько слов о замечательных людях, с которыми я был там в сношениях. Особенно я любил В.А. Жуковского, который ко мне был очень расположен, вероятно, вследствие того, что друг его, Авд⟨отья⟩ Петр⟨овна⟩ Елагина, меня ему особенно рекомендовала. Чистота его души и ясность его ума сильно к нему привлекали. По вечерам я встречал у него Крылова, Пушкина, бар. Дельвига и других; беседы были замечательны по простоте и сердечности. Сам Жуковский, хотя жил в Петербурге и к тому же при дворе, поражал чистотою своей души. Пушкина я знал довольно коротко; встречал его часто в обществе; бывал я и у него; но мы друг к другу не чувствовали особенной симпатии.

Барон Дельвиг был умный и очень милый человек. С особенным удовольствием он, бывало, рассказывал один случай, бывший с ним как с издателем газеты[24]. Призывает его начальник 3-го отделения собственной его величества канцелярии гр. Бенкендорф и сильно, даже грубо выговаривает ему за помещение в газете одной либеральной статьи: бар. Дельвиг с свойственной ему невозмутимостью спокойно замечает ему, что *на основании закона* издатель не отвечает, когда статья пропущена цензурою, и упреки его сиятельства должны быть обращены не к нему, издателю, а к цензору. Тогда начальник 3-го отделения приходит в ярость и говорит Дельвигу: “Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться и ими оправдываться”. – Прелестный анекдот и вполне характеризовавший николаевские времена.

Глава IV. (1831–1832)

Поездка за границу. – Берлин. – Дрезден. – Веймар. – Знакомство с Гёте. – Франкфурт и Рейн. – Женева и лекции Росси. – Париж. – Лондон. – Лорд Morpeth. – Гр. А.Ф. Орлов. – Карлсбад. – Болезнь матери и возвращение в Москву.

В первых числах июня 1831 года, когда уже оказалась холера в Петербурге, отправился я в Любек на пароходе “Николай I”. Плавание наше было благополучно. Вид безбрежного моря, чувство нахождения между небом и бездонною водою и вообще новизна образа жизни на пароходе приводили меня в восторг; но особенно радовало меня то, что я покончил с Петербургом, с его суетами и дрязгами, что я удаляюсь от места, где в последнее время так много сердечно пространдал и что теперь как будто начинаю новую жизнь.

По прибытии в Травемюнде нас не спустили на землю и нам объявили, что так как в Петербурге холера, то мы должны остаться на пароходе в карантине семь дней. Начались переговоры, и державный Сенат г. Любека наконец разре-

шил нам nach purification* сойти на землю. Нам предложили ванны и обкуривание наших вещей, на что мы охотно согласились, и в тот же день к обеду сошли на землю немецкую. Несмотря на сильные боли в печени, вид иностранного, хотя и маленького, города и многого другого, чего я прежде не видывал, произвел на меня сильное впечатление. Мысль, что я нахожусь в стране Канта, Шеллинга, Шиллера и Гёте[1], меня приводила в восторг. Мне все казалось замечательным, разумным, прекрасным. Самый немецкий обед в Травемюнде найден мною отменно вкусным, а гостиница по своим удобствам и чистоте – чуть-чуть не баснословною. Любек своеобразностью и древностью зданий чрезвычайно меня поразил: казалось мне, что я расхаживаю по древней Германии. Гамбург, его отели и Jungferstieg меня очаровали. В первый же день я обежал чуть не весь Гамбург, и хотя к вечеру чувствовал крайнюю усталость, однако едва ли не последний ушел с Jungferstieg'а. Из Гамбурга отправился в Берлин. Даже тихая езда немецкого Eilwagen'а** меня не сердила; напротив, я был доволен, что могу все рассматривать и многим любоваться. Берлин произвел на меня неприятное впечатление: он напомнил мне Петербург своими правильными и однообразными улицами. Я посетил лекции Шлейермахера, Ганса, Савиньи и некоторых других немецких ученых знаменитостей. Эти трое поименованные ясностью изложения и взгляда на преподаваемые предметы произвели на меня глубокое впечатление. Шлейермахер говорил так просто, с таким глубоким убеждением и с такою задушевностью, что производил на слушателей самое сильное действие. Ганс живостью своей речи и пламенностью своего воображения всех очаровывал, и хотя преподавал юридические науки и был противником всеми уважаемого Савиньи и исторической школы, однако сумел приобрести многочисленных и горячих сторонников и учеников и пользоваться между и над ними сильным авторитетом. Савиньи привлекал слушателей изящностью своего изложения, обширною ученостью и глубоким смыслом своих соображений.

Хотя в Берлине мне было вовсе нескучно, напротив того, мне хотелось все осмотреть и послушать поболее лекций в университете; однако время бежало, и мне необходимо было спешить в Карлсбад. Из Берлина я поехал в Лейпциг, где пробыл недолго. Тут был со мною очень забавный случай. Я пошел в театр и, как русскому подобает, взял самое дорогое место в ложе, заплативши за него целых 20 грошей. Сперва сижу один; потом входит в ложу старичок и отвешивает мне почтительный поклон, затем входит другой человек не старых, но вполне зрелых лет. Они раскланиваются очень вежливо и в разговоре беспрестанно величают друг друга титулом Hoheit (высочество). Оказалось, что я сидел в обществе владетельных принцев.

Из Лейпцига я отправился в Дрезден, где любовался и картинною галереею и музеями и Брюловскою террасою[2], и не знаю, что не возбуждало моего восторга. Прежде отъезда из Дрездена я решился посетить Саксонскую Швейца-

---

* после очищения, дезинфекции (*нем., фр.*).

** скорого дилижанса (*нем.*).

рию. Рано утром отправился я из города пешком и на дороге захожу в королевский увеселительный замок Pilnitz. Вхожу в сад, иду на одно возвышение, откуда чудный вид на окрестности, и тут, найдя одного старца, сидящего на скамье, почтительно ему кланяюсь. Вступаем в разговор, и я высказываю сожаление, что не мог получить дозволения на осмотр замечательной крепости Königstein; говорю, что обращался по этому предмету с просьбою к нашему посланнику, но что он мне советовал не настаивать на этом, потому что саксонское правительство неохотно дает такие разрешения. Старец нашел, что русский посланник несправедливо отозвался насчет саксонского правительства, спросил мою карточку и предложил мне выслать в Königstein желаемое дозволение. С благодарностью принял это предложение, раскланялся и ушел. Тут же в саду мне удалось узнать, что мой собеседник был сам король Саксонский[3]. Четыре дня я провел в Саксонской Швейцарии, и наслаждениям моим не было границ. Когда я пришел в Кёнигстейн, то позволение для осмотра крепости было уже там получено, и сам комендант мне все показывал. Это такая крепость, которую взять невозможно, ибо она стоит на неприступном со всех сторон утесе, и ее можно только голодом принудить к сдаче. Особенно замечателен тут колодезь, чрезвычайно глубокий и дающий отличную воду.

Из Дрездена через Теплиц я поехал в Карлсбад, где и поселился на Alte Wiese* в доме zum roten Herz**. Тут пил я сперва Mühlbrunnen, потом Neubrunnen и наконец жгучий Sprudel[4]; брал я ванны и много ходил по горам. Это лечение оказалось для меня животворным, и я с каждым днем чувствовал себя все лучше и лучше. В Карлсбаде я пробыл семь недель и выехал оттуда почти совершенно здоровым, обещая следующим летом туда возвратиться для упрочения полученного исцеления.

Из Карлсбада я направился на Веймар, куда газеты и другие публикации сзывали поклонников Гёте на открытие памятника, ему воздвигавшегося в тамошней публичной библиотеке. Предполагалось поставить там сделанный известным французским ваятелем Давидом *бюст Гёте* и совершить это торжество 28-го августа в 82-ю годовщину от рождения великого поэта[5]. Я приехал в Веймар накануне этого дня, твердо уверенный, что в этот день, наверное, сподоблюсь счастия лицезреть *Гёте* и тем удовлетворить давнишнему желанию увидеть наконец своими глазами того великого человека, которого творения меня и друзей моих приводили в восторг. Вышло, однако, вовсе не так. Гёте за два дня до этого торжества уехал из Веймара, опасаясь слишком сильных ощущений от этого празднества. Я присутствовал при церемонии открытия бюста, был представлен великой княгине Марье Павловне, участвовал в обеде, данном по подписке, и был приглашен на вечер к великой княгине. И она и герцог были очень любезны; тут я видел цвет веймарского общества. Вечер показался мне очень оригинальным. Когда все собрались, тогда герцог и великая княгиня

---

* Старом лугу (*нем.*).

** у красного сердца (*нем.*).

вышли очень торжественно, сказали каждому несколько слов и затем раскланялись. Я думал, что вечер тем и кончился, а потому собирался уезжать; но наш посланник гр. Санти меня остановил и объяснил, что кончилось только представление и начинается вечер. Вечер был совершенно запросто, и великая княгиня была приветлива, мила и обязательна донельзя. Главным предметом разговора был, разумеется, Гёте. Великая княгиня познакомила меня с другом Гёте канцлером Мюллером и поручила ему представить меня Гёте, как скоро он возвратится. Отсутствие его продолжалось 10 дней; и в это время я был несколько раз приглашен и к обеду и на вечер в Бельведерский дворец. И герцог и великая княгиня были постоянно весьма любезны; а однажды их любезность дошла до того, что после обеда они пригласили меня остаться у них и на вечер, а чтобы мне не ехать в город и оттуда не возвращаться, они поручили своему сыну, ныне царствующему герцогу[6], тогда 13-летнему юноше, вместе с его попечителем показать мне парк, оранжереи и теплицы и занять меня до вечера.

Наконец возвратился Гёте в Веймар, и я тотчас получил от канцлера Мюллера приглашение посетить Гёте на следующий день в 11 часов утра. Не могу выразить, с каким трепетом я приближался к дому Гёте, входил на его крыльцо и наконец позвонил. Служанка, вышедшая ко мне навстречу, тотчас пригласила меня войти, указала мне гостиную, а сама пошла докладывать обо мне хозяину. Стены комнаты, в которую я вошел, были увешаны картинами и гравюрами, а в углах стояли статуи-антики. Я еще не успел осмотреться, как отворилась дверь из кабинета и вошел Гёте. Хотя лицо его мне было весьма известно из множества портретов, мною виденных, однако глаза живого Гёте и выражение его лица меня поразили. Когда мы сели, то Гёте тотчас начал говорить о великой княгине, о счастии Веймара, обладающего таким сокровищем, и пр. Потом он заговорил о великом нашем императоре, о могуществе России и пр. Мне хотелось навести Гёте на предмет более интересный, а потому позволил себе маленькую ложь, сказавши Гёте, что Жуковский ему кланяется. “Ах, – подхватил Гёте, – как счастлив действительный статский советник фон Жуковский, имея лестное поручение заботиться о воспитании наследника всероссийского престола[7]”. Дальнейший разговор продолжался в этом же смысле, и я ушел более чем разочарованный.

На следующий же день я хотел уехать из Веймара, откланявшись поутру великой княгине и герцогу; но рано утром я получил от Гёте записку, которою он приглашал меня к себе на вечер. Нельзя было не принять приглашения; и я был вполне вознагражден за неприятное утро, проведенное у Гёте. Гостей было немного: канцлер Мюллер, живописец Мейер и еще человека три или четыре. Ни о великой княгине, ни о русском императоре не было и помина. Разговор весь был литературный. Гёте жаловался на то, что политика и реализм убивали всякую изящную литературу и искусство и что последние в их нынешнем положении, не имея возможности ни прямо переделать людей, ни подчиниться их временным требованиям, должны стать на высшую точку, открыть или указать людям иной, новый мир и покорить их силою новых мыслей. Мейер говорил также очень умно. В $10^3/_4$ часов канцлер Мюллер встал и тем

подал сигнал к отъезду. Я простился с Гёте и на другой же день отправился в Франкфурт-на-Майне*.

Тогдашний Франкфурт, как и почти все немецкие города, переносили меня в средние века, и я находил особенное удовольствие бродить по городу особенно вечером. В Франкфурте я осмотрел все достопримечательности: собор, Кайзер-зал, Данекерову "Ариадну"[8] и пр. и поспешил на Рейн. На пароходе отправился я до Бибриха, увеселительного замка герцога Нассауского[9], а оттуда, напившись кофе на великолепной герцогской террасе, я отправился пешком, с сумкою на плечах, то по одной, то по другой стороне Рейна. Это путешествие от Майнца до Кобленца, продолжавшееся семь дней, оставило мне на всю жизнь самые приятные воспоминания. Великолепное положение Иоаннисберга, Бахарахт с своими развалинами, Рейнштейн, Штольценфелз, Кауб с своею средневековою башнею и вообще красивые берега реки навсегда сохранились в моей памяти, и всегда мне было отрадно их увидеть. Эта неделя пешего хождения была едва ли не богатейшею в моей жизни по воспоминаниям и наслаждениям. Тут я также развил и утвердил свои сведения относительно рейнских вин, ибо за обедом и ужином выпивал по полубутылке, а иногда и по целой бутылке лучшего местного вина.

С берегов Рейна чрез Страсбург я отправился в Швейцарию. Великолепный собор в Страсбурге с чудною башнею и французская обстановка жизни меня так заинтересовали, что я там остался три дня. Затем любовался падением Рейна при Шафгаузене, исходил пешком Обер-Ланд и в дилижансе доехал до Лозанны, где, после несколькодневного пребывания, сел на пароход и прибыл на зимовье в Женеву.

Тут я нашел огромное русское общество, потому что пребывание в Париже русским в этом году (1831–1832) было воспрещено. Я поселился в верхнем городе в качестве нахлебника в одном очень хорошем семействе, г. де Карро. Он, жена и дочери его (довольно пожилые) были и умны и любезны. Они познакомили меня с лучшими домами в Женеве. Тут не раз беседовал я с знаменитым ботаником Декандолем, с химиком Деларивом, с филеллином Ейнаром и особенно часто с даровитым криминалистом и политикоэкономом Росси, который впоследствии был пэром Франции и наконец первым министром в Риме во время либерального порыва Пия IX[10]. Русское общество в эту зиму было в Женеве очень многочисленно; были полдюжины Нарышкиных, столько же, коли не больше, князей и княгинь Голицыных и много разного калибера военных, статских и отставных русских. Из женщин особенно замечательна и интересна была Марья Антоновна Нарышкина, которая и тут не могла еще забыть роли, которую она играла в Петербурге по милости связи своей с императором Александром I. Тут встретил я и старых приятелей С.П. Шевырева с его воспитанником кн. Александром Волконским[11] и С.А. Соболевского. Зиму провели мы очень приятно и весьма полезно. Все утра

---

* До сих пор было мною написано в 1870 году; затем долго я не писал. Погодин, гостивший у нас в деревне осенью 1872 года, прослушавши мною написанное, уговорил меня продолжать записки, и я принялся опять за них 20 октября 1872 года.

посвящены были слушанию лекций отчасти в академии, а отчасти на дому у профессоров. Мы слушали ботанику у Декандоля, химию у Делярива, уголовное право и уголовное судопроизводство у Росси. Сверх того, мы слушали у сего последнего публичные лекции о швейцарской истории и частные, только для нас восьми человек предназначенные, за особую плату, о государственном и международном праве. Лекции этого италианца на французском языке приводили нас в восторг. Он излагал свои мысли чрезвычайно ясно, последовательно и заключительно, рассказывал события необыкновенно живо и заинтересовывал нас так, что часы казались нам получасами. Росси полюбил нас, а мы его; и его частные для нас лекции нередко продолжались не час, а два и даже три часа. Этот человек развил во мне много новых мыслей и утвердил во мне *настоящий либерализм*, который, к сожалению, у нас редко встречается, ибо в среде наших так называемых либералов по большей части встречаются люди, проникнутые западным доктринерством и руководящиеся чувствами и правилами скорее деспотизма, чем истинного свободолюбия и свободомыслия. Этому доброму на меня влиянию знаменитого Росси я весьма многим обязан по деятельности моей и по делу освобождения наших крепостных людей и по управлению делами в Царстве Польском.

Зима 1831–1832 года посреди прилежных утренних занятий и живых вечерних развлечений прошла так быстро, что наступил апрель как бы неожиданно. Тогда русские начали разъезжаться, и я решился хотя заглянуть в Париж.

При этом переезде случились со мною два довольно забавные приключения. При въезде во Францию и при предъявлении на границе моего русского паспорта меня приняли, не знаю почему, за поляка, ищущего убежища во Франции после взятия Варшавы русскими[12]. Французский пограничный чиновник, с свойственною его нации emphase*, приложа руку к козырьку, отвесил мне следующую фразу: "Trop heureux, Monsieur, de recevoir chez nous les glorieux restes de l'héroïque nation polonaise"**, и без осмотра пропустил мои вещи.

Другой случай был еще забавнее. Приезжаю я в Лион, останавливаюсь в гостинице и иду обедать за table d'hôte***. Вижу, что шампанское льется рекою и пьют за здоровье кн. Ливена, "перешедшего из русской армии в ряды свободолюбивой Польши". Не замедлили и мне предложить шампанского, но я от него отказался. Тогда французы с криком обращаются ко мне: "Comment, Monsieur, vous ne voulez pas boire à la santé du prince de Liven, qui, des rangs de l'armée russe, a passé dans ceux de l'héroïque nation polonaise?"**** Я отвечаю им: "Je ne bois pas à la santé d'imposteurs. Je connais tous les princes Liven, et je sais qu'aucun d'eux n'a déserté les rangs de l'armée russe"*****. Поднимается страшный крик; подходят ко мне с разными угрожающи-

* напыщенностью (*фр.*).

** "Очень счастлив, месье, принять у нас славные остатки героической польской нации" (*фр.*).

*** общий стол (*фр.*).

**** "Как, месье, вы не хотите выпить за здоровье князя Ливена, который из рядов русской армии перешел в ряды армии героической польской нации?" (*фр.*).

***** "Я не пью за здоровье самозванцев. Я знаю всех князей Ливенов и не знаю никого из них, кто дезертировал бы из рядов русской армии" (*фр.*).

ми речами и ухватками; но в это время выдававший себя за князя Ливена скрывается. Французы вскоре это замечают, и бокалы шампанского поднимаются уже в честь мне. Этот случай на другой же день был рассказан в лионских журналах, и этот рассказ перепечатан в парижских газетах.

Как Париж в то время был для русских запрещенным плодом и как я тогда числился на службе по Министерству иностранных дел, то по приезде в Париж я счел долгом немедленно явиться к нашему послу графу Поццо ди Борго и сказать ему, что я только проездом в Лондон и останусь в Париже не более трех дней. Посол принял меня очень любезно, позвал меня к себе обедать и сказал, что я могу здесь оставаться столько времени, сколько мне угодно. Я очень обрадовался этому позволению и решился пожить в Париже сколько возможно.

В продолжение моего пребывания в Париже я часто был приглашен на обед к гр. Поццо ди Борго, и его беседы за столом и в послеобеденное время были чрезвычайно интересны. Он вовсе не был закупоренным дипломатом и говорил обо всем весьма свободно и охотно; ум его был столько же жив, сколько и глубок; и эти беседы могли считаться почти лекциями о современных событиях. Как этот государственный человек выше Нессельроде и комп⟨ании⟩.

Имевши письмо от Росси к герцогу Броли, я не замедлил к нему отправиться. Он пригласил меня к себе на вечера по четвергам. Тут в первый же вечер я познакомился с Гизо, Кузенем, Вилменем, Мишле и другими замечательными людьми. Тут также впоследствии я познакомился с молодым Тиером. Эти вечера были для меня так интересны, что я не пропускал из них ни одного и уходил домой одним из последних. Черноволосый, с пламенными глазами и увлекательною речью Кузен, всегда спокойный, рассудительный и красноречивый Гизо и живой, многоречивый и разнообразием своих сведений поражающий Тиер были для меня особенно интересны, и я старался их всего более слушать. Сам хозяин дома был человек высокого ума, пользовался большим авторитетом в обществе и принимал гостей чрезвычайно любезно. На этих вечерах не было дам, и все чувствовали себя как дома.

Я посещал и лекции и театры, осматривал достопримечательности Парижа; и часто приходилось жалеть, что дни заключали в себе мало часов. В конце мая, когда я располагал отправиться в Лондон, гр. Поццо ди Борго предложил мне туда курьерскую экспедицию. Я с радостью принял это предложение, потому что пребывание в Париже причинило сильный ущерб моему кошельку.

В Лондоне я пробыл месяц. Кроме осмотра достопримечательностей этой столицы, я как дипломат, т.е. как служащий по Министерству иностранных дел, имел случай посещать дома высшего английского общества. Тут познакомился я с разными знаменитостями того времени – с лордами Греем, Пальмерстоном и др. Англия особенно интересовала меня по своей конституционной жизни, и я часто посещал парламент. Один случай английской вежливости меня особенно поразил. Однажды, придя к дверям парламента, я обратился к знакомому мне коммонеру[13] лорду Морпефу (Morpeth) с просьбою ввести меня в нижнюю палату. Он очень охотно исполнил мое желание; а впоследствии я узнал, что в этот день он должен был внести предложение в пользу поляков; но, введя русского, он счел уже непри-

личным делать такое предложение и передал это motion* другому. Скажите, какой француз или немец из подобной причины откажется от приготовленной им речи? Да и сами англичане в этом отношении не пошли ли назад?

Во время моего пребывания в Англии совершилось одно великое событие, которого мне удалось быть свидетелем. В июне 1832 года наконец прошел в палате лордов знаменитый reform bill[14]. Я был там в этот день и имел случай любоваться если не красноречием англичан, ибо для этого я недостаточно знал их язык, то их tenue**, т.е. торжественностью их обстановки, серьезностью их речей и порядком, господствовавшим в заседании. 7-го июня биль был утвержден королевскою властью, и народная радость была всеобщая.

Не могу не рассказать одного случая, бывшего со мною в Лондоне и делающего великую честь одному из наших главных сановников прошлого царствования. Приезжает в Лондон в качестве чрезвычайного полномочного посла по бельгийским делам граф А.Ф. Орлов. Мы надеваем мундиры и являемся к нему. Со всеми нами он тут только знакомится; он был очень обходителен, прост и любезен. В этот же день мы, русские, обедали у гр. М.С. Воронцова, приехавшего навестить своего отца, который постоянно жил в Лондоне[15]. За обедом было человек около двадцати, все русские, и разговор был очень оживлен. Гр. Орлов обращается к советнику посольства Кокошкину и спрашивает его: "Не хочешь ли ты также с нами туда ехать?" Кокошкин очень почтительно отвечает: "С большим удовольствием, Ваше сиятельство". Меня это покоробило, и я говорю своему соседу, секретарю посольства Ломоносову: "Ну, как он и нас тыкнет?" Едва я успел это сказать, как Орлов обратился ко мне с словами: "А ты?" Я ему ответил: "С тобою я охотно всюду поеду". Внезапно воцарилась мертвая тишина, и хозяин дома поспешил завести иной разговор. Я же подумал про себя: "Случай с Нессельроде надломил мне шею; нынешний ее доломает и, пожалуй, даст императору Николаю утешение сказать: прав я был, когда говорил о Кошелеве: c'est un mauvais homme***". Обед кончился; Орлов подходит ко мне и очень любезно мне говорит: "Так завтра я вас жду, и мы вместе поедем". С этого дня мы были неразлучны: вместе осматривали главные достопримечательности Лондона, а иногда и обедали в тавернах. В одну из наших бесед гр. Орлов мне рассказал с величайшими подробностями, как ему удалось легко усмирить бунт в новгородских военных поселениях[16]. Император Николай непременно хотел, чтобы он отправился туда с достаточными войсками; но Орлов настаивал на том, чтобы ему дозволено было ехать туда одному с адъютантом. Наконец император согласился. Орлов поскакал туда в коляске; собирал по разным местам бунтовавших поселян и своими речами привел всех в раскаяние, и они на коленях, со слезами, просили прощения. – Проходит несколько лет, я приезжаю в Петербург и как откупщик являюсь в Сенат. Граф Орлов, как только обязанности председателя позволяют ему оставить свое кресло, подходит ко

* предложение (*англ.*).
** манерой держаться (*фр.*).
*** это дурной человек (*фр.*).

мне, вспоминает, как хорошо мы проводили время в Лондоне, и зовет меня к себе. В 1849 году, когда почти никому не выдавали заграничных паспортов и когда московский генерал-губернатор гр. Закревский мне отказал в выдаче такового, я вздумал обратиться к графу Орлову с просьбою помочь мне в получении паспорта, необходимого мне для поездки за границу по причине тяжкой болезни моей жены[17]. Через неделю я получил от гр. Орлова ответ, в котором он меня уведомляет, что докладывал о моей просьбе государю императору и что последовало высочайшее разрешение на выдачу заграничного паспорта мне с женою, детьми и находящимися при мне лицами. О графе, возведенном впоследствии в княжеское достоинство, А.Ф. Орлове я сохранил навсегда самое отрадное воспоминание и с великим удовольствием рассказываю об его в отношении ко мне действиях. К сожалению, мало у нас таких сановников: большая часть из них только и ищет, как бы молодых людей, особенно мало угодливых, пригнуть и придавить.

Из Лондона в самом конце июня я отправился в Карлсбад для окончательного излечения моей печени. Тут случилось со мною романтическое приключение. Познакомился я с одною полькою, гр. С. Она была красива, умна, любезна, одним словом, обворожительна и жила в разводе с мужем. Я влюбился в нее по уши, и мы вместе проводили все время дня и строили самые завлекательные планы ехать вместе в Италию, поселиться на зиму в Венеции, жить вместе и наслаждаться друг другом, забывая весь остальной мир. Но не суждено было этому исполниться. Я получил из Москвы письмо о сериозной и даже опасной болезни моей матушки, которую я страстно любил. Чувствовал, что если бы я сказал об этом моей графине, то я не в силах был бы исполнить своей обязанности и своего намерения тотчас ехать в Россию. А потому я объявил, что еду до Дрездена по неотложному делу, что тотчас возвращусь и что немедленно вместе мы отправимся в Италию. Действительно, я поехал в Дрезден; оттуда написал нежнейшее письмо с сообщением известия об опасной болезни моей матери и с обещанием вскоре вернуться из России и ее отыскать в Италии. Сим заканчивается роман, и мы более уже никогда не встречались. Чрез несколько лет я узнал, что она скончалась.

На возвратном моем пути в Россию был со мною забавный случай. Приехал я под вечер один в коляске на какую-то почтовую станцию одной из наших западных губерний. Начальник станции советовал мне у него переночевать, ибо приходилось мне далее ехать лесами, где часто бывают грабежи и убийства. Как после польского мятежа, только что усмиренного[18], много по лесам блуждало разбойников, которые нападали на путешественников и их обирали и даже умерщвляли, и как слухи об этом всех приводили в трепет, то начальник станции считал долгом предупреждать проезжих и советовать им вечером не пускаться в путь. Я очень торопился, и пуще всего мне противно было показаться как бы трусом. Я велел скорее закладывать лошадей и отправился в путь. Как только мы въехали в лес, то почтарь или ямщик заиграл на своем рожке, и не замедлили двое верховых явиться и поздороваться с ним на не известном мне языке (по-польски). Это мне показалось что-то подозрительным, и я извлек из

своей палки меч, желавши, по крайней мере, не без боя сдаться разбойникам. Вскоре однако я заснул, и когда приехали на станцию, то меня разбудили. Тут я узнал, что эти двое, которых я принял за разбойников, вызванных моим почтарем, были сторожа, обязанные провожать путешественников. Как часто ложные страхи задерживают наши действия и служат к усилению ложных слухов.

Глава V. (1833–1834)

Служба в Московском губернском правлении.

По приезде в Москву я нашел матушку уже выздоравливающею. Мы провели остаток лета в подмосковной, а на зиму возвратились в Москву. Здоровье мое совершенно поправилось, и зиму провели мы очень приятно с друзьями моими Киреевскими, Хомяковым, Свербеевыми[1], Баратынским (поэтом) и другими старыми и новыми приятелями. В течение зимы я познакомился и довольно близко сошелся с московским генерал-губернатором, всеми любимым и уважаемым кн. Д.В. Голицыным, который стал уговаривать меня поступить советником в Московское губернское правление, в которое ему уже удалось поместить очень порядочных людей. В феврале (1833) я поехал в Петербург, и Блудов очень мило и настоятельно побуждал меня возвратиться к нему на службу. Я забыл прежде сказать, что из-за границы я должен был послать просьбу об увольнении меня от службы; ибо, по законам, не могли мне дать нового, т.е. третьего отпуска. Раздумье мое было сильнейшее: мне очень хотелось возвратиться на службу к Д.Н. Блудову, который в то время был уже министром внутренних дел; а матушка, которой здоровье видимо слабело, уговаривала меня остаться в Москве. При этом раздумьи наступило лето, и мы уехали в подмосковную. Осенью (1833) получил я в деревне от Б.К. Данзаса, моего хорошего приятеля и близкого человека кн. Д.В. Голицыну, письмо, которым он приглашал меня от имени последнего приехать в Москву. Приезжаю; кн. Голицын объявляет мне, что открылась ваканция советника 1-го отделения губернского правления, и сильно убеждает меня поступить на эту ваканцию. Я не отказываюсь и не изъявляю согласия и прошу дать мне неделю на окончательное решение. – В Москве я остановился не в своем доме, а у Ив.В. Киреевского, который за отъездом матери и вотчима[2] в деревню оставался один во всем доме. На другой день после моего разговора с генерал-губернатором я получил от него бумагу, которой он меня уведомлял, что он дал предложение губернскому правлению о допущении меня к исправлению должности советника по 1-му отделению и что сам входит в Прав⟨ительствующий⟩ сенат об утверждении меня в этой должности. Что ж – окончательно отказаться или вступить в должность? Киреевский убеждал решиться на последнее; матушка, хотя и отсутствующая, сильно желала того же. Надел фрак и поехал к генерал-губернатору, объявя, что подчиняюсь его насилью. Это было 10-го октября 1833 года.

Я всегда и всем занимался страстно. В Петербурге в несколько месяцев я выучился английскому языку, так что мог бегло читать английские газеты и делать из них выписки. Там же я было сделался таким карточным игроком, что проводил несколько ночей сряду за картами. В Москве зимою 1832–1833 года случайно я зашел в tir Prevost* на Кузнецком мосту; тут знакомая молодежь уговорила меня выстрелить из пистолета; вместо цели я попал в потолок; это меня взбесило, и я дал себе слово сделаться отличным стрелком и до того не покидать пистолета. Почти целую зиму до отъезда в деревню я ежедневно выстреливал по сту зарядов и сделался одним из первых стрелков в Москве. Так и своими обязанностями советника я занялся с увлечением. Старался все узнать, все привести в порядок, и через шесть месяцев мое отделение было уже в отличном порядке. Товарищами моими по службе были В.В. Давыдов, А.Н. Васильчиков, Николев и старик Телезов. Я сблизился особенно с первым, который занимался службою усердно и благонамеренно. Второй мой товарищ был также человек умный, но слишком много занимался своими собственными делами и небрежно относился к делу служебному. Прочие два советника были чистыми чиновниками.

Во время моей службы в Московском губернском правлении были приключения довольно замечательные, которые стоят рассказа: они показывают, как в то время производились дела и представляют данные для определения характера как той эпохи, так и лиц, в оной действовавших.

Система наложения запрещений по долговым взысканиям была у нас прежде в крайнем, еще большем, чем ныне, беспорядке. Налагались запрещения в сенатских ведомостях, и при совершении купчих, закладных и других актов надобно было рыться во всей этой огромной массе напечатанной бумаги. А потому "учинение справок о запрещениях" было источником больших расходов для частных лиц и таких же доходов для приказных; и сверх того часто продавались и закладывались имения, на которых уже лежали запрещения. Всего более подобных актов совершалось в Москве: вследствие этого служивший тогда в Москве (кажется, в Сенате) П.В. Хавский (умерший в 1876 г.) подал генерал-губернатору кн. Д.В. Голицыну записку о необходимости составления свода запрещениям и алфавита к ним. Кн. Голицын, всегда расположенный на всякое доброе и полезное дело, принял это предложение и передал его в губернское правление с тем, чтобы оно распубликовало это распоряжение и всем присутственным местам Московской губернии и самому себе вменило в обязанность составить в годичный или двухгодичный срок свод запрещениям, наложенным каждым присутственным местом, с добавлением, что запрещения, не вошедшие в этот свод, должны считаться уничтоженными. Такое распоряжение нас поразило, и губернское правление ответило генерал-губернатору, что оно не считает себя вправе исполнить такое распоряжение и что это должно быть совершено законодательным порядком и не иначе как для всей империи. Генерал-губернатор настаивал на своем предложении; губернское правление, к крайнему прискор-

* тир Прево (*фр.*).

бию губернатора (Н.А. Небольсина), оставалось при своем мнении. Тогда кн. Д.В. Голицын вызвал к себе всех советников и уговаривал их не упрямиться; они доказывали ему незаконность и невозможность исполнения его требования. Как на основании тогда действовавшего учреждения о губерниях губернатор или генерал-губернатор, *председательствовавший* в губернском правлении, пользовался правом *приказывать*, и советники должны были исполнять полученное приказание, имея только право и обязанность донести о том Сенату, то кн. Голицын нам объявил, что на следующий день он будет в губернском правлении и займет председательское кресло. Действительно, на следующий день он к нам приехал, имевши при себе Хавского, и открыл прения по этому делу. Спорили много и долго; наконец кн. Голицын встал и сказал: "Вижу, господа, что вы правы; но я не покину своего намерения и войду с докладом к государю императору". Этот доклад и был поводом к разработке в Петербурге вопроса о составлении свода запрещений и разрешений.

В 1834 году (кажется, так) выгорела в Москве Рогожская часть; сгорело более тысячи домов; слух о поджогах был всеобщий. По высочайшему повелению была назначена комиссия для производства следствия по этому делу. Сам император приехал в Москву. Следствие производилось и днем и ночью. Уезжавши из Москвы, государь приказал по окончании следствия передать его в особо наряженный Военный суд, имевший окончить все судопроизводство в трое суток. Решение постановлено в назначенный срок и представлено к генерал-губернатору. Кн. Голицын вздумал не прямо утвердить решение или его не утвердить, а передать на предварительное заключение губернского правления. В 2 часа ночи меня будят и зовут в губернское правление. Надеваю мундир, еду туда и застаю уже там губернатора, тоже в мундире. Он объявляет нам генерал-губернаторское предложение, показывает дело, заключающееся в нескольких исписанных стопах бумаги, и требует, чтобы мы составили наше заключение по прочтении одного приговора и никак не позже, как через 12 часов. Мы читаем вслух приговор и убеждаемся, что без рассмотрения самого дела мы не можем по совести ничего сказать. Добрейший наш Н.А. Небольсин приходит в ужас, ибо он надеялся чрез несколько часов представить наше заключение и чрез то дать генерал-губернатору возможность тотчас утвердить решение и в тот же день, через особого курьера, донести о том государю императору. Убеждения и просьбы губернатора на нас не действуют, и мы объявляем, что готовы все вместе работать, разделить между собою труд и не расходиться до составления заключения. Мы принимаемся за дело, а губернатор в 9 часов утра отправляется к генерал-губернатору с горестным известием об упрямстве советников. Оттуда возвращается несколько успокоенный и вместе с нами сидит безрасходно 36 часов. Но тогда новый для него ужас. Военный суд приговорил девять или десять человек к наказанию, и из них, кажется, четверых к шпицрутенам до смерти; а мы, юристы-вольнодумцы, находим, что нет достаточных улик ни против одного из обвиняемых, и полагаем, что только четверых можно оставить, по тогдашним законам, в подозрении. Измученный 36-часовым сидением на председательских креслах, он падает в обморок. Пришедши в себя, он, почти рыдая, говорит:

"Господа, вы себя и меня губите. Поразмыслите об этом". Мы остаемся неумолимыми; подписываем наше заключение; и губернатор без своей подписи везет злополучную бумагу к кн. Голицыну. Через час нас всех требуют к генерал-губернатору. Он расспрашивает нас обстоятельно об деле, благодарит за добросовестное исполнение возложенного на нас поручения и говорит, что воспользуется нашим заключением, насколько это будет для него возможно. Генерал-губернатор не взял на себя утверждения приговора и представил об этом государю. Ни один человек не был наказан до смерти; четверо подверглись более или менее тяжкому наказанию, а остальные оставлены под подозрением.

Дворянские собрания во время оно были несколько живее, чем теперь, и если они не оказывались плодотворнее нынешних, то были, по крайней мере, шумнее. В декабре 1834 года дворянство Московской губернии затеяло требовать от генерал-губернатора для проверки отчет губернской дорожной комиссии. Прения были самые оживленные и весьма продолжительные; и я, хотя советник губернского правления, принимал в них как московский дворянин горячее участие и крепко настаивал на требовании отчета. Это дело сильно занимало Москву, и генерал-губернатор приехал на хоры Благородного собрания и оттуда смотрел на дворянские волнения. Большинство голосов утвердило предложение ревизионной комиссии. Я думал, что генерал-губернатор будет в сильном на меня неудовольствии за такие выходки своего подчиненного; и для того, чтобы в этом удостовериться, я нарочно поехал к нему на вечер. Он встретил меня очень ласково, и, пожимая мне руку, он сказал: "Ce matin je vous ai admiré; vous avez bien agi; et à votre place j'aurai fait juste la même chose"*.

Глава VI. (1835)

Женитьба 4 февраля 1835 г. – Начало занятий сельским хозяйством. – Участие в откупах. – Поездка за границу. – Эмс. – Париж. – Mme Lagrancière.

Давно я был знаком с семейством Скарятиных и состоял в приятельских отношениях с двумя старшими сыновьями, Федором и Григорием Скарятиными. Первый очень усердно занимался живописью и был один из основателей Московских художественных классов, а другой убит был впоследствии в Венгерской кампании[1]. В этом доме я познакомился с воспитывавшеюся у своей тетки девицею Ольгою Феодоровною Петровою-Соловово. Она мне очень понравилась по складу своего ума и по сериозности своих занятий. В декабре я сделал предложение, и 4 февраля 1835 года мы были повенчаны.

---

* "Сегодня утром я восхищался вами; вы превосходно действовали; и на вашем месте я сделал бы точно то же самое" (*фр.*).

Весною этого же года случилось другое событие, которое имело также решительное влияние на мою остальную жизнь. Хотя оно касалось только лично меня, но я не могу не рассказать его с некоторою подробностью. Да простят будущие мои читатели эту выходку моего субъективизма.

В первых числах мая приехал в Москву император и с ним вместе несколько придворных. В числе последних был кн. В.В. Долгорукий (кажется, обер-шталмейстер)[2], с которым я был давно знаком. Я отправился к нему с визитом и нашел его весьма расстроенным вследствие полученных им донесений из рязанского имения его матери, которым он управлял. После обычных приветствий он шутя сказал мне: "Будьте моим благодетелем, освободите меня от рязанского имения, которое мне не доход дает, а из меня высасывает последние деньги. Купите его у меня; я вам его дешево отдам". Узнавши, что дело идет о сапожковском имении, мне известном как соседу, я изъявил склонность быть благодетелем кн. Долгорукого и тем охотнее, что у меня были деньги, хотя и небольшие, и что я искал купить имение. Тотчас я получил от него приказ для осмотра имения и даже для обревизования его конторы. Нимало не медля, я отправился в свое родовое имение с. Смыково, а оттуда в имение кн. Долгорукого – в с. Песочню. Осмотревши имение и несколько обревизовавши его контору, я убедился, что имение хорошо и что бездоходность его происходит от плохого управления. Возвратившись в Москву 9 мая, я тотчас отправился к кн. Долгорукому, который поражен был моим быстрым возвращением и думал, что я вовсе отложил и поездку мою для осмотра. В несколько минут торг у нас был окончен, и за 725 тыс⟨яч⟩ ассигнациями я приобрел 9 т⟨ысяч⟩ десятин в хорошей части Сапожковского уезда с тремя тысячами десятин строевого леса. На имении было много разных запрещений; а потому он выдал мне доверенность на управление, получил от меня в задаток сто тысяч и обязался выдать мне купчую в 9-месячный срок. Мы положили большую неустойку (в 200 тыс. руб.), и свидетелями по этому домашнему условию были кн. Д.В. Голицын и гр. М.Ю. Виельгорский[3]. Дела кн. Долгорукова, этого русского барина, честного, доброго и весьма неглупого человека, были до того запутаны и находились в таком беспорядке, что к сроку, хотя и довольно отдаленному, он никак не мог выдать условленной купчей. За два месяца до срока он прислал своего поверенного в полное мое распоряжение с уполномочием тратить на расходы сколько нужно денег и с просьбою только не взыскивать с него неустойки. Купчая была наконец совершена почти через год после заключения домашнего условия.

Эта значительная мною сделанная покупка изменила все мои предположения относительно дальнейшей моей деятельности. Я вышел в отставку, переехал в деревню и предался со страстью хозяйству. Это занятие было для меня делом не совершенно новым. Матушка моя была хорошею хозяйкою и приучала меня к хозяйству с ранних лет: несколько раз она посылала меня одного в рязанское имение.

Я нашел купленное имение в крайнем беспорядке. Господской запашки почти не было; я постепенно ее увеличивал расчисткою и распашкою кус-

тарника, которого было много и который не приносил никакого дохода. Скотоводство было ничтожное, я умножил и улучшил свои стада. Лес вырубался зря, и кража леса считалась промыслом почти дозволенным: в город возили лес на продажу из песоченских рощей не только ночью, но и днем. Я обрыл их канавами и устроил строгий надзор за лесниками. Всего хлопотливее и затруднительнее было для меня винокурение на находившемся в имении заводе. Я никогда до того времени не бывал ни на одном винокуренном заводе; а тут приходилось управлять делом весьма значительным. Счастие в этом случае послужило мне лучше умения. Тогда все винные заподряды производились казною. Торги в Рязани в первый год моего хозяйничания не состоялись потому, что заводчики нашли низкими цены, назначенные казною на вино. Я отправился оттуда в Москву, и, узнавши там, что цены на хлеб везде падали, я тотчас же возвратился в Рязань и вечером подал вице-губернатору, тогда управлявшему казенною палатою, объявление с согласием принять поставку вина в размере 150 т⟨ысяч⟩ ведер, т.е. на всю конкуренцию моего завода. Весь заподряд состоял из 600 т⟨ысяч⟩ ведер. На следующее же утро другие заводчики также изъявили согласие на принятие поставок в размере конкуренции их заводов – на 900 т⟨ысяч⟩ ведер. При равном удовлетворении всех заводчиков мне приходилось получить менее ста тысяч ведер. Но я потребовал, чтобы мне как первому, изъявившему согласие на принятие поставки, даны были все мною просимые 150 т⟨ысяч⟩, угрожавши в противном случае отправить по эстафете жалобу к министру финансов. Вице-губернатор после долгих, но напрасных споров и увещаний согласился на мое требование; и я, оставив за собою 100 т⟨ысяч⟩ ведер в самые удобные для меня города и сроки, сдал 50 т⟨ысяч⟩ ведер другим заводчикам и взял с них отсталого по 50 коп. на ведро. Оставленная за собою стотысячная поставка дала мне барыша более 75 коп. на ведро; и таким образом получил я с завода в первый год моего хозяйничания около ста тысяч дохода. Это значительно исправило положение моих финансов, которые были шибко потрясены покупкою имения, и дало мне возможность предпринять в хозяйстве разные нововведения и улучшения.

В конце этого года (1835) я лишился нежно мною любимой матери, а в начале следующего я был обрадован рождением сына. Летнее и осеннее время мы проводили в деревне, а зимы – в Москве, куда мы приезжали в конце ноября или в начале декабря; я же ежемесячно совершал поездки в деревню. В Москве мы мало ездили в так называемый grand monde* – на балы и вечера; а преимущественно проводили время с добрыми приятелями Киреевскими, Елагиными, Хомяковыми[4], Свербеевыми, Шевыревыми, Погодиным, Баратынским и пр. По вечерам постоянно три раза в неделю мы собирались у Елагиных, Свербеевых и у нас; и сверх того довольно часто съезжались у других наших приятелей. Беседы наши были самые оживленные; тут выказались *первые начатки борьбы* между нарождавшимся *русским* направлени-

---

* высший свет (*фр.*).

ем и господствовавшим тогда *западничеством*. Почти единственным представителем первого был Хомяков; ибо и Киреевский, и я, и многие другие еще принадлежали к последнему. Главными самыми исключительными защитниками западной цивилизации были Грановский, Герцен, Н.Ф. Павлов и Чаадаев. Споры наши продолжались далеко за полночь, и мы расходились по большей части друг другом недовольные; но о разрыве между этими двумя направлениями еще не было и речи.

Потребность сильной внешней деятельности и винокуренный завод вовлекли меня в откупа. В 1838 году я взял вместе с соседом по имению Колюбакиным на откуп свой город Сапожок с уездом. Но вскоре болезнь жены моей заставила нас ехать за границу, где она пробыла полтора года, а я два раза туда ездил, бывши в необходимости по делам возвращаться в Россию.

Лето 1839 года мы провели в Эмсе и потом в Баден-Бадене, где жена осталась и на зиму под попечительством известного доктора Гугерта. Я возвратился туда в начале февраля, и мы вскоре отправились в Париж, куда приехали в самые первые дни министерства Тиера, т.е. ministère du 1 mars*, как долго называли это министерство[5]. Оживление было всеобщее и значительное. Тут прожили мы остаток зимы и весну до половины мая. Время провели мы невесело: жена моя тяжко занемогла, чтó и доставило нам неприятное знакомство с парижскими медицинскими знаменитостями. Мы были почти в отчаянном положении. Тогда один наш знакомый из соотечественников посоветовал обратиться за помощью к одной *ясновидящей* Mme Lagrancière, пользовавшейся тогда в Париже огромною славою. Погибающий хватается и за соломинку; и я рано утром отправился к ясновидящей с волосами жены.

В тот же день Mme Lagrancière приехала к нам с своим мужем. Он ее усыпил, и она рассказала болезнь жены моей поразительно верно и ясно. Она указала одно очень простое лекарство и добавила, что через три дня она опять приедет и что жена моя выйдет к ней навстречу. Последнее нас даже рассмешило, ибо жена моя более двух недель не вставала с постели. Лекарство подействовало очень благотворно: боли в груди и в спине значительно уменьшились; страшный кашель стал слабеть; и действительно, на третий день жена моя встала, и встретила Mme Lagrancière на ногах. Вскоре жена моя совсем выздоровела, и по совету нашей чудотворицы мы отправились для укрепления здоровья жены в Швейцарию в горы.

---

* министерства 1-го марта (*фр.*).

Глава VII. (1836–1848)

Служба в должности предводителя дворянства и ее характер. –
Выход из откупов 1848 г.

Мы поселились в Interlaken и оттуда предпринимали разные поездки и похождения по Бернскому оберланду[1]. Оттуда мы думали еще кой-куда ехать, но обстоятельства заставили нас изменить эти предположения. Я получил из Сапожка известия, что наш предводитель В.И. Колюбакин скончался, что я как кандидат утвержден в этой должности, что в наших краях и почти во всей России голод и что присутствие предводителя совершенно необходимо в уезде по случаю раздачи пособий от правительства помещикам на прокормление крестьян. Вследствие этого мы решились немедленно возвратиться восвояси.

Мы прямо приехали в деревню, и я тотчас отправился в Сапожок. Вступив в должность предводителя, я имел возможность прекратить разные злоупотребления, было вкравшиеся в раздачу пособий. Исправлял мою должность уездный судья, который обще с уездным стряпчим и земским исправником, сторговавшись с управляющими богатых имений графов Шувалова и Остерман-Толстого, назначил им в выдачу на прокормление крестьян и на обсеменение их полей огромные суммы – по 15 т⟨ысяч⟩ р⟨ублей⟩ каждому, а бедным дворянам предполагал отказать в ссуде за недостатком денег. Я тотчас изменил это назначение, не дал пособия ни одному помещику, который сам был в состоянии помочь крестьянам, и оделил деньгами всех мелкопоместных помещиков, которых в уезде было очень много и которые сами почти умирали с голода. Четверть ржи доходила до 40 р⟨ублей⟩ на монету. Крестьяне по большей части ели мякину и жёлуди с прибавкою 1/3 или 1/4 части ржаной муки. Тут я имел случай убедиться в огромном количестве мелкопоместных дворян, в их бедности и невежестве. Весьма многие из них, получая пособия, не могли сами в том расписаться за незнанием грамоты. Тут также я узнал страшные злоупотребления помещичьей власти. Отсюда начало последующих моих стремлений к ограничению помещичьей власти и к освобождению крестьян и дворовых людей от крепостной зависимости.

Расскажу несколько событий из моей предводительской деятельности.

Жил у нас в уезде один старик весьма богатый, бывший в течение, кажется, 18 лет уездным предводителем дворянства и прославившийся своим самоуправством и своим дурным обхождением с крестьянами и дворовыми людьми – С.И.Ш. Он был несколько раз под судом; но по милости денег всегда выходил чистым из самых ужасных дел. Он засекал до смерти людей, зарывал их у себя в саду и подавал объявления о том, что такой-то от него бежал. Полиция, суд и уездный стряпчий у него в кабинете покончивали все его дела. Однажды в царствование императора Александра I был прислан для производства следствия флигель-адъютант. Тут деньги были бессильны; но опытный делец не стал в тупик. Когда следствие было кончено, все документы собраны, все показания сняты, и следователь уже собирался уезжать, тогда в кушание было что-то подложено; он уснул крепким сном, а все дело было у него украдено. Затем новое следствие; прислан был уже человек более практичный, чем флигель-адъютант, и Ш. вышел бел, как

снег. Дворяне почти все были его должниками, и он не иначе им говорил как "ты". На выборы он их возил на свой счет, и вследствие того всегда был выбираем значительным большинством. Ему чрезвычайно хотелось получить пряжку за 35-летнюю беспорочную службу; но разные отметки в его послужном списке были к тому препятствием, казалось, неустранимым. Но чего нельзя было достигнуть посредством денег! Израсходованные 20–30 тысяч все победили, и грудь Ш. украсилась, уже в царствование Николая I, пряжкою за беспорочную службу. Не могу не рассказать еще одного курьеза из жизни этого человека. – Он был набожен, не пропускал ни обеден, ни заутрень, не пил чая до обедни и строго соблюдал все посты; а между тем обычное его занятие между заутренею и обеднею по праздникам было следующее; отправляясь к заутрени, он говорил: "приготовить", т.е. собрать в конторе людей, назначенных быть сеченными, и припасти розги. После заутрени он приходил в контору и начиналось сечение. Когда истощалось число людей, подлежавших наказанию, тогда он говорил: "Эй, скажи батьке благовестить". И спокойно он отправлялся к самому началу часов. С этим-то человеком, старцем уже за 70 лет, и мне пришлось иметь дело.

Являются ко мне как к предводителю, председательствующему в рекрутском присутствии, двое молодых дворовых людей С.И.Ш. и объявляют мне, что помещик морит их голодом, дает им только по одному пуду муки в месяц, требует работ сверхсильных и наказывает бесщадно; почему они просят одной милости – забрить им лоб, т.е. принять в рекруты. Письмом я прошу г. Ш. пожаловать ко мне в Сапожок по делам службы. Сапожковский магнат, разумеется, не приезжает; и я пишу к нему вторичное письмо с добавлением, что если он не приедет ко мне, то я пошлю за жандармским офицером и приеду к нему сам для производства следствия по полученному мною доносу. Наконец является слишком 70-летний магнат к молодому, только что избранному, предводителю. Объявляю ему, в чем дело, и требую от него подписки в том, что он будет давать своим людям муки и крупы в определенных количествах по полу и возрасту дворовых людей; что он за проступки будет их наказывать не иначе как через посредство земской полиции, и что двух молодых людей, принесших жалобу, он завтра же представит в рекруты. Легко себе вообразить удивление и гнев этого закоренелого самоуправца. На положительный его отказ я преспокойно сказал, что даю ему время на размышление до 9 часов утра следующего дня, а что затем донесу губернатору, вытребую жандармского начальника и приступлю к формальному следствию. На другой день к девяти часам С.И.Ш. явился ко мне, хотя гневный, но с согласием на мои требования. Всего тяжче было ему согласиться на отдачу в рекруты одного из молодых людей, потому что этот человек был писарем в вотчинной конторе. Я был, однако, неумолим, и он должен был и на это согласиться; но в душе он поклялся мне за это отомстить сторицею.

А вот другой случай. В соседстве моем жил помещик В.И.Ч., человек недурной, пользовавшийся общим уважением в дворянстве, но жестокий в обращении с крестьянами и дворовыми людьми. Его жестокость происходила менее от злости в душе, чем от того, что он считал своим священным долгом учить своих людей порядочному житию, наказывать лентяев и воров и строго взыскивать за всякие про-

ступки. Милосердие, прощение считались им бабьими принадлежностями. Он ходил по крестьянским избам и требовал, чтобы там было все в порядке, чисто и опрятно. По нескольку раз в год он осматривал лошадей и сбрую у крестьян; и горе тому, у кого скот или упряжь оказывались в неисправности. Нерадивых крестьян он лишал права вести свое хозяйство и отдавал их под опеку, т.е. в полное распоряжение хороших хозяев. Майор Ч. как старый военный служака особенно любил военную выправку, и у него крестьяне и дворовые люди являлись все с солдатскими манерами. Жаловаться на помещика никто не смел, и житье людям было ужасное. Так, при земляных работах, чтобы работники не могли ложиться для отдыха, Ч-ов надевал на них особого устройства рогатки, в которых они и работали. За неисправности сажал людей в башню и кормил их селедками, не давая им при этом пить. Если кто из людей бежал, то пойманного приковывал цепью к столбу. Приказывал рыть в лесу пни и ими ограждать избы и закладывать дыры; это деревне его давало очень странный вид и было крайне тяжело для крестьян, но давало Ч-ву легкий способ очистки леса. Зимою отверстия и дыры в избах Ч-в приказывал обкладывать навозом и снегом, а пнями топить. Брань, ругательства и сечение крестьян производились ежедневно. Я счел долгом внушить г. Ч. о необходимости изменить его образ управления крестьянами и дворовыми людьми под опасением учреждения над ним опеки. Он крайне этим обиделся и изумился, что предводитель дворянства вздумал вмешиваться в его домашние дела, и сказал мне, что давно живет в уезде, что никогда ни один предводитель не позволял себе подобных внушений и что он хорошо знает свои права и обязанности. К этому он прибавил: что же касается до "гуманности", то он ее считает источником всяких беспорядков и бедствий, и что о моих действиях, клонящихся к возмущению крепостных людей, он считает долгом донести высшему начальству. Ч-в поехал в Рязань с жалобою на меня к губернскому предводителю дворянства Ник⟨олаю⟩ Ник⟨олаевичу⟩ Реткину, который нашел мое действие несогласным с настоящими дворянскими чувствами и понятиями. Я же, с своей стороны, довел до сведения губернатора о действиях Ч., который и был им вызван и получил нужные внушения. Таким образом, дисциплинарная деятельность Ч. была несколько сокращена.

Не могу здесь не рассказать об одном случае, бывшем впоследствии с майором Ч. Этот случай вполне оправдывал мои старания к сокращению помещичьей власти. Когда я уже не был предводителем, произошло следующее. Кучер г. Ч., проезжавши раз с своим барином зимою по лесу в санях, слез с облучка и сказал В.И. Ч-ву: "Нет, Ваше высокоблагородие, жить у вас больше мне невмоготу". Затем снял возжи, сделал петлю и, перекинувши на толстый сук дерева, покончил свою жизнь. Как Ч. в это время был уже разбит параличом, то ему предстояло замерзнуть в лесу; но лошадь сама привезла его домой. Ч. сам это рассказывал в доказательство "глупости и грубости простого народа".

Еще было несколько подобных случаев, хотя в меньших размерах, т.е. жаловались на небогатых помещиков, которые после моих распорядков с столбовыми защитниками неограниченной власти помещиков, хотя со гневом в душе, но с покорностью на словах и отчасти на самом деле принимали мои внушения к исполнению.

Приближались дворянские выборы. Съехались в Рязань из Сапожковского уезда чуть-чуть не все дворяне, имевшие право голоса. Приехали даже такие дворяне, которые хотя не могли действовать шаром[2], но тем усерднее всюду рассказывали о моих недворянских стремлениях и действиях. Губернский предводитель Н.Н. Реткин громко и везде осуждал мои действия. "Не таким, – говорил он, – должен быть предводитель дворянства: если я увижу, что мой брат дворянин зарезал человека, то и тут пойду под присягу, что ничего о том не знаю". Дворяне Сапожковского уезда, ко мне расположенные, опасаясь забаллотировки, советовали мне не баллотироваться в предводители. Я уверен был в забаллотировке; но мне казалось предосудительным в данных обстоятельствах не баллотироваться: это значило трусить и оказывать моим врагам некоторое уважение. Я пошел на баллотировку, и меня блистательно забаллотировали – почти двумя третями. Ужасно взбесило моих врагов то, что я этим нимало не сконфузился и что всем рассказывал, сколько шаров получил я налево. Выбрали в предводители старика Штурма, который во все трехлетие ничего не делал. При нем случилось, между прочим, следующее.

Поселился в с. Смыкове молодой помещик С., страстный охотник до женского пола и особенно до свеженьких девушек. Он иначе не позволял свадьбы, как по личном фактическом испытании достоинств невесты. Родители одной девушки не согласились на это условие. Он приказал привести к себе и девушку и ее родителей; приковал последних к стене и при них изнасильничал их дочь. Об этом много говорили в уезде, но предводитель не вышел из своего олимпийского спокойствия; и дело сошло с рук преблагополучно.

Зимы, как прежде сказал, мы проводили в Москве, но в это время я много разъезжал по откупам; ибо на следующее четырехлетие я снял с торгов в Сенате восемь городов, из которых сдал два и остался при шести. Дела откупные пошли ужасно дурно; убытки были страшные. Было время, что рубашка, которая была на мне, уже не мне принадлежала, и сверх того я подвергал разорению несколько семейств, доверивших мне свои деньги и земли. Это удесятеряло мою деятельность, я не давал себе покоя и был совершенно погружен в откупное дело. Друзья мои, и в особенности Киреевский, жестоко меня за это бранили. Последний даже начинал во мне отчаиваться и опасаться, чтобы я окончательно не погряз в этом болоте; но Хомяков его успокоивал и говорил, что человек, который погружался по уши в немецкую философию, не может сгинуть в откупах. Я вошел в эти дела, не зная их в сущности, увязивши в них свое состояние и доверенные мне капиталы; я уже не мог покинуть откупа, хотя они с каждым днем становились мне все противнее и противнее. Наконец обстоятельства вообще улучшились, и я несколько исправил положение своих дел. Как только гнёт нужды перестал меня давить, откупные дела стали для меня просто невыносимыми; я воспользовался первою возможностью их сдать, и впоследствии, несмотря на приглашения, с разных сторон ко мне поступавшие, я уже более к ним не возвращался и считал себя весьма счастливым, что от них отделался не только без убытка, но даже с барышом.

Освобождение мое от откупов произошло довольно неожиданно и оригинально. В феврале 1848 года я приехал в деревню – в с. Песочню, и меня посетили короткие приятели А.И. Колемин и И.А. Протасьев. Последний был моим товарищем по двум откупам (по Зарайску и Егорьевску). Держал я один еще Коломну, Ряжск, Сапожок и Спасск Тамбовской губ. Вечером я высказал моим гостям сильное желание покончить с откупами и даже выяснил те условия, на которых я бы охотно их сдал. Условия мои были крайне выгодны для тех, кто пожелал бы снять содержимые мною откупа. И.А. Протасьев даже смеялся надо мною и сказал, что, видно, откупа мне крепко надоели и что я хочу их сдать во что бы то ни стало. Вскоре после того мы разошлись и отправились спать. Вставал я всегда рано. Еще до рассвета А.И. Колемин вошел ко мне в кабинет и сказал мне, что он всю ночь не спал и все думал о вчерашнем нашем разговоре. Тут мы еще много потолковали; к 9 часам к чаю пришел И.А. Протасьев, и в течение дня все было улажено и устроено. Затем последовали в марте и апреле фактические передачи откупов, и к 1 мая я был от них окончательно освобожден.

Глава VIII. (1849–1850)

Возврат к умственным занятиям. –
Первые попытки к освобождению крестьян в 1847–1850 гг. –
Наше положение в 1848–1853 годах. – Так называемый славянофильский кружок. –
А.С. Хомяков. – И.В. Киреевский. – К.С. Аксаков. – Ю.Ф. Самарин. – Чаадаев. –
Герцен. – Учение славянофилов и западников.

Когда я несколько успокоился насчет своих финансовых дел, т.е. еще до передачи откупов, летом 1847 года я погрузился в чтение богословских книг. Зимние беседы с Хомяковым и Ив. Киреевским были главною побудительною причиною к этим занятиям. Мне совестно было, что, считавши себя христианином и просвещенным человеком, я всего менее знал основания моих верований. Чтение святых отцов особенно к себе меня привлекло, и я в одно лето прочел почти все творения Иоанна Златоустого и много из сочинений Василия Великого и Григория Богослова. Эти занятия меня оживляли, поднимали, и я чувствовал себя как бы возрожденным.

Вместе с богословскими чтениями я не покидал и политических книг и журналов. В особенности начинала меня сильно занимать мысль об освобождении крепостных людей. Прожитое время в деревне и в делах не ослабляло, а усиливало во мне убеждение в необходимости этого преобразования.

Осенью 1847 года я решился вновь возбудить против себя гнев благородного дворянства. Как в декабре должно было рязанское дворянство собраться на выборы, то я вздумал сделать ему предложение насчет упорядочения отношений помещиков к их крепостным людям, т.е. сделать первую попытку к прекращению крепостного права на людей. Составленное в этом смысле предложение

было мною в сентябре предъявлено рязанскому губернскому предводителю дворянства, который пришел от него в ужас и объявил мне, что без разрешения из Петербурга он, конечно, не решится передать мое предложение на обсуждение дворянства. Тогда я решился обратиться с письмом прямо к министру внутренних дел. Я препроводил к нему самый проект предложения, которое я хотел сделать дворянству, и испрашивал на то его разрешения. Я нисколько не скрывал об этом моем намерении и даже охотно сообщал как проект, так и черновое письмо к министру; губернский же предводитель дворянства усердно рассказывал всем, кого он только видел, о моих злостных намерениях и действиях. А потому и не удивительно, что слух о них быстро распространился по губернии. Благородное дворянство негодовало, находило, что за это мало меня четвертовать, и готовилось в предстоявшем собрании излить на меня всю свою желчь. В ноябре я получил от Л.А. Перовского, тогдашнего министра внутренних дел, отношение, которым он сообщил мне, что докладывал о моем предложении государю императору и что хотя оно вполне согласно с видами правительства, однако его величество находит неудобным в настоящее время подвергать это дело обсуждению дворянства. К этому министр присовокупил, что если бы я желал подать такой благой пример по моим имениям, то такие мои действия вполне заслужили бы одобрение его величества. (Копии с моего письма, ответа на него и предложения, а равно и с ответа министра считаю нелишним поместить в приложении под № 1.)

В это же время я написал *статью*, в которой, не осмеливавшись проводить общую мысль об освобождении крепостных людей, я убеждал помещиков на основании высочайшего указа, изданного 12 июня 1844 года[1], освобождать дворовых людей, заключая с ними условия. Эта статья под заглавием "*Охота пуще неволи*" была мною отправлена 3-го ноября 1847 года в редакцию "Земледельческой газеты", которой редактором тогда был А.П. Заблоцкий-Десятовский. Я выбрал эту газету потому, что она слыла либеральною и по-тогдашнему была действительно таковою по милости покровительствовавшего ей министра государственных имуществ Киселева. Статья моя была напечатана, но с изменением заглавия: "Добрая воля сильнее неволи" и с значительными урезками. (Ради курьоза прилагаю ее в приложении под № II-м. Из этого можно видеть, что тогда считалось слишком либеральным и запрещалось цензурою.)

В феврале 1848 года произошла во Франции революция, которая отозвалась у нас самым тяжким образом: всякие предполагавшиеся преобразования были отложены, и всякие стеснения мысли, слова и дела были умножены и усилены. В 1849 году я написал *письмо* к министру внутренних дел с испрашиванием некоторых мер к облегчению выпуска на волю дворовых людей. На основании указа 12 июня 1844 года дозволено было заключать условия с теми дворовыми людьми, которые таковыми записаны по ревизским сказкам[2]; но на деле оказывалось, что большая часть дворовых людей записана была помещиками в числе крестьян; и это делалось для того, чтобы крестьянские общества платили за этих людей подушные. Я предлагал следующие меры: 1) Воспретить помещикам впредь переводить кого-либо из крестьян в дворовые; 2) считать ныне дво-

ровыми тех, которые не владеют и более 10 лет не владели никаким полевым земельным наделом, которые не имеют постоянной оседлости и которые сами изъявят желание на перечисление их в дворовые; наконец, 3) перечисление это произвести без раздробления семейств. – На это мое письмо я не получил никакого ответа.

В 1850-м году на основании вышеупомянутого приглашения 1847 года я представил министру внутренних дел *проект освобождения моих крестьян с наделением их землею*, в их пользовании состоявшею, и с выдачею мне выкупных денег по сороку рублей серебром за десятину. И на это мое письмо я не получил никакого ответа. Предложения мои были вполне согласны с высочайшею волею, мне объявленною в 1847 году, и требования мои не могли быть сочтены неумеренными; но февральская революция так подействовала на наше правительство, что оно предпочло молчанием отвечать на мои предложения.

С 1848 года до начала Крымской войны[3] прошло время для нас столь же однообразно, сколько и тягостно. Администрация становилась все подозрительнее, придирчивее и произвольнее. Тогдашний московский генерал-губернатор граф Закревский стяжал себе в этом отношении славу неувядаемую. Он позволял себе вообще действия самые произвольные; но мы, так называемые славянофилы, были предметами особенной его заботливости. Он нас не мог терпеть, называя то "славянофилами", то "красными", то даже "коммунистами". Как в это время всего чаще и всего больше собирались у нас, то генерал-губернатор подверг нашу приемную дверь особому надзору, и каждодневно подавали ему записку о лицах, нас посещавших. Смущало и приводило к недоумение гр. Закревского только то, что весьма часто посещал меня кн. Сергей Иванович Гагарин, член Государственного совета, старик, которого уже никак нельзя было заподозрить в революционных замыслах. Это, вероятно, и удерживало гр. Закревского от разных произвольных действий, которые бы он себе позволил против меня. Эти пять лет (1848–1853) напомнили нам первые годы царствования Николая I и были даже тяжче, ибо они были продолжительнее и томительнее. Одно утешение находили мы в дружеских беседах небольшого нашего кружка. Они нас оживляли и давали пищу нашему уму и нашей жизни вообще.

Здесь считаю уместным поговорить несколько обстоятельно *о нашем кружке*. Он составился не искусственно – не с предварительно определенною какою-либо целью, а естественно, сам собою, без всяких предвзятых мыслей и видов. Люди, одушевленные одинакими чувствами к науке и к своей стране, движимые потребностью не попугаями повторять, что́ говорится там – где-то на Западе, а мыслить и жить самобытно, и связанные взаимною дружбою и пребыванием в одном и том же городе – в древней столице – в сердце России, – эти люди видались ежедневно, обсуживали сообща возникавшие вопросы, делили друг с другом и общественные радости (которых было очень мало) и общественное горе (которого было в избытке), и таким образом незаметно даже для самих участников составился кружок единодушный и единомысленный. Он составился так незаметно, что нельзя даже приблизительно определить года его нарождения. Он имел влияние сперва слабое, а потом все более и более действенное не толь-

ко в литературе, но и в общественной, даже политической жизни России; а потому некоторые сведения о людях, его составлявших, и вообще о направлении этого кружка будут, думаю, не лишними, и тем более что эти люди как отдельно, так и в совокупности подвергались разным упрекам, насмешкам, клеветам и обвинениям, которых они нимало не заслуживали и которые главнейше исходили из того, что вообще мало знали эти личности, не понимали или не хотели понять их убеждений и даже нередко умышленно представляли последние в извращенном виде.

Этот кружок, как и многие другие ему подобные, исчез бы бесследно с лица земли, если бы в числе его участников не было одного человека замечательного по своему уму и характеру, по своим разнородным способностям и знаниям и в особенности по своей самобытности и устойчивости, т.е. если бы не было Алексея Степановича Хомякова. Он не был специалистом ни по какой части; но все его интересовало; всем он занимался; все было ему более или менее известно и встречало в нем искреннее сочувствие. Всякий специалист, беседуя с ним, мог думать, что его именно часть в особенности изучена Алексеем Степановичем. Хомяков мог с полною справедливостью о себе сказать: nihil humanum a me alienum puto*. Обширности его сведений особенно помогали, кроме необыкновенной живости ума, способность читать чрезвычайно быстро и сохранять в памяти навсегда все им прочтенное**. Весьма замечательно было в Хомякове свойство проникать в сокровенный смысл явлений, схватывать их взаимную связь и их отношения к целому, – к тому единому, которое проявляется в истории человечества; и при этом чрезвычайная последовательность и устойчивость в главных основных убеждениях. Не Хомяковым ли указано нашей интеллигенции действие православия на развитие русского народа и на великую будущность, православием ему подготовленную? Не Хомяковым ли впервые глубоко прочувствована и ясно сознана связь наша с остальным славянством? Не им ли угаданы в русской истории, в русском человеке, и в особенности в нашем крестьянине, те задатки, или залоги самобытности, которых прежде никто в них не видал, даже не подозревал и которые, однако, должны возвратить нашу отчасти слишком высоко и отчасти слишком униженно о себе мыслящую интеллигенцию на настоящую родную почву? Все товарищи Хомякова проходили

---

* ничто человеческое мне не чуждо (*лат.*).

** В подтверждение этого расскажу два случая, которых я был свидетелем. Купил я три–четыре книги серьезного содержания; Хомяков выпросил их у меня на одну ночь; поутру рано книги были мне возвращены. Я читал эти книги две, три недели; и потом при разговоре о них я увидел, что Хомяков прочел их вовсе не бегло и многое в них заметил и подчеркнул, что ускользнуло от моего внимания. – А вот образчик его памяти. Однажды при богословском споре Хомяков сослался на одного св. отца, которого творения имелись только в академической библиотеке, что при Троице-Сергиевской лавре. Мы усомнились в верности цитаты, особенно потому что знали, что Хомяков более десяти лет не был у Троицы. Он положительно назвал сочинение и сказал, что приведенная им цитата находится на 10 или 12 странице книги. Мы написали к одному приятелю в лавре; и он вполне подтвердил не только самую цитату, но и страницу, указанную Хомяковым.

чрез эпоху сомнения, маловерия, даже неверия и увлекались то французскою, то английскою, то немецкою философиею; все перебывали более или менее тем, что впоследствии называлось западниками. Хомяков, глубоко изучивший творения главных мировых любомудров, прочитавший почти всех св. отцов и не пренебрегший ни одним существенным произведением католической и протестантской апологетики, никогда не уклонялся в неверие, всегда держался по убеждению учения нашей православной церкви и строго исполнял возлагаемые ею обязанности. С юности и до самой кончины он неуклонно соблюдал церковные установления. В Париже, где в первый раз он был еще в молодых летах, им во время великого поста не был нарушен строгий пост. Хомяков рассказывал, что когда в Петербурге он был юнкером и потом офицером[4], товарищи его, мало знавшие установление своей церкви, говаривали ему: "Уж не католик ли ты, что так строго соблюдаешь посты?" – Он это делал не потому, что считал сухоядение верным путем ко спасению, а потому что посты установлены нашею церковью, что он не признавал за ее исповедниками права самовольно изменять ее установления и что не хотел отделяться в этом отношении от народа, строго соблюдавшего посты. Безусловная преданность православию, конечно, не такому, каким оно с примесью византийства и католичества являлось у нас в лице и устах некоторых наших иерархов, но православию св. отцов нашей церкви, основанному на вере с полною свободою разума. *Любовь к народу русскому*, высокое о нем мнение и убеждение в том, что изучение его истории и настоящего быта одно может вести нас к самобытности в мышлении и жизни, составляли главные и отличительные основы и свойства образа мыслей Хомякова*. Эти мысли свои он проводил всего больше в наших беседах, где они находили почву самую благодарную, особенно вследствие того, что философия, даже немецкая, далеко не вполне нас удовлетворяла; что мы чувствовали потребность большей жизненности в науке и во всем нашем внутреннем быте и что все мы ощущали и сознавали необходимость прекращения разрыва интеллигенции с народом – разрыва, вредного для обоих, равно их ослаблявшего и препятствовавшего самостоятельному развитию России. – Усиливали влияние Хомякова на нас следующие обстоятельства: полнейшая простота и искренность во всех его словах и действиях, отсутствие в нем всякого самомнения и всякой гордости и снисхождение его к людям, доходившее до того, что он отрицал существование дураков, утверждавши, что в уме самого ограниченного человека есть уголок, в котором он умен и который нужно только отыскать. Еще помогало Хомякову в усилении его на нас влияния то, что он вовсе не был доктринером, безжизненным систематиком, требовавшим безусловного подчинения провозглашенным им догматам. Он охотно подвергал обсуждению самые коренные свои убеждения, вовсе не выдавал себя за непогрешимого или за проглотившего всю науку доктора и любил вести споры по Сократовой методе[6]. Хотя Хомяков никогда не выдавал себя за либерала, но никогда не укорял кого-либо в либерализме. Он

---

* Он вовсе не был "народником" в смысле Шишкова или последующих так называвшихся славянофилов под знаменем "Руси"[5]; нет, он был далек от таких узких и вредных учений.

уважал и ценил его и сам был отменно либерален как в своих мнениях и действиях вообще, так и в отношениях к собеседникам и даже к противникам, старавшись им доказать несостоятельность их убеждений и не позволявши себе действовать ни на кого, хотя словом, насильственно. Он легко переносился на точку зрения своих противников; иногда даже нарочно защищал крайние мнения в противоположность другим крайним мнениям. Так, не раз случалось ему прикидываться даже скептиком в спорах с людьми формально суеверно-набожными; и, напротив того, он выказывал себя чуть-чуть не формалистом или суеверною старухою в спорах с людьми отрицательного направления. Это заставляло некоторых плохо его понимавших говорить, что Хомяков любит только спорить и что у него нет твердых постоянных убеждений; кто же хорошо его знал, тот видел в этом только способ, вовсе непредосудительный, часто весьма удачный и Хомяковым особенно любимый, к уяснению и уничтожению заблуждений и к утверждению того, что он считал истиною. Хомяков был столько же устойчив в своих основных убеждениях, сколько расположен к изменению второстепенных мнений по требованию обстоятельств и согласно полученным сведениям. В этих последних мнениях он вовсе не коснел: он постоянно развивался и очень охотно принимал все, чтó наука и жизнь доставляли нового. Хотя он скончался на 57-м году своей жизни, однако, зная его, можно утвердительно сказать, что если бы он дожил и до глубокой старости, то он не пережил бы себя; в нем было так много внутренней жизненности и восприимчивости к внешнему миру, что застой был для него невозможен.

Знаю, что заслуги и достоинства Хомякова еще далеко не оценены как следует, что его богословские сочинения[7], приведшие в трепет и ожесточение иезуитов, заставившие призадуматься некоторых англичан и протестантов и возвратившие к православию многих колебавшихся и блуждавших сынов нашей церкви, в России еще запрещены и провозятся только в виде контрабанды*; и что его творения вообще, по большей части, покоятся на полках в библиотеках и книжных лавках. Думаю, однако, что недалеко то время, когда наконец великая польза деятельности Хомякова будет общесознана; и тогда нашему кружку будет поставлено в заслугу, что он содействовал к развитию мыслей Хомякова и что пшеничное зерно пало не на бесплодную землю.

Вторым деятелем в нашем кружке был Иван Васильевич Киреевский. Он был очень умен и даровит; но самобытности и самостоятельности было в нем мало, и он легко увлекался то в ту, то в другую сторону. Он перебывал локкистом, спинозистом, кантистом, шеллингистом, даже гегельянцем[8], он доходил в своем неверии даже до отрицания необходимости существования Бога; а впоследствии он сделался не только православным, но даже приверженцем "Добротолюбия"**. С Хомяковым у Киреевского были всегдашние нескончаемые споры[9]: сперва Киреевский

---

* Слава Богу, теперь эти сочинения уже не запрещены и даже напечатаны, без всяких урезок, в Москве (1882).

** Известное сочинение Василия Великого, составленное для руководства монахам. (*Прим. издат.*)

находил, что Хомяков чересчур церковен, что он недостаточно ценил европейскую цивилизацию и что он хотел нас нарядить в зипуны и обуть в лапти; впоследствии Киреевский упрекал Хомякова в излишнем рационализме и в недостатке чувства в делах веры. Прения эти были чрезвычайно полезны как для них самих, так и для нас, более или менее принимавших в них участие. Эти беседы продолжались далеко за полночь и часто прекращались только утром, когда уже рассветало. Они оба друг друга высоко ценили, глубоко уважали и горячо любили. Деятельность И.В. Киреевского по разработке с православной точки зрения разных философских вопросов была весьма полезна и значительна. Его последние статьи, помещенные в "Русской беседе"[10], явили в нем высокого и глубокого русского мыслителя, равно чуждого как ограниченности и сухости рационалиста, так и мечтательности и туманности мистика.

Другими собеседниками нашими были М.П. Погодин, С.П. Шевырев, П.В. Киреевский и некоторые другие лица. Первые двое никогда вполне не разделяли мнения Хомякова, находивши, особенно в первые годы, что по духовным делам он слишком протестантствовал и что русскую историю он переделывал по-своему, находил в ней то, чего там не было, и влагал в нее свои измышления. Впрочем, впоследствии времени произошло некоторое сближение в мнениях Погодина и Шевырева с убеждениями так называемых славянофилов. – П.В. Киреевский весь был предан изучению русского коренного быта, с любовью и жаром собирал русские народные песни, не щадил на это ни трудов, ни издержек и принимал деятельное участие в прениях только тогда, когда они касались любимых его предметов.

Впоследствии вступили в наш кружок две замечательные личности – Константин Сергеевич Аксаков и Юрий Федорович Самарин. Оба они были очень умны и даровиты; и хотя они были чрезвычайно дружны, однако свойства их ума и дарований были совершенно различны. В первом преобладали чувство и воображение: он страстно любил русский народ, русскую историю и русский язык и делал в двух последних поразительные, светоносные открытия. Правда, часто он впадал в крайности, и мысли, самые верные в основе, становились в его устах парадоксами; но любовь, которою все у него одушевлялось, приобретала ему друзей и последователей и усиливала его влияние в обществе, и особенно на женщин[11]. Ю.Ф. Самарин действовал совершенно иными орудиями: у него по преимуществу преобладали критика, логика и диалектика. Тружеником был он примерным: во всю жизнь он учился; никакие трудности и работы его не устрашали; своим железным терпением он все преодолевал. Он действовал сильно и в литературе, и в общественной, даже политической жизни; он приобретал много ценителей и почитателей, но мало приверженцев и друзей. Оба они глубоко уважали Хомякова, высоко ценили его деятельность и признавали себя постоянно и охотно его учениками. Они принимали в наших беседах самое живое участие и вскоре сделались в нашем кружке первостепенными деятелями. Не могу здесь не упомянуть об Иване Сергеевиче Аксакове, тогда только вышедшем в отставку[12], поселившемся в Москве и начинавшем с нами все более и более сближаться. Тогда он был чистым и ярым западником, и брат его Константин

постоянно жаловался на его западничество[13]. О нем я буду иметь случай говорить впоследствии и не один раз.

Сообщая сведения об этом кружке, нельзя не упомянуть о людях, более или менее принимавших участие в наших беседах, хотя они вовсе не разделяли наших общих убеждений. Такими были Чаадаев, Грановский, Герцен, Н.Ф. Павлов и некоторые другие умные и замечательные люди. Чаадаев охотно бывал на наших вечерних собраниях; но он особенно любил, чтобы его посещали по понедельникам утром. Тут происходили горячие богословские и исторические споры; Чаадаев постоянно доказывал превосходство католичества над прочими вероисповеданиями и неминуемое и близкое его над ними торжество. Не менее настойчиво Чаадаев утверждал, что русская история пуста и бессмысленна и что единственный путь спасения для нас есть безусловное и полнейшее приобщение к европейской цивилизации. Легко себе вообразить, что такие мнения не оставались без сильных возражений со стороны Хомякова, и споры были столь же жаркие, сколько и продолжительные. – С Герценом прения были более философские и политические. Начинались они всегда очень дружелюбно и спокойно, но часто кончались настоящими словесными дуэлями: борцы горячились и расставались с неприятными чувствами друг против друга. Грановский, Н.Ф. Павлов и другие усердно поддерживали Герцена. – Эти препирательства ожесточали наших противников; и они позволяли себе против нас вообще и против Хомякова в особенности даже клеветы. А мы пользовались делаемыми нам возражениями для полнейшего развития наших мнений и вовсе не относились враждебно к нашим противникам[14]. За недостатком доводов они осыпали нас насмешками и сильно сердились; а мы смиренно им замечали: "Tu te fâches, Jupiter, donc tu as tort"*. Это особенно их бесило.

Нас всех, и в особенности Хомякова и К. Аксакова, прозвали "*славянофилами*"; но это прозвище вовсе не выражает сущности нашего направления[15]. Правда, мы всегда были расположены к славянам, старались быть с ними в сношениях, изучали их историю и нынешнее их положение, помогали им чем могли; но это вовсе не составляло главного, существенного отличия нашего кружка от противоположного кружка западников. Между нами и ими были разногласия несравненно более существенные. Они отводили религии местечко в жизни и понимании только малообразованного человека и допускали ее владычество в России только на время, – пока народ непросвещен и малограмотен; мы же на учении Христовом, хранящемся в нашей православной церкви, основывали весь наш быт, все наше любомудрие и убеждены были, что только на этом основании мы должны и можем развиваться, совершенствоваться и занять подобающее место в мировом ходе человечества. Они ожидали света только с Запада, превозносили все там существующее, старались подражать всему там установившемуся и забывали, что есть у нас свой ум, свои местные, временные, духовные и физические особенности и потребности. Мы вовсе не отвергали великих открытий и усовершенствований, сделанных на Западе, – считали необходимым

---

* "Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав" (*фр.*).

узнавать все там выработанное, пользоваться от него весьма многим; но мы находили необходимым все пропускать через критику нашего собственного разума и развивать себя с помощью, а не посредством позаимствований от народов, опередивших нас на пути образования. Западники с ужасом и смехом слушали, когда мы говорили о действии народности в областях науки и искусства; они считали последние чем-то совершенно отвлеченным, не подлежащим в своих проявлениях изменению согласно с духом и способностями народа, с его временными и местными обстоятельствами, и требовали деспотически от всех беспрекословного подчинения догматам, добытым или во Франции, или в Англии, или в Германии. Мы, конечно, никогда не отвергали ни единства, ни безусловности науки и искусства вообще (in idea); но мы говорили, что никогда и нигде они не проявлялись и не проявятся в единой безусловной форме; что везде они развиваются согласно местным и временным требованиям и свойствам народного духа; и что нет догматов в общественной науке и нет непременных повсеместных и всегдашних законов для творений искусства. Мы признавали первою, самою существенною нашею задачею изучение самих себя в истории и в настоящем быте; и как мы находили себя и окружающих нас цивилизованных людей утратившими много свойств русского человека, то мы считали долгом изучать его преимущественно в допетровской его истории и в крестьянском быте. Мы вовсе не желали воскресить Древнюю Русь, не ставили на пьедестал крестьянина, не поклонялись ему[16] и отнюдь не имели в виду себя и других в него преобразовать. Все это – клеветы, ни на чем не основанные. Но в этом первобытном русском человеке мы искали, чтó именно свойственно русскому человеку, в чем он нуждается и чтó следует в нем развивать. Вот почему мы так дорожили собиранием народных песен и сказок, узнаванием народных обычаев, поверий, пословиц и пр. Замечательно, что то, чтó мы тогда говорили и утверждали, чтó возбуждало негодование и насмешки западников, сделалось теперь мнением и воззрением почти всех и каждого. Кто теперь не за связь с славянами? Кто теперь не за изучение русской старины, обычного народного права и других особенностей нашего народного быта? Кто теперь не признает в них глубокого смысла и великого для нашей будущности значения? Кто теперь отвергает действие народности в науке и искусстве? Конечно, есть еще пункты, и весьма важные, в которых так называемые славянофилы стоят особняком и весьма расходятся с так называемыми западниками; но прежняя борьба и прежний антагонизм между ними ослабли и остались более в воспоминании, чем в действительности. Кстати, здесь мимоходом сказать, что нас всего более обвиняли в китаизме, т.е. во вражде к прогрессу и в упорной привязанности к старым обычаям и формам. Время в этом отношении нас, кажется, всего лучше оправдало. Мы стояли не за обветшалое, не за мертвящее, а за то, в чем сохранялась жизнь действительная. Мы восставали не против нововведений, успехов вообще, а против тех из них, которые ложно таковыми казались и которые у нас корня не имели и не могли иметь. Не мы ли были самыми усердными поборниками освобождения крестьян, и притом с наделением их в больших по возможности размерах землею? Не мы ли оказались самыми ревностными деятелями в земских учреждениях?

Подняли, одушевили, двинули вперед Россию не доктрины французские, английские или немецкие, а те чувства и мысли, которые живут в русском православном человеке и которые теперь почти противоположны западноевропейским стремлениям и понятиям. Новейшие события и настроение Англии и даже Франции во время борьбы славян на Балканском полуострове[17] должны, кажется, отрезвить самых ярых западников. Настоящими прогрессистами и либералами были и теперь оказываемся мы, а не те, которые этими эпитетами себя величали. А называть нас следовало *не славянофилами*, а, в противоположность западникам, скорее, *туземниками* или *самобытниками*; но и эти клички неполно бы нас характеризовали. Мы себе никаких имен не давали, никаких характеристик не присвоивали, а стремились быть только не обезьянами, не попугаями, а людьми, и притом людьми русскими.

Глава IX. (1851–1856)

Поездка за границу и В.А. Жуковский. – Поездка в Лондон на Всемирную выставку 1851 г. – "Сборник" И.С. Аксакова. – Война с Турцией и Европой. – Смерть Николая I и вступление на престол Александра II. – Записка о финансовых средствах России к продолжению борьбы с Турцией и Европой. – Издание "Русской беседы". – Ее значение. – Смерть И.В. Киреевского 1856 г.

Зимою 1850–1851 года, когда жена моя с детьми[1] проводила зиму в Баден-Бадене, и я туда поехал в феврале. Там я нашел В.А. Жуковского, с которым я прежде был в сношениях довольно коротких, а в это время особенно сблизился. Наши беседы были ежедневны и весьма продолжительны. Много мы с ним гуляли и всего более говорили о ближайшем будущем для России; и он меня в этом отношении весьма успокоивал, утверждавши, что наследник престола (нынешний император[2]) одарен значительным здравым смыслом, весьма добр и исполнен благонамеренности. Все это вполне подтвердилось впоследствии. Для большего меня в том удостоверения он давал мне читать собрание писем великого князя к нему. Одно из них поразило меня своею дельностью и своим изложением. Письма эти писались, как видно, без всякого приготовления; мысли излагались по мере и в том порядке, в каком они приходили в голову, и в письмах много было помарок. В упомянутом особенно меня поразившем письме вот в чем было дело. Жуковский писал к наследнику о том, чтобы побудить императора к освобождению Иерусалима и ко взятию его под общее управление всех христианских держав. Наследник ему отвечает, что он вовсе не разделяет мнения своего наставника насчет того, что такое событие желательно: "Пусть враги Христа, – говорит он, – оскверняют это священное место своими действиями; это все-таки сноснее, чем осквернение его интригами и враждою христианских держав; а это неминуемо при нынешнем положении католичества". Письмо это, довольно длинное, проникнуто было замечательным здравым практическим смыслом.

Жуковский с особенным удовольствием сообщал о своих предположениях насчет устройства своей дальнейшей жизни. Он хотел поселиться в Москве и предпринять разные литературные труды. Он расспрашивал меня о московской молодежи, об университете, об Обществе любителей российской словесности[3] и высказывал желание и надежду содействовать к оживлению умственной деятельности в Москве. Мы отпраздновали в Баден-Бадене день рождения (29 января) В.А. Жуковского*, и я по моим делам должен был отправиться в Россию. К великому прискорбию, не суждено было мне более с ним свидеться: он скончался 12 апреля 1852 года.

В том же 1851 году в августе я поехал из деревни чрез Москву, Петербург, Берлин и Кале в Лондон на *Всемирную выставку*. Все мною там виденное – мои впечатления и замечания – я изложил в особой статье "Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку". Эту статью я напечатал в "Московском сборнике", изданном Ив⟨аном⟩ Сер⟨геевичем⟩ Аксаковым в Москве в 1852-м году[4]. (Прилагаю эту статью под № III-м.)

Кстати, об этом "Сборнике". Зимою 1851–1852 года мы сговорились издать общими силами сборник, в котором предполагали хотя отчасти высказать наши мнения по разным вопросам и который мы хотели выпустить в четырех книгах. Высказали мы свои мнения весьма скромно. Главные статьи 1-го тома сборника были: И.В. Киреевского "О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России"; А.С. Хомякова "Предисловие к русским народным песням, собранным П.В. Киреевским"; и К.С. Аксакова "О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности". Хотя в этих статьях не было ничего резкого, смелого, а тем менее возмутительного, однако они произвели почти переполох в Петербурге – в администрации и в тамошних повременных изданиях. Там почуяли какой-то новый высказывающийся дух. Высшая цензура страшно взволновалась, однако не решилась арестовать уже выпущенную с одобрения цензуры первую книгу "Сборника"; но предписано было Московскому цензурному комитету препроводить в Петербург все статьи, представленные для 2-й книги. Эти статьи также не заключали в себе ничего противного ни религии, ни нравственности, ни даже существующему порядку вещей; однако они не только были все запрещены, но авторы их были обязаны подпискою ничего не печатать[5] без пропуска их сочинений высшею цензурою в Петербурге. Во 2-й книге "Сборника" имела быть также помещенною моя вторая статья "Поездка в Англию", но хотя она и не подверглась запрещению, но однако не была возвращена цензурою и *пропала без вести*.

---

* Насчет *дня рождения* В.А. Жуковского возникли в последнее время недоумения и разногласия. В разрешение их сообщаю письмецо, мною от него полученное.

"За 68 лет перед сим, т.е. 1783 года января 29, случилось, что я родился. Нынче я праздную этот день с моими родными. Прошу вас у нас отобедать и быть за моим семейным столом представителем России. Прошу и вашу супругу. Мы обедаем в три часа ради моего тестя. Прошу вас отвечать, можете ли быть к нам, – преданный В.Ж.".

В 1853 году началась *война с Турциею* и предчувствовалась *борьба с Европою*. Уничтожение турецкого флота под Синопом[6] всех русских несколько оживило. Правительство, занятое военными приготовлениями и действиями, менее обращало внимание на дела внутреннего управления. Казалось, что из томительной, мрачной темницы мы как будто выходим, если и не на свет Божий, то, по крайней мере, в преддверие к нему, где уже чувствуется освежающий воздух. Высадка союзников в Крым в 1854 году, последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане[7] и обложение Севастополя нас не слишком огорчили; ибо мы были убеждены, что даже поражения России сноснее и даже для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время. Общественное и даже народное настроение, хотя отчасти бессознательное, было в том же роде.

Не могу здесь не сказать нескольких слов об объявленном в 1854 году *ополчении*. Несмотря на то, что войны против мусульман за единоверцев и единоплеменников всегда встречали в России народное сочувствие, манифест об ополчении принят был всеми сословиями не только холодно, но даже с тяжелым чувством. Как наборы рекрутов всегда возбуждали вой и плач, так и ополченцев провожали, как будто они отправлялись на тот свет; не видно было в народе никакого одушевления, хотя дело уже шло о защите своей земли. В дворянских собраниях заметно было то же: шли в ополчение только те дворяне, которые с приличием не могли от того уклониться; а кого освобождали лета, здоровье или особенные семейные обстоятельства, те, с едва скрываемою радостью, отказывались от чести и долга защищать свое отечество.

20-го февраля 1855 года получено было в Москве известие *о кончине* императора Николая Павловича и о восшествии на престол императора Александра II. Это известие немногих огорчило; ибо нелегко было для России только что закончившееся продолжительное тридцатилетнее царствование; но особенно тяжко и удушливо оно было с 1848 года. Тут подозрительности и своеволию администрации не было пределов. В тот же вечер после присяги Хомяков, Ив. Киреевский и еще несколько приятелей собрались у нас, и мы с надеждами выпили за здоровье нового императора и от души пожелали, чтобы в его царствование совершились освобождение крепостных людей и созыв общей Земской думы. Слава Богу и великому нашему государю, первое наше горячее желание уже исполнилось, а к исполнению второго положено необходимое и твердое основание введением уездных и губернских земских учреждений.

В конце 1854 года я составил *записку* “О финансовых средствах России к продолжению борьбы с Турциею и Европою”. В этой записке я изложил, что как во время войны нет возможности заключить внешний заем, то неизбежно обратиться только к внутренним средствам; что при громадных уже произведенных выпусках кредитных билетов нельзя и думать об их значительном умножении; что необходимо оживить, усилить и утвердить государственный кредит внутри государства; и что для этого вернейшим средством был бы созыв выборных от всей земли Русской; ибо это одно может превратить государственную войну в народную и тем открыть правительству доступ к частным средствам

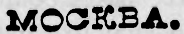
МОСКОВСКІЙ

СБОРНИКЪ.

ТОМЪ I.

СОЧИНЕНІЯ:

К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, И. Д. Бѣляева,
И. В. Кирѣевскаго, П. В. Кирѣевскаго, А. И. Кошелева,
С. М. Соловьева, А. С. Хомякова.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1852.

Титульный лист "Московского сборника" 1852 г.

страны, которые теперь тщательно от него скрываются. Эта мысль была мне внушена особенно тем, что объявленное ополчение вызвало менее сочувствия, чем неудовольствия и жалоб на то, что в нужде к нам обращаются, а при благоприятных обстоятельствах нас и знать не хотят и что вообще содержат в тайне все дела государственного управления. Эту записку я предполагал в конце февраля через государя наследника повергнуть на благоусмотрение государя императора; но внезапно изменившиеся обстоятельства, т.е. кончина его, заставили меня отсылкою этой записки помедлить, и я ее отправил только 9-го мая к молодому императору. Судьба ее печальна и комична: в конце июня в деревне через станового пристава я получил извещение, что мое "всеподданнейшее прошение" с запискою через комиссию прошений препровождено по принадлежности к министру финансов. Более об этом я уже ничего не слыхал. В удостоверение того, что мысль о созыве общей Земской думы, о чем впоследствии я так много писал, была плодом не внезапного вдохновения, а многолетнего размышления и изучения нашего быта, прилагаю эту записку под № IV-м.

Падение Севастополя[8], разные другие поражения и дипломатические переговоры хотя нас и огорчали, однако мы не унывали, ибо чаяли наступления лучших для России дней. Мы даже настолько ожили, что осенью 1855 года приступили к положительным переговорам об издании журнала, что всегда составляло нашу любимую, самую пламенную мечту. А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и я съехались в Москву и порешили издавать журнал сперва в виде четырех книг в год, назвать этот журнал "Русскою беседою" и быть мне его издателем-редактором. И.В. Киреевский не мог приехать в Москву и письмом уполномочил меня действовать за него на наших совещаниях вполне неограниченно. Затем предстояло нам преодолеть еще немало препятствий к осуществлению нашего намерения: исходатайствовать дозволение на издание журнала и выхлопотать снятие запрещения, наложенного на некоторых из нас, как было сказано выше, по случаю задержанного 2-го тома "Московского сборника", издававшегося И.С. Аксаковым. В число постоянных сотрудников "Русской беседы" вошли Ив.С. Аксаков, кн. В.А. Черкасский, И.Д. и М.В. Беляевы[9], Т.И. Филиппов и многие другие.

По поводу сотрудничества кн. Черкасского считаю нужным сказать несколько слов. Хотя впоследствии он часто считался так называемым славянофилом, а иногда даже становили его и во главу этой партии, но он никогда таковым не был и расходился с нами в самых существенных убеждениях. Он вовсе не считал православного Христова учения основою нашего мировоззрения, высказывался беспрестанно против сельской общины и любил насмехаться над народом-кумиром, коему, по его мнению, будто поклонялись Хомяков и К. Аксаков. Черкасский как отменно умный человек признавал, что в нашем направлении более силы и будущности, чем в противоположном, т.е. тогдашнем западном, он находил особенное удовольствие в наших беседах и дорожил связями с нами. Ради этого он согласился предоставить мне право вычеркивать из его статей все то, что окажется противным нашему направлению, или требовать от него изменений в этом же смысле. Только на этих условиях мы и согласились принять кн. Черкасского в постоянные сотрудники "Русской беседы"[10].

РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помяните одно: только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только кореня не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окруж. Грам. Москвы. (Акты Арх. Эксп. Т. II. стр. 298).

1856.

I.

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семена, на Софійской улицѣ.

1856.

Титульный лист журнала “Русская беседа”

Попечитель Московского учебного округа В.И. Назимов, заведывавший тогда цензурным делом в Москве, был хорошо расположен ко мне и еще лучше расположен к Т.И. Филиппову, долженствовавшему быть моим помощником по изданию "Русской беседы". Министром народного просвещения был тогда А.С. Норов, мой внучатный брат, с которым я был в самых коротких отношениях. Оба они высказали нам свое полнейшее сочувствие и обещали свое покровительство. Казалось, дело в шляпе. Но не так вышло на самом деле. Проявились опасения и подозрения; пошли справки; завязалась пространная переписка; и только после моей поездки в Петербург, т.е. в феврале получено было наконец желаемое разрешение. Но и этим дело еще не кончилось: необходимо было снять вышеупомянутое запрещение с главных сотрудников "Беседы"; ибо иначе приходилось бы все их статьи предварительно посылать в Петербург, что задерживало бы их напечатание, по крайней мере, на многие месяцы. Как я не был в числе лиц, подвергшихся запрещению, то и не мог ходатайствовать об его снятии. Тогда отправился в Петербург А.С. Хомяков, которому с помощью гр. Д.Н. Блудова и некоторых других лиц удалось наконец достигнуть этого счастливого результата.

"Русская беседа", имевшая выходить четыре раза в год: в январе, апреле, октябре и декабре, появилась первою книгою только в апреле. Хлопоты по получению разрешения на издавание журнала и по снятии запрещения с сотрудников были таковы, т.е. так продолжительны и томительны, что не раз приходили мы почти в отчаяние. И.В. Киреевский, живший тогда в деревне и принимавший в этом деле самое живое участие, настоятельно советовал оставить намерение издавать журнал и тем избавиться от хлопот с цензурным ведомством; но Хомяков и я, мы положили не отступать перед препятствиями и истощить все средства к их устранению. Только в начале марта мы могли напечатать нашу программу и приступить к печатанию самого журнала. Хомяков написал прекрасное предисловие, которое мы все вполне одобрили*. В первой же книге "Беседы" были помещены статьи Ю.Ф. Самарина – "О народности в науке", И.Д. Беляева – «"Критика на обзор исторического развития сельской общины в России", соч. Чичерина», и заметка К. Аксакова "О русском воззрении". Эти статьи и предисловие Хомякова вызвали ожесточенные возражения и насмешки со стороны всех повременных изданий в Петербурге и Москве[11]. Ни одна газета и ни один журнал не отнеслись к нам сочувственно. Истины, ныне сделавшиеся почти общими местами, тогда нами высказанные, сочтены были журналистикою и в обществе какими-то парадоксами, заявленными нами в припадках сумасшествия или в насмешку над здравым смыслом. Особенно поразило многих и очень многих утверждение, что народность имеет великое значение в науке; что последняя разработывается в различных видах различными народами; что каждый из них влагает в нее свою особенную лепту; что чем народ самобытнее, тем своеобразнее разработывает науку и тем большую услугу он ей оказывает и тем

* Оно напечатано и в "Русской беседе", и в сочинениях А.С. Хомякова издания 1861 и 1878 г.

более ее обогащает; и что наука не есть отвлеченное творение человечества вообще, а произведение различных народов, действовавших на этом поприще согласно особенностям своего духа и своих местных и временных условий и обстоятельств. Это мнение страшно оскорбило и взбесило г.г. ученых, и Катков, издатель журнала "Русский вестник", разразился целым рядом самых едких статей[12]. Петербургские журналы от него не отстали, но предпочли действовать более сподручными орудиями: насмешками, колкостями и даже клеветами. Русская община, общественное землевладение, обычное право, воззрение православного на Божий мир и пр. – все это вызвало всякого рода глумления, укоры, брани и клеветы. Отвечали мы мало и спокойно и продолжали свое дело безостановочно. Мы вели его в таком согласии и так единодушно, что в течение пятилетнего существования журнала не возникло ни одного сколько-нибудь серьезного столкновения или недоразумения между сотрудниками и издателем-редактором. Хотя я действовал самостоятельно и твердо, а в числе сотрудников были люди весьма самобытные и в особенности пылкий и вполне своеобразный К.С. Аксаков, однако мне удалось благополучно и успешно пройти через все стремнины и между всех утесов. Конечно, в этом мне много помогал А.С. Хомяков, который своим добродушием и своею диалектикою всех обезоруживал. Из этой эпохи не могу не рассказать нескольких случаев, отчасти замечательных, отчасти забавных.

Нас, так называемых славянофилов, страшились в Петербурге, т.е. в администрации пуще огня. Там считали нас не красными, а пунцовыми, не преобразователями, а разрушителями, не людьми, а какими-то хищными зверями. Министр народного просвещения А.С. Норов после выхода нескольких книг "Р⟨усской⟩ беседы" встретил меня в Петербурге следующими словами: "Ничего; продолжайте, как начали, и вы будете иметь во мне верного защитника. Признаться: я вас шибко боялся – думал, что вы занесетесь Бог весть куда. Нет – ничего. Вас ругают только журналы и газеты – это не беда". Когда однажды К.С. Аксаков посетил А.С. Норова во время его пребывания в Москве, то последний с особенным чувством радости сказал мне: "Я видел Аксакова. Я ожидал найти в нем если не тигра, то медведя; а он очень вежлив и даже, кажется, благодушен".

Когда напечатана была в № 2 "Беседы" 1858 года статья г. Дисколова под заглавием "Возрождение болгар", где говорилось о распрях между царьградским патриархатом и болгарами и обвинялся первый в притязательности и корыстолюбии, то редакция "Русской беседы" получила через Московский цензурный комитет грозную бумагу от обер-прокурора Св⟨ятейшего⟩ синода. Эту бумагу я тотчас отправил к А.С. Хомякову, находившемуся тогда в деревне, и просил его немедленно изготовить ответ. Хомяков составил прекрасный – скромный, но весьма твердый ответ[13], который я дал переписать и тотчас подписал и отправил в Цензурный комитет. Этим дело и закончилось*.

---

* Он напечатан в полном собрании сочинений Хомякова.

Летом 1857 года отправлена была к цензору Н.Ф. Крузе моя статья " По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и о поземельной общественной собственности"[14]. В этой статье говорилось об общинном крестьянском землевладении и намекалось довольно ясно о выгодах и необходимости уничтожения крепостной зависимости людей. Целых два, три месяца статья эта ко мне не возвращалась. В сентябре по возвращении из деревни в Москву я решился ехать к цензору, желавши узнать об участи моей статьи. Н.Ф. Крузе мне сообщил, что он в крайнем затруднении: статья очень хороша, мысли, в ней высказанные, ему вполне сочувственны; но имеется в нем опасение, как бы за пропуск этой статьи не досталось и ему, и журналу. Я прошу Н.Ф. Крузе возвратить мне статью, ибо не желаю подвергать его ответственности. Благородный цензор берет перо и с пропуском статьи к напечатанию мне ее возвращает. К счастию, напечатание этой статьи совпадало с обнародованием высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года[15]; и таким образом, и цензор и журнал не подверглись никакой ответственности. "Русс⟨кая⟩ беседа", наш кружок и я в особенности в 1856 году понесли великую потерю: 11-го июня в Петербурге *скончался Иван Васильевич Киреевский*. Он было принялся очень усердно и горячо за писание философских статей для "Беседы"; но ему оказалось необходимым ехать в Петербург, где старший его сын[16] держал в лицее выходной экзамен. Там от холеры в несколько дней он скончался на руках сына, А.В. Веневитинова и гр. Комаровского. Эта утрата нас всех очень огорчила; а я с ним схоронил как будто половину себя.

Не могу здесь не рассказать одного приключения, незначительного самого по себе, но хорошо характеризующего как только что тогда пережитые времена, так и московского генерал-губернатора гр. Закревского, вполне пропитанного правилами покойного императора.

Я прежде говорил о ненависти этого высокого сановника к нам, так называемым славянофилам. В ожидании приезда в Москву молодого императора, долженствовавшего в августе короноваться, гр. Закревский решился на подвиг блистательный. Бороды и зипуны, которые носили Хомяков и Константин Аксаков, возбуждали его крайнее негодование. Он вздумал обязать их подпискою не показываться в публике в этом "костюме" и не носить бороды. Хомяков и Аксаков, озадаченные таким требованием, к сожалению, дали требуемую подписку. Затем приезжает и ко мне московский обер-полицеймейстер. Как он был человек мне знакомый и ко мне езжал и не поделам, то сперва он беседует со мною и о том, и о другом и наконец решается сообщить просьбу генерал-губернатора о сбритии моей бороды. Предупрежденный случившимся с моими друзьями, я отвечаю обер-полицеймейстеру, что прошу передать его сиятельству мою покорнейшую просьбу – оставить мою бороду в покое. "Если же это невозможно, – прибавил я, – то придется взять меня силою и обрить меня в цирюльне". Этим и закончился поход генерал-губернатора против моей бороды и более о ней уже никакого разговора не было.

Глава X. (1857–1860)

Эпоха уничтожения крепостного права. – Рескрипт 20 ноября 1857 г. – Проекты освобождения. – Журнал "Сельское благоустройство" и его прекращение от цензурных стеснений. – Рескрипт на имя рязанского губернатора 1858 г. – Работы в комитетах в звании члена от правительства. – Борьба партий. – Проект освобождения крестьян с землею. – Слабохарактерность Ростовцева. – Отъезд за границу. – Прага. – Вена. – Швейцария. – Италия. – Встреча с Кавуром. – Париж. – Брюссель. – Остенде. – Вел. кн. Елена Павловна. – Брошюра "Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу". – Замечания на доклады Редакционной комиссии. – Отъезд в деревню. – Недовольство Редакционной комиссией. – Смерть А.С. Хомякова 1860 г. – Его личность.

Теперь подхожу я к великой эпохе уничтожения на Руси крепостной зависимости людей.

Еще в 1856 году государь, принимая в Москве предводителей дворянства, сказал им, что в быте крепостных людей необходимо сделать изменения и что желательно произвести их сверху, прежде чем они потребуются снизу. Вследствие этого и в обществе и в официальных, даже в придворных сферах пошел сильный говор о предстоящих преобразованиях в быте крепостных людей. Но решительный толчок этому делу дан был обнародованием высочайшего *рескрипта* от 20 ноября 1857 года на имя виленского генерал-губернатора Назимова. Это обнародование произвело сильнейшее действие во всей империи: одни страшно перепугались, – были, так сказать, ошеломлены; другие обрадовались; многие и весьма многие просто не поняли значения этого события. Из Петербурга и Москвы тревога перешла в губернии, и там недоумениям и страхам не было границ; все спрашивали друг друга: "Что же теперь делать?" Копии с упомянутого рескрипта разосланы были не только к губернаторам, но и к губернским предводителям дворянства и сопровождались внушительными отношениями. *Первый ответный адрес* на высочайшее имя по случаю этого рескрипта поступил, кажется, из Нижнего Новгорода; затем все губернии, одна за другой, хотя и с горем в душе, изъявили готовность приступить к указанному великому делу – улучшения быта крепостных людей. На представленные адресы давались каждой губернии высочайшие рескрипты и учреждались губернские комитеты.

Рассказывали, что в Петербурге в высшей администрации была сильная борьба против опубликования рескрипта к виленскому генерал-губернатору, и в особенности против официальной рассылки этого документа к губернаторам и губернским предводителям дворянства прочих губерний империи. Во главе оппозиции стоял председатель Государственного совета кн. Орлов; и он решился всем авторитетом своего звания и своей опытности подействовать на молодого императора. Он отправился во дворец, приказал о себе доложить государю, и как в это время из кабинета императора выходил старик гр. Адлерберг, то Орлов сообщил ему в коротких словах о цели своего приезда. Входит он в кабинет императора, говорит ему самым сильным и настойчивым образом против опубликования упомянутого рескрипта и почти на коленях умоляет государя не открывать эры револю-

ции, которая поведет к резне, – к тому, что дворянство лишится всякого значения и, быть может, и самой жизни, а его величество утратит и престол. Когда кн. Орлов выходил из кабинета государя, то ожидавший его выхода гр. Адлерберг спросил его: "Ну, что?" – "Потрясен, – ответил с довольною улыбкою кн. Орлов, – и рескрипт не будет опубликован". Еще не успел кн. Орлов отъехать от дворца, как доклад министра внутренних дел[1] об обнародовании рескрипта был уже государем утвержден и тотчас возвращен по принадлежности. На следующий день этот рескрипт появился в официальной газете.

Когда в обществе сильно заговорили об освобождении крепостных людей, и правительство становилось во главе этого движения, тогда я решился принять в этом деле самое горячее участие. Для достижения этой благой, постоянно бывшей у меня в виду цели я вздумал действовать двумя способами: составлением и оглашением проекта по этому предмету и издаванием журнала, исключительно посвященного делу уничтожения крепостной зависимости людей на Руси.

Об этом составлявшемся мною проекте, которого главные основания я охотно сообщал всем, кто только меня о том спрашивал, много заговорили в Москве; и в декабре 1857 года я получил от кн. Василья Андреевича Долгорукова, начальника 3-го отделения собственной его величества канцелярии, письмо, которым он по высочайшему повелению просил меня прислать для представления государю императору копию с моего проекта. При этом он удостоверял меня, что в этом случае он действует не как начальник 3-го отделения, а как мой знакомый и как генерал-адъютант. Я тотчас ему ответил, что за счастие счел бы немедленно исполнить волю государя императора, но что записки мои еще не готовы; что теперь с особенным рвением примусь за окончательную их отделку и что не премину их к нему, кн. Долгорукову, препроводить, как скоро они будут закончены. Тогда я сильно принялся за свои "*Записки*"[2], и через три недели они были готовы. В одно и то же время подобные же записки были составлены Ю.Ф. Самариным и кн. В.А. Черкасским. Когда наши записки были готовы, т.е. в январе 1858 г., мы их прочли друг другу; и оказалось следующее: Ю.Ф. Самарин предлагал только расширить и сделать более удобоисполнимым прежний указ об обязательных крестьянах. Кн. Черкасский имел в виду освобождение крестьян только с усадьбами. *Мой проект* был самый радикальный: я предлагал выкуп крестьян с землею, находящеюся в их владении. Такое освобождение должно было совершиться в *двенадцать лет*; предполагалось сперва предоставить помещикам право в течение первых трех лет входить с крестьянами в добровольные сделки насчет количества выкупаемой земли, ее цены при maximum'е, установленном от правительства по разным губерниям, и насчет сроков уплаты и границ отводимого надела. Потом имелось в виду назначить трехгодичный срок, в течение которого условия о выкупе должны составляться при посредничестве выборных от дворянства и от крестьян. Наконец в третий уже шестилетний срок при продолжении действия первых двух способов имело вступить в действие обязательное определение всех условий выкупа через чиновников, от правительства назначенных. По выслушании моих записок Ю.Ф. Самарин пришел в ужас от радикальности предлагаемых мною мер и ска-

зал: “Нет! не посылайте этих записок; они перепугают в Петербурге и заставят идти назад”. А кн. Черкасский, напротив того, выразился так: “Нет! отправьте их непременно. Хотя ваши записки действительно радикальны; но не беда – из большого можно убавить и все-таки останется довольно. Петербург надо обстреливать”. Записки мои были окончательно набело переписаны в трех экземплярах – для государя, для кн. Долгорукова и для министра внутренних дел; и в первых числах февраля они были отправлены в Петербург. Впоследствии мои записки, как и многие другие, были переданы сперва в Главный комитет по крестьянским делам, а потом в Редакционные комиссии, учрежденные под председательством генерал-адъютанта Я.И. Ростовцева. И тут, по отзывам членов комитета и комиссий, мои записки оказались самыми радикальными; но мой радикализм остался таковым не на долгое время; вскоре он был значительно превзойден, и меня чуть-чуть не зачислили в отсталые. (Помещаю эти записки в приложении под № V.)

Зима 1857–1858 года была в Москве до крайности оживлена. Такого исполненного жизни, надежд и опасений времени никогда прежде не бывало. Толкам, спорам, совещаниям, обедам с речами и проч. не было конца. Едва ли выпущенный из тюрьмы после долгого в ней содержания чувствовал себя счастливее нас, от души желавших уничтожения крепостной зависимости людей в отечестве нашем и наконец получивших возможность во всеуслышание говорить и писать о страстно любимом предмете и действовать как будто свободно. Другие и, к сожалению, весьма многие волновались от страха и успокоивали и утешали себя только тем, что это дело не может осуществиться, что поговорят, поговорят о нем и тем оно и покончится; а потому они не скупились на словоизвержения и пуще всего угощали своих собеседников возгласами и застращиваниями. В обществе, даже в салонах и клубах только и был разговор об одном предмете – о начале для России эры благих преобразований, по мнению одних, и всяких злополучий, по мнению других; и московские вечера, обыкновенно скучные и бессодержательные, превратились в беседы, словно нарочно созванные для обсуждения вопроса об освобождении крепостных людей. Одним словом, добрая старушка Москва превратилась чуть-чуть не в настоящий парламент.

В это время, а именно в конце декабря 1857 года, я решился при издаваемой мною “Русской беседе” выпускать ежемесячно, в виде особого прибавления, книжки под заглавием “Сельское благоустройство”[3], посвященное исключительно делу освобождения людей от крепостной зависимости. Постоянными сотрудниками обещались быть Ю.Ф. Самарин, кн. Черкасский и некоторые другие. Я поехал в Петербург, выхлопотал там без особых затруднений разрешение на издавание этого журнала и в феврале выпустил первую книжку “Сельского благоустройства”. В этом журнале, особенно в первых его книжках, я поместил много своих статей; а библиографические сведения, с краткими критическими отзывами, не подписанные особыми буквами, все составлены мною. “Сельское благоустройство” расходилось хорошо, сотрудники являлись со всех сторон; и это происходило главнейше оттого, что я помещал статьи без всякой исключительности, наблюдая только за тем, чтобы статьи были дельные и при-

лично написанные. У меня был не недостаток, а излишек в статьях; и главный труд заключался в их прочтении, в выборе лучших из них к напечатанию и в составлении примечаний к тем статьям, которые противоречили мнениям редакции. Занявшись исключительно "Сельским благоустройством", я воспользовался обязательным предложением И.С. Аксакова и временно передал ему главные труды и заботы по изданию "Русской беседы"[4]. Сначала "Сельское благоустройство" в цензурном отношении мало меня затрудняло; корректуры возвращались мне цензором скоро и почти без помарок; но с осени 1858 года пошли из Петербурга конфиденциальные циркуляры; а в конце года предписано было оттуда препровождать на процензорование в Петербург все статьи, сколько-нибудь несогласные с заявленными видами правительства. В первых месяцах 1859 года затруднения по цензуре сделались невыносимыми; почти все статьи отправлялись в Петербург; там они задерживались по два, по три месяца и возвращались оттуда не только с помарками, но иногда даже со вставками, противоречащими главной мысли автора. Вследствие этого январский номер вышел только в феврале, а февральский – в апреле, вместе с объявлением о прекращении издания "по причинам, от редакции не зависящим", т.е. по невозможности исполнять требования цензуры. Хотя это прекращение издания было для меня очень прискорбно, однако я вынужден был на это решиться, потому что трудно противу рожна прати.

По воспоследовании высочайшего рескрипта на имя рязанского губернатора в начале лета 1858 года разосланы были к дворянам приглашения на уездные собрания для выбора членов в губернский комитет. Мне чрезвычайно хотелось участвовать в деятельности этого комитета; но я не имел никакой надежды на избрание в члены его сапожковским дворянством, считавшим меня одним из главных виновников предстоявшего бедствия для российского дворянства и потому заслуживающим, по крайней мере, колесования. Проезжая из Москвы через Рязань, я посетил губернатора г. Клингенберга, который предложил мне быть членом комитета от правительства. Я спросил его, не обязаны ли члены от правительства поддерживать все мнения и требования Министерства внутренних дел, и сказал ему, что, душою преданный делу освобождения крепостных людей, я не могу принять на себя защиту того, что́ счел бы для этого дела вредным. По получении от него успокоительного ответа я изъявил согласие на принятие на себя обязанностей члена от правительства и вскоре был утвержден в этом звании министром внутренних дел. Точно так же поступил Ю.Ф. Самарин и князь Черкасский.

От Сапожковского уезда были выбраны в члены губернского комитета двое Протасьевых – не крепостники, но люди очень и очень умеренно либеральные. Мы сообща составили программу для будущих наших действий в губернском комитете, ибо желали там не расходиться в наших мнениях и требованиях. К сожалению, эта программа оказалась на деле только бумагою, исписанною чернилами.

В конце августа мы собрались в Рязани, и 26-го, в день коронации, губернатор торжественно открыл наши заседания. Председателем комитета был губернский предводитель дворянства А.В. Селиванов, человек неглупый, добрый,

но малоразвитой и отменно неловкий, и особенно вследствие своего странного положения, не дозволявшего ему быть вполне ни на стороне правительства, желавшего уничтожения крепостной зависимости, ни на стороне дворянства, надеявшегося отделаться одними словами и удержать в сущности свою власть на крестьян и дворовых людей. Другим членом от правительства был некто М.Д. Маслов, заклятый крепостник и человек, пропитанный всевозможными дворянскими предрассудками и претензиями. Я нашел в нем не товарища, не единомысленника, а постоянного противника. Как только начались заседания и пошли в ход работы, то не замедлили своим началом и всякого рода интриги. Большинство членов комитета состояло из крепостников, а меньшинство – из робких либералов. Во главе первого стоял Ф.С. Офросимов – человек умный, довольно образованный, весьма хитрый и ловкий. Мне приходилось с ним постоянно спорить и перечить большинству; редко, почти никогда мне не удавалось проводить свои предложения. Всего более бесило большинство то, что я обнаруживал его тайные замыслы и заставлял противников освобождения яснее излагать свои мнения. Неловкий наш председатель беспрестанно попадался впросак и своими действиями то в ту, то в другую сторону страшно вредил и себе и самому делу. А вожак большинства Офросимов ловко пользовался промахами председателя и сплотнял большинство, особенно под благовидным предлогом удержания самостоятельности дворянства и защиты его прав и интересов. Главным препятствием к упрочению и усилению власти Офросимова в комитете был я; а потому он изыскивал все средства к сокращению и уничтожению моего влияния в комитете. Вскоре представился к тому благоприятный случай, и Офросимов решился нанести мне окончательный удар.

В одном из осенних номеров “Сельского благоустройства” помещена была статья кн. Черкасского[5], в которой было сказано, что нежелательно, чтобы теперь внезапно были отменены телесные наказания в крестьянском быту, и тем более, что сами крестьяне считают их еще необходимыми. По этому поводу поднялись в журналистике ужасные крики, брани и глумления[6]. Кн. Черкасский как автор статьи, а я как издатель журнала, в котором она была помещена, были просто-напросто привязаны журналистикою к позорному столбу. Заведующий в мое отсутствие из Москвы изданием “Русской беседы” и печатанием “Сельского благоустройства” И.С. Аксаков счел долгом за нас заступиться и в статье, напечатанной в “Московских ведомостях”[7], имел неосторожность сказать, что странно и неприлично нападать на людей, которые в настоящее время борются в губернских комитетах, отстаивая права и интересы крестьян “против своекорыстия и невежества”. Эта статья подняла страшные бури в комитетах и в Туле против кн. Черкасского, и в Рязани против меня. Члены большинства Рязанского комитета подошли ко мне в зале наших заседаний и спросили меня, буду ли я отвечать на клевету, напечатанную г. Аксаковым в “Московских ведомостях”? На это я им отвечал: “Как я буду действовать в настоящем случае – еще не знаю; но, во всяком случае, не считаю себя обязанным отдавать в том кому-либо отчет”. Члены большинства убедили председателя Комитета г. Селиванова иметь на следующий день чрезвычайное заседание, в которое долженство-

вали быть приглашенными все, кроме меня. Накануне вечером приехал ко мне А.В. Селиванов, сообщил мне, что он вынужден был согласиться на требование большинства и советовал мне от себя написать статью в "Московские ведомости" в опровержение отзыва г. Аксакова. Я решительно отказался от исполнения такого требования членов Комитета, предоставивши им, буде пожелают, отвечать г. Аксакову. На следующий день в 3-м часу пополудни явилась ко мне депутация, состоявшая из шести членов Комитета с предложением, чтобы я подписал статью, ими сочиненную в ответ на отзыв г. Аксакова. С речью ко мне обратился кн. Волконский, а Офросимов был в числе остальных пяти молчавших. Я ответил им, что хотя на своем веку подписывал свое имя под многими напечатанными статьями, но только под своими, а не чужими, и что и на сей раз отступить от этого не могу. Кн. Волконский спросил меня, не желаю ли я прочесть написанную ими статью? На ответ мой, что не имею на то никакого желания, он грозно спросил меня: "Таково ли окончательное ваше решение?" После утвердительного моего ответа депутация отправилась обратно в Комитет; и через час времени приехал ко мне председатель А.В. Селиванов с извещением, что Комитет постановил просить начальника губернии об устранении меня от занятий Комитета на том основании, что, при отказе моем подписать статью в опровержение клеветы, напечатанной в "Московских ведомостях", члены Комитета не могут заседать со мною за одним столом. – Я высказал г. Селиванову мое удивление насчет того, что он мог допустить такое постановление, и присовокупил, что сам буду просить г. начальника губернии об увольнении меня из Комитета, в котором, кроме неприятностей и противодействия, я ничего не нахожу. После обеда я сел писать письмо к губернатору с изъявлением желания быть освобожденным от звания члена Комитета и хотел это письмо к нему везти. Но я не успел его докончить, как приехал ко мне сам губернатор. Я убеждал его согласиться на мое увольнение и тем восстановить в Комитете мир и согласие, но он объявил мне решительно, что обо всем случившемся доносит по эстафете министру внутренних дел и требует исключения четверых членов, всего более виновных в происшедших беспорядках, а именно кн. Волконского, Офросимова, Афанасьева и члена от правительства Маслова. Видя непреклонность губернатора, я объявил ему, что в таком случае я и сам поеду в Петербург.

На следующий же день я отправился из Рязани с искренним желанием туда более не возвращаться; а потому я велел все уложить для перевозки в Москву. Хотя мне очень не хотелось возвращаться в Рязань, однако я предвидел, что высшее правительство на это не согласится и что всячески будут меня уговаривать на возврат к занятиям в Комитете; а потому, проезжая через Москву, я виделся с одним рязанским помещиком и моим добрым приятелем Д.Ф. Самариным и заручился его согласием на принятие звания члена от правительства на место Маслова, который в Комитете постоянно действовал против меня и с которым я решительно не хотел там оставаться.

По приезде в Петербург в тот же день я отправился к министру внутренних дел Сергею Степановичу Ланскому, с которым давно и хорошо я был знаком в особенности потому, что он был брат жены друга моего кн. Одоевского и что у

них я часто видался с С.С. Ланским. Как я взошел к нему в кабинет, то он мне сказал: "Знаю всю рязанскую историю и ваше нежелание туда возвращаться; но возвратиться туда вы должны, ибо иначе члены от дворянства везде выживут членов от правительства. Не требуйте от нас невозможного, но вы можете предписать нам свои условия, и мы должны их принять". После довольно продолжительной беседы было положено, что на следующий день поутру я приеду к нему и привезу письмо, в котором будут изложены мои условия.

На следующий день в 10 часов утра я явился к министру с письмом, в котором высказал, что не считаю возможным с пользою продолжать мою деятельность в Рязанском комитете, если в товарищи, т.е. в звание другого члена от правительства не будет назначен человек по моему указанию; если не признают небывшим все, что сделано или еще будет сделано в Комитете со дня моего отсутствия по день моего возвращения; если не восстановят меня торжественно в звании члена Комитета; и если не уважут моей просьбы не делать выговора Комитету и не исключать кого-либо из его членов, кроме члена от правительства Маслова. С.С. Ланской вполне одобрил мои условия и в тот же день поехал с докладом к государю, который приказал этот доклад рассмотреть на следующий же день в Главном комитете по крестьянскому делу.

Вечером я поехал к Я.И. Ростовцеву, с которым я был прежде знаком и который был членом упомянутого Главного комитета. Я рассказал ему как случившееся в Рязани, так и содержание моего письма к министру внутренних дел. Он обещал поддерживать в Комитете мои условия.

В Комитете были, как мне рассказывали, жаркие прения. Одни предлагали раскассирование всего Рязанского губернского комитета, другие требовали, согласно с представлением губернатора, исключения четырех членов и выговора Комитету; но Ланской и Ростовцев настаивали на безусловном принятии моих предложений. Последнее мнение наконец восторжествовало, и оно удостоилось высочайшего утверждения. Д.Ф. Самарин по моей просьбе был назначен вторым членом от правительства по Рязанскому комитету.

В Москве я пробыл недолго; и как только Д.Ф. Самарин собрался к отъезду, то мы вместе отправились в Рязань. В Петербурге и Москве думали, что члены Рязанского комитета по возвращении моем откажутся от своего звания и что Комитет не будет иметь возможности продолжать свои занятия; но я уверен был, что при грозном отзыве из Петербурга все успокоится и придет в порядок. Впрочем, в Петербурге было решено произвести новые выборы членов от дворянства в случае, если бы настоящие члены не захотели продолжать исполнения своих обязанностей.

Губернатор г. Клингенберг предложил Комитету собраться в мундирах для выслушания высочайшего повеления и, по получении извещения от губернского предводителя, что Комитет в сборе, он отправился с нами в это заседание. Прочтено было высочайшее повеление, в котором объявлялось Комитету высочайшее неудовольствие и вместе с тем повелевалось: считать недействительным все то, что в нем было сделано в отсутствие члена Комитета от правительства Кошелева, считать уволенным от звания члена Комитета от правительст-

ва Маслова со дня подписания им комитетского журнала о ходатайстве насчет устранения Кошелева от занятий по Комитету и ввести в должность вновь назначенного членом от правительства рязанского помещика Дмитрия Самарина. По случаю этого рязанского события состоялся для всех губернских комитетов по крестьянским делам указ, объявляющий недействительными те положения комитетов, в заседаниях которых не участвуют члены от правительства или, по крайней мере, один из них. Все это происходило в конце ноября 1858 года.

С следующего же дня занятия Комитета возобновились и с того именно вопроса, который был оставлен нерешенным в последнем заседании, в котором я присутствовал. Большинство осталось верным своим убеждениям, т.е. продолжало действовать в крепостническом духе; мы, т.е. я и Самарин, почти всегда оставались вдвоем при особых мнениях. Когда все вопросы были порешены и выбрана была Редакционная комиссия, то я и Самарин объявили, что представим особый проект, основанный на особых нами поданных мнениях. Мы все сильно принялись за работу, и в конце марта составлены и рассмотрены были в Комитете *три проекта*: один от большинства и два от двух меньшинств. Все три проекта были напечатаны, а потому упомяну о них здесь весьма вкратце. Проект большинства был составлен в крепостническом духе с малым наделом крестьян землею, с удержанием разных помещичьих прав в отношении к крестьянским обществам и без права выкупа. Второй отличался от первого тем, что устанавливал обязательный выкуп с незначительным увеличением крестьянских наделов против тех, которые были установлены большинством. Третий проект, т.е. наш, был самый либеральный. Мы предлагали оставить крестьянам существующие наделы с установлением высших и низших норм, т.е. с предоставлением помещикам права отрезывать те количества земли, которые превышают первые нормы, и с возложением на помещиков обязанности пополнить, из господской земли, те наделы, которые окажутся ниже последних норм. Высшие нормы, глядя по местностям губернии, назначались нами от двух до трех десятин[8], а низшие от $1^1/_2$ до 2 дес⟨ятин⟩. Выкуп нами предполагался добровольный с пособием от правительства и допускался обязательный для помещиков только в том случае, если крестьяне внесут всю сумму на капитализированную из 6% платимых ими повинностей, которые при высшем наделе ограничивались 40 днями или десятью рублями с ревизской души. Сверх того предоставлялись крестьянским обществам самые широкие права по самоуправлению. В начале апреля, т.е. до Пасхи, по окончании всех дел заседания нашего Комитета были закрыты.

Не могу при этом не сказать, что во время заседаний нашего Комитета от времени до времени происходили, как во всяких дворянских собраниях, и скандалы, и скандальчики. Вследствие одной дерзкой выходки против председателя Комитета губернского предводителя дворянства А.В. Селиванова двое из членов прежде, по моей истории, предположенных к исключению, кн. Волконский и Офросимов, были действительно исключены и возвращены, по общей нашей просьбе, только в последнее заседание Комитета. Вследствие другого скандала губернский предводитель А.В. Селиванов должен был выйти в отставку. Това-

рищ мой Д.Ф. Самарин вынужден был потребовать удовлетворения за грубости, сказанные ему одним из членов Комитета Л.; дело окончилось тем, что этот член извинился перед Самариным. Что касается до меня, то во все остальное время существования Комитета я не был ни в каких сношениях с главными членами большинства, и даже мы друг другу не кланялись.

В феврале, когда в Комитете были покончены прения о разных вопросах по крестьянскому делу и приступлено было к редакции проектов, во время Масленицы я счел нужным съездить на несколько дней в Петербург. Там уже были учреждены под председательством Я.И. Ростовцева Редакционные комиссии по крестьянскому делу. В это мое там пребывание я провел целый вечер в беседе tête-à-tête* с Ростовцевым, и мои мнения по этому делу так ему понравились, что он пригласил меня по окончании дел в Рязанском комитете быть членом упомянутых Редакционных комиссий. Я изъявил полную на то готовность и уехал из Петербурга совершенно уверенный, что буду участвовать в разработке крестьянского дела и в высшей инстанции. В марте кн. Черкасский и Ю.Ф. Самарин получили письменные приглашения в члены Редакционных комиссий, и первый по эстафете из Тулы, а последний по почте – из Самары – спросили меня о том, когда я думаю ехать в Петербург для принятия участия в трудах Редакционных комиссий. Я ответил и тому, и другому, что еще не получил никакого письменного приглашения, но что, во всяком случае, не уеду из Рязани, не окончивши тут своего дела. Проходит и апрель, а я все не получаю ожидаемого приглашения. Почти все приглашенные уже туда отправились; начались там самые важные работы, а я сижу у моря и жду погоды. В конце апреля я решился уехать в деревню.

Но на месте мне не сиделось, и я вздумал ехать на границу и проездом побывать в Петербурге, а именно у Ростовцева. Мои сборы были недолгие; в половине мая я был уже на берегах Невы. Поутру в 10 часов я отправился к Ростовцеву, который жил тогда на даче, кажется, на Аптекарском острове. Я встретил Ростовцева на крыльце отправляющегося на прогулку. Он хотел возвратиться домой, но я просил его дозволить мне сопутствовать ему в его прогулке. Разговор во все время нашего пешеходства был самый живой и почти дружеский; но я заметил, что утонченною учтивостью и разными любезностями он старался скрыть или изгладить неловкость своего в отношении ко мне положения. На вопрос его, долго ли я пробуду в чужих краях, я отвечал, что, не имея теперь никакого особенного занятия, я хочу погулять и отдохнуть и останусь за границею столько времени, сколько вздумается. Он спросил меня, где за границею я думаю несколько времени оставаться, и просил у меня “позволение” присылать ко мне журналы Редакционных комиссий, выразив желание, чтобы я сообщал ему мои на них замечания. По возвращении нашем в его дом он передал мне полный экземпляр уже состоявшихся и напечанных журналов Редакционных комиссий и взял мои адресы и в Карлсбад и в Остенде[9]; затем мы распростились. Ни тогда, ни после я не мог узнать наверное причины, почему меня не пригласили в Ре-

* наедине (*фр.*).

дакционные комиссии. Уверен, что не Ростовцев тому виною, ибо он оставался ко мне весьма благорасположенным и очевидно было его желание, чтобы я участвовал в трудах находившихся под его председательством комиссий. Говорят, что имя мое, включенное в список членов Редакционных комиссий, вызвало в Главном комитете самые сильные прения и что меня забраковали главнейше потому, что я был журналистом–издателем–редактором "Русской беседы" и "Сельского благоустройства". Пуще всех, говорят, настаивал на моем исключении граф В.Н. Панин, который говорил, что уже главу славянофилов неприлично и невозможно приглашать в правительственную комиссию.

Через Берлин я поехал в Карлсбад, где пил воды, брал ванны и старался освободить себя от желчи, накопленной в Рязани. Там я получал аккуратно высылаемые на мое имя журналы Редакц⟨ионных⟩ комиссий*.

Прага 1857-го г. Июля 6/18. Поутру рано я отправился ходить по городу. Прелесть как город живописен, и сверх того с последнего моего пребывания в нем он много украсился. Особенно промышленная часть значительно развилась: магазины хороши и более жизни на улицах. В 9 часов я отправился к В.В. Ганке, которого нашел свежим, бодрым и отменно радушным. С ним мы долго беседовали, от него узнал многое насчет умственного движения в Чехии. Движение идет вперед, теперь оно глубже захватывает. После пошел к Шафарику, которого я нашел в болезненном и крайне расстроенном положении. Виден еще отменно умный, исполненный потухающей жизни человек, но уже развалины того, что некогда было. Ему запрещено писать, читать и даже говорить о предметах, могущих его волновать. Доктора полагают, что у него водяная в голове. После обеда я гулял по городу, посетил сады на Schützen и Sophien островах, а вечером был в "Чешской беседе". Меня ввел туда В.В. Ганка, и там провел я время крайне приятно, найдя там истинно славянское радушие и гостеприимство. Тут познакомился я с гг. Ербеном, Шумовским, Томичеком, Запом и друг⟨ими⟩. Всего более беседовал я с первыми тремя. В Ербене я нашел отменно умного, просвещенного, живого, горячего человека. В Шумовском – умного и неутомимого лексикографа, а в Томичеке умного, милого и крайне добродушного человека; невольно что-то к нему притягивает. Много было разговоров о том и о сем. Но я их запишу завтра, ибо еще кой-что недостаточно объяснено. Насчет цензуры, то хотя ее нет, но постановлено, что всякая книга должна быть представлена в полицию за три дня до выпуска в продажу, так что всякая полиция сделалась цензором. Газеты представляются до выпуска за 3 часа. Книга или газета воспрещается и конфискуется, и это особенная милость (которую надобно выпрашивать), чтобы позволено было некоторые листы перепечатать. Вообще свобода книгопечатания менее, чем при цензуре. Еще вещь замечательная: в Карлсбаде, в Мариенбаде и в Праге я заметил, что все австрийцы, как

* Здесь следует "вставка" из "Дневника" А⟨лександра⟩ И⟨ванови⟩ча за 1857 г. – По окончании курса вод в Карлсбаде Александр Иванович отправился в Прагу и Вену; о пребывании своем здесь он говорит в своем "Дневнике" то, что следует далее. *(Примеч. издат.)*

немцы, так и славяне[10], никогда не говорят свободно, не оглянувшись: не подслушивает ли их кто-нибудь. Система доносов чрезвычайно сильно организована, и, поживши в Австрии, чувствуешь, что какой-то гнет на вас лежит. Нельзя сказать, чтоб австрийское правительство много книг конфисковало, но страх этой меры таков, что писатели почти ничего не смеют писать, а издатели еще менее издавать, что́ могло бы быть конфисковано; но вообще в Австрии народ пишущий и издающий небогат, и такая мера для них разорительна.

Июля 7/19. Поутру с г-ном Ганкою и московским профессором Матушенковым мы отправились сперва в церковь Св. Тына (по-немецки Теуп), где было богослужение. Церковь прекрасная, и богослужение отправлялось очень хорошо; орган очень благозвучный, проповедь – по-чешски. Потом пошли мы в Градчины. Вид Градчин и оттуда на Прагу чудо как хорош, но некоторые церковные башни в городе уже уничтожены. Церквей так много, что некоторые уже заперты. Одна церковь в Градчинах чисто византийской архитектуры. Г-н Ганка, который свеж, молод и бодр, несмотря на седьмой десяток, имеет сильнейшее желание, чтобы в Праге был русский консул и чтобы одна из запертых церквей отдана была восточному православию. Народ здесь вовсе не Papistisch gemeint*. Он набожен, но в нем не видно тесно католического направления. В Градчинах мы посетили чудный собор Св. Витта[11] (Veit's Dom). Во дворец мы не пошли. Тут зимою живет император Фердинанд; а летом он в своем замке, который в нескольких милях от Праги. Его любят за его доброту; а нынешнего императора шибко не жалуют[12]. Его не считают умным и говорят, что всем заправляет его мать, которая умна и хитра. Как Градчины, так и самая Прага представляют вид города упадающего. Чудные дворцы в упадке или пусты, или превращены в казармы и богоугодные заведения. – Потом мы исходили малую часть города (die kleine Seite) и после 4-х часовой ходьбы возвратились домой. Г-н Ганка все время был на ногах, ни разу не присел и был бодр и жив. Он всякий день купается и много плавает и вообще наслаждается полным здоровьем. После обеда мы отправились в экипаже на прогулку в Бубенгах. Сад прекрасный, и виды чудные. Оттуда мы поехали на народный праздник св. Маргариты, установленный с древних времен. На этом празднике народу было очень много, но как нашли тучи, то многие уже возвращались, когда мы туда ехали. Были качели, разные балаганные представления, но главное удовольствие составляли танцы – *вальс*. Вальсировали чисто по-немецки. Этот праздник носит на себе, как и все в Праге, преимущественно характер немецкий. Вечером был я в "Беседе".

Июля 8/20. Поутру ходил к Ганке, Шумовскому, Томеку, Томичеку и наконец к Шафарику. У последнего сегодня сидел долее, чем в первый раз. Видны лишь развалины человека, но и в развалинах заметна сила и ум. Мы говорили довольно. Он сам шел на разговоры серьезные, и я не имел духа его с них своротить. Он говорил, что теперь народное направление серьезнее и общее, чем прежде, хотя в нем бодрости, силы и гения несравненно менее. Великая беда наша, говорил он, что у нас нет денежных средств, ибо все наши вельможи во

* предан папе (*нем.*).

вражьем стану, – они все сделались немцами, не живут в Праге, не говорят по-чешски и хотят быть австрийцами; от чужих, т.е. из-за границы, принимать нам пособие есть дело чисто невозможное. Эти деньги нам сделают более вреда, чем пользы. Как бы секретно это дано ни было, правительство австрийское то узнает, и оно нас за это не накажет явно, но будет всячески притеснять, лишит со временем места и всячески выместит. Вы, русские, особенно Погодин, заявлял он, имеете всегда в общениях с нами какие-то политические виды, – этим вы вредите и себе, и нам, и делу. Не заботьтесь о нас, заботьтесь о себе; встаньте сами на ноги; глядя на вас, и мы постараемся быть чехами и делать общее “Славянское дело”. – “Русских чехов, – говорил он, – теперь остается только один Ганка; он остаток прежнего движения; теперь чехи хотят быть чешскими чехами[13]. Мы не враждебны, напротив, кротки, благорасположены к русским; но входить в русские интересы мы не только не можем, но даже и не желаем. Движение народное продолжается, но оно идет глубже. Теперь во всех чешских школах учат по-чешски; чешский язык между нами, не аристократами, сделался общественным языком, чего прежде не было”. Шафарику теперь 62 года, он родился в 1795 (Ганка в 1791, а Пáлацкий в 1798 году). Он собирается путешествовать. Теперь он библиотекарем, получает жалования 1500 гульденов, квартиру и отопление. Он не в нужде. Палацкий в деревне, и я не мог с ним познакомиться. Я познакомился с Шумовским, издателем лексикона, с Томичеком, переводчиком разных русских повестей; с Запом, профессором реальных школ, издателем археологических “Памяток”; с Пуркиньи – профессором физиологии; с Воцелом – профессором археологии. К сожалению, не имел возможности познакомиться с Томеком (не застал его дома и не встретил в “Беседе”) и с Рителсбергом, который в большой бедности, которого нигде не встретил и о котором я, к сожалению, вспомнил только вечером, перед отъездом. После обеда пришли ко мне Ганка и Ербен, и мы отправились с последним смотреть паровую мельницу, устроенную у заставы под Прагою.

Июля 9/21. Ганка пришел меня проводить, и в 7 часов я был уже на железной дороге. Мы приехали в Вену в 7 с половиной, но целый час разбирались с своими вещами и только к 9 часам были в гостинице.

Июля 10/22. Все утро провел я у М.Ф. Раевского, говорили очень много и о весьма многом. Положение славян очень грустно: великая апатия; полное разъединение между славянскими народами. Дворянство славянское все превратилось в немецкое, и остальные славяне без денежных средств ничего делать не могут. Сверх того, как только проявится между славянами замечательный, энергичный человек, то правительство тотчас дает ему какое-либо выгодное место, и он делается австрийским чиновником. Чиновникам не позволено ничего печатать без согласия их начальства; в газетах же писать им безусловно запрещено. Славяне вообще бедны, и казенное место доставляет им средство существовать, – вот почему нет почти никакого движения в славянстве. Ходили в библиотеку к Миклошичу, но не застали его там. Возвратились в город в 7 часов, нашли у М.Ф. Раевского профессора и декана здешнего Лютеранского Коллегиума славян Кузмина (Б. а. Л.)[14]. Очень рад был я

с ним познакомиться. Человек он умный, живой и общительный. Мы говорили с ним обо многом. Матица чешская самая деятельная[15]. Моравская – находится в руках католиков, и они направили ее к своей цели. Галицко-русская – во Львове и иллирийская[16] – в Загребе (Аграме) действуют порядочно. Сербская – в Песте и славянская – в Клагенфурте чуть дышат. Вообще деятельности их теперь очень слабы по недостатку материальных средств. Старые члены умирают, а новых поступает мало, ибо правительство смотрит весьма подозрительно на всех деятельных и новых членов "Матиц". Движение славянское вообще теперь слабо.

11/23 июля. В 12 часов были с Раевским у Миклошича в Публичной библиотеке и оттуда отправились к Вуку Стефановичу Караджичу. Застали его дома; он стар, но еще очень жив; он говорил много, очень живо, был очень приветлив. Он особенно работал над соединением славян. К нему пришли Кузмин, с которым я вчера познакомился, и Урбар, протестантский священник, очень ревностный славянин. Оба они словаки. В половине 10-го мы все вышли от Караджича и пошли вместе и зашли к священнику Раевскому, у которого просидели до 12-го часа. Словаки имеют сильнейшее желание быть славянами; для них одно литературное единение кажется недостаточным, но какое же им иное? Не дóлжно их обманывать и следует проповедовать одно духовное единение, ибо оно одно возможно. – Урбар очень пламенный человек и умный. Он сильно действует на народ. Славянская газета только одна издается в Вене Лихардом и имеет около 1000 подписчиков. – Бедово положение славян еще тем, что из своей братьи они не знают, кому можно довериться, ибо из них беспрестанно переходят на сторону австрийцев.

12/24. В 1-м часу имел долгий разговор с словаком Гурбаком[17]. Их не дóлжно называть словаками; они себя называют *словенами*, а наречие *словенским*. Оно очень близко к чешскому, так что *чешское, моравское и словенское* можно считать одним языком. *Руссинское* всего ближе к малороссийскому, *шлезское* (Wasser-Polaken) к польскому. К сербскому очень близки хорватское и словенское, т.е. южные наречия. Из народного словенского (словацкого языка) часть наречия всего ближе к чешскому, другая к польскому, третья к руссинскому. Мы весьма уговаривали Гурбака издавать журнал, но политического издавать он не может, ибо нужно представить обеспечение в Вене в 6 т⟨ысяч⟩, а в других городах в 3 т⟨ысячи⟩ гульденов; а чисто литературный журнал, где нельзя разбирать и толковать об общественных вопросах, никто читать не будет. Теперь для нового журнала минута неблагоприятная, ибо австрийское правительство даже на немецкие журналы все более и более налегает. Беда славян, что решительно у них нет центра и что они все совершенно без сообщений. "Русская беседа" произвела здесь вообще прекрасное действие.

Вечером был у Раевского, где познакомился с доктором Клуном. Он живой, умный и приятный в обществе человек. Он обещался быть деятельным сотрудником "Русской беседы"[18]. Мы много говорили о разъединении славянском в отношении веры, языка, политического и общественного быта. Он бодр и гово-

рил, что между южными славянами, т.е. сербами, хорватами и словенцами есть движение и что единение подвигается*.

Из Вены я отправился в Швейцарию, и именно в немецкую Швейцарию, которую я менее знал, чем остальную. Я много там ходил пешком; но особенно сильное впечатление произвело на меня семидневное пребывание *на вершине Риги*[19]. Я взошел туда пешком и именно к закату солнца. Погода была чудная, и небо совершенно безоблачное. Я предполагал, полюбовавшись закатом и восхождением солнца, отправиться на следующий же день обратно в Люцерн. Но утренний нагорный воздух и вид с вершины Риги меня так очаровали, что я решился остаться там целый день. Я провел время в прогулках, чтении и писании писем и притом так приятно, что положил остаться там еще день. Так мои решения повторялись несколько раз; и только на восьмой день и не без искреннего глубокого сожаления оставил я вершину Риги. Мне было там так хорошо, так свободно, так самобытно, что с грустью я сошел в среду обычного человеческого житья.

Оттуда, через Сен-Готард, я направился в Италию, где еще никогда не бывал и куда меня сильно тянуло. Мне очень хотелось видеть Рим и Неаполь; но должен был отложить до иного времени эту дальнюю поездку и ограничиться посещением Турина, Милана и Венеции, ибо иначе я бы слишком опоздал в Остенде, где мне необходимо было купаться в море. Великолепен Сен-Готард и очарователен спуск в Италию. Полюбовавшись озером Maggiore, проехавши по нем на пароходе из Белиццоны до Ароны, я отправился в Турин, где пробыл недолго и поспешил в Милан. Тут в первый раз я увидел итальянскую жизнь, которая своею оригинальностью меня поразила. Днем все окна закрыты, на улицах почти нет никого; словно город безлюдный. Как жар сваливает, открываются окна; люди выходят из своих домов, а вечером большая улица Corso, кажется, di porta Venezia, полна народа, гуляющего, сидящего у кофеен за столиками с бокалами мороженого и прохладительных напитков и беседующего со всевозможными возгласами и телодвижениями. Езда по улице в это время прекращается; тротуары и самая улица превращаются в многолюдные салоны, и все кишит жизнью самою полною и самою разнообразною. Великолепный собор в Милане меня поразил, и я не раз его посещал; любовался им и снаружи, и внутри. В Венецию мне давно хотелось, ибо я не мог понять, как из каждого дома можно выйти пешком и обойти весь город, а равно сесть в гондолу и весь его объехать. Если жизнь итальянская вообще своеобразна, то жизнь в Венеции оригинальна до невероятия. Во всей Венеции нет ни одного экипажа, и только на одном островке имеется восемь верховых лошадей, на которых там ездят почти как в большом манеже. Как будто на воде выстроены великолепнейшие мраморные дворцы, замечательные по своей архитектуре, и везде под окнами снуют самые разнообразные гондолы. Площадь Св. Марка, с своим собором,

---

* Здесь оканчивается “Дневник” и продолжаются “Записки”. (*Примеч. издат.*).

дворцом дожей и другими средневековыми зданиями поражает вообще путешественника; но вечером освещенная высокими и яркими газовыми жирандолями[20] и наполненная народом, услаждающимся в шумных кружках, за столиками мороженым, кофе, шоколадом и пр., эта площадь переносит непривычного зрителя в небывалые времена или фантастические страны. Невольно спрашиваешь себя: уж не во сне ли я все это вижу? Хотя Венеция в это время была еще австрийским владением, но собственно немецкого там не было ничего, и она являлась италианским по преимуществу городом.

Из Венеции через Милан я отправился по направлению к Швейцарии. Ехавши на лошадях, в коляске, я должен был ночевать в городе Domo d'Ossola. Въезжая в город, вижу большое волнение в народе и шум необычайный. Узнаю, что причиною этого – приезд в город знаменитого *Кавура*, вышедшего в отставку по причине Виллафранкского мира между Франциею и Италиею[21]. Так счастливо случилось, что я на ночевку попал в ту же гостиницу, где остановился и Кавур. По занятии номера я иду в общую залу, выхожу на балкон и вижу, как Кавур расхаживает по улице между народом, шумно его приветствующим. С балкона любуюсь я этим зрелищем; немного времени спустя входит на балкон и сам Кавур. Кланяюсь ему и прошу от иностранца принять дань уважения и удивления; завязывается между нами разговор. Затем мы вместе ужинаем и узнаем, что едем оба в одно и то же место – в Женеву. На другой день мы выезжаем в одно время, – он в своем, а я в своем экипаже; останавливаемся довольно часто, выходим из колясок и вместе любуемся прелестными видами от Domo d'Ossola до Martigny; обедаем и ужинаем вместе. После ужина, на второй день, идем гулять, завязывается у нас крайне интересный разговор о происходящем в России освобождении крепостных людей и о русской общине. Разговор этот был так жив и завлекателен, что не чувствительно мы прогуляли до втораго часа ночи. В заключение Кавур сказал мне насчет русской общины следующие замечательные слова: "Да, я вижу, что вы имеете такое учреждение, которое спасет вас от многих бедствий, ныне терзающих Европу и грозящих ей в будущем нескончаемыми беспорядками. Вы очень счастливы: для вас будущность нестрашна". – Тут же мы порешили с следующего дня ехать до железной дороги не в разных экипажах, а в одном. И по железной дороге, и на пароходе до Женевы мы ехали вместе, и только тут мы расстались; он тотчас поехал на дачу к другу своему Делариву, а я остался в Женеве. Знакомство с этим замечательным человеком доставило мне великое наслаждение: еще я не встречал ни одного иностранца, который бы так хорошо, живо и полно понял наш народный дух и превосходство нашей общины, как Кавур. Видно было, что он постигал не одним умом, а и душою. Имел я дело с бар. Хакстгаузеном, которому наконец мы втолковали смысл и значение русской общины и который прекрасно о ней написал в своей книге о России[22]; но видно было, что это учреждение он понял только умом – как статистический факт, а вовсе не как зародыш, как залог великой будущности России. В Кавуре я нашел не пламенного итальянца (да он и не итальянец)[23] и не болтливого, живого, легкомысленного француза. Великое счастие для Италии, что судьбы ее попали в руки савойца, который соединял жар италь-

янца с основательностью и обширностью взгляда истинного государственного человека. В нем были и замечательное спокойствие, и большая сила воли, и редкая положительность в мнениях, и неутомимая, жизни преисполненная деятельность. В нем виден был истинно великий человек.

Погостивши недолго в Женеве, я отправился в Париж, где пробыл около недели. Любовался я тут новыми бульварами, новыми улицами и новыми громадными зданиями; но скорбел об участи Франции, угнетенной ловким мошенником, вскарабкавшимся на ее престол[24].

В Брюсселе виделся Погенполем и много говорил о направлении "Nord"а...[25]; советовал ему менее извиняться, менее нас маскировать в европейское платье и стараться быть более русским. Я говорил ему, что необходимо завести настоящих русских корреспондентов в России и отдавать отчет о движении умов; что "Nord" не должен принадлежать ни партии славянофилов, ни партии западников, но быть благонамеренным, самостоятельным. Еще мы много говорили о необходимости завести книжную торговлю русскими книгами в Берлине, Лейпциге, Вене, Праге, Триесте, Брюсселе и Париже. Вечером я приехал в Остенде.

В Остенде я нашел целую кипу ожидавших меня журналов Редакционных комиссий. Прочитавши эти журналы, я увидел, что комиссии уже перешагнули чрез мой проект относительно как величины наделов, так и прав, предоставляемых крестьянам по самоуправлению, и что они чересчур вдавались в регламентацию[26]. В Остенде я нашел также приглашение прибыть в Петербург в числе прочих депутатов от губернских комитетов или, вернее выразиться, в числе прочих представителей разных сочиненных Комитетами проектов.

В Остенде находились великая княгиня Елена Павловна и бывший товарищ министра А.И. Левшин. Однажды утром он приходит ко мне и передает, что великая княгиня спрашивала его, соглашусь ли я с нею познакомиться? Он ответил ей, что, конечно, за счастие сочту быть ей представленным и поспешил в том удостовериться. Я успокоил его в этом отношении и в то же утро записался у великой княгини. На следующий же день я получил приглашение прибыть к ней в 3 часа; и наша первая беседа продолжалась более часа, и единственным предметом разговора было крестьянское дело. После того я часто был приглашен к вел⟨икой⟩ княгине то на обеды, то на вечера, то просто на беседу в течение дня. Она была чрезвычайно любезна и поражала обширностью и развитостью своего ума; взгляд ее на дела был истинно государственный.

Я был в полной нерешимости: ехать ли мне или нет в Петербург по вызову, мною полученному в качестве члена от Рязанского комитета? Из журналов Редакционных комиссий я видел, что не могу поддерживать многие из их положений; зная состав губернских комитетов, я был вполне уверен, что с членами, имеющими от них прибыть, я еще менее могу согласиться. Следовательно, мне предстояло спорить и с теми, и с другими; а одному и у горшка каши не споро. Вследствие этого я вовсе не желал ехать в Петербург и почти решился отказаться от этой поездки. На полученное письмо от кн. Черкасского и Самарина, которые убеждали меня скорее прибыть в Петербург, я отвечал в этом именно смысле, о чем сказал и вел⟨икой⟩ княгине. Она весьма не одобрила моего реше-

ния и всячески убеждала меня не отказываться от поездки в Петербург. Около 20 августа я получил телеграмму от кн. Черкасского и Самарина, которою они вновь убеждали меня поспешить приездом в Петербург, прибавляя, что если я не приеду, то поступлю дурно. Великая княгиня, узнавши от меня об этой телеграмме, еще более настаивала, чтобы я немедленно отправился в Петербург. Наконец я решился ехать и прибыл туда на пароходе из Штеттина 25 августа в тот самый час, когда члены от Комитетов были собраны под председательством Я.И. Ростовцева в первое торжественное заседание.

Я не буду здесь рассказывать о том, что делали депутаты в Петербурге и какие невзгоды они там испытали; все это подробно описано в *брошюре*, изданной мною в Лейпциге в 1860 году под заглавием "Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу". Перечитавши теперь эту брошюру, вижу, что все в ней написанное верно и написано действительно sine ira et studio*. (Прилагаю ее к моим "Запискам" под № VI). Позволю себе рассказать здесь только то, что лично до меня относится и что, само собою разумеется, не могло войти в состав упомянутой книжки.

Опасения, которые я имел до приезда в Петербург, насчет того, что мне придется разойтись с моими приятелями, членами Редакционных комиссий кн. Черкасским и Ю.Ф. Самариным, на деле оправдались и даже в таких размерах, каких я и не предполагал. В первый день моего приезда в Петербург они сильно и настойчиво убеждали меня не принимать участия в совещаниях депутатов и стать на почве, усвоенной Редакционными комиссиями. Как на это я не мог согласиться, то впоследствии они старались узнавать от меня о намерениях и действиях депутатов и склонить меня им не вторить и, напротив, защищать предположения Редакционных комиссий. Как приятелям моим не удалось ни то, ни другое, то вскоре почувствовалось между нами охлаждение.

На первом совещании депутатов у гр. Шувалова, с.-петербургского губернского предводителя дворянства и депутата от Петербургской губернии, встретившись с рязанскими кн. Волконским и Ф.С. Офросимовым, я протянул им руку, и они были этим очень довольны и тотчас после заседания приехали ко мне. "Здесь, – сказали они мне, – мы не должны расходиться в наших мнениях". "Это вполне зависит от вас, – ответил я им, – вам известны мои убеждения, и я от них, конечно, не отступлю ни на шаг. Положимте в основу мой проект, и нам нетрудно будет высказывать мнения, которые не будут противоречить одно другому". "На это мы вполне согласны", – сказали оба мои прежние оппоненты; и действительно, во все время нашего пребывания в Петербурге значительных разногласий между нами не было; с этого времени мы даже так сблизились, что впоследствии, в земских собраниях, почти постоянно действовали сообща.

Составивши замечания на все доклады Редакционных комиссий, за исключением только тех, которые относились к выкупу, я вечером отвез мои записки к Я.И. Ростовцеву, который во все это время был ко мне особенно благосклонен и с которым в этот вечер мы пробеседовали довольно долго. На другой день

* без гнева и пристрастия (*лат.*).

поутру я получил от него записку с приглашением посетить его в 11 часов утра. Когда я к нему приехал, тотчас он меня принял и сказал мне, что не знает, как меня благодарить "за мои глубоковерные, лучезарные замечания; что теперь он уже никак меня не отпустит из Петербурга и что я должен помочь Комиссиям в исполнении великого дела, высочайшею властью на них возложенного". Вдобавок Ростовцев мне сказал, что всю ночь он читал мои замечания и поражен был их основательностью и практичностью. Я благодарил его за лестные его отзывы о моем труде и изъявлял готовность под его руководством еще посильно потрудиться по этому делу. Через неделю я повез к генер⟨алу⟩ Ростовцеву мои замечания на последние доклады Комиссии о выкупе; но не застал его дома. На следующий день я вновь отправился к генер⟨алу⟩ Ростовцеву, но не был принят; а когда я поручил служителю спросить, в какое время угодно ему приказать мне приехать с последнею моею работою, то Ростовцев велел мне сказать, что я могу теперь же оставить мои бумаги. Я исполнил его волю; но она показалась мне довольно странною. Чрез несколько дней я возвратился к генер⟨алу⟩ Ростовцеву в то время дня, когда он обыкновенно принимал; но швейцар очень положительно сказал мне, что генерал не принимает, чего прежде никогда не бывало. На следующий день я опять поехал к генер⟨алу⟩ Ростовцеву, и как мне сказали, что он не принимает, то я отдал письмо, которым я просил разрешить мне отъезд из Петербурга в случае, если мое присутствие более не нужно. Через три дня я получил от министра внутренних дел уведомление, что как по извещению председателя Редакционных комиссий мною исполнены все мои обязанности, то к отъезду моему не предстоит никаких препятствий. Таков был окончательный результат последнего восторженного отзыва Ростовцева о моей работе; и мы более на сей земле с ним не видались.

Через несколько дней после того я виделся с кн. Черкасским, который мне сказал, что мои замечания, или, вернее сказать, мой пасквиль на труды Редакционных комиссий, были Ростовцевым переданы Н.А. Милютину и ему и что они растолковали восторженному дураку настоящий смысл моего труда, который достоин занять видное место между творениями губернских комитетов. Этот отзыв кн. Черкасского разъяснил мне до того непонятную перемену отношений ко мне Ростовцева, но вместе с тем он просто меня ошеломил. Неужели, подумал я, утрачена мною способность выражать мои мысли и лишился я смысла к пониманию значения слов? Для успокоения моей совести я передал моим приятелям А.Н. Попову и кн. Одоевскому черновой экземпляр моих замечаний с просьбою их прочесть и сказать мне, заключается ли в них что-либо похожее на пасквиль? Оба они нашли, что мои замечания очень дельны и что в них нет и тени пасквиля. Перечитавши их теперь, я и сам вполне убедился, что, кроме раздраженного самолюбия, никто не мог найти в моих замечаниях что-либо похожее на пасквиль*.

Расскажу кстати еще один анекдот, довольно замечательный.

---

* Эти мои замечания напечатаны на 167 страницах в Трудах Редакционных комиссий в отделе приложений под заглавием "Отзывы членов, вызванных из губернских комитетов".

Великая княгиня Елена Павловна по возвращении своем из-за границы пригласила меня к себе, много расспрашивала о том, что ей было уже известно из других источников, и старалась подействовать на меня в смысле, благоприятном для Редакционных комиссий. Подобные приглашения и попытки были ею повторены несколько раз; а затем в течение шести недель я не удостоился получить от ее высочества ни одного приглашения. По получении разрешения на отъезд из Петербурга, считая неприличным уехать без прощальной аудиенции у великой княгини, но вместе с тем не желая подвергнуть себя неприятным упрекам с ее стороны в несочувствии Редакционным комиссиям, я отправился за два дня до отъезда к гофмейстеру вел⟨икой⟩ княгини А.А. Абазе с просьбою доложить ее высочеству, что вынужден внезапно отправиться в Москву и что, как она теперь нездорова, то я не осмеливаюсь испрашивать у нее аудиенции. К великому моему удивлению, в тот же день я получил от вел⟨икой⟩ княгини приглашение на следующий вечер в 9 часов. Я думал, что у нее в этот день вечер, что она скажет мне несколько слов и что тем дело и кончится. В назначенный час я приезжаю в Михайловский дворец, вижу, что гостей там нет никого; ведут меня через целый десяток комнат и наконец в маленькой комнате на диване нахожу великую княгиню в полулежачем положении. "Я не хотела, – говорит она мне, – отпустить вас из Петербурга, не простившись с вами, и полубольная решилась вас к себе принять". Затем началась у нас беседа, продолжавшаяся целые два часа. Она расспрашивала меня обо всём, как будто все это время она была на луне и ничего не знала о происходившем в Петербурге по крестьянскому делу. Она дала мне полную возможность обстоятельно объяснить все мои действия и побудительные к ним причины. В 11 часов она меня отпустила, сказавши мне самые милостивые слова и пригласивши ее посещать всегда, когда впоследствии я буду в Петербурге. Не могу не сказать, что она в этот раз еще более поразила меня и своим умом, и своею ловкостью; и тем она произвела на меня при прощании самое сильное и для нее самое выгодное впечатление.

По возвращении из Петербурга (ноябрь 1859 года) я недолго остался в Москве и поспешил в деревню ради хозяйственных моих дел. Тут и тогда я счел долгом изложить на бумаге о действиях и приключениях депутатов по крестьянскому делу в Петербурге. Эту записку, как выше сказано, я напечатал за границею в Лейпциге под заглавием "Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу".

В декабре возвратился я в Москву на зиму. Тут рассказам, суждениям и спорам не было конца, и мы провели очень оживленную зиму. Хомяков вполне одобрил мои действия в Петербурге, а равно и мои замечания на труды Ред⟨акционных⟩ комиссий, поданные мною Я.И. Ростовцеву. Хомякова особенно оскорбляли предположения Комиссией, клонившие к уничтожению или потрясению крестьянского общинного землевладения, к введению, в виде общего правила, приговоров сельских сходов по большинству голосов и к установлению страшной регламентации по крестьянскому самоуправлению. К.С. Аксаков был до того взбешен предположениями Ред⟨акционных⟩ комиссий, что написал против их проектов свои возражения в виде писем, которые и напечатал за грани-

цею[27]. А.С. Хомяков изложил свое мнение по этому делу в письме к Я.И. Ростовцеву, которое и отправил к нему, а копии с этого письма посланы им были к разным высокопоставленным лицам и в том числе к гр. Блудову. Это письмо в недавнем времени было напечатано в "Русском архиве" 1876 г., а потом в полном собрании сочинений А.С. Хомякова (изд. 1878 г.)[28].

Депутаты 2-го созыва высказались еще резче против предположений Ред⟨акционных⟩ комиссий, но как они большею частью руководствовались крепостническими соображениями и как между ними было мало людей с самостоятельными мнениями, несогласными с взглядами большинства, то замечания этих депутатов произвели на труды Ред⟨акционных⟩ комиссий еще менее действия, чем замечания первых депутатов. Вообще настроение общества, особенно в Петербурге, было крайне враждебно успехам освобождения крепостных людей. А потому спасибо Ред⟨акционным⟩ комиссиям, что они, видя, откуда всего сильнее и резче идет неодобрение составленных ими проектов и опасаяся полного крушения этого дела, предпочли не исправлять своего далеко несовершенного труда, чем затянуть дело освобождения крепостных людей и тем помочь противникам его в изуродовании или даже в полном его устранении или, что всего чаще и хуже бывает, в нулификации его, т.е. в превращении его в ничто, посредством издания закона неопределенного и ничего положительного не постановляющего. Великая благодарность государю за то, что он, несмотря на почти общее восстание людей, его окружавших, против этих проектов, решился их передать в Государственный совет с своим предварительным одобрением главных их оснований. Этим он значительно сократил и почти уничтожил готовившуюся против них сильную оппозицию главных столпов крепостничества.

Весною 1860 года разъехались мы по деревням и никак не думали, что с Хомяковым мы более не увидимся. Вдруг в конце сентября я получаю в деревне эстафет о его кончине, последовавшей 23 сентября в Данковском его имении в селе Ивановском[29]. У него открылась холера; он лечил себя гомеопатически, не хотел обратиться ни к какому врачу и на третий день болезни окончил свою жизнь. При его кончине был только сосед его Л.М. Муромцев[30]. Старший сын Хомякова Дмитрий, приехавший по эстафете, отправленной Муромцевым, уже не застал отца в живых и мог только присутствовать при его отпевании и предварительных похоронах. Я приехал в с. Ивановское уже после отъезда сына и имел только возможность отслужить панихиду по покойном и поклониться временной его могиле. Тело А.С. Хомякова было после перевезено в Москву и там похоронено в Даниловом монастыре[31] подле прежде скончавшейся его жены. Огорчение мое было глубокое; я чувствовал, как будто лучшая часть меня отошла из сего мира.

Да! Хомяков был человек более чем замечательный; он соединял в себе редкие способности при необычайной для русского устойчивости. Он был богослов православный и вполне разумный: даже митрополит Филарет, спрошенный по предмету французских брошюр Хомякова[32], не мог не признать их православности и только полагал несвоевременным обнародование их на русском языке. Русские гегельянцы, насмехавшиеся над русским платьем Хомякова,

над его постничением и его руссоманиею, не находили в его мнениях ни отсутствия свободного обсуждения, ни влечения к мистицизму. Французские брошюры Хомякова, напечатанные за границею, раскрыли многим русским дух, смысл и значение православия и произвели сильное впечатление на некоторых разумных католиков и на протестантов, чувствовавших в своем церковном учении недостаток в вере и душевную в ней потребность. Творения Хомякова по этой части еще слишком мало оценены и должны в будущем иметь на человечество значительное действие. Хомяков не был приверженцем немецкой философии, господствовавшей у нас в то время: он отдавал полную справедливость заслугам и достоинствам Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля; но он находил, что их учения страдают беспочвенностью и что они так искусственно и многосложно построены потому, что западное любомудрие утратило единый возможный путь к истине. Как поэт и литератор Хомяков положил в русскую сокровищницу значительные лепты, которые имеют особенную ценность потому, что он едва ли не единственный русский, который во всю жизнь, с детства и до гроба, неизменно высказывал одни и те же чувства и убеждения и постоянно старался направлять русский ум и сердце к людям своим или единоплеменным и к предметам близким и туземным. В последнем отношении Хомяков оказал нам, русским, услугу громадную. До него *отчизнолюбие и отчизноведение* проявлялись в тощих, узких и отчасти смешных выходках Шишкова и комп⟨ании⟩ Хомяков *первый* проникся истинным духом русского народа и его истории и указал нам настоящие наши нужды и потребности, наши народные свойства и ту цель, к которой мы должны стремиться. Он действительно был источником нового у нас умственного направления, которое прозвано нашими противниками славянофильским, но которое много объемистее и существеннее того, что под этим словом обыкновенно понимается и, конечно, благородным потомством будет признано истинно русским. Вечная память тебе, благовестителю!

Глава XI.

Отмена откупной системы.

По оставлении мною откупов – в 1849 или 1850 году – я составил *записку о необходимости замены откупов введением акцизного сбора* с вина и пива[1]. Я доказывал в этой записке, что откупа столь же вредны для народа и государства, сколько они невыгодны и для казны; что они развращают народ, препятствуют улучшению его хозяйства и извлекают из него всякими, самыми предосудительными способами последние его трудовые деньги; что нет возможности и думать о сокращении взяточничества, пока будут существовать привилегированные нарушители законов, вынужденные своим положением подкупать аген-

тов власти; и что из тяжелого питейного налога при благоприятных обстоятельствах часть его поступает в казну, а остальное в карманы откупщиков, а при недовыручках казна должна не только рассрочивать платежи, но и слагать откупщичьи недоимки. Из этого я выводил необходимость уничтожения откупов и замены их прямым акцизным сбором в пользу казны с вина и пива. Эту записку в свое время я препроводил к министру финансов г. Вронченко; никакого известия о дальнейшей судьбе ее я не имел. Проходит десять лет, и вдруг я получаю от министра финансов г. Княжевича, со ссылкою на упомянутую записку, приглашение принять участие в комиссии, учреждаемой в Петербурге с целью составления проекта о замене откупов системою акцизного сбора. Комиссия эта под председательством А.П. Заблоцкого-Десятовского должна была состоять из нескольких сановников и чиновников и из приглашенных винокуренных заводчиков. Будучи с давних времен хорошо знаком с г. Заблоцким и живо интересуясь разрешением предлежащей задачи, я принял приглашение и в ноябре отправился в Петербург.

Членами комиссии были: К.К. Грот (директор департамента неокладных сборов), М.Х. Рейтерн (тогда только что возвратившийся из Североамериканских Штатов и уже предназначавшийся в преемники Княжевича), несколько председателей казенных палат и академики – Купфер, Якоби и Фриш. Из винокуренных заводчиков были приглашены А.А. Абаза, А.А. Гагемейстер (брат Ю.А.), я и некоторые другие. В первом же заседании положено было образовать четыре подкомиссии: 1-ую административную под председательством К.К. Грота; 2-ю винокуренную под моим председательством; 3-ю пивоваренную, в которой не знали, кого назначить председателем, предлагали мне, но после моего отказа принял в ней председательство по необходимости К.К. Грот; наконец, 4-ю ученую под председательством академика Купфера. Все подкомиссии принялись за дело очень усердно; вначале мы собирались в заседания почти ежедневно; председатель общей комиссии г. Заблоцкий присутствовал почти во всех подкомиссиях, не стесняя нас тем нимало, а желая только обстоятельнее ознакомиться с порученным ему делом. Каждый из нас имел право участвовать с совещательным голосом в заседаниях всех подкомиссий.

Самая важная из подкомиссий была винокуренная: тут происходили самые жаркие и самые продолжительные прения. Все члены были, конечно, за отмену откупов; но затем подлежали разрешению весьма важные вопросы. Главными работниками по этой подкомиссии были А.А. Гагемейстер и я. Оба мы были за замену откупов акцизом с емкости квасильных чанов, с предоставлением заводчикам права затирать чтó и сколько чего угодно, т.е. за прусскую систему. Как нам вменено было в обязанность только удержать цифру тогдашнего дохода (106 мил. руб.) и как этого результата можно было достигнуть установлением четырехкопеечного акциза с градуса алкоголя, то эта система была еще возможна: не убыточна для казны и весьма удобна для заводчиков. Но члены от правительства, т.е. чиновники-администраторы и во главе их К.К. Грот, безусловно отвергали эту систему и предлагали акциз с выкуренного вина, принимая емкость квасильных чанов только как основание к определению недокура и пе-

рекура. Вследствие этого разногласия прения были нескончаемые; большинство – все члены администраторы – стояли за последнюю систему, а мы, заводчики, – за первую. Никакого соглашения последовать не могло. Наконец предложением министра финансов был положен конец нашим прениям; и мы должны были приступить к выработке проекта на основании, им указанном и вполне согласном с мнением большинства. В заседаниях этой подкомиссии почти постоянно участвовали все члены комиссии и сам председатель. Беспрестанно возникали весьма важные вопросы, а потому прения были самые оживленные. К февралю работа подкомиссии пришла к концу; в марте и апреле мы собирались почти ежедневно в общей комиссии; и к маю проект положения о питейном сборе был готов и нами подписан. Затем он поступил в Государственный совет, где, по предложению министра финансов, сделаны были в нем только две существенные перемены: акциз с 4 коп. поднят на 5 за градус спирта, и продажа вина подчинена надзору акцизных чиновников и полиции. Через последнее изменение слова "вольная торговля", сохраненные в Положении, сделались чистою бессмыслицею. За нашу работу по комиссии Гагемейстер и я получили ордена Владимира 3-й степени.

Не могу при этом случае не рассказать одного забавного анекдота. Когда проект Положения об акцизном сборе был высочайше утвержден и предполагалось представить меня к награде, то А.П. Заблоцкий не решился украсить меня этим орденом, не снесшись со мною предварительно и не получивши от меня согласие на принятие этой награды. Это произошло вследствие того, что Ю.Ф. Самарин, получив такой же орден за свои труды по крестьянскому делу, возвратил его при заявлении, что он не считает возможным за общественное дело принять награду от правительства. Я ответил А.П. Заблоцкому, что приму награду с благодарностью, ибо считаю, что потрудился и кой-что сделал для правительства.

Положение, нами составленное, имело, конечно, свои и довольно значительные недостатки, происходившие главнейше оттого, что большинство членов было заражено бюрократизмом; состоя из чиновников, могло ли оно иначе и действовать? Мы, заводчики, были беспрестанно заподозреваемы в преследовании наших частных интересов; посредников же, т.е. с людей нейтральных, коих положение придавало бы авторитет их мнениям, между членами комиссии не было. Но главные неудобства акцизной системы, которую вскоре стали ругать почти столько же, сколько прежние откупа, произошли оттого, что бесчисленным множеством циркуляров и от министерства, и от департамента неокладных сборов все более и более запутывали и затемняли статьи самого положения. Масса выпущенных разъяснений и дополнений не замедлили образовать такой ворох ordres и contre-ordres*, что сами их творцы потеряли голову и беспрестанно себе противоречили. Таковы необходимые последствия бюрократизма!

Во время этого моего пребывания в Петербурге меня пригласили быть членом в других двух комиссиях: по начертанию *проекта нормального устава для поземельных банков* и по рассмотрению составленного (кажется, в Министерст-

---

* приказов и контрприказов (*фр.*).

ве юстиции) *проекта гипотечного положения*[2]. Мы составили первый, который впоследствии и был утвержден, и высказали мнение, вполне неблагоприятное относительно второго. Прошло с тех пор чуть-чуть не двадцать лет, а проекты положения или уставы о гипотечном обеспечении продолжают странствовать из комиссии в комиссию[3], замерзают по временам среди петербургских льдов или садятся на тамошние мели и никак не могут благополучно войти в желанную пристань. А ведь дело тогда, как и после, было неотложное.

В это мое пребывание в Петербурге я довольно коротко познакомился с несколькими лицами, которые принимали более или менее значительное участие в делах администрации. Я сошелся еще более с А.П. Заблоцким, человеком умным, просвещенным, трудолюбивым и благонамеренным. Он был очень полезен своею службою по Министерству государственных имуществ при гр. Киселеве и как статс-секретарь по Государ⟨ственному⟩ совету. Думаю, что, по званию члена этого Совета, он был в состоянии оказать немалые заслуги. Его книга о прусских финансах замечательна[4]. Тут я познакомился с Юльем и Андреем Андр⟨еевичем⟩ Гагемейстерами, с К.К. Гротом, М.К. Рейтерном и В.П. Безобразовым. Оба Гагемейстеры были весьма умны и образованны; но Андрей, мой товарищ по акцизной комиссии, был много дельнее брата, хотя и являлся часто чистокровным остзейцем. Грот, только что назначенный из губернаторов в директоры департамента неокладных сборов, был человек умный, милый, благонамеренный, но совершенно несведущий в финансовом деле. Впоследствии он был сделан членом Государственного совета и занимался по департаменту государственной экономии, но едва ли от того усилились и усовершенствовались его финансовые способности и сведения. Рейтерн говорил в заседаниях комиссий мало, но казался человеком неглупым и пуще всего рассудительным, осторожным и добросовестным. Как впоследствии это о нем мнение оказалось ошибочным! Изо всех бывших у нас министров финансов ни один не наделал столько самых грубых финансовых ошибок, не решался так легкомысленно или бессмысленно на дерзкие и не всегда бескорыстные предприятия и не причинил России столько вреда, сколько Рейтерн, казавшийся сперва осторожным и честным человеком.* В.П. Безобразов, наш товарищ по банковой комиссии, где он был и делопроизводителем, отличался трудолюбием, благонамеренностью и либерализмом, но менее практичностью и дельностью взгляда и суждения по финансовому и в особенности по банковому делу, чем стремлением пересадить в Россиию всякие иноземные измышления.

Вообще пребывание мое в Петербурге произвело на меня тяжелое впечатление. Открывшаяся борьба в административном круге и в обществе между приверженцами старых порядков и правил и сторонниками нововведений и преобразований видимо усиливалась и грозила обессилить действия правительства и дать перевес придворной партии, с негодованием относящейся к возвещенным реформам.

---

* Это писано в 1872 году. С тех пор преемники его, идя тем же путем, значительно его перещеголяли.

Глава XII. (1861–1862)

19 февр⟨аля⟩ 1861 г. – Новые условия хозяйствования. – Зима 1861–1862 г. "Моск⟨овское⟩ общество сельского хозяйства" и председательство в нем. – Брошюра о Земской думе "Какой исход для России из нынешнего ее положения?" – Книга "Конституция, самодержавие и Земская дума". – Отъезд за границу. Бар⟨он⟩ Гакстгаузен. – 2-я Всемирная выставка в Лондоне 1862 г. – Зима 1862–1863 г. – Семейное значение 1863 года.

Наконец настало *19 февраля 1861 года.* Все положения по крестьянскому делу были высочайше утверждены; но они не были обнародованы в этот день только потому, что это число пришлось на Масленице и что боялись беспорядков на этой пьяной неделе. Обнародование произошло почти во всей России на первой неделе великого поста. Все совершилось тихо и спокойно. Все предсказания о волнениях, бесчинствах и даже бунтах в крестьянстве оказались вполне неосновательными. Если кой-где и были небольшие беспорядки, то они происходили от распоряжений местной администрации, чересчур усердствовавшей при обнародовании высочайшего манифеста.

Возвратившись в Москву, я там долго не остался, а поспешил с семейством в деревню, где следовало вводить новый порядок хозяйства.

Крестьяне приняли дарованную им свободу очень благодушно и скромно – без всяких шумных изъявлений радости и без бурных попыток пользования волею. Всего труднее было завести у них правильное самоуправление, соблюдение заключенных ими условий и охранение помещичьих полей от потравы и помещичьих лесов от порубок; леса крестьяне продолжали считать своими и без удержи пускали в них своих лошадей. Надо отдать справедливость русскому дворянству: оно доставило вначале *великолепных посредников.* Эти общественные деятели, за немногими исключениями, действовали в первые шесть лет вовсе не в сословном духе, а старались установить порядок, равно безобидный для землевладельцев и для крестьян. Уставные грамоты[1] были составлены и утверждены в положенный двухгодичный срок, и над этим посредники вообще много и хорошо потрудились.

Осенью 1861 года я предложил всем своим крестьянам переход с барщины на оброк или на выкуп; но они не согласились. Проявились по деревням добрые люди, которые стали внушать крестьянам, чтобы они не шли ни на какие сделки с помещиками; что вскоре выйдет новая воля с предоставлением им даром не только всего их надела, но и всей остальной помещичьей земли; и что останутся в обязательных отношениях к помещикам только те крестьяне, которые до того вошли с ними в какие-либо добровольные сделки. Крестьяне охотно верили этим людям, и потому даже переходы на оброк во многих местностях приостановились. У меня крестьяне большею частью в следующем году перешли на оброк; и мне предстояло заняться устройством вольнонаемной обработки полей.

Речь-тост в честь Александра II, произнесенная А.И. Кошелёвым по случаю опубликования манифеста об освобождении крестьян. 1861 г.

точки, которыя уставливаютъ этимъ злоупотребленіямъ жизнь, ростъ и плодучесть.

Но многие опасаются безпорядковъ и неустройствъ при предстоящемъ намъ переходѣ. Откуда истекаютъ такія опасенія? Думаю изъ незнанія свойствъ нашего народа. Проживши болѣе 20 лѣтъ съ крестьянами лицомъ къ лицу, ознакомившись съ ними коротко, я могу увѣрить, что бояться нечего: они отмѣнно разумны, добродушны и терпѣливы. Лишь бы они знали, что было дѣлается, что въ отношенію ихъ ни кто съ намѣреніемъ не отводитъ и что Правительство и Дворянство озабочены устройствомъ ихъ благосостоянія. Но необходимо соблюденіе одного условія, иначе крестьяне, какъ и всѣ люди, легко могутъ быть увлечены туда, куда они и не помышляли бы зайти. Это условіе есть именно по возможности гласность при совершеніи этого дѣла. Теперь распространяются самые нелѣпые слухи; иные вѣрятъ, иные повторяютъ все, потому что еще прикры[illegible] [illegible] дѣйствія по этому дѣлу

Гласность одна въ силахъ предупреж-
давать множество случаевъ: но сверхъ
рода не можетъ быть ни ими устранено.
Нѣтъ ничего опаснѣе тайны: она про-
буждаетъ неудовольствіе, что не только
когда ею распространяемые слухи ... Гла-
сность благонамѣренности: Гласность
также необходима для собственнаго
нашего ... обученія, и она одна мо-
жетъ разрушить всѣ всякія затруд-
ненія, которыми окружено это дѣло, и
которыя теперь кажутся намъ какъ
бы неустранимыми. Вѣрнѣйшая, надеж-
нѣйшая охрана общественнаго споко-
ствія, лучшій, самый свѣтоносный совѣт-
никъ въ этомъ дѣлѣ, есть гласность
большая по возможности гласность.

Позвольте, Мм. Гг., предложить Ваше-
му вниманію часть гласности, которая въ
царствованіе просвѣщеннаго, высокоблаго-
намѣреннаго и твердоволящаго Александра
II водворяется въ Россіи и обхватываетъ
все больше и больше кругъ нашей умствен-
венной и гражданской дѣятельности.

Не так трудно было завести орудия, лошадей и для них сбрую, как нанятых рабочих заставить исполнять принятые ими на себя обязанности и работать не по-барщински, а как следует вольным рабочим, получающим жалование и хорошие харчи. Это было чрезвычайно затруднительно в первое время; но, к прискорбью, эти трудности не устранены и по настоящее время, и главнейше потому, что крестьянское самоуправление идет вообще плохо. В этом особенно виноваты посредники, последовавшие за первыми: сколько прежние посредники были деятельны и заботливы о крестьянах, столько их преемники были ленивы, нерадивы и своими действиями воскрешали плохих помещиков былого времени. Прямых ослушаний со стороны рабочих было мало; но они портили лошадей и орудия и вообще работали лениво. Предстояло их перевоспитывать, и это труд был немалый. Они уходили домой, и крестьянское начальство не оказывало надлежащей помощи к их возвращению к хозяевам. Лето провел я в больших хлопотах и немалых неприятностях; с радостью встретил зиму, которая давала мне возможность несколько отдохнуть в Москве. Но я несколько забежал вперед, а потому необходимо возвратиться вспять.

Зима 1861–1862 года прошла в Москве довольно скучно; слышны были жалобы хозяев на затруднения при удержании барщины и при устройстве вольнонаемной обработки полей, на разорение помещиков, на нелепые распорядки местной администрации и пр. Слухи из Петербурга приходили самые грустные: партия реакции брала решительно верх над теми административными лицами, которые желали продолжения реформ. Цензура становилась все бессмысленнее и строже. После оживленных и дельных предшествовавших годов наставала какая-то странная, противоречиями исполненная, душу подавлявшая пора.

Расскажу здесь, что́ мне доставило честь быть представителем в "*Московском обществе сельского хозяйства*" и что́ особенно замечательного там произошло во время моего председательства. Долго это общество имело председателем кн. Сергея Ивановича Гагарина, человека весьма умного, всеми любимого и уважаемого, а непременным секретарем С.А. Маслова. Сколько первый был привлекателен, мил и добр, но характером несколько слаб, столько последний позволял себе деспотствовать и был особенно неприятен для нового поколения членов. В течение сорока лет г. Маслов был почти единственным работником в обществе, которого почти все существование сосредоточивалось в деятельности непременного его секретаря; вследствие того он привык делать, что́ хотел, не обращая внимания на потребности тех членов, которые действительно считали себя таковыми, а не просто пешками в руках непременного секретаря. В последнее время, особенно перед освобождением крепостных людей, умы вообще, а также и в "Обществе сельского хозяйства", заметно оживились и требовали самостоятельной и свободной деятельности; но г. Маслов не признавал нужным удовлетворение этой возникавшей потребности и хотел вести дело по-прежнему. Вследствие этого происходили между непременным секретарем и членами общества столкновения и случались даже скандалы. Престарелый кн. Гагарин стал уклоняться от председательствования, и его место часто занимал вице-президент общества С.П. Шипов, который вел дело очень неловко; ча-

сто спускал г. Маслову вовсе неприличные выходки, а иногда и сам прерывал прения произвольно или закрывал заседания совершенно неуместно. Выведенные из терпения члены общества в числе одиннадцати сделали предложение о пересмотре устава общества; но долго это предложение не становилось на очередь для обсуждения. Наконец собравшиеся в заседание члены значительным большинством в декабре 1859 года потребовали назначения чрезвычайного заседания для обсуждения сделанного одиннадцатью членами предложения. В назначенное заседание съехалось очень много членов; председательствовал вице-президент; и избрана была комиссия из девяти членов, в которую поступили люди, очень неприятные как для вице-президента, так еще более для непременного секретаря. Комиссия эта избрала меня своим председателем, и мы ревностно принялись за дело. В январское (1860 г.) заседание я уже имел возможность заявить в ординарном заседании общества, что работа комиссии почти готова, и просил назначить в первых числах февраля экстраординарное заседание для выслушания доклада комиссии. Как в последних числах января предстояло годичное собрание, то экстраординарное заседание было назначено на 7 февраля. В годичном заседании прочтено было прекрасное послание кн. Гагарина, который по преклонности лет и упадку сил сложил с себя президентство. Тотчас было решено единогласно просить кн. Гагарина принять звание почетного президента и положено было составить и чрез депутацию поднести ему адрес. 7-го февраля собрались члены общества; но г. вице-президент по болезни передал председательствование члену совета г. Альфонскому. По прочтении доклада комиссии последовали прения о том, как лучше и успешнее обсудить выработанные дополнения к уставу. Все нами предложенные по сему предмету меры были приняты, а поправки, предложенные г. Масловым, были отклонены. Решено было, между прочим, доклад комиссии с приложениями напечатать и разослать к членам; следующее же заседание было назначено на 16 февраля. В этот вечер собрались члены; но ни вице-президент, ни член совета, г. Альфонский, долженствовавший председательствовать, не прибыли в заседание, а письменно заявили, что слагают с себя эти звания; непременный же секретарь по болезни передал исправление своей должности помощнику секретаря г. Киттаре. Вследствие этого решено было избрать одного из наличных членов собрания председательствующим в этом заседании. По запискам эта обязанность была возложена на меня. То же соблюдалось и в следующие заседания; но когда впоследствии я заявил, что общество, имея земледельческую школу, хутор и другие заведения, не может оставаться без административного органа, что некоторые распоряжения необходимы, а совета теперь нет, что беспрестанно обращаются ко мне как к председательствовавшему в заседаниях за разными разрешениями, которых, разумеется, я дать не могу, и что поэтому необходимо что-либо установить в устранение упомянутых неудобств. Тогда решено было избрать временно исправляющих должности президента и вице-президента. Первым избран был я, а последним Ф.В. Чижов. В заседаниях общества рассматривали дополнения к уставу, предложенные комиссиею, очень усердно и разумно. Заседания бывали по два и по три раза в неделю; число съезжавшихся членов всегда было значи-

тельное; прения были очень оживленные и продолжительные; иногда оканчивались они после полуночи. В восемь заседаний в течение одного месяца все дело было покончено, и 8-го марта все дополнения к уставу были утверждены обществом. Как последнею статьею высочайше утвержденного устава "Общества" предоставлено ему было "присовокупить к уставу еще некоторые статьи, долженствующие иметь такую же силу, как бы включены были в самый устав", то в заседании 8-го марта признано было ненужным представлять принятые обществом дополнения на утверждение в Петербург, а положено немедленно ввести их в действие. Вследствие такого решения назначено было заседание для выбора всех должностных лиц общества; и были избраны президентом я, вице-президентом кн. Л.Н. Гагарин, а секретарем г. Киттара. С.А. Маслов прислал очень энергичный протест против совершившихся действий "Общества". Летом или осенью он поехал в Петербург хлопотать об уничтожении беззаконий "Общества"; и получена была бумага от министра государственных имуществ, которою требовалось представление на утверждение высшего правительства принятых "Обществом" дополнений к уставу. Тогда "Общество" положило ходатайствовать о разрешении ему окончательно пересмотреть и дополнить устав не тотчас, а после годичного испытания введенных дополнений, и тогда представить новый проект на утверждение высшего правительства. Это ходатайство было уважено.

Случилось еще в "Обществе" в 1862 году нечто, заслуживающее рассказа. Состоялось высочайшее повеление, в силу которого все сельскохозяйственные общества обязаны были не иначе учреждать отделы и постоянные комитеты, как испросивши на то предварительно разрешение министра государственных имуществ. Получивши такой циркуляр, я ответил министру, что это высочайшее повеление не должно относиться к "Московскому обществу сельского хозяйства", ибо уставом ему предоставлено право учреждать отделы и комитеты, а особыми высочайшими грамотами за ним подтверждены все права, прежде ему дарованные. Но министр ответил, что вновь состоявшееся высочайшее повеление относится до всех сельскохозяйственных обществ, а следовательно, и до Московского, и требовал, чтобы последнее немедленно приняло это повеление к исполнению. Тогда я внес эти бумаги сперва в совет, а потом, с его согласия, и в "Общество" с докладом, в котором обстоятельно были изложены законы и соображения по сему предмету и предлагалось "Обществу" ходатайствовать пред государем императором о сохранении за "Обществом" права, прежде ему дарованного. Это предложение было единогласно принято собранием и затем отправлено в Петербург. Но там оно не понравилось, и я получил летом в деревне от министра отношение, которым он мне сообщил, что докладывал государю императору о ходатайстве "Общества" и что высочайше повелено действие упомянутого повеления об отделах и комитетах распространить и на "Московское общество сельского хозяйства", а президенту и совету объявить высочайшее строгое замечание «за возбужденную неуместную переписку и настоятельное ходатайство, дабы не распространялось на "Московское общество" объявленной министром государственных имуществ положительно выраженной вы-

сочайшей воли о порядке учреждения при всех обществах постоянных комитетов или отделов». Препровождая в "Общество" это отношение министра, я повторил в особом послании к "Обществу" мое глубокое убеждение в полной законности нашего ходатайства и высказал глубокую скорбь о полученном строгом замечании и сердечную боязнь несогласным с г. министром пониманием законов вновь навлечь на "Общество" и на себя высочайший гнев; вследствие чего и считал долгом сложить с себя звание президента. Слух об этих полученных в "Обществе" бумагах быстро распространился между членами и привлек в первое осеннее заседание очень значительное их число. Произошли жаркие прения между С.А. Масловым, сильно меня обвинявшим, и гг. Чижовым, Кишкиным, Давыдовым и многими другими, горячо меня защищавшими. Результатом прений было то, что собрание большинством всех голосов, кроме одного (С.А. Маслова), выразило мне благодарность за мои добросовестные и полезные труды по "Обществу" и назначило чрезвычайное заседание для производства выборов президента и тех членов совета, которые также сложили с себя эти звания. В назначенный день съехалось очень много членов и почти единогласно избрали меня президентом; причем раздались громкие и продолжительные рукоплескания. Это вывело из себя С.А. Маслова, который позволил себе по этому поводу такие слова, что многие члены закричали: "Вон, вон Маслова". Прочие члены совета были также вновь избраны.

Получив в деревне из Москвы как официальное, так и частные уведомления о происшедшем в "Обществе", я официально ничего не отвечал, а частно написал как вице-президенту, так и другим своим приятелям, что от души благодарен им за добрые их ко мне отношения, что считаю невозможным теперь дать какой-либо решительный ответ, что поеду в Петербург, объяснюсь с министром и тогда сообщу мое окончательное решение. В конце ноября я был уже в Петербурге и у министра, которым тогда был А.А. Зеленой. Я объяснил ему очень обстоятельно причины, побудившие меня, совет и "Общество" отстаивать дарованные нам права, удостоверил, что никто не имел в виду ни при ходатайстве, ни при вторичном избрании меня в президенты произвести оппозиционную демонстрацию, и доложил ему, что этого звания я еще не принял, что не желаю становить "Общество" в неприятные отношения к министерству и что вступлю в должность президента в том только случае, если получу на то искреннее соизволение его высокопревосходительства. Министр А.А. Зеленой принял и выслушал меня очень благосклонно и отвечал мне весьма благодушно; мы расцеловались, и он обещал исполнить по возможности все представления общества. Это слово он сдержал добросовестно.

По возвращении в Москву я немедленно вступил в должность президента, и зимою, как в этом, так и в следующие годы, заседания общества и вновь заведенные беседы были и частые и весьма оживленные. О чем мы не толковали! И о разных системах полеводства, и о всяких сельскохозяйственных машинах и орудиях, и о выписных семенах, коровах, быках, овцах и свиньях, и о рабочих книжках, и о сельскохозяйственных съездах, и о поземельном кредите и пр. пр. Речи произносились и длинные, и краткие, и дельные и пустые, и блестящие и

скучные. Тут образовались те ораторы, которые впоследствии отличались в земских и городских наших собраниях. Много учреждалось в "Обществе" по разным предметам особых комиссий; и надо отдать им справедливость, что они вообще работали усерднее и производительнее, чем нынешние наши земские и особенно думские комиссии. Так шла деятельность нашего "Общества", и не было более столкновений ни с министерством государственных имуществ, ни с С.А. Масловым. Я пробыл президентом общества до переселения моего в Варшаву, откуда в сентябре 1864 года я уведомил "Общество", что за отсутствием из Москвы слагаю с себя звание президента.

В рассказе о моей деятельности по "Московскому обществу сельского хозяйства" я зашел несколько вперед по времени; а потому нужно возвратиться назад.

В течение зимы 1861–1862 г., а именно между половинами декабря и января я съездил в Дрезден, где жена моя по причине нездоровия проводила зиму. Осенью и в начале зимы я написал *ряд статей*, в которых я излагал тогдашнее положение дел в России и указывал на единственный, по моему мнению, путь к их упорядочению. Напечатать эти статьи в России было невозможно; а потому я решился издать их за границею под заглавием "Какой исход для России из нынешнего ее положения"[2]. Я воспользовался моею поездкою за границу для исполнения этого намерения и напечатал эту книжку в Лейпциге. В ней наши внутренние обстоятельства были изложены довольно верно и наглядно, и, думаю, в первый раз печатно была высказана мысль, что для завершения дела освобождения крепостных людей, для прекращения существовавших у нас везде беспорядков и злоупотреблений и для водворения единства и большего смысла в управлении вообще необходимо призвать на совет, как то делалось в прежние времена, представителей из всех местностей империи, т.е. созвать *общую земскую думу*. Эта моя книжка прошла небесследно; многие соотечественники выразили мне сочувствие к высказанным в ней мнениям[3]; а барон Гакстгаузен напечатал ее в немецком переводе, снабдив ее написанным им введением, в котором он воздал хвалы автору и подтвердил верность его описания и дельность его предположений. Но мне были сделаны и словесно, и письменно разные возражения и в особенности против моего мнения о необходимости удержания самодержавия для России и о непригодности для нее существующих в Западной Европе конституций. Многие думали, что я так высказался только потому, что желал этим средством обеспечить себе безопасный возврат и пребывание в России. Это побудило меня написать и издать в Лейпциге летом 1862 года *новую книжку* под заглавием "Конституция, самодержавие и Земская Дума". В этой книжке я еще более уяснил свои мысли о самодержавии и конституции[4]; старался доказать необходимость первого и непригодность последнего для России и обстоятельно отвечал на сделанные мне по этим предметам возражения. Эту книжку написал я за границею и напечатал в три дня в Лейпциге перед возвращением в Россию.

Пребывание жены за границею, желание видеть вторую Лондонскую выставку[5], здоровье мое, несколько потрясенное разными хлопотами и неприятностями, и пуще всего потребность в оживлении себя после мертвящего бездействия, наступившего вслед за крайне возбужденными годами 1858–1861, решили

меня в июне 1862 года ехать в Карлсбад, а оттуда в Англию на 2-ю Всемирную лондонскую выставку.

В Карлсбаде я встретил барона Гакстгаузена, которого я не видал с его отъезда из России, т.е. с 1844 года; а между тем так много нового и великого совершилось в России; а потому нашим беседам не было конца. Между прочим, я благодарил его за перевод моей брошюры, произведенной под его наблюдением и за его предисловие к ней. Мы постоянно виделись на прогулках, часто вечером пили с ним шоколад, нередко навещали друг друга на наших квартирах и сверх того были много раз приглашены на обеды и ранние вечера к вел⟨икой⟩ княгине Елене Павловне. Главным предметом разговора было совершившееся в России освобождение крепостных людей. Он сознавался, что никогда не воображал, чтобы такое великое дело могло совершиться так легко, чтобы дворянство так усердно помогло в этом случае правительству и чтобы крестьяне, еще малообразованные, так разумно и так спокойно приняли дарованную им волю. Немало толковали мы и о предлагаемом мною созыве Земской думы. Он вполне одобрил эту мысль и находил, что путь, мною указываемый к сближению царя с народом и к водворению порядка и разумности в управлении, есть единственно верный и возможный в России. Я сообщил ему о намерении моем несколько пояснить и пополнить первую брошюру составлением и изданием второй брошюры, которую я предполагал тою же осенью издать. Из Берлина я отправил к нему эту книжку в постоянное его место жительства, кажется, куда-то в Шлезию.

Вел⟨икая⟩ княгиня Елена Павловна была вообще к русским чрезвычайно любезна и удостаивала меня своим особенным благорасположением. С ее согласия я затеял подписку между русскими на сооружение церкви; она первая подписалась, и мне удалось собрать довольно значительную сумму, которую на хранение я передал в городское управление, изъявившее готовность отвести нам бесплатно место под церковь. В следующие годы занимались этим граф Анд⟨рей⟩ Пет⟨рович⟩ Шувалов и Мусин-Пушкин[6]. Они, к сожалению, предпочли устроить русскую церковь в одном доме, уже существующем: отделали его, снабдили всем нужным и, кажется, через два года освятили церковь.

По окончании курса водопиения и ванн я направился на Франкфурт, по Рейну, в Лондон *на вторую Всемирную выставку*. Там провел я три недели как нельзя лучше. Посещал я выставку почти ежедневно; но особенно интересовали меня испытания разных сельскохозяйственных машин. Эти испытания производились так: значительнейшие фирмы сельскохозяйственных машин приглашали нас на свои фабрики, устраивали испытание плугов, экстирпаторов[7], борон, молотилок и пр. на одной из ближайших ферм и угощали нас славным обедом и отличными винами. Я особенно много купил разных орудий у Говарда, которого изделия оказались лучшими на выставке и получили всего более наград. Особенно поразил меня паровой плуг. Он пахал великолепно, в первый раз тогда к пахоте прилагался пар; но ценность этого орудия была такова, что нам, русским хозяевам, можно было им любоваться, но отнюдь не приобретать. Эта вторая Всемирная выставка была еще лучше, богаче и разумнее устроена,

чем первая. Всякий мог изучать свою часть, получать все нужные справки, и англичане были у себя дома столь же любезны, сколько они несносны в чужих краях.

Из Лондона я отправился в Остенде, где нашел свое семейство, и прожил там три недели, купавшись в море и пользовавшись морским воздухом. В начале сентября мы возвратились в Россию, в деревню.

Зима 1862–1863 года прошла в Москве почти также, как и предыдущая: много толковали в обществе о последствиях освобождения крестьян. Помещики всего более жаловались на рабочих, но доставалось и посредникам, и правительственной администрации. Распоряжения министра внутренних дел П.А. Валуева и усиление строгости цензуры по делам печати[8] особенно вызывали общее неудовольство.

1863 год был для меня лично очень важен тем, что сын мой[9] женился, а дочь моя[10] вышла замуж. Свадьба сына совершилась в Саратове, а свадьба дочери у нас в деревне. Эта свадьба заняла часть лета этого года.

Глава XIII. (1863–1867)

Положение о земских учреждениях. – Положение о крестьянах в Царстве Польском. – Учредительный комитет. – Аудиенция у Александра II. – Переезд в Варшаву. – Наместник гр. Берг. – Управление финансами в Царстве Польском. – Кн. Черкасский. – Устав о питейном сборе. – Каменноугольные копи в Домброве. – Разногласия. – Аудиенция у императора. – Первое земское собрание в Сапожке. – Бюджет Царства Польского на 1866 г. – Разработка каменного угля. – Н.А. Милютин. – Отъезд из Варшавы за границу. – Записка государю “О делах Царства Польского”.

Зима 1863–1864 года была особенно оживлена и интересна. Сперва известия из Петербурга о предстоявшем, а впоследствии суждения о состоявшемся обнародовании “Положения о земских учреждениях” занимали всех и каждого. Не только при случайных съездах толковали об этом нововведении, но были нами нарочно назначаемы частные собрания, в которых обсуживались главные статьи этого “Положения” и меры к приведению их в исполнение. Многие были недовольны “Положением”, находивши, что круг действия земских учреждений и права, предоставленные земству, слишком ограничены. Другие, и в том числе и я, доказывали, что на первых порах вполне достаточно и того, что нам дали, что следует усердно заняться разработкою и пользованием этого малого, нам отмеренного, и что если мы исполним эту нашу обязанность добросовестно и со смыслом, то и большее придет само собою. – Эти наши беседы значительно послужили к уяснению дела, и положено было единогласно принять живое участие в предстоявших съездах для выбора гласных, а затем и в самых земских собраниях.

В конце февраля 1864 года приехал из Петербурга в Москву кн. В.А. Черкасский, который вместе с Самариным под главным руководством Н.А. Милютина участвовал в составлении нового “Крестьянского положения для губерний

Царства Польского". "Положение" это было окончательно утверждено государем 19 февраля 1864 года, и предстояло его приводить в действие. Вместе с тем предположено было произвести значительные перемены в устройстве самого управления этим краем, а именно образовать на этот конец под председательством наместника особый, из немногих членов, "Учредительный комитет" и на главные административные должности назначить русских. Вследствие этого кн. Черкасский по соглашению с Н.А. Милютиным и по его поручению предложил мне быть членом "Учредительного комитета" и сперва иметь наблюдение за финансовою администрациею Царства Польского, а впоследствии и принять на себя обязанности главного директора, т.е. министра финансов. Как ни заманчиво было это предложение и как оно ни соответствовало моей наклонности к финансовым делам, я боялся изъявить согласие на принятие предлагавшихся мне тяжких обязанностей. Я прочел новое "Положение" для крестьян Царства Польского и увидел, что хотя права собственности польских помещиков и принесены в жертву цели лучшего устройства быта тамошнего крестьянства[1], однако такая мера ввиду прежних страшных притеснений его со стороны землевладельцев и недавних действий дворянства против правительства даже не грешит против справедливости. Сверх того, нельзя было не признать, что для окончательного закрепления этого края русской державе совершенно необходимо было приобрести расположение крестьян и сократить власть и влияние шляхты. А потому самое "Положение" не противоречило моим убеждениям; но, зная хорошо кн. Черкасского и Н.А. Милютина, я опасался, что этот закон будет не последней военною мерою для прекращения волнений в Царстве Польском, а началом, источником других мер к стеснению и уничтожению шляхетства, за которое я, конечно, в сущности не стоял, но которое в настоящее время я считал незаменимым, а потому заслуживающим некоторого снисхождения и охранения. К тому же всякие натяжки и произвольные действия всегда были мне противны, а их-то я и ожидал и опасался от людей, представивших мои замечания на труды Редакционных комиссий чем-то вроде памфлета. Сверх того, мне хотелось с самого начала земских учреждений принять в них самое деятельное участие. Все эти причины побудили меня отклонить предложения, сделанные мне через посредство кн. Черкасского. Вскоре он уехал в Петербург и затем в Варшаву, откуда о том же предмете завязалась у нас переписка. Кн. Черкасский всячески уговаривал меня принять сделанное через него предложение; Ю.Ф. Самарин, находившийся в то время в Москве, убеждал меня в том же смысле, выставляя преимущественно то, что мы обязаны в крайних случаях жертвовать своими хотениями и даже убеждениями. Я заявлял некоторые условия; переписка продолжалась; а в конце апреля я уехал в деревню. Там в самых первых числах мая я получил от Н.А. Милютина как от статс-секретаря официальное письмо, в котором он сообщил мне от высочайшего имени приглашение приехать в Петербург. Пришлось мне туда ехать; и я немедленно отправился в путь. По приезде в Петербург я тотчас навестил Н.А. Милютина, который немедленно докладною запискою довел до сведения государя о моем приезде. На другой же день я получил *приглашение на аудиенцию* в Царское Село на следующее утро в 1 час. Я отправился туда по железной дороге, бывши еще

в полной нерешимости, ехать ли мне в Варшаву или нет. В уме моем я решил так: если государь примет меня как человека, осчастливленного получением высокого места по управлению, то я, разумеется, приму назначение на словах, поеду в деревню и оттуда скажусь больным; если же прием будет иной, то делать нечего, я решусь ехать в Варшаву. Мне случилось ехать в вагоне с г. Платоновым, статс-секретарем по делам Царства Польского; с ним я прежде был знаком; тут мы еще более познакомились. Придворная карета меня ожидала, и во дворце отвели мне особое помещение. Без четверти в час я отправился в апартаменты государя; ему обо мне доложили, и я тотчас был принят. "Знаю, – сказал мне государь, – что Вам тяжело оставить частную жизнь, к которой Вы привыкли, но я Вас прошу принести эту жертву отечеству и принять на себя обязанности члена Учредительного комитета с управлением финансами Царства Польского. Уверен, что Вы в этом мне не откажете". Эти слова решили мою поездку в Варшаву[2]; я изъявил полную готовность исполнить волю государя, но просил его только не возлагать на меня тотчас управление польскими финансами, которые мне были совершенно неизвестны, и дать мне два-три месяца хотя для поверхностного с ними ознакомления. Государь согласился на это и дозволил мне ехать в Москву и деревню, устроить там мои дела и не позже как через месяц быть в Варшаве. После чрезвычайно милостивой аудиенции государь отпустил меня, крепко пожавши мне руку. В тот же день вечером я был у Н.А. Милютина, который был очень доволен, что аудиенция произвела на меня хорошее впечатление; и я обещал ему в самых первых числах июня быть в Петербурге и отправиться в Варшаву*.

---

* Примечание. Ввиду того, что Ф.В. Чижов написал свои записки[3], которых напечатание он отсрочил до истечения пятидесятилетия после его кончины, считаю нужным упомянуть здесь о случившейся между мною и им размолвке.

В то время, когда кн. Черкасский приезжал в Москву и предлагал мне быть членом Учредительного комитета с заведыванием финансовыми делами Царства Польского, он убеждал Ф.В. Чижова принять должность председателя вновь учреждавшейся в Варшаве ликвидационной комиссии и имевшей заведывать тамошними выкупными делами. Как Чижов был до крайности самолюбив и имел о себе самое высокое мнение, то он обиделся тем, что ему предлагали второстепенную должность. Он от нее отказался и стал везде о том рассказывать и говорить, что он не намерен участвовать в окончательном подавлении и ограблении Польши. Вследствие этого всякие переговоры с ним были порваны. Ю.Ф. Самарин, знавший и от меня, и от кн. Черкасского, что я не наотрез отказался от сделанного мне предложения и что между нами даже продолжались переговоры, отъезжая за границу, имел неосторожность сообщить это в виде секрета Чижову, выразив ему сожаление, что он отказался от совершения доброго дела и вместе с тем сказал: "А Кошелев, вероятно, туда поедет". Раздосадованный этими словами, Чижов поехал о том благовестить по всем нашим общим знакомым; как из них некоторые не были расположены в пользу совершавшегося в Царстве Польском преобразования, то, разумеется, они одобрили его и осуждали мой поступок. Иные из них приехали ко мне даже с выражением удивления насчет намерения моего ехать в Варшаву. Я написал об этом к Самарину[4], находившемуся тогда еще в Варшаве, и он ответил мне очень милым письмом с самыми сердечными извинениями и с приложением очень резкого письма к Чижову, которое Самарин просил меня по прочтении отослать к Чижову[5]. От этого и произошел между мною и Чижовым разрыв, который продолжался много лет и побуждал его не упускать никакого случая меня осуждать и мне вредить.

На следующий же день я отправился в Москву, где дал разным моим знакомым поручение – приискать мне молодых людей, которые желали бы поступить на службу в Царстве Польском и которые могли бы мне быть полезными по устройству вверявшихся мне дел. На обратном пути я приговорил в Москве троих молодых людей на службу в Варшаву, и одного из них (г. Остроумова) я даже взял с собою.

Распорядившись своими делами в деревне и в Москве, я поспешил своим отъездом и 8 июня прибыл в Петербург. Тут я много виделся с Н.А. Милютиным, от которого я узнал, что указ о назначении меня членом Учредительного комитета и Совета управления уже состоялся. 10-го поутру я отправился в Варшаву, и 11-го в 5 часов пополудни я туда прибыл. Кн. Черкасский встретил меня в вокзале, повез меня к себе обедать и потом отвез меня в Брюловский дворец[6], где назначено было мне помещение. Мне отведены были великолепные парадные апартаменты этого дворца; но для спанья и работы я отыскал себе комнаты менее великолепные и более удобные.

На следующий день я надел мундир и отправился к наместнику гр. Бергу, который заставил надворного советника и милютинского избранника ждать целый час, принял меня стоя и даже руки мне не подал. В этот и следующие дни я посетил всех, кого следовало, и рассказывал, особенно людям, пользовавшимся благорасположением наместника, о странности и неприличии сделанного мне приема, вполне противоречившего милостивой аудиенции у государя императора. Это доведено было до сведения наместника, который в первое же заседание Учредительного комитета, минуя всех, прямо подошел ко мне, подал мне руку, очень любезно со мною разговаривал и в заседании посадил меня подле себя. По окончании заседания, продолжавшегося от 9 до 1 часа ночи, наместник позвал меня на следующий день к себе обедать. На обеде он был чрезвычайно любезен и в завершение, по окончании обеда, извинился, что в первый день заставил меня долго ждать, потому что ему не так доложили, как следовало, и что, бывши очень раздосадован разными докладами, он был в расстроенном положении духа.

Первые две, три недели я только знакомился с людьми и делами, и мое присутствие в Учредительном комитете и в Совете управления было почти незаметно. Членами Учредительного комитета, кроме меня, были кн. Черкасский, исправлявший должность главного директора (министра) внутренних дел, Ф.А. Соловьев[7], заведывавший устройством крестьянских дел, В.А. Арцымович[8], сенатор и по преимуществу наблюдавший за судебным ведомством, а впоследствии председатель юридической комиссии, генерал Заболотский[9] и генерал-полицеймейстер Ф.Ф. Трепов. Впоследствии был еще назначен Р.И. Браушвейг; так что с председателем гр. Бергом нас было семеро. Г. Браушвейг прежде где-то был губернатором[10] и затем, по представлению наместника, был назначен председателем ликвидационной комиссии по удовлетворению землевладельцев за отошедшие от них к крестьянам земли. В Совете управления, кроме поименованных лиц, были членами генерал-контролер И.И. Фундуклей, главные директоры финансов, юстиции и народного просвещения гг. Багневский,

Восинский и Дембовский. Вскоре вместо последнего назначен был главным директором народного просвещения Ф.Ф. Витте, чиновник в полном смысле слова. Не могу про него не рассказать одного характеристического анекдота. При открытии Варшавской русской гимназии был, разумеется, завтрак и разные тосты. После заздравия императору протестант Витте предлагает "за здравие православия!"

Вскоре я увидел, что и в Учредительном комитете, и в Совете управления имеются *две партии*, из которых одна под влиянием наместника составляла большинство, мало говорившая и еще менее руководившаяся настоящими государственными соображениями; а другая, состоящая из кн. Черкасского и Соловьева и поддержанная из Петербурга Н.А. Милютиным, образовывала меньшинство и отличалась способностями и трудолюбием, предприимчивостью и дерзостью; она много превосходила большинство и даже его угнетала. И большинство, и меньшинство считали меня принадлежащим к последнему; но я в течение некоторого времени держал себя совершенно нейтрально и подавал свой голос то с теми, то с другими, глядя по тому, чьи предложения более согласовались с моими убеждениями. Всего дружнее я был с кн. Черкасским; часто я у него обедал; видались мы ежедневно, спорили мы много, но расставались без неприязни и дурного чувства друг к другу. В конце первого месяца моего пребывания в Варшаве по одному вопросу, возбужденному кн. Черкасским в Совете управления и клонившемуся к новому, вовсе не необходимому нарушению землевладельческих прав, я высказал мнение, противное мнению кн. Черкасского; завязался между нами горячий и продолжительный спор; к моему мнению присоединился В.А. Арцымович; и по большинству голосов предложение кн. Черкасского было отклонено.

После обеда я поехал в Лазенки[11] и, там гуляя, встретил В.А. Арцымовича. Мы пошли вместе, заговорили об утреннем заседании, и вследствие того завязался у нас такой живой и интересный разговор о ходе дел вообще, что мы то садились, то ходили и пробеседовали до часа ночи. С этого дня мы очень сблизились, и вообще и наместник, и прочие члены Учредительного комитета и Совета управления перестали на меня смотреть как на клеврета Милютина и увидели во мне человека с самостоятельными убеждениями.

В течение первого месяца моего пребывания в Варшаве я старался и имел возможность близко познакомиться с ходом крестьянского дела в Царстве Польском и с правилами, которыми руководились главные деятели по этой части, т.е. кн. Черкасский и Соловьев и которые они внушали председателям и членам местных комиссий по крестьянским делам. В конце июня был по распоряжению кн. Черкасского и по случаю передачи им ведения этих дел только что приехавшему Соловьеву общий съезд всех этих ими приглашенных русских деятелей; были почти ежедневные их собрания и самые оживленные толки; а руководители не скупились на самые откровенные указания и наставления. В это первоначальное время кн. Черкасский и Соловьев еще говорили и действовали при мне вполне свободно, без всякой прикрышки; а потому я имел возможность все видеть, все слышать и про себя делать наблюдения. Я не замедлил убедить-

ся, что справедливость и законность не были их непременными руководителями и что они имели в виду доконать польских землевладельцев, т.е. шляхту и панов. Конечно, я не питал к последним никакого особенного сочувствия, вовсе не был одушевлен какими-либо аристократическими убеждениями и стремлениями и считал главную меру, положенную в основу принятых реформ, т.е. наделение крестьян землею, отчуждаемою от помещиков, необходимою, даже справедливою и вполне оправданною как прежними злоупотреблениями дворянства в его отношениях к крестьянам, так и недавними его действиями против русского правительства; но мне неприятно было и казалось противным интересам России ежедневно, ежечасно, при всяких возможных случаях высказывать польскому дворянству вражду и желание его притеснять и изводить. Вначале я не высказывал моим товарищам кн. Черкасскому и Соловьеву, что такие их действия мне не сочувственны и мною не одобряются, потому что я хотел глубже и всестороннее всмотреться в дела; но вскоре я начал понемногу и еще нерешительно обнаруживать свои недоумения, взгляды и мнения по предпринятым реформам. Я старался выяснить, что мы, русские, не в состоянии одни справиться с этим делом, что нам не следует становить польскую весьма способную интеллигенцию во враждебные против нас отношения, что можно и необходимо было крепким ударом ее хватить и даже ошеломить, чтó и было уже сделано, но что постоянно ее щипать, и колоть, и раздражать вовсе не политично и в интересах России невыгодно и что такой способ действия мне противен и вовсе не требуется и не оправдывается пользами русского дела.

Как имелось в виду передать мне заведывание финансовыми делами Царства Польского и как такая передача отсрочена была только вследствие заявленной мною невозможности управлять делами, мне совершенно неизвестными, то даны были мне все средства к ознакомлению с ними. Мне предоставлено было право требовать от Главного управления финансов все сведения и дела, какие мне нужны, и сверх того, под предлогом согласования польских финансовых мер с русскими имперскими, вменено было главному директору финансов г. Багневскому вносить свои предложения в Совет управления не иначе как с моими заключениями. Конечно, никто другой, кроме г. Багневского, не согласился бы при таких условиях оставаться главным директором, но он подчинился очень благодушно этим ограничениям, помогал мне в ознакомлении с польскими финансами и разъяснял мне очень благосклонно мои недоумения и неведения. Он был человек умный, хорошо знал свою часть, но нуждался в казенном жаловании; он знал, что я непременно займу его место, что этому воспрепятствовать нельзя, что лучше иметь на своей стороне будущего главного директора финансов и что правительство при увольнении его назначит его сенатором и может сохранить ему жалование главного директора. Все это впоследствии так и исполнилось.

Вскоре после моего приезда в Варшаву, в третьем или четвертом при моей бытности заседании Учредительного комитета (29 июня), постановлено было образовать под моим председательством и при участии главного директора финансов г. Багневского, в качестве члена, комиссию для пересмотра существо-

вавших тогда постановлений о прямых налогах и для начертания проекта положения по сему предмету с целью обеспечения правильного их поступления в казначейства и уравнительного ими обложения плательщиков. Эта задача была неотложная.

Прямые подати, существовавшие в Царстве Польском, были разнообразны; все они очень устарели, относились нередко к предметам, уже переставшим существовать, и не захватывали многих статей, способных нести налог. Вследствие этого недоимки по податям были огромные, они увеличивались с каждым годом, и не было возможности их взыскивать, ибо иные предметы обложений уже перестали существовать, а на нет и суда нет. Некоторые подати были собственно *дворянские*, а потому по переходе земель от помещиков к крестьянам последние не обязаны были платить дворянских налогов, и вместе с тем эти земли еще не были обложены крестьянскими повинностями. Многие дворянские имения даже целиком перешли во владение крестьян, и потому не было никакой возможности с них взыскивать дворянских податей. Очень многие пахотные земли, особенно в Августовской губернии, расчищенные из-под лесов, не подлежавших никакому налогу, оставались свободными от всяких платежей, хотя уже пахались и давали хорошие доходы. Главная подать *офяра*, установленная еще в 1789 году, во времена Костюшки, в виде добровольного со стороны дворянства пожертвования, лежала только на дворянских имениях и соразмерялась с доходом, в ту эпоху получавшимся. В течение 75 лет эта подать не подвергалась никаким реформам и исправлениям, а только возвышалась на известное количество процентов. Без переоценок, без привлечения к обложению новых доходных статей она существовала, увеличившись только в нарицательной цифре сбора: она возросла почти в шесть раз против первоначального своего обложения. Другая подать – *контингенс-ливерунковый* – установлена была Наполеоном в 1811 году в виде военной реквизиции[12] и взималась в первые времена натурою в виде ржи и овса, но могла быть отбываема и деньгами. Впоследствии она была превращена в денежный налог, который постоянно увеличивался на известные проценты, но взыскивался по обложению спешно, в военное время состоявшемуся и не изменявшемуся, несмотря на то, что пахотные земли из-под лесов расчищались и чрез то значительно умножались. – Существовали прямые подати с мельниц (канак с мельниц), с заводов (гоповый) и другие; но все они установлены были с давних времен, возвышались, но не преобразовывались. Еще в 1832 году признано было необходимым изменить и переустроить эти налоги, назначены были на этот конец комиссии, за ними последовали новые комиссии, но дело вперед не подвигалось. В конце 1818 года состоялось строгое высочайшее повеление об образовании новой комиссии для пересмотра и переустройства разных податей. Эта комиссия вследствие неотступных требований наместника наконец в 1858 году представила проект преобразования одной, менее прочих несовершенной подати – *подымной*, которая взималась с дымов, т.е. с домов как в городах, так и в селениях. И эта подать была тогда преобразована и утверждена в весьма незатейливой, вовсе не уравнительной форме. – Об этой подати я выше не говорил потому, что хотя она довольно значи-

тельна, но на время еще могла быть удержана в своем виде и не требовала непременного и немедленного преобразования.

Учредительный комитет, назначив меня председателем этой вновь предположенной комиссии, предоставил мне право составить ее из лиц по моему усмотрению, и я должен был представить список ее членов на его утверждение. Сознавая всю трудность предлежащей мне задачи и убежденный в особенной важности местных сведений для удовлетворительного ее разрешения, я включил в список всего более поляков и по преимуществу членов дирекции Земского кредита, ибо главный предмет обложения составлял доход от земли. Кроме гг. Багневского и Янишевского, директора департамента казначейства и окладных сборов, я предположил пригласить шестерых поляков, и в том числе одного отменно умного, способного и трудолюбивого г. Штумера, который, как я узнал, со страстью занимался изучением финансовой истории Польши и переустройством ее податной системы. Его я намерен был назначить и делопроизводителем комиссии и для него испросить денежный оклад на годичный срок. Из русских, кроме себя, я предполагал призвать только двоих. Представленный мой список произвел в Учредительном комитете, и особенно на кн. Черкасского, действие поразительное. "Вы не сладите, – воскликнул он, – с комиссиею, в которой будет вдвое более голосов польских, чем русских!" "Мне особенно нужны местные сведения, – отвечал я, – а в удержании или усилении цифры налога и в редакции самого проекта я надеюсь управиться и с имеющимися русскими силами". Возникли было по этому предмету сильные прения, но положен был им конец моим заявлением, что я прошу утвердить представленный мною список, иначе я не могу оставить за собою председательство в комиссии. Желание мое было исполнено, и число русских членов увеличилось только одним, потому что член Учредительного комитета г. Брауншвейг изъявил желание участвовать в этой комиссии. Сверх того предоставлено мне было право приглашать в заседания комиссии и другие лица, которые я сочту могущими быть полезными для дела.

Труд предстоял великий; исполнение его сопряжено было с немалыми препятствиями; в течение нескольких десятков лет безуспешно трачено было на него много времени и сил, а потому ответственность на мне лежала тяжкая. Без всякого промедления я открыл комиссию, и мы собирались два раза в неделю по вечерам, а иногда имели сверх того и чрезвычайные заседания. В первых же заседаниях мы решили пока не касаться подымной подати, а обратить все наше внимание на те подати, которых преобразование было совершенно неотложно, т.е. офяры, контингенса-ливерункового и некоторых мелких совсем устарелых податей. Мы хотели было офяру и ливерунк слить в одну поземельную подать; но это оказалось невозможным, ибо по высочайшему указу часть офяры должна поступать на уплату процентов и на погашение ликвидационных листов и взиматься только с дворянских имений. А потому мы решили удержать обе подати и установить главною податью поземельную, а офяру оставить в виде временного налога, которым должна покрываться только сумма, потребная на ликвидационные листы. Самым важным и неотложным делом оказалось собрание сведений о землях, их доходности и ценности, ибо эти сведения должны были

служить основанием для разложения обоих налогов. Мы выработали формы для запросов по этому предмету, и с изложением главных начал, нами одобренных для дальнейших наших работ, мы представили эти составленные формы на утверждение Учредительного комитета, испрашивая его разрешение на собирание по ним сведений о всех землях в Царстве Польском. Учредительный комитет без всяких затруднений одобрил наши предположения и разрешил нам собирать необходимые для нас сведения.

Затребовавши от владельцев эти сведения о землях, под угрозою собирания этих данных через чиновников на счет землевладельцев, не удовлетворивших в срок этому требованию, и обратившись с просьбою в комиссии по крестьянским делам об оказании содействия относительно крестьянских земель и в общество поземельного кредита о сообщении нам сведений о ценности земли в различных местностях Царства Польского, мы занялись установлением порядка для проверки поданных землевладельцами ответов на наши запросы и затем не замедлили приступить и к обсуждению прежде нами устраненной подымной подати. Работа шла у нас очень живо и успешно: все члены исправно являлись в заседания, которые начинались в восемь часов и продолжались часто за полночь. Но особенно деятелен, неутомим и много производителен был член и делопроизводитель комиссии г. Штумер. Ему принадлежит главная честь в успешности наших работ.

В октябре хотели было передать мне управление польскими финансами, но как бюджет на следующий год был уже составлен и притом не мною и как он подлежал обсуждению в Государственном совете Царства Польского, то я просил отложить мое назначение до окончания рассмотрения бюджета в упомянутом учреждении. Как член Совета управления, я был чрез то и членом Государственного совета, а потому я принимал участие в обсуждении в нем бюджета. Заседания Совета были немногочисленны и непродолжительны, хотя для меня и небезынтересны. Они происходили под председательством высочайшею властью назначенного президента сенатора В.А. Арцымовича. В конце ноября бюджет был в Государственном совете одобрен, и в самых первых числах декабря я был назначен главным директором финансов и тотчас вступил в исправление моей новой должности.

Первым долгом я счел созвать к себе всех служащих в комиссии финансов и высказать им те правила, которыми я буду руководствоваться при управлении делами. Я объявил им между прочим, что на основании устава о гражданской службе в Царстве Польском буду требовать знания русского языка, что чрез шесть месяцев более не допущу перевода докладов с польского на русский язык и что они должны будут составляться по-русски, что чиновники, не знающие хорошо русского языка, не получат никаких наград, никакого повышения, а впоследствии не будут терпимы на службе и что только немногие исключения будут мною допущены в пользу престарелых заслуженных чиновников. Речь моя произвела очень хорошее действие: знавшие порядочно русский язык стали тотчас подавать свои доклады по-русски, другие сильно налегли на изучение русского языка, и почти все дело производства до назначенного мною срока перешло на

русский язык. Я не знал польского языка, в Варшаве я счел долгом ему не учиться, да и времени на то не было. Со всеми я говорил по-русски и в крайних случаях допускал объяснения на французском языке. Поляки как народ отменно способный чрезвычайно скоро привыкли к русскому языку, и все пошло у нас как нельзя лучше. Два раза в неделю, по понедельникам и четвергам, в первом часу главный директор официально принимал посетителей. Просьбы писались по-польски, и я тотчас передавал их находившемуся подле меня директору моей канцелярии, который переводил или заставлял их переводить, и мне их представлял уже в переводе. Кто-то из поляков подал мне просьбу, написанную по-русски, я тотчас ее прочел, написал на ней резолюцию и наблюл за немедленным по ней исполнением. Вследствие этого просьбы по-русски участились, и через год почти перестали ко мне поступать просьбы по-польски.

Вскоре по вступлении моем в должность посетил меня председатель Общества польского поземельного кредита гр. Тршетршевинский, и я, взяв в руки бумагу, только что от него полученную, сказал ему, что, конечно, на точном основании устава кредитного общества он имел полное право писать ко мне по-польски, но что об этом я желал с ним объясниться, для чего и оставил эту бумагу у себя на столе."Что́ лучше, – спросил я его, – что́ выгоднее для общества, то ли, чтобы главный директор действовал в отношении к Обществу на строгом основании закона или чтобы, не отступая от него, он оказывал Обществу возможную благосклонность и снисходительность? Если Вы предпочитаете последнее, то я попросил бы Вас писать ко мне по-русски". Председатель взял у меня польское свое отношение и на следующий же день прислал ко мне бумагу по-русски, и я из Общества поземельного кредита более не получал польских бумаг. Зимою первого года приезжает ко мне тот же председатель поземельного Общества и приглашает меня в общее собрание Общества, где по закону главный директор финансов должен председательствовать. Я изъявляю желание исполнить эту обязанность моего звания, но вместе с тем высказываю сожаление, что не имею возможности это сделать, ибо как в заседании все происходит по-польски, то не могу произнести обязательной речи и глупо сидеть и слушать отчет на языке, которого я не понимаю. Тогда председатель Общества, упрашивая меня не отказываться от посещения Общества, предложил мне произнести речь по-русски и обещал устроить так, чтобы отчет был прочтен сперва по-русски, а потом по-польски. Так дело было нами улажено и исполнено. Вообще я должен сказать, что мне удалось распространить употребление русского языка гораздо более, чем в том успел мой товарищ кн. Черкасский, и только потому,что он требовал и прибегал к насилью, а я действовал учтивее и предоставлял самим полякам, мне в угоду, исполнять мое желание. Учтивость в Польше могущественнее, чем в какой-либо иной стране. Доходил до меня слух, что поляки находили мои отказы менее неприятными, чем даже удовлетворения их просьб кн. Черкасским.

Осенью жена ко мне приехала, и в декабре мы переехали в великолепный по обширности дворец комиссии финансов. Мы познакомились почти со всеми русскими и с весьма многими поляками. Мы принимали по воскресеньям вече-

ром, и в эти дни бывало у нас часто до двухсот гостей. Поляки, и мужчины и дамы, относились к нам очень дружелюбно, и вовсе не было заметно, чтобы они нас избегали и не хотели нас посещать. Мы также ездили на балы и вечера; и хотя это для меня было и тяжело, но особенно на первое время я считал долгом от этого не уклоняться. Мои сношения с гр. Бергом улучшались с каждым днем, и вскоре я приобрел его доверие настолько полное, насколько остзеец может его иметь к коренному русскому. С кн. Черкасским мы старались оставаться в хороших отношениях, часто посещали друг друга, даже советовались по делам, но много спорили и нередко расходились в мнениях. С Я.А. Соловьевым мы были на учтивостях, и никогда далее этого мы не пошли. Мы очень сблизились с В.А. Арцымовичем и его семейством. Вообще со всеми русскими мы были в хороших отношениях.

В течение зимы посетил нас из Петербурга Н.А. Милютин. Между нами, т.е. им, кн. Черкасским, Соловьевым и мною, были частые и продолжительные беседы, которые все более и более меня убеждали, что между нами существовали коренные разномыслия и что мы вполне согласно действовать не могли. Даже однажды я сказал Н.А. Милютину, что не лучше ли мне подобру-поздорову убираться из Варшавы, и просил его только доставить мне к тому приличную возможность. Я предвидел, что между нами неминуемо должны усиливаться разногласия, которые могут перейти и в большие неприятности, а потому я предпочитал заблаговременно удалиться. Но Н.А. Милютин и кн. Черкасский сильно против этого восстали и убеждали меня всеми возможными доводами выкинуть эту мысль из головы, настаивавши главнейше на том, что как цель у нас одна и та же, то в существенных мерах мы не можем расходиться.

Еще до назначения меня главным директором в августе поручено было комиссии финансов составить *проект устава о питейном сборе* с применением к Царству Польскому акцизной системы, существовавшей по сему предмету в империи. В то же время образована была под моим председательством комиссия для рассмотрения этого проекта и представления его в окончательной редакции в Учредительный комитет. Состав этой комиссии имел быть утвержденным по моему представлению Учредительным комитетом. Кроме главного директора и директора неокладных сборов я включил в список членов вновь образуемой комиссии несколько винокуренных заводчиков, очень умных людей, – гр. Островского, Гурского и Грушецкого и еще разных поляков, занимавшихся финансовыми вообще и консумационными делами[13] в особенности. И на сей раз я составил комиссию из значительного большинства поляков и из весьма немногих русских. Делопроизводителем я, однако, назначил русского, г. Семенова, служившего в империи по акцизной части и присланного по моей просьбе из Петербурга. Я знал, что вводимая акцизная система шибко не нравилась полякам и что по этой части были необходимы не столько местные сведения, сколько положительные и подробные знания о том, как действовала эта система в империи, и искреннее желание ввести ее в царство Польское. Список мой, представленный в Учредительный комитет, был им утвержден беспрекословно. Предпринятое дело было отменно важное, а потому стоит о нем поговорить несколько обстоятельно.

В Царстве Польском существовали по питейному сбору разные налоги: 1) акциз с выкурки вина и спирта, приносивший доход около 1 300 000 р.; 2) консумационный сбор с вина, спирта, пива и меду и с убоя скота, взимаемый при их ввозе в города и дававший дохода около 2 с половиной мил. руб.; 3) пропинационный[14] за распродажу вина в казенных городах и селениях выручал около миллиона рублей; и 4) разные мелкие сборы с патентов, шинковый[15] с евреев и пр., доставлявшие казне около трехсот тысяч рублей. – Акциз с вина был прежде очень незначителен – всего 34 коп. с ведра 78% спирта; в 1864 году он разом был поднят до 1 руб. и должен был дать казне от 3 1/2 до 4 мил. руб. вместо прежних 1 300 000 р. Консумационный сбор в городах, сдававшийся на откуп, был источником страшных стеснений для городских обывателей и беспрестанных жалоб их местному и высшему начальствам. К тому же этот способ собирания дохода обходился стране очень дорого и по необходимости кордонов около каждого города, и по барышам, которые извлекали откупщики, большею частью евреи. Этот сбор давно возбуждал в городах общее неудовольствие и давно хотели заменить его иным налогом, но все откладывали или до более благоприятного времени или до составления нового проекта устава о питейном сборе вообще; а между тем ни то, ни другое по установившемуся в Царстве Польском обычаю не наступало. – Разно- и многообразие сборов по питейной части, их неуравнительность, а тем еще более трудность их учета были страшные, а потому преобразования и этой отрасли финансовой администрации были неотложны.

До моего вступления в должность главного директора занимались в Комиссии финансов только собиранием разных сведений и кой-какими подготовительными работами по питейным сборам; а потому учрежденная по этому предмету под моим председательством комиссия почти не собиралась, ибо ничего ей не было передано из Комиссии финансов. По вступлении моем в должность главного директора я увидел необходимость до приступа к начертанию нового питейного устава разрешить некоторые существенные вопросы, без чего невозможна всякая редакционная работа. Соединяя в своем лице обязанности и права главного директора и председателя особой комиссии, мне было удобно вести это дело, как я считал лучшим; и работа у нас закипела. Вопросы об отмене консумационного сбора и пропинации возбудили в особой комиссии самые жаркие и продолжительные прения. Поляки крепко стояли за удержание своих старых порядков и, сознавая, что они плохи и требуют изменения, старались дело затянуть и отложить это преобразование до более "благоприятного времени", т.е. до того времени, когда власть перейдет опять в их руки, на что они крепко надеялись и рассчитывали. Как и консумационный сбор и пропинация в городах относились до ведомства главной комиссии внутренних дел, то я приглашал в заседание моей особой комиссии кн. Черкасского и просил его пригласить из своих служащих, кого он сочтет нужным. В этом заседании, после самых жарких и продолжительных прений, мы порешили большинством 11 голосов против 5 представить ⟨доклад⟩ Учредительному комитету об отмене консумационного сбора, о собрании еще некоторых более обстоятельных сведений о пропинационных доходах как составляющих штатные доходы разных учреждений и лиц, т.е. каз-

ны, городских касс, городских обывателей, духовенства и частных лиц и как требующих при отмене особых, довольно разнообразных постановлений. Этот доклад особой комиссии был немедленно и без всяких прений одобрен Учредительным комитетом; а комиссия финансов принялась за собирание нужных сведений, а особая комиссия – за подготовление проекта устава о питейном сборе.

Зима прошла в самой усиленной работе; кроме двух упомянутых комиссий и управления весьма разнообразными и мне еще малоизвестными делами Царства Польского, занятия по Учредительному комитету были очень утомительны. Беспрестанно ему передавали на рассмотрение разные проекты по крестьянским и по духовным делам, по ведомству народного просвещения и юстиции. Наши заседания бывали непременно по два раза в неделю, а иногда и чаще; они начинались в 9 часов вечера и продолжались до часа и до 2 часов ночи, а иногда затягивались и до 3 и 4 часов утра. Прения часто были самые жаркие между мною и кн. Черкасским. Арцымович по большей части поддерживал меня, а Соловьев всегда был на стороне кн. Черкасского. Граф Берг с Заболотским, Брауншвейгом и Треповым подавали неизменно свои голоса за мои мнения, и таким образом большинство голосов было всегда на моей стороне, но это не препятствовало тому, что в Петербурге очень многое переделывалось по настоянию Н.А. Милютина согласно мнению нашего меньшинства в Главном комитете по делам Царства Польского и высочайше утверждалось.

К Пасхе надворный советник Кошелев и коллежский асессор кн. Черкасский были украшены звездами и лентами Станислава 1-й степени. Признаться, недаром мы их получили.

Как главный директор финансов я заведывал горными заводами и всеми делами по горной части. Мне беспрестанно приходилось подписывать резолюции по делам, совершенно мне неизвестным, а иногда даже и мало для меня понятным; и сверх того я видел, что эта часть управлялась весьма плохо и что исправлявший должность директора этого департамента навязывал мне свои мнения, которые я по необходимости утверждал, но в которых я участвовал только пером и рукою. А потому летом 1865 года, как только я освободился от дел неотложных, я решился объехать казенные горные заводы и хотя несколько ознакомиться с краем, которым я должен был управлять, и с делом, которым мне приходилось заведывать. К счастью, в управляющем западного горного округа, в г. Гемпеле, я нашел человека очень умного, дельного, хорошо знающего свою часть и весьма добросовестного. С помощью его в короткое время я осмотрел и узнал многое, что иначе пришлось бы мне разузнавать и изучать с трудом и в течение долгого времени. Особенно заинтересовали меня *каменноугольные копи в Домброве*. В Царстве Польском потреблялось тогда около трех миллионов корцев, т.е. 6 пудовых мер угля; а добывалось в казенных копях от 500 до 600 тысяч, в частных около 400 тысяч корцев и привозилось из прусской Шлезии более двух миллионов корцев каменного угля. Домбровские пласты богатейшие, чрезвычайно толстые (до 8 сажень толщины) и качеством далеко превосходят этот прусский уголь. Это обстоятельство меня особенно заинтересовало; я обратил на него все

мое внимание; моим расспросам не было конца; и в заключение я поручил г. Гемпелю составить проект о значительном усилении добывания каменного угля из казенных копей. Объезд мой и по железной дороге, и в коляске продолжался восемь дней, и я возвратился в Варшаву с порядочным запасом разных сведений по горной части. Корреспонденция, напечатанная в немецкой Бреславской газете, с удивлением говорила о моих глубоких сведениях в горном деле и о том, что я был *первый* главный директор, посетивший горные заводы и копи. Последнее было вполне справедливо, а первое успокоило меня в том отношении, что, видно, бесчисленные мои вопросы были разумны и не обличали полного моего невежества по этой части.

Управление финансами шло у меня порядочно: я был доволен своими служащими; они казались также мною довольными; доходы поступали исправнее прежнего; губернаторы помогали усердно; дела промышленные видимо оживились. Просители, ко мне обращавшиеся (а их было немало, ибо поляки страшные охотники подавать просьбы), оставались мною довольными даже в случае отказа, потому что я отказывал очень вежливо и с обстоятельным разъяснением причин отказа. Наместник был ко мне чрезвычайно хорошо расположен и советовался со мною даже по делам, до моей части не относившимся. Неприятности встречал я в Совете управления и в Учредительном комитете только от своих прежних приятелей, кн. Черкасского и Соловьева, с которыми я все больше и больше расходился, хотя не в цели, но в средствах ее достижения. Они находили особенное удовольствие натягивать в пользу крестьян, немцев и жидов и всячески притеснять и оскорблять польских панов и шляхтичей. Обстоятельства для всех жителей Царства были крайне тяжкие; необходимо было им всем по возможности помогать или, по крайней мере, оказывать им участие в затруднительном их положении. Приятели мои, напротив того, как будто издевались над польскими панами и шляхтою и изыскивали всевозможные средства к отказу по самым справедливым их ходатайствам. Из этого возникали у нас разговоры, прения, споры, даже неприятности. Дела, которые вносились в Совет управления и в Учредительный комитет и ими одобрялись, но требовали высочайшего утверждения, переделывались в Петербурге, ибо Милютин постоянно отстаивал мнения меньшинства, т.е. кн. Черкасского и Соловьева, и представлял государю свои доклады в их смысле, которые и удостоивались высочайшего утверждения. Многие мои представления, одобренные большинством Совета управления и Учредительного комитета, подвергались в Петербурге самой грустной участи: или просто отвергались, или, что еще хуже, переделывались так, что получали смысл, противоположный своему первоначальному назначению. Много было таких приключений, но одно по делу весьма важному, хотя и не мною внесенному, произвело на меня весьма тяжкое впечатление.

Под председательством В.А. Арцымовича образована была комиссия из многих членов, в числе коих находились кн. Черкасский и я, для составления проекта правил к полюбовным сделкам между помещиками и крестьянами по предмету разных сервитутов[16], коими пользовались крестьяне в лесах, лу-

гах и пашнях помещичьих. Крестьяне почти везде имели право брать из помещичьих лесов хворост на отопление и сухостойник на поправки своих строений и сверх того право пускать свою скотину в лес. Крестьяне могли пасти свою скотину по господским дачам, по лугам, после покоса, и по пашням, по пару и после уборки хлебов. Это чрезвычайно стесняло личных землевладельцев: они не могли ни правильно устраивать свои леса, ни охранять их надлежащим образом от расхищения. Когда землевладельцы хотели вводить у себя плодопеременное хозяйство, совершенно необходимое для тамошнего края, то крестьяне этому противились, говоря, что чрез то они лишаются пастбищ; они жаловались комиссарам по крестьянским делам, которые и запрещали помещикам это нововведение. Из этого возникали беспрестанные жалобы, а иногда доходило и до насилий и драк. Высочайше утвержденное положение о крестьянах оставляло за ними пользование этими сервитутами *впредь до* полюбовных сделок или окончательных правительственных распоряжений. Следовательно, составление правил по сему предмету было необходимо и неотложно. В.А. Арцымович пригласил в свою комиссию очень дельных юристов и землевладельцев, работы в ней шли очень успешно, и мы собирались весьма исправно. Всего более спорил кн. Черкасский; часто мы с ним соглашались, но бывало и то, что он оставался один при своем мнении. Вообще можно сказать, что составлен был проект очень дельный и вполне беспристрастный, ибо большинство, зная прискорбные последствия существования сервитутов, одушевлено было искренним желанием положить им конец. Поляки иногда даже удивляли нас своей сговорчивостью, так сильно было в них убеждение в необходимости прекращения этого невыносимого положения и в возможности только пожертвованиями достигнуть этой цели. Кн. Черкасский вообще не желал отмены сервитутов и нам, русским, говорил, что эта мера вообще преждевременная и для России вредная: "Надо, – говорил он, – поддерживать дурные отношения между крестьянами и землевладельцами, не поощрять добровольных между ними сделок, а им противодействовать и всячески поддерживать существующую между ними вражду. В этом вернейший залог для России невозобновления волнений в крае и попыток к отложению его от империи". После долгих и разнообразных прений наконец состоялся проект упомянутых правил; мы его подписали просто, а кн. Черкасский с особым мнением. Учредительный комитет рассматривал этот проект в продолжение нескольких заседаний. Кн. Черкасский и Соловьев придирались ко всему, и первый отвергал даже и то, на что в особой комиссии он изъявлял согласие. Наконец проект большинством голосов был одобрен в представленном виде, а кн. Черкасский и Соловьев подали особое мнение, в котором они доказывали несвоевременность этой меры и необходимость ее временного устранения. В Петербурге, разумеется, согласились с мнением меньшинства; и проект закона необходимого, тщательно, добросовестно и с знанием дела выработанный, сдан был в архив.

Разные неприятности в Варшаве и в особенности перерешения, приходившие из Петербурга, заставили меня в конце августа 1865 года просить

28-дневный отпуск и ехать в Петербург для уяснения моего положения. Наместник разрешил мне передать исправление моей должности главного директора генералу Гецевичу, человеку умному, добросовестному и пользовавшемуся доверием, как моим, так и наместника. Я отправился в Петербург, где через посредство статс-секретаря по делам Царства Польского г. Платонова я испросил у государя *аудиенцию*. Принятый очень милостиво, я просил у государя дозволение изложить ему обстоятельно положение дел в Варшаве. Он сел, пригласил меня сделать то же и разрешил мне вполне откровенно и подробно высказать все, что я имею ему сообщить. Я доложил его величеству, что в Варшаве при ведении дел имеются два направления, что одно из них имеет в виду чрез доставляемое краю благосостояние окончательно укрепить его за Россиею, а другое думает вернее достигнуть этой цели поддержанием существующей в Польше розни между сословиями и вместе с тем подавлением и разорением самого достаточного из них, что люди первого направления считают необходимым для более успешного хода тамошних дел привлекать к участию в них местную интеллигенцию, вообще очень способную и деятельную, а люди другого направления стараются вовсе ее устранять и заменять русскою интеллигенциею, в которой у нас большой недостаток даже собственно для России, что эти несогласия, эта двойственность в направлениях чрезвычайно вредит ходу дел вообще и что необходимо водворить единство в администрации тамошнего края, без чего мы не достигнем никаких удовлетворительных результатов. Изложение мое было обстоятельное и продолжительное. Государь все время слушал меня с большим вниманием и участием, что я мог видеть из вопросов, которые он мне делал. В заключение моего доклада я просил государя уволить меня, если мои убеждения и действия не соответствуют его видам и желаниям. Тогда государь встал, обнял меня и сказал: "Нет! ты исполняешь мои желания; я вполне одобряю твои действия и прошу тебя продолжать так, как ты до сих пор действовал". – Аудиенция была в Зимнем дворце, в кабинете государя и продолжалась более часа.

Ободренный таким милостивым и положительным отзывом, я, конечно, решился возвратиться в Варшаву; но как я имел 28-дневный отпуск, то отправился через Москву в свое рязанское имение. Этот мой приезд в деревню совпал с открытием в Сапожке *первого уездного земского собрания,* что я, признаться, имел в виду и при отъезде из Варшавы. Я был выбран в уездные гласные, хотя во время выборов в июне я был в отсутствии, т.е. в Варшаве. Отъезжая оттуда в конце августа, я очень желал видеть первое наше земское собрание, а в случае увольнения от службы по Царству Польскому думал усердно заняться земским делом. Это первое собрание поразило меня во многих отношениях: гласные из крестьян, наши вчерашние крепостные люди, сели между нами так просто и бесцеремонно, как будто век так сидели; они слушали нас с большим вниманием, спрашивали объяснение насчет того, чего не понимали, и соглашались с нами со смыслом и вовсе не в силу преданий покойного крепостного права. Гласные вообще, не имея никаких сведений о положении передававшихся им земских дел, опасались делать какие-либо обязательные постановления и ограни-

чились указанием тех сведений, которых собирание они считали необходимым к будущему очередному созыву. Главное занятие собрания на этот раз было производство выборов в члены уездной управы и училищного совета и в губернские гласные. Выборы вообще были очень разумны, и первые действия земства были очень осторожны, вполне правильны и произвели на меня вполне отрадное впечатление. Меня выбрали в губернские гласные, и ввиду могущих произойти приключений в Варшаве я не отказывался от принятия этого звания, чему впоследствии я имел случай вполне радоваться, ибо иначе, в первое трехлетие, я не имел бы возможности заняться земским делом, которым я особенно дорожил.

Возвратившись в Варшаву, я нашел, что исправлявший мою должность генерал Гецевич вел дела в мое отсутствие совершенно так, как я желал, и все важные решения откладывал до моего возвращения. Я рассказал наместнику о моей аудиенции у государя; он вполне одобрил мои действия и был очень доволен результатами аудиенции. Признаться, и я поверил словам государя и с новым жаром принялся за работу.

Давши надлежащий ход делам, отложенным до моего возвращения, я не замедлил возобновлением заседаний податной и питейной комиссий. Вместе с тем предстояло мне в это время заняться составлением *бюджета на 1866 год*. До этих пор все бюджеты Царства Польского являлись с бóльшими или меньшими дефицитами, и сверх того из казны империи уплачивалось ежегодно около 1 300 000 руб⟨лей⟩ на покрытие недовыручки по соляному доходу, происходившей оттого, что при уничтожении таможенной линии между империею и Царством продажная цена на соль в последнем понижена была до цен, существующих в первой, т.е. на 37 коп⟨еек⟩ на пуд. Вследствие этого империя платила Царству эту значительную сумму ради того, чтобы жители его пользовались солью по более дешевым ценам. Это мне было тем противнее, что и без того жители Царства платили вообще менее налогов, чем обитатели империи. Такая несообразность заставила меня изыскать средства к отмене этой страшной приплаты, и я вовсе не затруднился в этом деле. Прежде составляли бюджеты с умышленным уменьшением доходов из опасения, чтобы имперская казна не вздумала или отменить упомянутую приплату, или возложить на казну Царства какие-либо расходы, оплачиваемые имперскими казначействами. Сверх того свободно было уменьшить сумму, ассигнуемую на недоимки, которые при преобразовании податей должны были сократиться и которые и в то время по милости более строгого взыскания со стороны русских властей уже значительно уменьшились. Обдумавши хорошо предположение о похерении этой статьи дохода из бюджета Царства Польского и написавши на основании положительных данных мой доклад по этой статье, я представил его предварительно на рассмотрение наместника. В нем, как и ожидал, встретил я сильнейшее сопротивление. “Как можете Вы это предлагать, – воскликнул наместник, – Вы не управитесь с необходимыми расходами; здесь мы будем нуждаться, а там будут роскошничать. Восстановить же впоследствии эту доходную статью будет крайне трудно – поч-

ти невозможно". Я настаивал на своем мнении и предложил наместнику рассмотреть мой доклад в Особом комитете. Он на это согласился и спросил меня: кого же пригласить в это заседание? "Как Ваше сиятельство сомневаетесь в основательности моего предложения, – ответил я наместнику, – то извольте приглашать, кого Вам угодно". Он назначил Брауншвейга и Трепова. Тогда я спросил гр. Берга: не угодно ли ему пригласить также моего постоянного противника кн. Черкасского? Наместник усмехнулся и согласился; и на следующий же день состоялось это предварительное, так сказать, конфиденциальное заседание. По подробном рассмотрении моего доклада и по выслушании некоторых моих словесных объяснений предложение мое было признано вполне основательным и одобрено единогласно, и наместник разрешил мне составить бюджет на 1866 год на предложенных мною основаниях. Как Государственный совет Царства Польского был уже упразднен, то мой проект бюджета был рассмотрен в Совете управления, им одобрен и в ноябре отправлен в Петербург на утверждение. В этом бюджете отменялась упомянутая приплата империею Царству за удешевление соли и затем оказывался излишек доходов над расходами суммою около 300 т⟨ысяч⟩ руб⟨лей⟩. Наместник поспешил донести о том собственноручно императору и получил от него чрез гр. Адлерберга благодарность за радение об имперских интересах. Мне об этом наместник ничего не сказал, ибо выставил это дело своею заслугою.

Г-н Гемпель не замедлил исполнить поручение, мною ему данное и вышеизложенное по усилению разработки каменного угля в Домбровском крае, представил мне проект по этому предмету с прекрасною объяснительною запискою и со сметою необходимых расходов. По этому проекту предполагалось добывать до трех миллионов корцев угля и требовалось на заказы разных машин, на постройки и первоначальные работы до 800 тысяч рублей. С помощью некоторых сведений, взятых из горного департамента, и главнейше на основании представленных г. Гемпелем бумаг я составил доклад и внес его в Совет управления. Как в горном департаменте имелся особый запасной капитал в 400 тысяч, то я просил о разрешении мне употребить его на это дело и сверх того занять в польском банке недостающие 400 тысяч рублей. В Совете управления я не встретил ни малейшего затруднения в утверждении этого моего предложения. Гр. Берг с восторгом его одобрил; кн. Черкасский и Соловьев отозвались о нем также с похвалою; и препровождение этого проекта в Петербург на утверждение было решено единогласно.

Не такова судьба этого проекта была в Петербурге. Главный комитет по делам Царства Польского забраковал его единогласно и безусловно, и такое решение удостоилось высочайшего утверждения. Вскоре наместник получил о том извещение и тотчас за мною прислал. По приезде моем к нему он с крайним негодованием на Главный комитет объявил эту грустную весть и дал мне прочесть полученную бумагу. "Что же, Ваше сиятельство, думаете теперь по этому предмету делать?" – спросил я наместника. "Впредь ни о чем полезном не представлять", – ответил он с раздражением. "А я поступил бы

иначе, – сказал я ему, – на Вашем месте я бы прямо написал государю и объявил ему всю пользу и неотложность этого дела". "Хорошо, – сказал гр. Берг, – я напишу это письмо и попрошу государя повелеть это мое представление вновь рассмотреть в Главном комитете с приглашением в его заседание главного директора финансов Царства Польского. Согласны ли Вы на это?" Хотя это условие было и очень тяжко, и к тому же я не ожидал много пользы от моего присутствия в Главном комитете, единогласно уже высказавшемся против представленного проекта, однако я решился дать ответ утвердительный. Наместник не замедлил написать и отправить письмо к государю; и через неделю последовало высочайшее повеление о пересмотре в Главном комитете с приглашением главного директора финансов представления наместника по проекту усиления добывания каменного угля в западном горном округе Царства Польского.

Предстояло мне ехать в Петербург и там лицом в грязь не ударить. Я взял с собою г. Гемпеля и все нужные бумаги и планы и отправился на берега Невы. Уверенный, что в Главном комитете, в сонме великих людей, проглотивших всю государственную премудрость, провинциальный министрик ничего не сделает, что его слова будут выслушиваться только с снисхождением и что они, конечно, не поколеблят решения, уже объявленного, такого высшего учреждения, уверенный сверх того в том, что в Милютине по этому делу я сильной, а, быть может, и никакой поддержки и не найду, я решился попытаться иным путем достигнуть желаемой цели. Я посетил и статс-секретаря по делам Царства Польского Платонова, и Милютина, и председателя Главного комитета кн. Гагарина, человека ко мне вообще благорасположенного, но главную батарею я направил на одного из членов Главного комитета, человека хотя мне мало знакомого, но добросовестного и считавшегося и себя считавшего специалистом и знатоком горного дела – Конст⟨антина⟩ Влад⟨имировича⟩ Чевкина. Я отправился к нему и просил его дозволить мне подробно и документально объяснить ему все это дело. Он принял меня очень вежливо, но объявил, что считает всякие разъяснения излишними, что он изучил это дело очень обстоятельно и что его мнение о нем уже измениться не может. На замечание мое, что, быть может, мои объяснения доставят ему еще новые доводы к подтверждению уже состоявшегося отказа и что потому я надеюсь в его согласии на выслушание моих объяснений, К.В. Чевкин мне ответил: "Если с этою целью Вы желаете доставить мне лишние сведения, то я охотно Вас выслушаю и прошу Вас ко мне, если можно, послезавтра в час дня". В назначенное время с полным запасом всякого рода бумаг я отправился к К.В. Чевкину. Он слушал меня сперва снисходительно, потом с возрастающим участием, предлагал мне разные вопросы, и после двухчасовой беседы он сказал мне: "Поздравляю Вас, Вы вполне меня убедили, и из решительного противника Вы обратили меня в горячего защитника. Даю Вам слово сильно поддерживать Ваше предложение". Через два дня, в субботу состоялось заседание Главного комитета. Чевкин так горячо защищал представление наместника, что мне пришлось только отвечать на некоторые пред-

ложенные мне вопросы и подтверждать ссылки, которые на меня делал Чевкин. Представление наместника об усилении добывания каменного угля было единогласно одобрено Главным комитетом и затем высочайше утверждено.

Конечно, я был очень рад этой победе; но наместник был просто в восторге, и меня, возвратившегося в Варшаву, принял с распростертыми объятиями и не переставал превозносить оказанную мною услугу.

Считаю нужным здесь сказать еще несколько слов о польском обществе в Варшаве, о поляках и польках вообще. Конечно, я имел мало времени посещать польские гостиные и у себя принимать много гостей, но я должен был, по моему положению, посещать некоторые вечера у поляков и иметь, как выше сказал, день в неделе, когда по вечерам мы принимали наших знакомых русских и поляков. Вечера наши были обыкновенно очень многочисленны: и русские, и поляки охотно нас посещали. Даже польские дамы решились бывать на наших вечерах; в этом, конечно, великая заслуга жены моей, которая относилась к польским дамам очень просто и дружелюбно и тем побеждала их нерасположение к русским вообще. Почти с самого начала нашего пребывания в Варшаве поляки не только нас не чуждались, но даже в нас заискивали; но польские дамы долго не решались посещать наши вечера. Замечательно, как польки гораздо рьянее своих мужей и братьев за независимость и самобытность Польши. Между последними я встречал людей, уже убедившихся, что страна их сама по себе существовать не может, что ей остается только выбирать между зависимостью от России или от Германии, что даже присоединение к разношерстной и многочленной Австрии для Польши невозможно и что потому лучше принадлежать к России добродушной, вовсе не себялюбивой, ведущей по большей части свои дела спустя рукава, чем к аккуратной, высоко о себе мнящей и строгой Германии. Встречал, хотя и очень немного, поляков, убежденных в необходимости примкнуть к России без задних мыслей и от души к ней присоединиться, но я не нашел ни одной польки, которая была бы так одушевлена и так мыслила: они еще все имеют надежду на восстановление независимой, самостоятельной Польши. А польки так господствуют над своими мужьями, что те из последних, которые высказывают в отсутствие первых благоразумные мысли, молчат в их присутствии, улыбаются, но не смеют высказываться. Говорят, что молодежь теперь иначе мыслит и иначе расположена и прямо, искренно сознает необходимость слияния с Россиею. Желаю этого от души, но мало этому верю. Не таковы наши порядки, чтобы кого-либо к нам привлечь; мы, пожалуй, сумеем даже и болгар от себя оттолкнуть*. Поляки очень способны, умны, но образованность их странная: они считают себя очень просвещенными, чуть ли не самыми просвещенными людьми в целом свете, но собственного, самостоятельного образования они не имеют: их образование до крайности поверхностно и отстало. Поляки питаются воспоминаниями из своей давней истории и из понятий Франции отчасти аристократической дореволюционной, отчасти же революционной 1789–1792 годов.

---

* Это писано в 1878 г.; теперь (1882 год) это отчасти нам уже удалось исполнить[17].

Что касается до немецкой науки, то с нею они мало знакомы и относятся к ней с презрением. Вообще должно сказать, что поляки сами по себе очень умны, трудолюбивы и ловки, но основательности, самостоятельности и устойчивости в них очень мало; и если до сих пор мы их окончательно к себе не примкнули и ими не овладели, то виноваты не они, а мы – мы – и только мы.

Из русских, пребывавших в то время в Варшаве, всего ближе мы сходились и всего чаще виделись с семейством В.А. Арцымовича, кн. Черкасского, с Ф.Ф. Треповым, М.А. Тихменьевым и бар. Мегден[18]. – Арцымовича многие подозревали в преданности польским интересам; особенно его недолюбливал кн. Черкасский, и они часто не только спорили, но и друг друга кололи словами до крови; но я знал Арцымовича очень коротко и могу сказать, что он, хотя католик и поляк по происхождению, однако был душою предан России и в нем не было никаких сепаратических тенденций. Он убежден был, что Польшу надо присоединить к России не страхом, не разорением, а доставлением ей возможности жить и развиваться экономически, нравственно и умственно. Этого мнения был не один Арцымович; и такие его убеждения всего более нас сблизили. Отношения наши с кн. Черкасским были замечательны: мы спорили беспрестанно, почти резались в Учредительном комитете и в Совете управления, но мы никогда не ссорились и по окончании заседаний очень часто отправлялись домой вместе, беседуя очень дружелюбно о предметах наших споров. Кн. Черкасский любил оскорблять не только своих подчиненных, но и равных и даже высших; не раз приходилось гр. Бергу глотать очень неприятные пилюли; но во все время нашего пребывания в Варшаве, при самых жарких прениях, кн. Черкасский ни разу не позволял себе чем-либо меня оскорбить. Всего более бесило его, когда я говорил ему: "Нет, этого я сделать или с этим согласиться не могу, ибо это противно моим убеждениям"; тогда он выходил из себя и говорил: "Оставимте безусловные убеждения дуракам или фанатикам; а мы, люди практические, должны руководствоваться обстоятельствами, временными, местными и из дела непосредственно истекающими соображениями". – С Ф.Ф. Треповым мы сходились более на почве деловой, чем в общественных отношениях. Он вечно был занят, и надо отдать ему справедливость, что свои обязанности он исправлял отлично, и в Варшаве не было и слуха о таких делах, какие впоследствии приписывали ему в Петербурге. Он был строг, но справедлив; и когда он выезжал из Варшавы на новое назначение в Петербург, то жители в огромном числе провожали его. Надо сказать, что он по себе оставил там память добрую.

Наместник гр. Берг был человек очень умный, чрезвычайно деятельный, довольно просвещенный, очень вежливый, обходительный и весьма приятный; но легкомыслие и неправдивость его доходили до невероятия. Он менял часто свое мнение два, три раза в один час, а сказать неправду было для него легче, приятнее, чем выразить просто то, что действительно есть или было. Он был трудолюбив донельзя, спал очень мало, всегда расположен к занятию, и разбуженный ночью, он оказывался так же свеж и бодр, как среди дня. Он был готов

работать и день и ночь, и никогда и ничего не откладывал ради усталости или лени. Однажды в Учредительном комитете доклад кн. Черкасского и обсуждения этого доклада продолжались до 3 часов ночи; затем должен был следовать мой доклад. Я думал, что гр. Берг мне скажет сам – отложить его до следующего заседания; но пришлось мне об этом просить, а наместнику не входило и в голову что-нибудь откладывать. Работать с ним было очень приятно: он быстро все понимал, легко входил в мысль докладчика и не затруднялся в решении дел. Вообще он был добр и готов всякому сделать угодное; вследствие этого всем и все обещал; но сказавши "да", он более об этом не думал, и на его слова никак нельзя было рассчитывать и полагаться. Он вполне и во всех отношениях осуществлял мысль Талейрана: речь дана человеку как средство к сокрытию своих мыслей.

Составление проектов о преобразовании податной системы и о применении к Царству Польскому имперской питейной акцизной системы подвигалось вперед; другие существенные, хотя и менее важные дела шли также своим чередом; но из Петербурга, из Главного комитета по делам Царства Польского постоянно я получал или отказы, или более или менее измененные решения по моим представлениям. Это препятствовало надлежащему ходу дел по финансовой части; и я решился в феврале 1866 года письменно и довольно обстоятельно изложить наместнику о невозможности вести успешно финансовые дела Царства Польского, получая из Петербурга измененные или совершенно переиначенные решения по моим докладам; а потому, ради пользы дела, просил наместника исходатайствовать мне увольнение от занимаемой мною должности. Наместник горячо и долго уговаривал меня отказаться от этого решения и взять письмо назад; но я оставался непоколебимым. Наместник отправил прямо к государю свое письмо с приложением моего. Вместо увольнения я получил производство из надворных советников прямо в действительные статские советники; и сверх того гр. Адлерберг по высочайшему повелению сообщал гр. Бергу, что государь император поручает наместнику объявить мне, что он вполне доволен моею службою и просит меня продолжать ее так, как доселе ее исправлял. Делать было нечего, и я опять потянул свою лямку.

Предоставленный мною еще в ноябре бюджет на 1866 год я не получил из Петербурга обратно с утверждением и в последних числах декабря, а потому должен был чрез Совет управления испрашивать разрешение на производство расходов с 1-го января на основании проектированной мною сметы. Такое разрешение не замедлило последовать; но неприятно было действовать, не бывши уверенным в окончательном утверждении бюджета. При том очевидно было, что в Петербурге готовилось по этому предмету что-то недоброе. Январь и февраль прошли в напрасных ожиданиях возвращения сметы. Наконец в половине марта она была возвращена и притом в изуродованном виде; очевидно было, что перемены сделаны без всякого знания дела и только с целью взбесить меня и особенно наместника. Некоторые расходы были сокращены; против этого я бы не возражал, ибо действительно сумма на сверхсметные расходы, которою

распоряжался Совет управления и которая расходовалась довольно произвольно, была слишком велика – из 500 тыс⟨яч⟩ р⟨ублей⟩ ее превратили в 100 тыс⟨яч⟩ р⟨ублей⟩. Это было особенно неприятно наместнику. Но вздумали в Петербурге увеличивать суммы приходов, не возвышая никаких налогов и сборов и руководствуясь совершенно произвольными соображениями. Сверх того значительно сократили сумму могущих быть недоборов. Из этого выходило то, что излишек доходов против расходов утроился, почти учетверился и назначено было передавать его в определенные сроки в имперские казначейства. Наместник был вне себя от гнева; мне было очень досадно и в особенности после слов, слышанных мною лично от государя и сообщенных в письме гр. Адлерберга; но как я знал, что этой передачи в 1866 году быть не могло, то мое негодование этим значительно умерялось.

В апреле был получен указ об увольнении Платонова от управления делами статс-секретариата по делам Царства Польского и о возложении этих обязанностей на Н.А. Милютина. С этим мы лишались последней возможности что-либо докладывать государю императору помимо Милютина, который таким образом получил возможность делать все, что хотел, и всячески теснить людей, ему неприятных. Тогда же я сказал наместнику, что при этих обстоятельствах я недолго останусь при своей должности, что теперь не хочу уйти, ибо желаю кончить составление двух мною вырабатываемых проектов о податной реформе и о введении в Царстве Польском акцизной питейной системы, что последний проект почти готов, а первый будет мною представлен недель через шесть и что тогда по отсылке этих проектов в Петербург на другой же день я подам формальную просьбу по причине болезни об увольнении меня от всех обязанностей по Царству Польскому. Наместник вообразил, что это с моей стороны только вспышка вроде тех, которые он часто себе позволял, и что я не покину службы, много мне обещавшей и по части чинов, и по части лент. А на совет мой приискивать человека, кем меня заменить, он улыбнулся и сказал: "Надеюсь, что Вы нас не покинете".

Известие о покушении Каракозова[19] на жизнь императора нас всех ужасно поразило; а последовавшие затем распоряжения по полиции, жандармии и рескрипт к председателю Комитета министров кн. Гагарину[20] заставили нас крепко призадуматься и опасаться, чтобы не настали в управлении вообще иные времена и не совершился поворот от реформ к мерам только репрессивным, чего в Петербурге многие желали и сильно домогались.

Двухлетние усиленные труды и разные неприятности со стороны некоторых моих товарищей (кн. Черкасского и Соловьева) и в особенности из Петербурга от всесильного там Н.А. Милютина действительно потрясли мое здоровие: желчь все более и более меня мучила, и нервы сильно расстроивались. Я крепко насел на окончание составляемых мною проектов; один, т.е. проект питейного устава, был вскоре окончен и препровожден на предварительное рассмотрение и заключение имперского Министерства финансов; а другой проект "О преобразовании прямых налогов в Царстве Польском" внесен был мною в Учредительный комитет в конце мая. Там он не встретил

возражений почти ни от кого: даже кн. Черкасский вполне его одобрил, и только Соловьев вздумал представить несколько если не глупых, то вовсе к делу не относившихся замечаний. В начале июня этот проект, одобренный Учредительным комитетом, был отправлен в Петербург, а я на другой же день вручил наместнику мою просьбу об увольнении меня по причине расстроенного здоровья от службы. Наместник был просто поражен этим моим поступком: хотя он был мною давно о том предупрежден, но этому не верил; он всячески уговаривал меня не покидать службы и предлагал мне двух- или трехмесячный отпуск; но я прямо ему объявил, что выхожу в отставку не столько по расстроенному здоровью, сколько потому, что считаю невозможным успешно вести финансовое дело, когда из Петербурга постоянно и настойчиво тому противодействуют, и что я уверен в утверждении составленных мною проектов только при уходе моем с занимаемого поста. Наместник долго держал мою просьбу у себя в столе, но наконец ее отправил в Петербург, где также ее задержали, ибо Милютин не знал, кого предложить на должность главного директора финансов. После некоторого промедления меня уволили и назначили на мое место г. Маркуса, одного из петербургских чиновников. По получении этого указа наместник опять несколько дней держал его в своем столе и мне его не объявлял. По письмам из Петербурга я узнал, что я уволен и что назначен мне и преемник. Тогда я отправился к наместнику и просил его объявить указ и меня отпустить. Мне необходимо было спешить в Карлсбад, где мне предстояло пить воды и брать ванны; а время года было уже довольно позднее. Я все подготовил к отъезду, и как 9 июля наместник мне объявил указ об увольнении, 10-го я сдал должность и 11-го меня окончательно отпустил, то 12-го я уже выехал из Варшавы. Проводы, мне оказанные, были самые приятные и лестные: накануне я прощался со всеми служащими финансового ведомства, которые просили дать им мою фотографию и дозволить им прислать мне в Москву альбом с их фотографиями; а в день отъезда все они провожали меня на вокзале железной дороги. Этот альбом с 300 карточками в прекрасном переплете и с самым лестным адресом на русском языке я получил в Москве, а из Берлина я отправил свою фотографию в Варшаву к бывшим моим подчиненным. Многие знакомые из русских и из поляков приехали также меня проводить.

По совести могу сказать, что в Варшаве я имел в виду преимущественно русское дело и ему служил от души и всеми силами, но не пренебрегал и благом тамошнего края. Думаю, что я кой-что сделал там для пользы России вообще и для блага тамошнего края. Произведенное мною преобразование податной системы побуждало поляков при всех последующих встречах постоянно и горячо меня благодарить за упорядочение и уравнение налогов, ими платимых; а между тем сумму их я не понизил, а возвысил; и сверх того ежегодные недоимки, доходившие прежде до полутора миллионов, перестали существовать. Русский язык я ввел в финансовое делопроизводство без всякого насилия и притом во всей коллегии и прочно, как не удалось то сделать другим начальникам при помощи строгих распоряжений и взысканий. Вооб-

ще я оставил в этом краю добрую память, и думаю, этим сослужил своему отечеству лучшую службу, чем те, которые действовали иначе. Более тесное приобщение окраин к центру, т.е. обрусение, может быть произведено вернее и надежнее не насилиями, не самоуправством, не разными лишениями, а доставлением этим странам разных выгод, бо́льшей обеспеченности и пуще всего уверенности, что там – в центре – действуют в отношении к ним не неприязненно, не чужеядно.

Последние дни в Варшаве были хлопотливы, а потому, приехавши утром в Берлин, я целый день никуда не выходил, ничего не делал, а просто наслаждался dolce far niente*. На следующий день, проснувшись, я не верил своему счастью, что я уже не в Варшаве, что никто уже не придет ко мне ни с докладами, ни с просьбами, что могу заниматься, чем хочу, говорить просто, что думаю, знаться с кем желаю – одним словом, что я опять свободный человек – сам по себе. В Берлине я остался несколько дней, советовался с доктором Грефе насчет своих глаз, которые в последнее время очень меня озабочивали, даже я подвергнул их маленькой операции, взял с собою несколько русских книг "преступного содержания" и наконец отправился в Карлсбад. Он был почти пуст; так всех напугали едва прекратившиеся военные действия пруссаков в Богемии[21]. Мне также не советовали туда ехать; но приехавши туда, я нашел только полную свободу в выборе квартир, отдававшихся в наем по весьма дешевым ценам. Много я там гулял, много читал, и благодетельный Mühlbrunn, как и прежде, вполне меня восстановил. После четырехнедельного курса лечения я отправился на Эгер, Регенсбург, Линц и Зальцбург[22]. Тут я пробыл два дня, восхищавшись чудными видами. Оттуда я направился на Инспруг, где отдохнул и много наслаждался прелестною местностью; но дорога по горам и долинам до Мерана[23] превзошла своими красотами все мои ожидания. Я ехал в колясочке, запряженной в одну лошадь, и нисколько не торопил моего кучера; беспрестанно останавливался, шел пешком, лазил по горам, садился – одним словом, утопал в наслаждениях. Подъезд к Мерану особенно очарователен: долго поднимаешься все в гору, природа становится все суровее и однообразнее, и вдруг на вершине горы открывается вдали вид на роскошнейшую южную страну. Спускаясь, видишь все более и более прелестей итальянской природы, и Меран производит на путешественника самое чарующее действие: хочется на каждом шагу остановиться и наслаждаться. Я думал пробыть в Меране три или четыре недели и лечиться виноградом; но узнал, что он еще не поспел и что для медицинского употребления он будет годен только через две или три недели. Меран защищен с севера, востока и даже отчасти с запада почти отвесистыми горами и вполне открыт только к югу. От этого климат здесь самый благословенный; много больных и слабосильных, особенно из немцев, проводят здесь зиму. Проживши в Меране несколько дней, я убедился, что жизнь там не особенно интересна и завлекательна: книг, кроме немецких, никаких достать нельзя, общественных собраний, кроме танцевальных, нет, немцы живут более семейно, чем общественно, а по-

---

* сладостным бездельем (*итал.*).

тому я даже обрадовался, что виноград еще не поспел, и решился отправиться для виноградного лечения на берега Женевского озера. Как виноград и там едва поспевал, то я вздумал сделать маленькую экскурсию, т.е. ехать туда не прямо, а на Верону, Милан и Турин в Женеву. В дороге я мало останавливался, ибо она по большей части мне была уже известна, и я ее выбрал потому, что она была самая удобная. В Женеве я также пробыл недолго, посетил знакомые мне местности, вспоминал давно минувшее и поспешил в Лозанну. И тут я остался только день и, взяв коляску и свои вещи, направился в Вильневу искать себе квартиру для исполнения виноградного лечения. В Веве[24] я погулял, но не нашел себе помещения по вкусу. Монтрё мне не нравился тем, что на горе и расположен вдали от озера. Но под этим городом, на самом берегу имеется Hôtel des Alpes. Эта гостиница, комната, которую мне предложили, с видом на озеро и на Mont-Blanc, решили меня тут и поселиться. Мне обещали ежедневно доставлять сладкий, совершенно спелый виноград. Сверх того в утверждение моего решения поселиться в этом отеле содействовало и то, что случайно я узнал, что в близком от него расстоянии живет мой старый и добрый приятель поэт А.М. Жемчужников с своим семейством. В тот же день я его отыскал, очень рады были свидеться и положили часто, ежедневно бывать друг у друга и много вместе гулять. Тут провел я две недели, но должен был покинуть виноградное лечение, потому что хотя виноград был сладок и совершенно зрел, но он расстроивал мой желудок. С А.М. Жемчужниковым мы гуляли и беседовали много и ежедневно; и я настойчиво уговаривал его скорее возвратиться в Россию, где земские учреждения, гласное судопроизводство и хотя некоторая свобода печати открывали для нас всех возможность гражданской деятельности. К сожалению, слова мои слабо на него подействовали; и он надолго и по сей день (1882) остался на чужбине.

На возвратном пути, в Женеве присутствовал я при освящении нашей церкви и затем, через Базель и Франкфурт, приехал я в Берлин, где пробыл несколько дней, закупил много немецких книг и прочел вновь вышедшие разные русские "преступного содержания книжонки и журналы". Удивительны в них бессмыслица, пустозвонство и даже незнание русского языка.

В октябре 1866 года я возвратился в Россию и прямо в деревню – в с. Песочню. Сапожковское уездное земское собрание было уже закрыто; я ознакомился в управе с тем, что было им сделано. Занимаясь своими хозяйственными делами, я счел, однако, нужным изложить государю императору в особой записке те причины, которые заставили меня просить об увольнении от должности, его доверием на меня возложенной. Откровенно и вполне спокойно я изложил положение дел в Варшаве и высказал в заключение, что считал долгом удалиться, ибо видел, что существовавшее там разногласие в управлении страшно вредит ходу дел вообще. Странно: моя записка пришла в Петербург на другой день после случившегося с Н.А. Милютиным удара, прекратившего его политическую деятельность. Впоследствии я узнал от гр. П.А. Шувалова, что она очень понравилась государю и что на ее полях во многих местах он написал: "совершенно верно" и "вполне согласен".

Глава XIV. (1867–1870)

Земская деятельность. – Зима 1866–1867 г. – Вторники. – Продажа Николаевской железной дороги. – Рязанское земство. – Смерть кн. В.Ф. Одоевского 1869 г. – Книга "Голос из земства". – Противодействие правительства земству. – Издание журнала "Беседа" 1871 г. – Председательство на съезде мировых судей. – Комиссия по уничтожению подушного налога. – Эмс. – Париж. – Остенде. – Рязанское губернское земское собрание. – Реакция в правительстве.

В ноябре (9-го) созваны были в первый раз почетные и участковые мировые судьи, избранные еще в марте, но утвержденные Сенатом только в октябре. Меня, почетного мирового судью, избрали председателем мирового съезда[1]; и я тотчас занялся устройством как канцелярии, так и прочих принадлежностей этого нового учреждения. 1-го декабря как губернский гласный я был уже в Рязани, и в этот день 2-е очередное губернское земское собрание было открыто.

Это собрание произвело на меня сильное и отрадное впечатление: оно продолжалось с 1-го по 18-го декабря, и во все это время гласные собирались и заседали весьма усердно. Было сделано много разных предложений, и хотя некоторые из них отзывались недостаточным знанием и местных обстоятельств, и предоставленных земству прав, и вообще порядка совещательных учреждений, однако все предложения исходили из добрых чувств и убеждений. Особенно радовало меня то, что в числе гласных было много крестьян и купцов, что собрание было всесословное и что из дворян никто не проявлял крепостнических или сословных стремлений. Как все это впоследствии изменилось!

Губернская управа представила нам много прекрасных докладов и дельных трудов. Председатель ее, кн. С.В. Волконский, с первого же года заявил, чем он впоследствии и был постоянно: тружеником, разумным и благонамеренным земцем. Перешедшие в ведение земства благотворительные заведения, бывшие прежде в управлении приказа общественного призрения, оказались при их приеме в ужасном положении; губернская управа и в особенности ее председатель обратили на них полное внимание, и по истечении одного года эти заведения были до того преобразованы и улучшены, что ревизионная комиссия и многие гласные, посетившие их теперь и в прошлом году, сочли долгом предложить собранию выразить управе глубокую благодарность.

Губернское собрание с первого же года положило избирать в начале каждой сессии общую комиссию, которая предварительно обсуждает все передаваемые ей собранием сложные доклады, предложения и вопросы. В эту комиссию избираются записками люди всех партий и по преимуществу те, которые могут быть для дела особенно полезными или которые любят много говорить. Последние туда сажаются с целью дать им возможность наговориться в комиссии и тем менее задерживать ход дел в самых заседаниях соб-

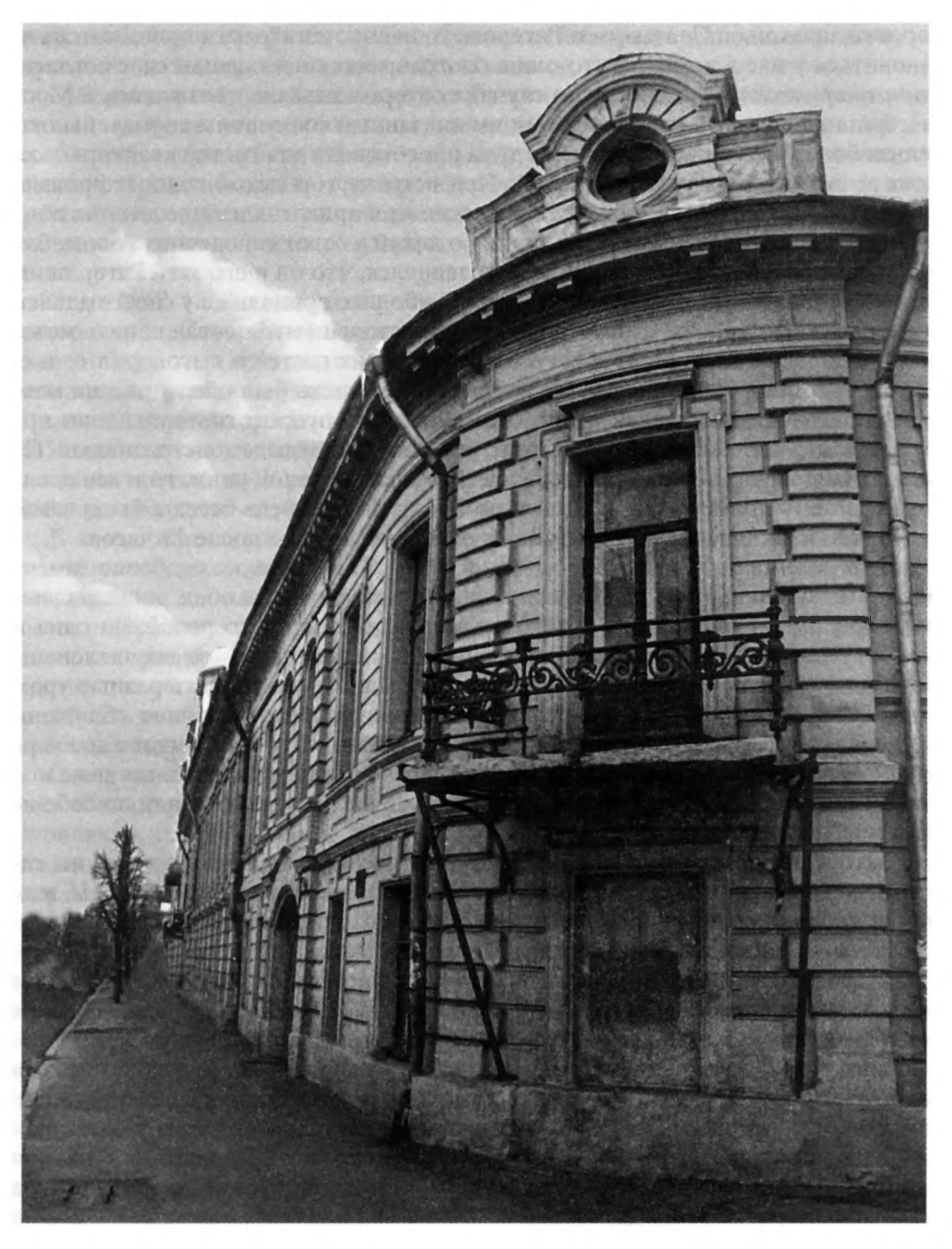
рания. Число членов комиссии 12; но все гласные могут участвовать в ее заседаниях с совещательным голосом. Я был избран в эту комиссию и даже ее председателем. Мы собирались по вечерам ежедневно, и наши заседания продолжались иногда за полночь. Особенно много хлопот наделало нам высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 21 ноября 1866 года, которым ограничивались установленными максимумами сборы с патентов, свидетельств и пр. Пришлось по предложению губернатора переделывать все уездные сметы, ибо везде патенты и все торговые и промышленные свидетельства были земством обложены выше высших, законом допущенных, процентов.

Потрудившись немало, ибо необходимо было почти все заводить вновь, придумывать, как все лучше устроить и как удобнее привести в исполнение, мы окончили наши занятия 17-го декабря, и 18-го собрание было закрыто губернатором. Из Рязани я отправился прямо в Москву на зимовье.

Зима 1866–1867 года прошла в Москве довольно оживленно. Гласные, приезжавшие из своих губернских собраний, мировые судьи, почетные и участковые, только что вступившие в отправление своих должностей, вновь открытые в Москве общие судебные учреждения, возвратившийся после катастрофы с Н.А. Милютиным в частную жизнь кн. В.А. Черкасский и ожидаемый в Москве Славянский съезд[2] – все это чрезвычайно занимало, разнообразило и оживляло московское общество. У нас возобновились вечерние приемы *по вторникам*, которые очень усердно посещались нашими приятелями; разговорам и спорам не было конца; но между разномыслящими не было никакой неприязни. Кн. Черкасский, Самарины, Погодин, Ив.С. Аксаков, Юрьев, Лопатин и многие другие посещали нас очень аккуратно. В это время я особенно сблизился с С.А. Юрьевым, который своим умом, широким взглядом на вещи и на все происходившее и своим чистосердечием особенно меня пленил.

Никак я не ожидал, что кн. Черкасский так скоро возвратится к частной жизни в Москву. Нервный удар, положивший конец деятельности Н.А. Милютина, заставил кн. Черкасского приехать в Петербург. Он надеялся поступить на его место и оттуда заправлять польскими делами; но его враги, а их у него было много, и в особенности гр. П.А. Шувалов, напрягли все усилия, чтобы отвратить эту грозившую им беду. На аудиенции у государя кн. Черкасский имел неосторожность высказать опасение, что система управления делами Привислянского края теперь может измениться и что потому он боится ехать в Варшаву. Государь на это ему сказал: "Нет! я эту систему поддержу". На другой же день состоялось назначение Д.Н. Набокова на место Н.А. Милютина, и кн. Черкасскому приказано было возвратиться на его пост в Варшаву. Кн. Черкасский подал просьбу об увольнении, по которой и был немедленно уволен.

В эту же зиму мы особенно сблизились с М.П. Погодиным, который чрезвычайно много работал, все глубже и глубже проникался духом нашей истории и очень был занят предстоявшим съездом славян в Москве. Много мы беседовали о последнем и составляли разные планы насчет того, как им воспользоваться для большего сближения славян с Россиею. Как жена и я были довольно

Дом А.И. Кошелёва в Москве. Современный вид

коротко знакомы с Палацким и Ригером, то письмом в Прагу я пригласил их остановиться у нас в доме, на что они с благодарностью изъявили свое согласие. *Этнографическая выставка*, по случаю которой славяне съезжались в Москве[3], была не очень удачна; но прием, им оказанный со стороны города, был как нельзя более радушный. Городская дума приготовила для гостей квартиры, экипажи и смышленых руководителей. При встрече городской голова[4] произнес краткое, но доброе приветствие и пригласил их в приготовленные для них помещения. Во главе славян был Палацкий, который в ответ городскому голове благодарил за радушное приглашение, но извинялся, что он и его зять Ригер лично не могут принять предлагаемой квартиры, ибо уже приняли ее у своего давнего приятеля г. Кошелева. Согласно прежде состоявшемуся соглашению между мною и городским головою я уступил городу моих гостей и выговорил только, что первый обед будет у меня. На следующий же день был обед у нас, на который я пригласил всех славян, меня посетивших, а из русских голову и наших приятелей. Обед был более приятельский, чем какой-нибудь демонстративный. Пили много здравиц; но как я воздержался от многословной речи, то и все последовали моему примеру. За обедом и особенно после обеда беседы были самые радушные и оживленные. Разъехались поздно вечером – после 11 часов.

Интересен, прост и мил был русский обед у Погодина; но особенно замечательным, хотя по результатам весьма неудачным, оказался обед, данный славянам городом в Сокольниках. Было произнесено там много речей; но одна из них, кн. Черкасского, произвела на многих гостей неприятное впечатление, а Палацкий и Ригер ею даже оскорбились. Оратор вздумал давать разные уроки славянам и высказывать, что православие должно быть основою сближения всех славянских народов. Католик Ригер отвечал кн. Черкасскому и в своей речи, очень умной, но не совсем сдержанной, позволил себе возражения даже колкие. Вообще обе речи произвели недоброе впечатление и оставили по себе неприятные следы.

Вскоре славяне уехали из Москвы, и я тотчас же отправился в деревню, где, кроме хозяйственных дел, я усердно занялся мировым съездом. Впрочем, и зимою я неоднократно ездил в Сапожок, ибо необходимо было хорошенько устроить и самые съезды, и делопроизводство на них.

В сентябре (1867) собралось уездное земское собрание, которое весьма усердно и дельно занялось разными вопросами, возбужденными управою и некоторыми гласными по уездному хозяйству. Земли Сапожковского уезда чрезвычайно разнокачественны и разноценны, а потому они не могут платить одинакие земские сборы; вследствие этого все земли уезда были разделены на пять разрядов и обложены по их огульной ценности. Очень многие из земель, принадлежащих личному землевладению, оставались по неизвестности их пространства необложенными земским сбором. Земское собрание по докладу управы приняло против этого действительные меры. Постоянная мостовая и дорожная повинности обратили на себя внимание земского собрания, но оно особенно занялось медицинскою частью, улучшением существовавшей в городе больницы и устройством подачи помощи больным и в уезде. Собрание усердно заседа-

ло восемь дней, и замечательно было единодушие, в нем господствовавшее, между личными землевладельцами и крестьянами.

Губернское собрание, заседавшее в Рязани в декабре, занималось делом также очень усердно, утвердило много докладов управы к лучшему устройству земского хозяйства по губернии, одобрило предположение управы по производству оценки фабрик, заводов и торговых заведений и приняло разные меры к упорядочению отчетности как по губернской, так и по уездным управам. Вообще собрание действовало очень разумно и вовсе не увлекалось какими-либо интересами партий.

Зима 1867–1868 года прошла вообще тихо и довольно однообразно. Слухи и распорядки из Петербурга были нерадостные; реакция там усиливалась, и если не принимала мер крутых, то не упускала случаев исподтишка – конфиденциальными циркулярами – всячески ограничивать и даже по-своему истолковывать высочайше утвержденные положения. Предоставленная законом 5 апреля 1865 года[5] некоторая свобода печати все более и более стеснялась, а земские учреждения постоянно ограничивались в своей деятельности. Для меня начало 1868 года получило особое значение.

В конце истекшего года стало известным, что правительство желает продать *Николаевскую железную дорогу*[6]. В Москве начали об этом много толковать, и вскоре из зажиточнейших людей столицы составилось общество на эту покупку. Пригласили туда меня, и я охотно в него вступил. Начались у нас собрания; вскоре обо всем столковались и избрали депутацию для представления ходатайства об уступке этой дороги Московскому товариществу, предлагавшему собрать необходимый для того капитал. В число депутатов был выбран и я. Нас было, кажется, пятеро, но главными деятелями были В.А. Кокорев и я.

По приезде в Петербург мы узнали, что уступка Николаевской дороги Главному обществу железных дорог была почти решена и на условиях вполне благоприятных для последнего. Мы составили записку с заявлением предложений, весьма выгодных для правительства, и отправились с нею ко власть предержащим. Министр путей сообщения П.П. Мельников принял нас весьма дружелюбно и обещал нам поддержку. Председатель комиссии по железнодорожным делам вел. кн. Константин Николаевич взял от нас записку, но ничего нам не сказал. Такой же нелюбезный прием испытали мы и от министра финансов г. Рейтерна. Чрез несколько дней мы узнали, что в заседании упомянутой комиссии наше предложение под разными предлогами устранено. Как вышел нам случай через государя наследника представить государю императору записку с ходатайством о допущении нас к торгам на Николаевскую железную дорогу, то мы воспользовались этим случаем, и последовало высочайшее повеление о рассмотрении вновь в комиссии по железнодорожным делам поданной нами записки. Тогда мы сочли нужным явиться к вел. кн. Константину Николаевичу и представить ему некоторые объяснения. Мне поручено было депутациею обратиться с речью к его высочеству. Приехали мы в его дворец, долго ждали аудиенции; наконец он выбегает из своего кабинета с цигаркою во рту и обращается к нам с следующими словами: "Вы вздумали действовать косвенными путями, но это

вам не поможет. Вы не представляете никаких гарантий в том, что исполните то, что обещаете. Дело это почти порешено; но в исполнение высочайшего повеления мы вновь рассмотрели ваши условия и даже пригласим от вас депутата". Я начал ему отвечать, но он меня прервал, кивнул головою, ушел и захлопнул за собою дверь. Через два или три дня мы получили приглашение избрать одного депутата и в его лице явиться в заседание комиссии. Я не чувствовал себя в силах исполнить эти обязанности и потому отказался; был избран и отправился в комиссию В.А. Кокорев. Там были жаркие прения, и особенно отстаивал наши предложения П.П. Мельников; голоса разделились, и большинство оказалось, к великой досаде председателя, на нашей стороне.

Мы пробыли в Петербурге по этому делу целые пять месяцев, и в это время я узнал такие вещи, каких возможность даже не подозревал. Взяточничество, личные денежные расчеты, обходы законных путей и пр. дошли в Петербурге до крайних пределов. Всего можно достигнуть, и вместе с тем в справедливейшем, в законнейшем можно получить отказ. У большинства власть предержащих имеются любовницы, жадно берущие деньги, им предлагаемые, и затем распоряжающиеся деспотически своими возлюбленными. У иных сановников имеются секретари или доверенные лица, исполняющие обязанности любовниц и делящие деньги с своими доверителями. Безнравственность, бессовестность и бессмыслие высшей администрации превзошли все мошенничества и нелепости губернских и уездных чиновников. Надо пожить в Петербурге и иметь там значительные дела, чтобы изведать всю глубину и ширь беспутства центральной нашей администрации.

В мае мне случилось встретить государя в Летнем саду; он меня остановил и спросил о причине моего приезда в Петербург. Я ее ему объяснил, и тогда он мне сказал: "Надеюсь, что ты не понапрасну приехал и останешься нами доволен".

Наконец в первых числах июня назначается под председательством императора заседание Совета министров для обсуждения и решения дела о продаже Николаевской железной дороги. Докладывается дело, высказываются разные мнения, отбираются голоса, оказывается в нашу пользу огромное их большинство, и только три голоса (вел. кн. Константин, Рейтерн и еще кто-то) подаются в пользу Главного общества. Государь утверждает мнение меньшинства. Статс-секретарь Корнилов не верит своим ушам и дерзает переспросить императора, который повторяет прежде сказанное, встает и закрывает заседание.

Это решение поразило не нас одних. Министры и другие члены Совета, с которыми мы прежде говорили о нашем деле, уверены были в благоприятном его для нас исходе; а П.П. Мельников советовал нам даже приступить к устройству управления, дабы по объявлении дороги за нами мы не оказались неисправными ее приемщиками. Накануне заседания Совета я был у гр. П.А. Шувалова, и он даже смеялся над моим чрезмерным скептицизмом по передаче нам этой дороги.

По решении этого дела я поспешил выехать из Петербурга, недолго пробыл в Москве, и 15 или 16 июня я был уже в деревне.

В мое отсутствие в первых числах июня происходили выборы в уездные гласные на второе трехлетие, и я был таковым выбран почти единогласно и зе-

мледельцами, и песочинским участковым съездом крестьян. Заметивши, что на съездах крестьяне менее избирали из своей среды, чем из землевладельцев, и желавши, чтобы крестьян было как можно более в земских собраниях, я отказался от избрания крестьянами и остался гласным от личных землевладельцев. Летом занимался хозяйством, делами мирового съезда и пуще всего много размышлял о том, что видел, узнал и испытал в резиденции нашего центрального управления.

Очередное уездное земское собрание имело свои заседания в сентябре и занималось очень усердно: в 8 дней мы имели 10 общих заседаний и почти столько же в комиссиях. Утверждены были разные очень хорошие постановления и по мостовой, и по подводной, и по постойной повинностям. Первые две переложены были из натуральных в денежные, а последняя облегчена была для пригородных слобод устройством земской конюшни с принадлежностями. По медицинской части собрание решило выстроить каменную больницу в Сапожке и усилить число врачей до трех, т.е. кроме врача, живущего в городе, иметь для уезда в постоянных пунктах еще двоих врачей. Вообще собрание действовало совершенно в бессословном духе, видно было, что крестьяне принимали живое участие в делах, а личные землевладельцы не руководились эгоистическими расчетами. В заключение произведены были выборы: предводитель и члены управы остались те же, почти те же лица остались и губернскими гласными. Меня выбрали опять в губернские гласные и сверх того в члены училищного совета и в ревизионную комиссию; а также поручено мне было хлопотать об устройстве в г. Сапожке уездного земского училища, в котором хорошие ученики первоначальных школ могли бы получить дальнейшее образование.

1-го декабря открылось в Рязани губернское земское собрание. В числе гласных оказалось много новых лиц, особенно из некоторых уездов. В собрании занимались вообще усердно и дельно. Управа представила много хороших докладов, и из них один, весьма важный, об уравнении повинности содержания дорожных сооружений между уездами возбудил жаркие и продолжительные прения. Я был не за предложение управы, ибо находил, что справедливее на уездах, пользующихся выгодами рек и больших дорог, оставить и тяжести по их содержанию; несколько раз я возражал кн. Волконскому, но мнение управы восторжествовало. Много толковали об улучшении разных заведений, перешедших от приказа общественного призрения, о более правильном устройстве взаимного страхования, о неудовлетворительном положении сельских общественных хлебных магазинов[7] и пр. Приняты были по этим предметам разные дельные меры, и получил одобрение проект устава училища для образования сельских учителей. Это училище предположено было учредить еще в 1866 году в память спасения государя от покушения Каракозова, и потому оно с высочайшего разрешения названо Александровским; но Министерство народного просвещения не утвердило проекта устава и потребовало значительных в нем изменений. Собрание и его комиссия, еще не подозревавшие всех козней гр. Толстого[8], приняли многие из предложенных перемен, и проект устава был отправлен в Петербург. Выборы на новое трехлетие произведены были очень единодушно: кн. Волконский выбран был вновь в председатели управы и

лучшие ее члены тож; и при этом шумно благодарили кн. Волконского и управу вообще. В число членов губернского училищного совета поступил Д.Д. Дашков, о деятельности которого по учебной части буду иметь случай говорить впоследствии не один раз.

Зима 1868–1869 г⟨ода⟩ в Москве прошла довольно вяло и скучно; реакция в Петербурге усиливалась, и это отзывалось на настроении Москвы и приезжих из внутренности России. Для меня эта зима была весьма грустна, потому что я лишился 27 февраля моего друга с детства кн. В.Ф. Одоевского, а 17 марта – доброго старого приятеля Н.П. Шишкова. Кн. Одоевский переехал в Москву в 1865 или 1866 году во время моего пребывания в Варшаве, очень усердно исполнял сенаторские обязанности* и посвящал свободное время собиранию произведений древней и нынешней народной музыки, все более и более проникался ее духом и имел в виду содействовать по мере сил к развитию у нас своенародной музыки**. Он принимал самое живое участие в наших беседах, даже земских, ибо он всем интересовался и мог вполне верно сказать: ничего человеческого не считаю для себя чуждым. Кн. Одоевского любили все, кто только его знал, ибо трудно было встретить человека добрее, ко всему доброму более сочувственного и вместе с тем весьма умного и даровитого. Если он мало произвел самобытного, то причиною тому увлечение его всякою встречавшеюся ему умною мыслью, всяким проявлявшимся высоким чувством или благим намерением. Все его литературные произведения проникнуты сердечною добротою и отменною благонамеренностью и замечательны по их изящной форме. В нем я лишился последнего из трех моих сердечных с юности друзей. Кн. Одоевский имел намерение с закрытием Сената в Москве выйти в полную отставку и писать свои записки, для чего у него было собрано очень много материалов. Кончина его побудила меня следующим же летом опять приняться за мои “Записки”, которые в 1869 году я довел до поездки моей в Варшаву, и набросить кое-что относительно моего там пребывания. Теперь (июнь 1882) надеюсь довести их до настоящего времени.

Кончина Н.П. Шишкова была для меня не таким сердечным горем, но я любил его и особенно его беседы. Мы постоянно с ним толковали о сельском хозяйстве, которым мы оба страстно занимались. Наши беседы были всегда очень продолжительные, и мы их с трудом прерывали. Когда он был председателем Лебедянского общества сельского хозяйства, тогда я был его вице-президентом; а впоследствии, при бытности моей председателем Московского общества сельского хозяйства он согласился быть членом совета этого общества. Ему особенно многим обязана наша свеклосахарная промышленность; но он немало сделал и по прочим отраслям нашего сельского хозяйства.

---

* Это не фраза, а факт: он оставил по себе более 40 толстых книг, в которые он записывал собственноручно содержание и решения по делам, в рассмотрении коих он участвовал. Эти книги хранятся в сундуке, переданном мною в Московскую публичную библиотеку[9]. Там же находятся и другие рукописи кн. Одоевского.

** Все музыкальные бумаги кн. Одоевского переданы еще его покойною женою[10] в Московскую консерваторию.

В эту же зиму я издал особою книгою ("Голос из земства")[11] разные статьи, написанные мною летом, осенью и зимою, по главным тогда выдвинувшимся земским вопросам. Перечитывая эти статьи теперь (1882), я поражен верностью высказанных мною тогда опасений и, к несчастью, оправдавшихся даже с приростом; но, к прискорбию, я уже не нахожу ни в себе, ни в земских людях вообще тех надежд и чувств, которые там высказаны были живо и искренно. Да! если и тогда администрация противодействовала земским учреждениям, то она это себе позволяла урывками и исподтишка, а теперь она действует открыто и как бы во исполнение служебного долга. В гражданах же самых образованных и ретивых более чем заметно сильное охлаждение к земскому делу; а журналистика если и помещает статьи по земским вопросам и действиям, то исполняет это как бы в очищение совести и без всякой веры в успех.

Наше осеннее уездное земское собрание было скромно, но дельно; мы разрешили много местных вопросов, возбужденных управою и некоторыми гласными и просителями, сделали разные полезные постановления и обратили особенное внимание на сельские школы и медицинскую часть. Особенно замечательным в этом собрании было следующее: губернатор г. Болдырев вздумал опротестовать наши прошлогодние постановления о ходатайствах пред высшим правительством через губернское земское собрание: 1) о замене воинского постоя у обывателей помещением их в особые казармы, содержимые на счет государственного земского сбора; 2) об упразднении должности мировых посредников, их съездов и губернского по крестьянским делам присутствия; и 3) о дозволении крестьянам подавать мировым судьям жалобы на решения волостных судов. По мнению г. губернатора, все эти постановления уездного собрания были незаконны и потому недействительны на основании ст. 7 Положения о земских учреждениях как выходящие из круга дел, им указанных. Мы обсудили эти протесты в комиссии, признали их с своей стороны также незаконными и именно потому, что упомянутая статья относится до действий и распоряжений земских учреждений, а не до ходатайств, которыми не нарушаются ничьи права и которые могут быть отклонены правительством, и потому комиссия предложила собранию остаться при своих прежних решениях. Собрание единогласно приняло наше предложение. – В следующем году нам было сообщено, что наши постановления Сенатом признаны законными, и протесты губернатора оставлены без последствий.

Губернское наше земское собрание, открытое 1-го декабря, было по милости губернской управы и прекрасных ее докладов очень интересно. Управа не только распоряжалась как нельзя лучше вверенными ей делами, но изучила очень тщательно все предметы земского хозяйства, сообщала нам свои на положительных данных основанные заключения и требовала наших разрешений. Общая комиссия, которой передавались на предварительное рассмотрение и обсуждение главные доклады управы, очень серьезно к ним относилась, и наши вечерние заседания в комиссии были очень оживленны и продолжительны и привлекали к себе многих гласных, даже не членов комиссии. В этот (1869 года) созыв состоялись многие важные постановления собрания. Губернская управа представила между прочим, что губернские земские сборы распределены между уездами весьма неуравнитель-

но и что в самых уездах нет выработанных оснований для определения ценности и доходности предметов обложения, почему она предложила собранию: поручить губернской управе или особой комиссии из гласных совместно с управою расценить и определить нормальный доход и ценность земель с разделением их на разряды по сведениям, собранным на самых местах. Общая комиссия с полным сочувствием рассмотрела и обсудила это предложение и представила собранию, что эту работу следует поручить управе с учреждением при ней совещательной комиссии из гласных по одному от каждого уезда, что этой комиссии следует собираться по приглашениям управы в Рязани по всем предметам, требующим общего обсуждения, и между прочим, для рассмотрения и одобрения главных оснований к разделению земель на разряды по грунтам и угодиям, а равно и проекта инструкции лицам, имеющим отправиться на места для собирания сведений о землях, для их распределения и оценки и пр., что выбор членов этой комиссии следует произвести теперь же, что для окончания этих работ надо назначить срок и именно двухлетний, и на расходы необходимо ассигновать сумму, которая на 1870 год должна бы состоять приблизительно из 6000 руб⟨лей⟩. Собрание единогласно и без всяких изменений приняло все эти заключения комиссии.

В этом же созыве собрания оно постановило выстроить каменное здание для вновь учрежденного училища для образования сельских учителей, ассигновало на это сумму до тридцати тысяч руб⟨лей⟩ и поручило все это дело управе с предоставлением ей права делать в утвержденном плане те изменения, которые она признает полезными. Но главным, самым резким событием этой сессии был доклад члена губернского училищного совета Д.Д. Дашкова о состоянии народных школ в Рязанской губернии.

Члены, избиравшиеся земством в губернский училищный совет, еще никогда не представляли собранию докладов о положении первоначальных училищ в губернии. Д.Д. Дашков, избранный в прошедшем году в эту должность, объехал несколько уездов, тщательно вник в положение школьного в них дела и представил собранию обстоятельный и очень живой доклад с изображением школ в том виде, в каком они действительно находятся. Он верно, но резко выставил равнодушие, даже холодность земских собраний и училищных советов к развитию первоначального народного образования и особенно не пощадил Михайловского земского собрания, которое ничего не ассигновало в пособие сельским школам. Доклад этот произвел чрезвычайно сильное действие. Председатель объявил перерыв, и в это время некоторые гласные сговаривались сделать предложение, неприятное для Д.Д. Дашкова. Но мы с возобновлением заседания тотчас предложили изъявить ему благодарность собрания за обстоятельный и правдивый доклад и просить его и впредь представлять собранию такие же дельные и благонамеренные доклады. Это значительно умерило пыл противников; произнесены были некоторыми гласными речи в оправдание их уездов, а конечным результатом все-таки было изъявление благодарности члену губернского училищного совета от земства Д.Д. Дашкову.

Зима 1869–1870 года в Москве не представила ничего особенного: по вторникам у нас собирались, толковали и о том, и о сем, но ничего особенно оживлявше-

го не было. Ездил я в Петербург и узнал там, что по высочайшему повелению идут в податной комиссии усиленные работы по составлению проекта о замене подушной подати иным налогом, но что никакого серьезного преобразования от этой комиссии ожидать нельзя и что все ограничится каким-либо чисто бюрократическим произведением. По возвращении в Москву в частых и дружеских беседах с С.А. Юрьевым зародилась у нас мысль издавать под его редакциею ежемесячный журнал. Мы окончательно ничего не порешили, разъехались по деревням; но эта мысль засела в наши головы; летом мы об этом переписывались, а осенью – в сентябре или октябре – С.А. Юрьев приехал ко мне в Песочню, и мы согласились привести в исполнение это наше общее желание и положили: ехать С.А. Юрьеву в Петербург для получения разрешения на издание такого журнала. Первою мыслью было назвать его "Русскою беседою", но я этого не пожелал; и мы решили в память покойной[12], но в отличие от издававшегося под моею редакциею журнала назвать просто "*Беседа*"[13]. Впоследствии я особенно был этим доволен, ибо как "Русская беседа" с начала и до конца была проникнута одним духом, так в "Беседе" появлялись статьи, с которыми я далеко не был согласен и которые меня даже сердили. Она заключала в себе много хороших статей, и по направлению вообще нельзя было ее не одобрять, но редактор ее С.А. Юрьев по своему добродушию иногда принимал и помещал произведения вовсе непригодные и даже противные нашим общим убеждениям[14].

Председательство на судебных мировых съездах меня чрезвычайно утомляло, особенно потому, что я был хотя не собственно глух, но постоянный шум в ушах не позволял мне явственно слышать, что другие говорили, и вследствие того я должен был напрягать все свое внимание для услышания того, что высказывали истцы, ответчики, обвиняемые и свидетели, особенно из крестьян, которые часто выражались неясно, а женский пол говорил вообще тихо и прикрывал еще рот рукою. Последнее всего более меня затрудняло, и я вынужден был беспрестанно просить их говорить погромче и отнимать руку от рта. Прослуживши три года, я думал сложить с себя председательство; но мировые судьи, те же вновь избранные, были так милы, дело шло так хорошо, и я им так интересовался, что беспрекословно принял председательство на новое трехлетие.

Как уездное сапожковское, так и губернское рязанское очередные 1870 года земские собрания были дельны, но довольно вялы. Последнее собрание замечательно только тем, что земство представило государю императору благодарственный адрес по случаю распространения воинской повинности на все сословия и что было предоставлено губернским земским собраниям рассмотреть правительственный проект о замене подушной подати подворным налогом и поземельной податью и затем представить свои по сему предмету заключения. Это поручение было тем важнее и интереснее, что министр финансов при рассылке проекта заявлял, что "ни одно из основных его начал не предрешено правительством" и что земские собрания могут совершенно свободно высказывать свои мнения по всем статьям проекта. Собрание наше постановило: избрать комиссии из 12 членов и сверх того пригласить в оную всех председателей уездных управ для всестороннего обсуждения этого важного предмета и для подготовления

его к будущему чрезвычайному собранию. Я был очень рад моему выбору в члены этой комиссии, ибо предмет, ей порученный, меня крайне интересовал.

Как в декабре, после очередного нашего собрания, все мы были крайне утомлены, то собрались только один раз для выбора председателя и для некоторых предварительных переговоров. По запискам избрали в председатели меня, но я просил от этого меня уволить как потому, что по этому делу имею очень положительные свои мнения, к которым не могу быть беспристрастным, и намерен много говорить, чтó неудобно и даже невозможно для председателя, так и потому, что для последнего в ныне учрежденной комиссии необходимо жить в Рязани и наблюдать за доставлением сведений, которые будут затребованы от уездных управ. Я предложил просить председателя губернской управы быть председателем комиссии. Все на это согласились, и кн. Волконский занял председательское кресло. Тогда мы условились собраться для наших работ в первой половине января, 10 или 12-го.

Съехавшись в январе в Рязани, мы имели ежедневные утренние и вечерние заседания, продолжавшиеся по четыре и более часов. Прения были самые оживленные и продолжительные. В признании правительственного проекта неудовлетворительным все согласились скоро и без больших споров; но первый поставленный на очередь вопрос, следует ли податную обязанность распространять на все сословия, вызвал жаркие и почти нескончаемые прения. Помнится, что они продолжались два или три заседания; и тут резко обозначилось большинство и меньшинство в комиссии; первое было за распространение этой обязанности на все сословия. Затем перебрали мы разные налоги, могущие заменить подушные подати, и подоходный, и поразрядный, и поземельный, и попечный, и со строений и разные другие налоги и во всех находили значительные трудности и неудобства, особенно при их установлении. Как предстояло преобразовать собственно подушную подать и подушный государственный земский сбор, то мы признали желательным эти два налога и на будущее время оставить в их отдельных видах и последний разложить на все земли губернии, кроме казенных, не состоящих во владении крестьян. Но вопрос, чем заменить собственно подушную подать, продолжал возбуждать сильнейшие прения, и мнения членов распадались на несколько меньшинств. Почти все высказывались за подоходный налог, но признавали при существующих обстоятельствах невозможность его установления. А потому одни были за предложенную кн. Волконским и Ф.С. Офросимовым поразрядную или классную подать, а другие за защищаемые мною налоги на печи или на строения, а некоторые высказывались против всех этих податей. Попечный налог был устранен особенно возражением, что он будет чрезвычайно неуравнителен для крестьян, ибо огромное их большинство имеет по одной печи, а между тем есть и богатые, и достаточные, и бедные крестьяне, и все будут платить одно и то же. Тогда я стал преимущественно отстаивать налог на строения и предлагал: обложить из них жилые, торговые, фабричные, заводские и другие промышленные, рассчитывать налог по занимаемой ими площади, по каждому этажу отдельно и установить некоторую прогрессию в налоге на строения, находящиеся в селениях и в городах уездных, губернских и столичных. Вскоре заметно было, что этот налог приобретал все бо-

лее и более сторонников, стали обсуждать его подробности и способы приведения в действие и наконец пришли по большинству голосов к заключению – поручить мне составление проекта положения, хотя в главных основаниях, об этом налоге, а равно и о поземельном налоге с надлежащим пояснительным докладом собранию. Меньшинство с кн. Волконским во главе заявило, что оно также выработает и представит комиссии свой проект положения о поразрядном налоге. Не могу здесь не сказать, что прения вообще велись очень хорошо, добросовестно и как бы без всяких интриг. – Мы положили собраться в марте или апреле, глядя по тому, как получатся из уездных управ затребованные сведения и как я управляюсь с работами.

Комиссия собралась в конце апреля как по причине праздников Пасхи и распутицы, так и вследствие медленности некоторых управ в доставлении разных сведений. В первом заседании возобновились прения о поразрядном налоге, и хотя они были очень жаркие, однако тут же было порешено не представлять собранию проекта об этом налоге и прямо перейти к обсуждению по пунктам представленных мною проектов. При очень обстоятельном их обсуждении сделаны были в них некоторые изменения и пополнения, и наконец как проекты, так и доклад были утверждены комиссиею и положено их напечатать и разослать к губернским гласным. Условились также созвать собрание на 28 мая.

Любопытно, что заключение комиссии насчет напечатания и рассылки доклада и проектов не могло быть исполнено, потому что губернатор г. Болдырев известил губернскую управу, что “как комиссия упустила из виду высочайшую волю, изложенную в циркуляре от 9-го сентября, о замене платимых ныне подушных окладов другими сборами, нисколько не распространяющую податных обязанностей на прочие сословия, то он не считает себя уполномоченным признать такое отношение к делу законным”.

Чрезвычайное собрание, созванное на 28 мая, было очень многочисленно. С первого же дня возникли продолжительные прения о том, с чего начать, чтó обсуждать и как вести дело, и заметны были вперед условленные выходки. Крепостники действовали очень дружно и всячески противились распространению податных обязанностей на привилегированные сословия. Они особенно упирали на то, что в правительственном проекте речь идет только о преобразовании податей, лежащих на крестьянах и мещанах, что мы не имеем права выходить из указанных нам пределов и нарушать чьи-либо привилегии и что вопрос об этом не может даже быть поставлен на баллотировку. Спорили долго и с запальчивостью; явно было, что председатель поддерживал сторону противников мнений комиссии. В первый и во второй день ограничивались баллотировкою только предварительных вопросов. Наконец на третий день признали проект, составленный правительственною комиссиею, неудовлетворительным. Затем предложен был на баллотировку вопрос: угодно ли собранию распространить обязанность платежа податей на все имущественные и личные силы губернии? Тут опять завязались жаркие прения: одни противились включению в вопрос, подлежавший баллотировке, слов “и личные”, а другие требовали еще добавки, хотя в скобках, слова (труд). Крепостники соединились с сторонниками по разряд-

ной подати, и вопрос с предложенными добавками был выбаллотирован значительным большинством.

Затем возникли опять прения и о подоходном, и о поразрядном налогах, и о том, что понимать под словами "личные силы" и какие строения должны подлежать податному обложению; были разные баллотировки и решали то так, то сяк. Это продолжалось и на следующий день; а затем 1-го июня гласные в законном числе не съехались в заседания ни утреннее, ни вечернее; и председатель г. Реткин с плохо скрываемою радостью поспешил пригласить губернатора в собрание для его закрытия, что́ г. Болдырев с неменьшею радостью поспешил исполнить. Так кончилось чрезвычайное земское собрание, для которого мы так много поработали и от которого так много ожидали.

С глубокой грустью в душе я возвратился в деревню; но там я долго не остался: мне необходимо было пить воды в Эмсе[15] и купаться в море. Вскоре я отправился в Берлин и оттуда в Эмс; а по окончании курса вод поехал через Париж в Остенде. В Париже ужасался, глядя на развалины Тюльерийского дворца[16] и других зданий, а один знакомый француз обвел меня по всем местам, ознаменованными великими действиями коммуны, и рассказывал очень обстоятельно, где и что совершалось. В Остенде купался, приятно провел время и через Берлин отправился в Россию. Во время этой заграничной поездки ничего особенного со мною не случилось и ничего интересного мною не узнано и не сделано.

Наше очередное уездное земское собрание 1871 года прошло тихо и скромно, занимались текущими делами, одобрили несколько ходатайств, но замечательного ничего не было.

Не таково было очередное губернское земское собрание. Хотя с почвы дельности по местным делам оно еще не сходило и некоторые его постановления по оценке земель, по взаимному земскому страхованию, по утверждению некоторых ходатайств и пр. были разумны и полезны, однако крепостнические наклонности все более и более проявлялись; рознь и интриги, начавшиеся в чрезвычайном собрании, продолжались и развивались и в этом очередном. Реакционное направление, видимо усиливавшееся в Петербурге, ободряло и наших крепостников. Губернатор г. Болдырев, губернский предводитель Н.Н. Реткин и гласный Егорьевского уезда, тамошний и предводитель и председатель уездной управы К.М. Афанасьев, человек умный, но интриган в душе, всеми силами противодействовали нам и в особенности губернской управе и ее председателю кн. Волконскому. Как в этом году предстояли выборы на все земские должности, то противники наши не упускали никакого случая, чтобы вредить губернской управе. Прения из всяких пустяков затягивались; протесты и предложения губернатора учащались и находили себе поддержку в речистом Афанасьеве и в пристрастном председателе собрания. Особенно ободряло их то, что в новом составе губернских гласных оказались по некоторым уездам лишние крепостники. Они решительно хотели и надеялись забаллотировать кн. Волконского и некоторых членов губернской управы и заменить вакансии своими сторонниками. К счастью, это им не удалось; и кн. Волконский получил и по запискам, и шарами значительное большинство.

Глава XV. (1871–1875)

Зима 1871–1872 г. – Статьи в "Беседе" и между ними: "В чем мы нуждаемся?" – Сожжение двух книг "Беседы" и ее прекращение. – Сапожковское земство. – Книга "Наше положение", 1874. – Эмс. – Ю.Ф. Самарин. – Положение о народных училищах. – Крепостники, либералы и искатели мест в земстве. – Зима 1874–1875 г. – Валуевская комиссия 1873 г. – Книга "Об общинном землевладении в России", изд⟨анная⟩ в Берлине. – Дополнение к книге "Наше положение". – Знакомство с Лорис-Меликовым. – Либеральный цензор. – Земские дела в Рязанской губернии. – Александровская учительская семинария. – Смерть М.П. Погодина 1874 г. – Кончина Ю.Ф. Самарина 1875 г.

Зима 1871–1872 года прошла в Москве и скучно, и грустно. По вторникам собирались у нас, как по обыкновению, но разговоры были не живы и мало интересны. Даже издаваемая С.А. Юрьевым "Беседа" мало нас оживляла. Слухи и официальные известия из Петербурга нас тревожили и огорчали. Я писал для "Беседы" разные статьи, большею частью финансовые[1], но писал более по долгу, чем по охоте. Одна моя статья "В чем мы всего более нуждаемся?"[2] наделала много шуму; на нее обратили внимание и в обществе, и в журналистике; и это доставило редактору "Беседы" конфиденциальное внушение впредь воздержаться от помещения подобных статей[3]. Вообще цензура становилась все строже и бессмысленнее, и количество самых стеснительных и нелепых циркуляров, официальных и конфиденциальных, росло с каждым днем. Атмосфера все более и более сгущалась, а жизнь становилась пустее и безотраднее.

Так протекли и 1872 и 1873 годы. В конце первого из них, т.е. второго года существования "Беседы", по определению Комитета министров *сожгли две ее книги*[4] и воздержались от сожжения третьей только вследствие обещания, данного С.А. Юрьевым, прекратить издание журнала[5]. О последнем, т.е. о прекращении журнала, оба мы не плакали, ибо труд этот при тогдашних обстоятельствах становился с каждым днем все тяжче, менее производительным и менее отрадным. Указ июня 1872 года передал печать в полную зависимость администрации[6]; и мы, закрывши "Беседу", почувствовали себя как-то свободнее.

В Сапожковских земских собраниях, очередных и чрезвычайных, обоих упомянутых годов не произошло ничего особенного. Мы усердно занимались местными делами, заботились о дорожных сооружениях, об устройстве земской почты и обращали все более и более внимание на школы, которых число постепенно увеличивалось, на больницу, уездные больничные приемные покои и другие медицинские пособия, которые дорого нам стоили и мало пользы приносили, и пр. Очень охотно мы предлагали и утверждали разные ходатайства пред высшим правительством и прямо к нему, и чрез губернское собрание, но почти постоянно получали от первого отказы, или наши представления оставались даже без ответа.

Губернские земские собрания были, разумеется, и живее, и интереснее уездных. Губернская управа, имея во главе кн. Волконского, вела земские дела отмен-

но хорошо: благотворительные заведения, переданные от приказа общественного призрения, видимо улучшились и управлялись с надлежащею хозяйственностью; училище для образования учителей для первоначальных школ уже давало очень хороших наставников; наблюдение за дорожными сооружениями в губернии, за счетоводством в управе и за ходом земского страхового дела было самое тщательное. Доклады губернской управы собранием были так разработаны, и ее соображения и заключения были так основательны, что нам, гласным, оставалось только с ними соглашаться. Хотя в собрании крепостники уже начинали сплотняться и были сильно поддержаны и начальником губернии (г. Болдыревым), и председателем собрания (г. Реткиным) и устремляли самые ожесточенные усилия против губернской управы, но все их действия оставались безуспешны. В эти два года губернская управа с помощью избранной собранием комиссии и разных гласных составила очень хорошую расценку земель по их доходности во всех уездах губернии для раскладки губернских сборов. Собрание рассмотрело эту расценку и ее утвердило. Управа предложила, и собрание приняло произвести через техников расценку фабрик, заводов и других промышленных заведений, которые до того времени очень низко и вовсе не уравнительно были обложены сборами. Для этого избрана была комиссия, которой вместе с управою поручено было как составление инструкции для оценщиков, так и вообще наблюдение за производством этого дела. Само собою разумеется, главная тут деятельность была со стороны управы или, вернее сказать, ее председателя, но и комиссия отнеслась к делу очень усердно. Как в первой, так и в этой комиссии я принимал живое участие.

После губернского земского собрания в конце декабря 1873 года приехал я в Москву и нашел в обществе то же грустное, безжизненное настроение, как и в предыдущие годы. Да иначе и быть не могло. И печать, и земские собрания в своих действиях были до крайности стеснены. Собирались у нас по вторникам, но живого слова почти не было слышно.

Почти ежегодно зимою я езжал в Петербург и там оставался около недели и виделся там с людьми и во власти состоящими и вне ее обретающимися. Все тяжче и тяжче становились впечатления, которые оттуда я увозил. До 1866 года приятно и как бы животворно было туда ездить. Хотя уже и тогда так называемые консерваторы захватывали все более и более власти в свои руки и старались если и не уничтожать, то, по крайней мере, сокращать благие действия предпринятых реформ; но они еще интересовались тем, что происходило в Москве и во внутренности империи, расспрашивали, со вниманием слушали то, что им сообщалось; и видно было, что они хотя несколько уважали общественное мнение и не совсем презирали заявлявшиеся потребности страны. В последнее время и министры, и их подчиненные, и даже люди, не во власти состоящие, а так себе в Петербурге живущие, совершенно перестали расспрашивать о том, что делается вне Петербурга; вся наша пространная многолюдная страна перестала для них как бы существовать, и весь их мир сосредоточился в Петербурге и почти в сфере одной дворцовой жизни. Своим ушам не веришь, и уму кажется непонятным, как люди, прежде и умные и даже либеральные, могли превратиться в существа и бездушные и почти бессмысленные.

Это крайне тяжкое положение нашей страны и грустное настроение моего духа заставили меня написать *книжку,* которую я озаглавил "*Наше положение*"[7]. В Москве я ее читал кой-кому; и все находили, что наше положение вполне верно мною изображено. И сам я был доволен моим произведением, чтó случалось со мною нечасто. Напечатать эту книжку в России было немыслимо. Двенадцать лет я ничего не печатал за границею и пробавлялся кое-как нашею свободою печати; но наступило такое время, что молчать считал невозможным, а иметь дело с цензурою – немыслимым, а потому я решился ехать за границу по окончании наших земских выборов. (В этом году избирались гласные на четвертое трехлетие.) Я решился на это тем охотнее, что чувствовал потребность в эмских водах. 21 июля я отправился из Москвы через Смоленск в Варшаву. Тут виделся я с несколькими поляками и всего более провел времени и много беседовал с переехавшим из Москвы проф. Симоненко. Мрачное мое настроение от этих бесед нисколько не прояснилось, а, напротив того, оно еще более сгустилось. Да! мы все делаем, чтобы раздражать наши окраины.

24 июля я был уже в Берлине. Тут я познакомился с книжным магазином Бера и особенно с его главным приказчиком Леманом, человеком очень умным и милым. Он взялся напечатать мою книжку в Лейпциге и обещал присылать ко мне корректуры в Эмс. Перечитавши еще раз мою рукопись и сделавши в ней некоторые исправления, я передал ее Леману и отправился из Берлина. В Эмсе пил воды, брал ванны, много гулял и читал и особенно много беседовал с Ю.Ф. Самариным, который также туда приехал пользоваться водами. Я сообщал ему корректуры моей книжки, которые получал в Эмсе, и он одобрил начертанную мою картину. Обыкновенно мы с Ю.Ф. Самариным много спорили, но на сей раз в Эмсе мы как-то пели в унисон.

Из Эмса через Франкфурт поехал я в Лейпциг для окончания просмотра и исправления корректур моей книжки. Тут я пробыл несколько дней, из которых один был посвящен немцами празднованию Седанской победы[8]. Удивительно, как немцы, отменно умные в книгах, крайне глупы в практической жизни. Каких нелепостей при этом праздновании они не совершили! – Получивши несколько экземпляров отпечатанной моей книжки и отправивши один из них при всеподданнейшем письме в Петербург *к государю императору,* я поехал из Лейпцига на Берлин и Петербург; 2 сентября я был уже в Москве, а 5-го в Песочне.

25 мая в этом году (1874) состоялось новое положение о начальных народных училищах, которым значительно и в враждебном земству духе изменялось прежнее по сему предмету положение 1864 года[9]. В течение шести лет я был председателем уездного училищного совета по его избранию; на основании нового закона председательство возлагалось на предводителя дворянства. Вследствие этого я передал ему эти обязанности и думал отказаться и от членства в совете. К этому побуждало меня особенно то, что власть казенных инспекторов была страшно усилена, что земство имело только двоих от себя представителей и что предводителю дворянства были даны почти неограниченные права по устранению учителей и по закрытию школ. Однако в следующем земском собрании устроилось так, что мне пришлось остаться членом училищного совета от

земства. При чтении отчета о школах Сапожковского уезда я предложил собранию не передавать вновь образованному училищному совету распоряжения деньгами, ассигнуемыми на школы, а оставить эти суммы в ведении управы с тем, чтобы она распоряжалась ими не иначе как с согласия членов училищного совета от земства. Это очень понравилось собранию и было им единогласно утверждено; а за сим убедительно меня просили остаться членом училищного совета и устроить это дело так, чтобы и при новом порядке школы главнейше зависели от земства, могли умножаться и улучшаться. Как я дорожил их существованием и успехами, то пришлось мне на это согласиться. – Прочие действия очередного уездного земского собрания не представили ничего особенно интересного, а выборы удержали всех служащих на местах, ими занимаемых.

Губернское наше земское собрание замечательно по многим обстоятельствам. Новый губернатор Н.С. Абаза открыл собрание речью довольно обстоятельною – такою, какой прежде мы никогда не слыхивали. Он высказал нам, рязанскому земству вообще, и комплименты, и весьма сочувственные уверения, и вместе с тем не пощадил некоторые уездные земства и особенно Михайловское за его равнодушие, как бы даже нерасположение к народному образованию и охранению народного здравия. Председатель управы кн. Волконский прочел собранию прекрасный обзор земской деятельности Рязанской губернии за девятилетие с 1866 по 1875. Собрание благодарило его единогласно, хотя, конечно, не всем этот обзор был по душе. В губернских земских собраниях до 1874 года были у нас две, так сказать, партии – крепостники и либералы; и, к сожалению, первые чаще побеждали, чем последние. Эту беду исправляла наша губернская управа, которая вела дела в истинно земском духе. Но теперь по милости указа 1874 года об уездных присутствиях по крестьянским делам, куда непременные члены имели избираться губернскими собраниями, явилась *новая партия* – искателей этих мест. Сперва они держали себя довольно неопределенно; но вскоре увидели, что легко подкупать своими голосами гг. крепостников, и потому явно и от души к ним присоединились. Еще никогда не было в наших собраниях таких безобразий и в речах, и в баллотировках. Из последних особенно знаменательны были открытые баллотировки: ими подкупались голоса к предстоявшим выборам. Чем предложение было более в чисто и узко дворянском смысле, тем оно могло рассчитывать на большее в свою пользу число голосов. Гг. крепостники торжествовали и с жалостью на нас смотрели. Однако губернская управа осталась в прежнем ее составе, и они не дерзнули ее низвергнуть. Кн. Волконский и прочие члены были вновь избраны, хотя и меньшим против прежнего числом избирательных шаров. С очень тяжким чувством вернулся я из Рязани в Москву.

Эта зима (1874–1875 г.), как и предыдущие, была вообще безжизненна и ничем замечательным не ознаменовалась. С приятелями видался я довольно часто; много мы толковали и о том, и о сем и всего более о недавно тогда изданных трудах так называемой *Валуевской комиссии*[10] "по исследованию нынешнего положения сельского хозяйства и сельской промышленности в России". Как эти труды напечатанные, раздававшиеся довольно щедро и даже пущенные в прода-

жу, возбудили вновь и в обществе, и в литературе жаркие прения об общине и общинном владении и заставили меня написать книжку и напечатать ее за границею, то считаю нужным на этом несколько приостановиться.

В 1872–1873 году была учреждена по высочайшему повелению под председательством министра государственных имуществ П.А. Валуева комиссия из разных тайных и действительных статских советников, представителей разных ведомств: Министерств внутренних дел, финансов, уделов и государственных имуществ. Для придачи ей пущей важности были затребованы сведения из 958 разных источников и составлены из доставленных сведений многотомные своды; сверх того приглашались в заседания комиссии многие эксперты из разных сфер и сословий. Обстановка комиссии, как из сказанного видно, была великолепная и напоминала или, по крайней мере, имела в виду напомнить английские парламентские комиссии. Она имела не менее 52 заседаний. Затем издан был обширный и очень обстоятельный доклад с четырьмя толстыми томами приложений. Одна из главных причин застоя сельского хозяйства в России и слабого его развития заключалась по сведениям, собранным комиссиею, в общинном крестьянском землевладении, а потому принятие мер, если и не к немедленной, законом произведенной его отмене, то к постепенному его сокращению и упразднению составляло, по мнению комиссии, неотложную и непременную задачу для администрации и законодательной власти. Доклад написан довольно ловко; все показания крестьян и приглашенных экспертов, защищавших общинное землевладение, были изложены в докладе коротко и в общих выражениях, а доводы и соображения противников общины были тщательно собраны и рельефно выставлены. В бытность мою в Петербурге зимою 1873 года я был также приглашен *как эксперт* в эту комиссию, и мои слова в сокращенном виде нашли место в толстых томах приложений. Замечательно, как бюрократия сумела из разнородных, даже противоположных и самых положительных показаний составить доклад как будто беспристрастный и на добытых данных строго основанный, а действительно выражавший только личное мнение министра – русского по фамилии и немца-остзейца по понятиям и чувствам. В газетах, в месячных журналах, даже в салонах завязались вновь жаркие споры об общине и общинном землевладении; противники их всячески старались представить их и в революционно-социалистических, и в ретроградных видах, искали схоронить эти ненавистные чудовища и на их могилах устроить панские или баронские суды и порядки. Начал я писать по этому поводу статью для какого-нибудь русского журнала, но она разрослась, приняла образ не вполне цензурный, и я решился отправить ее в Берлин, где она и была напечатана в марте 1875 года в виде отдельной *книжки* под заглавием “Об общинном землевладении в России”[11].

Книжка моя “Наше положение”, напечатанная в прошлом году в Берлине, прошла не бесследно. Хотя в России она подверглась безусловному запрещению, однако проникнула туда в значительном числе экземпляров; и в Петербурге, и в Москве много о ней говорили, и по поводу ее предложено было мне много вопросов и высказано много недоумений и возражений. Она удостоилась перевода на немецкий язык, а выписки из нее печатались в “Times”[12] и других английских журналах. Тайная наша полиция соблаговолила также обратить вни-

мание на это мое произведение, произвела кой-где захваты и допросы, а начальник III отделения докладывал об этом даже государю императору; но от его величества не последовало по этому предмету никакого карательного повеления. Предложенные мне вопросы и заявленные мне недоумения и возражения побудили меня написать новую книжку в виде продолжения к "Нашему положению"[13]. Позволю себе здесь повторить сказанное мною в предисловии к новой моей книжке "Общая Земская дума в России", напечатанной в Берлине в августе 1875 года. Думаю, что это повторение будет здесь уместно:

«Книжка моя "Наше положение", встреченная многими с сочувствием и доставившая мне несколько приятных отзывов, подверглась в России, к крайнему моему прискорбию, *безусловному запрещению*.

За что?

За то ли, что в ней проповедовались какие-либо безбожные или безнравственные нигилистические мнения? – Нет! самый строгий православный христианин не найдет в ней ни одного мнения, ни одного выражения, хотя сколько-нибудь противного учению нашей церкви или заповедям христианской нравственности.

За то ли, что в этой книжке содержатся выходки против самодержавия или против личности царствующего государя или вообще против верховной власти? – Конечно, нет! ибо не мог я говорить, чего не думаю; а я вполне и глубоко убежден в необходимости самодержавия для России, считаю великим счастием незыблемость верховной власти в нашем отечестве, искренне предан своему государю и от души его люблю за великие им совершенные преобразования и за личные его ко мне милости.

За то ли, что в моей книжке высказаны какие-либо революционные начала, возбуждения к неповиновению вообще или к вражде одного сословия против другого? – Нет! сто раз нет! Я совершенно чужд революционизма и по характеру, и по убеждениям, и по летам, и по моему положению вообще. Смело вызываю самого придирчивого следователя и самого беззастенчивого доносчика узнать, где я возбуждал какие-либо страсти или лица к противодействию правительству или к борьбе сословий между собою или к каким-либо другим противозаконным действиям.

За что же, наконец, *безусловно запрещена* в России моя книжка?

За то, что в ней высказаны некоторые правды насчет настоящего нашего положения и действительного ведения у нас дел, что они изложены хотя и без злобы и насмешки, но и без утайки и прикрышки и что тем нарушается гармония лжи, которою стараются все прикрыть.

Грустно, очень грустно, что дома, между своими нельзя откровенно беседовать о наших общих нуждах и что необходимо прибегать к берлинским или лейпцигским станкам, чтобы свободно передавать свои мысли и чувства. Прискорбно и то, что надо ехать за границу или прибегать к нарушению таможенных правил, чтобы достать и прочесть книги об России – книги не нигилистические, не революционные, не безнравственные, а только имеющие свойство правдивости относительно нашего отечества. – Неужели это требуется государственною пользою и спокойствием страны?

Объясню здесь в коротких словах цель ныне печатаемой книжки.

В конце изданной в прошлом году книжки “Наше положение” мы вывели необходимость учреждения у нас государственной Земской думы и не высказали нашего мнения о том, как и из кого ее составить? Какие права ей предоставить? Какие обязанности на нее возложить? Какой круг деятельности ей очертить? К этому мы присовокупили: “Эти и другие вопросы – разрешить не трудно. Самое существенное – убедиться, что мы не можем долее оставаться в том положении, в каком находимся, что нам необходимо из него выйти и что единственный к тому путь и способ есть учреждение сказанной думы”. – Многие, изъявляя свое сочувствие к этой мысли, предлагали мне разные вопросы: Как согласовать существование такой думы с самодержавием? Предоставлять ли ей рассмотрение государственной сметы приходов и расходов? Будет ли эта дума вправе отказывать правительству в расходах, которые она сочтет излишними, в установлении новых налогов или в усилении уже существующих? Если дума не будет вооружена решительным голосом, то будет ли она иметь какое-либо значение? Все ли проекты законов должны проходить через думу или самодержавная власть сохранит за собою право издавать таковые и помимо думы? Как производить выборы гласных? На какой срок их избирать? В какое время им собираться и долго ли должны продолжаться их собрания? – Еще много других вопросов было мне предложено; из них я убедился, что большинство вопросителей сбивалось на европейский конституционализм, которого я вовсе не имею в виду, и что необходимо изложить обстоятельно то мнение, которое я себе составил о деятельности предполагаемой мною Земской думы.

Вот повод к написанию и изданию этой книжки. Авось она заставит иных призадуматься, других – высказать свои, быть может, лучшие по сему предмету мысли, а цензуру, наконец, убедиться в моих антиреволюционных, истинно консервативных и искренне верноподданнических чувствах и мнениях.

Еще два слова.

И вновь изданная мною в Берлине книжка “Об общинном землевладении” подверглась запрещению!

Это за что?

Разгадка причины этого запрещения уже превышает мои умственные силы.

Думал, что упрекнут меня за то, что такое сочинение, русским охранительным духом проникнутое, напечатано мною не в России и что тем я ограничил и затруднил его обращение в стране нашей. – Нет! Цензура эту книжку запретила.

11/23 июля 1875. Эмс».

В первых числах мая отправился я в деревню, объехал все свои хозяйства, сделал нужные по ним распоряжения, произвел как член училищного совета экзамены по сельским школам и был 16 июня уже в Москве, а 17-го отправился за границу. В Берлин приехал 20-го, там пробыл недолго, уговорился с Бером насчет печатания моей новой книжки и 23-го был уже в Эмсе. Там была жена моя, вскоре туда приехали Погодины[14]. Тут познакомился с М.Т. Лорис-Меликовым.

Вот как это случилось. Выпивши стакан "Кесселя"[15], я прогуливался, подходит ко мне незнакомый русский, называет себя и говорит: «Я прочел Вашу книжку "Наше положение", вполне сочувствую Вашим взглядам и желаниям и непременно пожелал с Вами познакомиться». Тотчас мы разговорились; в тот же день он был у меня, и обедали мы вместе. С этого дня и до отъезда мы были неразлучны, вместе обедали, гуляли и вечера проводили. Никогда не забуду этих трех недель, проведенных в Эмсе с Погодиным и Лорис-Меликовым. Наши беседы были столь же интересны, сколько и дружественны. Никак я не думал тогда, что с Погодиным я проводил последние дни и что, расставшись в Эмсе, мы более не увидимся. Лорис-Меликов произвел на меня очень приятное и сильное впечатление: он поражал не только своим умом и простотою обхождения, но и сердечностью и полнотою жизненности во взглядах и понятиях. На другой день после нашей первой встречи мы были с ним как старые приятели, и хотя военный, армянин, проведший большую часть своей жизни на Кавказе, он смотрел на вещи и события как русский гражданин и как человек современно развитый.

Погодину и Лорис-Меликову по вечерам я иногда читал писавшуюся мною тогда книжку "Общая Земская дума"; они мне делали замечания, предлагали вопросы; и из этого выходили очень интересные и живые беседы.

По окончании курса вод я отправился в Франкфурт, а оттуда на пароходе по Рейну, через Кельн, где еще раз любовался собором и мостом в Остенде. По преклонности лет моих советовали мне не купаться в море, чтó я страстно любил, а только брать ванны морской воды. Не утерпел – пробовал купаться в море; но это сильно меня раздражало; и я ограничился ваннами. Много гулял, много вдыхал в себя морского воздуха, окончил исправление моего сочинения "Об общей думе" и отправил его в Берлин для набора. В Остенде проводил время довольно приятно, тут познакомился с одним очень умным человеком г. Ратынским, членом Главного управления по делам печати. Он упрекал меня в том, что я напечатал в Берлине мою книжку об общинном землевладении и уверял меня, что ее можно было бы издать и в России, за исключением или с изменением только нескольких строк. Хотя я этому и плохо верил, но следующею зимою в бытность мою в Петербурге я вздумал убедиться в справедливости слов одного из заправителей нашею цензурою. Я подал начальнику Главного управления по делам печати г. Григорьеву, старому моему знакомому[16], просьбу о дозволении мне перепечатать в России эту книжку; а на словах я ему передал сказанное мне г. Ратынским. Г-н Григорьев передал ему на рассмотрение мою книжку, и оказалось, что этот либеральный, как его называли и как он себя заявлял, цензор потребовал исключения *почти целой трети* текста. Храню отзыв Ратынского и его отметки в моей книжке как памятник цензорской правдивости и добросовестности.

На возвратном пути пробыл я в Берлине целую неделю, исправлял корректуры моей книжки и читал произведения русских нигилистов-анархистов. Им я просто дивился: бессмыслица, полное незнание духа и потребностей русского народа и даже его языка. Из Берлина я поехал в Петербург и был 24 августа в Москве, а 29-го уже в деревне – с. Песочне. – Из Берлина и эту мою книжку, как

и прежние, при всеподданнейшем письме отправил в Петербург к государю императору.

В нашем очередном уездном земском собрании усердно занимались местными делами. Особенно замечательно было то, что о народном образовании, т.е. о сельских школах, еще никогда так не заботились и не хлопотали, как в этот раз. Было даже сделано предложение о ходатайстве пред высшим правительством об установлении для крестьян обязательно обучения; и это предложение при поддержке со стороны гласных от крестьян было принято даже большинством голосов. Несмотря на мою ревность к успехам распространения грамотности в народе, я, конечно, подал свой голос против этого предложения. – В этом же году были выборы мировых судей на новое трехлетие. Выборы состоялись в полном порядке, и почти все участковые и почетные мировые судьи остались прежние. Прослуживши три трехлетия председателем мирового суда, я на сей раз, несмотря на общие и настоятельные просьбы мировых судей, отказался от председательства, ибо эти обязанности меня, престарелого и полуглухого, крайне утомляли.

В губернском земском собрании председательствовал уже не г. Реткин: запутавшись в своих денежных делах и позанявши еще кой у кого сколько можно было денег, даже у чистых бедняков, он скрылся за границу. Должность его исправлял и в собрании председательствовал рязанский уездный предводитель дворянства г. Рюмин, человек еще менее умный, чем Реткин, и еще более пристрастный к партии крепостников. Это собрание наше было довольно бурно и особенно обильно интригами и разными беспорядками. Противная нам партия, имевшая во главе егорьевского Афанасьева и михайловского кн. Гагарина и в своих рядах ряжского Лукинского и касимовского Алеева позволила себе самые ярые выходки против губернской управы и пуще всего против ее председателя кн. Волконского. Главным предметом нападений была учительская семинария. Упрекали управу в том, что там плохо и недостаточно преподается закон божий, что ученикам дают слишком много воли и что страшная распущенность царит во всем управлении семинарии. Мы горячо защищали и управу, и семинарию; особенно сильно и много говорили Дашков, кн. Волконский и А. Левашов. Эти прения поглотили не менее целых трех заседаний. Были столкновения между партиями и по другому вопросу – по отдаче под суд членов Пронской земской управы. Но, несмотря на эти разногласия в собрании, оно еще не расходилось в баллотировках по существенным земским вопросам; так, почти единогласно были утверждены решения по разным административным делам, и предложения о ходатайствах пред высшим правительством об упразднении посреднических комиссий по размежеванию, о преобразовании губернского статистического комитета, об избрании непременных членов уездных по крестьянским делам присутствий не в губернских, а в уездных земских собраниях и пр.

В Рязани, в самый разгар наших земских прений и действий я получил известие о *кончине М.П. Погодина*[17]. Это известие, хотя я его и ожидал, сильно меня огорчило. После того, что мы расстались в Эмсе, он с женою своею поехал в

Гамбург к кн. П.А. Вяземскому, а оттуда через Мюнхен возвратился в Россию. В Смоленской губернии он остановился у сына, и в половине октября он был уже в Москве. Тут он бодро принялся за работу и писал ко мне, что чувствует себя очень хорошо. В ноябре он произнес в "Славянском обществе" очень хорошую речь по поводу борьбы славян на Балканском полуострове. Но вскоре затем стал чувствовать в оконечностях – в руках и ногах – несвободное движение, которое постепенно усиливалось и распространялось на другие части тела. Затем лишился способности говорить и наконец в последние десять дней даже перестал узнавать людей, ему близких. Он скончался 8 декабря на 76 году своей жизни. – Мы знакомы были с университета, т.е. более пятидесяти лет, а очень сблизились после кончины А.С. Хомякова, т.е. с 1860 года. Тут мы сделались друг для друга необходимыми, и наши отношения все более и более учащались и скреплялись. В М.П. Погодине я лишился последнего единомыслящего друга.

В конце марта (1876 г.) поражены мы были совершенно неожиданным известием *о кончине Ю.Ф. Самарина* в Берлине. В декабре он уехал из Москвы, очень усердно занялся в Берлине изучением внутреннего управления Германии, съездил на несколько дней в Париж и возвратился в Берлин. Тут он занемог, и нашедши неудобным лежать больным в гостинице, он переселился в один известный Krankenhaus*, где и скончался. Грустно было для нас лишиться такого прекрасного человека и такого полезного и даровитого деятеля; но трагичность его кончины нас особенно поразила. Имея огромную семью – мать, братьев, сестру – и состоя в дружбе и приязни с весьма многими, он умирает в полном одиночестве, посреди людей чужих; сердечно и глубоко любя Россию и ее народ, он оканчивает жизнь на чужбине; воевавши постоянно и горячо против немцев, он в последние свои дни и часы окружен только немцами; известный не только в России, но и в Европе, он умирает в немецкой Krankenhaus'е под чужим именем; наконец, православный христианин и ревностный поборник православия, он не имеет утешения веры при последних страданиях (священник приезжает, но находит его уже в беспамятстве), и церковь православная при русском посольстве не впускает к себе тело усопшего, и он отпевается в протестантской церкви! Это ужасно!

Утешительно только одно: это действие, произведенное кончиною Ю.Ф. Самарина, и сочувствие ему, заявленное обществом и печатью[18] и в Москве, и в Петербурге. Все газеты и журналы без всякого различия мнений сожалели об утрате скончавшегося и говорили о его значении для России, о его трудах и заслугах. Речам и статьям по этому поводу не было конца. На панихиды в Петербурге и Москве стекались со всех концов города и знакомые, и незнакомые. На похоронах в Москве было стечение людей огромное, и только блистал своим отсутствием представитель власти – московский генерал-губернатор[19] (говорят, что он из Петербурга получил телеграмму, воспрещавшую ему быть на похоронах).

Умирали и прежде значительные мыслители и деятели, даже такие, как Хомяков и Гоголь. Друзья и знакомые оплакивали их и изъявляли покойным свою любовь и уважение; но общество и печать относились к ним холодно, и только

---

* больница (*нем.*).

на время умолкали осуждения и насмешки со стороны противников насчет мнений покойников. Но по случаю кончины Самарина едва ли не в первый раз общество живо высказало сочувствие к скончавшемуся общественному деятелю; а печать забыла прежние распри и разногласия и соединилась в воздаянии покойному заслуженной похвалы. Много этому содействовало то, что Самарин никогда не кадил власти, печатал многие свои произведения за границею и был если и не гоним, то заподозрен и нелюбим правительством. Но и это обстоятельство не уменьшает значения общего сочувствия. Наше общество и наша печать сильно страдают лакейством. Слава Богу, что иные чувства у нас пробуждаются. Такое явление было немыслимо 30 лет тому назад. Видно, хотя несколько мы двинулись вперед.

Похороны Погодина были многолюдны и торжественны. Но тогда хоронили тайного советника, разных орденов кавалера, заслуженного профессора, академика и никогда не бывшего в оппозиции в отношении к правительству. Все власти принимали участие в церемонии, а жители хоронили своего родного. Теперь предавали земле коллежского советника, не принявшего орден св. Владимира, ему данного за общественную службу, и остававшегося более 30 лет в частной жизни.

Хотя в последние годы отношения между мною и Самариным несколько изменились, мы много спорили и расходились в мнениях по некоторым даже важным вопросам, однако мы сохранили друг к другу прежние чувства благорасположения и уважения. А потому его неожиданная кончина меня очень огорчила.

Глава XVI. (1876–1877)

Зима 1875–1876 г. – 70-летний возраст и передача хозяйства сыну. – Поездка на юг России. – Бразильский император Дон-Педро. – Зима 1876–1877 г. – Одушевление в пользу славян. – Война с Турциею. – Народное воодушевление. –Пожертвования. – Земские дела. – Сан-Стефанский мир. – Весна 1877 г. – Смерть кн. Черкасского. – Берлинский трактат. – Речь И.С. Аксакова в Слав⟨янском⟩ комитете. – Всемирная выставка в Париже 1878 года.

Зима 1875–1876 года в Москве вообще кое-как протекла: съезжались, сообщали друг другу разные нерадостные слухи, толковали, даже спорили; вести из Боснии и Герцоговины[1] словно оживляли общество; но действительной жизни нигде не было. Наступила весна, и все были рады разъехаться.

Лето с семейством провел я в селе Песочне. Тут и тогда совершался новый перелом в моей жизни. Мне стукнуло *70 лет,* до этого времени я энергично занимался своими хозяйственными делами. Прежде я любил даже с увлечением земледелие и вообще сельское хозяйство, винокурением и винною торговлею занимался я также довольно охотно. Но в последние годы эти занятия и хлопоты стали меня

тяготить. Вследствие этого я пригласил сына принять на себя под моим наблюдением управление главным имением. Он приехал ко мне в первых числах июня, и мы все лето до 1 сентября вместе занимались хозяйственными распорядками, а после первого сентября с дочерью и ее дочерьми отправился в Крым, где я еще никогда не бывал. Мы пробыли несколько дней в Киеве, посетили лавру, Николаевский мост, церковь Андрея Первозванного[2] и вообще много ходили, ездили, любовались. Тут свиделся я с старым приятелем М.В. Юзефовичем, которого нашел очень подряхлевшим и еще более приверженным к насильственной русификации поляков. Много мы с ним поспорили; у него провел очень приятно вечер, на который он пригласил для меня многих интересных киевлян.

Одесса произвела на меня странное впечатление: город не русский и не иностранный, а просто торговый. Навестил давнего своего знакомого, попечителя учебного округа г. Голубцова, обедал у него и познакомился со многими профессорами – Григоровичем, Дювернуа и др. Посетили мы университет и его музеи; но все это являлось как-то странным, менее учеными и учебными учреждениями, чем какими-то торгово-житейскими заведениями. Объехали мы гавани, много по ним ходили, дивились их оживлению; но без грусти на третий день сели на пароход, отправлявшийся в Севастополь.

Переезд из Одессы в Севастополь был очень удачен: погода была великолепная, никто не страдал морскою болезнью, а я просто блаженствовал и еще раз убедился, что мне следовало быть моряком. Вместе с нами ехал *бразильский император*[3], человек умный, совершенно простой в обхождении и очень любезный в разговоре. Много мы с ним беседовали. На следующий день в 10 часов утра после 19-часового плавания мы были уже в Севастополе.

Тут провели мы целую неделю и приятно, и грустно. Приятно потому, что посетили Малахов курган, 4-й бастион, французское кладбище, вновь строившийся собор, братское кладбище и пр. Собор обещал быть очень замечательным по своей архитектуре, а братское кладбище было чрезвычайно интересно по памятникам и надписям на могилах падших героев. Были мы также в Инкермане и любовались там пещерами и особенно церковью, вырубленною в горе. Целый день посвятили мы Бахчисараю, Успенскому скиту и Чуфут-Кале[4]. Мы наслаждались и узнавали много нового, крайне интересного. Но вместе с тем Севастополь производил на нас и очень тяжелое, грустное впечатление. После двадцатилетнего замирения Севастополь – великолепнейшая гавань на Черном море, святыня для России в патриотическом отношении – оставался почти в том же виде, в каком он был после ухода врагов; почти три четверти зданий представлялось развалинами; город почти безлюден; на улицах почти никого не встречали; лавчонки пустые – во всем и везде отсутствие жизни и заботы о крае. Замечательно, что чудные доки, переданные, не знаю чего ради, обществу пароходства и торговли, являлись также не живым поприщем компанейской деятельности, а обязательным местопребыванием как бы казенной службы и работы.

В седьмой день нашего пребывания в Севастополе мы решились на следующее утро оттуда отправиться далее. Мы заехали в Георгиевский монастырь[5] и ехали до Байдарских ворот, наслаждавшись только прекрасною погодою и хо-

рошим воздухом. Но грустно было видеть, что чудный край и по почве, и по климату оставался как бы пустынею, в плохо обработанном, почти заброшенном виде: поля кое-как всцарапанные, луга кое-где скошенные и сенные стога, изредка по ним разбросанные. У Байдарских ворот при въезде к прибрежью мы остановились; картина моря и живописного берега нас просто очаровала; несмотря на резкий ветер и даже приближавшийся дождь, долго мы не могли решиться сесть опять в коляску и ехать далее. Наконец мы двинулись вперед и не понукали нашего ямщика, а, напротив того, постоянно его удерживали, ибо на каждом шагу представлялись самые очаровательные виды.

Вся дорога до Ялты – восхитительная. Переночевавши в Мердыне, мы поутру приехали в Ялту, где не без труда нашли для себя пригодную квартиру. Гулянья в самой Ялте не завлекательны; но окрестности ее прелестны. Мы постепенно объехали Ливадию (куда нужно было выхлопотать билет)[6], Орианду, Алупку[7], Юрзуф, Массандру, Никитинский ботанический сад, Могарач и пр. Природа везде восхитительная; но и искусство кой-где немало сделало. Всего приятнее и дольше мы пробыли в Алупке, где Воронцовы[8] много сделали для украшения местности и кой-что для удобства посетителей. В Ялте очень мало о них заботятся: обеды везде только сносны, прогулки общественные и тесны, и плохо содержимы, книжной лавки ни одной, и газет нельзя было купить, и можно было очень немногие из них прочесть только в клубе, помещавшемся на оконечности города. Вообще в Ялте мало сделано для удовлетворения потребностей приезжей публики, но зато не упускали случаев брать с нее за все втридорога.

Проживши в Ялте около месяца, мы решились оттуда выехать 16-го октября. Испортившаяся погода и слухи, все более и более настоятельные, о приближающейся войне с Турциею[9] заставляли многих, и нас в том числе, ускорить отъезд, который мы прежде назначили на самые последние дни октября. Мы поехали на Алушту, где мы обедали, много гуляли и ночевали. На следующий день мы отправились в Симферополь, где также пробыли день. Дорога и самый город очень интересны и красивы. Оттуда по железной дороге поехали в Харьков и Тулу, где я своротил на Ряжск и к себе в с. Песочню.

В этом году (1876) я не участвовал в заседаниях уездного земского собрания, ибо был в Крыму, но оно было кратковременно (продолжалось только пять дней) и ничего замечательного не сделало.

В декабрьском губернском земском собрании также ничего особенно интересного не произошло. Прения были и продолжительные, и жаркие, но они заключались в ожесточенных нападках на губернскую управу по поводу учительской семинарии и действий по взаимному страхованию. Эти нападки наконец вывели из терпения кн. Волконского и членов управы, и они все заявили, что слагают с себя занимаемые ими должности и просят избрать других на их места. К концу собрания все были до крайности возбуждены и утомлены, а потому положено было собраться чрезвычайно в январе и тогда произвести выборы и порешить некоторые оставшиеся дела. К счастью, съехавшиеся в январе гласные были спокойнее и разумнее; огромным большинством (38 против 9) высказали доверие к управе и просили председателя управы и ее членов остаться в их

должностях. Наконец они согласились, и это, хотя на время, упорядочило ход наших земских дел.

Зима 1876–1877 года прошла в Москве много оживленнее предшествующей. Известия с Балканского полуострова всех живо интересовали. Толки об отправляющихся туда добровольцах, действия московского Славянского комитета[10] и слухи о предстоявшей войне с Турциею волновали и общество, и печать. Еще никогда не было в России столько славянофилов, как тогда; одушевление в пользу славян росло и распространялось. "Голос"[11], высказывавшийся против войны и за мирные переговоры, возбуждал сильные против себя негодования, и даже я перестал его защищать и читал его с большим неудовольствием. Слова, сказанные государем в Кремле при возвратном его проезде из Ливадии в Петербург, всеми с восторгом повторялись. И.С. Аксаков имел в Москве большое значение. Весною объявлена была *война* Турции, и всеобщий восторг не имел границ; земства, города, частные лица, даже крестьянские общества жертвовали, каждый по своим средствам, более или менее значительные суммы на военные издержки, а также в пособие славянам или прямо, или чрез посредство Славянского комитета. Общее одушевление было таково, что оно напоминало 1812 год, когда для отражения вторгнувшегося в наши пределы врага вся Россия вооружилась и готова была идти для спасения отечества.

В начале лета и земства, и города созвали чрезвычайные собрания для назначения добровольных пожертвований на военные расходы. В Рязани в земском собрании было положено поднести государю императору сто тысяч рублей на этот предмет и выразить готовность и на дальнейшие пожертвования. Я туда не поехал, ибо не желал говорить против такого благого порыва, но не считал себя, т.е. губернское земство, вправе выходить из границ своих полномочий и жертвовать не свои, а общие деньги на расходы не местные, а общие, не земством утверждаемые.

Лето я провел спокойно в деревне, с жадностью читая газеты и еще занимаясь вместе с сыном хозяйственными делами. Известия из армии нас и радовали, и сильно тревожили.

Уездное земское очередное собрание было многочисленно и живо. Кроме обыкновенных земских хозяйственных дел, собрание очень ревностно занималось разными вопросами, возбужденными по предмету призрения больных и раненых воинов, и на это ассигновало 3500 руб., и по поводу назначения пособий женам и детям нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных на службу. Отчет членов училищного совета от земства возбудил также очень оживленные и весьма сочувственные прения, и увеличение суммы на пособия сельским школам было единогласно утверждено. Положено было также устроить в городе приют для сельских мальчиков, которые учатся в городском училище и не имеют возможности жить в городе у родных; для бедных на их содержание назначена была сумма от земства, а для достаточных установлена была годовая сумма ко взносу в приют. Собранием было утверждено несколько ходатайств к высшему правительству через губернское земское собрание по народному образованию и по другим предметам, и между прочим, по по-

воду состоявшегося указа, установившего сбор за бумагу по делам, производящимся у мировых судей. Как это узаконение состоялось по ходатайствам некоторых земств и как оно должно было составлять весьма незначительную денежную сумму и притом очень затруднять отчетность мировых судей и ложиться тяжким бременем на беднейших жителей, то собрание, по моему предложению, положило ходатайствовать о предоставлении, на усмотрение уездных земств, вводить у себя или нет этот сбор. Выборы должностных лиц на новое трехлетие произведены были вполне добропорядочно, и почти те же лица остались при своих должностях и званиях. По малому пребыванию моему тогда в уезде я хотел сложить с себя обязанности члена училищного совета, но должен был таковым остаться, ибо никого не оказалось, кто бы меня заменил.

Губернское земское собрание, открытое 1-го декабря, было и очень многочисленно, и чрезвычайно продолжительно. Оно было многочисленно, потому что в нем предстояли выборы вообще и к тому же выборы непременных членов в уездные по крестьянским делам присутствия, а на эти должности было чрезвычайно много охотников. Оно было продолжительно, потому что были два дела, в которых интересы партий были живо затронуты; из этих дел одно заняло почти шесть заседаний, а другое три; да и в прочих заседаниях не раз возвращались к этим делам. Одно из них было закрытие нашей земской учительской семинарии или подчинение ее требованиям Министерства народного просвещения. Гр. Толстой, тогда заведывавший этим министерством, объявил войну всем земским учительским семинариям и уже успел изуродовать или уничтожить некоторые из них. Тяжко доставалось и нашей семинарии, но губернская управа еще кое-как ее защищала и отстаивала. Графу Толстому хотелось все земские семинарии превратить в казенные; вследствие этого его агенты предъявили к управам требования невозможные. Наша управа очень искусно и настойчиво отражала нападение и директора первоначальных школ, и даже насылаемых ревизоров. Наконец гр. Толстой прислал формальное и категорическое требование – закрыть семинарию или принять его условия, которые заключались в том, чтобы земство давало деньги на ее содержание, но нисколько не вмешивалось в ведение в ней учебного дела и чтобы все учителя назначались попечителем учебного округа. Управа внесла это требование с своим докладом в собрание, где и завязались прения, которые велись с особенно страстностью. Гласные распались по этому делу на две почти равные части; прениям не было конца; баллотировок, и по большей части письменных, было очень много; решения постановлялись часто большинством одного или двух голосов, а потому нередко случалось, что они друг другу противоречили. Конечным результатом всех прений и баллотировок вышло то, что собрание положило семинарии не закрывать, но вместе с тем не изъявило согласия на условие Министерства народного просвещения, и избрана была комиссия для составления какого-то проекта устава для семинарии. Ни я, ни единомышленники со мною не захотели войти в состав этой комиссии. Другое дело также весьма важное было – представление первому департаменту Сената об отдаче под суд председе-

дателя Егорьевской управы за растрату земских денег. Этот председатель был никто иной, как прежний глава партии крепостников в собрании, предводитель дворянства Егорьевского уезда и председатель управы, соединявший с этим званием и обязанности ее казначея, – К.М. Афанасьев. Доклады губернской управы и комиссии, избранной по этому делу прошлогодним собранием, были очень длинны, и чтение заняло более одного заседания, а прения были еще продолжительнее; но решения собрания были недвусмысленны: значительным большинством шаров было положено представить Сенату о предании суду председателя Егорьевской управы. Кроме этих двух, было много других дел, и сверх того было поднято много разных вопросов и сделано немало предложений. Все это было решено разумно и толково. В заключение наших трудов приступлено было к самому любимому и для большинства самому интересному – к выборам. Кн. Волконский отказался от дальнейшей службы в должности председателя губернской управы: он неутомимо и с великою пользою для земского дела прослужил двенадцать лет, и последние годы особенного его утомила беспрестанная борьба с крепостниками. Затем явились два кандидата: один из самых деятельных крепостников Алеев и исправлявший должность губернского предводителя дворянства и председательствовавший в собрании г. Рюмин. Оба принадлежали к партии крепостников, первый по запискам получил 34, а последний только 20, а потому избрание Алеева казалось несомненным. По баллотировке Алеев получил 42 шара и уже начал принимать поздравления; а Рюмин, отчаявшись в избрании, уже отказывался от баллотировки; но мы, более всего опасавшиеся распорядков, которые первый заведет в управе, решились просить Рюмина баллотироваться. Вследствие этого Рюмин получил с лишком 50 шаров. Остальные выборы были в том же смысле, и почти все остались ими недовольны. Наконец, после 23 заседаний в 19 дней собрание было закрыто, и мы с радостью разъехались по домам.

В ноябре этого 1877 года *скончался* в Москве *Ф.В. Чижов*, человек очень умный и дельный. Долго мы с ним были в коротких приятельских отношениях; но после 1864 года, как было мною рассказано прежде, эти отношения совершенно изменились. Сперва мы было вовсе раззнакомились, но А.П. Елагина в день Пасхи 1868 года нас свела, и мы стали опять друг к другу ездить; но добрая приязнь между нами уже не восстановилась. Он написал свои “Записки”[12] и завещал отдать их на хранение в Московскую публичную библиотеку и не печатать их до истечения 50 лет после его смерти. Это распоряжение многим показалось довольно странным, но оно нисколько не удивило людей, коротко его знавших. Хотя Ф.В. Чижов был человек хороший и по своим дарованиям и трудолюбию весьма замечательный, и некоторые учреждения (Купеческий и Взаимного кредита банки, Ярославская железная дорога и др.) обязаны ему своим первоначальным устройством и ведением, однако он имел некоторые странные слабости; он был до крайности самолюбив, хвастлив, и даже солгать ему ничего не стоило. Случалось мне бывать вместе с ним при разных приключениях, и его о них рассказы бывали тако-

вы, что приходилось думать, что я или отсутствовал, или был в забытьи во время рассказанных им событий. Шибко боюсь, что записки Чижова сообщат потомству много небылиц и представят деяния как его, так и других в ином виде, чем как они происходили.

Зима в Москве была очень оживленная. Сперва слухи о Сан-Стефанских переговорах всех сильно интересовали, и толки о них были самые разнообразные. Иные москвичи были довольны получавшимися известиями и радовались, что дело идет хорошо и к миру. Другие крепко негодовали на то, что наши войска не взошли в Царьград и что не там подписывается мирный договор. Наконец получено было известие, что 19 февраля в Сан-Стефано подписан мирный трактат[13], но его условия долго оставались не положительно известными. Это умножало слухи и усиливало споры. Когда условия перестали быть тайною, хотя и не были формально объявлены, то разногласия в обществе и в печати не стихли, а, напротив того, стали высказываться еще с большею страстностью. Особенное негодование возбуждал "Голос", и его ругали с пеною у рта.

В это же время получено было известие *о кончине кн. В.А. Черкасского*, который состоял при вел. кн. Николае Николаевиче, командовавшем в Турции нашею действовавшею армиею. Кн. Черкасский скончался в самый день подписания Сан-Стефанского трактата. Не решаюсь судить об его тамошней деятельности, ибо рассказы о ней людей самых достоверных и добросовестных так разноречивы, даже противоречивы, что решительно нет возможности составить себе верное и положительное о ней заключение. Я знал кн. Черкасского более тридцати лет, был свидетелем его деятельности в Петербурге, Варшаве и Москве и находился с ним в весьма коротких отношениях, которые временно изменялись, но никогда не прерывались. Кончина его была для нас утратою не столько сердечною, сколько реальною, ибо он мог быть еще очень полезен для России, где дельных людей становилось как-то мало. Когда тело его привезли в Москву, то с грустью мы его похоронили в Даниловом монастыре.

Весною 1878 года я поехал в деревню и оттуда в июне возвратился в Москву, где все, кого я видел и каких бы мнений кто ни был, высказывали свое негодование по случаю изъявленного нашим правительством согласия на конференции в Берлине[14] и еще более по поводу слухов о том, что там происходило. И выбор представителями России одряхлевшего кн. Горчакова[15] и бывшего начальника 3-го отделения гр. Шувалова сильно тревожил людей, дороживших достоинством России и участью славян. И.С. Аксаков выразил эти чувства в довольно сильных словах в заседании Славянского комитета, бывшем в июне[16]. Речь свою И.С. Аксаков передал мне с просьбою ее напечатать за границею, что́ я охотно исполнил, ибо вполне ей сочувствовал[17]. Проездом из Москвы в Берлин заехал я к А.Д. Градовскому, который проводил лето под Вильною на своей даче. Я нашел А.Д. Градовского в таком же грустном настроении, в каком и мы все были. В Берлине я увидел немцев, ликовавших по поводу того, что в их городе и под председательством их канц-

лера[18] собирался конгресс и решались судьбы Европы. Восторг немцев был безумен и оскорбителен для иностранцев и особенно для русских. В бытность мою в Берлине 1/13 июля подписан знаменитый трактат. Лилась река пива, и немцы от радости чуть не плясали Unter den Linden*.

В Берлине я остался недолго; общее ликование было слишком тяжко для русского. Прочитавши там несколько русских брошюр и купивши несколько книг, я поспешил в Эмс. Там нашел много русских и особенно рад был опять съехаться с Лорис-Меликовым, тогда уже возведенным в графское достоинство. Много он мне рассказывал интересного о военных событиях за Кавказом, о взятии Карса[19] и пр. Мы ежедневно вместе обедали, много гуляли и по вечерам часто сходились. Еще более полюбил я этого человека. В Эмсе пробыл я три недели, пил воды, брал ванны и пуще всего много гулял.

Оттуда пароходом я поехал на Майнц и по железной дороге на Люцерн, где пробыл день и возобновил в памяти все, прежде там виденное. Как нервы мои были в очень дурном состоянии, то до поездки моей в Париж на выставку я решился провести несколько времени на Риги, где в 1866 году я так блаженствовал. Отправился туда на пароходе по озеру и потом по железной дороге на Риги. Эта дорога в гору изумительна и совершенно безопасна. Я поселился в Риги-Калтбаде, где славная гостиница и воздух не так остер, как на Риги-Кульме. Много тут гулял, посетил я не раз Риги-Кульм, Риги-Шейден, Риги-Фюрст и другие окрестности; везде виды прелестные; одним словом, наслаждался я вдоволь. Прожил тут две недели, но чувствовал мало успокоения в нервах. Особенно расстроило и огорчило меня полученное известие из Москвы о закрытии Славянского комитета и о высылке из Москвы И.С. Аксакова. Он избрал себе местом пребывания имение свояченицы Е.Ф. Тютчевой в Владимирской губернии[20]. Славянский комитет и еще более И.С. Аксаков были очень неприятны петербургским властям, и они воспользовались его речью, чтобы прихлопнуть первый и выпроводить последнего из Москвы. Это известие так сильно на меня подействовало, что я почувствовал себя неспособным продолжать писание книжки, которую я предполагал окончить еще за границею и напечатать в Берлине. Не в таком возбужденном и расстроенном положении можно написать что-либо разумное, а потому и отказался от мысли издать новую книжку.

С Риги-Калтбада я отправился в Люцерн, где с гр. Лорис-Меликовым мы опять съехались и свиделись. Очень приятно провели тут два дня, поделились известиями, из России полученными, и чувствами, ими в нас возбужденными. Оттуда я отправился через Берн и Уши́ в Женеву, которую по старой памяти я очень любил. Грустно и приятно мне было бродить по городу. Уже моей Женевы 1832 года почти и следов не осталось. Уже нет не только дома, в котором я тогда жил, но и улица уничтожена. Женева разрослась и вверх поднялась страшно, дома́ все 5, 6 и 7-этажные, берега, где были дачи, теперь вошли в состав города. Много настроено монументальных зданий, а улицы,

---

* Под липами (*нем.*).

тротуары, площади, сады – просто прелесть. Тут пробыл я с небольшим один день и поспешил в Париж.

Приехал я в Париж поутру до крайности усталый; французские железные дороги и их порядки бедовы: даже в первом классе битком набито; двери беспрестанно отворяются и затворяются; шум, крик и болтовня неумолчные. Во всю ночь я не мог заснуть ни на минуту. Остановился в "Grand hôtel du boulevard des Capucines"*, где мне дали хорошую комнату окошком на Grand Opéra. В первый день я на выставку не пошел, ибо чувствовал, что от усталости я не был способен воспринять то впечатление, которое она должна была на меня произвести. Бродил, купил Guide en poche** выставки, пообедал и поспешил лечь в постель. На другой день, воскресение, я отправился сперва в нашу церковь к обедне, где было много русских, и встретил даже знакомых, а оттуда поехал на выставку. Впечатление, ею на меня произведенное, было потрясающее: великолепные здания, огромное пространство, ими занимаемое, изумительное богатство и разнообразие выставленных предметов, и масса движущегося народа (по воскресениям от 120 до 170 тысяч, а по будням от 60 до 80 тысяч) – все это меня ошеломляло, и я ходил, смотрел, любовался, но ни в чем не отдавал себе отчета. Был в зале концертов, чтений и собраний, называемой Трокадеро. Там происходил концерт, в котором участвовало до тысячи музыкантов и было до десяти тысяч слушателей и зрителей. Проведши почти целый день на выставке, я был как опьяненный и с удовольствием оттуда уехал.

В следующие дни с помощью Guide'а я стал осматривать выставку в бóльшем порядке и с бóльшим смыслом. В три дня обхода я уже составил себе некоторое понятие о выставке вообще и затем обратился к обзору сельскохозяйственных машин и орудий. Эти обходы выставки меня очень утомляли; сперва я бывал на ней ежедневно, потом через день и наконец через два дня. Утомление увеличивалось главнейше оттого, что как в распределении предметов был страшный беспорядок, то приходилось много ходить, искать и недоумевать. Вскоре я убедился, что это – не настоящая выставка, а громаднейший пуф. Он был для Франции нужен, и потому французы расположили все части и предметы не систематически, а по государствам. Франция заняла половину всего выставочного пространства, и чего она тут не выставила! Кроме всевозможных предметов промышленности, кроме произведений изящных искусств, две огромные галереи были заняты всякими французскими древностями! Если бы машины и орудия, особенно сельскохозяйственные, стояли все вместе, то Англия и Америка совершенно подавили бы Францию, которой пришлось бы по этой части уступить преимущество даже Бельгии и почти Австрии (Германия вовсе не участвовала в выставке). Франция, устраивая выставку, не имела в виду действительную прямую от нее пользу; ей хотелось показать, что она и теперь прежняя Франция, т.е. пер-

* "Гранд-отеле на Бульваре капуцинов" (*фр.*).

** Карманный путеводитель (*фр.*).

венствующая держава в Европе. Каталог выставки заключался в весьма толстейших томах и при этом целая треть вещей не нашли в нем себе места. Награды за лучшие произведения не были объявлены до окончания выставки. Все это лишало возможности настоящим образом изучить хотя одну какую-либо часть, и посетители растерянные, отуманенные, озадаченные бродили на выставке, дивились, разводили руками, но из всего этого мало извлекали для себя настоящей пользы. Франции хотелось пыль пустить в глаза Европы, и это ей вполне удалось.

Роскошь и ложь в Париже – ужасные, просто невообразимые! Прежде я приписывал их преимущественно империи и Наполеону III-му; но тут я увидел, что и при республике Франция в этом отношении не попятилась, а еще значительно двинулась вперед. Взгляните на магазины, выставленные в них предметы, на кофейни, рестораны и прочее – во всем страшная роскошь, ослепительный блеск и обман! Очень забавным и характерным показался мне следующий бывший со мною случай: вижу я в одном магазине на выставке один очень красивый бювар с надписью: 10 франков, вхожу в магазин, требую этот бювар, но мне подают совершенно иной, повторяю мое требование, и мне отвечают: "Il n'est pas à vendre, monsieur; il est simplement pour l'exposition"*.

В Париже деньги как бы нипочем, и вместе с тем сколько людей без хлеба и перебиваются кое-как со дня на день! Какие великолепные фразы, широкие требования и обещания и какая необеспеченная действительность! Как не быть тут социалистам, коммунистам и анархистам? Как людям, нуждающимся во всем, спокойно, без зависти смотреть на десятки, сотни тысяч, даже миллионы франков, расточаемые богачами из тщеславия или в удовлетворение страстей самых гнусных? Как этим беднякам не принимать с увлечением самые нелепые учения, обещающие им довольство, и не решиться для их осуществления на самые дерзкие попытки? И не один Париж в этом положении, а вся Европа более или менее находится в той же беде. И России следует призадуматься, озаботиться и искать уврачевание от въедающегося в нее недуга не в ограничительных и карательных мерах, которые бессильны в отношении людей, не имеющих ничего терять и нисколько жизнью не дорожащих. Нет! не тут наше спасение.

В последние дни моего пребывания в Париже виделся я с Ригером, который был мрачен. Мы много беседовали; неудовольствие на Аксакова в нем не слабеет. Как католик он очень оскорблен тем, что Аксаков требует для славянства непременно православие.

Из Парижа через Кёльн поехал я в Берлин, где пробыл несколько дней, занимавшись преимущественно чтением разных русских брошюр. Почти все они в нигилистическом духе и крайне нелепы. Кабы можно было их разбирать и опровергать в России! Много было бы спасенных из нашей молодежи. Привоз тайный этих запрещенных плодов крайне вредно на нее действует.

---

* "Он не продается, месье; он только для выставки" (*фр.*).

Глава XVII. (1878–1880)

Земские дела 1878 г. – Зима 1877–1878. – Политические убийства и беспорядки в администрации. – Книжка “Что же теперь делать?”, изд⟨анная⟩ в Берлине. – Земские занятия. – Покушения на жизнь императора 19-го ноября под Москвою. – Взрыв в Зимнем дворце 5 февр⟨аля⟩. – Назначение Верховной комиссии. – 25-летие царствования Александра II. – Облегчение печати. – Совещания рязанского земства с министром нар⟨одного⟩ просв⟨ещения⟩ о народных школах. – Записка об этом министру. – Издание газеты “Земство”.

Из Берлина через Петербург возвратился я в Москву, а оттуда отправился немедленно в Песочню.

Наше очередное земское собрание 1878 года не представило ничего особенно замечательного: местные дела разрешены были вполне добропорядочно, и выборы участковых и почетных мировых судей произведены были к общему удовольствию.

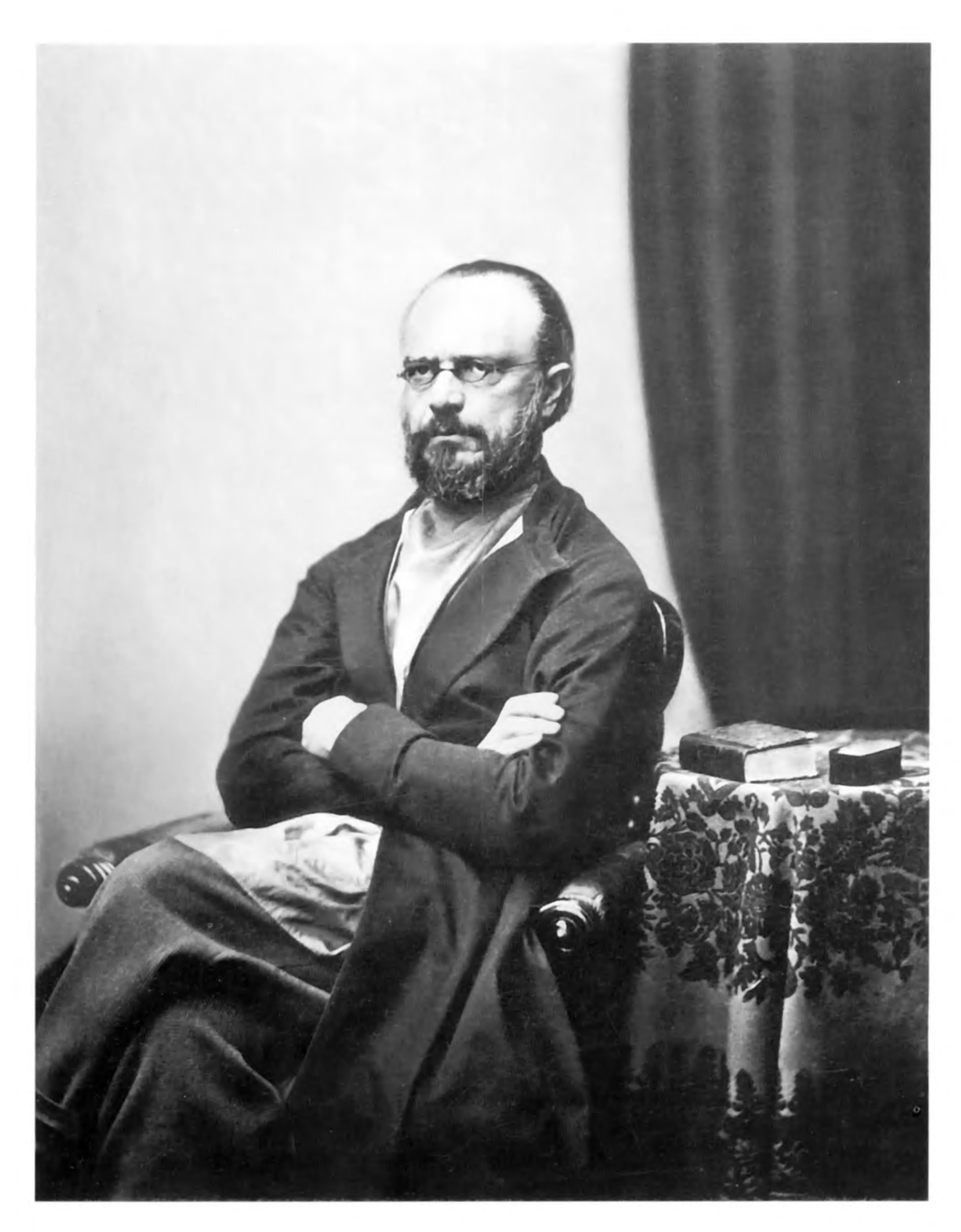
Наше губернское земское собрание было очень продолжительно (20 заседаний), болтливо и бурливо. По открытии его новый председатель, губернский предводитель дворянства Л.М. Муромцев сказал нам очень приличную речь с обещанием быть беспристрастным. Учительская семинария опять стала главным предметом прений и почти семь заседаний были ими заняты. Долго спорили о том, рассматривать ли проект устава этой семинарии, составленный избранною собранием комиссиею, решили рассматривать, приступили к этому, но внесенное предложение о передаче семинарии Министерству народного просвещения с домом и движимостью прервало это рассмотрение и вызвало иные, очень горячие прения. Решили сделать правительству в этом смысле предложение, но перепутались в условиях этой передачи. Таким образом, проект устава семинарии был устранен; но условия передачи были мало между собою согласованы и очень плохо выработаны. Другие дела, предложения и ходатайства были обсужены и решены добропорядочно; но вообще собрание не отличалось земским настроением. Крестьяне и купцы почти отсутствовали, и были в нем только дворяне, а потому собрание все более и более принимало характер дворянских собраний, дело отодвигалось на второй план, а личные выгоды или виды партии руководили деятелями. Грустно, но несомненно было, что наши губернские земские собрания в начале и даже в первые двенадцать лет своего существования являлись и действовали по большей части как учреждения всесословные, т.е. земские, и в них с интересом принимали участие и крестьяне, и купцы, и что теперь, т.е. с последних выборов, эти собрания превращались все более и более в сословные собрания, и дворяне вследствие этого переставали уже себя сдерживать и позволяли себе высказывать чисто дворянские понятия и требования.

Зиму провели мы в Москве и тяжко, и грустно. Рассказы людей, приезжавших из внутренности страны и из Петербурга, о происходивших везде беспорядках в ходе административных дел, об общем постепенном обеднении и об ухуд-

шающихся действиях земских, городских и судебных учреждений сильно нас тревожили и огорчали. Все более и более стесненная печать лишала возможности высказывать свободно и откровенно мысли и чувства и сообщать предположения насчет мер к уврачеванию удручающих нас недугов. Затеи нигилистов, их сборища, волнения, ими причиняемые, и разные их преступные покушения нас крайне озабочивали. Известия об убийстве кн. Кропоткина в Харькове, о покушении 2-го апреля на жизнь императора[1] всех страшно поразили. Установление временных генерал-губернаторств, объявление некоторых местностей на военном положении и усиление вообще власти местной администрации мало нас упокоивали и удовлетворяли. В феврале я ездил в Петербург, не по делам, а просто из любопытства; но оттуда привез я мало успокоительного. Нигде о беспорядках, происходивших в высших и средних сферах администрации, не пришлось мне наслушаться столько, сколько в Петербурге. Виделся я со многими сановниками и чиновниками, и они не воздерживались от рассказов о происходившем в других министерствах и в высших правительственных учреждениях; они не скрывали даже и того, чтó по необходимости они сами должны были допускать и у себя, и признавались, что не знают, чтó им делать. Несостоятельность высшего управления оказывалась еще большею и менее сомнительною, чем несостоятельность местной администрации. Очевидно было, что у лучших людей отпадали руки от дела и что не теряли бодрости и надежд только те администраторы, которые не имели в виду общее дело, а заботились только о своих личных интересах. Таких людей было, конечно, немало, но и они приличия ради вторили общим жалобам и сетованиям.

Не без внутренней, правда, эгоистической радости уехал я в деревню с намерением в первых числах июня отправиться за границу, где жена моя с дочерью и внучатами ради лечения уже находилась в Вене. Объехавши свои хозяйства, занявшись ими, сколько было необходимо, отбывши свои обязанности члена училищного совета по экзаменам в сельских школах и окрестивши новорожденную дочь моего сына, я отправился в Москву, а оттуда в Петербург. Тут кой с кем виделся и собрал кой-какие мне нужные сведения и отправился в Берлин.

Еще зимою я задумал написать *новую брошюру* по поводу тяжкого переживаемого нами времени и напечатать ее в Берлине. Во время моих переездов в вагонах я много об этом думал и в Москве и Петербурге старался из газет и разговоров почерпнуть необходимые по разным предметам данные и сообразить их с собственными сведениями и понятиями. В Берлине я занялся почти исключительно чтением разных русских вновь вышедших в свет книг, книжек и газет, запрещенных в России, также купил и взял с собою некоторые немецкие сочинения о современном положении и о социалистических движениях. Из Берлина через Дрезден, Прагу и Вену поспешил я на воды в Глейхенберг, где уже находилось мое семейство. Там пробывши несколько дней, мы отправились в Эмс, где и мне, и жене моей необходимо было пить воды и брать ванны. На сей раз в Эмсе никого особенно замечательного я не встретил и ничего важного не узнал: виделся и с соотечественниками, и с немцами; все были недовольны существующими порядками и жаловались неустанно; немцы особенно усердно и сильно ру-

А.И. Кошелёв. ИРЛИ

Ю.Ф. Самарин. ИРЛИ

И.В. Киреевский. Эскиз портрета работы Э.А. Дмитриева-Мамонова. Карандаш. ИРЛИ

И.С. Аксаков. ИРЛИ

А.С. Хомяков в мурмолке. Бумага. Карандаш. ИРЛИ

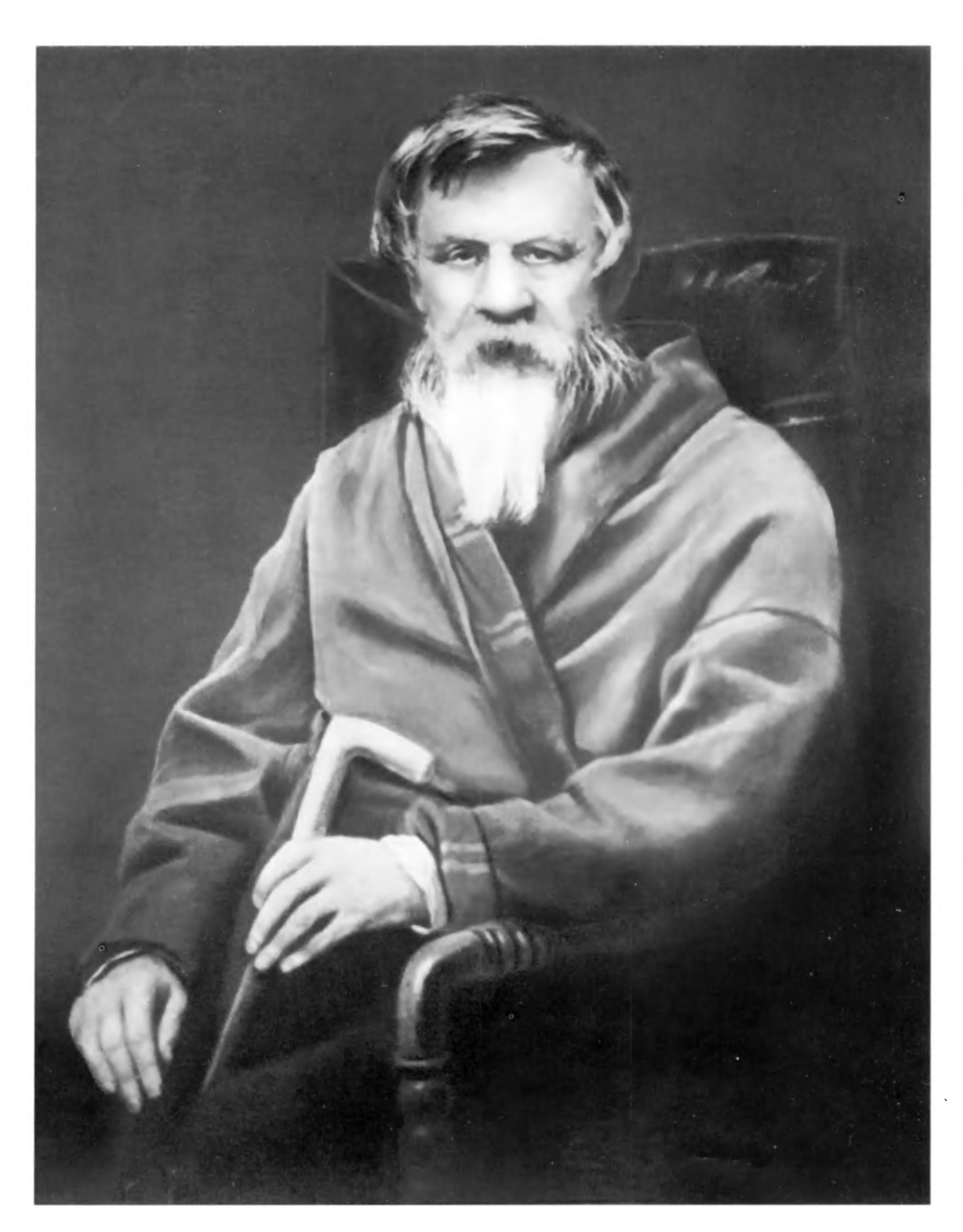
А.С. Хомяков в мурмолке. Бумага. Карандаш. ИРЛИ

О.Ф. Кошелёва. Варшава. 1860-е годы. РГАЛИ

М.Т. Лорис-Меликов. РГАЛИ

М.П. Погодин. РГАЛИ

гали Бисмарка, но во всем подчинялись его железной воле. Из Эмса по Рейну поехали мы в Шевенинг (подле Гааги) на морские купания, где я брал ванны из морской воды и вдоволь дышал морским воздухом. Тут пробыл я три недели и оттуда заехал в Остенде, который я всегда любил и где остался с неделю.

В Эмсе и Шевенинге я усердно писал и исправлял предполагавшуюся к напечатанию в Берлине книжку и 6 августа отправил ее в рукописи к книгопродавцу Беру, издателю моих заграничных произведений, и обещал вскоре быть в Берлине для исправления корректур. Я озаглавил свою книжку так: “Что же теперь делать?”[2]. Главный смысл ее высказан был в заключении, которым она заканчивалась: “Да! Положение наше более чем трудно. Тревожит нас нигилизм; но эта язва поразила тело России только извне и только вследствие других недугов, которыми мы действительно страдаем. Обеспечьте наш частный быт; – осуществите местное самоуправление согласно первоначальной мысли, его нам даровавшей; – дайте земле русской возможность через людей, ею излюбленных, высказывать общественное мнение о пользах и нуждах страны и участвовать в устройстве и ведении ее общих дел; – предоставьте русским людям то право, которым пользуются граждане всего образованного мира, – право свободно и за своею ответственностью высказывать свои мнения и чувства; и не станет у нас нигилизма и, чтó еще важнее, – не станет и других недугов, как томящих, обессиливающих и убивающих”. – И эту книжку, как и предыдущие, я издал с прописью своего имени и с отсылкою одного ее экземпляра при всеподданнейшем письме к государю императору. И эта книжка, разумеется, была в России цензурою запрещена.

Из Берлина отправился я через Вильну и Смоленск в Москву, где пробыл очень короткое время и поспешил в деревню. Очередное наше уездное земское собрание было весьма дельно: мы занимались местными делами усердно и разумно; народное здравие, дороги, мосты и гати, сельские школы и пр., словом, все было обсужено неспешно и добросовестно, и по всем докладам постановили решения. На школы увеличили ассигновки и положили повторить наше ходатайство о разрешении земству иметь своего инспектора или ревизора для сельских школ.

Наше губернское земское собрание хотя было не так бурно и продолжительно, как предыдущее, однако виды и интересы партий сильно его волновали и затягивали прения. Александровская учительская семинария была предметом обсуждения только в двух заседаниях, но зато мукá, поставленная в больницу и другие заведения и оказавшаяся худокачественною, вызвала жестокие и многословные обвинения. Эти прения окончились тем, что все члены управы заявили, что слагают с себя эти звания. Другие местные дела были разрешены как следует, но предложения о ходатайствах пред высшим правительством о том, чтобы лица, за которыми имеются недоимки по земским сборам, не могли быть гласными, и о том, чтобы выборы гласных от крестьян производились по волостям и непременно из среды крестьян, потерпели полное крушение. В последнее заседание произведены были выборы председателя и членов управы на остальное до трехлетия время, т.е. на 1 год. По краткости времени службы выборы были очень затруднительны: почти никто не желал баллотироваться. Упросили одних, согласились на других, и управа была устроена. Я радовался тому, что в

председатели попал А.В. Алянчиков, человек молодой, умный, либеральный, и хотя из купцов, но любящий земское дело. Наконец собрание было закрыто, и все гласные разъехались более или менее недовольные его результатами.

Приехавши в Москву еще в октябре, я нашел, что летние ваканции и пребывание в деревне никого не успокоили и не оживляли. В Москве была та же духота и то же невольное бездействие; везде и всеми повторялись те же жалобы и сетования; только так называемые нигилисты-анархисты от времени до времени пробуждали спавших и дремавших своими дерзкими и преступными выходками. Злодейское покушение 19 ноября на жизнь государя императора посредством подкопа близ Москвы под Московско-Курскую железную дорогу[3] и счастливое спасение государя от этой опасности поразили в Москве все население: и радовались, и печалились, и недоумевали; страхи и заботы охватили всех. Едва начинали было успокоиваться, как пришло из Петербурга еще более ужасное известие о взрыве в Зимнем дворце[4]. Это случилось 5 февраля, и на следующий же день слухи об этом наполнили Москву изумлением. Сперва им не верили, да и как было верить покушению, произведенному в самом дворце, – на его взрыв! Наконец получены были об этом происшествии официальные известия. Вскоре затем пришел и указ об учреждении под главным начальством графа Лорис-Меликова Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка[5] и общественного спокойствия. Графу Лорис-Меликову были даны огромные права, и назначением этой комиссии было "положить предел беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок". Этот указ и в особенности возложение на гр. Лорис-Меликова этой великой и трудной задачи произвели во всей России отрадное действие, ибо этот человек сумел приобрести общую любовь и доверие не только как полководец, но еще более как мудрый распорядитель на Волге против распространившейся и свирепствовавшей чумы в Ветлянке[6]. Выбор людей в комиссию и прокламация, изданная гр. Лорис-Меликовым, несколько успокоили и оживили общественное мнение. Особенно всем нравились в изданной прокламации следующие слова: "На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать власти в возобновлении правильного течения государственной жизни, от перерыва которой наиболее страдают интересы самого общества".

19-го февраля было везде торжественно, но грустно отпраздновано двадцатипятилетие царствования императора. Народ и значительная часть интеллигенции любили государя, были ему благодарны за освобождение крепостных людей и другие его реформы, но вместе с тем все чувствовали, что дела шли не так, как следовало, и все были более или менее недовольны. Надежды, возлагавшиеся на Верховную комиссию и особенно на ее начальника, животворно действовали на население и на общественное мнение страны; но все чего-то ждали и еще более опасались.

Известия о покушении в Петербурге на жизнь гр. Лорис-Меликова и о казни виновного[7], сведения о политических процессах в Киеве и других городах и о разных арестах, обысках и дознаниях, произведенных во многих местностях империи, страшно тревожили и волновали общество. В Москве при встречах первые слова

непременно были: "Чтó нового?" – 10-го марта я поехал в Петербург и из любопытства, и из желания видеться с гр. Лорис-Меликовым. Я нашел его бодрым, чрезвычайно занятым, спокойно мыслящим и действующим и вовсе не отчаивавшимся в успешном исполнении возложенной на него задачи. Я пробыл неделю в Петербурге, виделся с ним почти ежедневно, но все урывками, ибо у него с утра до поздней ночи постоянно бывало по нескольку лиц с докладами. В этот раз, хотя я не имел с гр. Лорис-Меликовым продолжительных и серьезных разговоров, но мог удостовериться только в том, что он пребывал в тех же убеждениях, в каких прежде был, и что главные надежды он возлагал не на ограничительные и карательные меры, а на сближение власти с населением, на непосредственное узнание от него общих нужд, и на его содействие усилиям правительства. "Не торопите нас, не будьте слишком взыскательны; дайте нам время осмотреться, и тогда без вашего совета и содействия мы не обойдемся", – вот слова, которые гр. Лорис-Меликов неоднократно высказывал и мне, и другим. Приятно мне было еще более убедиться в том, что он тверд без самонадеянности и вовсе не боится сознаваться в своем неведении того или другого, просить совета и с большим вниманием его выслушивать. Как он не похож был на петербургских сановников! Петербург был еще в страхе и недоумении, и вследствие того все партии приутихли. Я уехал из Петербурга с некоторыми надеждами на улучшение хода дел вообще, чувство, которого я давно не испытывал при отъездах с берегов Невы.

Вскоре затем последовавшее назначение рязанского губернатора Н.С. Абазы начальником Главного управления по делам печати и незамедлившееся увольнение гр. Толстого от должностей министра народного просвещения и обер-прокурора Св⟨ятейшего⟩ синода очень обрадовало и успокоило общественное мнение. Еще бывши в Петербурге, я уже знал, что Н.С. Абаза не принимал предложенной ему должности иначе, как под условием учреждения комиссии для пересмотра положения по делам печати с введением в него взысканий *по суду* за проступки по этой части[8]. Слухи об этом быстро распространились и в обществе, и в печати; а потому вступление г. Абазы в должность было приветствовано с особенною радостью и с надеждами. Что же касается до случившегося накануне Пасхи увольнения гр. Толстого, то оно было принято чуть-чуть не всеми как лучшее красное яичко, каким государь мог похристосоваться с Россиею. Ненависть к этому министру была всеобщая; отцы и матери учившейся молодежи, узнавши об этой отставке, служили благодарственные молебны за спасение их детей от погибели. Конечно, еще никто и никогда введенными порядками в гимназии и университеты столько не содействовал успехам крамолы, как гр. Толстой. Безжизненность и формалистика его классической системы[9] притупляли юношей, заставляли их выходить из учебных заведений недоучками и устремляли их в ряды нигилистов-анархистов. Назначение г. Сабурова, попечителя Дерптского учебного округа, министром народного просвещения не обрадовало и не опечалило страны, ибо его вообще мало знали, и слухи о его способностях были различны.

Лето провел я в деревне, но в июле по делам был в Москве; и тут однажды вечером в беседе с В.Ю. Скалоном возникла у нас мысль издавать еженедельную земскую газету. Оба мы были уверены в добром расположении гр. Лорис-

Меликова к земству вообще, оба веровали в великое значение земства для России и признавали необходимость для него сосредоточенного органа. Хотя мы ничего не порешили, однако эта мысль сильно засела в наши головы.

В конце августа я получил от нового рязанского губернатора С.С. Зыбина приглашение приехать в Рязань для совещаний по первоначальным школам с министром народного просвещения, имевшим туда прибыть к 11-му сентября. Очень охотно я отправился в Рязань, познакомился у губернатора с г. Сабуровым, за обедом и после обеда много толковали, а вечером происходило совещание. В нем участвовало человек под двадцать как из губернских гласных, так и из служащих по инспекции сельских школ. Министр открыл заседание довольно длинною речью, в которой он высказал более свои мнения, чем желание узнать наши потребности. Всего более он настаивал на том, что надо воздержаться от всякой ломки и изменения законов и что можно и при существующих постановлениях вести хорошо дело народного образования. Я ему возражал и доказывал необходимость пересмотра положения 1874 года о первоначальных училищах и что без этого пересмотра и изменения положения в весьма важных частях ничего существенного сделать нельзя. Я указал семь главных пунктов, требовавших коренного изменения и имевших возвратить земству ведение школ и оставить казенной инспекции только надзор, и доказывал, что без этого школьное дело успешно идти не может и останется в зависимости от произвола гг. директора и инспекторов и, следовательно, в недостаточном, не живом заведывании земства. В заключение я позволил себе выразить довольно резко, что излишне нас учить, как обходить закон, что по этой части мы профессора и что, напротив того, необходимо нас поставить на законную почву и на ней утверждать. Многие гласные поддерживали и еще более развивали мое мнение; министр очень любезно отнесся к нашим заявлениям, просил меня изложить письменно, если можно, мое мнение и обещал принять во внимание и соображение указанные нами нужды. Обстоятельную записку по этому предмету я представил ему в Москве, где опять я с ним виделся и много беседовал. Вообще он произвел на нас доброе впечатление. На следующий за совещанием день, вечером мы собрались у г. Офросимова и условились каждый в своем уезде в предстоявших очередных земских собраниях возбудить ходатайство о пересмотре положения 1874 года о первоначальных училищах.

С В.Ю. Скалоном мы переписывались по поводу мысли, нас обоих сильно занимавшей, об издании еженедельной земской газеты. В начале сентября он приехал ко мне в деревню, и тут мы окончательно все порешили. В.Ю. Скалону приходилось ехать в Петербург для испрошения разрешения на это издание; и я дал ему письмо к Н.С. Абазе и другим моим петербургским приятелям. Главные, нами одобренные условия заключались в следующем: во многом мы были единомысленны, и оба искренно и крепко дорожили земским делом, но кой в чем, и особенно в отношении к всесословной волости[10], мы были разных мнений, а потому уговорились беспрепятственно высказывать наши убеждения, но за каждым из нас оставить право возражать не в том же, а в следующих номерах газеты. Я обещал ссужать редакции нужные на издание деньги, издателем и редактором имел быть В.Ю. Скалон и, следовательно, нести ответственность за

газету вообще, а я ответственным был только за мои статьи, которые должны печататься за моею подписью.

В числе побудительных причин к издаванию собственной газеты было для меня следующее обстоятельство: И.С. Аксаков также предполагал издавать еженедельную газету[11] и даже приглашал меня быть его сотрудником. В последние годы, хотя мы оставались в самых приятельских отношениях, однако в мнениях, даже существенных, мы значительно разошлись: он упрекал меня в отступничестве от славянофильства и в том, что я поддался влиянию моих приятелей-либералов; я же обвинял его в утрате того животворного духа, которым особенно отличался и был так велик Хомяков, и в упорном удержании некоторых особенностей и случайностей славянофильства, которые в свое время имели смысл, но ныне вполне его утратили. В обществе и литературе продолжали нас обоих считать единомышленниками-славянофилами; и это было мне очень неприятно, ибо я был глубоко убежден, что пора так называемых славянофильства и западничества безвозвратно миновала, что теперь русские не единицами, а вообще расположены к своим единоплеменникам и что теперь все разумные наши соотечественники более или менее глубоко сознают необходимость изучать свое, развивать его и им проникаться, но вместе с тем отнюдь не чуждаться того, что выработано народами, предупредившими нас на поприще общечеловеческого быта и образования. Прежде споры с И.С. Аксаковым бывали у нас частые и продолжительные; казалось, что мы приходили даже к соглашениям, но затем писались им статьи и высказывались мнения, которые отзывались каким-то отжившим славянофильством. Его статьи и речи были талантливы, но грешили недостатком единства, основательности и выработки. Мне особенно неприятны были выходки Аксакова против либералов, против правового порядка, земских учреждений, новых судов и пр. Этим он становился явно против нас, сторонников предпринятых реформ, и как бы под знамя Каткова, который всегда был противником мнений, высказывавшихся в "Русской беседе", и которого мы никогда не считали правомыслящим, добросовестным и полезным деятелем. Ни Хомяков, ни кто-либо из нас никогда не высказывался против либерализма, либералов и всего того, чем ограждаются личные и имущественные права людей; мы даже упрекали западников в недостатке либерализма, ибо они навязывали народу учреждения, постановления и мнения, которым он нисколько не сочувствовал. Прибавка "лже" к слову "либерал" нисколько не изменяла смысла нападок, а показывала только самомнение человека, употреблявшего это слово: он считал только себя здравомыслящим либералом, а остальной люд – глупцами или мошенниками. – Молчать при наступивших обстоятельствах было для меня трудно, почти невозможно, помещать же мои статьи кой-где и в изданиях, мне несочувственных, было неприятно и ничем не вынужденно, а участвование в газете И.С. Аксакова могло повести к полному с ним разрыву, чего я вовсе не желал. Это обстоятельство особенно побудило меня сойтись с В.Ю. Скалоном и деятельно участвовать в его газете. Газета под заглавием "Земство" была разрешена: ее издатель остался весьма доволен приемами в Петербурге со стороны лиц, во власти состоявших, и мы положили с первых чисел декабря начать выпуски номеров нашего издания[12].

Глава XVIII. (1881–1882)

Эпоха добрых веяний. – Зима 1880–1881 г. – Статьи для газеты "Земство". –Циркуляр министра внутр⟨енних⟩ дел. – Рязанское земство. – Встреча с гр. Лорис-Меликовым за границею. – Брошюра "Где мы? куда и как идти?" – Указ 30-го мая 1882 г. о назначении гр. Д.А. Толстого министром внутр⟨енних⟩ дел и общественное настроение поэтому. – Дача в с. Волынском. – Брошюра "Что же теперь?" – Статья в "Голосе" "Наша великая беда". – Губернское земское собрание в Рязани и "Сборник статистических сведений по Рязанской губернии". – Эгоисты и анархисты.

Сапожковское земское собрание в сентябре прошло очень благополучно: добрые "веяния" из Петербурга оказали благие действия и в нашем уголке. Разные ходатайства пред высшим правительством – о пересмотре положения, о первоначальных училищах, об изменениях в устройстве и делопроизводстве волостных судов и пр. – были одобрены единогласно. Прения вообще были оживленные, но благодушные и не имели характера состязаний враждебных партий. Отчет членов училищного совета был выслушан со вниманием и сочувствием, и вновь исправившаяся прибавка к ассигновке суммы на школы была единогласно разрешена. Выборы должностных лиц на новое трехлетние были произведены все без всяких приключений.

Закрытие Верховной распорядительной комиссии, упразднение III отделения собственной канцелярии[1], передача дел, в них производившихся, в Министерство внутренних дел и назначение во главу этого министерства гр. Лорис-Меликова произвели в Москве и во внутренности империи самое радостное и успокоительное действие. Это совершилось 6-го августа. Такое скорое и неожиданное возвращение к обычному законному ходу дел всех поразило, ибо привыкли к тому, что у нас долговечно лишь временное, чрезвычайное, и никто не полагал, что лица, облеченные сверхзаконными полномочиями, так скоро их с себя сложат и поспешат стать на почву закона. Это оживило и значительно успокоило страну. Хорошо помню, как вдруг изменилось общее настроение и как усилились общие надежды на лучшее будущее и чувства благодарности государю и исполнителям его воли за возврат к прежде предпринятым благим реформам.

Порадовались также земцы состоявшейся 23 августа отмене указа 1879 года, в силу которого губернаторы имели право не утверждать в должности и даже требовать увольнения от службы, без всякого объяснения причин, лиц, служащих по выборам в земском и городском самоуправлении. Высочайшее повеление о производстве ревизии сенаторами в нескольких губерниях, особенно выдававшихся административными беспорядками, произвело равным образом на умы весьма хорошее впечатление. Такое же действие имели слова, сказанные в высочайшем рескрипте от 30 августа на имя гр. Лорис-Меликова: "Вы достигли таких успешных результатов, что оказалось возможным если не вовсе отменить, то значительно смягчить действие принятых чрезвычайных мер; и ныне Россия может *вновь спокойно вступить на путь мирного развития*".

Слухи и газетные известия о беседе министра внутренних дел с редакторами петербургской повременной печати распространились по России быстро и везде возбудили надежды и оживление. Долго общество и остальное население страдали от перерыва по проведению в исполнение начатых реформ и даже от попятного от них движения, что́ особенно было тяжко после первого оживленного десятилетия царствования. Программа администрации, сообщенная гр. Лорис-Меликовым, была также благонамеренна, как и благоразумна[2]: она обещала то, в чем все нуждались и чего все желали, – развитие дарованных прав и учреждений. Она не понравилась только крепостникам, но и те в себе затаили свое неудовольствие. Вскоре затем учрежденная под председательством П.А. Валуева комиссия для пересмотра законоположений и временных правил о печати[3] возбудила надежды на обеспечение ей некоторой самостоятельности и ответственности не по произволу администрации, а по суду.

Возвратившись из деревни в Москву, я поспешил отправиться в Петербург, где мне очень хотелось видеть гр. Лорис-Меликова и побеседовать с ним о предполагаемых им дальнейших действиях по управлению. От него узнал я много интересного. На созвание Земской думы он никак не надеялся получить соизволение государя; но он имел в виду собрать общую, довольно многочисленную комиссию из выборных от земств, а где таковые еще не образованы, из лиц, приглашенных правительством. Неоднократно мы об этом толковали, и если не во всем соглашались, то, по крайней мере, я вынес из этих разговоров убеждение, что министр внутренних дел расположен все возможное сделать для оживления и утверждения земских учреждений. Виделся и много толковал о наших финансовых делах с вновь назначенным министром финансов А.А. Абазою и с его товарищем Н.Х. Бунге. Оба они были старые мои знакомые, а потому наши беседы были живы и интересны. Их тогда очень занимал соляной налог, которого отмена от них требовалась. Я виделся в Петербурге и со многими другими во власти состоящими людьми, и все казались мне как бы перерожденными и иными, чем какими были прежние сановники. Давно, очень давно я не выезжал из Петербурга с такими хорошими воспоминаниями и надеждами.

Наше декабрьское очередное губернское земское собрание было странно и безалаберно: одни слишком много ожидали от новых веяний, другие слишком их опасались, а третьи, не разделяя надежд первых, ни страхов последних, думали только о том, как бы вернее себе обеспечить большинство голосов при баллотировках в непременные члены уездных по крестьянским делам присутствий. Толковали в заседаниях очень много и обо многих весьма важных делах: и о пересмотре положения о первоначальных училищах, и об Александровской семинарии, и о мелком поземельном кредите для землевладельцев, и о разных финансовых делах и порядках, и о дорожных сооружениях, и о лучшем устройстве медицины в уездах, и о пьянстве, и о призрении нищих, и еще обо многих важных земских предметах. Решения большинства были часто весьма странные и даже одно другому противоречащие: очевидно было, что ни одно из направлений не преобладало, крепостники напрягали свои последние усилия для удержания существующих беспорядков, а либералы распадались на умеренных и край-

них преобразователей. Заседаний было много (23), прениям не предвиделось и конца, а предложения с каждым днем умножались. Наконец положено было иметь в феврале или марте чрезвычайное собрание для рассмотрения остальных необсужденных докладов и приступили к выборам. Съехавшихся гласных было так много, как никогда: из 88 гласных по положению присутствовало 82. Выборы дали результаты неожиданные; избирались большею частью люди порядочные и либеральные; и крепостники страшно бесились. Наконец утомленные гласные на 21 день собрания разъехались по домам.

Зима 1880–1881 года была в Москве довольно оживлена. Мы, т.е. я и Скалон, писали много статей для "Земства" по преобразованию и улучшению земских учреждений, и много таких же статей нам доставляли и пересылали. И.С. Аксаков с немногими своими единомышленниками проповедовал в своей "Руси" какой-то странный возврат к самобытности, позволял себе самые резкие выходки против либералов, против правового порядка и пр. и ограничивался общими фразами насчет предлагавшихся им преобразований. Мы с ним не полемизировали, но явно расходились в наших стремлениях. С.А. Юрьев издавал, при денежных пособиях г. Лаврова, человека благонамеренного, искренно любившего просвещение, но недостаточно развитого, ежемесячный журнал "Русскую мысль"[4]. В нем помещались очень хорошие статьи; но это издание не имело, однако, решительного направления – оно выражало и настоящий русский дух и вместе с тем оглашалось (и нередко) беллетристикою в чисто западном направлении. Юрьев оставался верен своим убеждениям, но из уважения к г. Лаврову нередко помещал статьи, которым не мог сочувствовать. Вечера у нас по вторникам и у разных приятелей по другим дням были живы и интересны, чувствовалось что-то животворившее и обещавшее водворить нас на почву производительную. Вдруг 1-го марта вечером прошел слух, а второго утром получено было и положительное известие об ужасной кончине императора[5].

Это известие всех страшно поразило, огорчило, ошеломило. Подробности о совершенном злодеянии исполнили всех ужасом. Во всех слоях народа грусть, страх и изумление овладели людьми. Где и чего тогда не говорили. По селам стали распространять слухи о том, что дворяне убили царя за лишение их крепостных людей. В городах пугали смутами по деревням. Даже в войсках не было совершенно спокойно. Рассказы о беспорядках против евреев в Елизаветграде, Киеве и других южных городах усиливали общее беспокойство. Целые два месяца Россия была в каком-то странном смущении и оцепенении; не только руки отпадали от всякого дела, но даже ум и чувства как будто омертвели. Покойного государя любили, обожали освобожденные крестьяне и бывшие дворовые люди, но душевно были к нему расположены и преданы в обществе все лично его знавшие и те, которые много слышали о его сердечной доброте, о его всегдашнем расположении ко всякому доброму делу. Едва ли кто из русских самодержцев был вообще так любим, как Александр II. Всякий русский с чувством от души говорил: "Вечная тебе память!"

23 Августа 1881.
([illegible])

Письмо Ваше, дражайшій
Иванъ Сергѣевичъ, меня утѣшило
и успокоило. Я боялся Вашего
гнѣва и еще болѣе вашего равно-
душнаго отношенія ко мнѣ.
Вижу, что вы питаете ко мнѣ
тѣ-же чувства, какія я питаю
къ Вамъ: дружбы, уваженія и
сочувствія. Мы теперь расходимся,
и даже очень, во многихъ
мнѣніяхъ, и даже въ способахъ
дѣйствія. Сожалѣю объ этомъ
душевно, но не теряю надеж-
ды что мы узнаемъ наше
понятіе и опять сойдемся.
Въ основныхъ началахъ мы
единомышленники; но, въ прак-
тическихъ примѣненіяхъ и
пріемахъ, мы, въ прошедшемъ,
на противуположныхъ полюсахъ.
Вы, несправедливо къ Юрьеву

Страница письма А.И. Кошелёва И.С. Аксакову
от 23 августа 1881 г.

10-го марта собралось в Рязани наше чрезвычайное губернское земское собрание, но никто не был в состоянии заниматься делами. Мы отслужили панихиду, составили и подписали адрес вновь вступившему на престол императору[6] и выбрали комиссию для составления проекта ответа на циркуляр министра внутренних дел от декабря, разосланный к губернаторам только в конце января, а земскому собранию сообщенный 10 марта. Как этот циркуляр весьма важен сам по себе и особенно замечателен тем, что разослан и встречен был при одних и окончательно обсуждался при совершенно иных обстоятельствах, то считаю нужным остановиться на этом документе и событии.

Министр внутренних дел гр. Лорис-Меликов разослал к губернаторам циркуляр, которым он поручил им предложить земским собраниям, уездным и губернским, а равно присутствиям по крестьянским делам высказать свое мнение по некоторым обстоятельно изложенным вопросам, возникших в разных губерниях, относительно преобразования учреждений по крестьянским делам и крестьянского самоуправления. В заключении этого циркуляра было сказано: "Могут быть представлены соображения и о других мерах по устройству местных по крестьянским делам учреждений, которые земства или присутствия сочтут полезными для дела".

Эти последние слова и возбудили в комиссиях и земских собраниях самые ожесточенные и самые продолжительные прения. Крепостники надеялись устроить дело так, чтобы дворянский надзор следил всюду за крестьянским самоуправлением и чтобы гг. землевладельцы всегда являлись решителями судеб темной массы населений; некоторые же либералы, особенно крайние из них, желали воспользоваться этим случаем, чтобы привести свою любимую мысль о мелкой земской единице, т.е. о всесословной волости или округе. В нашей Рязанской комиссии оказалось значительное большинство в пользу последнего мнения. Хотя я не был крепостником, однако я не был и за всесословную волость, которую считал и теперь считаю совершенно невозможною и нежелательною. Этот вопрос возбудил в комиссии самые жаркие и очень продолжительные прения. Когда наконец он был решен, и я оказался в меньшинстве, тогда я просил уволить меня от председательства, ибо боялся не быть беспристрастным и не умел вести как следует обсуждение дела, не согласного с моими убеждениями; но все единогласно и убедительно просили меня остаться председателем, и я вынужден был подчиниться желанию комиссии. К тому же некоторые члены вызывались написать доклад и исполнить все письменные обязанности. Затем обсуждались разные вопросы по устройству всесословной волости; и между ее сторонниками оказались страшные разномыслия и даже совершенно противоположные об ней мнения. Если бы я был прежде и за всесословную волость, то бывших в комиссии прений достаточно было бы убедить меня в совершенной ее неосуществимости. После шести весьма продолжительных и очень оживленных заседаний большинство окончило свой труд; я объявил, что подам особое мнение с изложением своего проекта; и положили мы для выслушания всего этого собраться 1-го мая. В назначенный день мы собрались; доклад ко-

миссии был большинством одобрен; я прочел свое отдельное мнение, основанное на нескольких статьях, напечатанных мною в "Земстве"*, и мы разъехались под тяжким впечатлением, произведенным на нас известием о выходе в отставку графа Лорис-Меликова.

Собрались мы 10-го мая; доклад комиссии был напечатан и роздан гласным; и мое особое мнение с брошюрами из "Земства" также было им роздано. Для лучшего с ними ознакомления положено сперва рассмотреть и решить дела, оставшиеся от очередного собрания, и уже затем приступить к обсуждению доклада комиссии и моего особого мнения по циркуляру министра внутренних дел. Много докладов было утверждено без всяких прений; доклады по Александровской земской семинарии, по пересмотру положения 1874 года о первоначальных школах, даже о выдаче земледельцам ссуд на покупку земли не вызвали особенно горячих и продолжительных прений; все сдерживались и берегли себя для поражения противников при обсуждении доклада комиссии и моего особого мнения по переустройству крестьянских учреждений. Когда наконец дорвались до этого лакомого куска, тогда собрание видимо оживилось. Первым вопросом было постановлено: признает ли собрание удовлетворительными и подлежащими частным преобразованиям существующие присутствия по крестьянским делам? Этот вопрос был решен скоро и почти единогласно в отрицательном смысле. Но затем предложение кн. Волконского и общей комиссии об образовании мелкой земской единицы или всесословной волости возбудил самые ожесточенные прения. Но как предмет этот был уже многократно обсужден прежде, то оказалось возможным в то же заседание поставить его на баллотировку. Результатом письменной баллотировки оказалось отклонение этого предложения 26 голосами против 16. Этим решением был устранен весь доклад комиссии и положено приступить на следующий день к обсуждению моего особого мнения. Первый пункт моего предложения был принят большинством голосов почти без прений, но второй вызвал самые горячие споры – возражениям не было конца. Тогда один гласный очень ловко предложил отсрочить до очередного собрания дальнейшее обсуждение этого дела и избрать комиссию для составления ответов на частные вопросы по преобразованию упомянутых присутствий, ибо ни доклад общей комиссии, ни мое особое мнение таких ответов не предлагали. Почти все гласные с радостью ухватились за это предложение. Прения прекратились, приступили к избранию комиссии; и как я и многие другие гласные отказались быть ее членами, то выбрали пять членов из лиц, не сочувствовавших ни докладу комиссии, ни моему мнению. Затем пригласили губернатора, и собрание было закрыто.

В деревне остался я недолго и поспешил за границу, где находились жена и дочь с детьми. В Москве пробыл только один день и в Берлине тоже, и 29 мая я был уже в Париже. Эта республиканская столица на сей раз не произвела на ме-

---

* "О преобразовании уездных присутствий по крестьянским делам". № 6 "Земства"; "О сословиях и состояниях в России". № 21 "Земства"; "О мелкой земской единице". № 22 "Земства"; "О крестьянском самоуправлении и присутствиях по крестьянским делам". № 23 "Земства".

ня никакого особенного впечатления; но еще более утвердился в мнении, что республика тут не восвояси, а пребывает гостьею. Нет! с такою роскошью и безнравственностью эта форма управления как-то не вяжется. Ездил в Виши, где жена моя пила воды и где я еще никогда не бывал. Там убедился в одном – что французские водолечебные заведения содержатся много хуже немецких. Из Парижа через Кельн и по Рейну я поехал в Эмс для свидания с гр. Лорис-Меликовым. С ним провел я целые сутки и узнал от него очень много весьма интересного. Нашел я его в весьма расстроенном, нервном положении; но он по обыкновению был очень мил и умен. Оттуда я поехал в Вильдбад, куда мне советовали ехать для поправления и укрепления моих нервов. Местность этих вод прелестная; много тут я гулял, наслаждался видами, начал писать новую брошюру; но ванны вскоре оказались для меня непригодными; они не успокоивали, а возбуждали меня; я лишился сна по ночам, а днем чувствовал себя как бы не самим собою. Наконец и тамошний доктор нашел, что для вильдбадских вод я слишком бодр и советовал мне для успокоения моей нервной системы ехать в Шлангенбад, на чтó я тем охотнее согласился, что знал, что гр. Лорис-Меликов должен был там с семейством провести три недели. Я, однако, не поехал туда прямо, а направился в Париж, где взял свою жену и отвез ее в Эмс. Устроивши ее там, я направился в Шлангенбад, где уже нашел гр. Лориса с семейством. Виды, прогулка, воздух, квартира и обеды – все мне очень нравилось. Ванны производили на меня просто чарующее действие: они меня успокоивали так, что, сидя в них и выходя из них, я чувствовал себя как бы иным – помолодевшим, окрепшим человеком. С гр. Лорисом и его семейством мы ежедневно вместе обедали, иногда гуляли и часто проводили вечера в живой беседе. Чем более узнавал этого человека, тем лучшее производил он на меня впечатление. Многие упрекали Лориса в крайней хитрости и утверждали, что как армянин он чужд русского духа. Зная его коротко, могу положительно сказать, что в нем русского духа более, чем в весьма многих русских и что хотя он провел свою жизнь преимущественно в военной службе, однако в нем замечательны способности государственного человека. В этом я особенно убедился во время кратковременного его управления Министерством внутренних дел; он не был ни легкомыслен и спешен, как его преемник, ни умственно близорук и косен, как преемник его преемника. Великое достоинство Лориса то, что он не страдает довольно общею болезнью наших сановников – всеведением и очень внимательно выслушивает то, что ему говорят, и относится хотя критически, однако уважительно к высказываемому другими.

В Шлангенбаде я окончил свою брошюру[7]. Из Шлангенбада я отправился в Берлин. Тут прожил я целую неделю и напечатал свою книжку. Главная мысль и цель ее была выразить то невыносимое положение, в котором мы тогда находились, и еще раз, и как можно сильнее, указать, что единственное для нас спасение есть созыв общей Земской думы. Я высказывался вполне за самодержавие, против бюрократии и конституции и за прекращение той неизвестности и неопределенности, которые после 1-го мая душили Россию. Один экземпляр этой книжки при всеподданнейшем письме я отправил к государю и по одному

экземпляру к гр. Игнатьеву и Коханову[8]. Многим моя книжка очень понравилась, и я получил о ней даже письменно весьма лестные отызы; но не знаю, удостоилась ли она прочтения со стороны императора. Видел многих лиц из Петербурга, но никаких об этом сведений не получил*.

3 июня 1882. Указ 30 мая о назначении гр. Толстого министром внутренних дел всех поразил. Что это такое? Давно ли вся Россия ликовала по случаю его удаления с поста министра народного просвещения, и вдруг через 14 месяцев его назначают на важнейший у нас пост – министра внутренних дел?! Чтó это – насмешка над общественным мнением или чистое безумие? Неужель этот человек еще недостаточно сделал вреда России? Неужель думают охранить себя тем, что призывают катковщину к управлению[9] и принятию насильственных мер? Просто руки от всякого дела отпадают.

4-е июня, с. Волынское. Странно, грустно, отчаянно теперпнее наше положение: все недовольны, даже и те, у кого власть в руках, и те, по чьим рецептам как будто действуют. Понятно, что мы, разных сортов либералы, до крайности недовольны, ибо все делается как будто нам насмех и нам в раздражение; но консерваторы, какие-то самобытники и пр. должны бы радоваться и торжествовать; а между тем и они недовольны. По мнению одних, черезчур выдвигают крестьян, не восстановляют власти дворянства и делают шаг вперед и два назад. По мнению других, как будто проповедуют русскую самобытность, а на деле и во внешней политике всем уступают, а во внутренней оставляют всю силу и власть в руках бюрократии и сами не знают, что говорят. Третьи же (Катков и комп⟨ания⟩), требующие самых быстрых и крепких мер к прекращению якобы завещанной прошлым царствованием распущенности, к обузданию крамолы в жизни вообще и в печати, и к водворению хотя едва ли ими самими понимаемой и во всяком случае ими еще не указываемой энергии, приходят в отчаяние, что действие законов не приостанавливается, что администрации не предоставляют полной воли в действии и что виселицы не воздвигаются и ружья не заряжаются для расстреливания всех тех, кто им не по вкусу. Этих господ всех трех разрядов гораздо труднее удовлетворить, чем либералов даже самых крайних. Правда, Катков и комп⟨ания⟩ причисляют и крамолу к либеральному стану; но ее также справедливо причислить и к консерваторам всех оттенков. Думаю, что даже последнее будет много справедливее, чем первое, ибо крамола зародилась на почве недовольных, ими питается и развивается. Все разряды населения недовольны нынешним положением, необъясненностью их прав, произволами администрации и законами как прежним временем завещанными, так и ныне как Deus ex machina** появляющимися. Либералы проповедуют в том или другом виде предоставление народу, т.е. всем гражданам им-

---

* Здесь оканчиваются собственно “Записки” Александра Ивановича, но в его “Дневнике” за 1882–1883 год находятся “материалы” для “Записок”, которым он не успел дать надлежащей обработки. Эти материалы составляют прямое продолжение “Записок”, и потому я помещаю их здесь непосредственно за “Записками” без изменений, в форме “Дневника”. (*Издательница.*)

** Бог из машины, неожиданно (*лат.*).

перии, участие в законодательстве и в администрации. Противники либералов это именно отвергают, а желают все это сосредоточить в своих руках. Следовательно, кто раздражает и усиливает общее неудовольствие, те и приготовляют и утучняют почву для развития крамолы.

4 июня. Страшная у нас теперь путаница не только в делах, но и в мнениях и даже в чувствах. Есть, конечно, люди, и их немало, без собственных мнений и повторяющие то, что слышали от других или прочли в газетах или журналах, но люди хоть несколько мыслящие теперь звонят каждый в свой колокол. Какая тому причина? Конечно, в этом отчасти виновны: во 1-х, поверхностность полученного нами в юности образования; во 2-х, двойственность всего нашего быта в течение последнего 26-летнего царствования, и в 3-х, полнейшая неопределенность и неизвестность нынешнего нашего положения. Последнего царствования нельзя не помянуть добрым словом: в течение его много совершено великих и благих дел; но, к сожалению, мало было последовательности в осуществлении предпринятых реформ: возвещалась, предпринималась великая реформа, и вдруг делались шаги назад, и администрация действовала как будто вопреки только что обнародованного закона. Заподозревались люди, всего более расположенные к предпринятым реформам, и в последние пять, шесть лет до катастрофы в Зимнем дворце 5-го февраля 1880 года полнейшее бездействие верховной власти и коверкание администрациею всех прежде утвержденных реформ. Кратковременная диктатура гр. Лорис-Меликова и его министерство было оживили Россию и возбудили и надежды, и деятельность; но ужасная катастрофа 1 марта погрузила Россию в горе, уныние и ужасное недоумение. Манифест 29 апреля 1881 года[10] и увольнение Лориса, Милютина[11] и Абазы еще более усилили упомянутые тяжкие чувства. С тех пор появляются: то положение об усиленной охране, правила о поднадзорных, то указ об обязательном выкупе, о частной отмене подушной подати, о крестьянском поземельном банке, след⟨овательно⟩, и благие, и стеснительные мероприятия в одно и то же время.

Как при этих обстоятельствах, при беспрестанно сменяющихся ожиданиях и опасениях, при поддерживаемых и администрациею, и ходом дел колебаниях быть нам спокойными и устойчивыми в мнениях и действиях? Очевидно, что правительство более склонно к мнению тех, которые проповедуют меры репрессивные, недоверие к земству и даже к суду и сокращение свободы во всех возможных видах. Они пользуются не только полною свободою в высказывании своего мнения, но безнаказанно и дерзко говорят о том, о чем другим не позволено и заикаться (о земских соборах и пр.). Их противники-либералы должны говорить иносказательно или неясно и неполно, а "Москов⟨ские⟩ вед⟨омости⟩" и "Русь" пользуются этим, чтобы упрекать либералов в неясности, неопределенности и даже в сродстве с крамолами.

Наконец указ 30 мая положил конец этим неопределенностям. Тот человек, которого увольнение от министерства просвещения было с восторгом принято во всей России, этот человек теперь назначается на важнейший пост в империи – министра внутр⟨енних⟩ дел. Что это такое: насмешка над общественным мнением или желание нанести ему оскорбление.

Этот указ должен обрадовать крамолу и Каткова с комп⟨аниею⟩ и погрузить в печаль и отчаяние всех искренно преданных отечеству и верховной власти. Как бы это не было началом смут и других бедствий! Это просто ужасно.

Берлин, 16 августа 1882. От нечего делать пишу материалы для моих записок.

Зиму провели довольно скучно и тяжко. Ввиду закончившихся мне 76 лет и при теперешней безурядице и бестолочи я решился погрузиться в прошедшее и закончить мои "Записки". Для этого сговорились с женою провести лето не в деревне и не за границею, а на даче под Москвою. В апреле мы наняли скромную дачу в с. Волынском.

В первых числах мая и я, и жена поехали в Песочню, ибо мне нужно было объехать все мои имения и там закончить годовые счеты, а ей произвести экзамены в Сапожковской прогимназии.

28 мая я возвратился в Москву и первые три дня посвятил преимущественно осмотру выставки[12].Она оказалась много лучшею, чем я ожидал. Не только наши фабрики и заводы доставили много хороших вещей, но сама выставка хорошо и умно устроена благодаря тому, что ее председатель кн. В.А. Долгорукий, не мешаясь в дело сам, предоставил волю умным и знающим людям, и выставка вышла хоть куда.

1-го июня переехал я в с. Волынское, а жена приехала 8-го. Разложился, устроился и принялся перечитывать свои "Записки" и приводить в порядок разные для них материалы. Полученное 31 мая и подтвержденное 1 июня известие о назначении гр. Толстого министром внутренних дел меня ошеломило и только дозволяло мне телесную, а не умственную работу. При перечтении моих "Записок" гр. Толстой не сходил у меня с ума; я бросал чтение и отправлялся гулять по рощам, окружающим с. Волынское; наконец, после нескольких дней, так проведенных, я решился переломить себя и приняться за свои "Записки". С напряжением всех своих сил читал, исправлял и переписывал свои "Записки", но гр. Толстой тут как тут. Даже эпоха моего пребывания в Варшаве 1864–1866 годов не могла вполне освободить меня от этого призрака. Он меня давил и прерывал нить моих мыслей и занятий. Кое-как продолжал свои занятия; но во время прогулок гр. Толстой особенно мною овладевал; его прошедшее и от него ожидаемое и катковские торжествующие статьи постоянно меня придавливали. Зарождалась у меня мысль – написать брошюру и напечатать ее за границею. В конце июня эта мысль мною овладела, и я принялся за эту работу. Эта работа шла у меня быстро, ибо весь я был ею захвачен. К сожалению, 4-го июля я должен был ехать в Сапожок в чрезвычайное земское собрание, но 9-го утром я уже был обратно в Волынском. В Сапожке собиралось чрезвычайное собрание по причине неурожая и необходимости кредита из губернского продовольственного капитала для выдачи ссуд крестьянам на обсеменение озимых полей в некоторых селениях. Кредит был признан необходимым, и вечером в тот же день собрание закрыто. На другой день мы собирались в управе по делам школ, и после обеда я уехал в Дегтяные барки, где не было управляющего (он был на Кавказе), а на следующий день, т.е. 7-го, я уехал в Рязань, где хотелось мне видеться с старым моим приятелем В.П. Титовым и узнать от него, какое действие в Петербурге произвело назначение Толстого.

У Титова я провел время очень приятно и узнал от него, что и в Петербурге назначение Толстого всех поразило, хотя и ожидали увольнения Игнатьева. Это назначение главнейше и почти исключительно – дело Победоносцева. Узнал от Титова, что и в Петербурге недовольство всеобщее и что никто ничего не знает и ни в чем не уверен. Это я знал и прежде, но он еще более меня в этом удостоверил. После обеда я от него уехал и вечером был в Москве.

По возвращении принялся опять за свою брошюру и придумал ей заглавие "Что же теперь?"[13]. К 1-му августу она была готова, прочел ее Скалону и жене. В следующие дни исправлял ее, а 8-го вечером отправился в Берлин. Путешествие быдо довольно спокойное и 11-го приехал в Берлин, не чувствовал себя даже очень утомленным. В первый же день все устроил, и обещали мне в 8 дней ее напечатать. Берлин растет, и народонаселение его все усиливается. Теперь уже посреди Берлина 7 мест, откуда можно отправляться по железным дорогам.

Забыл сказать, что 29 июля я отправился в Рязанское чрезвычайное губернское собрание по случаю требования некоторыми уездными собраниями кредита на обсеменение полей. Тут нам сообщили только что полученное распределение из Петербурга о специальных положениях выкупных платежей по уездам Рязанской губернии. Это распределение составлено статистическим комитетом при Министерстве внутренних дел. Оно нелепо до крайности. Для предварительного рассмотрения и обсуждения избрана комиссия; я отказался от членства в ней. Решили собраться 20 сентября для обсуждения доклада этой комиссии.

Песочня, 31 августа 1882. Возвратились из Берлина в Москву 25 августа, настроение – то же, т.е. крайне тяжкое. Насчет коронации никто ничего не знает. Слухи самые тревожные и из Питера, и из внутренних губерний. 27-го отправился в Дегтяные барки, а 30-го в Песочню.

В Берлине напечатал свою брошюру "Что же теперь?". Я ею доволен. При всеподданнейшем письме отправил ее к государю и один экземпляр к Коханову.

21 декабря 1882 г. Возвратился я из Рязанского губернского собрания с самыми тяжкими чувствами. Вначале шло там очень сонно, и дела подвигались медленно и почти безучастно со стороны гласных. Но вдруг Николай Муромцев обратил внимание собрания на изданный "Статистический сборник", и в особенности на приложенные к ним примечания, и указал, как осуждаются в них помещики-дворяне. Он прочел несколько отрывочных замечаний, и возгорелись страшные обвинения и возражения. Затем три дня были страшные скандалы. Замечательно, что в нашем земском собрании не было ни одного крестьянина, ни одного купца, а было чисто дворянское собрание. Затем последовали бедовые постановления – об уничтожении вторых частей этих сборников, об увольнении всех статистов и приглашении новых. Я сложил с себя обязанности председателя и члена статистической комиссии. Другие члены последовали моему примеру. Измученный этими прениями, я ушел в 5 часу 19-го, а на следующий день уехал из Рязани. 20-го коекак состоялось собрание; 21 губернский предводитель дворянства передал должность уездному; гласные разъехались, и собрание было закрыто.

В ноябре я написал статью "Великая наша беда" и послал ее в "Голос". Там напечатали в № (?) 11 декабря. Эта статья очень не понравилась Толстому, который за нее сделал предостережение "Голосу" и запретил розничную продажу "Московскому телеграфу", перепечатавшему отрывки из этой статьи[14]. Все это произвело на меня самое тяжелое действие, и я лишился возможности что-либо делать и даже читать! – Тяжело! –

20 января 1883. Всегда или почти всегда (за исключением ноября 1880, т.е. времени управления гр. Лорис-Меликова) выезжал я из Петербурга с тяжелыми впечатлениями, но они никогда не были таковы, как в нынешний раз. Всегда было больно видеть людей самонадеянных, собою довольных, верующих в бюрократизм или, по крайней мере, не признающих возможности ничего иного, людей, заправляющих делами страны, которой они вовсе не знают, не чувствующих потребности ее узнать и считающих население как бы для них, для их административных занятий созданным. В нынешний раз я нашел в Петербурге некоторую перемену: самонадеянность заменилась отсутствием всякого доверия к чему или к кому бы то ни было и отсутствием всякого положительного мнения; они верят мало в бюрократизм, но еще менее во все остальное; страх ими овладел, и они ищут спасения или, по крайней мере, охраны в одних произвольных ограничительствах и карательных (repressives) мерах. Петербург своим неведением, что завтра будет, чего опасаться и чего ожидать, просто поразителен. Это не дом умалишенных, а дом слабоумных. А между тем он управляет огромным русским государством.

Жить со дня на день – без определенного плана на будущее – неудобно и для частного человека; но это совершенно невозможно для администрации какого-либо государства. А между тем так живет теперь наша администрация; никто из лиц, во власти состоящих, не имеет определенного плана на завтрашний день; все думают, как бы прожить нынешний день и протянуть до вечера. Такая неопределенность и неизвестность – бедовы, убийственны. Один (Победоносцев) говорит: надо сообразить, со всех сторон изучить дело, может оказаться и то, и другое, и третье, пуще всего нельзя торопиться – повременим; другой (гр. Толстой): уж слишком много было у нас преобразований и нововведений, необходимо остановиться и поотдохнуть и всем дать поосмотреться, пока я министр, всячески буду удерживать status quo*; а остальные заявляют делом: мы на все согласны – лишь бы нам остаться на своих местах. Вот в коротких словах смысл нынешней нашей администрации.

Видел в Петербурге многих: гр. Лорис-Меликова, Градовского, Кавелина, Валуева, Салтыкова, Унковского, Абаза (Н.С.), Т. Филиппова, Трепова, Титова, Евреинову и многих других. Теперь оптимисты те, которые думают, что так администрация долго идти не может и ударит в стену лбом через год и никак не дольше двух лет. А пессимисты думают, что, пожалуй, и пять, и десять лет пройдут так, по милости общей уступчивости и апатии. Готов присоединиться скорее

---

* существующее положение (*лат.*).

к последним, чем к первым; разве заботящийся о нас грешных Николай Чудотворец выведет нас из беды.

Очень любопытную для меня вещь узнал я в Петербурге: статья моя "Великая наша беда", напечатанная в "Голосе" 11 декабря 1882 г., произвела в Петербурге страшный шум. Никакая моя брошюра и статьи не производили такого действия, как эта, и главнейшая причина этому то, что на нее прогневался государь, что Толстой дал "Голосу" предостережение и что в высших сферах вообще она возбудила негодование. Номера "Голоса" с этою статьею продавались по 1, 2, 3 и до 5 руб. за экземпляр. В Английском клубе знакомые выражали мне полное сочувствие, и даже незнакомые знакомились со мною и благодарили меня за эту статью. Вот что значит запрещать статьи или книги!

1 февраля 1883. Крайне тяжкие дни (25–30 января) прожил я в Рязани; они были для меня даже тяжче, чем дни, проведенные в Петербурге. Там я видел, что нам нечего вскоре ожидать доброго от высшего правительства: оно пошло путем противоположным тому, которым Александр II было оживил Россию и готовил нам гражданское, истинно человеческое существование. Теперь Победоносцевы и Толстые в силе; пожалуй, долго они ее удержат. В этом вина наша только отчасти. В Рязани, в мире земском, вся вина лежит на нас. Самый просвещенный, самый развитой класс людей в России составляет дворянство; а между тем, попавши во власть случайно, по милости некоторых узаконений и обстоятельств, оно одушевляется и руководится узкосословными и даже чисто личными интересами. Особенно больно то, что молодые члены этого сословия более примыкают к этому направлению, чем к противоположному. Все заседания наши были заняты нападками на статистов, усердно и добросовестно, но не в угодном дворянству смысле исполнивших данное им поручение, и на председателя управы Алянчикова, личного врага главы узкодворянской партии. Мы защищали их, но противники наши телеграммами вызывали своих единомышленников и не пренебрегали ни клеветами, ни всякими заподозреваниями, лишь бы достигнуть своей цели. Мы были побеждены большинством 29 против 26; управа вся, кроме одного члена (Титова), вышла в отставку. Тогда торжество этих господ было полное; полилось шампанское в гостинице Варварина[15]. Грустно, что более других образованное и развитое сословие действует в узкодворянском смысле; но еще грустнее то, что эта партия составлена из людей не старых, а скорее молодых. Числом голосов мы оказались в меньшинстве, но если бы считали по прожитым годам, то мы были бы в большинстве. Неужель Россия идет назад, и молодые больше реакционеры, чем даже те, которые уже жили и действовали во время крепостного права. – Грустно! –

Кто хуже – эти своекорыстники или анархисты? Последние – безумцы – лично становятся даже преступниками; но большинство из них действует не из личных выгод, а согласно своим ошибочным убеждениям и с целью помочь страждущей темной братье; они жертвуют жизнью и бесстрашно подвергают себя наказаниям. А первые очень холодно, рассудительно, расчетливо пресле-

дуют свои выгоды, а до других, до земства, до отечества им нет дела. Действия этих своекорыстников и вызывают, и порождают анархистов, а потому первые много хуже последних. – Грустно!

Конец “Записок”.

Болезнь, сведшая Александра Ивановича в могилу, началась в апреле 1883 года плевритом, который затем осложнился болезнью сердца. – Май, июнь и июль он провел в Эмсе, Висбадене и Остенде; это леченье несколько оживило его, но он не чувствовал полного облегчения. В августе мы возвратились с ним в деревню (Песочню) и оттуда в конце сентября в Москву. Хотя Александр Иванович по временам и чувствовал болезненные припадки, тем не менее вообще он был бодр, свеж и деятелен, как всегда, и ни в чем не отступал от своего обычного образа жизни. Накануне своей смерти он был настолько бодр и крепок, что занимался вечером в финансовой комиссии Московской городской думы до 10 часов, и, воротясь домой, он еще провел около двух часов в кругу семьи и некоторых друзей, а утром в 9-м часу 12 ноября (1883 года) его уже не стало. Он скончался почти без агонии. – Тело Александра Ивановича похоронено на Даниловском кладбище под Москвою. Периодическая наша печать дружно и сердечно почтила память своего усопшего собрата и земского деятеля теплым словом сочувствия и уважения.

От издательницы.

ПРИЛОЖЕНИЯ К "ЗАПИСКАМ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА"

Приложение первое:

а) Письмо А.И. Кошелева к министру внутренних дел Льву Алексеевичу Перовскому об улучшении быта помещичьих крестьян, 1847 г.; б) Ответ Л.А. Перовского; в) Предложение А.И. Кошелева дворянству Рязанской губернии о том же.

а) Письмо А.И. Кошелева.

Милостивый государь
Лев Алексеевич.

Утвердить на законном основании быт крестьян и дворовых людей и отношения к ним помещика было всегда живейшим моим желанием. С особенною радостью приветствовал я указы об обязанных крестьянах[1] и о дозволении давать дворовым людям отпускные по условиям. К несчастию, благодетельные сии меры не получают до сих пор надлежащего развития[2]: они не переходят в жизнь и остаются лишь в своде законов как свидетельства желаний правительства.

Конечно, крепостные люди вообще и в особенности в некоторых губерниях еще не требуют перемены в своем положении; большая часть даже об этом и не помышляет. Этим-то состоянием дела, смею думать, и должно воспользоваться, чтоб произвести постепенный и сколько можно менее чувствительный переход к иному быту.

Должно сознаться также, что большинство дворян стоит за нынешний порядок вещей и противно изменению отношений их к крестьянам; иначе и быть не может. Наше дворянство столь же многочисленно, сколько оно и бедно; просвещение обхватило только верхний слой этого звания; остальные же его подразделения более или менее остаются в прежнем неподвижном положении. Изменение крепостного права в отношении людей сопряжено с пожертвованиями. Богатому жертвовать несравненно легче, чем бедному; бедность же есть нынешний удел бесчисленного нашего дворянства.

Указ об условных отпускных мало-помалу приносит полезные плоды, но положение об обязанных крестьянах не имеет решительно никакого действия. В этом должно обвинять не одно нежелание дворянства изменить неестествен-

ное право в отношении крепостных людей; есть люди, сильно желающие по совести устроить быт доставшихся им крепостных людей; но не приступают к делу, потому что у них руки связаны. Причина совершенного неразвития сего законоположения, смею доложить вашему высокопревосходительству, лежит в самом законе и в особенности в статьях 906 и 912 тома IX свода законов[3].

Изменение крепостного права в отношении людей должно быть результатом усилий как правительства, так и самого дворянства. Смею даже думать, что дворянство для собственного своего охранения и для собственных своих выгод должно принять в этом деле первое и главное участие. Обстоятельства сего вопроса так многосложны, некоторые пожертвования так необходимы, что дворянство одно может, каждое для своей местности, составить по сему предмету надлежащее предположение.

Сие-то убеждение возлагает на меня долг на предстоящих выборах на основании статьи 104-й тома IX свода законов[4] предложить дворянству Рязанской губернии испросить высочайшее соизволение на составление Комитета для обсуждения настоящего положения дворянских имений и для предположения мер к узаконению отношений крестьян и дворовых к своему помещику.

Зная всю важность сего вопроса, не скрывая себе сопротивлений, которые разрешение оного должно встретить в здешней местности, я не иначе решусь сделать сие предложение, как предварительно получивши на то соизволение Вашего превосходительства.

Нужным считаю присовокупить, что предложение сие намерен сделать не молодой мальчик, но 42-летний человек, не теоретик, а хозяин, постоянно живущий в деревне и ревностно занимающийся своим хозяйством, и, наконец, не бесприютный, ищущий в переменах улучшения своего состояния, но человек, имеющий ныне в своем владении, при достаточном количестве земли, 3500 ревизских душ мужеска пола.

Осмеливаюсь препроводить при сем к Вашему высокопревосходительству проект предложения, которое я желаю сделать на предстоящих (10 декабря сего года) рязанских губернских выборах и всепокорнейше прошу почтить меня разрешением, могу ли я сделать сие предложение или нет?

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Вашего высокопревосходительства

А. Кошелев.

Октября дня 1847 года.
Рязанской губ. Сапожковского уезда,
с. Песочня.

б) Ответ Л.А. Перовского. *Конфиденциально.*

Милостивый государь
Александр Иванович!

По всеподданнейшему докладу моему письма Вашего от 23-го октября Его Величество высочайше повелеть соизволил отозваться, что предполагаемое Вами предложение на дворянских выборах, при всей благонамеренности своей, не совсем удобно, как и самое составление Комитета для обсуждения настоящего положения дворянских имений в Рязанской губернии и для начертания мер к определению отношения крестьян к помещикам. Но если бы Вы, милостивый государь, с своей стороны заключили с крестьянами своими условия для обращения их в обязанные, то это было бы вполне согласно с желаниями Его Величества и подало бы поощрительный пример для других владельцев.

Исполняя сим Высочайшую волю, имею честь быть с совершенным почтением

Вашим, милостивый государь,
покорнейшим слугою
А. Перовский.

№ 3489.
23 ноября 1847 г.

Его высокоблагородию А.И. Кошелеву.

в) Речь А.И. Кошелева дворянам Рязанской губернии об улучшении быта помещичьих крестьян.

Милостивые государи,
почтеннейшие дворяне!

Знаю всю важность предложения, которое я намерен Вам сделать; угадываю предубеждения, с которыми оно, вероятно, будет встречено; не скрываю себе даже опасности навлечь чрез то на себя неудовольствие, быть может, даже негодование некоторых из сочленов моих. Если я на это решился, то это единственно потому, что совесть не дозволяет мне действовать иначе. Я могу в своих убеждениях ошибаться, но смею надеяться, что почтеннейшее дворянство оценит чистоту моих намерений.

Отношения помещика к своим крестьянам и дворовым людям и отношения крестьян и дворовых людей к своему помещику в настоящем положении, кажется, долго оставаться не могут. И православная наша вера, и просвещение, все более и более распространяющееся, безусловно требуют изменения в крепостном праве. Не буду говорить о неестественности сего права; совесть и просвещение каждого из моих почтеннейших сочленов суть в сем деле лучшие, красноречивейшие ходатаи за меньших наших братий. Считаю даже, по некоторым причинам, которые Вы, милостивые государи, легко оцените, неудобным про-

странно доказывать, что *теперь*, именно *теперь*, должно заняться сим делом, что откладывать оное столь же неудобно, сколько и опасно, и что всякая холодность дворянства в сем случае может иметь для него самые неблагоприятные последствия. Всеавгустейший монарх наш изъяснил свою высокую волю в указах об обязанных крестьянах и об условном освобождении дворовых людей. Он предоставил дворянству право делать условия, то есть, по собственному усмотрению, устроивать на законном основании наши отношения к крепостным людям. Времени прошло много, а что сделали мы? Так ли мы должны исполнять желания отца отечества? Оставим ли на себе нарекание, что мы одни помехою к исполнению благих его намерений? Если некоторые постановления в сих законоположениях препятствуют к приведению оных в исполнение, то разве статья 104 тома IX свода законов не дает нам право совещаться о своих нуждах и пользах и в важных случаях приносить всеподданнейшие прошения Его Императорскому величеству? Нет, почтеннейшие сочлены, холодность наша в сем деле неизвинительна, и она тем менее извинительна, что удерживает нас одна боязнь лишиться некоторых выгод.

Конечно, милостивые государи, мы не обязаны жертвовать достоянием семейств наших для достижения цели даже высокой. На нас лежит долг сохранить детям полученное нами по наследству. Сей-то именно долг и побуждает меня настаивать особенно на необходимости разрешения сего вопроса в настоящее время. Положение дворянских поместий вообще бедственно: никогда не было столько имений описанных и назначенных в продажу, как ныне; никогда кредит между дворянством не был бессильнее настоящего времени; никогда дворянство не было более, чем ныне, обременено долгами частными и казенными. Причины сего бедственного положения нашего дворянства, конечно, многоразличны, но главнейшая, смею думать, заключается в неопределенности и нетвердости наших отношений к крестьянам. При теперешних наших обстоятельствах нельзя и думать о существенных переменах и улучшениях в хозяйстве. Барщинская работа есть всегдашний камень преткновения для всех наших усилий по сему предмету. С другой стороны, крестьяне так убеждены в вспомоществовании со стороны помещика, что собственными работами занимаются они еще хуже, чем господскими. Одно средство выйти из сего ложного положения заключается в том, чтобы нам совершенно выделить свою собственность, свою настоящую принадлежность, а в крестьянах возбудить деятельность выгодами труда собственно для них самих. Если правительство одно приступит к разрешению сего вопроса, то оно неминуемо издаст правила общие; и многие, весьма многие из нас потерпят убытки невознаградимые. Обстоятельства сего дела крайне многосложны; весьма нужны для оного местные сведения; но еще нужнее соображения людей, у корня дела находящихся. Неужель мы добровольно откажемся от участия, предлагаемого нам правительством в сем важном деле и предоставим на произвол обстоятельств то, что теперь можем устроить для собственной пользы, для пользы детей наших и всего государства. Нет, почтеннейшие сочлены, за бездействие в сем случае мы будем отвечать перед самими собою, перед детьми и внуками нашими.

Некоторые скажут, быть может, что разрешение сего вопроса трудно, весьма трудно, почти невозможно. По этой-то самой причине дело сие и есть необходимое достояние нынешнего достославного царствования. Мирное присоединение к нашей православной церкви двух миллионов наших братий, отторгнутых Униею; издание свода законов; размежевание чересполосных дач; переход через Балканы – все сии чудеса совершены во дни ныне благополучно царствующего императора[5], и после сего можно ли сомневаться, чтобы какое-либо благое дело было ныне невозможным?

Вот обстоятельства, которые долгом считал представить в благоусмотрение Ваше, милостивые государи, и которые побуждают меня предложить Вам всеподданнейшим прошением, через гг. начальника губернии и министра внутренних дел, испросить высочайшее соизволение на составление Комитета из двоих депутатов от каждого уезда для обсуждения настоящего положения дворянских имений Рязанской губернии и для предположения мер к узаконению отношений крестьян к помещикам по Рязанской губернии.

Приложение второе

Охота пуще неволи

Часто повторяем мы сию пословицу, но редко, весьма редко думаем о глубоком ее смысле. Чего не делаем мы по охоте! Скачем по большим дорогам, не спим ночи, работая с утра до вечера, и нам все это нетяжело. Успех большею частью увенчивает наши усилия; почему? – Потому именно, что мы все это делаем добровольно; что мы имеем в виду достижение нашей цели и работаем для себя. Как тяжело всякое принуждение! Мне хочется служить в военной службе, а меня определяют в гражданскую; я не люблю деревню, а родители посылают меня хозяйничать в отдаленную губернию; для излечения от болезни мне хочется ехать за границу, а меня отправляют на Кавказ. Гражданская служба, деревня, Кавказ – сами по себе суть вещи недурные, нетяжелые, и для многих они составляют предметы пламенных желаний; но во всем этом дурно, тяжело лишь одно – именно то, что мы должны это делать не по убеждению, не по охоте, а поневоле.

Если неприятно, тяжело совершать поневоле несколько дел в жизни, то каково целую жизнь, почти все действия оной производить не по охоте, а поневоле. Сидора мы назначаем в повара, Андрея в лакеи, Гаврилу в портные и так далее, между тем как они, быть может, имеют наклонности к совершенно иным занятиям. Федор желает жениться, он сотворен для семейной жизни, а я не дозволяю ему жениться, потому что как человека характера тихого его личная услуга мне нужна, я хочу иметь его всегда в господском доме. Родители желали бы

сохранить при себе детей своих и лично наблюсти за их нравственностью, а мы отдаем их в учение в Москву, где и мальчики, и девочки более развращаются поведением, чем научаются ремеслам. – И мы еще удивляемся, что у нас мастеровые умеют только перенимать и ничего не выдумывают и не улучшают! Мы ставим в пример немцев, англичан, которые постоянно доводят до большего совершенства все ремесла, которыми они занимаются. Да, разница тут велика. Они посвящают себя тому, чему хотят; добрая воля развивает их ум с детства; они хлопочут, трудятся – для себя, а не для другого.

Взглянем на барщинскую работу. Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколько возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше, – ему не дело делать, а день убить. – На господина работает он три дня и на себя также три дня. В свои дни он обрабатывает земли больше, справляет все домашние дела и еще имеет много свободного времени. Господские работы, особенно те, которые не могут быть урочными, приводят усердного надсмотрщика или в отчаяние или в ярость. Наказываешь нехотя, но прибегаешь к этому средству как к единственно возможному, чтоб дело вперед подвинуть. С этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошего подрядчика. Здесь все горит; материалов не наготовишься; времени проработают они менее барщинского крестьянина; отдохнут они более его; но наделают они вдвое, втрое. От чего? – Охота пуще неволи.

Взойдите в мануфактуру, где работают по наряду, даже где в виде поощрения дается некоторая задельная плата. Что вы там найдете? Инструменты непременно в худом виде, ибо работники их не берегут, они за них не отвечают; можно этих людей наказать, но нельзя прогнать. По этой же самой причине работа производится и дурно, и неотчетливо; что же касается до сработанного количества, то, верно, едва вполовину против вольного работника. – Какая разница войти в мануфактуру, истинно на коммерческой ноге устроенную! Как там один перед другим боится переработать, так тут они друг друга одушевляют и подстрекают. Вычет заставляет каждого строже всякого надсмотрщика наблюдать за чистотою работы. Собственная выгода будит его до света и освещает ему вечером. – Охота пуще неволи.

У нас в домах слуг много, а прислуги мало. Всякий имеет свою часть, и даже свою часть исправляет столько, сколько необходимо, а всего чаще и гораздо менее, чем сколько нужно. – За границею, даже в С.-Петербурге у иностранных купцов в доме один слуга; а между тем все чисто, все убрано; за столом он один служит пятнадцати, двадцати человекам; везде он поспевает; нигде нет за ним остановки. Почему? Потому, что он получает жалованье хорошее, т.е. то, чего нам стоят двое, трое наших невольных слуг; потому что если он не будет исполнять всех требований своего хозяина, не будет предупреждать его желаний, то его сошлют и возьмут слугу более усердного. Спросите иностранцев в Петербурге, как они довольны нашими так называемыми артельщиками; один человек служит за троих. – От чего? Охота пуще неволи.

Мы часто жалуемся, что слуги наши глупы, беспечны, ленивы, – да как же им быть иными? – О чем им заботиться? Они знают, что барин их накор-

мит и оденет. К чему им радеть? Что не больше они будут работать, то тем больше навалят на них дела, и одно средство быть покойным: дела не делать, а от дела не бегать. Что же касается до ума, то в их теперешнем положении эта самая опасная и бесполезная вещь: почти все умные слуги или пьяницы, или отчаянные головы. Самая лучшая вещь в слуге – чтобы он был неумен и неглуп. Дело другое в вольном человеке: он должен позаботиться о том, чтоб припасти к старости, на случай болезни; ему надобно подумать или об отце и матери или о жене и детях. Если он будет служить плохо, то его прогонят; если он может в доме исправлять только одну часть, то он и жалование получить за 1/4, за 1/2 слуги, одним словом, всякий слуга служит без устали; мечется во все углы; все им приведено в порядок, – потому что он служит по доброй воле, потому что он получает для себя по мере, как он служит для другого.

Часто слышим мы жалобы на пьянство русского народа. Да как, почтенные читатели, не быть им пьяницами! Какое главное действие пьянства? Что в пьянстве всего привлекательнее. По мере как вино разыгрывается, человек чувствует, что все около него преобразовывается, предметы смешиваются, воспоминания покидают, и он входит в иной какой-то мир. Он забывает горе, становится смелее, живет какою-то другою жизнью, – пьяному море по колено, говорит пословица. – Можно ли ставить в вину нашим людям, что им хочется хоть изредка отведать иной жизни. Пьянство есть необходимое утешение в их положении, и горе нам, когда они в настоящем своем быту перестанут пьянствовать.

Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнее) лень удерживает нас в освобождении себя от крепостных людей. Почти все мы убеждены в превосходстве труда свободного перед барщинскою работою, вольной услуги перед принужденною, а остаемся при худшем, зная лучшее. Многое можно сказать насчет невозможности теперь превратить наших крепостных крестьян в обязанные, но что удерживает нас всем дворовым людям, на основании указа 12 июня 1844 года, дать отпускные с заключением с ними обязательств? Обеспечения имеем мы полные: если они не заплатят следующих нам денег в назначенные сроки, то удовлетворяемся мы преимущественно пред всеми прочими их долгами и даже перед казенными повинностями; если имущество их недостаточно, то отдаются в рекруты, и зачетные квитанции нам выдаются, а негодные в рекруты отправляются в крепостные работы. – Чего же нам требовать более? Средства нам даны; исполнение зависит от нас одних. Есть уже и примеры, но, к несчастью, они не столь многочисленны, как бы того следовало ожидать. Пусть люди благонамеренные примутся за дело дружнее и тогда, верно, отсталых будет немного.

1 ноября, 1847. – С. Песочня.

Приложение третье

"Поездка русского земледельца в Англию на Всемирную выставку". – Александра Кошелева. Москва, 1852

Этот отчет *впервые* познакомил русских сельских хозяев с усовершенствованиями, которые были сделаны в Западной Европе и Америке, в устройстве земледельческих орудий и в способах обработки сельских произведений. В настоящее время благодаря этому труду и деятельности А.И. Кошелева в "Московском обществе сельского хозяйства" в должности председателя все то, о чем писал в этом отчете Александр Иванович, сделалось общим достоянием всех образованных сельских хозяев, да и самые орудия земледельческие во многом усовершенствовались с того времени. Поэтому не представляется нужным воспроизводить здесь этот труд во всех его подробностях теперь, т.е. описание машин, относительное их достоинство и способы их действия. Для характеристики этого труда и для уяснения, как Александр Иванович сам понимал дело и какие выводы он сделал из обзора Всемирной выставки, здесь приводятся наиболее характерные *выдержки* из вышеназванного труда, его мысли, замечания, взгляды, рассуждения, которые могут иметь интерес и в настоящее время.

Примеч. издательницы.

"Ровно в 8 часов с Expresstrain'ом мы отправились в Лондон; быстрота бега была чрезвычайная. От Дувра до Фолькстона прорезано несколько гор; красота дороги, длина туннелей и прочность устройства рельсов удостоверяли, что мы в Англии. Мы мчались по садам, по пашням, обработанным так, как в других странах не обделываются и огороды; мимо домов, из которых каждый может служить украшением любой дачи. Я ехал и едва верил своим глазам, что я точно наяву вижу все эти чудеса человеческого труда. Когда я подъехал к Лондону, то удивление мое превратилось в восторг. Я был в Лондоне тому 20 лет назад, но теперь я ничего не узнаю. Из домов сделались огромные палаты; железная дорога проложена по Лондону выше домовых крыш; мосты превратились в сооружения, перед которыми римские работы – ученичьи начатки; народ везде копошится, словно на каждом месте ярмарка. Мне казалось, что я был здесь не 20, но 200 лет тому назад – так вид всего в Англии и около Лондона казался мне измененным. Посмотрите, как все огромно! как все массивно! Словно устроено все для вечности. Откуда взяли они руки, время, капиталы?". Стр. 11–12.

"Я ничего не хотел в первый день рассматривать; ходил, восхищался видами, глядел на совокупность разных отделений, изучал местности и проч. Подойдя к трансепту[1] в верхнем этаже, я сел и долго любовался не исключительно чем-нибудь, но всем: и общим видом выставки, и порядком, везде господствую-

щим, и полною свободою народных волн, туда и сюда стремящихся. Никто не приказывает, куда должно идти; разнообразно двигаются народные массы; застоя нет, тесноты мало, а народу бездна. Смысл людской, если не окован излишними формами, есть, конечно, первый распорядитель". Стр. 18.

"В Англии ежегодно в разных местах бывают выставки земледельческих орудий; производители по этой части привыкли выставлять свои изделия; орудия и машины, получившие премию, в короткое время делаются необходимою потребностию всякой благоустроенной фермы в Англии и Шотландии; и машинисты, обеспеченные патентами против подделок, не только ничего не утаивают, но при машинах или сами бывают, или присылают лучших своих приказчиков для объяснения всего устройства механизма: они охотно развинчивают машины, толкуют все весьма обстоятельно и даже снабжают нас подробными каталогами с рисунками машин. Для назначения премий выбираются не кабинетные агрономы, не официальные дилетанты земледелия, но знатоки дела из фермеров, которые пробуют орудия и машины не в продолжение получаса, но в продолжение дней и месяцев на своих и чужих фермах. Таковы бывают провинциальные выставки в Англии. Легко себе вообразить, как изготовились агрономические механики ко Всемирной выставке". Стр. 20–21.

"Одна из самых разительных вещей на этой выставке есть значительное приспособление паровой силы к земледелию. Молотят, веют, режут солому и корнеплодные овощи, плющат зерна, мелят хлеба и проч. посредством паровых машин. В больших производствах употребляются предпочтительнее неподвижные машины, которых отопление и содержание обходится почти вполовину против перевозных машин; но и сии последние, по аккуратным расчетам, за отчислением процентов на капитал, истраченный для приобретения их и на погашение этого капитала, заменяют ручную работу с убавкою цены на две трети. Подвижные паровые машины устроены различно; в каждой заметно какое-нибудь усовершенствование". Стр. 21–23.

"Все они топятся каменным углем. Я видел в действии эти паровые машины, и нельзя надивиться быстроте и точности, с которою они производят работы. В Англии простые работники уже умеют с ними обходиться, и не слышно, чтоб какие-либо несчастия были следствием введения этой силы в хозяйство; но я не осмелился приобрести для себя подвижную паровую машину, во-первых, потому, что таковую надобно заказать: все устроены для каменного угля, а нам необходимо употреблять дрова; а во-вторых, потому, что считаю это введение у нас еще преждевременным. Англичане совершенно сроднились с парами; почти всякий в состоянии ими управлять, и в случае порчи в машине они всегда и везде могут найти под руками механика для исправления оной. Нам должно, конечно, это усовершенствование иметь в виду; но пока еще привыкнем к парам на железных дорогах и на фабриках и постараемся усвоить себе многие другие хозяйственные улучшения, которые можем ввести у себя без всяких опасностей и местных неудобств". Стр. 23.

“Вообще теперь пришли к той мысли, что пахать успешно плугом нельзя и думают пахоту заменить вскапыванием. Известно, что лучший инструмент для подъема и взрыхления земли есть заступ; надеются устройством целого ряда или несколько рядов заступов достигнуть цели, тщетно искомой при посредстве лемехов и отвалов”. Стр. 24.

“Бороны все железные; иные – легкие, другие – средние, третьи – тяжелые. – Зубья от 3 до $4^1/_2$ вершков. Но все эти бороны имеют в ширину от 12 до 16 вершков, и их сцепляют по две и по три вместе и работают обыкновенно на паре лошадей.

Распределение зубьев и сцепление борон между собою чрезвычайно хороши, и я решился купить одну борону для испытания ее у нас в России. Я думаю, что по этому образцу можно делать у нас с железными зубьями деревянные бороны, которые будут на наших землях очень полезны”. Стр. 26.

«В последнее время обратили в Англии большое внимание на усовершенствование помещений для рабочего народа, как в городах, так и в деревнях. Для улучшения быта рабочих составилось в 1844 году общество (for improving the condition of the labouring classes) под председательством принца Альберта. Богатые и среднего состояния люди, лорды и банкиры, землевладельцы и фабриканты, ученые и торговцы приняли в этом деле самое живое участие. Значительные денежные суммы составились из добровольных пожертвований; явилось множество книг, книжонок и журнальных статей с добрыми советами и умными предложениями; сделано много опытов как в Лондоне, так и в провинциях с целью доставить удобные и дешевые помещения для рабочего народа. В столице выстроено несколько домов для семейных людей, для холостых и дворовых мужчин и женщин. Цена за квартиры оставлена прежняя, без малейшего повышения; но каждое семейство вместо одной сырой, тесной, душной комнаты получило отдельное помещение – одну общую жилую комнату (living room) с несколькими спальнями (bed rooms); а холостым и незамужним, каждым в особых домах, даны отдельные комнатки с постелью и всею нужною принадлежностию. Всюду проведена вода; ватерклозеты, помойные ящики устроены где нужно; не забыта и баня; роскоши нет нигде и ни в чем, но все жизненные потребности удовлетворены с смыслом и доброжелательством. Необходимые условия для здоровья: сухость, проветривание (ventilation) и надлежащий простор соблюдены здесь вполне. Даже в мелочах все придумано для спокойствия живущих; видно, что избежание лишних расходов одно полагало границы на английскую изобретательность. Правила сожительства коротки, умны и все удобоисполнимы. Каждый сохраняет полную свободу в своем образе жизни, и положены этой свободе лишь такие ограничения, которые необходимы для спокойствия общего, т.е. каждого из живущих. Я посетил два таких дома (near Bagnigge Wels Pentonville, и in Spitalsfields*), и из обоих вышел глубоко проникнутый благоговением к мысли, исполненной с полным ее сознанием, с истинною лю-

---

* недалеко от Беджнидж Уэлс Пентонвиль и в Спиталсфилдсе (*англ.*).

бовию к добру и с местною обдуманностию. Вне Лондона, во внутренности Англии сделано еще более опытов в устройстве удобных помещений для рабочего народа. Герцог Бедфорд обратил на этот предмет особенное внимание: он уже выстроил на своих землях до 100 крестьянских домов (cottages), отличающихся как удобствами для жизни рабочих, так и соответственностию требованиям гигиены. В отношении своем к президенту королевского Общества сельского хозяйства он говорит: "При постройке этих cottages моя постоянная мысль была приобщить сельское народоселение к пользованию выгодами и удобствами того благосостояния, которым по милости его мы наслаждаемся, и утвердить между владельцами, наемщиками земли и рабочими то взаимное благорасположение, которого равно требуют здравая политика и высшие побуждения человеколюбия". Герцог Нортумберланд не замедлил последовать благому примеру герцога Бедфорда и устроил у себя по его образцу много таких cottages. Другие землевладельцы также пошли этим путем, и теперь во многих краях Англии уже построены для рабочих дома удобные и для здоровья благоприятные. Но не все опыты были равно удачны; много встретилось затруднений и неудобств, которые нужно было устранить. В последнее время напали на разные счастливые мысли по этому предмету, и в числе их одна из самых обильных последствиями есть изобретение полых кирпичей, т.е. с пустотою внутри (hollow bricks). Заметили, что дома рабочих обыкновенно сыры, что воздух в них тяжел и смраден и что все деревянное очень скоро приходит в гнилость. При сломках этих строений увидели, что кирпичи превратились в несженную глину, которая, как губка, принимает в себя сырость. Сделали опыт: выстроили дом из кирпичей, коих середка, т.е. внутренность, была пуста; пол был выстлан такими же кирпичами. Последствия этого опыта были самые удовлетворительные; дома с первого года оказались сухими, теплыми и удобными во всех отношениях. Одно было неудобство – дороговизна сего рода кирпичей, делаемых станками и руками. К счастию, английская изобретательность вскоре пришла на помощь: изобрели машины, которые легко и поспешно делают кирпичи с такою пустотою, какая нужна по роду постройки и употребления. Выгоды этого рода построек, опытом доказанные, суть следующие: 1-ая, сухость, потому что посредством трубок, образованных пустотою, всякая сырость вытягивается, 2-ая, теплота, потому что пустота в кирпичах менее пропускает холод, и стены остаются недоступными морозу, так, что до 1/3 расходов на отопление было сбережено жильцами этих домов; 3-я, дешевизна постройки, потому что стали класть стены тоньше, что известки на заливку более не требовалось, и на стены нужно было одною третью меньше и что пол начали делать не из дерева, которое в Англии чрезвычайно дорого, а из полых кирпичей; и, наконец, 4-я выгода этих построек та, что стены из полого кирпича не пропускают звуков и что разные семьи, их лица, живущие в одном доме, друг друга не тревожат шумом». Стр. 47–50.

"Будем надеяться, что и у нас обратят внимание на крестьянские избы и дворы, которые своею первобытностию, теснотою и отсутствием всяких удобств вызывают на подвиги ум и деятельность архитекторов, помещиков и всех вообще благонамеренных людей. Само собою разумеется, что не постройки cot-

tage’ев должны быть целью их трудов, но следует позаботиться о том, чтобы русской избе со всеми ее принадлежностями доставить те удобства, которые нужны крестьянину при его образе жизни и при условиях нашей местности и сурового климата”. Стр. 53–54.

“После Англии Северо-Американские Штаты по земледелию занимают первое место, а для нас, русских, едва ли их хозяйства не интереснее и самых великобританских ферм. Англия, по своему огромному народоселению, по дороговизне земель и по распределению, отчасти искусственному, ее богатства и нищеты, слишком далеко отстоит от нашего пространного, еще мало населенного и юного отечества. Америка к нам ближе; условия, при которых развивается и совершенствуется там земледелие, имеют более сходства с условиями наших хозяйств. Почва, климат, избыток земель при недостатке рук и многие другие обстоятельства более или менее общи нам и Северо-Американским Штатам. Давно питаю сильное желание посетить этот край и на месте изучить некоторые вопросы, предлежащие нам к разрешению, а там уже разрешенные или приближающиеся к окончательному разрешению. С особенным любопытством посетил я американское отделение земледельческих орудий и машин, и хотя прислано из-за океана вообще мало предметов на Выставку, но и в малом по числу нашел я много по содержанию”. Стр. 54–55.

«На меня сильно подействовали Пауерова “Греческая невольница” и “Мазепа” итальянца Пиероти. Первая статуя признается почти всеми знатоками искусства, бывшими на выставке, за лучшее творение нынешнего времени; в ней, конечно, нет обиходной натуральности в позах и выражениях и мелочной оконченности в подробностях – отличительных свойств британского искусства; но зато идеальность лица гречанки, его спокойствие и красота всего тела таковы, что чувствуешь, как верно, хотя с некоторою осторожностью, выразил Шеллинг сущность искусства: “бесконечное проявлять в конечном”[2]. Трудно оторваться от “Греческой невольницы”, которая пленяет вас и прелестью форм, и в особенности глубокою, хотя спокойною грустью, внушенною ей бедственным ее положением. Мазепа, привязанный к дикой лошади, есть группа, поражающая зрителя силою и смелостью выражения в чертах Мазепы и вообще непринужденностью всех положений». Стр. 74.

“По части мануфактур Соединенные Штаты прислали мало предметов на Выставку. Здравый их смысл не дозволил им состязаться по этим предметам с старым миром, где бедное, в города сжатое, народонаселение доставляет фабрикантам возможность тратить месяцы и годы работы за дешевую плату на выделку тончайших тканей, резной и мозаичной мебели и других предметов роскоши”. Стр. 76.

"Душа, основная мысль всех американских изобретений и учреждений, есть, возможно, большее упрощение, удешевление и обобщение всех предметов, служащих для удобства и полноты жизни". Стр. 77.

"Португалия и Испания доставили отлично богатое собрание образцов по части естественных произведений. Страны сии преизбыточествуют и металлами, и строительными материалами, всякого рода хлеба и травы роскошно прозябают на их почве; тропические деревья, кустарники и растения охотно там произрастают; мериносы, обогащающие шерстью Европу, произошли из сего полуострова и доныне там разводятся почти без ухода, шелки добываются при самом малом труде; португальские и испанские вина, табаки и многие другие произведения считают Европу своею данницею. Но как богат полуостров естественными произведениями, так беден он на Выставке мануфактурными изделиями, и – за исключением ружей, нарядных пистолетов и других стальных предметов роскоши, за исключением нескольких образцов тончайших сукон и богатейших бархатов (изделий двух, трех в Европе фабрик) – нет ничего достойного замечания. Странно, горестно, непонятно это усыпление людей посреди богатств природы. Как бы для разгадки этого явления прислана на Выставку модель мадридского цирка, где 4000 человек сидят и услаждают свое зрение разными приключениями боя быков". Стр. 81–82.

"Несмотря на все механические усовершенствования в Европе, еще не удалось нам добыть ни фарфора, ни писчей бумаги, равняющихся доброкачественностью китайским произведениям сего рода. Тонкость, легкость, звучность и прелесть китайского фарфора недостижимы; то же должно сказать о плотности писчей бумаги, при чрезвычайной ее тонине, и об ее легкости при желаемой непромокаемости. Китайские шелковые материи с рисунками так изящны, что восхищение умеряется лишь тем, что рассчитываешь с ужасом сумму истраченной работы на произведение этих бесполезных чудес. При обозрении этого отделения не переставали меня тревожить два чувства: то удивление к совершенству, до которого человеческое прилежание может довести ремесла, то сожаление о том, что людской труд расточается так суетно и бесполезно". Стр. 83–84.

"Чугунные изделия не менее удивительны и разнообразны. Употребление чугуна в Англии усиливается постоянно, и должно думать, что в непродолжительном времени он изгонит почти совершенно из построек дерево, которое в Англии очень дорого и которое видимо упадает в общем к нему благорасположении. Здесь делается из чугуна почти все – от самых огромных до самых мелких, от самых грубых до самых затейливых вещей. В руках англичан чугун превратился в послушный воск, сохранивши при том и даже усиливши свою пословичную твердость. Наш чугун очень хорош, но все-таки видны в нем крупинки и ноздринки; английский чугун представляет совершенно плотную массу". Стр. 90.

“Главные выводы из осмотра выставки были для меня следующие: 1-е, нет в мире народа, который бы почти по всем отраслям промышленности ушел далее англичан; а потому чему бы кто ни хотел учиться, должен ехать в школу Англии; 2-е, теория Луи Блана и вообще более или менее всех французов, требующих, чтоб правительство вмешивалось во все промышленные производства и оказывало им деятельное содействие[3], победоносно опровергнуты примером Англии, достигшей в промышленном отношении высшей степени развития, а между тем известно, что британское правительство совершено не вмешивается в дела частных лиц и компаний; 3-е, эта земля, преклоняющая колено перед королевою – символом власти, по-видимому, самая аристократическая, но в существе своем если не самая общинная, то, конечно, самая общественная, направила теперь всю деятельность своего ума, сил и капиталов на удешевление товаров и на обобщение употребления всех предметов, служащих для жизни и благосостояния народа; 4-е, в Англии, более чем где-либо, науки прямо и обширно применены к ремеслам и к вещественному быту людей; здесь убеждены, что теперь без науки нельзя шагу сделать ни в каком производстве, что плоды наук созревают только при свободном их развитии и что желать плодов без исполнения сего условия значит посягать на жатву без посева, без живительных дождя и солнца. Одним словом, рассматривая вещественные произведения Англии, исполняешься высокого мнения о нравственном и умственном ее величии”. Стр. 92–93.

“Если пребывание в Англии располагает вас к настоящей оценке мудрости, жизненности и силы этой земли, если обзор ее естественных и мануфактурных произведений возбуждает в вас высокое мнение о богатстве, ловкости и смышлености ее жителей, то осмотр английских машин и орудий раскрывает вам тайну вещественного величия этого острова и заставляет вас смотреть на его обитателей с особенным каким-то чувством, скажу даже, с удивлением. Чем более вы всматриваетесь в изобретенные и усовершенствованные ими орудия и машины, чем более вникаете в глубокий их смысл и учитываете обилие даваемых ими результатов, тем понятнее становится для вас статистика Великобритании. Англичане – не как прочие люди; силы их возведены в какую-то степень x; массы, тяжести, пространство и время повинуются их разуму и воле. Все это произвели – машины, главный двигатель их – пар; а потому и неудивительно, что англичанин смотрит на каменный уголь и на пары как на краеугольные камни своего могущества”. Стр. 93–94.

«По части гражданской архитектуры английское отделение чрезвычайно богато: выставлена бездна моделей мостов, сводов, лестниц, труб и пр. Два предмета привлекли всеобщее внимание: модели трубообразного моста, соединяющего остров Енглези с Англиею, и висячего моста, сооружаемого в Киеве. –

В этом отделении я встретил одного русского архитектора, по-видимому, человека умного и смышленого; с восторгом говорю ему о важных открытиях и чудесах, совершенных в Англии по строительной части, об удивительных цементах и пр. пр.; ответ его меня просто сразил: "Помилуйте, – сказал он, – здесь нет ничего нового – все это нам известно". – Вообще немного наших соотечественников перебывало на выставке, но даже из этих немногих большая часть извлекла из ее осмотра мало пользы; и почему? По тому самому убеждению, которое так чистосердечно высказал наш архитектор. Да, нам все известно, а на деле выходит, что мы знаем очень немного. Мы схватили верхушки европейской образованности и думаем, что просвещение мы себе усвоили. Мы приняли и принимаем манеры, платье, внешний образ жизни Запада и воображаем, что у своих старших братьев по просвещению мы взяли все, что составляет принадлежность образованного человека; а на поверку выходит, что мы взяли то, чего могли бы и не брать; и не взяли именно того, чем нам следовало воспользоваться. На Западе науки, художества, ремесла и многие другие проявления человеческой деятельности достигли значительного развития; они содержат в себе опытность, завещанную человечеству веками, тысячелетиями. Главным производителем во всех отраслях человеческой жизни был и есть труд; его-то более всего мы чуждаемся. Всякое дело там, как и везде, успевало настолько, насколько оно соответствовало местным и временным нуждам народа, т.е. потребностям его духа, нравственного и умственного его развития, общественного его устройства и пр. Мы ездим в Европу, берем там все, что нас поражает, и часто возвращаемся с презрением ко всему своему – старинному и родному. Мы водворяем к себе роскошь Запада, его безнравственность, его холодность к религии, его умничанье; а не понимаем, что это лишь больные побеги дерева просвещения. Нам следует не перенимать у Запада, а изучать его; мы должны не бросаться на плоды его образованности, но вникать в самую эту образованность с тем, чтобы отделять в ней все доброе от худого, пользоваться первым и устраняться от последнего. – Мы делаем совершенно тому противное; и неудивительно, что вообще производим мало в науках, и в художествах, и в прочих отраслях человеческой деятельности; что многое, нами производимое, слабо, бесхарактерно и бесплодно. Мы, т.е. люди, получившие так называемое европейское образование, мы чужды труда; мы насыщаемся больными плодами видимого западного просвещения, не развивая своего коренного живительного начала. Да, нам все известно, повторяем на разные лады слова архитектора; а не знаем лишь одного: не сведение о чем-либо составляет знание, но знание заключается главнейше в знании этого знания, т.е. его источника, существа и составных частей. Тогда знание плодотворно; а без этого оно есть знание попугая, который повторяет слова, даже целый ряд слов, но эти слова для него без смысла и без результата. Будем изучать Европу и ее просвещение; но перестанем по почте получать оттуда только сведения; будем изучать свою землю и в настоящем, и в старинном ее быту; постараемся сродниться с нею и глубоко проникнем себя истиною, что дерево просвещения растет не ветвями, а корнями. Срубленная ел-

ка, хотя бы и была обвешана виноградом, апельсинами и яблоками, своего плода не даст. Нам предстоит не семя класть в землю для произведения дерева; русское дерево возращено столетиями; оно глубоко пустило в землю свои сильные корни; оно уже не дичок; к нему издавна привито святое православие; молодые, но сильные ветви уже осенили нашу землю. Если мы в этом сомневаемся, то вина в том наша; мы старались получать сведения об Европе, изучать же Русь мы считали делом излишним. Да и могли ли мы прежде, ослепленные искусственностью и многообразием Запада, изучать свое русское, истинное по его простоте, высокое по его смирению, существенное по его жизненности. – Но время кончить. – Завтра выезжаю из Лондона для обзора английских сельских хозяйств на месте». Стр. 97–99.

В тексте “отчета” Александра Ивановича находятся рисунки следующих машин и орудий: 1) паровая подвижная машина Тёксфорда, 2) плуг Гауарда, 3) бороны Чильямса, 4) глыбодроб Кросскиля, 5) шведская борона Кросскиля, 6) сеялка Гаррета, 7) пропашник Гаррета, 8) сеносушилка Смита, 9) конные грабли, 10) ручные грабли Смита, 11) молотилка с подвижною паровою машиною Гаррета, 12) молотилка Голмеса, 13) конный привод Гаррета, 14) зернодроб Гаррета, 15) сортовка Гиллама, 16) фура Бёсбия, 17) фура Крауля, 18) жатвенная машина, или жнея Маккормика, 19) жатвенная машина Гусеа, 20) жатвенная английская машина Гаррета, 21) маслобойня.

Как завершение сельского хозяйства в тексте находится план и описание образцового ко́тэджа для рабочего семейства.

По возвращении с выставки Александр Иванович сделал сообщения о виденном и слышанном “Московскому обществу сельского хозяйства”. В следующем году выписанные им машины и орудия были подвергнуты испытанию сначала в селе Спешневе (Данковского уезда Рязанской губ.), а потом в селе Песочне (Сапожковского уезда Рязанской губ.). К испытанию были приглашены как члены “Общества”, так и все желающие сельские хозяева окрестные и отдаленные.

Результаты испытаний Александр Иванович изложил в особой брошюре: “Об испытании английских и американских машин и орудий в 1852 году. Москва. В Унив. типографии. 1852”.

При испытании и оценке машин и орудий Александр Иванович руководился не только чисто сельскохозяйственными целями, но и гуманными. Так, оценивая относительное достоинство жатвенных машин, он говорит: “Сверх того жатвенная машина имеет право на внимание почтеннейших наших сочленов и всех вообще помещиков не по одним вещественным выгодам: это орудие должно облегчить самый тяжкий труд женщины, уже и без того обремененной разными физическими страданиями. Верно, каждый с радостию воспользуется первою возможностию уплатить свой долг человечеству; а при введении жатвенных машин, даже несовершенных, улучшения не замедлят последовать, и, смеем надеяться, что со временем они упразднят тягостный для работ серп”.

(“Об испытании английских и американских машин и орудий в 1852 г. Москва. 1852. А. Кошелев”. Стр. 19–20.)

Издательница.

Приложение четвертое:

а) Письмо к государю и б) Записка о денежных средствах России.

Всемилостивейший Государь!

Трудно, почти невозможно, для частного человека у нас составлять какие-либо, на верных данных основанные, предположения по делам государственным; но есть случаи, когда мысль невольно к ним несется и когда любовь к Отечеству и Царю не позволяет таить в себе то, чем душа и ум преисполнены. Теперь, когда Севастополь и значительная часть наших границ находятся под ударом врагов[1] и когда грозит России война многолетняя, нередко высказываемые опасения насчет слабости денежных средств России глубоко огорчают всякого верноподданного. Денежные наши средства казались мне всегда гораздо более значительными, чем вообще полагают. Я изложил свои убеждения по сему предмету; полная уверенность в силы и будущность России еще более проникла душу мою и внушила мне смелость повергнуть их на воззрение Вашего Императорского Величества.

Быть может, что записка моя недельна и несвоевременна; в таком случае благоволите, Государь, видеть в ней только порыв верноподданнической преданности.

Вашего Императорского Величества

Верноподданный

А.И. Кошелев.

Отставной надворный советник.

Апреля дня 1855 года.

О денежных средствах России в настоящих обстоятельствах

Положение нашего отечества в настоящее время так затруднительно, так важно и так опасно, что невольно оно делается предметом всех наших дум и забот. Конечно, царь и его советники стоят у руля, наблюдают за ходом корабля и принимают, по лучшему своему усмотрению, меры для благоуспешного его направления. Но не случается ли иногда, что малосведущий рыбак указывает искусному кормчему подводный камень и обход вокруг него и тем предохраняет корабль от грозящей ему беды? Иное виднее для простого человека, чем для людей и умнейших и опытнейших, но устремивших свое внимание на самые видные стороны дела. А какое теперь в ходу дело? и сколько у него сторон? Ум це-

пенеет при одной думе об нем; каковó же тщательно наблюдать за ним, направлять многоразличные отрасли его, устранять встречающиеся препятствия, исправлять частные неудачи, побеждать открывающиеся невозможности и проч. и проч. и проч.? Страшно об этом и подумать. А потому не долг ли каждого русского, преданного своему отечеству, теперь более, чем когда-либо, высказывать мысли, которые, по его убеждению, могут быть полезными царю и людям, помогающим ему нести бремя настоящего дня? Если мысль дельна, то ею воспользуются; если она пуста, то ее откинут; а из десяти мыслей, от глубокого убеждения высказанных, едва ли не будет хоть одна дельная; а одна мысль дельная может уже сделать много добра. Под влиянием сей-то надежды и по требованию совести счел я долгом изложить, по возможности кратко, следующие мысли.

Важность денежных средств в военном деле

И прежде деньги имели сильное влияние на исход войны; а теперь финансы заключают в себе чуть-чуть не всю военную задачу. Чьи денежные средства дольше вытерпят, тот и победит. На сем-то основании многие европейские публицисты обещают несомненную победу западным державам, ибо они считают их несравненно богаче России, которая, по их мнению, при крайних усилиях может выдержать еще одну кампанию, а в 1856 году, разоренная и побежденная, должна будет принять те условия, которые победителям угодно будет ей даровать[2]. Не будем обманывать себя льстивыми надеждами, но и не станем убивать своей деятельности излишними опасениями; а потому рассмотрим несколько обстоятельно положение наших финансов и средства, нам предлежащие.

Государственные долги России

Наш государственный долг внешний и внутренний на 1-е января 1854 года (по официальным сведениям) простирался до 417 746 425 рублей сер. После того сделан был заем чрез посредство банкира Штиглица в 50 миллионов рублей сер.; были также выпуски билетов казначейства. Допустим, что наш государственный долг дошел даже до пятисот миллионов рублей сер. Эта сумма представляет с небольшим наш двухгодовой доход. Франция имеет долг, равняющийся четырехгодичному ее доходу; а Англия должна не более и не менее, как пятнадцатилетнюю сложность своих доходов. Следовательно, в этом отношении наше финансовое положение нестрашно.

Но у нас, кроме этого долга, есть еще другой долг. Сумма кредитных билетов, выпущенных по 1-е сентября 1854 года (по показанию г. Тенгоборского), простиралась до 345 227 000 руб. сер., а разменного фонда имелось 146 563 000 руб. сер. Следовательно, еще год государственного дохода должно отнести к покрытию государственного долга.

Государственные доходы России

Государственные наши доходы, по показанию г. Тенгоборского, дошли в 1853 году до 224 мил. руб. сер., из которых 100 мил., по его же показаниям, расходовались на содержание военных сил. Трудно не усомниться в истине сей последней цифры; вероятно, многие статьи, содержание крепостей, флота и другие расходы не включены в эту сумму; ибо известно, что три пятых государственных доходов едва покрывали в мирное время издержки военного и морского ведомств. Теперь, при умножающейся армии и при чрезвычайных издержках на содержание, передвижение и пр. наших войск сумма, потребная для военного ведомства, должна слишком удвоиться, и я думаю, что можно без ошибки назначить на чрезвычайные издержки по случаю войны еще от 100 до 150 мил. рублей сер. в год. – Откуда получать ежегодно такую сумму?

Если б война должна была продолжиться один или два года, то выпуском кредитных билетов и билетов казначейства и другими обыкновенными средствами можно было бы кое-как покрыть предстоящие государству расходы. Но война грозит быть многолетнею; размеры ее становятся все огромнее и огромнее; и со дня на день делается очевиднее, что одоление врага достанется на часть того, чьи денежные средства долее вытерпят. Следовательно, нельзя уже более обманывать себя надеждами на мир и должно, наконец, решиться на войну, без оглядки вспять. Какие же денежные средства имеем мы, чтоб вести войну многотрудную и многолетнюю?

Денежные средства России

Средства наши суть: усиление налогов, займы, выпуск кредитных билетов и пожертвования.

I. Усиление налогов

Первое средство, при настоящем развитии наших производительных сил, едва ли удобно вообще; теперь же оно совершенно невозможно. Цифра наших налогов, конечно невелика сама по себе, но она значительна потому, что наши, в обращении находящиеся, богатства и наши добывки нельзя не назвать крайне ограниченными. Англичанину легче заплатить причитающиеся с него 17, а французу 12 руб. сер., чем русскому взнести следующие с него $3^1/_2$ руб. сер., а за исключением жен, детей и престарелых, не менее 14 руб. сер.* Наши налоги, по слабому развитию наших средств, вовсе нелегки. Едва уменьшилась наша вывозная торговля, и она, составляющая менее, чем двадцатую часть наших де-

* Эта цифра, как и все прочие, быть может, не совсем верна; ибо частному человеку невозможно иметь верных сведений по делам нашего государственного хозяйства. Впрочем, они служат здесь не доводами, а только приблизительными данными для соображений.

нежных оборотов, так подавила всю внутреннюю торговлю, что чувствуется тяжкий застой везде и во всем. При неурожае, почти повсеместном, цены на хлеб во всех хлебородных губерниях низки; крестьяне и помещики едва в состоянии уплатить подати и взнести проценты в кредитные установления. Мануфактуристы уменьшили свои производства, а торговцы не могут сбыть на деньги свои товары. К тому же третий набор в течение менее полутора года почти удвоил подати. Теперь решительно ничего более нельзя взять с крестьян; и даже едва ли нынешние повинности так исправно уплатятся, как они доселе платились. – В таможенных доходах должна быть довольно значительная недовыручка; и питейный сбор, доведенный до размеров чрезвычайных, едва доставит следующие с него деньги; к тому же он основан на контрактах и, следовательно, и не может быть увеличен. Усиление подати на соль есть средство, на которое может быть указано в ответах на статьи европейских публицистов; но мы, русские, знаем всю невозможность его приведения в действо: этот прибавок налога лег бы преимущественно на низший класс, который и без того беден и платит все, что он только может уплатить; и сверх того имел бы самое вредное влияние на общественное здоровье и на земледелие. Прочие наши налоги так незначительны, что удвоение их не даст казне и десяти миллионов рублей сер. Следовательно, налоги не могут доставить нам нужных средств к продолжению войны.

II. Займы

Займы могут быть внешние и внутренние. Уже опыт доказал, как тягостен заем внешний в настоящих обстоятельствах. Он едва состоялся летом текущего года; он, вероятно, совсем не может состояться теперь, когда область войны все более и более расширяется. Следовательно, возможен только заем внутренний. Нельзя не сознаться, что вообще мы бедны капиталами, что капиталы, которые мы имеем, уже все находятся в кредитных учреждениях, т.е. в руках правительства, что мы особенно страдаем недостатком капиталов и отсутствием частного кредита и что эти два бедствия суть главные причины теперешнего застоя нашей торговли. Заем внутренний извлечет последние деньги из народа, и сверх того он не доставит казне денег в действительности, ибо мы должны будем взять их из банков, которые имеют незначительные наличные фонды и которым казна должна огромные суммы; следовательно, она должна будет возвратить кредитным учреждениям почти те же суммы, которые она получит от частных лиц.

Многие думают, что мы можем сделать заем внутренний посредством выпуска билетов казначейства. Конечно, эти билеты пользуются общим к себе благорасположением. Они ходят во внутренности России даже с премиею и их довольно трудно доставать. Но до сих пор, по показанию г. Тенгоборского, их выпущено только на 75 мил. рублей сер. При теперешнем застое торговли и промышленности значительный выпуск сих билетов едва ли разойдется безостановочно. К тому же для приобретения сих билетов усилятся выемки из банков и

уменьшатся вклады в сии учреждения, и барыш будет только для частных лиц, которые вместо 4 процентов в год получат $4^{32}/_{100}$ процента. Следовательно, к этому внутреннему займу должно отнести то же, что мною сказано о внутренних займах вообще.

Некоторые финансовые люди говорят, что казна в обеспечение внутреннего займа может представить свои рыбные ловли, земли и другие имущества. Это обеспечение могло бы удовлетворить европейских капиталистов при внешнем займе; но наши денежные люди сочтут их менее чем за ничто. Мы верим нашему правительству, его стойкости и добросовестности, верим совокупности его доходов и нравственной его ответственности за долг; но если оно представит в обеспечение часть своих доходов или иной вещественный залог, сохраняя при том неограниченную свою власть на распоряжение всем и всеми, то общее доверие к казне не только не усилится, но ослабнет; ибо в этом действии всякий русский увидит лишь грустный признак затруднительности ее положения. Огромность капиталов, вложенных в банки, свидетельствует о нашем доверии к правительству. Теперь оно у нас не может более занять, потому что уже все, или почти все, что имеем, мы ему уже доверили. Следовательно, и этот источник необилен и не может соответствовать потребностям настоящего времени.

III. Выпуск кредитных билетов

Выпуск кредитных билетов есть, конечно, источник богатый и могущий, повидимому, удовлетворить всем государственным нуждам в настоящее время. Но этот благодетельный и обильный ключ исходит из такой вершины, которая даже не подлежит действию верховной власти. Усилить его труднее, чем даже в начале открыть, и указами его не оживишь, когда он начнет иссякать. Не говорю о Франции и Австрии, где бумажки доходили до бесценности, но собственная наша история нынешнего столетия сохранила для нас урок, который мы не должны забывать. Еще люди, ныне живущие, помнят, как ассигнации пользовались общим доверием и как они были любимою ходячею в государстве монетою. При усиленных выпусках они начали упадать: в 1803 году рубль серебром стал уже ровняться 1 руб. 25 коп. ассигнациями; в 1810 году он дошел до 3 рублей, а в 1815 году он представлял не более, не менее, как 4 руб. 18 коп. ассигнациями. Известно, какое расстройство произведено было этим государственным банкротством в частных и казенных оборотах и богатствах; но тогда весь наш быт частный, общественный и государственный был гораздо проще и малосложнее. Вполовину меньшее банкротство казны ныне произведет вдвое большее расстройство в государстве; единство и твердость наших кредитных установлений, высоко ценимых даже иностранцами, беспристрастно в оные вникнувшими, погибнут безвозвратно, и Россия поставлена будет на краю погибели. – Известны усилия нашего правительства с 1817 года к восстановлению ценности бумажек; но известно также, что результаты далеко не соответствовали его ожиданиям. Наш государственный кредит несколько утвердился только с 1843 года, когда установлена была новая система би-

летов с разменным фондом. Конечно, наш разменный фонд значителен, и он может снести выпуск новых кредитных билетов на 50, на 100, даже, быть может, на 200 мил. руб. сер. Но 50 или 100, или даже 200 мил. рублей, выпущенных билетами, не истощат ли всей возможности дальнейших выпусков? Выпуск такой значительный, произведенный в течение одного или полутора годов, не уронит ли их ценности? Не наводнит ли он государства капиталами, которые тотчас не найдут себе деятельного помещения и поступят в кредитные учреждения? Не страшна ли уже и без того цифра вкладов в наши банки? – Дерзко было бы отвечать отрицательно на эти вопросы. Мы знаем, как твердо доверие народа к кредитным билетам; но мы знаем также, с какою похвальною осторожностью правительство доселе их выпускало. Конечно, важен при бумажных деньгах разменный фонд, но еще важнее для их ценности итог выпущенных билетов.

Для каждого государства во всякое время есть известная сумма денег, потребная для его оборотов. Если эта цифра ниже местной потребности, то дорожают деньги и дешевеют товары, и извне мало-помалу пополняется недостаток в деньгах привозом драгоценных металлов. Если сумма денег в государстве выше местной потребности, то дешевеют деньги и дорожают товары, – и металлические деньги выходят из государства. Как первый недостаток несколько стесняет развитие промышленности, но ограждает государство от внезапных потрясений в торговле и кредите, так последний недостаток, оживляя временно мануфактуры и торговлю, готовит им более или менее тяжкие кризисы. До сих пор мы удерживались до некоторой степени в золотой середине между сими двумя крайностями. Усиление цифры кредитных билетов следовало постепенно за развитием торговли и промышленности; но теперь, при остановке денежных оборотов, не чувствуется ли уже излишек в кредитных билетах? Звонкая монета исчезает из обращения; полуимпериалы вымениваются в Москве по 5 руб. 25 коп., а в Варшаве цена на них 5 руб. 35 коп. и даже 38 коп.; и требования размена билетов на золото, как слышно, усиливаются. Несмотря на запрещение вывоза золота за границу, разве не вывезут его жиды, умевшие, как говорят, провезти контрабандою несколько тысяч штуцеров? Не будет ли правительство в необходимости приостановить размен билетов на золото, и чрез то не лишит ли их того основания, которое доставляло им доселе даже предпочтение пред золотом и серебром? Цены у нас на товары и имущества в последние 15 или 20 лет хотя возвысились, но это возвышение было постепенное, едва чувствительное и еще вовсе не чрезмерное в сравнении с прочими европейскими государствами. Если мы теперь, при общем застое торговли, в течение года выпустим 50 или 100 мил. рублей сер., то отнюдь не должны льстить себя надеждою, что такой выпуск, значительный и внезапный, не произведет потрясения в денежных оборотах. Конечно, и за муку, и за сукно, и за подводы билеты будут сначала приниматься охотно и безостановочно, потому что ими можно уплатить и подати в казну, и проценты в банковые учреждения; но будут от этих денег излишки, и эти излишки неминуемо произведут повышение цен внутри государства и уронят курсы в отношении к чужим краям. Правительство должно будет впоследствии покупать и провиант, и вино, и прочие нужные для него вещи по возвышенным ценам; и в той мере, как выпуски билетов будут усили-

ваться, цены на произведения будут возвышаться, и мы дойдем до худшего положения, чем то, в котором столько лет находилась Австрия, где билеты Wiener Währung* имеют почти ничтожную ценность. Я сказал, что наше положение будет худшее, потому что у нас все банки в руках правительства, что наши банки, за отсутствием частного кредита, представляют весь кредит России, и что сколько этот порядок вещей тверд при обыкновенных обстоятельствах, и даже во времена чрезвычайные при большой осторожности правительства, столько же он будет бессилен, но совершенно бессилен при потрясении доверия к правительству. У нас доверие к правительству еще сильно, – оно еще продержится; но если оно начнет упадать, то, как единое в России, оно будет упадать не постепенно, а быстро и так быстро, что ничем нельзя будет его удержать. Следовательно, и этот источник, сколько он ни богат, ни заманчив, не может дать нам средств к продолжению войны многотрудной и многолетней.

IV. Пожертвования

Последнее средство, которое остается нам рассмотреть, есть пожертвования. Конечно, нельзя сомневаться в готовности русских жертвовать всем для спасения отечества. Мы видели, с каким единодушием Россия прошедшею зимою готова была на пожертвования, когда дело шло только о вспомоществовании единоплеменным и братьям во Христе. Теперь дело касается нас еще ближе: хотят унизить, сжать Россию. Конечно, в последнее время желание жертвовать, видимо, поослабло, но это единственно потому, что мы не знаем, необходимы ли для правительства пожертвования, что мы смущены его уступчивостью в отношении к европейским державам[3] и что даже мы боимся, чтоб пожертвованные нами деньги не послужили на уплату военных издержек Франции и Англии. Наши пожертвования прошедшего года были только заявлениями нашего желания жертвовать. Теперь для пожертвований мы ждем, чтоб цель войны более уяснилась, чтоб царь сказал, как некогда сказал император Александр I, что он не положит оружия, пока земля русская не будет совершенно очищена от врагов и пока святое дело, для которого начата была война, не будет исполнено; и сверх того мы ждем, чтоб дана была нам возможность принести на алтарь отечества действительные жертвы. В настоящем виде наши пожертвования могут мало доставить пользы казне: за дворянством считается с небольшим 10 мил. душ, или около 4 000 000 тягол[4]. Тягло обыкновенно дает от 15 до 25 руб. сер. дохода. Следовательно, доход дворянства с поместий может быть определен в 80 мил. рублей сер. Но большая часть имений заложены в кредитных установлениях, и взносится процентов в оные не менее 30 мил. рублей сер. Сверх того, сколько дворян, обремененных частными долгами, разными взысканиями и многочисленными семействами, из которых по одному или по нескольку лиц содержатся ими в войсках. Если дворянство пожертвует десятый процент с своих доходов, то и в таком случае менее 5 мил. поступит в казну.

---

* венской валюты (*нем.*).

Допустим, что купечество пожертвует около той же суммы. Это составит только 10 миллионов. Сверх того дворянство и купечество, жертвующие каждое с своей губернии и в своем городе, не могут жертвовать ни с равным единодушием, ни в равных размерах. Непременно они будут смотреть друг на друга; и как они спешили заявлять о своем желании жертвовать, так ныне они будут мешкать действительными пожертвованиями, ибо никто не захочет много отстать от других, но никто не согласится, при нынешних трудных обстоятельствах для земледелия, мануфактур и торговли, взвалить на плечи своего общества преимущественную тяжесть пожертвований. Впрочем, допустим почти невозможное: положим, что дворянство и купечество в сложности пожертвуют вдвое против наших исчислений; это уже будет крайний, разорительный предел их возможности жертвовать; а между тем сумма дойдет только до 20 миллионов. Сумма сама по себе, конечно, значительная, но в сравнении с потребностями войны весьма недостаточная. К тому же подобные пожертвования породят те же неудобства, которые мы выше указали, говоря о налогах и внутренних займах: они извлекут из народа остальные капиталы, умножат выемки из банков и уменьшат вклады в оные. Следовательно, и этот источник, сколько он ни свят, ни важен, однако недостаточен для покрытия необходимых издержек войны.

Обыкновенные денежные средства недостаточны

Из всего вышеписанного ясно, что обыкновенные, доселе употребленные, средства достаточны в совокупности для покрытия расходов одной, быть может, двух кампаний; но кто поручится, чтоб не было трех, четырех кампаний, а, быть может, и более? Европейские державы убеждены в слабости финансовых средств нашего правительства. Конечно, ответ г. Тенгóборского на статью Леона Фоше[5] не мог изменить их убеждений. На эту нашу слабость они рассчитывают, конечно, более, чем на свои пекзаны, револьверы и плавучие батареи. Можно ли надеяться, что они в конце 1855 или 1856 года будут к нам милостивее, чем теперь, когда они требуют ни более, ни менее, как нашего унижения и посрамления? Европа думает, что без ее денег мы бессильны и что наше правительство в скором времени окажется совершенно несостоятельным к продолжению войны. Не важно ли, не необходимо ли теперь ей показать, что наши средства огромны и что они также неиссякаемы, как и собственные их средства? Такое заявление не будет ли путем к миру более надежным, чем принятие нот, обманчиво нам из Вены предлагаемых? Но какие же иные средства мы имеем?

Богатство и бедность России

Недаром Россия издавна слыла и еще ныне слывет страною богатою: почва ее плодородна; морей, рек и озер в ней обилие большое; горы ее исполнены всяких металлов, и народ здоров и смышлен. Конечно, богаты мы от природы, но бедны лишь от самих себя: пути сообщения у нас крайне недостаточны; земледелие находится в детстве; мануфактуры живут лишь займами извне; торговля вну-

тренняя очень слабо развита, а внешняя дышит почти одним иностранным кредитом; доверие между частными лицами едва существует; общественных предприятий нет или почти нет; науки у нас питаются лишь крохами, падающими с трапезы богатых. – Грешно скрывать в землю дарованные таланты. Не в наказание, смеем надеяться, а в назидание наше начинается теперь у нас великая борьба с Западом, где всякие производительные силы в последние 40 лет развились до размеров едва вероятных. В Европе по железным дорогам товары и войска летят из одного конца земли в другой; мануфактуры почти все приводятся там в движение парами, удесятеряющими силы человеческие; обращающихся капиталов столько, что даже при значительных государственных займах торговля и промышленность не терпят от того большой остановки; кредит частный так силен, что случающиеся банкротства нимало его не подрывают, и всякий, предпринимающий что-либо дельное, всегда находит деньги; общественных предприятий столько, что правительства считают даже долгом налагать некоторые границы слишком заносчивым предприятиям; наконец, науки втянули в круг своей деятельности земледелие, мануфактуры, кредит, финансы и проч., и по всем частям они творят неслыханные доселе чудеса. Даже военное дело до того усовершенствовано там наукою, что среди мира сделаны в нем значительные улучшения: оружия французские и английские имеют решительное превосходство над нашими, французские стрелки уничтожают наших артиллеристов и смущают наши колонны; а флоты Англии и Франции, воспользовавшиеся новейшими усовершенствованиями, ходят по морям, как люди ходили доселе посуху.

Что России теперь делать?

Что же нам теперь делать? Как развивать нам свои силы и разрабатывать те богатства, которыми мы так щедро наделены от Бога! Средств к тому много, указать их нетрудно; но теперь нужнее всего достать денег, много денег, и не в будущем, а в настоящем, – или мы должны подвергнуть себя уничижению пред врагами нашими.

Конечно, ни один русский не согласится купить мир, хотя для нас крайне нужный, ценою уничижения пред врагами, и всякий готов хоть себя заложить, лишь бы только покончить с честью дело, начатое с целью благою. Мы бедны деньгами, но богаты преданностью к нашей родине и теми неисчерпаемыми кладами, которые заключаются в земле и в нас самих. Эта преданность к отечеству может нас самих преобразить и создать даже деньги, которых у нас нет в наличности.

В чрезвычайных случаях и средства должны быть чрезвычайные

В чрезвычайных случаях и средства должны быть чрезвычайные. Доселе правительство и народ составляли две силы, хотя связанные чувствами любви, но часто разъединенные видами, интересами и способами действия. Слияние этих двух сил теперь нужнее, чем когда-либо. Оно одно может спасти нас в настоящую ми-

нуту. Доселе наше доверие к казне было более вынужденное, чем добровольное, ибо мы вверяли свои наличные деньги государственным кредитным учреждениям, потому что за отсутствием частного кредита мы почти не могли их иначе поместить. Теперь предстоит нам доверить казне то, чего нет еще в наличности и что должно быть у нас только со временем. Такое доверие может быть только добровольное и должно истекать из полного и глубокого убеждения в великой будущности России: властью такого доверия не породишь и силою не определишь и не возьмешь того, чего еще нет. Оно возможно только при полном искреннем доверии, т.е. при слиянии воедино правительства и народа. Одни слова не в состоянии произвести такого великого дела; нужно для того личное, изустное общение между правительством и народом. Пусть царь созовет в Москву как настоящий центр России выборных от всей земли русской; пусть он прикажет изложить действительные нужды отечества, – и мы все готовы пожертвовать собою и всем своим достоянием для спасения отечества. Как такая готовность может выражать только наши чувства, ибо нельзя ни всем идти на войну, ни все достояние России употребить на военные расходы, то выборные, с общего совета, определят способ осуществления этой готовности. В людях у нас недостатка не было, нет и не будет. Мы не англичане; наемников искать не будем; всякий, и старый и малый, готов идти за Отечество.

Новый вид внутреннего займа, обеспеченного всем достоянием России

Но выборные наши изыщут средства к добытию денег для войны; они определят известный сбор с деревень, с заводов, с фабрик, с капиталов и с других имуществ для составления суммы не той, которую они предоставят в распоряжение правительства и которая не может быть значительною, но той суммы, которая будет служить только для уплаты процентов с погашением на билеты, имеющие быть выпущенными, на основании сего пожертвования, и которая, следовательно, будет в много раз более итога сумм, назначаемых к ежегодному сбору. Если выборные на первый раз определят ежегодный взнос только шести миллионов рублей сер., то эта сумма из расчета шести процентов даст уже казне возможность выпуска билетов сего нового, так сказать, народного займа на 100 мил. руб. сер. Проценты на сии билеты определены будут, вероятно, те же, какие ныне платятся на билеты казначейства, т.е. $4^{32}/_{100}$, и, следовательно, останется один процент на погашение и $^{68}/_{100}$ процента на необходимо долженствующие быть расходы и на недоимки по сбору этих денег. Сбор сей должен продолжиться 36 лет и по мере развития наших производительных сил будет все менее и менее для нас обременительным. Билеты сего займа отличатся от нынешних билетов государственного казначейства тем, что они будут уплачиваться не все сполна по истечении 8 лет, как то доселе было, а по истечении известного срока, ежегодно по частям; и что для уплаты процентов и погашения долга назначена будет особая сумма, имеющая собираться со всех имуществ России. Они будут тверды, ибо обеспечением их будет служить все достояние России. Вид этого пожертвования возможен, ибо не все достояние России принесется в жертву, но лишь процент с оного, т.е. часть дохо-

дов с этого достояния. Этот пожертвованный налог будет менее тягостен, чем налог от правительства установленный, потому что он будет добровольно утвержден, что он падет на такие имущества, которые, по мнению выборных, могут оный снести, и что он будет по возможности уравнительно разложен. Он извлечет из народа и из кредитных установлений немного денег, ибо из 100 рублей, предоставляемых в распоряжение казны, только 6 рублей потребуются теперь и поступят большею частию из доходов, а не из капиталов. Этот налог в 6 мил. руб. сер. доставит казне 100 мил. руб. сер., и может быть со временем повторен столько раз, сколько нужды войны того требовать будут. Подобный выпуск не уронит кредитных билетов, ибо билеты сего займа будут не деньгами, ищущими помещения, но деньгами, уже помещенными и проценты приносящими.

Быть может, что, одобряя предлагаемую мною меру, иные скажут, что они не видят необходимости созывать выборных со всех концов России, когда наше правительство само может установить всякий нужный налог. На это я должен отвечать, что налоги у нас и теперь нелегки, что нового налога на какие-либо вещественные, осязательные предметы придумать теперь трудно, что правительство справедливо опасается усиливать налоги уже существующие, что усиленные налоги никогда не дают ожидаемого от них сбора, что государь принимает пожертвования и что даже он своим последним манифестом нас на то вызывает[6]. Следовательно, пожертвования самим правительством считаются нужными. Главная цель моего предложения есть доставить для продолжения войны суммы значительные и вместе с тем дать пожертвованиям вид разумный и цели соответственный, ибо нельзя не сознаться, что бывшие доселе пожертвования, в которых участвовал более или менее, посредственно или непосредственно, почти всякий русский, доставили казне мало, очень мало денег. – Попытайтесь указом установить налог с доходов, и вы увидите, что он доставит казне еще менее денег, чем сколько ей доставили пожертвования, даже в настоящем виде. – Переложите его даже на имущества, и вы в десять лет не определите ценности имуществ или разверстаете его так, что иной будет платить мало, а другой несоразмерно много, и вы как раз установите премию в пользу обмана и бессовестности и налог на честность и усердие к отечеству. – Чтоб этот налог был производителен, надобно, чтоб он был доброволен, чтоб он доставлялся по собственному личному убеждению в необходимости и пользе этого взноса и чтоб клеймо стыда налагалось общим мнением на уклоняющихся от сей повинности.

Возражения против предлагаемого способа

Против сего единственного, по моему мнению, способа к спасению отечества в предстоящей борьбе с Европою могут быть сделаны следующие возражения:

1. Собрание выборных может затруднить действия правительства.

2. Созвание выборных неудобно по огромному пространству России и по медленности наших сообщений. Также щекотливо решить, от каких сословий выборные должны явиться в собрание.

3. Сбор процентный для выпуска билетов предлагаемого займа не доставит ожидаемых от него сумм как потому, что невозможно определить с некоторою верностию стоимость имуществ России, так и потому, что взнос этих денег будет едва ли исправен.

Рассмотрим сии возражения одно после другого.

Созвание выборных может затруднить действия правительства. Опровержение

Первое возражение истекает из знания Европы и ее истории и из незнания России и ее истории. Как оппозиционный дух присущ Западу, так он чужд человека русского. История наша может служить тому неопровержимым доказательством. Выборные от всей земли русской собирались много раз в Земскую думу, представляли царям свои приговоры и не оставили в истории ни единого следа оппозиционного направления. Думы думали, царь решал, и действия правительства ничем не ограничивались. Подобные Думы созывались при предках ныне царствующего императора, даже в первые годы царствования Петра Великого[7]. При императрице Екатерине были созваны депутаты для составления общего уложения для империи; дело не удалось по разным причинам, но, конечно, не по оппозиционному духу, в нем развившемуся[8]. Даже император Александр в годину вторжения Наполеона в наши пределы созывал московское дворянство и купечество как представителей России[9], ибо тогда не доставало времени для созыва выборных от всей земли русской; и в этом собрании союз государя с народом скреплен был так, что вся Россия одушевилась одним чувством, что встала вся, как один человек, и готова была положить и себя, и все достояние на алтарь Отечества. – Собрания дворянства, купечества, мещанства и крестьян бывают у нас постоянно в узаконенные сроки; и ни в одном подобном собрании не проявляется никогда дух оппозиционный. Почему? По слабости ли, по разъединенности ли и по необразованности этих собраний? Но разве слабые, еще более разъединенные и еще менее просвещенные, французские, итальянские, немецкие и другие общины и сословия с древнейших времен не проявляли оппозиции и против королевской власти, и один против другого? Мы любим власть, верим ей и убеждены в том, что она должна быть сильна, чтоб быть благотворною; и сопротивление власти, потребность ее ограничить также чужды русского народа, как и самого православия, составляющего сущность всего нашего быта. Для иностранцев это непонятно; для людей, хотя русских, но образованных духом Запада, оно также кажется странным; но для всякого истинно русского оно так естественно и разумно, что он даже не допускает возможности противного направления у нас в России и с сожалением смотрит на мутящуюся Европу. Созвание выборных в Москву в теперешнее, крайне важное и грозное время оживит всю Россию, скрепит союз царя с народом и воздвигнет такую силу, которая в состоянии будет сокрушить все замыслы искусственно соединенной Европы.

Собрание выборных затруднительно по пространству России. Опровержение

Второе возражение столь же малоосновательно. Конечно, Россия пространна, и сообщения у нас медленны, но созыв, избрание и приезд выборных в Москву потребует не более двух, трех месяцев. Если из отдаленных стран они и не приедут к сроку, то беда невелика. Один манифест об этом созыве уже произведет большое одушевление в России и в ее войсках. Европа кознями и софизмами соединяет силы вещественные, нравственные и умственные против России. Неужели штыками и одними массами мы думаем их одолеть? Необходимо обратиться к живым русским силам, – к сочувствию, к смышлености, к самоотвержению русских. Этого теперь нельзя произвести одними манифестами. В такую минуту, какова настоящая, необходимо царю и народу стать лицом к лицу и в живом общении скрепить соединяющие их узы. – Такое созвание и на Европу произведет действие весьма сильное. Там увидят, что уже имеют дело не с одним с.-петербургским кабинетом, а со всем народом русским; а там знают, что такое войны против народов. Западные державы видят, что наши дипломаты, некогда заносчивые, теперь мягки и уступчивы и что избранный нами способ войны оборонительной предоставляет им выгоды огромные; а потому они надеются, что Россия постепенными уступками доведена будет до того, что она возвратит все приобретенное ею в течение последних 50 лет. Одно созвание выборных в Москву поднимет дух русский и подавит дерзкие замыслы Европы. – Что же касается до решения того, от каких сословий должны быть созваны выборные, то это зависит совершенно от воли правительства. От кого ожидают и желают пожертвований, от тех должно созывать и выборных.

Сбор процентный для выпуска билетов предлагаемого займа не доставит ожидаемых от него сумм. Опровержение

Наконец, должно рассмотреть последнее возражение. Основанием ему служат, как кажется, или чиновничьи понятия о вещах, или отчаяние в будущности России. Конечно, определение ценности имуществ в России крайне затруднительно для правительства, действующего за номерами, на бумаге и чрез чиновников, вообще не пользующихся ни его, ни нашим уважением; но теперь, когда все трепещут за честь, безопасность и судьбу России и когда все пламенно желают помочь царю в предстоящей борьбе с Европою, то и это, конечно, трудное дело окажется не только возможным, но даже и менее многосложным, чем вообще полагают. Впрочем, всякая вещь трудна и легка, невозможна и удобна, глядя по тому, с какого конца за нее возьмешься. Ученый кадастр[10], как его делали во Франции и Баварии, для нас невозможен; но приблизительная оценка, под влиянием общей готовности всякого русского пожертвовать всем для спасения Отечества, сделается так легко и скоро, что изумятся даже те, которые считают это дело не крайне трудным. Русский человек одарен чудною способно-

стью дела делать просто: плотник выстраивает и выделывает избу с помощью одного топора; счеты с деревянными катушками заменяют ему всякую бухгалтерию. Почему и выборные в несколько дней изустных совещаний более и лучше все это устроят, чем могли бы то сделать чиновники в продолжение многих годов. С помощью некоторых статистических данных, имеющихся в Министерствах финансов и внутренних дел, и сведений, которые доставят сами выборные, это определение ценности имуществ легко может быть составлено. На первый раз оно будет несовершенно; впоследствии оно может быть исправлено самими выборными на местах; но главное дело уже будет сделано. – Сомневаться же в сборе сих процентных денег значит отчаиваться в России. Если правительство не имеет веры в нас, если мы не имеем веры в него и в самих себя, то остается нам просить, Христа ради, помилования у врагов наших. Как такие мысли чужды всякого русского, то не считаю нужным останавливаться более на опровержении сего мнения.

Самые существенные возражения против предлагаемого займа

Самые существенные возражения, которые могут быть сделаны против выпуска билетов нового, мною предлагаемого займа, заключаются, во-первых, в том, что огромное их количество, прибавленное к сумме уже выпущенных кредитных билетов, уронит ценность бумажных денег вообще; и во-вторых, что для приобретения сих билетов усилятся выемки из кредитных установлений и уменьшатся вклады в оные; и что, следовательно, сказанное мною против выпуска кредитных билетов и против внутренних займов вообще может быть сказано и против этого займа. В этом много справедливого, хотя и не все. Конечно, масса денег прибавится, ибо часть билетов нового займа заменит деньги, обращающиеся в народе, а равно и лежащие в кассах на случай надобности в оных; но не должно выпускать из виду существенную разницу, имеющуюся между кредитными билетами и билетами нового займа: первые требуют помещения, последние суть уже деньги помещенные и проценты приносящие. Правда, что сии билеты отчасти увеличат денежный итог в государстве, но только *отчасти*, ибо значительнейшая часть из них будет лежать, как билеты банковые, в шкатулках, в залогах и проч., и, следовательно, не будет собою умножать обращающийся денежный капитал. Что же касается до умножения выемок и уменьшения вкладов, то, конечно, необходимо будет усилить резервный фонд банков, т.е. выпустить кредитных билетов на некоторую сумму; но этот выпуск, соединенный с выпуском билетов, приносящих проценты, будет незначителен и во всяком случае несравненно менее обременит денежный обращающийся фонд, чем если б допущено было умножение оного чрез выпуск одних кредитных билетов. Сверх того этот заем, заключая в самом себе и свое погашение, не готовит правительству в будущем никаких затруднений, чего, конечно, нельзя сказать о выпуске одних кредитных билетов. Само собою разумеется, что гораздо было бы выгоднее для государства и для частных лиц не умножать кредитных

билетов и не делать нового займа; но как война не грозит нам в будущем, а уже есть в настоящем, то лучше откровенно занять у будущего, и тяжесть ее разложить на всех граждан, чем молча, так сказать, украдкою разорять государство, подвергать значительному убытку всех производителей в течение продолжительного времени и готовить в близкой будущности полное государственное банкротство в России. – Главная моя надежда при предлагаемой мною мере основана на оживлении России в промышленном и торговом отношении. Как мы страдаем не худосочием и не истощением сил, а только застоем крови во всех частях нашего огромного тела, то при одушевлении, которое неминуемо произведет в нас с искренностию написанный манифест о собрании выборных от всей земли русской и при некоторых мерах к поощрению торговли, промышленности и земледелия, все наши силы – умственные и вещественные – быстро устремятся к развитию. В этом великом деле существенную пользу должно принести собрание выборных: люди разных сословий и из разных местностей укажут на причины застоя внутренней торговли, на препятствия, удерживающие развитие мануфактур и земледелия, и на меры, которые могут быть приняты для усиления и распространения всех отраслей народной промышленности. При нынешнем застое денег у нас, быть может, уже слишком много; при оживлении же промышленности почувствуется в них даже недостаток; и одновременные выпуски билетов кредитных и билетов заемных не только не переполнят чашу денежного обращения, но будут источниками умножения народных богатств. Все дело в том, чтоб нас принудить к разработке наших сокровищ, и если война это исполнит, то миллионы, которые она поглотит, возвратятся к нам с лихвою.

Франция произвела один значительный заем и решилась учинить другой; Австрия прибегла к этому средству в размерах огромных; и Англия также готовится на подобную меру. Россия заняла 50 мил. рублей чрез посредство банкира Штиглица, выпустила несколько серий билетов казначейства и усилила на 50 мил. резервный фонд банков; но всех этих денег едва должно быть достаточно на расходы истекающего года, будущие же потребности войны остаются, кажется, непокрытыми. К каким средствам прибегнет ныне правительство для получения нужных денег? Прибегнет ли оно к усилению налогов, или к внутреннему займу, или к выпуску кредитных билетов, или к пожертвованиям, или к совокупности всех этих средств? Или, из опасений финансовых, решится оно на мир неславный?.. Все эти опасения терзают Россию, подавляют дух ее и убивают ее промышленность и торговлю. Тайна нужна в некоторых военных и дипломатических делах; но она есть гроб для государственного кредита. Мы верим вполне людям и правительствам, которых дела нам вполне известны. Как скоро они начинают свои распоряжения прикрывать тайною, то доверие наше слабеет и наконец иссякает. Доказательств тому много и в частной, и в государственной жизни. Кто должен более Англии? и чей вместе с тем кредит крепче английского? Почему? – Потому что все действия английского правительства по финансовой части совершенно гласны. Мог скрывать свои дела Наполеон, стремившийся покорить мир под свою державу и разоривший чрез то Францию

и всю Европу; но Россия в настоящей войне стоит за дело святое, все сыны ее вполне сочувствуют в этом своему царю и готовы отдать все для достижения благой цели настоящей войны. Правительство может сказать: мне нужно столько-то денег и на такие-то потребности; и Россия со всеми ее физическими, нравственными и умственными силами окружит царя и составит ему против европейских домогательств оплот несокрушимый! Какая вместе с тем жизнь разовьется во всей империи: прекратится тяжкая неизвестность, убивающая ныне торговые и промышленные предприятия; всякий, зная, что добывать деньги нужно, будет изыскивать к тому средства; с оживившимся доверием к правительству возникнут у нас новые фабрики и заводы; составятся компании для устройства нужнейших железных дорог, и внутренние обороты так усилятся, что с излишком вознаградят нас за временное отсутствие внешней торговли. Нужно для всего этого лишь одно доверие царя к народу; народ же с своим доверием уже стремится к нему навстречу. Да утвердит Господь доверие между царем и народом и да будет оно для них источником крепости, богатства и славы.

Декабря 1854 года, Москва.

Приложение пятое

Записки по уничтожению крепостного состояния в России А.И. Кошелева*

I. О необходимости немедленного уничтожения крепостного состояния.
II. О различных способах освобождения крестьян.
III. Предполагаемые меры к освобождению крестьян.
IV. Предполагаемые меры к освобождению дворовых людей.

I

О необходимости уничтожения крепостного состояния в России

Мало теперь людей, безусловно отрицающих справедливость и необходимость уничтожения крепостного состояния в России; а потому излишним было бы доказывать как то, так и другое и опровергать доводы упорных и застарелых приверженцев этого учреждения, высказываемые без всякого разумного основания и с явною преданностию личным выгодам. Но прежние защитники крепостного состояния все сильнее, громче и настойчивее проповедуют о несвоевременности это-

---

* Эти записки были отправлены государю в начале 1858 года.

го преобразования в России в настоящую пору. Они чувствуют, что безуспешно и неблаговидно защищать самое крепостное право на людей, уже осужденное на смерть как общественною совестию, так и современными требованиями промышленности, народного благосостояния и государственной безопасности; и потому, допуская неминуемость этой перемены, они соглашаются теперь на строгие распоряжения против помещиков, употребляющих во зло свою власть, и изъявляют даже готовность содействовать к смягчению и к постепенной отмене этого права. Но доводы их против немедленного и действительного освобождения крестьян и дворовых людей, и меры, ими предлагаемые к достижению со временем этой цели, таковы, что в них явно высказывается намерение признать право свободы с тем только, чтобы оно всегда оставалось в туманной будущности и никогда не переходило в неприятную для них действительность. А потому рассмотреть главные их возражения, показать всю несостоятельность и лишь кажущуюся дельность оных, обнаружить настоящую причину их слов и действий, объяснить, что все ограничения помещичьей власти суть чистая невозможность и один оптический обман вроде турецкого хатти-хумаиюна, и доказать, что теперь, так сказать, *не завтра,* а *ныне* должно приступить решительными мерами к великому делу уничтожения крепостного состояния – вот задача, налагаемая настоящим положением дел в России на совесть всякого, истинно любящего свое отечество. Не филантропические увлечения, не из умозрения истекшие убеждения, не требования иноземной цивилизации заставляют меня взяться за перо; побуждают меня к тому двадцатипятилетняя, почти постоянная жизнь в деревне, распоряжение значительными имениями не через управляющих, а личное, непосредственное и, могу сказать, неусыпное, сношения почти ежечасные с своими и чужими крестьянами и дворовыми людьми, с отпущенниками и с лицами свободных состояний и наблюдение за господскими и крестьянскими хозяйствами в разных местностях. Никак не льщу себя мыслью представить вполне удовлетворительное разрешение этого вопроса, но думаю, что могу сказать несколько из опытности почерпнутых слов.

Главные возражения против уничтожения крепостного состояния

Противники немедленного уничтожения крепостного состояния утверждают.

Во 1-х, что крепостные люди еще так необразованны, что опасно, просто невозможно теперь даровать им свободу.

Во 2-х, что они беспечны, ленивы и преданы пьянству и что без побуждения к труду со стороны помещиков они еще более впадут в бедность и разврат.

В 3-х, что при уничтожении крепостного состояния последует расстройство в общем государственном хозяйстве, ибо люди, получив свободу, не захотят работать; что не только помещичьи поля останутся без обработки, но что даже фабрики и заводы остановятся за недостатком рабочих.

В 4-х, что наши земские и городские полиции и вообще все управление так худо устроено и так предано лихоимству, что невозможно теперь уничтожить помещичью власть, еще несколько поддерживающую общий порядок в государстве.

В 5-х, что с уничтожением крепостного права на людей помещики будут разорены, крестьяне подпадут под хищническую власть чиновников и выйдет для тех и для других положение худшее против настоящего; для государства же последует оттого окончательное расстройство в управлении.

В 6-х, что нет достаточных средств для побуждения крестьян к исполнению обязанностей, которые на них лягут вследствие освобождения в отношении к помещикам или казне.

В 7-х, что до отмены крепостного права необходимо заблаговременно устроить сельское управление, которое могло бы заменить власть помещичью.

В 8-х, что при освобождении крепостных людей произойдут беспорядки и даже резня.

В 9-х, что с уничтожением крепостного права должны последовать разные перемены в государственном устройстве, которых конечным последствием будет потрясение самодержавия.

Наконец, в 10-х, что при уничтожении крепостного права нужно подумать и о вознаграждении за оное помещиков, на что, кажется, правительство теперь средств не имеет.

Вот главные возражения против немедленного уничтожения крепостного состояния. Есть еще много других доводов, выставляемых в пользу удержания существующего порядка вещей, но они или еще менее дельны или все сводятся к вышеизложенным возражениям. Разберем их обстоятельно одно за другим.

I. Крепостные люди еще так необразованны, что опасно, просто невозможно даровать им свободу

Неоспоримо, что крепостные люди вообще мало образованы; но кто определил и чем определяется степень образования, на которой неопасно, возможно даровать людям свободу? Чем доказали наши крепостные люди, что они стоят на степени низшей против той, на которой можно дать человеку право распоряжаться своими действиями? Нет ли недоразумения в самом понятии об образовании, обусловливающем, по мнению некоторых, возможность для человека быть хозяином своего тела, своих членов, своих способностей и трудов? Не упущено ли в этом случае из вида нечто, стоящее выше образования, – просвещение, которое человека делает человеком? Для того чтобы распоряжаться своими действиями, не нужны, думаю, сведения, впрочем весьма полезные, из географии или истории, не нужна самая грамотность, конечно, во всех отношениях вожделенная, еще менее необходимы некоторые обычаи и привычки так называемых благовоспитанных людей; достаточно для этого, полагаю, здравого смысла, просветленного и утвержденного искреннею верою. Неужели наши крепостные люди этого условия не выполняют? В замечательной смышлености не отказывают нашему народу даже иностранцы; неужели же мы, живущие посреди его, говорящие одним с ним языком, еще до того ослеплены нашим пристрастием ко всему иноземному, что не в состоянии видеть настоящее просве-

щение, живущее в нашем народе, и что не можем оценить его образование иначе, как заграничными мерками и образцами. Настоящее просвещение для всякого человека истекает из коренного понятия об отношениях его к Богу и людям; – это коренное понятие заимствовано нашим народом из спасительного учения Христова. Для простолюдина это учение есть не умозрительная какая-либо система, не плод выводов и заключений, а истина живая, воплощенная во все его понятия и частности жизни. Некоторые, я знаю, думают, что в нашем народе суеверие сильнее веры; но такое мнение показывает лишь то, что они не вникли в быт и смысл нашего народа и что собственные предрассудки мешают им видеть действительность*.

Конечно, есть в нашем народе суеверия, но в ком же их нет? Самые великие мудрецы не были от них совершенно свободны, основа же верований нашего народа есть душевная, горячая вера в Христа. Она для русского есть то солнце правды, которым освещается и согревается весь мир его чувств, мыслей и деяний. Путешествуя по Европе, я изучал с особенным тщанием нравы и обычаи различных народов, почему смело могу сказать, что нигде не находил я такого глубокого сочетания жизни с религиею, как у нас, особенно в крестьянском сословии. Наш крестьянин не начинает никакого дела, не призвавши предварительно Бога к себе на помощь; по совершении дела ему он воздает славу и благодарение; в бедах к нему же он обращается с молитвою; отчаяние редко овладевает душою русского человека; он и умирает легко и спокойно, не по равнодушию к жизни, не из усталости, ибо жизнь любят и в темницах, и в ссылке, и в невольничестве, а потому, что наш народ видит во всем волю Божию и что он глубоко верит в жизнь будущую. В сношениях с другими людьми крестьянин наш терпелив, снисходителен, общителен и вовсе не чужд любви к ближним; милостыню подает он в истинно-христианском духе без расспросов, с крестным знамением; и самый отказ, при невозможности что-либо подать, сопровождается у него добрым пожеланием (Бог подаст). Наш народ покорен властям и законам не из раболепства и не из трусости, а из убеждения, что всякая власть от

---

* Впрочем, не у нас одних люди высших сословий не знают народа и в особенности крестьян. Вот что об этом говорит А. Токвиль, имея в виду Францию: "Ce n'est jamais qu'à grande peine que les hommes des classes élevées parviennent à discerner nettement ce qui se passe dans l'âme du peuple, et en particulier dans celle des paysans. L'éducation et le *genre* de vie ouvrent à ceux-ci sur les choses humaines des jours qui leur sont propres et qui demeurent fermés à tous les autres. Mais quand le riche et le pauvre n'ont presque plus d'intérêt commun, de communs griefs, ni d'affaires communes, cette obscurité qui cache l'esprit de l'un à l'esprit de l'autre devient insondable, et ces deux hommes pourraient vivre éternellement côte-à-côte sans se pénétrer jamais". (L'ancien régime et la révolution. Paris, 1856, pag. 227). ("Представителям высших сословий всегда с большим трудом удается постичь и уяснить, что происходит в душе народа и, в особенности, крестьянства. Образование и образ жизни открывают свойственные только им стороны человеческой жизни, которые остаются скрытыми для всех остальных людей. Когда богатый и бедный практически не имеют ни общих интересов, ни общих претензий или дел, эта неясность прячет их сущность друг от друга, делая ее непознаваемой настолько, что эти два человека могли бы вечно жить бок о бок, не интересуясь жизнью друг друга") (Старый порядок и революция. Париж, 1856. С. 227.)

Бога и что исполняющий волю начальства исполняет вместе с тем и волю Божию. Кажется, что в этом отношении наш народ безукоризнен, и если бывали и бывают ослушания и возмущения, то виною оным не крестьяне, а помещики и начальства, которые своим корыстолюбием, наглостию и жестокостию сокрушали всякое терпение и вынуждали, наконец, людей делать то, чего у них не было и на уме. Семейственные связи в крестьянстве еще так крепки, что большие семейства встречаются в нем сплошь и рядом, и после смерти отца старший брат, а иногда и другой, более способный, становится всему семейству вместо отца. Что же касается до общественных отношений в крестьянском сословии, то они весьма разумны, сильны и тверды; это доказывается благоустройством весьма многих сел, оброчных, предоставленных самоуправлению, и еще тем, что при ослаблении помещичьей власти общинный дух, мирские сходки, суд стариков и проч. возвращаются в полной силе, как будто всегда были в ходу. И народ, проникнутый такими чувствами, одаренный такими способностями и таким благоразумием и снабженный такими как бы присущими ему учреждениями, считать неспособным распоряжаться своими членами, действиями и трудами!

Впрочем, допустим даже то, чего допустить нельзя: согласимся, что крепостные люди крайне необразованны; но кто же и когда их образует? Не помещики ли? За исключением нескольких выродков из этого сословия, большинство дворян никогда не заботилось и впредь, конечно, не озаботится образованием крепостных людей. Теперь более 50 лет толкуют о предстоящем освобождении крепостных людей, а много ли школ дворянство устроило по своим деревням? Думало ли оно о представлении им большего досуга на поучение в церквах, на изучение грамоты и на приобретение некоторого довольства? Из среды самих помещиков едва ли кто ответит на эти вопросы утвердительно. К несчастью, всем известно, что школ в помещичьих имениях для крестьян почти вовсе нет, что сходки и суды стариков все более и более заменяются произвольными действиями управляющих, что оброчные имения переводятся на барщину, что трехдневная работа почти нигде не соблюдается, что воскресения и праздники в большей части помещичьих имений отличаются от будничных дней не освобождением от работы, а высылкою, часто поголовною, на иную, почти всегда конную работу*. А что касается до довольства крестьян, то помещики заботятся только о том, чтобы крестьяне не умирали с голода и чтобы они имели достаточное количество лошадей для работы. Помещики очень хорошо понимают, что грамотность, образование и довольство враждебны крепостному праву на людей, что последнее существует только на счет первых, что прежде крепостное состояние удерживалось у нас одинаковостью просвещения, правов и обычаев и тем, что называется патриархальностию, которой теперь уже нет и которая возвратиться не может, и что теперь это положение, выгодное для помещиков, может на

* "Сеять, пахать в праздник грешно, но хлеб свезти с поля, отправить его на пристань или завод, дровец привести, строение перетащить с места на место, городьбу починить и проч. Это ведь чисто праздничная работа" – вот обычное рассуждение помещиков и управляющих.

некоторое время быть сохранено только тщательным подавлением всякого самостоятельного духа и умственного развития в крестьянах и дворовых людях и содержанием их в недостаточном положении. Известно, как большая часть помещиков восстают против грамотности и боятся, чтобы их люди с жира не бесились*. Если помещики еще не удушили просвещения в народе, то это только потому, что сами они русские, что не все люди им крепки, что крестьяне и дворовые люди имеют самые частые сношения с вольными людьми и что помещики ленивы, беспечны и еще не вникли (хотя успехи их в этом значительны) во все утонченности своего звания душевладельцев. Нет, нельзя ожидать образования для крепостных людей от их помещиков: целое сословие на себя никогда рук не наложит. Следовательно, это возражение против немедленного освобождения крепостных людей не заслуживает никакого уважения.

II. Крепостные люди беспечны, ленивы и преданы пьянству; без побуждения к труду и без надзора со стороны помещиков они еще более впадут в бедность и разврат

Крестьяне и дворовые люди беспечны, ленивы и преданы пьянству; без побуждения к труду и без надзора со стороны помещиков они еще более впадут в бедность и разврат: вот возражение, которое обыкновенно следует за первым, нами только что рассмотренным.

В первой половине этого возражения есть некоторая доля правды; но нам ли делать этот упрек крепостным людям? Лишив их драгоценнейшего для человека блага – права располагать самим собою, мы хотим, чтобы они вместе с тем сохранили качества свободных людей – любовь к труду и заботу о самих себе! Взгляните на вольные села, даже на оброчные и барщинские имения, где, при достаточном наделе крестьян землею, оброк не чрезмерен и барщина не отяготительна; и вы увидите там избы крепкие, просторные, хорошо покрытые, дворы, тщательно обгороженные, а поселян чисто, даже нарядно одетых. А сколько ежегодно людей, откупающихся от рекрутства и на волю! Нет! такое сословие винить в лени и беспечности грешно вообще и в особенности нам, проводящим жизнь большею частию в безделье и удовольствиях и редко передающим родовое достояние детям нашим. Конечно, в барщинском имении, где вместо трех дней требуют четыре, пять, а иногда и все шесть дней или где оброк и при том тяжкий, – не с угодий, а с личности тяглецов и где сверх того имеется *отеческий надзор* за крестьянами, там дело совершенно иное: при таком положении помещик должен иметь в запасе и деньги на покупку лошадей для крестьян, и хлеб для довольствования их

---

* Помещики, откровенные защитники крепостного состояния, высказывают очень мило помещичью политику: "Людей нужно держать на подножном корму так, чтобы они с голоду не умирали, да и с жира не бесились".

при малейшем неурожае. При подобных распорядках крестьяне не заботятся ни о своих полях, ни о заработках на стороне, ибо они знают, что есть пекущийся о них помещик, который, по своей *отеческой предусмотрительности*, взял с них вперед вдвое, втрое больше, чем что следовало, или работою, или деньгами. Но в таком случае кого винить? Того ли, кто, изнемогая под тяжестию текущего дня, не заботится о будущем, или того, кто, накладывая на плеча другого неудобоносимое бремя, жалуется, что этот другой не наваливает на себя добровольно еще лишней тяжести. Нет! постоянный, многолетний опыт убедил меня, что в лени и беззаботности крестьян всегда виноват помещик, и он один. Наш народ не ленив и не беспечен, а, напротив того, трудолюбив и весьма предусмотрителен – любит беречь деньги на черный день: это доказывается многолетними, уже поседелыми кладушками и часто вырываемыми кладами; но убийственна для народной нравственности *отеческая попечительность* помещиков или их управляющих. Требуйте с крестьян то, что следует, и не заботьтесь о собственном их хозяйстве, и вам не придется жаловаться ни на их лень, ни на их беспечность. Что же касается до пьянства, то этот порок в русском народе не сильнее, чем в других народах, и в помещичьих имениях он не слабее, чем в вольных селах и деревнях. Если в имении, изнуренном барщиною, выпивается вина менее, чем в казенном селении, то в нем еще менее съедается хлеба, и причиною такого воздержания есть не лучшая нравственность, воспитанная помещиком, а большая нищета, ценою которой доставляется помещику возможность или держать большую стаю собак, или тратить лишние деньги на роскошь и разврат. Следовательно, от воздержания, насаждаемого помещиками в опекаемых ими крестьянах, нет пользы ни для государства, ни для крестьян, ни даже для самих *опекунов*, которые по большей части чем усерднее занимаются крестьянскою *опекою*, тем более сами нуждаются в опекунах. Известно, что опека учреждается над помещичьими имениями за неплатеж кредитным учреждениям, по частным долгам и проч. так много, что дворянские опеки крайне затруднены приисканием опекунов и часто принуждены назначать в эту должность людей, у которых имения уже находятся в чужом опекунском управлении. И такие люди упрекают крепостных людей в беспечности и говорят о необходимости помещичьего надзора и попечительства! Занимаясь сельским управлением не со вчерашнего дня и наблюдая за хозяйством других собратий помещиков в разных местностях, я постоянно замечал, что чем помещичья попечительность о крестьянах усиливалась, тем собственная заботливость крестьян о самих себе уменьшалась, и наоборот; что у *попечительных* помещиков крестьяне редко бывают в хорошем положении; и что благосостояние крестьян возрастает по мере предоставления им большого простора в их действиях. Следовательно, крестьяне не ленивы, не беспечны, не преданы пьянству, по присущим им к тому склонностям, а все эти пороки в них усиливаются и развиваются по вине помещиков, и уничтожение помещичьей опеки не ввергнет их в большую бедность и разврат, напротив того, послужит к уничтожению этих, крепостным состоянием укореняемых в них пороков.

III. При уничтожении крепостного состояния последует расстройство в общем государственном хозяйстве, ибо люди, получив свободу, не захотят работать; не только помещичьи поля останутся без обработки, но даже фабрики и заводы остановятся за неимением достаточного количества рабочих

Защитники крепостного состояния опасаются, что при освобождении крестьян и дворовых людей ощущаемый ныне недостаток в вольнонаемных людях усилится, что не только помещичьи поля останутся без обработки, но что фабрики и заводы остановятся за неимением достаточного числа рабочих и что от того последует расстройство в общем государственном хозяйстве. Что теперь ощущается недостаток в вольнонаемных работниках, это, в некоторых местностях и в известные времена, справедливо; но столь же справедливо и то, что в других краях и гораздо чаще люди нуждаются в работе, и я не знаю, какой из этих недостатков сильнее. Известно, что толпы людей, приходящих в Москву, Петербург, на пристани и в другие города, долго ищут работы и часто уходят домой, не нашедши себе занятия, или нанимаются за ничтожные платы. А в деревнях какое огромное количество людей, алчущих работы и остающихся дома только потому, что не имеют в виду заработок на стороне и не надеются таковых приискать. И притом какие платы стоят у нас на рабочих! Хороший плотник, мастер своего дела, с радостию нанимается на мельницу в год за 150 руб. ассиг. на хозяйских харчах; взрослый, добрый пахарь поступает в годовые работники за 80, 90, и не дороже 100, а с Святой до заговенья, т.е. за 7 летних месяцев он берет 60 или 70 руб. ассиг. также на хозяйских харчах; зимою же можно иметь настоящего работника, даже для трудного дела, за 10 руб. ассиг. в месяц на собственных его харчах или за 7 руб. ассиг. на хозяйских харчах. Существующие цены на рабочих при сельских хозяйствах, фабричных и заводских производствах доказывают, что у нас нет недостатка в рабочих и что скорее у нас есть недостаток в работе. Жалобы на первый недостаток происходят более от помещиков, заводящих фабрики на *коммерческом основании* и привыкших даром пользоваться работою своих крепостных людей, или от купцов, недобросовестно рассчитывающих своих рабочих. Бывают действительные недостатки в рабочих по временам и в известных местностях: так, в последние годы, при учащенных наборах и при ополчении, действительно нуждались в работниках; так, в Москве перед коронациею, за Волгою при урожаях пшеницы, в портах при приходе необыкновенного количества судов и в других чрезвычайных случаях точно цены на рабочих доходят до невероятной высоты, но эти случаи редки и кратковременны; вообще же недостаток в заработках гораздо чувствительнее и постояннее. Причина обоих недостатков заключается в худых сообщениях, не позволяющих рабочим легко переноситься туда, куда нужно. Опасение, что с уничтожением крепостного состояния недостаток в рабочих усилится, кажется совершенно неосновательным. И теперь отдельные люди и целые деревни становятся свободными, и не видно, чтобы

они предавались *dolce far niente** и избегали работы. Напротив того: они трудятся тем усерднее, чем более убеждены в том, что все выработанное есть их неотъемлемая собственность. Сверх того огромная масса лишних людей, содержимых нами в передних, на кухнях, на конюшнях, в садах и проч., потребуют работы; барщинские крестьяне, занимаемые у нас теперь разными пустыми, непроизводительными работами, будут свободны и станут также искать себе занятий; время, теряемое теперь при разных господских работах по правилу: "дела не делай, а от дела не бегай", останется равным образом в экономии и будет предлагаться в наем. В оброчных же имениях заработки пойдут обычным своим порядком. Если некоторые думают, что люди не будут работать, потому что не будет необходимости уплачивать оброк, то в успокоение их должно сказать, что крепостные люди сделаются свободными, вероятно, не даром и что в продолжение многих лет они должны будут выплачивать за свое освобождение повинность, почти равную ныне платимому ими оброку. Мнение, что крестьяне вырабатывают по мере помещичьих требований и что, при уменьшении их, они будут менее заботиться о заработках, или ни на чем не основано, или основано на том, что у нас, вопреки положениям науки политической экономии, плата за работу понижается при возвышении цен на хлеб и возвышается при понижении оных. Это явление очень понятно и нимало не подтверждает предыдущего мнения. У нас рабочая плата вообще низка, мало вознаграждает за труд, доставляя рабочему только возможность кое-как себя прокормить, одеть, обуть и повинности уплатить. При неурожаях все постройки прекращаются, хлебная молотьба и извозы уменьшаются, и огромное количество рабочих бежит на заработки. Помещики обыкновенно в такие времена отменяют барщину и отпускают своих крестьян для прокормления. Естественно, что цены упадают и что народ работает уже просто, как он говорит, *из живота*, т.е. из одного пропитания. Это, однако, вовсе не доказывает, что крестьяне работают только по необходимости и что как их потребности ограничены, то они предпочитают лежать на печи, чем добывать лишнюю деньгу. Мы видим богатые и бедные селения, и едва ли кому пришлось заметить, что благосостояние оных возрастает с увеличением помещичьих требований и падает с понижением оных. Сколько мне случалось наблюдать за господскими и крестьянскими хозяйствами, я всегда находил, что при малых и умеренных повинностях крестьяне усердно добывали себе деньги на покупку лучших построек, на более сытное продовольствие, на нужные и даже на нарядные одежды; находил я также, и это, к великому прискорбию, встречалось гораздо чаще, что при высоких, чрезмерных оброках и при тяжкой барщине люди упадали духом, жили в полуразвалившихся лачугах, ходили в лохмотьях и заплатах, ели один хлеб, и тот часто с мякиною, и для уплаты повинностей, в ограждение своей шкуры от побоев, продавали последнюю телку или свинью. Конечно, потребности наших крепостных людей невелики, но средства их к удовлетворению оных

* сладостному безделью (*итал.*).

еще ограниченнее, и им предстоит еще много трудов и забот, чтобы дойти до некоторого довольства. – Наш крестьянин беден не потому, что он ленив, беспечен или нечувствителен к прелестям довольства, а потому, что его повинности вообще тяжелы при скудости добывок. Следовательно, мнение, что крестьянин не будет работать, если помещик не будет толкать его в затылок, есть чистая клевета; следовательно, и расстройство в общем государственном хозяйстве, предвещаемое защитниками крепостного права на людей, есть одно из пугал, которыми они так удачно устрашают малодушных и малосведущих людей.

IV. Наши земские и городские полиции и все управление вообще так худо устроено и так предано лихоимству, что невозможно теперь уничтожить помещичью власть, еще несколько поддерживающую существующий порядок в государстве

Что наши земские и городские полиции и все управление вообще худо устроено и предано лихоимству, это мы готовы допустить, но мы не постигаем, чем помещичья власть помогает правительству в поддержании существующего порядка в государстве? Прочие сословия, не опекаемые помещиками, становят рекрутов, платят подати и исправляют все повинности не хуже, если не лучше помещичьих крестьян. Правда, что помещик судит и рядит своих людей, но, при отмене его власти, эти обязанности будут исполняться избираемыми от общества головами и старшинами точно так, как это водится в обществах мещан и крестьян государственных имуществ. Чем же помещик помогает правительству? Очевидно, что это одно из тех мнений, которое тем смелее и чаще повторяется, чем менее вникают в его смысл. При тщательном рассмотрении этого положения оказывается напротив, что крепостное право на людей есть именно то начало, которое всего более искажает наше частное, общественное и государственное устройство и которое, для своего поддержания, требует самых жестоких и самых исключительных мер. Если б мы не слышали довольно часто, что тут крестьяне не повинуются своему владельцу; что там они его высекли или убили, что в одном имении начальник губернии для усмирения пересек от 50 до 100 человек, что в другом месте должны были прибегнуть к военной силе и что стреляли пулями и даже ядрами; если бы мы не читали то тайных, то гласных циркуляров для внушения покорности крестьянам; если бы не знали, что сословие крепостных людей своим внезаконным положением всего более озабочивает правительство, то, быть может, мы еще могли бы поверить словам *отечески заботливых* помещиков и вообразить, что действительно слишком 20 миллионов людей управляются очаровательным жезлом патриархальности. К несчастию защитников крепостного права на людей, дела вовсе не оправдывают их слов, и превозносимое ими право является не пособием для правительства, а язвою, проедающею весь его состав, заражающею собою жизнь общественную и частную и уничтожающею всякую нравственность. Оно есть, конечно, одна из

главных причин лихоимства, ибо при нем невозможна гласность, а без гласности не может быть общественного мнения, единой твердой опоры всякого законного управления. При владении людьми мы постоянно, ежечасно нарушаем священнейшую заповедь человеколюбия и попираем самые неотъемлемые права людей; а потому, сидя в суде или распоряжаясь в звании высших или низших правителей, неужели мы остановимся перед какою-нибудь менее значительною неправдою? Нет! ни древние, ни средние, ни новейшие времена не представляют нам примера нравственного общества при существовании в нем рабства. Безнравственность есть Божия казнь за овеществление человека. Говорят часто, что нельзя уничтожить крепостного права на людей, пока у нас суды и полиции не улучшатся; но возможно ли последнее без первого? Наше прошедшее и настоящее положение, кажется, достаточно доказывает всю неудобоисполнимость этого преобразования, отдельно взятого. Принимались разные меры к искоренению лихоимства; разнообразили и усиливали надзор, умножали указы и предписания; упрощали и сокращали способ преследования; увеличивали наказания и проч., а зло росло и росло и все глубже и глубже укоренялось. Самое бдительное наблюдение со стороны казны, даже самые виселицы, не в состоянии улучшить судебный и полицейский порядок. Это изменение может быть произведено только улучшением частной и общественной нравственности, а к этому первым шагом должно быть уничтожение крепостного права на людей. Пример Пруссии в 1806–1813 годах в этом отношении крайне назидателен[1]. Следовательно, не должно откладывать уничтожения крепостного состояния до улучшения судебного и полицейского порядка; но необходимо начать с первого, чтобы дойти до последнего.

V. С уничтожением крепостного права на людей помещики будут разорены, крестьяне подпадут под хищническую власть чиновников и выйдет для тех и для других положение худшее, в сравнении с настоящим их бытом; для государства же последует окончательное расстройство в управлении

Опасение, что с уничтожением крепостного права на людей помещики будут разорены, совершенно неосновательно. Вероятно, правительство не совершит этого переворота, не назначив им за то вознаграждения. Если оценка потерь и определение вознаграждения будут справедливы, то помещики как будто продадут часть своих имений, и вырученные за то деньги они могут употребить или на погашение лежащих на них долгов, или на устройство своих хозяйств, или на покупку земель казенных, могущих и, вероятно, долженствующих в этом случае поступить в продажу. Ни в одном из сих предположений не заключается еще разорения для помещиков. Конечно, распоряжение господскими хозяйствами будет тогда несколько хлопотливее, чем ныне. Теперь если нужны рабочие, то вотчинное начальство высылает крестьян поголовно и держит их столько времени, столько необходимо или даже сколько ему угодно. Теперь множество работ ненужных, убыточных производится в господском хозяй-

стве единственно потому, что время крестьян, особливо в нерабочую пору, для помещиков, а тем еще более для управляющих, нипочем. Теперь, куда нужно на работу послать десять человек, туда назначают двадцать, тридцать человек, имея в виду лишь одно, чтобы дело было сделано. Теперь для умножения доходов прибегают к средствам самым простым – к увеличению оброка и запашки, не признавая в этом других границ, кроме физической возможности крестьян уплатить первый и управиться с последнею. По уничтожении крепостного права на людей дело будет совершенно иное: учет – вещь, совершенно неизвестная русскому помещику, сделается первою необходимостию всякого хозяйства; каждый лишний работник будет представлять лишний расход; все убыточные производства или уничтожатся, или будут устроены разумным образом; помещики или их управляющие должны будут озаботиться сокращением и упрощением работ, ибо иначе расходы не будут покрываться доходами. Тогда нужда обратит внимание помещиков на усовершенствованные орудия, на машины, на улучшение рабочего скота и проч. Тогда и только тогда наука сельского хозяйства двинется у нас вперед, ибо доселе она была лишь забавою для одних и карьерою для других; настоящим же делом она не была ни для кого. Впрочем, для землевладельцев, не желающих иметь собственные хозяйства, будет возможность отдавать в аренду, чего доселе они не делали, почти и делать не могли, и чтó тогда непременно войдет в обычай. При таком перевороте доходы с имений не только не упадут, а возвысятся, как это произошло во всех странах, где земля перешла в возделывание вольных рук. Всем известно, что окончательное освобождение крестьян в Пруссии, в других германских государствах и в последнее время в Австрии имело последствием возвышение ценности земли и с тем вместе увеличение владельческих доходов. В наших прибалтийских губерниях помещичьи доходы небыстро поднялись только потому, что освобождение крестьян было произведено слишком стеснительным для них образом и что оттого произошли колебания, которые долго лишали тамошние хозяйства необходимой устойчивости. Весьма памятны для нас совещания в английском парламенте, во французских камерах и в голландских штатах по поводу уничтожения невольничества в колониях: тамошние владельцы уверяли, что предполагаемый переворот их разорит, что они должны будут прекратить свои производства по невозможности получать достаточное количество вольного труда и по необходимости платить за него высокие цены и что вследствие этого метрополия как бы лишится своих колоний. Теперь сами эти колониальные хозяева сознают, что доходы их увеличились, что ценность их угодий поднялась, что хотя они платят за работу высшие цены, но что эта работа несравненно производительнее невольничьего труда и что колонии приносят метрополиям более дохода, чем прежде. Как нельзя допустить, что наши крепостные люди ленивее, беспечнее и невежественнее колониальных невольников и что наши помещики менее образованны, менее способны заняться делом и менее заботливы, чем тамошние плантаторы, то и нет никакого разумного основания думать, что освобождение людей разорит у нас сословие землевладельцев, какого действия оно не произвело даже в колониях. Эти опасения насчет расстройства хозяйственных

дел внушаются нашим помещикам не прозорливым угадыванием будущего, но боязнью труда, в особенности умственного, привычкою пользоваться чужою работою, любовью к безделью и болезненным страхом всего, что может их беспокоить и тревожить. Уничтожение крепостного состояния не только не разорит материально дворянского сословия, но оно поднимет его возбуждением в нем личной деятельности, изощрением его умственных способностей, развитием в нем самостоятельности и улучшением его нравственности. Впрочем, об этом еще будет речь впоследствии. Что же касается до того, что с освобождением крестьяне подпадут под хищническую власть чиновников и что их положение чрез то не улучшится, а станет еще хуже, то это утверждение еще менее справедливо, чем предыдущее. Знаю, что оно составляет любимое возражение многих против предполагаемого преобразования, но оно вполне опровергается следующим фактом: все крестьяне помещичьи, не исключая и тех, которые принадлежат добрейшим господам, готовы поступить в звание государственных крестьян, что они и доказывают, откупаясь на волю, часто за большие деньги и приписываясь, также не без значительных издержек, к этому сословию; из казенных же крестьян самые бедные ни за что не согласятся поступить в крепостные крестьяне добрейшего помещика. Из этого, конечно, не следует выводить заключения, что нынешнее управление государственными крестьянами хорошо и что все помещики дурны, – конечно, ни того, ни другого никто не решится утверждать; но такое положение необходимо истекает из самого существа крепостного и государственного крестьянского состояния. Чиновник самый дурной берет с крестьян лишь взятки, не может завести барщину, лежит своею тяжестию на плечах не нескольких десятков или сотен, а многих тысяч людей и не может давать своему произволу полного разгула. Помещик же есть полный безотчетный владелец принадлежащих ему крестьян: он обхватывает своею властию весь быт крепостных своих людей, он позволяет или запрещает им жениться; распоряжается их женами и детьми по своему усмотрению, и добрейший из душевладельцев есть все-таки судья в своем деле, распорядитель другими в свою пользу и законодатель по своему произволу. К тому же добрый помещик есть счастливый случай, редкое исключение из общего правила; огромное же большинство владельцев, конечно, не таково, чтобы выгодно или приятно было находиться под их управлением. Не буду для этого ссылаться на примеры особенно корыстолюбивых и жестоких помещиков, каких в каждом уезде довольно, но скажу, что даже у помещиков, считающихся добрыми, жизнь крестьян и дворовых людей крайне тяжела. Они не знают, кто завтра будет их владельцем и что завтра придет их господину на мысль; они могут каждый час быть отправлены на край империи, отданы в рекруты, сосланы в Сибирь на поселение и пр., дети их по воле помещика берутся во двор или отдаются куда попало, в ученье, плоды многолетних трудов крепостного человека постоянно могут быть обращаемы на уплату штрафов, налагаемых на них помещиком по его усмотрению, и пр. Все эти случаи нередки; они составляют правило, а не исключение, и вот почему самый бедный, неуверенный в куске хлеба, казенный крестьянин не согласится поступить во владение лучшего из помещиков. Что каса-

ется до того, что владельцы заботятся о благосостоянии принадлежащих им людей и защищают их от посторонних лиц и от полиции, чиновники же не имеют никакого попечения о делах казенных крестьян, то в этом есть лишь кажущаяся правда. Конечно, для помещика и выгодно, и приятно, чтобы его крестьяне были в хорошем положении, но ему еще выгоднее и приятнее, чтобы они доставляли ему больший, по возможности, доход и чтобы большие, по возможности, деньги находились в его, а не в крестьянском кармане; он, конечно, защищает своих крестьян от других, но он не ограждает их от самого себя, и, следовательно, для крестьян в этом не барыш, а убыток: чиновник притягивает крестьянина случайно и изредка, а помещик тяготеет над ним всегда и везде. Помещичья защита и помещичье попечение обходятся крепостным людям так дорого, что они весьма охотно бы от них отказались.

Но помещики, говорят защитники крепостного состояния, суть отличные полицеймейстеры, они отправляют свою должность безвозмездно и заинтересованы своими выгодами в лучшем по возможности управлении. Вот еще одно из тех общих мест, которые повторяются вопреки всем фактам, доказывающим совершенно противное. Помещики не даровые для правительства чиновники; напротив того, они дорого ему стоят: не будь их, люди были бы вольные, они вырабатывали и тратили бы более, следовательно, они платили бы казне прямо и косвенно гораздо более, чем они теперь платят. Уголовных дел, по которым замешаны помещичьи крестьяне, не менее, чем таких же дел, к которым прикосновенны крестьяне государственных имуществ; если, быть может, наказаний по суду налагается менее на первых, то это только потому, что помещики о них хлопочут и что по освобождении их от суда и следствия они немедленно отдаются в рекруты. Известные конокрады в каждом уезде принадлежат большею частию мелкопоместным дворянам, которые извлекают из их ремесла значительный доход. Сверх того, нередко эти хваленые полицеймейстеры обращаются к исправникам, становым и частным приставам с просьбою о наказании принадлежащих им людей. Ослушаний и возмущений против помещичьей власти бывает довольно, и если их не столько, сколько следовало бы ожидать, то это только потому, что всеми властями признано за правило наказывать крестьян во всяком случае без разбора, правы ли они или виноваты. Признаться, трудно считать хорошими полицеймейстерами людей, чью власть должны поддерживать другие полицеймейстеры, и притом средствами, противными всяким понятиям о праве и законе.

Излишним было бы еще доказывать, что уничтожение крепостного права не произведет предвозвещаемого некоторыми расстройства в государственном управлении. – Отмена всякой неправды, устранение всякого насилия и прекращение всякого внезаконного положения должны утвердить, упрочить и улучшить государственное управление, а отнюдь не расстроить его окончательно, как уверяют защитники крепостного состояния. Обязанность, наложенная на себя правительством, охранять и защищать помещичью власть есть, конечно, то правило, которое всего более озабочивает наших правителей, искажает их действия и распоряжения и роняет их в общем мнении.

VI. Нет достаточных средств для побуждения крестьян к исполнению обязанностей, которые на них лягут вследствие освобождения в отношении к помещикам или к казне

Защитники крепостного права на людей утверждают, что нет достаточных средств для побуждения крестьян к исполнению обязанностей, которые на них лягут вследствие освобождения в отношении к помещикам или к казне. Теперь, говорят эти защитники, помещик имеет право неплательщиков обращать на барщину, наказывать телесно, отдавать в рекруты или даже продавать на своз; тогда все эти средства будут неудобоприменимы; и крестьяне, конечно, воспользуются возможностию не платить, а полиция, как уездная, так и губернская, не будут в состоянии сладить со всеми недоимочниками. Нельзя не сознаться, что в этом возражении много правды, но и оно не неопровержимо. Если освобождать крестьян лично или семейно и предоставлять землю в частную собственность освобождаемых крестьян, то это возражение всесильно; но если средства к замене помещичьей власти и помещичьего настояния при взыскании оброков и повинностей искать в общинном владении землею и в круговой ответственности крестьян друг за друга, то возражение значительно теряет свою силу и дельность. Мир в этом случае может вполне заменить для правительства прежнего владельца; а для обеспечения сего последнего, выпускающего власть из своих рук, необходимо одно – чтобы казна явилась посредницею между ним и крестьянами. Впрочем, об этом мы будем говорить впоследствии подробнее и обстоятельнее.

VII. Прежде уничтожения крепостного права на людей необходимо заблаговременно устроить сельское управление, которое могло бы впоследствии заменить власть помещичью

Нет сомнения, что желательно было бы, до уничтожения помещичьей власти на людей, учредить сельское управление на прочных основаниях; но возможно ли это? Мы видели, что нельзя ожидать от помещиков просвещения крестьян; можно ли полагать, что большинство из них согласится устроить сельское управление с целью приучить крестьян к самоуправлению и тем подготовить их к освобождению, которого дворяне, или большая часть из них, опасаются столько же, сколько чумы или пожара? Конечно, во многих оброчных и в некоторых барщинских имениях существует мирское управление, или без вмешательства в оное помещика, или под его надзором; но это учреждение обязано своим бытием не столько положительной воле помещиков, сколько их лени и беспечности. Если теперь устроение такого порядка будет вменено помещикам в обязанность, то должно опасаться, чтобы это постановление не произвело совершенно противного действия, т.е. чтоб помещики не вздумали ограничивать мирскую власть там, где она существует, и учреждать какое-либо поддельное мирское устройство там, где его доселе не было, с целью потрясти к нему дове-

рие правительства и самих крестьян. Помещики допускают теперь существование этого порядка, зная, что от них всегда и вполне зависит его ограничить или изменить, но при малейшем вмешательстве правительства, при узаконении этой власти они, вероятно, озаботятся превратить ее в ничто, в призрак того, что даже теперь существует. Нет! вменить помещикам в обязанность подготовление крестьян к освобождению есть то же, что заставлять человека острить нож на самого себя. Предложение этой меры со стороны помещиков есть только уловка к отсрочке на неопределенное время уничтожения права оплачивать чужим трудом возможность предаваться лени и безделью. К счастью, это подготовление и не нужно: во многих селах и деревнях мирское устройство находится в более или менее полном ходу; едва ли есть во всей великой России один уезд, в котором не было бы хоть одного имения, управляемого этим порядком; корень, основные его начала сохраняются везде, способ его действия прост и удобен; нужно только, при уничтожении помещичьей власти, утвердить законом главные его основания, и дальнейшее его развитие будет делом времени. Всякое положительное, точное определение этого порядка может дело не упростить и не упрочить, а исказить и усложнить. Мы уже видим тому разительные примеры на мирском управлении в казенных селениях. Введение излишней письменности, разных формальностей и внешней определительности уронило это устройство во мнении поселян и превратило его в *казенщину,* в какой-то ублюдок официального делопроизводства. Сходки, суд стариков, избрание поверенных и проч. так сродны нашему народу, что устраните только враждебные им стихии, и они явятся сами собою, как бы век существовали.

VIII. При немедленном и общем освобождении крепостных людей неминуемо произойдут беспорядки и даже резня

Противники и ложные друзья освобождения крепостных людей опасаются, что при немедленном и общем уничтожении крепостного состояния произойдут беспорядки и даже резня. Из истории, сколько известно, еще *никогда* и *нигде* прекращение рабства и *предоставление* людям большей свободы не порождали неустройств и кровопролитий. Сверх того, на нашей памяти уничтожено большее или меньшее рабство в Пруссии, в других немецких государствах, в Австрии, в Прибалтийских губерниях, в Дунайских княжествах, в Бессарабии[2], в колониях английских, французских, голландских и др. способы уничтожения были различные: внезапные и постепенные, общие и частные, полные и условные; и не было ни одного примера, чтоб такая перемена, сверху начатая и совершенная, сопровождалась неустройствами и кровопролитием. Не понимаю, на каком основании, вопреки опытности всех времен и всех стран, полагают, что именно у нас при освобождении произойдут большие беспорядки и резня. Разве наши крестьяне и дворовые люди невежественнее и глупее колониальных невольников? Разве вообще они буйны, злы и неукротимы? Разве мы не видим, что освобождающиеся люди

и деревни вступают в новую свою жизнь тихо и спокойно и что соседи или однодачники с ними продолжают свое крепостное существование мирно, как и прежде, и как будто до них освобождение не может и коснуться? Разве мы не знаем, что в одном и том же селении, у одного помещика житье для крестьян бывает привольное, у другого крайне тяжкое, а люди повинуются равно обоим владельцам, и пример хорошего обхождения одного из них не служит вовсе побуждением для крестьян другого к возмущению или даже к принесению начальству жалобы и доносов. Нет! крепостные наши люди явили и доселе ежедневно являют примеры такой покорности, такого благоразумия и такого терпения, что стыдно клеветами на них возбуждать страхи и опасения насчет будущих их действий. Теперь крестьяне еще в таком расположении, что они примут всякую льготу с благодарностию, не подумают мстить за прежние притеснения и спокойно начнут новое свое существование. Конечно, трудно сказать, надолго ли хватит их терпения и что может произойти в случае, если, утратив оное, они решатся добыть силою то, чего не могли достигнуть покорностью и добрым, безукоризненным поведением. Если история и личная наша опытность свидетельствуют, что предоставление людям свободы *никогда* и *нигде* не сопровождалось беспорядками и убийствами, то они же нас научают, что восстания для прекращения рабства и получения больших прав *всегда и везде* сопровождались такими ужасами, что страшно об них вспомнить, и что правительство, сословия и лица, удерживавшие во что бы ни стало противоестественное владение людьми, дорого платили за свое корыстолюбие, жестосердие и ослепление. Именно в отвращение таких бедствий необходимо приступить к немедленному полному и общему уничтожению крепостного состояния. Но *немедленное* не значит *внезапное; полное* и *общее* не однозначуще с *революционным,* нарушающим все права и разоряющим одних в пользу других. Мы столько стоим за предоставление людям свободы, сколько против того, чтоб люди у нас ее выхватили; и для того именно, чтоб они у нас ее не выхватили, мы настаиваем на том, чтоб приняты были решительные законные меры к прекращению крепостного состояния. К сожалению, у противников этой меры память коротка; иначе многие бы из них вспомнили, что менее двух лет тому назад они готовы были согласиться на большие пожертвования и на всякое, самое для них убыточное прекращение крепостного состояния, лишь бы освободили их от страха, возбужденного в них возможностью провозглашения вольности при вторжении врагов в наши пределы[3]. Мне случилось тогда видеть несколько поборников крепостного права на людей, уговаривавших меня как можно скорее окончить и подать мой проект об освобождении крестьян. Теперь это все забыто; корысть, пристрастие к лени и роскоши и какое-то непостижимое ослепление заставляет их цепляться за существующий порядок владения; они готовы вновь подвергнуться прежним страхам и опасениям, лишь бы удержать еще на сколько-нибудь времени нынешнее вожделенное для них положение. Пусть помещики говорят о своих правах и интересах, – это их долг, ибо никто не вправе от другого требовать пожертвований, но жела-

тельно, чтоб они не забывали истории и событий, на наших глазах совершившихся, не клеветали на людей безукоризненных и не навлекали действительно на самих себя и на отечество тех неустройств и ужасов, которыми теперь они нас пугают и которые должны необходимо произойти, не из освобождения крепостных людей, а из отказа им в оном.

IX. С уничтожением крепостного права должны последовать разные перемены в общественном и государственном устройстве, которых конечным последствием будет потрясение самодержавия

Нельзя отрицать, что с уничтожением крепостного права на людей последуют разные перемены в общественном и государственном устройстве; но эти перемены едва ли не входят в число самых пламенных желаний всякого, искренно любящего свое отечество. Все мы знаем, что полиции, суды и разные управления устроены дурно и что дела ведут они еще хуже, что лихоимство и разграбление казны усиливаются и умножаются, что правительство не в силах прекратить это зло, что общественная нравственность шатка и слаба, что общественное мнение совершенно бессильно и что, при существующем порядке вещей, нет исхода из бедственного нашего положения. Уничтожение крепостного права на людей, конечно, разом не изменит нашего состояния, но нет сомнения, что оно будет самою существенною мерою к его улучшению. Владение нами подобными существами, обхождение с ними как с вещами, неограниченный разгул произвола в действиях и постоянное опасение утраты этого неестественного и постыдного, но крайне удобного и для нашей лени благоприятного обладания суть для каждого из нас и для всех вообще такие язвы, которые искажают в нас ум, чувство, волю, словом, все существо наше. Не уважая основной истины нашей веры и нашего разума о братстве людей, заглушая совесть, защемляя ее в изгибы помещичьей логики, можем ли мы рассуждать прямо, чувствовать здраво и действовать честно? Нет! пока грех владения людьми лежит на нас, пока он проедает наш быт во всем его составе до самых мелких частностей, до тех пор не может у нас быть ни общественной нравственности, ни общественного мнения, до тех пор мы должны сносить лихоимство, воровство, кривосудие, самоуправство и пр. Нельзя безнаказанно попирать требования права; всегда затем следует коренная порча в сословии, пользующемся неправедными выгодами, и великая слабость в правительстве, терпящем такое нечестивое пользование. Для убеждения себя в этом стоит взглянуть, как дворянство все более и более разоряется от роскоши, лени и беспутства, как оно поступает на службу не из рвения к общему благу, а из постыдного чинобесия, как оно избирает своих предводителей, судей, исправников и заседателей, как оно отличилось при выборах и при пожертвованиях по ополчению[4] и пр. Правительство, равнодушно смотрящее на угнетение крестьян помещиками, само себя отрешает, по доброй воле, от 20 мил. подданных, оставляемых им в каких-то странных посредствен-

ных отношениях и таким образом утрачивает их любовь и уважение к себе, и не их одних, но и прочих свободных сословий. Дворянство, вооруженное крепостным правом на людей, самым этим поставлено в более или менее враждебные отношения к купечеству, мещанству и государственным крестьянам; это дает ему кажущуюся силу, а в действительности обессиливает его, и эта немощь дворянства служит, по мнению некоторых, опорою для правительства и уничтожением оной должно потрясти самодержавие! Нет! не таково самодержавие у нас, не на таком гнилом начале оно основано. Оно коренится в глубине убеждений всего народа русского. Царь, в глазах его, есть олицетворение силы, единства и величия всей земли русской. Ни одно сословие не служит ему преимущественною опорою; самодержавие у нас тем сильнее, чем шире опирается оно на все сословия, составляющие народ русский; и каждое сословие тем сильнее, чем тверже оно стоит на своем основании и не относится враждебно к прочим сословиям. Дворянство имеет у нас высокое значение в государстве как сословие по преимуществу землевладельческое, по преимуществу образованное и по преимуществу правительственное: оно должно быть сильно; всю его нынешнюю слабость составляет неправедное его владение душами, и эту свою слабость оно сообщает правительству, составленному почти исключительно из душевладельцев. Следовательно, мы обязаны не откладывать уничтожения крепостного права на людей из опасения перемен в частном, общественном и государственном быту, а, напротив того, всячески ускорить этот переворот, дабы, вместе с ним и отчасти чрез него, водворились у нас разные преобразования, которые неминуемо должны усилить правительство, самое дворянство и все русское государство.

X. При уничтожении крепостного права на людей необходимо вознаградить за оное помещиков, на что, кажется, правительство теперь не имеет никаких средств

Нет сомнения, что при уничтожении крепостного права на людей необходимо вознаградить за то помещиков, и в этом, конечно, заключается одна из главных трудностей этого дела. На изыскание средств к тому должно быть обращено особенное внимание всякого, желающего ускорить, по возможности, ход этого великого дела, а указание оных должно быть одною из самых существенных принадлежностей всякого составляемого по сему предмету проекта. Но думать, что русское правительство не в силах совершить это дело, показывает или странную близорукость, или полное неведение силы кредита и наших финансовых средств, или явную неблагонамеренность. Россия изобилует, конечно, не наличными капиталами, но огромными пространствами земель, лесов, рудниками и другими естественными источниками богатства. Выпуск кредитных билетов и билетов казначейства на сумму более 200 мил. руб. сереб., совершенный в течение двух лет для продолжения войны (дела непроизводительного), не уронил нашего государственного кредита; как же думать, что выпуск разных кредитных бумаг, произведенный в течение некраткого двухлетнего срока, а не-

сравненно должайшего времени, учиненный с надлежащею постепенностью и умением и в пользу дела, по преимуществу производительного (каковым нельзя не признать освобождение крепостных людей), будет не по силам нашего государственного кредита? Впрочем, это обстоятельство так важно, что здесь вкратце говорить о нем нельзя: финансовая часть проекта об освобождении крепостных людей заключает в себе чуть-чуть не узел всего дела; на ней оно стоит, и с нею оно падает. Крепостное достояние должно быть уничтожено; денежных средств к вознаграждению помещиков не может у нас не быть; следовательно, все дело в том, чтоб изыскать к тому способы удобнейшие и вернейшие. Это составит главный предмет третьей моей записки, а теперь возвратимся к рассматриваемым нами возражениям.

Общее заключение по рассмотренным возражениям

Перебравши все доводы, представленные против немедленного уничтожения крепостного права на людей, мы должны сознаться, что они все не истекают ни из особенного знания внутреннего нашего устройства, ни из глубокого изучения сельского хозяйства или крестьянского быта, что они внушены не пламенною любовью к отечеству, не горячими заботами о его будущности, но изобретены, развиты и изукрашены одним желанием удержать, во что бы то ни стало, нынешний порядок владения людьми, доставляющий дворянству возможность предаваться безделью, тратить много денег и пресыщаться всеми наслаждениями комфорта и роскоши. Люди откровенные из этого сословия соглашаются, что лишь беспокойство и убытки, неизбежные на первых порах при освобождении крепостных людей, заставляют их противиться этому перевороту, но его неизбежность и пользу в общественном и государственном смысле они вполне признают; прочие же помещики тщательно собирают всякие, по-видимому, дельные, а на деле пустые и ложные доводы в пользу своего права или, по крайней мере, в пользу удержания оного за собою на должайшее по возможности время. Они выводят оттуда, правильно или неправильно, выгодные для себя заключения и главнейшим образом основывают защиту своего мнения на предсказаниях о неустройствах, беспорядках и убийствах, которые, по их убеждению или, точнее сказать, по отзыву их совести должны неминуемо сопровождать ненавистное для них освобождение крепостных людей. А потому все доводы противников этой меры сводятся на следующее: им выгодно пользоваться чужою работою; им неприятно быть ограниченными в разгуле своего произвола, им страшно подумать о необходимости устроивать управление своими имениями на основании разумной отчетности, на сбережение труда и на усовершенствование сельскохозяйственных орудий. Труд вообще и умственный труд в особенности, добровольное соглашение с рабочими и законность в отношениях с ними – вот что, при уничтожении крепостного состояния, особенно устрашает наших помещиков и заставляет их всячески отстаивать ны-

нешнее благодатное для них положение. Следовательно, корыстолюбие, преданность роскоши и безделию, боязнь труда и опасения нечистой совести – вот основы, содержание и конечный смысл всех нами рассмотренных возражений.

О некоторых ограничениях помещичьей власти

Чувствуя невозможность удержания крепостного права на людей во всей его чистоте и цельности, противники освобождения предлагают разные ограничения помещичьей власти. Они соглашаются, чтоб строже наблюдали за исполнением положения о трехдневной работе, чтоб положительно определено было, сколько угодий следует давать на каждое тягло, чтоб воспретили помещику брать крестьян *во двор* без собственного их на то желания, чтоб права на принадлежащие им имущества были признаны законом, чтоб браки совершались без предварительного на то разрешения со стороны владельца и пр. Все эти наблюдения, определения и ограничения, прекрасные, быть может, на бумаге, совершенно ничтожны и неудобоисполнимы на деле. Предлагают строже наблюдать за исполнением положения о трехдневной работе; но разве теперь за этим не наблюдают? Разве нет циркуляров, подтверждающих усиление этого надзора и возлагающих на ответственность исправников, предводителей и губернаторов все не ими открытые и прекращенные злоупотребления помещичьей власти. А вместе с тем во многих ли имениях это положение соблюдается? Предводители, судьи и исправники суть первые его неисполнители, и они преимущественно потому и избираются в это звание, что дворяне уверены в их потворстве. Сверх того, чтоб это положение могло исполняться, необходимо издать урочное положение для сельскохозяйственных и домашних работ; но возможно ли это? Есть бездна сельскохозяйственных, а тем еще более домашних работ, которые не подлежат урочному употреблению; следовательно, самое положение о трехдневной работе, независимо от лиц, надзирающих за его исполнением, совершенно к делу неприменимо; а потому и неудивительно, что оно существует в своде законов, а на деле как бы его вовсе не бывало. Что же касается до надела крестьян положительно определенным количеством угодий, то это еще менее возможно: есть имения много- и малоземельные; есть земли приближние и запольные; спрашивается, как при этом разнообразии условий и при бесчисленных степенях доброты земли исполнить смысл и букву закона? Можно дать крестьянину и много земли, и он будет умирать с голоду; можно дать ему и мало земли, и он будет в довольстве. Надел крестьян землею может быть определен только на месте или волею помещика, или путем добровольных соглашений; закон же в этом случае бессилен, и его положения только без пользы запутают дело. Что касается до запрещения помещику брать крестьян *во двор* вопреки их желанию, то это ограничение стоит предыдущих: во 1-х, что значит: *брать во двор?* Я оставлю семейство в крестьянстве, но сына или брата из этого дома определю в скотники, ключники, конюхи, дроворубы и пр. Нарушил ли я чрез то закон или нет? Трудно вообще отделить хозяйственные должности от домаш-

них, но у мелкопоместных дворян это совершенно невозможно; во 2-х, помещик, вооруженный правом наказывать, отдавать в рекруты, ссылать на поселение, всегда будет иметь возможность получить от любого крестьянина полное его согласие на взятие его во двор, и в 3-х, кто будет наблюдать за исполнением этого постановления? Вероятно, опять исправники, становые, стряпчие и проч.? Пора убедиться, что этот надзор действителен лишь в одном – в доставлении надзирателям средств получать более денег. Собственность крестьян, по вышеупомянутому предположению, должна быть неприкосновенною для помещика; но личность их остается в полной его власти: не заключается ли в этом грубая насмешка над целым сословием? Существует ныне закон, дозволяющий крестьянам с разрешения помещика покупать земли; но многие ли им воспользовались? Предоставление права собственности людям, которые сами себе не принадлежат, есть несообразность, которая сама себя таковою заявляет, и должно удивляться только тому, что она могла получить силу закона. Дозволение людям вступать в брак без предварительного на то разрешения помещика есть также дело вполне неудобное: помещик сохраняет право отправлять жениха и невесту куда ему угодно, наказывать их по своему усмотрению, определять их к самым тяжким должностям, назначать им самое скудное содержание и пр., и вместе с тем эти люди будут иметь право заключать браки без согласия владельца? но это право страннее предыдущих.

Нельзя не сознаться, что все эти ограничения помещичьей власти совершенно невозможны, пока существует право помещика распоряжаться личностию крепостных людей по своему усмотрению. Одно уничтожение принадлежности человека человеку устанавливает возможность правомерных отношений между людьми; пока эта принадлежность сохраняется, можно для определения положения крепостных людей сочинить другой свод законов, не уступающий обширностью ныне существующему, и толку не будет никакого, и все издаваемые по этому предмету постановления будут только ложью и обманом. Все эти ограничения помещичьей власти предлагаются людьми или не знающими дела, или недобросовестными. Первые, не имея понятия о многосложности и запутанности отношений помещика к крепостным людям и крепостных людей к помещику, думают, что законом можно определить их взаимные права и обязанности; но они упускают из вида, что право одного располагать личностию другого устанавливает *всеправие* на одной и *бесправие* на другой стороне. Люди недобросовестные охотно соглашаются на ограничения помещичьей власти, зная, что ограничения будут существовать только на бумаге, и что пока в их руках розги, палки, право отдавать в рекруты и ссылать на поселение, до тех пор помещичья их власть сохранена во всей ее полноте. Все ограничения помещичьей власти поведут не к сокращению оной и не к облегчению участи крестьян и дворовых людей, а к изменению способов действия владельцев и к отягчению положения крепостных людей. Помещики будут действовать в отношении к ним не прямо, не откровенно, не по-домашнему, как это водится теперь, а облекая в законные формы излишние высылки на работу и излишние денежные взыскания; тог-

да проявятся штрафы, умножатся наказания, отдача в рекруты, ссылка в Сибирь и пр., а этих средств достаточно, чтоб выжать из крестьян последние соки и превратить людей в чистых невольников.

Главные причины к немедленному уничтожению крепостного состояния

Следя за ходом помещичьих хозяйств и крепостного быта, прислушиваясь к словам дворян, крестьян и дворовых людей и наблюдая за действиями тех и других, исполняя все это не в столичном кабинете, не в уединенном сельском домике, не силою воображения, не кратковременными урывками, а постоянно на месте, по разным губерниям, с помощью собственного зрения и слуха, при непрестанных и деятельных сельскохозяйственных занятиях, я пришел к полному убеждению в том, что настал крайний срок к принятию решительных мер для уничтожения крепостного состояния у нас в России. Из сказанного мною в опровержение вышеизложенных возражений уже видно, откуда преимущественно истекает сие мое убеждение, но для большей очевидности решаюсь, хотя с некоторыми повторениями, вкратце изложить главнейшие обстоятельства, побуждающие меня настаивать на необходимости немедленного освобождения крепостных людей. Вот эти главнейшие обстоятельства:

Во 1-х, неудовольствия крестьян против помещиков усиливаются с каждым днем. Число дел по ослушаниям, по насильям против помещиков и по убийствам сих последних крепостными их людьми умножается; это известно всякому, живущему во внутренности империи, и может быть доказано цифрами из сведений, имеющихся в Министерстве внутренних дел. Если в последние два года было менее подобных дел, чем в предшествовавшие оным годы, то причиною тому отправка из имений огромного числа людей менее покорных в рекруты и в ополчение; теперь же при возвращении ратников, бессрочных и отставных солдат и при объявленной трехгодичной льготе от рекрутства должно ожидать значительного усиления жалоб, возмущений, насилий и проч. против помещиков. Горе, если ко всему этому присоединится неурожайный год! Последствия такого бедствия теперь могут быть ужасны.

Во 2-х, желание крестьян и дворовых людей быть свободными проявляется с возрастающею силою и откровенностью. Указ о морском ополчении поднял в двух губерниях многие тысячи людей, надеявшихся чрез эту службу добыть свободу себе и своим семействам. Манифест о государственном ополчении подал повод еще к большим толкам и во многих местах начальства должны были вооруженною силою удерживать желавших поступить в ополчение с целью чрез то сделаться свободными. Ныне возвратившиеся ратники говорят во всеуслышание, что им обещана была свобода, что царь хотел ее дать, да бары ему того не позволили. Народ горевал о кончине императора Николая I, особенно потому, что имел уверенность из его рук получить освобождение от крепостного состояния. Теперь все надежды крепостных людей обращены на ныне царствующего

императора, и они ожидали манифеста о вольности по случаю коронования. Одним словом, убеждение, что все люди с часу на час должны сделаться свободными, теперь так сильно в народе, что при малейшей искре, снизу пущенной, пожар может сделаться всеобщим.

В 3-х, обеднение помещичьих крестьян видимо возрастает. Этот факт несомненен: конечно, трудно, почти невозможно подтвердить его положительными статистическими данными, но память о многочисленных старых кладушках, о целых стадах лошадей и прочего скота, принадлежавших одному крестьянскому дому, о прежнем довольстве и обилии еще так жива в народной памяти, что нынешнее оскудение крестьян составляет предмет их беспрестанных жалоб и сетований. Впрочем, это обстоятельство становится очевидным и из нижеследующего: оброки по большей части дошли до размеров едва вероятных, теперь годовой оброк в 25 или 30 руб. сереб. считается умеренным; а в некоторых имениях он доходит до 40 и даже до 50 руб. сер. Эта повинность соразмеряется не столько с количеством и качеством крестьянской земли, сколько с личными их добывками, с нуждами и требованиями расточительных и корыстолюбивых помещиков. Усиливающиеся недоимки по платежу тяжких оброков имеют следствием перевод крестьян с оброка на барщину, которая дает помещику более средств почти незаметно извлекать из крестьян всякие сверхзаконные выгоды. По этой причине число имений, переводимых с оброка на барщину, возрастает; а между тем, почти не слышно, чтоб барщинские имения сажались помещиками на оброк. Что же касается до господских запашек, то они на наших глазах удвоились и утроились. Размежевание, мера столь полезная и благодетельная сама по себе, нанесла чувствительный удар благосостоянию деревень. Прежде помещики не знали, сколько земли у крестьян, и верили их жалобам насчет недостаточности наделов. По размежевании везде помещики были в состоянии дать крестьянам больше земли, чем сколько за ними, по их словам, было прежде, и за всем тем они значительно усилили свои запашки. Это усиление запашек потребовало от крестьян излишних работ и, сверх того, к великому их прискорбию, многие помещики усердно принялись за хозяйство; некоторые из них сделались даже агрономами, свеклосахарными заводчиками и проч., что имело следствием значительную вывозкуназема, углубление и улучшение пахоты, умножение господского скотоводства, возведение разных господских построек и пр. Все эти усовершенствования сельского хозяйства, весьма полезные для помещиков и для государства, легли всею своею тяжестию на плеча крестьян. Прежде в барщинских хозяйствах бывали времена, что нечего делать, и тогда отпускали крестьян на заработки для уплаты подушных; теперь, по милости агрономии, всегда есть дело для крестьян, так что никогда нет свободного времени к увольнению их на сторону для заработок. Прежде хлеба у помещиков производилось гораздо менее, чем ныне, и из этого количества большую часть поедали дворня да собаки; теперь почти весь хлеб идет в продажу, и хлебные отвозы – повинность для крестьян крайне тяжелая – утроилась и учетверилась. Прежде бывали или оброчные или барщинские имения; теперь, при малоземелии, заводятся оброчно-барщинские имения, т.е. один брат на оброке, а другой

на барщине, первый платит больший по возможности оброк (двоим легко, говорят помещики, заплатить порядочный оброк за одного), а другой, в деловую пору, работает ежедневно на господина, потому что "ведь у него оброчный брат может убрать домашний хлеб". Прежде помещики содержали огромную дворню для всяких домашних и хозяйственных прислуг; теперь, понявши невыгоду этого заведения, они начинают брать из крестьян на *господский хлеб* молодых ребят холостых, приставляют их на конные заводы, на скотные дворы, в сады и проч. и возвращают их в семейство по миновании ими 22, 23 или 25-летнего возраста. Замечательны также устраиваемые помещиками фабрики и заводы на коммерческом основании: помещики назначают свои цены и принуждают крестьян работать ежедневно на своих промышленных производствах, утешаясь, что люди работают из платы, и гневаясь на них за то, что они на такие заработки идут из-под палки. Сверх того, прежде были пространные общие пустопорожние земли, и крестьяне водили много скота; теперь все подпахано, и скотоводство, один из главных источников их богатства, значительно уменьшилось. Прежде почти каждый старик имел свою пчелу и прибылью от нее поддерживал свое семейство; теперь после продаж лесов и расчисток земли под пашню, произведенных помещиками в огромных размерах, число пчельников значительно сократилось. Вот главнейшие перемены, происшедшие в положении крестьян, и можно смело сказать, что оно сделалось до того тяжким, что запас крестьянского терпения едва ли не на исходе. Многие говорят, что нравы помещиков смягчились, что уже не слышно тех ужасов, которые лет 50, даже 30 тому назад были как будто в обычае, что управление крестьянами и содержание дворовых людей сделалось вообще сообразнее с законами человеколюбия и проч. Конечно, есть доля правды в этих словах: крепостное право на людей является теперь реже с плетью, снабженною кошками, с посыпкою солью ободранных спин, с изнасилованием жен, сестер и дочерей крестьян и пр., но, утратив свою жестокость, оно стало несравненно тяжче в других отношениях. Мы уже указали на многие изменения, введенные помещиками в свои хозяйства и тяжко отозвавшиеся на крестьянском быту; но способы извлечения помещиками из крестьян всяких выгод усиливаются, усложняются и разнообразятся с каждым днем и доходят до такой утонченности, что страшно об этом и подумать. По мере развития помещичьей изобретательности обеднение их крестьян усиливается и обобщается. Видя это, помещики и их управляющие сочли долгом иметь *отеческую попечительность* о людях, им подвластных. – Мы уже говорили о бедственном ее действии на крестьян, но здесь нельзя вновь о ней не упомянуть. Этот надзор за крестьянами, направление их деятельности и полное стеснение их личного произвола довершили разорение крестьян: они все более и более упадают духом, теряют охоту за что-либо взяться, и хозяйства крестьянские видимо уничтожаются. В заключение должно сказать, что, конечно, прежде обходились с крестьянами грубее и по временам жесточе, теперь же, если мягче стелят, то спать становится им все жестче и жестче.

В 4-х, уверенность помещиков в справедливости их права на владение людьми слабеет видимо; вследствие этого способы их к приведению в исполнение

собственных распоряжений становятся со дня на день недостаточные; а между тем, при умножении барщинских работ, при желании производить оные лучше и отчетливее и при постепенном возвышении оброков необходимость более строгих и более частых понуждений и наказаний усиливается с каждым днем. Следовательно, взыскивать надобно все более и более, средств же к тому все менее и менее; а потому для совестливого помещика управление имением становится чистою невозможностью и настоящею каторгою. Правительство, с своей стороны, циркулярами то в пользу помещиков, то с целью умерить их власть и усилить надзор за их действиями приводит в еще больший беспорядок и без того уже крайне запутанные и натянутые отношения помещиков к крестьянам и крестьян к помещикам. Добрые помещики действуют слабо, по душе и по убеждениям; дурные владельцы сокращают свои наказания по необходимости, и помещичья власть ясно слабеет, отчего умножаются ослушания и возмущения. Неопределительность и зыбкость отношений между помещиками и крестьянами становятся ощутительнее с каждым днем и грозят в близкой будущности величайшими бедствиями.

В 5-х, помещики, видя, что освобождение крестьян неминуемо, и опасаясь, чтоб оно не было произведено внезапно и притом с землею, начинают в ограждение себя от убытков принимать разные меры, самые для крестьян разорительные. Я знаю многих помещиков, которые уже сократили или теперь сокращают наделы крестьян угодьями, страшась повторения того, что было в Киевской и других губерниях, т.е. чтоб не уровняли в повинностях в отношении к помещику крестьян, пользующихся как большим, так и малым количеством земли. Другие помещики стараются прибрать к своим рукам ближнюю землю, отдавая крестьянам запольные земли. Иные переселяют крестьян на отдаленные участки, оставаясь на старых местах и потому овладевая конопляниками, выгоном и всеми ближними унавоженными землями. Сверх того, и это гораздо ужаснее: я знаю, что некоторые помещики *покупают теперь голые пески и туда выселяют крестьян,* имея в виду отдать им при освобождении эти пески и остаться при хорошей земле; известно, что земля без крестьян в хлебородных губерниях даже теперь дороже ценится, чем земля с крестьянами.

В 6-х, последняя война возбудила во многих сильные опасения насчет возмущений, могущих вспыхнуть в случае, если неприятель проникнет во внутренность империи и провозгласит вольность[5]. Не знаю, насколько эти опасения были справедливы, но всем известно, что в народе действительно ходили слухи, что французы и англичане хотели объявить вольность. На сей раз эта беда нас миновала, но она может опять возвратиться. Притом есть другая, несравненно большая, к нам ближайшая, домашняя беда, которая грозит нам ежечасно и на которую, к крайнему удивлению, не обращают внимания. Число раскольников постоянно увеличивается; новые безусловно враждебные правительству толки возникают и усиливаются; связи между ними становятся все теснее и теснее; Боже сохрани, если явится какой-нибудь Пугачев: кровь польется рекою; не только люди более образованные, но и само правительство не будет в состоянии себя защитить ни войсками, ни крепостями. Это обстоятельство так важно, что

его одного достаточно, чтоб убедить в необходимости всячески ускорить уничтожение крепостного состояния как вернейшего и опаснейшего орудия в руках всякого, кто вздумает восстать против существующего порядка вещей.

В 7-х, усовершенствования по части сельского хозяйства непременно требуют приложения к нему вольного труда. Пока у нас существует барщина, пока мы можем брать на работу людей, сколько хотим, и притом даром, пока эти люди являются к нам с своими хотя кой-какими, но даровыми орудиями, пока помещик каждый час может изменить крестьянские наделы земляных угодий, до тех пор земледелие не двинется вперед. А между тем постоянное истощение почвы требует мер действительных против этого бедствия. Размежевание доставило нам возможность распахать много новей, чтó несколько поддержало наши урожаи; но теперь это средство истощается, и вскоре наши жатвы значительно оскудеют. Единственное средство к отвращению *недородов* есть утверждение нашего хозяйства на разумных началах, т.е. на вольном труде, на приложении мысли к сельскохозяйственным производствам и на введении отчетности по всем частям хозяйства.

В 8-х, успехи заводской и фабричной промышленности требуют увеличения числа вольных работников. Теперь огромное число людей задерживается помещиками при непроизводительных работах (в передних, на конюшнях и пр.). Сверх того, всякая барщинская неурочная работа (а сколько их в хозяйстве), поглощает вдвое, втрое более рабочего времени, нежели сколько нужно. Все это время, все эти рабочие обратятся по необходимости к промышленности, и ныне ощущаемый недостаток в руках значительно уменьшится.

Еще многие другие обстоятельства заставляют желать скорейшего уничтожения крепостного состояния; не буду излагать их, считая достаточным то, что выше сказано, но не могу умолчать об одном из них, которое настойчивее прочих требует этого преобразования. Это обстоятельство есть страшная, все более и более укореняющаяся порча в правительственном составе – в дворянстве. Вернейшее одно действительное средство к улучшению его нравственности, как и прежде я сказал, есть уничтожение его права владеть подобными ему людьми. Кто сам помещик, кто строго наблюдал за своими действиями и тщательно вглядывался в способы действия прочих владельцев, тот, конечно, должен быть убежден, что эта мера для собственного блага нашего сословия необходимее, чем даже для самих крепостных людей. Уничтожение права располагать людьми как вещами или как скотами есть столько же *их* освобождение, сколько наше *собственное:* ибо теперь мы под игом права, которое уничтожает в нас более, чем в крепостных людях, всякое человечество. Вглядитесь в деревенскую жизнь помещиков, побывайте на их праздничных и будничных съездах, побеседуйте с ними, примите участие в дворянских собраниях или обратитесь к городскому или столичному дворянскому быту, обратите внимание на занятия дворян, прислушайтесь к их разговорам, посмотрите, как они преданы лени, безделию, роскоши и разврату: и тогда вы подивитесь не тому, что в судах, расправах и местах управления они действуют бессмысленно и бессовестно, но тому, что у таких людей дела не идут еще хуже, – тогда, если только человеко-

владельческое ослепление вами вполне не овладело, вы скажете: "Да! немедленное уничтожение крепостного права на людей еще необходимее для дворянства, чем даже для того сословия, которое находится под его гнетом".

Скажем в заключение: все изложенные нами обстоятельства налагают на настоящее время долг неукоснительно заняться делом освобождения крепостных людей. Конечно, оно может быть совершено не в один, не в два, не в три года, но приняться за него надобно *сейчас*, ибо каждая грядущая минута может произнести страшные слова: *теперь уже поздно*.

II

О различных способах освобождения крестьян

В предыдущей записке мы старались доказать необходимость немедленного прекращения крепостного права на людей. Теперь предстоит нам рассмотреть различные способы к достижению этой цели. Здесь мы будем иметь в виду одних крестьян; о дворовых же людях мы будем говорить в особой записке.

Различные способы освобождения крестьян

Крестьяне могут быть освобождаемы:

во 1-х , без земли или с землею;

во 2-х, ограниченно условно или вполне и безусловно;

в 3-х, постепенно – с переходами от меньшей к большей свободе или прямо и окончательно;

в 4-х, по губерниям – или одновременно везде;

в 5-х, лично, семейно или обществами;

в 6-х, с вознаграждением помещиков за личность освобождаемых крестьян или только за угодия, предоставляемые им в собственность; наконец, в 7-х, правительственным распорядком или путем добровольных соглашений между помещиками и крестьянами.

Рассмотрим эти различные способы один после другого.

I. Освобождение крестьян без земли

Освобождение крестьян без земли, т.е. дарование им права свободного перехода от одного помещика к другому, считалось у нас долгое время вернейшим и удобнейшим средством к прекращению крепостного состояния; и в царствование императора Александра I-го оно было приведено в исполнение в Остзейских губерниях. Неудовлетворительность этого способа вскоре оказалась на деле, и в следующее же за сим царствование должно было принять меры к сокращению зла, им порожденного. Остзейские помещики нашли более выгодным

обработывать свои земли наймом, чем отдавать оные крестьянам в пользование; сих же последних они нанимали по каким ценам хотели, ибо нужда заставляла этих несчастных соглашаться на все предложения помещиков; и положение поселян после освобождения стало хуже, чем даже прежде. Теперь же отделены земли, которые не могут быть помещиками обработываемы из найма и которые должны отдаваться крестьянам в пользование; сверх того, учреждением банков им облегчены способы к приобретению земель в полную собственность. Эти разные перемены производили волнение в народе; тамошние хозяйства долго лишены были необходимой устойчивости, и только теперь правительство приходит к тому, что́ следовало установить с самого начала. Как этот опыт, так и пример Германии, признавшей необходимость утверждать за поселянами полную оседлость, а равно и большее знакомство с нравами нашего народа и с потребностями наших хозяйств поколебали веру многих в превосходство, простоту и удобство этого вида освобождения и убедили их во вреде и невозможности отторгнуть крестьян от земли. Но, к сожалению, еще остались люди при прежних мнениях, и до сих пор слышны нередко предложения, основанные на даровании крестьянам права свободного перехода от одного помещика к другому. Некоторые защищают этот способ потому, что он кажется им всего ближе ведущим к прекращению крепостного состояния; наделение же крестьян землею, как дело крайне многосложное, трудное и едва возможное, отсрочивает, по их мнению, самое уничтожение крепостного состояния на неопределенное время. Другие стоят за освобождение без земли из личных выгод, ибо они знают, что плодородные их земли без людей будут стоить дороже, чем с людьми, что их земли впусте не останутся и что при свободных переходах они непременно поднимутся в ценах. Сверх того многие не убеждены ни в безобидности оценок, по которым от них отойдут земли, ни в исправности следующих за оные платежей. При беспристрастном и несколько внимательном рассмотрении и обсуждении этого способа, при соображении его с местными и народными нашими обстоятельствами трудно даже понять, как люди дельные, искренно преданные отечеству, могут малейше останавливаться на мысли об удобоисполнимости сего рода освобождения у нас в России. Стоит взглянуть на карту нашей обширной земли, вспомнить, что половина империи пользуется самою плодородною почвою, а другая имеет земли самые неблагодарные, что количество крестьян, почти равное числу крепостных людей, имеет и будет иметь оседлость на казенных и удельных землях и что наши крепостные крестьяне издавна живут на землях, с которыми они как бы срослись; стоит вникнуть немного в эти соображения, и мысль об осуждении двадцати миллионов людей на кочевую жизнь должна замереть при самом ее рождении. Трудно даже в воображении представить себе это огромное народонаселение, переходящее с места на место по неизмеримым пространствам России, не знающее, где ему придется жить и умереть, и превращенное, вопреки всем его обычаям и убеждениям, в каких-то бездомных цыган. Такого рода кочевая жизнь противна нравам и привычкам почти всех просвещенных народов, но она была бы совершенно нестерпимою для русских, для наших крестьян в особенности, крайне дорожащих отцовскими и

дедовскими могилами, местом своего происхождения и жительства, обычаями, одеждами и поверьями своей родины. Кто был хоть раз свидетелем крестьянского переселения, у того, верно, никогда не изгладятся из памяти те сердце раздирающие впечатления, которые оно не преминуло на него произвести, и тот, конечно, не подумает соединить освобождение крестьян с бедственным правом, а часто и с горестною для них необходимостию переходить с места на место. Нет! Они сочли бы такое освобождение за новое, помещиками изобретенное, средство к окончательному их разорению и сокрушению. Слишком двести пятьдесят лет оплодотворяя землю своим потом, крестьяне приобрели чрез то, кажется, право оставаться на местах своего теперешнего жительства, где они себе все усвоили и себя ко всему приноровили и где пережили многих, так часто у нас сменяющихся владельцев. К тому же лишение крестьян постоянной оседлости породило бы у нас такой пролетариат, какого не представляет даже Европа, и отняло бы у России надлежащие средства к дальнейшему спокойному и правильному развитию ее внутреннего благосостояния и государственного могущества. Эта мера вместе с тем разорила бы в край половину помещиков, т.е. почти всех, имеющих свои земли в промышленных губерниях, ибо крестьяне, лишенные своей вековой оседлости, ушли бы в страны более хлебородные, и мы, в девятнадцатом веке, увидели бы повторение тех народопереселений, которые изумляют нас в истории средних веков. Защитники освобождения крестьян без земли говорят, что переходы земледельцев могли бы быть ограничены известными сроками и местными пределами. Правда, что посредством сих предосторожностей возможно отвратить хозяйственные убытки помещиков, но разве их выгоды одни должны быть приняты в соображение? Вы лишаете крестьянина его дома, его хозяйственных строений, с избытком унавоженного конопляника, привычных угодий, одним словом, вы осуждаете его на кочевую жизнь и вместе с тем вы хотите заключить его в тесные пределы его губернии и не позволяете ему уходить в места более привольные. Нет! при таких условиях уж лучше не освобождать и оставить людей в крепостном состоянии, которое по большей части предоставляет им хоть дом и кусок хлеба. А зло нравственное, которое порождено было бы в крестьянстве этими вечными странствованиями, этим бездомством, его нельзя ни определить, ни измерить, а можно только отчасти с ужасом предугадывать. Не говорю о разбоях, которые вследствие кочевой жизни огромной массы народа могут устроиться на больших дорогах, о воровствах, насилиях и убийствах, которые из крайней нужды будут, вероятно, совершаться толпами переходящих крестьян, но не могу умолчать о том, что не только может, а необходимо должно произойти при таком вечном народном передвижении: утрата крестьянами домовитости, привязанности к родине, тех качеств, которые делают русских народом по имуществу устойчивым и соблюдательным (conservateur). Сверх того, и это крайне важно, освобождение крестьян без земли противоречит всему нашему историческому ходу: этим мы как бы вздумали уничтожить дело протекших двух с половиною веков и возвратиться ко временам догодуновским[6]. Прикрепление предков к земле было мерою для крестьян, конечно, тяжкою; оно развилось далеко за пределы, вна-

чале ему положенные, но зато оно произвело одно великое добро, искупляющее бедствия, им причиненные, а именно: доставило крестьянам прочную оседлость. Теперь предстоит нам удержать, упрочить самое добро и искоренить только злоупотребления, вместе с ним и отчасти из него истекшие. Но ужель мы не найдем к тому иного средства, кроме уничтожения самого добытого Россиею вековыми трудами и страданиями? Это было бы величайшим несчастием для нашего отечества, ибо срощение народа с землею есть, конечно, одна из надежнейших стихий нашего народного и государственного быта. Смело можно сказать, что нет к тому не только никакой необходимости, но даже ни малейшей возможности. Отчасти мы это уже доказали; надеемся впоследующем довести это до очевидности; впрочем, глубоко убедится в истине сказанного всякий, кто примет на себя труд вникнуть как в историю России, так и в нынешний народный быт, в его средства, потребности и нужды. Нет! освобождение крестьян без земли было бы не шагом вперед, а несколькими (и еще какими!) шагами назад. Нет! лучше не освобождать крестьян, чем выталкивать их из домов и оставлять под открытым небом с правом умирать и с голода и с холода! к великому счастию России, такое освобождение и невозможно: крестьяне его не примут, а насильственно освобождать половину народонаселения не решится не только правительство, но и самый отчаянный защитник сего способа прекращения крепостного состояния.

Сверх всего вышесказанного заслуживает уважения и следующее обстоятельство: крестьянин без земли, что рыба без воды: вы можете превратить поселянина в горожанина, ремесленника, солдата и проч., но, оторвав его от земли, вы убили бы в нем земледельца. Поселяне вообще любят земледелие, но те из них, которые от него отстают, редко к нему возвращаются, и это очень понятно: земледелие есть одна из самых тяжких работ; она не льстит людям верною и скорою мздою; урожаи сменяются неурожаями, а труд – постоянный, безотлагательный и тяжкий. Европа жалуется на уменьшение земледельческого сословия и на умножение горожан и жителей местечек. Причина тому очевидная: земледельческое сословие в корень расстроено отрешением его от земли, и поселяне охотнее нанимаются в городах на фабрики, чем на обработку чужой земли по дождю и в грязи. Во Франции, конечно, поселяне большею частию даже землевладельцы, но там причина упадка земледельческого сословия заключается в неправильном распределении собственности. Личное крайне мелкое владение землею разрознило народонаселение до того, что земледельцы сделались какими-то странными одиночками, и что дух общественности исчез между ними почти совершенно, а без общественности может ли быть какой-либо и в чем-либо успех? Если хотите иметь настоящих земледельцев, если желаете, чтоб возделывание земли было у вас не ремеслом, не фабрикою, а родом жизни, источником деятельности для особенного сословия, то устроивайте так, чтобы это сословие могло быть самостоятельным, а что за земледелец без земли? В России, государстве по преимуществу земледельческом, это особенно важно; в этом вопросе заключается чуть-чуть не вся ее будущность.

Освобождение крестьян с землею

Признавши, что крестьяне могут быть не иначе освобождаемы, как с землею, мы имеем теперь рассмотреть следующий вопрос: земля должна ли оставаться собственностью помещика и быть только во владении крестьян, обязанных за то платить ему деньгами, или хлебом, или работою; или же эта земля имеет перейти в полную собственность крестьян. Как тот, так и другой способ освобождения существуют у нас на деле: первый установлен указом *об обязанных крестьянах,* а последний – указом *о свободных хлебопашцах.* Можно предположить еще другие особенные виды освобождения крестьян с землею; но они все необходимо выйдут в тот или другой разряд; а потому мы разберем с некоторую подробностию упомянутые два способа прекращения крепостного состояния.

Освобождение крестьян на основании положения об обязанных крестьянах

Указ *об обязанных крестьянах* издан в 1842 году, но доселе действие его было крайне незначительно: по 9-й народной переписи числилось обязанных крестьян обоего пола 32 765 душ; в течение последних лет их несколько прибыло; но количество их, думаю, еще не дошло до 50 т. душ обоего пола. На бумаге, в теории, этот вид прекращения крепостного состояния может казаться простым, удобным, не слишком радикальным и даже выгодным для помещиков и для крестьян; но на самом деле, – скажу более, – даже при предварительном соображении его с местными обстоятельствами и с существующими обычаями он является крайне многосложным, неудобным и противным как помещичьим, так и крестьянским нравам. Он порождает какое-то странное, двусмысленное положение: крестьяне перестают быть крепостными по смыслу закона, а помещик сохраняет вместе с тем право на барщину, разбирает тяжбы между крестьянами, взыскивает за их проступки, подвергает их даже телесным наказаниям и проч. Крестьяне как будто освобождены и вместе с тем остаются прикрепленными к земле, и не к своей, а к чужой, и видят в землевладельце своего судью, исправника и чуть-чуть не прежнего полного помещика. С другой стороны, помещик, лишаясь части своих прежних прав и долженствуя уважать постановленные ограничения его власти, сохраняет преимущество судить и наказывать, но при неисполнении договора крестьянами имеет жаловаться полиции и, с неубранным хлебом, или с насеянными полями, ожидать от нее должного удовлетворения. Крестьяне имеют право жаловаться на помещика и в то же самое время они подлежат прямому, ежечасному его взысканию за малейшие проступки. В случае, если обязанные крестьяне по условию освобождены от барщины и должны платить помещику хлебом или деньгами, то их положение, конечно, более обеспечено, но взамен того помещик несравненно менее огражден от опасности недоимок. Одно против этого средство: жалоба полиции, предводителю и начальнику губернии. Допустим, что все эти три разряда чиновников вполне

расположены оказать содействие помещику, но в силах ли они это исполнить теперь, а еще более тогда, когда все помещичьи крестьяне перейдут в обязанные? Помещики, вероятно, потребуют с крестьян по условию платежей, равных ныне получаемым ими доходам; следовательно, платежи будут довольно значительны; как же исправник, предводитель и сам начальник губернии заставят крестьян исполнить лежащие на них обязанности? Какие имеются у них к тому средства? Согнать крестьян с земли? – Нельзя. Отдать в опеку? – Кому? и что сделает с ними опека? Продать их движимость? А потом? – Неудивительно поэтому, что указ об обязанных крестьянах остался почти без действия; виною тому не дворянство, весьма, впрочем, довольное тем, что закон неудобоисполним, и, вероятно, содействовавшее к сообщению ему этого качества; виною тому даже не тот или другой пункт этого положения; но коренной смысл, самое основание этого указа. – Согласить свободу и неволю, помещичью власть и самостоятельность крестьян есть задача чисто невозможная, а между тем она-то лежит в основании указа об обязанных крестьянах. Допустим, что можно отменить право помещика подвергать крестьян телесным наказаниям и что расправа и суд могут быть поручены мирским выборным, под главным надзором помещика, но в этом случае его обеспечение, и без того недостаточное, еще значительно убавится. Положение, порождаемое этим указом, таково, что жалобам, судам и взысканиям нет конца, а это неприятно, неудобно не только при нынешней, но при всякой самой лучшей полиции. Неудобоисполнимость, присущая этому закону, значительно усиливается следующими обстоятельствами: с одной стороны, являются дворяне, воспитанные в духе самоуправства, еще привыкшие к неограниченному своеволию в отношении к крепостным людям; с другой стороны, представляются крестьяне, которые вообразят себя вольными и которые на каждом шагу будут встречать помещиков, желающих еще удержать свою прежнюю власть над ними. Одним словом, этот указ не разрешает затруднений, не уничтожает крепостного состояния, не учреждает нового сословия на положительных и твердых основаниях, но усложняет и запутывает вопрос и, что всего хуже, полагает начало борьбе между двумя сословиями, обязанными всегда жить вместе, возбуждает ненависть одного против другого и доставляет обильную пищу взаимному раздражению друг на друга. Самое крепостное право на людей не укоренило у нас вражды между владельцами и их людьми по причине очень простой и весьма понятной: полновластие было на стороне первых и совершенное бесправие на стороне последних; при таких обстоятельствах борьба не была возможна, а борьба в особенности закаляет вражду. При положении обязанных крестьян дело будет совершенно иное: закон провозглашает их права и возбуждает в них надежду, а дело противоречит словам закона и их справедливым ожиданиям. Из этого должна завязаться чистая война, которой границы трудно определить, но которой исходом должно, без сомнения, быть полное освобождение крестьян с землею на условиях, вероятно, крайне невыгодных для помещиков и при полной утрате сими последними всякой возможности будущего полезного действия на крестьян. Вероятно, скажут нам, что можно так изменить и пополнить существующее положение об обязанных крестья-

нах, чтоб отношения между ими и помещиком были положительно определены, чтоб сей последний был обеспечен в исполнении повинностей крестьянами и чтоб они были ограждены от его произвола. – Много я об этом думал, ибо имел сильнейшее желание обратить своих людей в обязанных крестьян, но чем более вникал в смысл существующего по сему предмету закона и придумывал для него разные изменения и пополнения с целью довести его до удобоисполнимости, тем более я убеждался в несостоятельности самого основания и невозможности создать на нем что-либо могущее удовлетворить помещиков и крестьян. Необходимо выходит одно из двух: или помещики остаются без всякого обеспечения, или крестьяне без всякого ограждения; нет средины между этими двумя крайностями. Да и возможно ли примирение двух сторон иначе, как при добровольном соглашении? А добровольное соглашение может ли действительно состояться, когда одна сторона прикреплена к чужой земле, а другая сторона владеет именно этою землею. Возможно, не противно разуму освобождение людей без земли, но оно бедственно по последствиям; полуосвобождение же с землею противно здравому смыслу и неудобоисполнимо в действительности; следовательно, остается нам рассмотреть другой вид освобождения крестьян с землею, осуществленный в указе о свободных хлебопашцах. Но прежде скажем несколько слов о введении инвентарей, предпринятом от правительства в некоторых губерниях.

Как мера временная, *введение инвентарей* могло быть полезным и необходимым для Западного края, ибо там положение крестьян было невыносимо, и инвентари не были собственно нововведением, а уже прежде отчасти существовали. К сожалению, должно сказать, что даже и там они не принесли ожидаемой от них пользы: помещики остались почти теми же полновластными распорядителями над крестьянами, а крестьяне мало воспользовались обещанными им ограждениями, а одной только полиции стало хлопотливее, но зато и сытнее. В сущности положение об инвентарях тожественно с положением об обязанных крестьянах, с тою только разницею, что добровольные частные соглашения помещиков с крестьянами заменены общим правительственным распоряжением. Следовательно, все сказанное нами о последнем постановлении относится и к первому, но с следующими добавлениями: при добровольных сделках местные обстоятельства принимаются в соображение; положение же об инвентарях решает все вопросы сплеча, без разбора: кого награждает, кого наказывает, как попало, но по большей части награждает дурных и наказывает добрых помещиков, ибо утверждает равные или почти равные повинности при различных наделах крестьян землею. Инвентарное положение в Киевской, Польской и Волынской губерниях преимущественно благоприятствует крестьянам[7], и потому, особенно при управлении генерала Бибикова этим краем, эта мера, несмотря на всю ее недостаточность, несколько улучшила быт крестьян; инвентарное же положение в прочих западных губерниях несравненно более выгодное для помещиков, чем предыдущее, едва ли малейше изменит к лучшему бедственный быт белорусцев. Что же касается до вражды, которую инвентарное положение, подобное постановлению об обязанных крестьянах, могло поселить между вла-

дельцами и крестьянами, то эта опасность в упомянутом крае ничтожна: глубочайшая ненависть между панами-католиками и крестьянами православными существовала издавна, и ее едва ли что-либо может усилить. Следовательно, инвентарное положение могло быть введено в Западном крае как временная мера; для России же вообще эта мера невозможна, она хуже самого положения об обязанных крестьянах, нами подробно рассмотренного.

Освобождение крестьян на основании указа о свободных хлебопашцах

Указ 20-го февраля 1803 года установил *звание свободных хлебопашцев*[8]; но в течение слишком 50 лет он также имел, к сожалению, действие незначительное: по 9-й народной переписи числится государственных крестьян, поселенных на собственных землях, 296 428 душ обоего пола; с 1850 года это число немного увеличилось, ибо в последние годы отпуски на волю были слабы, а увольнение с землею было еще ничтожнее. Основная мысль этого законоположения есть полное освобождение крестьян с предоставлением им земли в собственность и права самоуправления на основании общих государственных законов. К сожалению, частные постановления, содержащиеся в сем указе, не вполне соответствуют его слабой цели и основной мысли. Им установлена личная собственность отдельных участков в общей даче; ответственность перед помещиком в уплате денег за выкуп возложена на каждое лицо в особенности, а не на весь мир; и сверх того, и это весьма важно, нет достаточного обеспечения в пользу помещиков насчет исполнения крестьянами принятых ими на себя обязанностей. Узаконение личной собственности в общей даче так противно русскому духу, что оно почти нигде не установилось; где же его ввели, там оно подало повод к бесчисленным тяжбам между однодачниками; а предоставление же им права продавать и закладывать принадлежащие им участки сосредоточило владение землею в руках немногих крестьян, а прочие делались чистыми бобылями. Это обеднение некоторых сел, отпущенных в свободные хлебопашцы, служит противникам освобождения крепостных людей любимым доводом в защиту их мнения; но они не обращают внимания на то, что виною этого обеднения не освобождение, а одно из условий, при котором оно совершилось. Возложение ответственности перед помещиком на отдельные личности ослабило связь между членами общества, и как эта мера, так и предыдущая потрясли мирское устройство в главных его основаниях и лишили его надлежащей устойчивости. Сверх того, эти законоположения усилили недоверие помещиков к сделкам сего рода. Но развитие этого указа более всего остановлено тем, что помещики были недостаточно обеспечены в исправном получении следующих им сумм с освобождаемых крестьян. В законе стоит весьма строгая и по-видимому вполне удовлетворительная в этом отношении статья, где сказано: “крестьяне в случае неустойки возвращаются по-прежнему в крепостное состояние”. Но возможно ли исполнение этой угрозы? Крестьяне, еще не вкусившие блага свободы, едва

сносят помещичью власть; каково же владельцу с ними возиться после нескольколетней независимости? Опасаясь этого, помещики большею частию освобождают крестьян только в том случае, когда они, сверх переводимого на них долга Опекунского совета, вносят наличными все остальные с них причитающиеся деньги, а как капиталов у крестьян вообще мало, то и неудивительно, что весьма немногие деревни вышли на волю. Вследствие недоверия помещиков к сделкам этого рода бывают следующие случаи: помещики обещают крестьянам освобождение по полной уплате ими известных сумм; крестьяне исправно оные взносят по срокам; но владельцы умирают до получения последних денег, а их наследники об этих уплатах часто знать не хотят; и крестьяне, истощенные многолетними, тяжкими взносами, остаются по-прежнему в крепостном состоянии. Вот главные причины слабого действия сего указа; к ним присоединились в последние годы два обстоятельства, которые еще более замедлили его дальнейшее развитие. Первое из них заключается в переименовании свободных хлебопашцев в звание государственных крестьян, поселенных на собственных землях, с подчинением их окружным начальникам и палатам, которых видимая патриархальность и действительная алчность и самовластие удерживают многих помещичьих крестьян от огромных пожертвований, с коими обыкновенно сопряжен выкуп на волю. Второе обстоятельство состоит в усложнении, в силу указа 4-го августа 1853 года, порядка увольнения помещичьих крестьян в звание государственных, поселенных на собственных землях.

Утверждение договора помещика с крестьянами, на основании этого постановления, зависит от согласия не менее шести, а в некоторых случаях семи и восьми разноведомственных лиц; и только после всех этих мытарств представляется условие на высочайшее утверждение. Тяжело иметь дело с одним ведомством, и помещики, хорошо это зная, всячески избегают связываться с присутственными и начальственными лицами; каково же, при освобождении крестьян, иметь дело с двумя ведомствами в уездном, потом в губернском городе и, наконец, в С.-Петербурге? Это устрашает самого ревностного эмансипатора. К тому же дела этого рода длятся обыкновенно так долго, что утомляют всякое терпение, а иногда, во время производства оных, встречаются такие обстоятельства, которые совершенно их прекращают. Мне известно, что одна старушка хотела отпустить своих крестьян на волю, т.е. в вольные хлебопашцы; подана была просьба с проектом договора, часть денег была, кажется, ею получена; но дело тянулось два года, в это время помещица скончалась, и крестьяне перешли в крепостное владение наследников. По всем нами изложенным причинам понятно, почему число свободных хлебопашцев мало прибывает; к этому должно присоединить и то, что, по большей части, исправники, предводители и губернаторы весьма неохотно принимают бумаги от помещиков по освобождению крестьян, весьма радушно показывают, с какими затруднениями это дело сопряжено, и советуют не впутываться в оное, приговаривая: "начать легко, да кончить трудно". Высшее правительство также оказывает этому способу освобождения мало сочувствия, не учреждая особого банка для вспомоществования в этом деле крестьянам, и даже не делая никаких особых льгот по залогам земель, населенных свободными хлебопашцами.

Вникая в основную мысль указа 20-го февраля 1803 года и рассматривая действия его по увольнению крестьян, должно сознаться, что он действительно их освобождает, основывает звание свободных хлебопашцев на положительных началах и ясно определяет отношения их как к прежнему помещику, так и к правительственным местам и лицам. В этом заключается великое превосходство этого указа над положением об обязанных крестьянах, которые, как мы прежде видели, не разрешает затруднений, а отодвигает их только вдаль, не освобождает крестьян, а говорит им о каких-то правах, которых на деле оно им вовсе не предоставляет, и устанавливает между помещиками и крестьянами такие двусмысленные отношения, что из них, кроме раздражения и вражды, ничего выйти не может. Следовательно, указ 20-го февраля 1803 года по устранении некоторых заключающихся в нем неудобств и по восполнении недостатков, временем указанных, может служить основанием и исходом для будущих мер к прекращению крепостного состояния.

Сперва мы доказали, что крестьяне как сословие по преимуществу земледельческое не могут быть освобождаемы без земли; потому ввели, что действительное освобождение с прикреплением к чужой земле невозможно; теперь мы можем заключить, что освобождение крестьян необходимо должно быть соединено с предоставлением им земли в собственность.

С каким количеством земли следует освобождать крестьян

Прежде чем идти далее, нужно рассмотреть вопрос, с каким количеством земли следует освобождать крестьян? Одни предлагают дать им в собственность усадьбу с конопляником и выгоном, т.е. ту землю, на которой они поселены. Другие прибавляют к этому несколько пахотной земли, требуя однако, чтоб надел оставался *недостаточным* для безнуждного существования крестьян, дабы они были в необходимости принимать земли или отпускать излишних людей в работники. Некоторые соглашаются на оставление за крестьянами нынешних их земляных наделов; но большинство людей считает более удобным предоставить это обстоятельство добровольному соглашению помещиков с крестьянами. Последнее мнение, с первого взгляда, кажется самым справедливым и ближе всего к цели ведущим, но в приложении оно выходит неудобоисполнимым и напрасно замедляющим ход дела. Конечно, частные случаи и условия не могут быть разрешаемы ничем так верно и безобидно, как добровольным соглашением; но основания для него должны быть положены законодательным порядком; иначе случится то же, что было и, к несчастию, еще есть при полюбовном размежевании: многие дачи долго не размежевывались, а некоторые и до сих пор остаются в чрезполосном владении единственно оттого, что одни основывали или основывают свои права на бесспорном, свыше десятилетнем, владении; другие – на крепостях; правительство же не решало: владение ли должно иметь преимущество над крепостями или наоборот. А потому, не входя в частности, закон должен определить общие начала, на основании коих

наделение крестьян землею имеет быть произведено; этим устранятся значительные споры и разрешатся многие недоумения. Предоставление одних усадеб с конопляниками и выгоном в собственность крестьян есть не освобождение их с землею, а недобросовестная ловушка, против них поставленная, или дело полного неведения сельскохозяйственного быта. Крестьяне, окруженные чужими землями, будут в необходимости их нанимать по ценам, назначаемым от владельцев. Земля в этом случае есть не такая вещь, которую можно купить или нанять там, где сходнее, а надобно ее взять, где для обработки она способнее, ибо крестьянину вовсе невозможно ездить на работу за 100, даже за 50 верст. Известно, что многие села имеют дачи на протяжении 10, 20 и более верст и принадлежат одному, или двум, трем помещикам, которые сообща могут поднять цены на наем земли по своему желанию. Помещики целого околотка, или уезда, даже целой губернии могут сговориться насчет повышения цен на землю, и крестьяне должны будут платить помещикам все, что они потребуют. Следовательно, положение крестьян при получении ими в собственность усадеб с конопляниками и выгонами будут несравненно тяжче, чем бы оно было даже при освобождении их без земли с правом перехода. Установление такой привилегии в пользу помещиков и такого стеснения крестьян совершенно противно цели освобождения людей от крепостного состояния; а потому о подобном наделе нечего долго и толковать. Второе предположение, т.е. предоставление крестьянам, сверх усадьбы, конопляников и выгона, еще небольшого количества пахотной земли поддерживается многими даже ревностными поборниками освобождения крестьян. Несмотря на это, мнение сие кажется нам также несправедливым и к исполнению затруднительным. Человек, обреченный на возделывание земли, должен, по крайней мере, иметь оной столько, сколько ему необходимо нужно для существования; если он желает возделывать земли сверх своих крайних нужд, то пусть он принимает; если у него в семье лишние люди, то пусть отпускает их в работники, но *необходимое* он должен иметь *у себя дома, независимо от произвола других*. При таких условиях крестьянин будет действительно освобожден; иначе одна неволя заменится другою и, быть может, худшею. Сказанное нами против первого надела относится и ко второму, ибо не иметь земли и иметь оную в совершенно недостаточном количестве почти одно и то же. Помещики могут притеснять крестьян во втором случае почти столько же, сколько и в первом; а потому между этими двумя наделами нет существенной разницы, разве второй надел будет подходить ближе к безнуждному обеспечению крестьян землею, чем к отсутствию надела, каковым должно считать утверждение за ними усадеб с огородом и выгоном. Притом определение того, какое именно количество земли должно считать недостаточным для безнуждного существования крестьянина, есть вещь крайне затруднительная, и произвольным рассуждениям не будет конца. Закон не может цифрою означить это количество, ибо, как известно, десятина земли в одном месте стоит 3, 4, 5, даже 10 десятин в другом месте. Это различие в достоинствах земли встречается не только в одной и той же губернии, но даже в одном и том же уезде, даже в одной и той же даче. Ныне существующий надел не представляет также данных для оп-

ределения этого *недостаточного* количества. Следовательно, должно будет положиться на совесть или произвол помещика, или на добровольное соглашение его с крестьянами. Первое слишком опасно; второе же совершенно невозможно. Всякий, кто переделял или передвигал крестьянские поля, знает, как крестьяне стоят за существующий надел, и первое их слово и кровная забота: не будет у них земли! Следовательно, при отрезке из их владения половины или третьей части угодий они не изъявят согласия ни на какую сделку с помещиком. Рассчитывать на сделки такого рода значит не знать русского крестьянина, который так убежден в своих правах на владеемую им землю, что можно скорее лишить его жизни, чем этого убеждения. К тому же цель освобождения есть основание земледельческого сословия на твердых и справедливых началах, при подобном наделе эта цель будет вполне не достигнута. Неудовольствие крестьян будет всеобщее; начала, на которых предлагается наделить их землею, суть самые произвольные; и само правительство не будет знать, что делать при усильных требованиях крестьян и при упорных отказах помещиков. Притом необходимость каждого крестьянина в найме земли или в поступлении в батраки и умножит сделки, следовательно, и тяжбы до бесконечности. Сверх того, нет большого ущерба для помещика от надлежащего наделения крестьян землею, если при этом он получит за нее справедливое вознаграждение, а крестьянину, при безнуждном наделе, легче платить более, чем даже нести меньшую повинность тогда, когда он должен биться, как рыба об лед. Поэтому предоставление крестьянам во владение того количества угодий, которое теперь находится у них в пользовании, есть предположение самое справедливое, самое безопасное и ближе всех прочих ведущее к скорейшему окончанию дела; конечно, нынешние наделы крестьян землею неравны; но и вознаграждение помещиков за отходящую от них землю должно быть различно. Нынешние наделы имеют за себя то, что они установились, после долгих колебаний, в виде сделки, если не совершенно добровольной, то, по крайней мере, такой, на которую помещики согласны и против которой крестьяне большей частию не возражают. Сверх того эти наделы вообще достаточно обеспечивают безнуждное существование крестьянина, ибо они состоялись в такое время, когда помещику невыгодно было иметь крестьян нищими, которым необходима постоянная помощь. Время исправило многие недостатки этих наделов; ими теперь в общей сложности остаются довольными и помещики, и крестьяне; и те, и другие к ним привыкли, что также дело немаловажное. Нынешние наделы представляют такую положительную данную, которою пренебречь было бы великою ошибкою при предстоящем уничтожении крепостного состояния. Впрочем, невозможно законом безусловно утверждать и нынешние наделы, ибо в них необходимо должны быть сделаны некоторые перемены, потому, во 1-х, что теперь большею частию помещичьи и крестьянские земли чересполосны и необходимо их приурочить к одним местам; во 2-х, что много угодий находится теперь в общем владении помещиков и крестьян, таковые угодия необходимо разделить между ними; в 3-х, что при этом приурочении, по причине различия в доброте угодий, может быть надобность в некоторых добавках или убавках по существующим наделам;

в 4-х, что по иным имениям необходимо умерить крестьянские наделы даже значительно, ибо особенно в оброчных имениях за крестьянами так много разных угодий, что им отяготительно было бы платить за них, тем более, что эти угодия часто и не состоят в действительном их владении.

Не говорю о Костромской, Ярославской, Вологодской и других удобных губерниях, но даже в Саратовской губернии есть имения, где у крестьян земли еще так много, что огромные степи остаются в залежи, помещики же, довольствуясь оброками, не извлекают особых доходов из этих степей. Следовательно, самые нынешние наделы не могут быть приняты за непременные количества, но они драгоценны как нормы, как основания для будущих вечных наделов; положительное, точное же их определение должно быть предоставлено добровольным соглашениям помещиков с крестьянами. Для уменьшения же произвола со стороны помещика в сделках сего рода, а равно и для отвращения излишних разговоров и споров необходима была бы предварительная оценка земель и назначение цифры, выше которой стоимость надела не должна простираться; но об этом подробнее будем говорить в ином месте.

II. Дóлжно ли освобождать крестьян ограниченно и условно или вполне и безусловно?

Теперь следует нам рассмотреть второе обстоятельство из выставленных нами в начале нашей записки: дóлжно ли освобождать крестьян ограниченно условно или вполне и безусловно? Отчасти этот вопрос уже разрешен при обсуждении первого обстоятельства, ибо выставлены были все неудобства, все невозможности условного освобождения обязанных крестьян и все выгоды окончательного увольнения свободных хлебопашцев. Здесь нужно добавить немногое. Освобождение людей от крепостного состояния есть дело такого рода, что как оно просто и удобно, если полагается в основание оного право каждого на личную свободу, так оно сложно и затруднительно при оставлении ограничений этого права. Можно на время подавить в людях присущее каждому человеку чувство личной свободы и понятие об оной, но трудно – невозможно обставить оную такими ограничениями, которые не препятствовали бы ею пользоваться и которые могли бы хоть сколько-нибудь устоять против ее действия. Личная свобода человека есть такое дело, что если оно действительно дано людям, то ограничения невозможны и служат только к возбуждению борьбы и к раздражению как человека, подверженного ограничению, так и человека, в пользу которого это ограничение существует, если свобода только обещана, а действительно ее нет, то ограничения окончательно ее удушат, и благие слова закона послужат лишь к большему стеснению людей подвластных. Личная свобода и ограничения оной вместе существовать не могут; они порождают лишь борьбу, равно опасную и вредную для владельцев, для освобождаемых людей и для правительства. – Еще никогда и нигде не удавалось установить такие ограничения, которые бы предоставляли крепостным людям известную степень свободы и кото-

рые бы вместе с тем удерживали власть господ в границах, законом определенных: или ограничения уничтожают свободу, или свобода потоками крови разрушает ограничения. Как возбуждение подобной борьбы не может быть в видах правительства, то следует или не уничтожать крепостного состояния, или даровать людям действительную свободу. Если первое невозможно, то последнее оказывается необходимым.

Говоря, что крестьяне должны быть освобождаемы вполне – безусловно и, сказавши прежде, что увольнение их имеет быть соединено с землею, мы под этим вовсе не разумеем, что помещик должен оставаться без вознаграждения. Напротив, я уже и прежде упоминал о вознаграждении, а здесь считаю необходимым об этом повторить. Подробно о сем предмете будем говорить после, то необходимо заранее устранить ложные понятия, которые могут возникнуть по поводу вышесказанных слов. Впрочем, самый указ, который мы полагаем в основание освобождения, говорит весьма положительно о вознаграждении помещиков.

III. До́лжно ли освобождать крестьян постепенно с переходами от меньшей к большей свободе или прямо и окончательно?

Должны ли крестьяне быть освобождаемы постепенно, т.е. с переходами от меньшей к большей свободе или прямо и окончательно? вот вопрос, который следует непосредственно за предыдущим. Многие того мнения, что опасно и неудобно из крепостного состояния ввести людей прямо в полные права свободных граждан; а потому, не одобряя в сущности положения об обязанных крестьянах, они считают необходимым провести людей через это состояние прежде полного и окончательного их освобождения. Они полагают, что условия с обязанными крестьянами послужат основанием для будущего определения как помещичьего вознаграждения, так и крестьянских повинностей за окончательный выпуск на волю. В этом мнении утверждает их отчасти пример Германии, которая повела своих поселян из рабства (Leibeigenschaft*) через состояния крепостных и обязанных крестьян в свободные земледельцы. Не разделяя убеждения людей, считающих опасным дарование нашим крестьянам полной личной свободы, о чем пространно было говорено в первой записке, мы еще менее можем согласиться в удобности такового переходного освобождения на самом деле. Отношения дворян к свободным людям существуют у нас издавна, всем очень привычны, и нет ни одного самого бедного помещика, который неоднократно не имел бы дела по найму с вольными людьми. Крестьяне самого глухого уголка России бывают в постоянных сношениях с вольными людьми, знают их быт и отношения к прочим сословиям и сами, отправляясь на заработки, поступают к хозяевам в отношения как бы вольных людей. Следовательно, эти отношения у нас довольно общи, всем известны и в них нет ничего, что оскорбляло, или стесняло, или было бы особенно невыгодным или

* крепостной зависимости (*нем.*).

для помещиков, или для рабочих. Самое важное в этом деле то, что сии отношения существуют, развиты временем и освящены обычаем. Напротив того, отношения помещика к обязанным крестьянам и сих последних к бывшему их владельцу не существуют, они должны быть созданы и по существу своему неопределенны, двусмысленны и странны, как мы то прежде доказали. Нельзя не сознаться, что ввести и укоренить легче известное, чем неизвестное, существующее, чем еще несуществующее, и положительное, чем сомнительное и неопределенное. Все сии отрицательные свойства принадлежат положению обязанных крестьян; так как же употребить оное в виде удобного и безопасного перехода от крепостного состояния к полной свободе? Сверх того, нравы как помещиков, так и крестьян ясно противоречат роду отношений, имеющих быть установленными между земледельцами и их обязанными крестьянами. Всякий русский помещик скорее согласится лишиться человека или людей своих, чем стать к ним в отношения условные и притом такие условные, которые изменить он не может ни теперь, ни после, ибо, как известно, условия с обязанными крестьянами заключены навсегда (т.е. на неопределенное число лет); следовательно, это есть нечто вроде брака без права развода. Крестьяне, конечно, предпочтут условную зависимость полной принадлежности, но трудно, крайне трудно будет им понять границы помещичьей власти и своей свободы, они будут беспрестанно увлекаться своими сведениями о весьма им знакомых правах свободных людей, отчего произойдут между ими и помещиками беспрестанные столкновения, которые породят бездну жалоб и неудовольствий, поселят и укоренят сильнейшую вражду между крестьянами и землевладельцами. Едва ли такое приуготовление удобно и безопасно как переход к полной свободе? К тому же из нашей истории мы знаем, что все положительные, прямые, даже резкие меры исполнялись и усвоивались у нас легко и безопасно и что, напротив того, полумеры, распоряжения подготовительные и такие, в которых видны были нерешительность и как бы недоумение, или оставались без действия, или порождали одни толки и беспорядки. Крутые преобразования Петра I и Екатерины II, даже те из них, которые были несогласны с духом и потребностями народа, утверждались довольно легко и скоро потому только, что власть говорила ясно и твердо. Многие благие намерения Александра I и Николая I остались без действия единственно оттого, что законодатель высказывал свою волю неопределенно и окружал ее такими ограничениями, которые почти вовсе уничтожали силу оной. К крайнему прискорбию людей благомыслящих, великое дело уничтожения крепостного состояния, затронутое более полувека тому назад[9], сопровождалось доселе только мерами последнего рода, и потому понятно, почему оно почти вовсе не двинулось вперед. Понятия о личной свободе так просты и всякому человеку так присущи, права, из нее проистекающие, так естественны и сподручны, что всякие к тому подготовления не облегчат, а затруднят и усложнят освобождение людей. Главное затруднение в этом деле есть определение помещичьего вознаграждения; но эту задачу разрешить легче теперь, чем после: люди, чаящие удовлетворения самой существенной своей потребности – личной свободы, охотно согласятся на всякие справедливые требования помещиков. Не таково будет положение дела, если крестьяне воспитаны будут к сопротивлению разными удачными и не-

удачными попытками утвердить свою самостоятельность на основании закона об обязанных крестьянах. Сверх того, выгодно и удобно ли вообще устроивать положение, которое в мыслях законодателя и в общих понятиях помещиков и крестьян будет только переходным? Как всякая операция, делаемая над телом, бывает гораздо сноснее и удачнее, если может быть окончена в один раз, так и всякая перемена в общественном и государственном быту легче переносится и сопряжена с меньшими опасностями, если она производится прямо и окончательно. Двадцать, тридцать лет непременно пройдут, прежде чем отношения между обязанными крестьянами и землевладельцами установятся (если, впрочем, они когда-либо могут установиться); в продолжение всего этого времени правительство, помещики и крестьяне будут думать о предстоящей перемене, и никто не будет устроиваться в корень. Выгодна, удобна ли такая зыбкость, такая неустойчивость в сельскохозяйственном, нравственном, общественном и государственном отношениях? Едва ли кто ответит на это утвердительно. Мы знаем, что прибегают к мысли о переходном положении и держатся за нее только потому, что, сознавая свое неведение настоящего нашего быта, видя необходимость принятия каких-либо мер к удовлетворению требования времени и не находя средств к прямому и окончательному разрешению затруднений, многие предпочитают отодвинуть оные вдаль и хватаются за находящееся у них под руками положение об обязанных крестьянах. Oui, il y a quelque chose à faire dans cette question*, говорят наши государственные и негосударственные люди, пьют и пируют; отправляются в театр или садятся за карты, предоставляя времени произнести грозный и неотвратимый его приговор над беспечностию и бессмыслием.

IV. Следует ли освобождать крестьян по губерниям или одновременно везде?

Ныне считают более безопасным и более удобным произвести освобождение крестьян не разом по всей России, а постепенно по губерниям. Насчет отсутствия опасности при всяком освобождении, сверху начатом и разумно веденном, мы уже высказали наше мнение в первой записке, а потому считаем излишним что-либо к тому прибавлять; но мы не понимаем, как люди, боящиеся беспорядков и неустройств при освобождении вообще, находят большую безопасность при ограниченном по местности, чем при всеобщем освобождении. Если народ наш дик и самоуправен, как некоторые полагают, то при удержании большей части его в крепостном состоянии в то время, как меньшая часть оного по соседству будет освобождаема, опасность беспорядков и возмущений настоит несравненно большая, чем при равном и для всех одновременном удовлетворении. Если же они думают употребить крепостных людей на прекращение неустройств по освобождаемым губерниям, то такое мнение показывает чрезмерную близорукость. Ведь не раз приходившие для усмирения переходили на сторону подлежащих усмирению, особенно

* "Да, есть кое-что, что нужно сделать по этой проблеме" (*фр.*).

когда последние стоят за то, чего желают первые. Что же касается до больших удобств ограниченного по местности освобождения перед повсеместным, то это кажется нам еще более сомнительным. Для помещиков гораздо сноснее быть всем сословием поставленными в новые отношения к крестьянам, чем поодиночке. Для правительства также выгоднее совершить такой значительный переворот разом везде, чем сперва тут, потом там, наконец, в остальных местах; что же касается до крестьян, то их расположение к немедленному повсеместному освобождению не подлежит никакому сомнению. Притом, каким правилом будут руководствоваться при выборе губерний для освобождения? Большим ли, меньшим ли богатством или просвещением? Лучшею ли, худшею ли почвою? Соседством ли, отдаленностию ли от границ? Все эти обстоятельства таковы, что из каждого можно вывести причины как к ускорению, так и к замедлению уничтожения крепостного состояния. По нашему мнению, самое большое неудобство этого предположения заключается в том, что оно бесполезно замедляет ход дела, которое должно быть совершено с меньшим, по возможности, отлагательством. Ни в одной губернии, ни в целой России неудобно освободить людей внезапно одним подписом пера, и для окончания этого дела как на малом, так и на большом пространстве требуется почти равный объем времени, а потому не вижу причин к продлению тяжкого кризисного состояния далее необходимо нужного срока. К тому же производство этого преобразования в одной части России будет тревожно действовать на все остальное государство; а всего хуже то, что это даст время бессовестным помещикам извлечь из настоящего положения все возможные выгоды к крайнему стеснению принадлежащих им крестьян. Если защитники рассматриваемого нами мнения находят этот способ освобождения особенно удобным потому, что лучше испытать прежде оный в малом, чем в большом виде, то еще удобнее не осуждать никакого края на испытания, а предварительно вникнуть в сущность дела и зрело обдумать предполагаемые меры с помощию людей, специально занимающихся этим вопросом и знакомых с действительными потребностями различных местностей; а потом издать такие положения, которые могли быть исполнены каждою губерниею, каждым уездом и каждою деревнею, с большими по возможности выгодами и с меньшими по возможности неудобствами. Притом опыт, производимый по нескольким губерниям, покажет в правительстве или трусость, или недостаток убеждения в превосходстве принимаемых им мер, что́ может иметь самые худые действия на общий ход этого важного дела.

V. Следует ли освобождать крестьян лично и семейно или обществами?

Теперь предстоит нам рассмотреть вопрос весьма важный: следует ли освобождать крестьян лично и семейно или обществами? Иные стоят вообще за личное освобождение с землею; другие допускают его в виде меры временной, чрезвычайной, подготовительной к общему уничтожению крепостного состояния, и предлагая таковое увольнение с землею или без земли, они назначают в

последнем случае высший окуп (maximum), по взносе коего всякий крепостной человек имеет право требовать отпускную для себя и своего семейства. Насчет первого вида освобождения мы отчасти уже высказали наше мнение, изложив неудобства указа 20 февраля 1803 года, узаконившего личное освобождение с землею; но как еще многие доселе считают этот способ лучшим, удобнейшим и вернейшим, то нужно его обсудить пообстоятельнее. Главнейшие доводы, выставляемые в его пользу, суть: 1) освобождаются люди достойнейшие, т.е. те, которые умом, деятельностию и хорошим поведением составили себе порядочное состояние; 2) освобождение идет постепенно, без всяких потрясений; 3) оно нимало не разоряет помещиков и 4) личное владение землею выгодно в сельскохозяйственном отношении. Первые три довода сами по себе основательны и неопровержимы; но к настоящему делу они вовсе не относятся. Теперь нужно уничтожить крепостное состояние вообще, а не освободить одних лучших людей из этого сословия. К сему последнему увольнению возможность существует более 50 лет, а успехи оного ничтожны, как это доказано на деле цифрами и как это иначе и быть не могло по существу самого способа, что нами выведено при рассмотрении указа 20 февраля 1803 года. Общих, действительных и решительных мер к освобождению этот способ не представляет и не может представить, ибо он основан на свойствах личностей, а не всего народа, – на началах, законом создаваемых, а не на собственно русских нравах и обычаях. Можно изменить и пополнить постановления указа о свободных хлебопашцах, но пока главное его основание, т.е. личное освобождение с землею, сохранится, до тех пор он останется частным видом освобождения и не может сделаться общею к тому мерою. Следовательно, когда речь идет о немедленном и полном уничтожении крепостного состояния, то нельзя указывать на этот способ как на такой, который разрешает затруднения, представляемые этим делом. К тому же, кроме существенного, коренного недостатка, нами указанного, этот способ освобождения сам порождает бездну недоумений, которые трудно, почти невозможно устранить. Если крестьяне отпускаются отдельно, а не целою деревнею, то куда приписаться им по отправлению государственных повинностей? Какому общественному управлению быть им подведомыми? Какою расправою и каким судом первой степени им разбираться? Какие должны быть их отношения как к прежнему владельцу, в даче которого они остаются на жительстве, так и к прежним их одновотчинникам, пребывающим еще в крепостном состоянии? В случае болезни, обеднения, смерти главы семейства и проч. кто будет иметь о них попечение? Удобно, возможно ли отвести каждому крестьянину особо отмежеванный участок, выдать ему план и межевую книгу, как то постановлено в указе о свободных хлебопашцах? Как при таком дробном владении землею устроят они свои поля? Сверх сих и многих тому подобных недоумений, возникающих из самого существа этого способа, есть еще другие вопросы, которые заслуживают уважения: выпуск на волю богатых крестьян не уменьшит ли для остальных возможности вскоре также откупиться? Не послужит ли это освобождение к скреплению уз менее достаточного народонаселения? Не разорвет ли оно связей, ныне существующих между одновотчинниками? Не уничтожит ли оно в

крестьянстве того единства, той крепости, которые в нем развиты общим владением землею, материальною или нравственною, действительною или возможною ответственностию общества за каждого из его членов, и полновластием мира над его членами? Подобным вопросам и описаниям нет конца, потому что этот способ противоречит убеждениям, привычкам, всему быту нашего народа. Что касается до больших удобств в сельскохозяйственном смысле личного владения землею перед общественным, то об этом многое можно сказать и за, и против. Конечно, одно общее владение землею в государстве может крайне замедлить в оном успехи земледелия, но и одна личная, дробная земляная собственность крайне невыгодна в агрономическом отношении, чему живым доказательством служит Франция. Лучшим устройством земляной собственности было бы соединение в государстве личной и общей собственности: первая была бы для людей богатых, другая же – для людей менее достаточных; та обратила бы на себя деятельность и средства личностей слишком могучих в общине; эта уничтожила бы даже возможность бобыльства. При одном личном владении огромное число земледельцев останется без земли и должно поступить со всеми своими семействами в батраки; при одном общинном владении все большие капиталы должны покинуть хлебопашество и обратиться на промышленность и торговлю, при сочетании же личного и общинного владения все земледельцы суть землевладельцы, и капиталы самые значительные находят помещение в хлебопашестве. Такое выгодное устройство собственности, к счастию, существует ныне у нас на деле; но об этом обстоятельнее будем говорить после, теперь же из всего вышесказанного можно заключить, что личное или семейное освобождение с землею не может считаться надежным и удобным способом к немедленному и полному уничтожению крепостного состояния.

Предположение о личном выкупе с землею или без земли, в виде меры временной, чрезвычайной, подготовительной к общему освобождению, не заслуживает большого доверия и одобрения, чем предыдущий, нами только что рассмотренный способ. В защиту этого мнения выставляется: 1-е, назначение высшего окупа положит границы произвола помещиков, которые теперь часто назначают за отпуск на волю цены огромные; 2-е, эта мера усилит движение к общему освобождению; 3-е, она выведет из деревень слишком богатых крестьян, которые для остальных бывают тяжче самих помещиков; 4-е, она уменьшит значительно суммы, которые, при общем освобождении, должны надлежать уплате помещикам и, наконец, 5-е, таким средством большие количества земли останутся за сими последними. Рассмотрим эти доводы в подробности. – Назначение высшего окупа, конечно, ограничит произвол добрых помещиков, в чем нет большой надобности, но дурные, те, которых всего нужнее обуздать, легко найдут средства обойти этот закон. Правда, при издании оного некоторые крестьяне, которых теперь помещики не отпускают отчасти по расчету, отчасти из самолюбия, воспользуются этим постановлением; впоследствии же дурные помещики, которых, к сожалению, довольно, или не дадут крестьянам средств наживать излишние деньги, или сумеют заблаговременно штрафами их к себе поворотить. Доставив свободу некоторым лицам, закон сей может и должен по-

служить к стеснению несравненно большего числа людей; следовательно, он не положит действительных пределов помещичьему произволу, а из бумажных ограничений дворяне сумеют всегда выйти целыми и невредимыми. Что же касается до движения к освобождению, которое эта мера должна усилить, то теперь, кажется, нужно увеличивать не столько стремление к освобождению, сколько возможность к нему: расположение в людях к получению свободы сильно, есть даже помещики, готовые к отпущению людей на волю; но недостаточны удобства к получению и к даче оной – вот предмет, на который необходимо теперь обратить преимущественное внимание. Третий довод в пользу личного освобождения кажется нам совершенно неосновательным: богатые крестьяне не зло, а благо для деревень; их нужно не выгонять, не уничтожать, а привлекать и умножать. Говорят, что богатый крестьянин для деревни тяжче самого помещика, – но чем? Тем, что он дает деньги взаймы, что вместо процентов заставляет крестьян на себя работать, что таким образом он извлекает из них лихвенные проценты, что берет у них землю внаймы и превращает их в чистых бобылей. Есть доля правды в этих словах, но и то только при отсутствии общинного начала. Я знаю это по опыту: в моих имениях все пособия крестьянам выдаются или из мирского амбара или из мирской денежной суммы, сверх того за неисправных обработывают миром. При таком устройстве крестьяне друг за другом смотрят очень бдительно; они помогают нуждающимся, опасаясь, чтоб они вовсе не обедняли и "не сели миру на шею". Если общинное начало сильно, т.е. если все отвечают за всех, и мир самостоятелен, то богатый крестьянин не зло, а благо для крестьянского общества, ибо он помогает своим родным, торгует, нанимает на стороне земли или владеет своими собственными дачами, имеет мельницу или крупорушалку, или маслобойню, снимает подряды и проч., и крестьяне, менее достаточные и менее промышленные, около него кормятся, добывают деньги на подати и необходимые расходы. Без нескольких богатых крестьян никакое селение не может пользоваться довольством, ибо у нас в деревнях ощущается великий недостаток в предприимчивости; это же качество есть принадлежность богатых крестьян, потому что крестьянское богатство есть почти исключительно личное, а не наследственное богатство: предприимчив, добропорядочен крестьянин – он и богат; богатый же дом приходит в упадок тотчас по смерти виновника богатства. Если удалить достаточных крестьян из помещичьих имений, то окажется в них еще большее отсутствие всякой промышленности и торговли и, следовательно, еще большая бедность будет их уделом. Богатый крестьянин есть душа деревни. Я это видел не раз и в собственных имениях всегда старался не только размножать богатых крестьян, но привлекать посторонних людей, желающих заводить какие-либо промышленности или торговые производства. Сверх того мы думаем, что отвлечение из крестьянских обществ богатых и предприимчивых людей значительно уменьшит средства деревень к уплате повинностей, имеющих быть на них возложенными по освобождении их из крепостного состояния; иной крестьянин в состоянии поддержать целую деревню, подвинуть ее на условия к освобождению и потом побудить ее к уплате следующих с нее денег. Не можем считать дельными и последние два довода. Не

думаем, что личный выкуп значительно уменьшит суммы, которые при общем освобождении должны подлежать уплате помещикам. Число людей, которые выйдут на волю, на основании установленного законом окупа не может быть значительно как потому, что у крестьян нет больших денег, так и потому, что многие из них не захотят покинуть свою родину, свои усадьбы и своих родных. Впрочем, нельзя не найти даже странным расчет на такие мелкие пособия при великом деле освобождения крестьян. Это показывает лишь то, что у нас не имеют достаточного понятия о силе кредита и о том, что он может совершить в деле истинно производительном, каковым нельзя не принять уничтожение крепостного состояния. Финансовую сторону вопроса будем мы рассматривать впоследствии, и из нее мы надеемся извлечь новые доказательства в пользу удобств общего, немедленного и полного освобождения крепостных людей. Что касается до земель, которые, на основании закона о личном увольнении, должны в большом количестве остаться во владении дворян, то насчет этого следует сказать, что сохранятся за ними большею частию одни земли негодные, ибо если еще есть деньги у крестьян, то это только в промышленных губерниях, там, где помещики не будут знать, что делать с землею; в хлебородных же местах личный выкуп будет ничтожен, ибо тут крестьяне так стеснены помещиками, что у них почти нет залипших денег. Следовательно, ожидания от личного выкупа и в этом случае останутся неисполненными. В заключение должно сказать, что при выкупе на волю лучших, богатейших из крестьян, которые все припишутся к селениям государственных имуществ, разница между помещичьими и казенными крестьянами будет еще резче: насколько эти поднимутся, настолько те упадут, и правительство будет в крайнем затруднении в приискании какой-либо меры к освобождению остальных крепостных крестьян.

Следовательно, личный выкуп крестьян, в каком бы виде он ни был, с землею или без земли, как правило постоянное или как временная мера, должен быть признан у нас способом не только бессильным к уничтожению крепостного состояния, но и крайне вредным по своим последствиям. Это сознание должно быть в нас тем сильнее, чем глубже мы убеждены в том, что имеем к общему, немедленному и полному освобождению крестьян такое средство, какого не имела ни одна страна и которое должно совершить в России этот переворот легко, безопасно, окончательно и вполне плодотворно для будущего развития нашего народного и государственного быта. Это средство состоит в имеющемся у нас *мирском устройстве, с общим владением землею,* с круговою ответственностию ее членов друг за друга и с обычаями собственного суда и самоуправления. Такого мирского устройства в других землях нет; у нас же, к счастию, оно есть, в нем наша сила в настоящем и залог нашей крепости и нашего могущества в будущем. Правда, есть люди, которые не признают общины ни в русской истории, ни в теперешнем быту нашего народа… С умом, образованным по иностранным учебникам, и с зрением, испорченным иностранными очками, они не видят того, что кидается в глаза, и не понимают вещей, ясных, как день, ожидая, чтоб какой-нибудь Гизо или Тьер отыскал мирское устройство в известных ему историях и дозволил им, на основании европейского авторитета, признать существование того, что однако

посреди нас живет, высказывается в осязательных явлениях и глубоко укоренено в нравах и обычаях нашего народа. Не место здесь заводить ученые споры; к счастию, люди, глубоко изучавшие русскую историю и русский народный быт, единогласны в признании такой общины у нас на Руси, в этом убеждении утверждает нас также то, что мы видели, слышали и замечали в разъездах наших по России и в продолжении 25-летних сельскохозяйственных наших трудов. Вникая в устройство крестьянских обществ, казенных и помещичьих, оброчных и барщинских, по разным губерниям, мы везде находили мирское начало лежащим более или менее явно в основании сельского суда и управления, встречали его в постоянном виде по деревням и во временном, переходящем виде в городских и подвижных крестьянских артелях и замечали, что оно уступает лишь насильству со стороны помещиков и чиновников, что вновь выступает наружу, как скоро слабеет или прекращается враждебное против него действие, и что, возрождаясь, оно является в такой силе и зрелости, как будто всегда было в ходу. Имев случай приобрести вотчины от помещиков, которые сами или чрез управляющих ломали крестьянский быт по своей прихоти, я всегда удивлялся, как многолетние помещичьи, искусственные заведения быстро заменялись учреждениями, основанными на мирском суде и управлении. На всякое предложение, делаемое крестьянам, они отвечают: “позвольте об этом на миру потолковать”; в случае тяжб между крестьянами или совершенного кем-либо из них проступка старики собираются для суда; при расспросах о положении крестьян, о работах в пользу помещика, об их повинностях они большею частью отвечают: “да, батюшка, миру тяжело”; на спрос, чья эта земля или чье это стадо, они говорят: не крестьянское, а мирское; наконец, в случае просьб или предложений со стороны крестьян на спрос “кто же из вас за это будет отвечать” они, с полною уверенностию и некоторым самодовольством, объясняют: мир, де, ответит. Надобно быть странно ослепленным и сильно предубежденным, чтоб не видеть, как у нас в крестьянстве мирское начало живо, сильно и всеобъемлюще. Не разыскивая того, присуще ли оно нам как славянам или привито оно к нам неизвестно откуда, мы не можем не признать факта его существования, его благотворного и могущего действия на крестьян. При предстоящем их освобождении на каком начале, кроме мирского, можем мы основать исполнение этой великой меры? Невозможно ни правительству, ни помещикам иметь дело с отдельными крестьянскими личностями; при общем уничтожении крепостного состояния это умножило бы количество сделок до бесконечности, чрезмерно увеличило бы число дел по взысканиям и породило бы истинный хаос при новом устроении крестьянского сословия. Если б у нас не было мирского устройства в том виде, в каком оно существует, то следовало бы всячески постараться его создать; неужель мы отвергнем то, что само собою представляется для разрешения наших недоумений, для устранения всяких затруднений и для совершения с легкостью, удобством и безопасностью того, что иначе было бы почти неудобоисполнимо? Мирское начало, положенное в основание освобождения крестьян, дает нам возможность обеспечить удовлетворительно выкупные их платежи и взносы государственных податей, устроить земляную собственность согласно с существующими сельскохозяйственными обычаями, отвратить навсе-

гда опасность бобыльства и, что всего важнее, учредить разом, без проволочек и излишних хлопот как правильное судопроизводство, так и сильное управление в деревнях. Как выкуп личный значительно ослабит связи между крестьянами, так выкуп обществами существенно их скрепит, ибо они будут знать, что общая ответственность лежит на всех, и богатые, вместо того, чтоб притеснять своих собратий, будут всячески их поддерживать, дабы все были исправны и дабы не пришлось им поплатиться за неисправных или подвергнуться общей ответственности. При освобождении обществами земля остается общим достоянием; следовательно, не будет никакого затруднения в устройстве полей, выгона и проч. Размежевание будет только между помещиками и обществами, а не между отдельными крестьянами. Сверх того, по мере умножения народонаселения после известных сроков будут переделы земли, и опять все работники получат земляные участки, и бобыльство будет крайне ограничено: оно останется в нынешних его пределах. Такой порядок не есть вымысел утопии; он существует во многих оброчных благоустроенных имениях: в Костромской, Ярославской, Вологодской, Нижегородской и других губерниях; есть села и деревни, где раскладка оброчных и подушных денег не по душам, не по тяглам, а по достаткам каждого крестьянина, потому что отвечает общество, что общественные связи крепки и что имеются богатые люди в селении. Конечно, нельзя удерживать в крестьянстве людей, желающих быть купцами, ремесленниками, художниками, учеными и проч., но это увольнение должно зависеть от общества, уже уволенного. Тогда число людей, желающих выйти из крестьянского общества, будет незначительно; выбудут из оного только люди, желающие перейти по склонностям или обстоятельствам в иное сословие, а не все люди, домогающиеся быть свободными. Тогда лица, покидающие свое общество, взнесут в пользу оного известный окуп, который послужит к облегчению платежей остальных крестьян, а не к отягчению их участи, как это теперь бывает, ибо доселе крестьяне, остающиеся крепостными, платят за освобожденных подушные и прочие повинности и отправляют за них рекрутчину. Но и в случае отмены этой обязанности или при возложении ее на личную ответственность помещиков выпуск богатых был бы для деревень невыгоден, как мною уже доказано.

Следовательно, освобождение должно быть целыми обществами, в собственность коих имеет поступить земля и на ответственности коих должно оставаться выполнение обязанностей, имеющих лечь на освобождение крестьян.

VI. Следует ли вознаграждать помещиков за личность освобождаемых крестьян или только за угодия, предоставляемые им в собственность?

Следует ли вознаграждать помещиков за личность освобождаемых крестьян или только за угодия, предоставляемые им в собственность? Мнения по этому предмету весьма различны: одни утверждают, что несправедливо, революционно лишать людей собственности, издавна освященной законом, и требуют возмездия помещикам за землю и за людей[10], от них отходящих; другие, основываясь на

том, что человек не может принадлежать человеку и что в старину люди поступили к дворянам в крепость не за деньги, а в видах государственного благоустройства, полагают, что правительство не только может, но даже должно уничтожить такое злоупотребление и обязано вознаградить лишь за угодия, переходящие в собственность освобождаемых крестьян. Нам кажется, что нельзя безусловно согласиться ни с теми, ни с другими, во 1-х, потому, что возмездие за освобождаемых людей, совершенно необходимое в промышленном крае России, было бы вовсе излишним в хлебородных губерниях, и во 2-х, потому, что плата за землю, отходящую от помещиков, вполне вознаградила бы их в последней местности и была бы ничтожным, разорительным для них возмездием в первом краю. Нам кажется, что в этом деле нельзя руководствоваться ни общим положением, что как человек не может принадлежать человеку, то это злоупотребление должно быть отменено без вознаграждения за то владельцев, ни безусловным правилом, что всякая собственность священна и что за отнятием оной должно необходимо следовать полное вознаграждение. Необходимо допустить, кажется нам, что возмездие за собственность, коей человек лишается, должно быть по возможности справедливое, но вместе с тем следует вникнуть, в чем именно заключается собственность и за что необходимо вознаградить? При покупке хлебородного имения мы обращаем особенное внимание на количество и качество земли и по большей части даем за землю тем высшую цену, чем менее при ней душ; следовательно, люди не составляют в этом случае предмета, который сам по себе имел бы ценность. Напротив того, при покупке имения в промышленных местностях мы преимущественно смотрим на оброк, платимый крестьянами, и на их добывки, часто вовсе не зависящие от угодий, которые находятся у них в пользовании; земля же поступает в владение уже как необходимая придача к людям. Следовательно, и вознаграждение должно быть двоякое: или за землю, или за людей, т.е. за платимый ими оброк; но вознаграждение за то и за другое вместе было бы излишним обогащением помещиков и чрезмерным отягощением крестьян. Выбор того или другого способа вознаграждения может быть предоставлен помещикам как лицам, держащим, на основании законов, власть в своих руках; но для предупреждения излишних разговоров, а равно и для ограждения крестьян от чрезмерных требований со стороны помещиков следует предварительно оценить имения: барщинские по ценности земли, а оброчные по бездоимочно платимому ими оброку. Как в том, так и в другом случае необходимо отдельно оценить те угодия, которые находятся в пользовании крестьян. Каким способом произвести сию оценку, мы рассмотрим подробно в третьей записке; здесь же считаем необходимым доказать еще одно, а именно то, что освобождение крестьян может пойти успешно лишь в том случае, если правительство примет на себя посредничество между помещиками и крестьянами по уплате этого вознаграждения. Крестьяне не могут уплатить помещикам наличными деньгами за предоставляемые им угодья или за освобождение от ежегодного оброка, ибо не имеют капиталов в наличности; помещики же, выпуская из рук свою теперешнюю власть над крестьянами, не захотят сделать им доверие, не будучи убеждены в исправности платежей со стороны крестьян, а тем еще менее в готовности и в средствах правительства к удовлетворению

их жалоб в случае невзноса повинностей крестьянами. Сверх того, помещикам невыгодно получать по частям, погодно в продолжение многих лет вознаграждение за землю или за оброк, которых они лишены в один раз и по нынешней оценке. Эта уплата за землю или капитализация оброка должна быть произведена правительством, и крестьяне должны процентную повинность платить уже ему, ибо одно правительство в силах это совершить, как потому, что рычаг кредита в его руках, так и потому, что при освобождении крестьян они становятся к нему в прямые, непосредственные отношения. Как это устроить и как обеспечить казну от недоимок, это составит тоже предмет третьей записки, но здесь нужно было указать начало, на котором это вознаграждение должно быть основано.

VII. Освобождение крестьян имеет быть произведено правительственным ли распорядком или путем добровольных соглашений между помещиками и крестьянами?

Остается нам рассмотреть последний, но крайне важный вопрос, а именно: каким путем имеет быть произведено освобождение крестьян? Правительственным ли распорядком или посредством добровольных соглашений между помещиками и крестьянами? Многие стоят за первый способ, опасаясь, что последний поведет дело в такую оттяжку, что до окончания оного никто не доживет. Уничтожение крепостного состояния почерком пера, т.е. постановлением, не соображенным ни с местными, ни с другими обстоятельствами, не обращающим внимания на справедливое вознаграждение помещиков, или не соразмеряющим тяжести, которые имеют быть возложены на плеча крестьян, есть, конечно, дело возможное и удобоисполнимое; но желательно ли совершить это великое преобразование таким легкомысленным образом? Произвести же освобождение крестьян административным порядком, с соблюдением выгод как помещиков, так и крестьян, без нарушения требований справедливости в отношении той и другой стороны, и притом с необходимою безотлагательностию, есть дело совершенно невозможное. Мы отчасти уже коснулись этого предмета, говоря о ведении инвентарного положения; здесь мы добавим несколько слов для большего уяснения нашего мнения. Для надлежащего совершения этого дела правительственным порядком нужно предварительно произвести подробнейшее и вернейшее снятие на план всех помещичьих участков с обозначением доброты почвы, качеств всяких угодий, удобств для сбыта сельских произведений и проч. и с учинением возможно справедливой оценки всех имений, – одним словом, нужно произвести кадастр. Без кадастра правительство не может никак приступить к определению меры вознаграждения помещичьего и повинностей крестьянских. Спрашивается, возможно ли это дело совершить в скорое время? Известно, что Франция, государство, несравненно менее пространное, чем Россия, и располагающее несравненно большими учеными и вещественными средствами для произведения кадастра, в 50 лет далеко не окончила этого великого дела и пришла даже к сознанию, что этот труд почти невозможен, ибо,

по мере производства кадастра, ценность земель в различных местностях различно поднимается, земляные участки то делятся, то совокупляются воедино, и потому положение страны постоянно изменяется. Следовательно, мы не можем и думать о кадастре; без кадастра же правительство не в состоянии приступить путем административным к освобождению крестьян с землею; разве прибегнуть к отчаянному средству препоручения этого дела особым сановникам, имеющим отправиться в различные губернии и действовать неограниченно в силу данной им власти, разрешая все недоумения, устраняя все препятствия и разрубая все вопросы. Едва ли такая передача самодержавия желательна, удобна и даже возможна. Следовательно, остается для совершения великого дела освобождения крепостных людей путь добровольных соглашений между помещиками и крестьянами. Вообще опасаются, что этот путь медлен и опасен: медлен потому, что помещики не будут торопиться выпустить власть из своих рук; опасен же потому, что как полновластие на одной стороне, а бесправие на другой, то помещики могут навязать крестьянам такие условия, которые сии последние не будут в состоянии исполнить. Нельзя не признать справедливости того и другого опасения; а потому этот путь, отдельно взятый, столько же невозможен, сколько и предыдущий, нами рассмотренный, способ. Следовательно, должно искать разрешения предложенной задачи в сочетании этих двух способов. Правительство должно дать толчок этому делу, ибо иначе дворянство никогда за него не примется. Этого мало, правительство должно постановить главные начала, на основании коих освобождение крестьян с землею имеет быть произведено; самое же исполнение дела, т.е. применение общих оснований к различным местностям, должно быть предоставлено добровольным соглашениям между помещиками и крестьянами. Эти правительством изданные положения должны быть немногочисленны, не слишком положительны, по возможности общи и широки, ибо иначе они стеснят полюбовные сделки, которые одни могут разрешить затруднения для всех равно удовлетворительно. Во избежание медленности со стороны помещиков необходимо постановить сроки, в течение коих освобождение крестьян имеет быть произведено, и выставить действительные и достаточно строгие меры, имеющие быть принятыми по истечении сроков. Для достижения этой цели достаточно объявить, что по миновании сроков правительство само произведет освобождение остальных крестьян без участия в том помещиков.

Повторим вкратце выведенные нами в сей записке заключения:

Крестьяне должны быть освобождаемы:

Во 1-х, с землею и притом с таким количеством оной, чтоб они могли существовать безнуждно.

Во 2-х, вполне и безусловно.

В 3-х, прямо и окончательно, без переходов от меньшей к большей свободе.

В 4-х, единовременно везде.

В 5-х, мирскими обществами, а не лично и семейно.

В 6-х, с вознаграждением помещиков за земли, имеющие поступить в мирскую собственность, или за оброк, коего они лишатся и, наконец,

В 7-х, путем добровольных соглашений между помещиками и крестьянами, при побуждении со стороны правительства, под его надзором и под угрозою произвести освобождение правительственным порядком.

III

Предполагаемые меры к освобождению крестьян

Определивши в предыдущей записке начала, на которых должно быть основано освобождение крестьян, мы осмелимся теперь, по крайнему нашему разумению, начертать главные положения этой меры и указать, как оные могут быть приведены в исполнение.

В пополнение, разъяснение и изменение св⟨ода⟩ зак⟨онов⟩ тома IX, статей 760–787, относящихся до свободных хлебопашцев[11] (именуемых ныне государственными крестьянами, поселенными на собственных землях), нужно, по мнению нашему, постановить нижеследующее.

Главные меры к освобождению крестьян

1. Помещики, заключающие условия с своими крестьянами на увольнение их в звание свободных хлебопашцев*, могут следующие им по договорам с увольняемых крестьян деньги получать из кредитных учреждений на основаниях ниже сего изложенных.

2. Селения, таким образом увольняемые, поступают со всеми угодиями, с которыми они отпущены, в залог в кредитные учреждения и имеют вносить в оные ежегодно проценты, причитающиеся как на выданную за них кредитными учреждениями капитальную сумму, так и на погашение самого долга.

3. Определение сумм означенного вознаграждения зависит от добровольного согласия между помещиками и их крестьянами, но оные никак не могут превышать или стоимости угодий, предоставляемых крестьянам в собственность, или стоимости оброка, бездоимочно ими дотоле платимого при известном наделе их землею.

4. Для ограждения в сем случае кредитных учреждений от ссуд, превышающих стоимость угодий, которые поступают в залог, или стоимость оброка, платимого крестьянами, имеет быть произведена оценка помещичьим имениям во всей империи, за исключением губерний, в которых крепостное состояние уже более не существует.

---

* Весьма желательно восстановление этого наименования как потому, что в обычном употреблении оно и не отменялось, так в особенности потому, что народ очень его любит и что многие крестьяне не выкупаются оттого, что не желают быть *казенными* (государственными) крестьянами.

5. Для произведения сей оценки должны быть учреждены в каждом губернском городе – губернский и в каждом уездном – уездный комитеты из членов, особо на сей предмет от дворянства избранных и имеющих произвести оценку под собственною своею ответственностию.

6. Оценка земель производится без ученого определения внутреннего их достоинства, а по настоящей их стоимости, т.е. *по ходячей их ценности*. Что же касается до оценки имений по платимому оброку, то следует удостовериться в бездоимочном взносе оного крестьянами в течение последних (трех) лет, и выведенное из этих чисел среднее ежегодное количество оброка должно быть помножено из расчета 6 на 100, т.е. на $16^2/_3$ лет, что и даст сумму стоимости имения по платимому оброку (капитализация оброка из 6%).

7. Выбор способа оценки, т.е. определение стоимости имения по угодиям или по количеству платимого оброка, при заключении договоров должен зависеть от воли помещика.

8. Кредитные учреждения имеют назначать ссуды на основании договоров, заключаемых между помещиками и их крестьянами, и свидетельств, установленных св⟨одом⟩ зак⟨онов⟩, т. IX, ст. 766[12], не входя ни в какие дальнейшие справки и исследования. Само собою разумеется, что при выдаче денег вычитаются долги кредитным установлениям, лежащие на имениях, а равно и прочие взыскания, предъявленные законным образом на помещиков и прописанные в вышеупомянутых свидетельствах. Если долг кредитному учреждению превышает сумму денег, следующих с крестьян за освобождение, то сей излишек долга может быть обеспечен землями, остающимися во владении помещика. Если сумма частных взысканий превышает сумму денег, подлежащих к выдаче помещику, то кредитные учреждения назначают ссуду не иначе, как по получении на то согласия со стороны кредиторов по правилам, установленным для посреднических комиссий. Если кредиторы не изъявляют согласия на договор, заключенный должником с своими крестьянами, то имение остается на крепостном положении до окончательного освобождения крестьян по распоряжениям правительства.

9. Договоры между помещиками и крестьянами об увольнении сих последних в звание свободных хлебопашцев заключаются при соблюдении следующих правил:

а) В собственность крестьян должны *по возможности** поступать угодия в том количестве, в каком оные ныне у них находятся в пользовании, и в тех местах, где они ими ныне владеют. – Само собою разумеется, что помещичьи и мирские земли, находящиеся в чрезполосности, должны быть *по возможности* приурочены к одним местам, с соблюдением выгод как помещиков, так и крестьян. – Равным образом в тех селениях, где во владении крестьян имеется значительное количество земли, превышающее их действительные потребности, это излишнее *количество земли может быть* отрезано и оставлено во владении помещиков.

---

* Смысл и необходимость этого несколько неопределенного положения объяснены во 2-ой записке.

б) Сумма стоимости угодий, поступающих в собственность крестьян, не может по упомянутым договорам превышать 00 руб. сереб. на ревизскую душу; за излишние угодия крестьяне, буде пожелают удержать их за собою, должны или взнести помещику наличными деньгами или выплачивать их по особому с ним заключаемому условию.

в) Земля имеет поступить в нераздельную собственность всего общества, и ответственность за исправный взнос процентов имеет лежать *на мире*, а не на отдельных лицах.

10. Договоры, заключаемые помещиками с крестьянами для увольнения их в звание свободных хлебопашцев, утверждаются немедленно в губернском городе присутствием, составленным из начальника губернии, губернского предводителя дворянства и губернского прокурора. Это присутствие предварительно справляется: обязанности, принимаемые крестьянами, не превышают ли оценки, утвержденной комитетом для оценки дворянских имений? и действительно ли по мирскому приговору изъявлено крестьянами добровольное согласие на представляемый договор и даны руки на подписание оного? Для удостоверения в сем последнем обстоятельстве крестьяне допрашиваются на месте присутствием, составленным из уездного предводителя, земского исправника и уездного стряпчего, при 24-х понятых из селений уже освобожденных или государственных крестьян.

11. По утверждению помянутого договора крестьяне устраивают у себя сельское управление на основании главных положений по сему предмету, от правительства изданных.

Желательно, чтоб свободные хлебопашцы не оставались в ведении Министерства государственных имуществ, а поступили в ведении Министерства внутренних дел; иначе следующий § будет неудобоисполним, а между тем он необходим во многих отношениях.

12. В течение первых десяти лет по увольнении в звание свободных хлебопашцев крестьяне обязаны избирать себе попечителя из дворян того же уезда. Обязанности попечителя должны состоять в нижеследующем: во 1-х, решать окончательно все дела, которые за разногласием не могут быть окончены на мирских сходках и мирскими начальниками; во 2-х, оказывать им заступление в присутственных местах и пред начальственными лицами.

Главные положения, служащие основанием предыдущим статьям, уже объяснены по возможности в первых двух записках. Здесь остается обсудить некоторые вопросы, по сему делу возникающие и еще нами не рассмотренные.

Вопросы по поводу предложенных мер

Во 1-х, откуда кредитным учреждениям взять деньги для выдачи огромных сумм, следующих помещикам за освобождаемых крестьян?

Во 2-х, достаточно ли обеспечен возврат денег, подлежащих к выдаче помещикам за освобождаемых крестьян, и какие средства имеют кредитные учреждения к взысканию процентов в случае, если освобождаемые крестьяне не будут их исправно платить?

В 3-х, значительный выпуск бумажных денег, без которого кредитные учреждения не могут обойтись при удовлетворении помещиков за отходящие от них земли или за оброки, которых они лишатся, не уронит ли государственного кредита, не переполнит ли денежного рынка и не произведет ли расстройства в общем денежном обращении?

В 4-х, возможна ли предполагаемая нами оценка имений?

В 5-х, не произвольна ли будет оценка *по ходящей их ценности*?

В 6-х, как удостовериться в действительно бездоимочно получаемом количестве оброка и из какого числа лет следует выводить среднее количество оброка?

В 7-х, из каких процентов следует рассчитывать стоимость имения, ценимого оброку?

В 8-х, нет ли опасности в том, что на крестьян, вопреки их воле, могут быть возложены обязанности, которые они не будут в состоянии выполнить, и что допрос, на месте произведенный уездною комиссиею, может быть пристрастен?

В 9-х, в чем должны состоять главные положения, имеющие быть изданными от правительства, для устройства местного управления и суда в селениях, поступающих в звание свободных хлебопашцев?

В 10-х, благонадежные помещики согласятся ли быть попечителями над крестьянами и будут ли эти попечители в состоянии исполнять свои обязанности?

В 11-х, не упадет ли дворянство, лишившись около половины своих земель?

Рассмотрим эти сомнения в последовательном порядке и постараемся доказать их неосновательность.

I. Откуда кредитным учреждениям взять деньги для выдачи огромных сумм, следующих помещикам за освобождаемых крестьян

Помещичьих крестьян, по 9-й народной переписи[13], числится 10 074 060 душ мужеска пола (в наличности их должно быть менее, ибо, как известно, очень много дворовых записано в числе крестьян), из которых часть на барщине и часть на оброке. Хотя неизвестно в точности, сколько крестьян состоит на барщинском и сколько на оброчном положении, но можно довольно безошибочно полагать, что эти две половины почти равны. В барщинских имениях обыкновенно считается по $2^1/_2$ души на тягло; земли полагается большею частию на тягло по $1^1/_2$ и по 2 десятины[14] в каждом поле (есть имения, где крестьяне имеют по одной десятине и даже менее; там же, где они пользуются 3-мя десятинами и более и где земля ценна, удобнее отрезать излишнюю землю, дабы не слишком возвышать сумму выкупа крестьян); следовательно, принявши средним числом $1^3/_4$ десятины в каждом поле, а в трех по $5^1/_4$, и положивши по 1 десятине лугу и $^3/_4$ десятины под усадьбу, коноплянники, выгон, дороги и проч., мы получим цифру 7 десятин как среднее число десятин тяглового участка*. Ценность земель в хлебородных губерниях весьма

* Эту цифру я принимаю только для приблизительного определения крестьянского окупа, *а вовсе не в виде нормы для наделов*. Невозможно определить такую норму, как мною уже было доказано во 2-ой моей записке. Иные крестьяне должны сохранить по 10 и более

различна – от 5 до 50 р. за десятину; в большей части губерний черноземной полосы земли стоят от 20 до 36 руб. сереб. Если принять средним числом 28 руб. сер, за десятину, то наша оценка будет приблизительно верна. Следовательно, каждое тягло, имеющее по 7 десятин ценою по 28 руб. сер., представляет владения на 196 р., для круглого счета примем по 200 р. на тягло, а на душу по 80 руб. сер. Эту цифру также я принимаю не в виде нормы, а только для приблизительной оценки крестьянских наделов. Могут быть по барщинским имениям наделы крестьян землею и в 250 р. на тягло, т.е. в 100 на душу, но сию последнюю цифру я предлагаю как maximum стоимости крестьянского надела на душу. Оброчные крестьяне платят оброка от 6 до 50 р. в год; обыкновенный оброк есть от 12 до 20 р. сер., а средним количеством оброка одного тягла можно принять без большой ошибки для всей России цифру 16 р. сер. В оброчных имениях бывает по большей части против душ половинное число тягол, следовательно, на душу выйдет по 8 р. сер. Если этот оброк капитализировать из 6%, т.е. упомянутые 8 руб. помножить на $^{100}/_{6}$, т.е. на $16^{2}/_{3}$ годов, то каждая душа представит ценность в 133 руб. 33 коп. Хотя эта цифра* для определения ценности оброчных имений вообще приблизительно верна, однако она, при залоге в кредитных учреждениях может и должна быть сокращена отрезкою излишних угодий из мирского владения. Цель этого сокращения троякая: во 1-х, чтоб не обременять крестьян излишними не необходимо нужными платежами; во 2-х, чтоб сохранить как можно более земель во владении дворянства и, в 3-х, чтоб сумму, которую должно будет выплачивать помещикам, уменьшить по возможности. Maximum крестьянского окупа может быть определен в 80, 90 и никак не выше 100 р. сер. на душу как по барщинским, так и по оброчным имениям; ибо при такой цифре крестьяне должны сохранить достаточно земли для безнуждного существования, а помещики безобидно вознаграждаются за личный оброк с крестьян. Упомянутая отрезка земли в оброчных имениях тем удобнее, что обыкновенно при оных имеются пространные угодия, из которых значительною частию крестьяне даже не пользуются. Эти излишние земли могут быть по оценке отрезаны из мирского владения, и настолько сумма стоимости каждого тягла убавится, угодия же эти, в том числе леса, останутся за помещиками и настолько более земель сохранится во владении дворянства. Назначивши 100 р. сер. как maximum окупа за крестьянскую душу, не определяя никакого minimum, и принимая цифру 80 руб. как *среднюю* сумму стоимости угодий на душу по барщинским имениям, мы получаем право считать в сложности окуп крестьянской души по 90 руб. сер., следовательно, на выкуп 10 мил. душ крестьян потребна сумма 900 миллионов. На 1-е января 1856 года состояло крестьян в залоге по опекунским советам 5 393 272, по государственному заемному банку 635 522 души, следовательно, слишком 6 миллионов душ. По приказам неизвестно в точности число за-

---

десятин земли; так, за Волгою, в хлебородных губерниях, нужно дать крестьянину на тягло не менее 15 дес., и то при ценности земли по 8, 10, 12 руб. за десятину сумма окупа будет весьма незначительна, вообще можно будет оставлять за крестьянами тем менее земли, чем она ценнее, дабы излишними наделами не поднимать сумму выкупа.

* Считаем нужным повторить, что и эта цифра вовсе *не нормальная*, а принята нами только для приблизительного учета стоимости общего по России оброка.

ложенных душ; но по суммам, выданным в ссуду, должно полагать, что оное подходит к одному миллиону. Итог ссуд из кредитных учреждений (по опекунским советам 518 мил., по государственному заемному банку 398 мил., по приказам общественного призрения 104 миллиона) превышает тысячу миллионов рублей серебром. Соображая эти разные данные, мы можем не без основания положить, что число заложенных душ доходит до 7 миллионов, а что сумма ссуд с недоимками, считая в сложности по 65 руб. сер. на душу, простирается до 450 миллионов руб. сер., следовательно, по переводе этого долга на освобождаемых крестьян будет еще почти такая же сумма для совершения всей этой операции. Конечно, 450 миллионов есть цифра огромная, но она значительно убавляется следующими обстоятельствами: во 1-х, тем, что, по моему предположению, как ниже будет подробно объяснено, освобождение должно совершиться в течение 12 лет, следовательно, нужно в год от 35 до 40 миллионов руб. сер., и во 2-х, тем, что эта сумма может быть почерпнута из двух источников: *для выкупа барщинских имений,* т.е. тех, которые оценены по угодиям, можно выпускать билеты казначейства с известными процентами $4^{32}/_{100}$; а для выкупа *оброчных имений* можно прибегнуть к выпуску *облигаций* в 500 или 1000 руб. сер., приносящих по 5 процентов. Первые будут приниматься во все платежи частные и казенные на том же основании, на каком они теперь в ходу, а последние будут продаваться и покупаться на биржах точно так, как расторговываются (негоцируются) все государственные долговые обязательства. Выдача билетов под первые имения могла бы производиться опекунскими советами, которым казна уплачивала бы по мере надобности свой долг этими билетами казначейства, а выдачу облигаций под имения, оцененные по бездоимочному сбору оброка, следовало бы производить из государственного заемного банка. Проценты на капиталы и на погашение крестьянских долгов имеют выплачиваться освобождаемыми крестьянами по 6 на 100 в течение 37 лет (в случае рассрочек при неурожайных или иных бедствиях этот срок может несколько продолжиться); в этот период времени весь долг должен быть погашен, и все билеты и облигации будут изъяты из обращения по уплате за них сполна по нарицательной цене.

II. Достаточно ли обеспечен возврат денег, подлежащих к выдаче помещикам за освобождаемых крестьян, и какие средства имеют кредитные учреждения ко взысканию процентов в случае, если освобождаемые крестьяне не будут их исправно платить

В этом деле главное, самое существенное есть верная оценка помещичьих имений, и в особенности той части из оных, которая имеет поступить во владение крестьян или которую они представляют своею личностию. О способе и принадлежностях оценки мы будем говорить ниже. Допустим, что оценка произведена добросовестно и с знанием дела, и рассмотрим здесь, как на основании такой оценки достигнуть, чтобы взносы производились исправно. Для этого весьма важно, чтоб сроки для взносов были назначаемы по каждому имению

именно те, которые особенно для крестьян удобны; так, для хлебопашественных деревень зимние термины суть самые выгодные; для фабричных же селений разделение годовых взносов на равные периоды особенно удобно. Думаю вообще, что один срок платежа для крестьян неудобен, ибо при великих их нуждах трудно им вообще сберегать деньги, а потому учащение сроков для уплаты в кредитные учреждения есть дело весьма полезное и даже необходимое. Что касается до понудительных взысканий, то эта статья требует самого тщательного соображения. Если допустить, чтобы земские полиции побуждали крестьян ко взносу следующих с них денег, то этим средством мы дойдем до того, то крестьяне будут разорены в край и что кредитные установления останутся без уплат. Полумеры или способы мягкие в этом деле сделают больше зла, чем добра, иная мера, крутая, жестокая, гораздо человеколюбивее по последствиям, чем какой-либо способ, по-видимому, растворенный любовью и попечительностию о крестьянах. Отдать вольные селения под опекунское управление неудобно; продавать их неможно; а потому необходимо, кажется нам, постановить, что в случае невзноса крестьянами в положенный срок и льготные три месяца следующих с них платежей в кредитные учреждения становой пристав, при понятых из сел свободных хлебопашцев или государственных крестьян, объявляет: что если и за сим в 3-х месячный срок они не взнесут такой-то, определительно обозначенной, суммы, следующей с них в кредитные учреждения, то они имеют выселяться в сибирские губернии; за невзнос же в срок денег, кроме причитающихся на оные процентов, крестьяне должны заплатить по 1 коп. пени в пользу кредитных учреждений. Из этих денег образуется капитал, об употреблении коего будет речь ниже сего. Если крестьяне и в сии льготные 3 месяца не очистят недоимки, то земский суд, составляя временное отделение, объявляет крестьянам на месте, что они подлежат переселению, разве в месячный срок очистят всю недоимку и сверх того внесут пени по 3 коп. на рубль. По истечении сего нового срока крестьяне выселяются, и их угодия назначаются в продажу. Это отправление производится на счет *попенного* капитала, имеющего образоваться из 1 и 3 коп. на рубль. взыскиваемых за просрочки платежей. Мера сия, хотя с виду жестокая, значительно смягчается тем, что она почти никогда не будет приводиться в исполнение, ибо крестьяне станут весьма заботиться о том, чтоб остаться на своей родине, и эта мера, при круговой ответственности друг за друга, будет существовать в законе более в виде угрозы, чем как действительное, к исполнению предназначенное постановление; а между тем цель будет вполне достигнута, и кредитные учреждения будут исправно получать следующие им платежи. В подтверждение этих слов скажу, что во всех имениях, где крестьяне платят оброк *обществом*, редко бывают недоимки, разумеется, если оброк не чрезмерен и если крестьяне знают, что в случае неплатежа помещик может их перевести на барщину или взыскать с них иначе. Знаю я также имения, где крестьяне платят каждый за себя, но где помещиком установлено, что в случае неуплаты в назначенный день и час они переселяются из одной губернии в другую. Хотя эта мера без круговой ответственности крестьян друг за друга и жестока, но она достигает вполне своей цели: недоимок вовсе нет, и пере-

селения были только вначале, пока крестьяне думали, что помещик только грозит, а на деле своей угрозы не исполнит.

Само собою разумеется, что при совершенно неурожайных годах или при иных бедствиях можно крестьянам делать отсрочки точно так же, как ныне допускаются льготы помещикам в уплате годовых процентов.

При могущих и долженствующих иногда случаться переселениях крестьян в отдаленные губернии, если сумма долга не будет покрыта деньгами, вырученными за землю, то недовыручка обращается на виновных, т.е. если продажа состоится ниже оценки, то отвечают оценщики, которые о сроках продажи земель извещаются и чрез ведомости, и чрез уездного предводителя; если же продажа превышает оценку, но не покрывает недоимки, то отвечают те лица, которые допустили накопление оной сверх размеров, назначенных законом о льготах. Если при продаже имений, оцененных по платимому оброку, сумма, вырученная за земли, недостаточна на уплату всего долга, то он пополняется из попенного капитала, о котором было говорено выше, или сносится на счет казны. Эти последние случаи должны быть крайне редки, если даже они когда-либо встретятся.

III. Значительный выпуск бумажных денег, без которого кредитные учреждения не могут обойтись при удовлетворении помещиков за отходящие от них земли или за оброки, которых они лишатся, не уронит ли государственного кредита, не переполнит ли денежного рынка и не произведет ли расстройства в общем денежном обращении?

Отвечая на первый вопрос, мы хотя уже несколько устранили это опасение; но теперь нужно поговорить об этом деле обстоятельнее. Выпуск кредитных бумаг будет, как мы выше сказали, не единовременный, а постепенный, т.е. имеющий совершиться в течение 12 лет, и сверх того не однородный и не беспроцентный, а двоякий и приносящий проценты. Следовательно, никакого внезапного переполнения денежного рынка быть не может от ежегодного выпуска 35 или 40 миллионов руб. сер., произведенного притом такими билетами, которые, давая доход, не потребуют для себя немедленного помещения. Эти билеты будут храниться большею частью в шкатулках и в залогах в виде, так сказать, обумаженных вотчин (valeurs territoriales mobilisées), приносящих доход, который имеет уплачиваться не казною, а теми же самыми деревнями, но только освобожденными, и чрез посредство кредитных учреждений. Эти билеты будут как бы заемные письма от крестьян на имя своих прежних владельцев. – Конечно, часть этих бумаг будет находиться в обращении, но эта часть не может быть значительною; ибо многие удовольствуются получением без хлопот $4^{32}/_{100}$ или 5 процентов. К тому же теперь при предстоящем построении железных дорог, при ожидаемом и необходимо долженствующем последовать развитии промышленности и торговли и при новом, после освобождения крестьян, устройстве помещичьих хозяйств, которое потребует оборотного капитала, выпуск этих но-

вых бумаг разольется по государству почти нечувствительно. Можно даже сказать более: такой выпуск сам по себе почти необходим, ибо если при выпуске слишком 200 миллионов руб. сер. кредитными билетами, совершенном в течение двух лет на покрытие военных издержек, при стесненной торговле, при дремавшей промышленности, наш государственный кредит не только не упал, но не был даже потрясен, и всё действие этого огромного, почти внезапного бумажного извержения ограничилось тем, что цены во внутренности государства поднялись в уровень с повсеместным возвышением оных в Европе*, то теперь, при ощущаемом уже оживлении торговли и промышленности, которое, как мы надеемся, должно со дня на день усиливаться и распространяться, потребность в денежных знаках должна постоянно возрастать. Если мы снесли без банкротства этот выпуск кредитных билетов, то, конечно, мы едва заметим постепенное умножение бумаг, приносящих проценты. Хотя этот долг на уплату за освобождаемых крестьян не есть собственно долг государственный, а более долг общественный, ибо он обеспечивается землями, имеющими перейти в собственность увольняемых людей, и проценты за него платятся ими, а не из доходов казначейства; но если даже считать этот заем как бы внутренним государственным займом, то сравнение итога нашего государственного долга с итогами долгов Франции и Англии отнюдь не должно нас устрашать. – На 1-е января 1856 г. наш государственный долг состоял из 533 273 782 руб., кредитных билетов было выпущено на 509 181 397 руб. сер. Следовательно, долг наш простирается до 1 042 455 782, а при 60 мил. душ народонаселения** причитается на душу по 17 руб. сер. Во Франции государственный долг при народонаселении 36 мил. душ дошел до 1750 мил. руб. сер., а в Англии при 28 мил. жителей он простирается до 5000 мил. руб. сер. – Следовательно, во Франции причитается по 50 руб. сер., а в Англии по 180 руб. сер. а душу. Конечно, цифра даже нашего долга немала, но во Франции она втрое, а в Англии вдесятеро значительнее, следовательно, нас должна пугать не цифра долга, а трудность уплаты процентов и постепенного погашения самого капитального долга. Трудность эта, при значительно меньшем итоге долгов, чувствительнее у нас, чем даже во Франции и Англии. – Следовательно, на этот предмет должно быть преимущественно обращено внимание государственных людей и всех вообще, заботящихся о благоденствии нашего отечества. А потому развитие земледелия, фабричной промышленности и торговли – вот в чем должно искать уменьшения тягости государственного долга; и в этом отношении уничтожение крепостного состояния должно доставить к тому самые верные средства. Это преобразование, как мы видели, должно само себя оплатить и нимало не должно лечь своею тяжестию на государственное казначейство. Вполне одобрительным примером для нас в этом отношении может служить Франция. После 1814 года ей пришлось заплатить

* Это несомненно доказано тем, что денежный курс наш на Париж, Лондон и Гамбург почти возвратился на прежнюю высоту.

** Мы исключаем народонаселение Царства Польского, потому что там особое финансовое управление и особые государственные долги.

иностранным державам и французским эмигрантам слишком 2 000 000 000 франков. Она их заплатила сполна и в пятнадцать лет устроила свои финансовые дела так, что кредит ее достиг высоты небывалой; что народное благосостояние развилось до размеров неслыханных, и что казна, пользуясь общим к ней доверием, могла значительно уменьшить свои годовые процентные платежи. Выпуск огромного количества кредитных бумаг не наводнил Франции; а, напротив того, процветание ее во времена Реставрации, по милости мудрого устройства финансов, осталось навсегда в памяти народа и признается самими порицателями старшей линии Бурбонов[15].

IV. Возможна ли предполагаемая нами оценка помещичьих имений?

Правительству произвести эту оценку не только трудно, но даже невозможно, как это было доказано во 2-ой записке; дворянству же, напротив, исполнить сие дело даже не весьма трудно. Помещики, живущие в деревнях, знают хорошо не одни имения соседние, но и остальные того же уезда и даже значительные вотчины смежных уездов. Они, конечно, не могут положительно сказать, сколько душ и десятин земли находится при таком-то селении (эти сведения легко получить на месте из ревизских сказок[16] и планов); но им вполне известна настоящая стоимость различных имений: качество земли, сбыты, положение крестьян, доходы помещиков и проч. С помощию этих сведений, ныне бесполезно пропадающих, можно произвести оценку всем имениям и легко, и скоро; в три года можно окончить это важное дело. Форма для этих описаний и оценок должна быть самая простая, вроде той, которая существует для предводительских описаний, по коим выдаются из опекунских советов надбавочные ссуды*. Для произведения этих описаний с оценкою должны быть учреждены в каждом губернском городе губернский и в каждом уездном городе уездный комитеты. Они должны быть составлены из помещиков, на сей предмет нарочно избранных дворянством, под ответственностию его за членов, могущих оказаться несостоятельными. Число членов должно быть не менее 5 и не более 9, глядя по пространству уезда и по количеству дворянских имений.

Как от деятельности и способности председателя комитета весьма много зависит успех этого дела и как необходимо всячески связать членов общею ответственностию, то избрание в звание председателя должно им принадлежать: они имеют из среды своей ежемесячно назначать в это звание, кого сочтут более способным. Необходимо постановить, что никто из дворян не имеет права отказываться от звания члена этого комитета**. Уклоняющиеся от этой должности штрафуются дворянством, по его усмотрению, в пользу общей дворян-

* При сем приложена форма для оценочных описаний как барщинских, так и оброчных имений.

** Следовало бы привлечь к исполнению этой обязанности также дворян, живущих в своих имениях и числящихся по коннозаводству, по почтовому ведомству и проч. и таким образом уклоняющихся от всяких сословных обязанностей.

ской казны, теряют право голоса при оценке их имений и могут даже быть лишены участия в дворянских выборах на будущее время. Принявший звание члена комитета по одному уезду не может быть избранным в эту же должность по другому уезду или губернии, где имеется у него также вотчина. Помещики, состоящие на службе по другим должностям, зависящим от выбора дворянства, могут, по желанию дворян, быть назначаемы в звание членов сего комитета, с замещением их в прежних должностях кандидатами. По открытии заседаний уездного комитета следует разослать ко всем помещикам формы этих оценочных описаний и назначить шестимесячный срок для представления в комитет оценочного описания по каждому имению. Это описание должно быть составлено и подписано самим помещиком или его поверенным, на сей предмет особою доверенностию уполномоченным; оно имеет быть подтверждено не менее как двумя или тремя соседними помещиками, владеющими в совокупности не менее двойного количества земли или душ против количества описываемых и оцениваемых. Для оценки имений значительных (свыше 1000 душ) можно по усмотрению комитета допустить в число дворян, подтверждающих такое описание, помещиков других уездов или ограничиться числом 12 помещиков того же уезда, владеющих в совокупности хотя менее чем вдвое против описываемых душ или земли, но имеющих каждый не менее 100 душ крестьян или земли, стоющей не менее 15 тысяч руб. сер. Во избежание того, чтоб помещики не подтверждали друг на друга всякие, самые неумеренные описания, следует постановить правилом, что помещик А, удостоверивший описание помещика В, уже не может пригласить сего последнего для утверждения собственного своего описания. Составленные, подписанные и подтвержденные таким образом описания должны быть представляемы в уездный комитет и им рассматриваемы. Если комитет найдет оценочное описание справедливым, то он его утверждает, в противном случае он призывает в свое присутствие помещика описанного имения или его поверенного и предлагает ему сделать нужные изменения или пополнения; если помещик или его поверенный согласится с замечаниями комитета, то описание исправляется и потом утверждается комитетом. В противном случае комитет прилагает к таковому описанию свое мнение и вместе с прочими описаниями представляет, по окончании своих трудов, на рассмотрение губернского комитета, который уже окончательно решает, утверждая представленное помещиком описание или изменяя оное по замечаниям уездного комитета. По истечении шестимесячного срока комитет приводит в известность количество неописанных имений и делит их между своими членами, отдавая преимущественно каждому из них те селения, которые ближе к месту его жительства. Члены разъезжаются, и остается в городе один председатель. Члены обязаны доставить все недостающие оценочные описания в течение трех месяцев. Члены комитета, отправляясь на место, заступают вполне помещиков, не представивших в законный срок описания своего имения и тем потерявших право голоса. После того комитет окончательно рассматривает все описания, соображает их между собою, приводит в порядок и представляет их в губернский комитет. Вместе с

тем уездный комитет избирает из среды своей одного члена и на случай его болезни двух кандидатов для присутствования в губернском комитете. На окончание всех дел по уездному комитету с его открытия назначается пятнадцатимесячный срок. – Губернский комитет, в собрании членов, избранных для заседания в оном, как прямо от дворянства, так и от уездных комитетов, рассматривает все представленные в оный оценочные описания. Он окончательно утверждает описания, прежде утвержденные уездным комитетом, а равно и все описания, по которым комитеты не согласны с помещиками и представили свои мнения. Следует дозволить помещикам представлять губернскому комитету свои доводы в пользу сделанных ими описаний. Если губернский комитет найдет нужным что-либо пополнить или изменить, то он должен иметь право командировать одного из своих членов. Все действия губернского комитета, с первоначального его открытия, должны быть окончены в тридцатимесячный срок. В случае крайности начальник губернии должен иметь право продлить срок для занятия уездных комитетов на три месяца; отсрочка же для окончания дел в губернском комитете испрашивается от министра внутренних дел. Но во всяком случае в три года описание и оценка помещичьих имений должны быть совершенно окончены. Все описания должны представляться в трех списках, дабы один мог быть возвращен в уездный город к предводительским делам; другой оставлен в губернском городе при делах губернского предводителя, а третий представлен в Министерство внутренних дел. Для обеспечения верности этих описаний и справедливости оценок следует возложить ответственность за оные сперва на помещика, описывающего и оценивающего свое имение, потом на соседей, удостоверяющих эти оценочные описания, потом на членов комитета, рассматривающих и утверждающих оные, наконец, на дворянство, избравшее членов в уездные комитеты. Если описание по разногласию уездных комитетов с помещиками утверждено губернским комитетом, то ответственность падает после владельца имения и помещиков, подтвердивших это описание, на тех членов уездного и губернского комитетов, которые окончательно утвердили описание, а при их несостоятельности на дворянство, их избравшее.

При составлении сих оценочных описаний могут быть четыре опасения: 1) что земли могут быть оценены слишком дорого; 2) что никто не пойдет в члены этих комитетов; 3) что дворянство изберет в это звание людей неимущих и безгласных, которые будут делать все, что ему угодно, и 4) что помещики не представят описаний и тем затруднят действия комитетов. В отвращение первой опасности предполагается возложить ответственность на разные лица по мере ближайшей виновности в неверности описаний и в несправедливой оценке имений. В устранение второго неудобства следует предоставить дворянству штрафовать своих членов по своему усмотрению, лишать их права голоса при описании и оценке их имений и даже воспретить им участие впоследствии в делах дворянских собраний. Что касается до того, чтоб не были избираемы в комитет люди неблагонадежные, то предполагается ответственность за членов отнести на самое дворянство как сословие, их избирающее. – Наконец, для того, чтоб по-

мещики не уклонялись от представления требуемых от них описаний, мы предполагаем постановить правило, что такие владельцы лишаются права голоса при описании и оценке имений и должны оставаться довольными тем, что будет сделано членом комитета.

В отношении к имениям людей, находящихся за границею и малолетних, можно шестимесячный срок продлить еще на три месяца, дабы первые в это время могли или возвратиться в Россию, или прислать доверенности, а опекуны, занимавшиеся описью и оценкою своих имений, были бы в состоянии в этот излишний срок исполнить эту обязанность в отношении к имениям, состоящим в их опекунском управлении. Я счел необходимым говорить об этом предмете с некоторою подробностью, ибо в составе комитетов, в их способе действия и в их ответственности заключается все ручательство за точное и добросовестное исполнение этого важного дела.

Прежде чем перейти к рассмотрению следующего вопроса, считаю необходимым устранить одно возражение, которое с некоторою основательностью может быть сделано против предложенного мною способа описи и оценки помещичьих имений. Это возражение состоит в том, что ныне, при неоконченном размежевании, нельзя положительно сказать, сколько земли находится при иных деревнях; а потому невозможно будет помещикам представлять оценочные описания с потребною определительностию. Конечно, неокончание межевого дела может несколько замедлить опись и оценку помещичьих имений, но если умно и усердно поведут коштное специальное межевание, которое следовало бы давным-давно начать, если при том не остановят полюбовного размежевания и преимущественно озаботятся отделением казенных земель от владельческих, ибо главная остановка по размежеванию за Министерством государственных имуществ, которое не изъявляет согласия на отводы даже и тогда, когда сами крестьяне его ведомства находят оные выгодными, и тянет дело в ущерб себе и частным людям, то дело размежевания быстро двинется вперед и едва ли задержит предположенное нами окончание описи и оценки дворянских имений в трехлетний срок. Необходимо для успешности полюбовных разделов объявить законодательным порядком, что как размежевание не есть судебное производство, а только приурочение к одним местам чрезполосно владеемых участков, то оно производится *по владению*, а разбор крепостей, принадлежа к ведению судебных мест, должен идти своим порядком. Впрочем, тяжебные дела по крепостям могли бы также значительно быть подвинуты, если бы в виде временной меры установлен был третейский суд для решения ныне производящихся или при размежевании возникающих дел по крепостям на землю. Можно также узаконить, что в случае, если не состоится соглашение насчет третейского суда, то земли межуются по владению и назначается общая цена на землю в межуемой даче, на тот конец, что после решения дела судом дача уже не перерезывается, а расчеты делаются деньгами. Специальное размежевание, если б принялись за него надлежащим образом, могло бы быть окончено в весьма непродолжительное время.

V. Не произвольна ли будет оценка земель по ходячей их ценности?

Всякая другая оценка, т.е. по внутреннему достоинству земель, по нормальным ценам, по доходам и проч. гораздо произвольнее, чем оценка *по ходячей ценности*, ибо сия последняя так хорошо известна всем несколько дельным помещикам, что возвышение оной на лишний рубль за десятину возбудит спор и сомнения между людьми, обязанными отвечать за верность оценки. Конечно, всякий помещик захотел бы поднять цену на свои земли, но соседи и члены комитета, обязанные отвечать за недовыручку при продаже земель, никогда не согласятся на слишком возвышенную оценку. Оценка земель по ходячей ценности, т.е. по ценам, по каким земли можно купить и продать, есть оценка всех менее произвольная; она возможная и удобная.

VI. Как удостовериться в действительно бездоимочно получаемом количестве оброка и из скольких лет следует выводить среднее количество оброка?

Если в оброчном имении нет конторы, то бурмистр или староста, собирающий оброк, обыкновенно сам ведет счет всем получкам и отправкам, и за небольшое число лет легко узнать количество собранного оброка. Сами крестьяне хорошо знают, что́ они платят и что́ за ними в недоимке. Трудно, невозможно было бы дознать количество получаемого оброка за десять лет; но весьма удобно это исполнить за три года, а потому мы и предполагаем избрать трехлетний срок для определения количества получаемого помещиком оброка как такой период времени, который в памяти у крестьян и который вместе с тем несколько определительно обозначает возможность для крестьян уплаты положенного оброка.

VII. Из каких процентов следует рассчитывать стоимость имения, ценимого по оброку

Отвечая на вопрос V, мы предположили рассчитывать ценность оброчного имения из 6 процентов. Эта цифра кажется нам справедливою, во 1-х, потому, что по большей части оброчные имения продаются и покупаются из таких процентов, а во 2-х, потому, что крестьянам, освобожденным по расчету такого процента, будет неотяготительно; сверх того, крестьянин, платя свой нынешний оброк, будет иметь в виду, что через 37 или около того лет он может быть совершенно свободным. Помещик же, продавши таким образом свое имение и получив за то облигации, приносящие 5%, терпит убыток только на 1 процент, но зато не будет иметь никаких хлопот с крестьянами и обеспечен против недоимок. Следовательно, предложенный процент кажется нам сколько удобным, столько и справедливым.

VIII. Нет ли опасности в том, что на крестьян, вопреки их воле, могут быть возложены обязанности, которые они не в состоянии будут выполнить, и что допрос, на месте произведенный уездною комиссиею, может быть пристрастным?

В отвращение этой опасности существовали разные правила, которые указом 1853 года были еще усложнены, хотя, сколько нам известно, настоящих побудительных к тому причин не было; это изменение произведено только ради единообразия и из желания усилить действия Министерства государственных имуществ. Но, как мы показали во 2-й нашей записке, это умножение различных формальностей и переходов крайне замедляет ход дела и удерживает многих помещиков от освобождения крестьян. При отмене сих многосложных обрядов нет ли основания к вышеизложенным опасениям? Мы полагаем, что можно отвечать отрицательно по следующим причинам: во 1-х, потому, что *мир* как совокупность крестьян в общем деле стоек; и как крестьяне, отдельно взятые, готовы согласиться и исполнить все им приказываемое, так обществом они же никогда не изъявят согласия на то, что было бы для них обременительно; всякий помещик, имевший дело с *миром*, может подтвердить истину этих слов; во 2-х, потому, что оценка, предварительно произведенная, будет служить также некоторым ограждением против излишних требований помещика; и, наконец, в 3-х, потому, что спрос *мира* о том, действительно ли он согласен на такую-то сделку, должен быть произведен уездным присутствием *при 24-х понятых* из сел уже освобожденных или, за неимением таковых в соседстве, из ведомства государственных крестьян. В этом деле важно лишь одно: удостовериться, что крестьянам *хорошо объяснены* принимаемые ими на себя обязанности и что они *действительно* изъявили согласие на таковую сделку; прочие же опасения излишни и истекают из недостаточного знания быта наших крестьян. Кто с ними имел дело, тот знает, что они прекрасно понимают свои выгоды, если только им хорошо переведут сказанное приказным языком на их обычное наречие и что *миром* они никогда не согласятся на отяготительную сделку. Конечно, никто не поручится вообще за добросовестность наших чиновников, а потому всякие меры предосторожности против их самоуправства и небрежности должны быть приняты. По этой причине, если вышеупомянутые обеспечения покажутся недостаточными, можно на каждую губернию назначить от одного до 3-х особых чиновников, от правительства уполномоченных, как на присутствование в губернской комиссии, так и на нахождение при вышеупомянутом допросе крестьян. В такое звание могли бы назначаться *молодые люди*, еще не утратившие на службе уважения к людям и к правде, ибо от этих чиновников требуются не глубокое знание дела и не государственные соображения, а только добросовестность и усердие. Мы думаем, что это добавление было бы небесполезным, особенно если, во избежание свычки этих чиновников с местными властями и помещиками, срок их службы по каждой губернии будет не более как годовой. Эта срочность службы будет иметь и

другую выгоду, – уезжающие чиновники должны будут покончить все дела своего года, и при отчете своем они будут подлежать меньшему искушению в изукрашении его ложью и общепринятыми официальными фразами.

IX. В чем должны состоять главные положения имеющие быть изданными от правительства, для устройства местного управления и суда в селениях, поступающих в звание свободных хлебопашцев

Положения эти должны быть немногочисленны, в них не следует входить в большие частности, необходимо избегать всякой мелочной определительности, и они должны быть написаны не чиновниками, усвоившими себе язык *казенный*, исполненный формальности, общих мест, бессмысленных выражений и совершенно непонятный для простолюдинов. При составлении сих правил должно иметь в виду: сохранить по возможности изустность производства всех дел; обращаться более к совести общественной, чем к букве закона, заботиться об устройстве благонадежного, мирским доверием пользующегося управления и суда, а не о том, чтоб на каждый случай установить точное правило, чтó невозможно и поведет только к изгнанию правды и справедливости из судов и расправ; одним словом, вызывать всячески жизнь общественную, а не заранее убивать ее формами, невозможностию исполнить положения и необходимостию прибегать ко всяким изворотам для прикрытия отсутствия истины в отчетах, донесениях, распоряжениях и приговорах. Правила, потребные на первый случай, составить нетрудно: стоит вызвать несколько дельных помещиков, расположенных в пользу уничтожения крепостного состояния и знакомых с крестьянским бытом, и первоначальное положение может быть составлено в самый непродолжительный срок. Усовершенствование, пополнение, даже изменение этого положении будет уже делом времени дальнейшего развития сельской общины и ближайшего соображения положения с местными потребностями. Со временем, вероятно, нужно будет составить особенные положения не только для каждого края, но даже для каждой сельской общины, но "довлеет дневи злоба его"[17].

X. Благонадежные помещики согласятся ли быть попечителями над крестьянами и будут ли эти попечители в состоянии исполнять свои обязанности?

Конечно, невозможно для приведения закона в исполнение рассчитывать на бескорыстное, одною любовью ко благу общественному одушевленное содействие сословия, которое вообще не расположено к уничтожению крепостного состояния, и которое, по крайней мере, на первое время, будет считать себя стесненным, а потому вышеизложенное сомнение весьма естественно. Впрочем, помещики, живущие в деревнях, легко и скоро поймут, что сохранение некоторой власти и уважения в околотке явно соединено с звани-

ем попечителя над большим по возможности числом освобожденных крестьян. Главное дело в том, чтоб это звание сделать довольно важным и чтоб соединена была с ним власть действительная, потребная для исполнения обязанностей этого звания, с пользою для общества крестьянского и без излишнего отягощения самых попечителей. Для этого нам кажется необходимым постановить следующие правила: во 1-х, помещик, принявший звание попечителя над обществом или над обществами из 500 душ и более, не может быть против воли привлечен к службе по дворянским выборам и назначен опекуном к дворянскому имению; во 2-х, попечителю следует предоставить право передавать свою власть на случай его болезни, отсутствия или других препятствий иному лицу, к тому же обществу крестьян принадлежащему, или, с согласия общества, даже постороннему человеку; в 3-х, должно предоставить попечителю право окончательного решения по всем распорядительным делам, по которым мир или избранные от мира начальники будут в разногласии; также следует утвердить за ним право окончательного решения по судебным делам в границах, определенных для сельского суда, во всех случаях, в которых решение будет неединогласное; в 4-х, предоставить попечителю, по ходатайству по делам крестьянского общества, действовать ex officio*, сообщениями и требованиями, а не на правах просителя; в 5-х, дать попечителю право участвовать в дворянских выборах наравне с помещиками, имеющими 100 душ, хотя бы он лично и не имел за собою такого количества, и, наконец, в 6-х, предоставить сельскому обществу, в случае необходимости, назначить попечителю вознаграждение по своему усмотрению. На основании сих главных положений звание попечителя будет так почетно и выгодно, что люди весьма благонадежные не будут им пренебрегать, и можно надеяться, что оно доставит ожидаемые от него обеспечения в сохранении порядка по делам крестьянских обществ.

XI. Не упадет ли дворянство, лишившееся половины своих земель?

Хотя мы коснулись этого предмета в предыдущих наших записках и отчасти показали основательность этого опасения, но здесь следует положительно его устранить. Владение землею есть, конечно, самый надежный источник силы и богатства, но это владение бывает таковым только в случае, если оно твердо, законно и не соединено с обстоятельствами, умаляющими его полноправность. Мы знаем, что владение землею в Англии есть основа могущества аристократии; но мы знаем также, что владение землею в России не доставляет дворянству ни силы, ни значения, ни богатства. Отчего такая разница? Оттого, что у нас владение землею не полное, – не полное потому, что вся земля принадлежит нам нераздельно с крестьянами. Хотя по закону мы имеем право переселять крестьян, продавать их на своз и распола-

---

* по должности (*лат.*).

гать землею по нашему усмотрению, но такие распоряжения суть исключения из обычного права, а на деле более половины земель в мирском владении, и даже остальная часть оных состоит в каком-то странном, далеко не безусловном нашем распоряжении: мы не можем ввести тот севооборот, который считаем более выгодным, потому что наши поля в чрезполосности с мирскими полями и что невозможно даже для помещика идти наперекор общему обычаю; мы не вводим усовершенствованных орудий, потому что у нас есть крестьяне, которые должны являться на нашу работу с своими лошадьми и орудиями и из которых иначе мы не можем извлечь настоящей выгоды; мы должны вести наше хозяйство кое-как, чрез управляющих невежд или мошенников, потому что сами, отвлеченные другими занятиями, мы не можем посвятить наше время сельскому хозяйству, а в аренду землю с крестьянами мы не смеем отдавать; наконец, владение людьми и распоряжение невольною работою притупляют наш ум, искажают нашу совесть, сокращают наши силы и, владея по закону людьми и землею почти неограниченно, мы оказываемся не владеющими действительно вполне ни тем, ни другим. Сверх того наше владение землею как-то нетвердо, неверно: мы знаем, что должно последовать уничтожение крепостного состояния, не уверены в безобидности развязки этого вопроса и потому на самое владение землею смотрим как на нечто временное, колеблющееся. По уничтожении крепостного состояния дело будет совершенно иное: половина земель и почти все леса (ибо сохранение их необходимо оставить в личном владении помещиков*) будет полною собственностию помещиков, и дворянству будет настоять необходимость лично распоряжаться своим хозяйством или отдавать свои земли в аренду людям, могущим дельно заняться этою отраслью промышленности. Доходы наши должны от того не убавиться, а усилиться, как мною доказано в 1-й записке; сверх того нынешний помещик, душевладелец, при лучших качествах души, не внушает прочим сословиям ни доверия, ни уважения, а, напротив того, возбуждает против себя подозрение, ненависть и проч. Помещик-земледелец, напротив того, будет патроном, попечителем всего околотка как человек более просвещенный, более богатый и более сильный. Конечно, мелкопоместные дворяне потерпят от этой перемены, но в этом нет большой беды. Теперь они большей частию живут лишь извлечением самых незаконных выгод из крестьян и суть для них истинные бичи. Если для правительства, для его твердости и могущества, для прогрессивного его хода нужна сильная аристократия, то аристократия сильною бывает не количеством, а качеством, и в этом отношении сокращение числа дворян должно содействовать не к упадку, а к усилению настоящей аристократии.

---

* Вот еще для помещиков обильный источник доходов: до сих пор крестьяне пользуются дровами, хворостом, кольями, даже лесом на постройки, не платя за то помещикам ничего, и тратят лес тем беспощаднее, что денег за то не взносят и что они считают лес общим достоянием. Когда леса сделаются исключительною собственностию помещиков, то истребление лесов уменьшится, и помещики будут получать с них более дохода.

Сверх того, казенные земли, отдаваемые теперь в оброчное содержание за ничтожные цены, могут быть проданы с торгов и поступить во владение дворянства. В тех местах, где казенные крестьяне имеют огромные наделы земли, которую они обработывать не могут, а отдают внаймы, значительные участки земли могли бы, по усмотрению правительства, быть назначены с торгов в продажу и поступить во владение дворянства.

Как вышеизложенные меры привести в исполнение

Теперь следует нам рассмотреть: как удобнее вышеизложенные меры привести в исполнение? Правительство, по нашему мнению, должно действовать следующим порядком:

В указе, который имеет быть издан по предмету сделок помещиков с крестьянами и залога в кредитные учреждения, не должно содержаться ничего понудительного в отношении к дворянству, но чрез губернских и уездных предводителей должна быть объявлена всем помещикам положительная воля государя императора насчет уничтожения крепостного состояния, с приглашением их приступить к тому на основаниях, изложенных в указе. При сем случае *уместно упомянуть* о всегдашней готовности дворянства исполнять высочайшую волю, об уверенности государя императора в том, что и на сей раз помещики поспешат привести оную в действие, а вместе с тем следует сказать, что в противном случае правительство должно будет действовать понудительно, порядком распорядительным. Одновременно с этим должны быть изданы указ и положение об учреждении комитетов для оценки дворянских имений. В течение первых трех лет, пока будет производиться сия оценка, нельзя ожидать, чтоб многие из помещиков освободили своих крестьян, но люди, особенно ревнующие об этом деле, конечно, воспользуются данною возможностию, и таким образом установятся в разных местностях самые благоприятные для крестьян нормы освобождения.

По окончании описи и оценки имений, т.е. по истечении трех лет следует уже указом пригласить помещиков к заключению сделок с крестьянами *и назначить для того определенный срок;* причем объявить, что за истечением этого срока правительство приступит к делу этому уже административными мерами. В этот срок многие помещики учинят сделки с своими крестьянами, и можно наверное полагать, что во всяком уезде будет несколько освобожденных имений.

По истечении второго срока правительство должно *назначить по одному или по два посредника в каждом уезде* из среды дворян, уже освободивших своих крестьян для содействия к заключению сделок между помещиками и крестьянами. Нельзя предоставить дворянам выбор этих посредников, ибо они непременно выберут самых безгласных помещиков, и цель назначения посредников не будет достигнута. Необходимо самому правительству определять в эту должность, и это тем удобнее, что люди, учинившие прежде прочих сделки с своими крестьянами, будут тем самым на виду у правительства, которому нетрудно будет избирать из них более способных и особенно ревностных к окончанию

этого дела. Если в каком-либо уезде не будет ни одного помещика, освободившего своих крестьян, то в такой уезд правительство может послать кого оно заблагорассудит.

По истечении третьего срока, который также должен быть трехлетний, следует предоставить посредникам право делать сделки с крестьянами, заменяя вполне помещиков, которые в этом случае теряют право делать какие-либо возражения на договоры, заключаемые посредниками с их крестьянами. Если требования помещика справедливы, крестьяне же по упорству на оные не соглашаются, то посредник приглашает поверенных от ближайших освобожденных сел и обще с ними составляет журнал и доносит Министерству внутренних дел с подробным изложением требований помещика, предложений крестьян и своего мнения.

Должно полагать, что по истечении 12 лет весьма немногие имения останутся неосвобожденными. Выгоды предложенного способа очевидны:

а) Самые благоприятные для крестьян нормы будут установлены сначала в каждой местности, по добровольному соглашению помещиков с крестьянами.

б) Для третьего и четвертого сроков, в которые начнется действие уже несколько понудительное, в каждом крае будут уже образцы, ограничивающие произвол как помещиков, так и крестьян.

в) Хотя положительного понуждения не будет в течение первых девяти лет, однако помещики должны будут спешить заключением условий как потому, что вначале крестьяне будут сговорчивее, так и из опасения распорядительных мер со стороны правительства.

Наконец, г) сделки эти будут составляться на месте, у корня самого дела, и притом самыми заинтересованными сторонами, следовательно, удобно будет разрешать всякие затруднения и уничтожать могущие возникать недоумения.

Одновременно с обнародованием вышеизложенных мер необходимо постановить нижеследующее:

Необходимые предварительные распоряжения по уничтожению крепостного состояния

Во 1-х, воспретить перевод крестьян во дворовые. Если такое запрещение не будет сделано, то помещики в некоторых местностях переведут многих крестьян во дворовые, дабы удержать за собою большее по возможности количество земли; число же дворовых чрез то значительно умножится. Теперь, по случаю новой народной переписи, очень удобно это сделать, объявив, что дворовые должны быть показаны в дворовых, а крестьяне в крестьянстве, что, как известно, редко соблюдается. При сем необходимо постановить, что крестьянин, показанный в числе дворовых, или дворовый, записанный крестьянином, или крестьянин, взятый во двор после обнародования сего запрещения, чрез то самое становится свободным, и помещик теряет всякое право на вознаграждение. Малолетки, взятые во двор из крестьянских семейств, возвращаются в первобытное состояние; а те из них, которые уже достигли 20-летнего возраста, могут быть оставлены в числе дворовых, если сами того пожелают, почему долж-

ны, с согласия своих помещиков, подать о том просьбу лично в ревизскую комиссию. Малолетки, взятые из крестьян, не имеющие семейств, остаются в дворовых или возвращаются в крестьянство по усмотрению помещиков.

Во 2-х, постановить, что все крестьяне-месячники, т.е. не имеющие земли и получающие свое содержание от помещика, должны или быть наделены землею с льготою двухлетнею от работ на обзаведение, или получить свободу с их семействами. Необходимо воспретить помещикам брать из крестьян в домашнюю прислугу, ибо под этим видом будет продолжаться взятие во двор, но необходимо оставить за помещиками право приставлять из крестьян в сельскохозяйственные должности, т.е. в старосты, ключники, пастухи и проч.

В 3-х, воспретить продажу крестьян без земли на своз, и даже не дозволять помещикам переселение крестьян из одного имения в другое до заключения договоров с крестьянами насчет их освобождения; по сделкам же сего рода могут быть с общего согласия допущены переселения. Причины к такому запрещению изложены в 1-й записке.

В 4-х, воспретить, со дня издания указа, имеющего по сему предмету состояться, всякие изменения в настоящем наделе крестьян землею до учинения помещиками добровольных сделок с крестьянами насчет их освобождения; ибо иначе помещики примутся обрезывать мирские наделы или отводить крестьянам в пользование земли запольные; из сего легко могут возникнуть возмущения. При сем необходимо постановить, что помещики, которые в противность сего постановления изменят земляные наделы крестьян, лишатся права делать с ними добровольные сделки и что правительство само, чрез особо назначенных чиновников, заключит таковые условия с крестьянами, без участия помещиков.

В 5-х, приостановить залог и перезалог имений в кредитных учреждениях до учинения добровольных сделок с крестьянами насчет их освобождения.

В 6-х, объявить, что никакие льготы в уплате процентов не будут допущены помещикам, не воспользовавшимся способами, предоставляемыми от правительства к уничтожению крепостного состояния в их имениях.

В заключение долгом считаю высказать глубокое убеждение, что для успеха этого дела, для мирного и для всех равно выгодного решения оного, необходимо *снять* с него *покрывало таинственности*, которым его теперь окутывают. Опасность не в гласности, а в отсутствии оной. Что печатается, то подлежит надзору, то может быть обсужено, утверждено или опровергнуто; а то, что говорится в домах, на улицах, в трактирах, кабаках и проч., то ничем и никем не может быть контролировано. Всякий надзор за частными действиями, всякое преследование оных производит всегда противное ожидаемому действию. Чем менее люди будут знать о деле для них близком, кровном, тем более они будут предаваться предположениям, верить самым нелепым слухам и распространять их с прибавками и изменениями. Тайну сохранить крайне трудно; к тому же скрываемое втайне выходит наружу всегда в преувеличенном и переиначенном виде. Доказательством тому между прочим может служить и то, что случилось в С.-Петербурге 7 января. Причиною тому не указ, изданный о порядке свидетельствования договоров в гражданских палатах, не положительный какой-либо факт, а слух, что было заседание под

личным председательством императора и что там признана необходимость уничтожить крепостное состояние. Пошли по этому поводу росказни и уверения, и народ стал ожидать из сенатской типографии указа об освобождении. Большая по возможности гласность есть одно верное средство против ложных слухов и толков; а потому самый безопасный путь при производстве этого великого переворота состоит в том, чтоб издавать по сему предмету указы сколь возможно ясные, определительные и написанные языком общепонятным*; чтоб дозволено было печатать под надзором цензуры всякие благонамеренные, с знанием дела составленные рассуждения о предметах, относящихся к этому делу; чтоб общества сельского хозяйства приглашены были к разъяснению и обсуждению вопросов по сему предмету; одним словом, чтоб вызвана была к содействию всякая опытность и чтоб ничего не оставалось в туманной неизвестности и неопределительности. Должно бояться не гласности в обсуждении сего вопроса, а ложных толков и слухов, а они питаются лишь отсутствием верных сведений, подавлением всяких рассуждений и пуще всего таинственностию. Вопрос не страшен сам по себе, а грозен он по худому направлению, которое могут ему дать из ложного страха, по милости предосторожностей, которыми захотят его окружить, и от недостатка в знании дела. По неведению можно сделать зла столько, столько же и даже больше, чем по злонамеренности. Уничтожение крепостного состояния есть дело святое; оно и должно совершиться на Божьем свете, а не во мраке, – не тайно и не одним умом – разумом нескольких лиц, лишенных по своему официальному положению возможности знать действительный быт помещиков и крестьян, их отношения, их нужды и потребности.

ФОРМА

... губернии ... уезда, село или деревня ... помещика (чин, имя, отчество и прозвание).

Описание учинено (число, месяц и год).

Крестьян** по 9-й народной переписи мужеска 000, женска 000 душ. В наличности мужеска 000, женска 000 душ. В бегах 00 душ мужеска, 00 душ женска.

Земли в единственном и бесспорном*** владении.

	десятин
Пахотной	0,000
Луговой	0,000
Под крестьянскими усадьбами, огородами, коноплянником и выгоном...	000

* Слово *свобода* отнюдь не должно быть употребляемо в указах; это тем удобнее, что слова: *отпуск на волю* однозначущи и не возбуждают в народе никаких ложных понятий.

** Дворовых не включать.

*** Буде спор, то вкратце изложить, о чем идет спор и где производится дело.

Под господскою усадьбою, конопляником и выгоном
(буде таковой имеется) 000
(Если нет господской усадьбы, то оговорить)
Лесу строевого 000
Лесу дровяного 000
Кустарнику 000
Неудобной земли под реками, озерами, оврагами и дорогами 000

Всего земли 0,000 десятин (количество обозначить прописью)

Тягол имеется 000, каждое тягло имеет пахотной в трех полях 0 десятин, луговой 0 десят. под усадьбами, огородами, конопляником и выгоном 0 десятин.

Всего на каждое тягло причитается 0 десят. (последнее количество прописью).

Оговорить: пользуются ли крестьяне лесом по следующим статьям: на отопку, на городьбы, на холодные строения, на избы и на продажу.

Тяглы состоят на барщине, или на оброке, или отчасти на барщине, а отчасти на оброке, или на оброке при барщине. Все оное изложить обстоятельно с точным обозначением всех крестьянских повинностей.

Господской запашки (буде таковая имеется) имеется в трех полях 000 десят., господского лугу 000 десят., под господскими конопляниками 000 десятин.

Промышленность крестьян.

Сбыт произведений.

Реки и озера.

Большие дороги или отдаленность от них.

Проезжие проселочные дороги.

Оценка	пахотной земли		за десятину	по	00	руб.	сер.
"	луговой	"	"	"	00	"	"
"	усадебной	"	"	"	00	"	"
"	лесу строевого		"	"	00	"	"
"	лесу дровяного		"	"	00	"	"
"	кустарнику		"	"	00	"	"

Примечание: Если в имении угодия в разных местностях различного достоинства, то и оценку делать им различную.

Общая оценка земли полагается по 00 руб. за десятину, а всей дачи по угодиям назначается 00,000 руб. сер.

Примечание. Если имение на оброке, то сверх того производится оценка имению и получаемому оброку.

Дохода с оброчных тягол 000 по 000 руб., 0,000 руб. сер. Недоимки накопилось в 0 годов 000 р. 00 к., а потому на год приходится по 00 р. 00 к. сер. – Следовательно, за исключением недоимки, ежегодно получается оброку с 00

тягол бездоимочно 000 руб. сер., а рассчитывая из 6%, имение оценивается в 00,000 р.

Особые доходные статьи: Заводы, мельницы, пруды и проч. с приблизительным обозначением, сколько они приносят дохода.

Примечание: Этот доход показывается приблизительно, а потому за верность сего лица, удостоверяющие описание, не отвечают.

План и **межевые книги** при сем представляются.

(Если их не имеется налицо, то обозначить, где оные находятся; если же их вовсе нет, то оговорить, почему их нет. Если оные не высланы из межевой канцелярии, то комитет имеет их оттуда требовать, и межевая канцелярия имеет их выслать в срок, какой от правительства будет назначен для исполнения подобных требований).

Примечание: По утверждению описания комитетом, план и межевые книги возвращаются помещику или его управляющему под росписку на самом описании. Если уездный комитет не может утвердить описания, то план и межевые книги оставляются при деле и поступают в губернский комитет, который уже выдает их обратно помещику по миновании в них надобности.

Описание составил верно и оценку произвел по совести помещик означенного имения, или такой-то по доверенности, засвидетельствованной в . . . суде или палате такой-то. Число, месяц и год.

Описание нахожу верным и оценку справедливою. Помещик того же уезда, чин, имя, отчество и прозвание.

В том же свидетельствую помещик того же уезда.

(По рассмотрении сего описания и оценки комитет, буде найдет их верными и справедливыми, делает на сем описании подпись.)

185... года, числа и месяца . . . комитет по рассмотрении описания и оценки имения такого-то помещика в таком-то селе или деревне не находит причин к сомнению в верности описания и в справедливости оценки, а потому положено единогласно или по большинству голосов* утвердить.

Председатель.
Член.
Член.
Член.
Член. . . при особом мнении.

Губернский комитет делает подпись на тех только описаниях, которые уездным комитетом не утверждены по несогласию их с помещиками; к прочим же прикладывает только печать.

---

* Несогласные члены подают особые мнения, которые прилагаются к описанию.

IV

Предполагаемые меры к освобождению дворовых людей

Освобождение дворовых людей, коих по 9-й народной переписи числится 1 035 924 души обоего пола (мужска 521 939 и женска 513 985*), есть предмет особенно важный как в государственном, так и в частном и общественном отношении и требующий самого безотлагательного разрешения. Дворовые люди у нас не прикреплены к земле, а находятся в полном рабстве, не имеют никакой собственности и состоят в совершенной зависимости от господского произвола. Эти отношения действуют самым вредным образом на нравственность как дворовых людей, так и самих помещиков; первые, чувствуя себя во власти других, предаются не только беспечности, лености и пьянству, но часто впадают в совершенное отчаяние; последние, имея при себе с утра до вечера людей, коих участь вполне в их руках, привыкают смотреть на них как на домашних животных, как на вещи, созданные для житейских удобств, лишают их без зазрения совести, в видах экономии и лишнего удобства, возможности иметь семейства, считают себя обязанными доставлять им только безнуждное содержание (а иногда и крайне недостаточное), и позволяют себе в отношении к ним всякий разгул произвола. В государственном смысле дворовые люди образуют сословие всех менее производительное, ибо большинство из них наполняет передние и конюшни и служит только орудием роскоши и барского чванства. К уничтожению этого зла необходимо принять самые решительные меры. Они, по моему мнению, могли бы состоять в нижеследующем:

Добровольные сделки между помещиками и дворовыми людьми оставить на ныне существующем основании (т.е. не ограничивая их ни в отношении к суммам за выкуп, ни в отношении к срокам платежей), назначить вместе с тем сумму, по единовременном взносе которой всякий дворовый человек имел бы право на получение отпускной. Этот высший окуп (maximum) должен быть определен по средним ценам продажи людей и по цене, установленной правительством за рекрутские квитанции; а потому он мог бы быть следующий: всякий взрослый, от 20 до 30 лет, имеет право получить отпускную, внеся за себя в уездный суд 300 руб. сереб., а после 30 и до 40 лет из этой суммы сбавляется по 30 руб. сереб. ежегодно, а по достижении 40 лет всякий дворовый имеет право получить отпускную без всякой платы. Если внесший за себя деньги или получающий свободу за выслугу лет имеет жену и детей, то жена и малолетние дети мужского пола до 10 лет и женского до 13 лет включаются в отпускную без всякой особенной за них платы. За детей мужского пола с 11-го года до 20 лет включительно следует вносить по 30 руб. за каждый год свыше 10 лет, так, за мальчика на 11 году должно уплатить 30 руб., а на 15 году 150 руб., за детей женского пола после 13 лет взносится

---

* В действительности дворовых людей более, ибо у многих помещиков они показаны в крестьянстве.

по 10 руб. сереб. за каждый год свыше сего возраста до 18-ти лет включительно; так, на 14 году взносится за девку 10 руб., на 15 году 20 руб., на 18 году 50 руб. Всякая девка и вдова от 18-ти до 30 лет имеет право получить отпускную, взнеся за себя в уездный суд 50 руб. сереб. После 30 лет плата сбавляется каждый год по 10 руб. сереб., а по достижении ими 35-летнего возраста всякая девка и вдова имеет право получить отпускную бесплатно.

Как некоторые помещики платили за обучение своих дворовых мальчиков разным мастерствам, искусствам и наукам довольно значительные деньги, то необходимо постановить, что если помещик отдавал мальчиков в учение на года без платы, то тем платежи за выкуп не усиливаются; если же помещик платил за обучение деньги, то сумма уплаченных денег по законным условиям или по квитанциям из казенных учебных заведений делится на 20 лет, т.е. считая служебное время от 20 до 40 лет, и присоединяется к платежам следующим по возрасту желающего получить свободу. Так, если обучение стоило 200 руб., а желающий воспользоваться отпускною имеет 28 лет, то он должен заплатить за себя 300 руб. и еще за 12 лет недослуженных до 40-летнего возраста по 10 руб., 120, а всего 420 руб. сереб.

Во избежание подлогов со стороны дворовых людей, которые, имея на руках господские деньги и вещи, могут взнести в уездный суд деньги господские или вырученные за господские вещи, уездный суд, до выдачи отпускной, обязан истребовать от помещика или от управляющего по доверенности его имением сведение: не состоит ли просящий отпускную в отчетной должности, и в сем случае, сдал ли он исправно все бывшее у него на руках. Показания помещика или управляющего в сем случае должны быть не голословные, а основанные на положительных доказательствах.

Необходимо также постановить, что помещик имеет право дать отпускную всякому дворовому, который не калека, не чахоточный, не малолетний и не старше 60 лет от роду, и что такой дворовый человек не имеет права отказываться от принятия отпускной. В сем случае жена и малолетние дети такого дворового человека вместе с ним отпускаются на волю.

Можно также постановить, что помещик может дать отпускную и калеке, и чахоточному, и старику, имеющему от роду свыше 60 лет, но в таком случае он взносит 150 руб. сереб., которые поступают в пользу того общества, к которому отпущенник будет приписан. В отношении к лицам женского пола можно то же узаконить с следующими двумя изменениями: вместо 60-летнего возраста назначить 50 лет и вместо 150 руб. положить 75 рублей.

Сверх того в видах скорейшего уничтожения сословия дворовых людей желательно было бы постановить, что все рожденные в этом сословии со дня восшествия на престол ныне благополучно царствующего императора, т.е. с 19 февраля 1855 года, свободны. Обязанность содержать их до 10-летнего возраста лежит на ответственности помещиков, пользующихся службою их отцов или матерей, а дети после 10-летнего возраста и круглые сироты, в случае если ни родители, ни родственники, ни благотворители не изъявят желания

принять их на свое попечение, помещаются в какое-либо казенное воспитательное заведение.

Родившихся или имеющих родиться вольными, на основании предыдущей статьи, т.е. от родителей, состоящих еще в крепостном состоянии, а равно людей, отпущенных на волю после 50 лет, следует освободить от платежа податей, первых до достижения ими 20-летнего возраста, а последних до их смерти.

Предполагаемые меры уничтожат крепостное право в отношении к дворовым не внезапно и не без вознаграждения и будут иметь последствием то, что все это сословие в 20 лет перейдет в свободное состояние; помещики же не вдруг лишатся нужных им людей и будут иметь время устроить постепенно, на новых основаниях свое домашнее и сельское хозяйство и приискать вольных на место крепостных людей, которые могут от них отойти*.

Весьма желательно также, чтоб дозволено было учреждение благотворительных или даже коммерческих обществ с целью способствовать дворовым людям в выкупах на волю. Эта мера может быть особенно полезна для освобождения людей, принадлежащих дворянам мелкопоместным или не имеющим вовсе недвижимой собственности. Дворовые их люди по большей части не в состоянии единовременно взносить за себя положенные деньги, а сами владельцы, по ограниченности своих средств, не могут делать значительные пожертвования. Таким образом, общественная благотворительность могла бы в этом деле оказать великие заслуги.

Приложение шестое

Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу.

1860

Поручение, на нас возложенное, по словам г. министра внутренних дел[1], окончено и дальнейшее наше пребывание в С.-Петербурге необязательно; а потому теперь лежит на нас долг: представить отчет дворянству, России, государю и истории в том участии, которое выпало на нашу долю в великом деле уничтожения крепостного состояния в нашем отечестве. Исполнение этой обязанности тем необходимее и неотложнее, что действия наши подверглись разным пересудам и что не везде, как мы имеем причины думать, они были представлены в настоящем их виде. Постараемся же исполнить наш долг беспристрастно, как говорится: sine ira et studio**.

---

* Весьма желательно, чтоб установлены были насчет паспортов новые правила, в силу которых возможно было бы, при найме людей, видеть, у кого, в какой должности, как и сколько времени жил человек, ищущий место. Паспорты пожизненные в виде книжек в этом случае вполне бы соответствовали цели.

** без гнева и пристрастия (*лат.*)[2].

Государь император в речи своей к тверскому дворянству 11-го августа 1858 г. изволил сказать: "Я уж приказал сделать распоряжение, чтоб из ваших же членов было избрано двое депутатов *для присутствования и общего обсуждения в Петербурге при рассмотрении положений всех губерний в Главном комитете*"[3]. Его величеству благоугодно было также объявить 16-го августа костромскому дворянству: "Для объяснения ваших выводов я позволяю вам избрать из среды себя двух депутатов, которые должны будут по окончании работ комитета здесь на месте прибыть в Петербург *для окончательного пересмотра предположений ваших*". – Чрез три дня после того следующие высочайшие слова обращены были к нижегородскому дворянству: "*Труд ваш будет рассмотрен в Главном комитете*; но я дозволил вам представить его чрез двух избранных вами членов, которым вы поручите объяснить выводы свои в той мере, как это будет согласоваться с общим благом".

Во исполнение сей высочайшей воли г. министр внутренних дел уведомил циркулярно всех начальников губерний о том, что предоставляется "каждому губернскому комитету, по составлении в нем проекта, избрать, по своему усмотрению, и прислать в С.-Петербург двух членов *для представления высшему правительству* всех тех сведений и объяснений, кои оно признает нужным иметь *при окончательном обсуждении и рассмотрении каждого проекта*".

Впоследствии в этом распоряжении произошли разные перемены: депутатам велено приезжать только тогда, когда они будут вызваны; и из тех комитетов, где составлено более одного проекта, прибыть в С.-Петербург по одному члену от каждого проекта. Сверх того, при учреждении при Главном комитете Редакционных комиссий для составления положений по крестьянскому делу решено было вызвать депутатов в два срока: сперва из тех 21 губерний, которые прежде прочих представили свои проекты, а потом из остальных.

Съехавшиеся в С.-Петербург депутаты первого призыва, в числе 32, приглашены были 25-го августа в общее присутствие Редакционной комиссии по крестьянскому делу. Там прочтена была предназначенная для них инструкция с разными приложениями. Чтение это продолжалось слишком полтора часа; по окончании его заседание было немедленно закрыто, а депутаты, снабженные каждый книжкою, в которой содержалось все им прочитанное, разъехались по домам.

Эта инструкция, впрочем, без приложений, помещена нами в конце брошюры.

Депутаты поражены были противоречиями инструкции с словами, высочайше обращенными к дворянству разных губерний, и с журналом 26 октября 1858 года Главного комитета по крестьянскому делу. Эта инструкция была даже несогласна с отношением г. министра внутренних дел, объявлявшем каждому комитету волю государя императора по избранию и прибытию в С.-Петербург членов: "для представления *высшему правительству* всех тех сведений и объяснений, кои оно признает нужным иметь *при окончательном обсуждении и рассмотрении каждого проекта*". Новое положение, созданное инструкциею для депутатов, противоречило даже собственным воззрениям Редакционной комиссии или, вернее сказать, ее председателя, на обязанности сих членов, воззре-

нием, не раз высказанным в журналах общего присутствия Редакционных комиссий. Все эти обстоятельства побудили депутатов собраться для совещания о том, чтó им делать.

Первое собрание было 26-го августа в доме с.-петербургского депутата гр. Шувалова.

Депутаты были в крайнем недоумении. Они спрашивали себя и друг друга: кем составлена эта инструкция? Как могла она попасть в государственную канцелярию? Кем она была рассмотрена и поднесена на высочайшее утверждение? Государь изволил говорить о депутатах, имеющих прибыть в С.-Петербург *для присутствия и общего обсуждения при рассмотрении положения в Главном комитете*; что же значит перемена в силу которой члены от комитетов обязаны только представить в Редакционные комиссии местные сведения и объяснения по вопросам, которые возникли впоследствии при разработке крестьянского дела? Чтó значит то, что по получении ответов на упомянутые вопросы *предъявляются* членам труды комиссий с предложением новых вопросов? Чтó значит, что члены обязаны представить *каждый по своей губернии* или члены одной губернии за общим подписом свои письменные отзывы? С какою целью назначен для занятий депутатов срок, по краткости своей, невозможный? Почему не допущены официальные собрания депутатов? Наконец, чтó значит явное устранение прежнего их названия: *депутаты*, замена его другим: *члены, избранные губернскими комитетами*?

Все эти и многие другие, к ним прикосновенные, вопросы сильно тревожили депутатов. Они вовсе не воображали быть поверенными от земли и даже от дворянства на совершение общего с правительством великого дела уничтожения крепостного состояния и наделения крестьян землею; они знали, что их голос есть чисто совещательный, но они никак не думали, что их призвали в С.-Петербург для того, чтобы сидеть каждому в своей квартире, отвечать на заданные вопросы и представлять справки. Такое недоверие к ним правительства, такое неуважение в них лиц, избранных губернскими комитетами, составленными из выборных от дворянства, такое униженное положение депутатов в отношении к Редакционным комиссиям и, чтó важнее всего, совершенная невозможность исполнить без общего совещания назначение, им указанное государем и данное доверием губернских комитетов, побудили их обратиться к государю императору с всеподданнейшею просьбою.

Благоговея перед монархом, которого благодушие, мудрость и высокое просвещение устремляли отечество вперед по пути улучшений и преобразований, депутаты не решились в первую минуту своего появления в Петербурге обратиться к его величеству прямо с адресом, не испытав предварительно мер, более скромных и менее раздражительных для председателя Редакционной комиссии, к коему они были поставлены в официальные отношения. После некоторых объяснений и прений депутаты положили составить письмо к генерал-адъютанту Ростовцеву с ходатайством: повергнуть на высочайшее воззрение всеподданнейшую их просьбу о дозволении им иметь общие совещания в том порядке, какой его величеству угодно будет указать.

В следующее собрание (28 августа) представлены были проекты писем гг. Волковым (Н.С.), кн. Гагариным, Кошелевым и Унковским; сверх того предложен был проект протеста в виде записки, предназначенной для подачи генерал-адъютанту Ростовцеву. Последний проект был устранен единогласно; затем начались совещания о прочих представленных письмах. Положено было, для составления окончательного проекта письма, назначить комиссию из членов, представивших первоначальные проекты. Эта комиссия составила один общий проект и передала его на следующий же день собранию членов от губернских комитетов.

Хотя этот проект был выражен в словах самых умеренных и почтительных, но он не был вполне одобрен общим собранием: некоторые члены потребовали еще большего смягчения выражений. По исправлении письмо было тотчас переписано, подписано всеми наличными членами и вручено московскому депутату Волкову для передачи председателю Редакционных комиссий.

Вот содержание этого письма:

Милостивый государь
Яков Иванович!

По выслушании объявленной нам вашим превосходительством высочайше утвержденной инструкции мы долгом считаем просить Вас повергнуть на высочайшее воззрение государя императора всеподданнейшее наше ходатайство о даровании нам возможности вполне оправдать то назначение, которое всемилостивейший государь благоволил указать нам в высочайших речах к дворянству разных губерний и в журналах Главного комитета.

Дворянство доселе совещалось в комитетах каждой губернии не только отдельно, но и в разное время. Вопрос об уничтожении крепостной зависимости развился у нас так быстро, что одна губерния не могла воспользоваться тем, что придумывалось в другой; от этого произошло разнообразие в проектах, представленных комитетами; к тому же самые виды правительства, с течением времени, все более и более уяснялись и становились нам более известными. При подобных обстоятельствах и, в особенности, при кратковременности срока, назначенного для занятий губернских комитетов, проекты их не могли достигнуть надлежащей полноты. Зная общее стремление нашего сословия к осуществлению благих предначертаний государя императора, мы считаем себя вправе сделать те пополнения и согласования, которые окажутся необходимыми для достижения общего блага. Редакционная комиссия, состоящая под председательством вашего превосходительства, при всем своем желании и напряженном труде, не может обнять всех местных нужд и составить положение, соответствующее потребностям всех разнообразных краев империи. Излагая даже наши мнения, думая действовать в полном согласии с предположениями комитетов, она легко может составить такие правила, которые, в некоторых местностях, совершенно неисполнимы; а между тем дело освобождения крепостных людей так важно, что малейшая ошибка может иметь самые вредные последствия для государства и всех сословий. Нам, лицам из разных местностей, удобнее, чем кому-либо,

знать применимость общих положений к делу, и к тому же нам, не участникам в трудах Редакционной комиссии, со стороны виднее неясности и неполноты, которые неминуемо бывают во всяком человеческом произведении. Если мы, каждый отдельно, будем писать свои замечания, пояснения и пополнения, то из этого могут возникнуть новые разноречия, которые усложнят окончательные разрешения существенных вопросов; а потому только общие совещания депутатов могут дать возможность согласовать различные мнения, надлежащим образом развить, уяснить их и представить правительству соображения, соответствующие как важности самого дела, так и высокого доверия, которое государю императору благоугодно было оказать дворянству.

Эти обстоятельства вынуждают нас просить ваше превосходительство повергнуть на высочайшее воззрение его императорского величества нашу всеподданнейшую просьбу о дозволении нам иметь общие совещания в таком порядке, в каком благоугодно будет указать государю императору, и о том, чтобы все соображения наши, как по предъявленным нам вопросам, так и вообще по существу крестьянского положения поступили на суд высшего правительства.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении и преданности.

Члены губернских комитетов:

Владимирского, Иван Безобразов.
Владимирского, Павел Парначев.
Воронежского, кн. Иван Гагарин.
Воронежского, Федор Крашенинников.
Костромского, Александр Миронов (губерн. предвод.)
Костромского, Алексей Лопухин.
Московского, Сергей Волков.
Новогородского, Павел Косаговский.
С.-Петербургского, гр. Петр Шувалов (губерн. предвод.)
Полтавского, Михаил Позен.
Полтавского, Александр Богданович.
Псковского, Николай Волков.
Псковского, Василий Голенищев-Кутузов.
Рязанского, Федор Офросимов.
Рязанского, кн. Сергей Волконский.
Рязанского, Александр Кошелев.
Саратовского, кн. Владимир Щербатов (губ. предвод.)
Саратовского, Нил Ознобишин.
Симбирского, Дмитрий Шидловский.
Тамбовского, Николай Никифоров.
Тамбовского, Григорий Петрово-Соловово.
Тверского, Евграф Кардо-Сысоев.
Тверского, Алексей Унковский (губ. предвод.)

Харьковского, Александр Шретер.
Харьковского, Дмитрий Хрущов.
Черниговского, Валериан Подвысоцкий.
Черниговского, Александр Маркович.
Ярославского, Павел Дубровин.
Ярославского, Демосфен Васильев.

Чрез несколько дней, а именно 2-го сентября, последовало высочайшее повеление, изложенное в ответе генерал-адъютанта Ростовцева. Оно было выражено в следующих словах:

"Председатель Редакционных комиссий имел честь получить 1-го сего сентября письмо от 29-го августа, подписанное 29 членами, вызванными от губернских комитетов. Того же числа он имел счастие отправить письмо это в подлиннике в Царское Село на всемилостивейшее благоусмотрение. 2 сентября он удостоился получить следующее высочайшее повеление:

Его императорское величество прежде и ныне не встречают препятствия к тому, чтобы члены губернских комитетов совещались между собою; в деле столь важном и столь близко касающемся интересов дворянства, государь император изволит находить полезным, чтобы члены губернских комитетов помогали один другому своею местною опытностью; но подобные частные совещания не должны иметь характера официального.

Затем его величество соизволил высочайше подтвердить, чтобы дальнейшие действия как председателя Редакционных комиссий, так и членов губернских комитетов неуклонно основывались на инструкции 11-го августа, т.е. члены губернских комитетов, не касаясь общих начал, должны ограничиваться применением оных к своим местностям. Для чего они и были вызваны в Петербург, и мнения свои они должны представить отдельно по каждой губернии. В заключение его императорское величество всемилостивейше повелел председателю Редакционных комиссий вновь объявить членам от губернских комитетов, что все их ответы, без исключения, будут представлены на обсуждение Главного комитета, как о том было уже сказано в инструкции 11-го августа.

О таковой высочайшей воле председатель Редакционных комиссий имеет честь уведомить гг. членов губернских комитетов".

С.-Петербург, 3 сентября 1859 года.

Генерал-адъютант *Ростовцев.*

Почти в то же время, т.е. 2-го сентября, было объявлено г. министром внутренних дел членам от губернских комитетов, что государь император будет их принимать в Царском Селе 4-го сентября, в час пополудни. Почему, в означенный день, все члены прибыли на станцию железной дороги в 10 часов утра и отправились в Царское Село. Там, со станции, в придворных экипажах, они отвезены были во дворец, где отведены были для них особые комнаты. Без четверти в час они отправились в зал, в котором они должны были представляться государю императору. Тут депутаты были расставлены по алфавитному порядку

губерний, и его величество изволил выйти ровно в час. Министр внутренних дел называл каждого депутата, и государь преимущественно спрашивал: где кто служил? Затем император стал посреди депутатов, сдвинувшихся вокруг его величества, и произнес следующие слова:

"Господа! Я очень рад вас видеть. Я призвал вас для содействия делу, равно интересному для меня и для вас, и успеха которого, я вполне уверен, вы столько же желаете, сколько и я; с ним связано будущее благо России. Я уверен, что верное мое дворянство, всегда преданное престолу, с усердием будет мне содействовать. Я считал себя первым дворянином, когда еще был наследником, я гордился этим, горжусь этим и теперь, и не перестаю считать себя в вашем сословии. С полным доверием к вам начал я это дело; с тем же доверием призвал вас сюда. Для разъяснения обязанностей ваших я велел составить инструкцию, которая вам предъявлена. Она возбудила недоразумения; надеюсь, что они разъяснились. Я читал ваше письмо, представленное мне Яковом Ивановичем: ответ на него, вероятно, вам уже сообщен. Вы можете быть уверены, что ваши мнения мне будут известны: те, которые будут согласны с мнением Редакционной комиссии, войдут в ее положение; все остальные, хотя бы и несогласные с ее мнением, будут представлены в Главный комитет и дойдут до меня. Я знаю, вы сами, господа, убеждены, что дело не может окончиться без пожертвований. Но я хочу, чтобы жертвы эти были как можно менее чувствительны. Буду стараться вам помочь и жду вашего содействия, надеясь, что доверие мое к вам вы оправдаете не одними словами, а на деле. Прощайте, господа, до свидания".

По выслушании этих слов воронежский депутат кн. Гагарин, по собственному внушению, а не по поручению прочих депутатов, доложил его величеству, что дворянство готово на жертвы, хотя бы они простирались и до трети их достояния. На это государь изволил отвечать: "Нет, таких значительных жертв я не требую; я желаю, чтоб великое дело совершилось безобидно и удовлетворительно для всех. Прощайте, господа".

Затем депутаты, возвратившись в отведенные им комнаты, приглашены были к обеду за гофмаршалский стол. Это показалось странным для всех и обидным для некоторых. Последние решились тотчас же отправиться обратно в С.-Петербург.

По получении вышеупомянутого ответа депутаты собрались у гр. Шувалова, которого просторный кабинет всех их свободно вмещал. В исполнение высочайшей воли они положили иметь частные совещания и для того разделиться, по свойствам губерний, на две части: т.е. на представителей от промышленных и от земледельческих губерний. Но вскоре они убедились, что такое географическое разделение было неудобно. И в той, и в другой части оказывались убеждения весьма различные и даже одни другим противоположные. Было несколько общих собраний, где много толковали, но как никто не обязан был подчиняться большинству, то и не выходило из того никаких удовлетворительных результатов; даже правильного разделения на кружки вследствие различных

убеждений состояться не могло. Образовались сами собою три кружка: один, преимущественно из членов от промышленных губерний, с требованием обязательного выкупа и с наделением крестьян землею в достаточном количестве; сюда принадлежали депутаты губерний: Ярославской, Костромской, Владимирской, Тверской и Харьковской. Другой кружок состоял из членов от Рязанской, Тамбовской, Саратовской, одного депутата от Воронежской (г. Крашенинникова), одного от Черниговской (г. Марковича) и московского депутата. Тут убеждения были вообще довольно либеральные; все члены были расположены к выкупу, хотя не все признавали необходимость его обязательности; некоторые не соглашались также на наделение крестьян вполне достаточным количеством земли. В третьем, всех менее единодушном кружке участвовали депутаты от губерний: Полтавской, С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, по одному члену от Воронежской (кн. Гагарин), Симбирской (г. Шидловский), и Черниговской (г. Подвысоцкий). Не принимали участия в совещаниях ни в каком кружке: гг. Ланской (Симбирский), Гаврилов (Владимирский), Кишенский (Астраханский) и Тиховидов (Вятский). Мало участвовали в собраниях нижегородские депутаты гг. Нестеров и Стремоухов; последний по причине позднего приезда в С.-Петербург. Первые два кружка имели постоянные собрания по два, по три, по четыре раза в неделю, и в них были обсужены все труды Редакционной комиссии. Последний кружок не имел постоянных собраний, вскоре распался, и его члены составляли свои замечания каждый особо. Между ними были люди, из которых одни желали личного освобождения крестьян без земли; другие требовали бессрочного пользования с переоценкою земли или повинностей; иные готовы были согласиться на выкуп, лишь бы он был необязательный.

10-го сентября был большой обед, данный председателем в зале Кадетского корпуса как депутатам, так и членам Редакционной комиссии. Беседа была довольно радушна; тут депутаты и члены Редакционной комиссии познакомились между собою, и из такого сближения можно было ожидать много пользы для дела, а именно облегчения между ними сношений и устранения некоторых взаимных предубеждений. Но вскоре случившееся обстоятельство, ничтожное само по себе, имело, однако, самое дурное действие на дальнейший ход отношений депутатов к Редакционной комиссии.

12-го сентября разослан был ко всем депутатам следующий циркуляр:

Вызванному в С.-Петербург члену Симбирского губернского комитета гвардии штабс-ротмистру Ланскому, уже представившему все, без исключения, ответы на вопросы по всем трем отделениям Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах государь император за такое примерное усердие объявляет высочайшее свое благоволение.

О сей монаршей воле председатель Редакционных комиссий имеет честь уведомить гг. членов губернских комитетов и Редакционных комиссий.

12 сентября 1859 года.

Подписал *Ростовцев.*

Чтоб вполне оценить смысл и значение этого циркуляра, надобно знать, что последние огромные и весьма важные доклады хозяйственного и юридического отделений разосланы были к депутатам только 10-го сентября и что потому не было возможности составить в несколько часов по всем докладам разных отделений замечания и ответы хотя сколько-нибудь удовлетворительные. К тому же известно было, что государь отправился из Царского Села 10-го вечером в путешествие по России и что упомянутое повеление, вследствие телеграммы генерал-адъютанта Ростовцева, было по телеграфу же дано, кажется, из Тулы. Торжественное объявление высочайшего благоволения г. Ланскому за таковое страннопоспешное исполнение депутатских обязанностей доказало, что на них смотрят как на бюрократическую формальность. Это глубоко оскорбило и огорчило депутатов. Циркуляр этот прозван был ими *приказом по корпусу депутатов*, и с этого времени нельзя было уже надеяться на сближение между членами от губернских комитетов и Редакционными комиссиями.

Срок, назначенный для занятий депутатов, истекал, а труд их, хотя спешный и усиленный, едва был сделан вполовину; потому они и обратились с просьбою к председателю Редакционной комиссии об исходатайствовании им отсрочки; одни просили продолжения срока на месяц, другие – на две недели. Отсрочка до 10 октября была высочайше дарована.

Депутаты, утратившие веру в значение своего труда, спешили его кончить и даже разъехаться. К 10 октября многие представили свои замечания и ответы; другие их оканчивали. Тут началась новая бюрократическая проделка. Стали, на основании пункта 7-го инструкции, приглашать депутатов в общее присутствие Редакционных комиссий для словесных объяснений. Приглашали по три, по четыре и более депутатов; с ними диспутовали члены Редакционной комиссии по назначению председателя. Эти диспуты не имели никакого результата и только доставляли в журналы общего присутствия статьи следующего содержания: "В настоящем заседании общее присутствие Редакционных комиссий, на основании высочайше данной 11-го августа инструкции, имело совещания с некоторыми из находящихся в С.-Петербурге членов губернских комитетов, которые изъявили желание предложить лично вопросы по содержанию некоторых докладов отделений комиссии. Возбужденные в сем заседании вопросы были обсуждены комиссиями совокупно с означенными гг. членами, и представленные разъяснения будут приняты в соображение при дальнейших работах Редакционных комиссий".

С прискорбием должны мы сознаться, что каждое слово в вышеприведенной нами статье совершенно ложно. Во 1-х, весьма немногие депутаты изъявили желание совещаться с Редакционною комиссиею, потому что знали бесполезность этих бесед, не оставлявших по себе никаких следов: большая часть членов были вызваны ею самою единственно в исполнение 7-го пункта инструкции. Члены Редакционных комиссий, ex officio, предлагали вопросы, избирая самые немудреные, опасаясь, чтоб не завязалось из того настоящего прения. Депутаты, убежденные, что призывают их только ради исполнения формальности,

отвечали также, как возможно короче, и общее присутствие спешило закончить заседания, которых бесполезность была всеми одинаково сознаваема. В этих собраниях не было и быть не могло ни одного настоящего прения, хотя в предметах для оного не было недостатка, ибо разногласия между комиссиями и депутатами были многочисленны и существенны. Во 2-х, возбужденные вопросы не были обсуждены комиссиями, а просто диспутовали, по поручению председателя, гг. Семенов, кн. Черкасский и Соловьев; прочие же члены сидели, как говорится, только ради пущей важности. В 3-х, представленные разъяснения не могут быть приняты в соображение при дальнейших трудах Редакционной комиссии, потому что они нигде не записывались и забывались вместе с окончанием заседания.

Занятия депутатов приходили к концу; императора ждали в Царское Село из его путешествия сперва к 15-му, а потом к 17 октября. Депутаты видели, что ими исписаны кипы бумаг (до 2000 листов); они полагали, что их собратия второго призыва, вероятно, столько же изведут чернил и бумаги и что поэтому нет возможности членам как Главного комитета, так и Государственного совета прочесть замечания и соображения депутатов. Вследствие сего они решились подать императору адрес с всеподданнейшею просьбою: дозволить им вновь собраться и рассмотреть окончательные труды Редакционных комиссий. Это их желание было тем естественнее и основательнее, что доселе ими было рассмотрено только первое издание материалов Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости; что в этих трудах имелись значительные противоречия, неизбежные в огромном и спешном труде; что многие и притом весьма важные части: о приведении положения в исполнение, о казенных повинностях, об отношениях крестьян и помещиков к мировым судьям и к уездной полиции не были даже предположены; что ничего не было сказано определительного о выкупе крестьянских земель; и что сельский устав, который предполагалось составить, даже и в главных чертах не был набросан.

Вследствие этого было несколько общих собраний депутатов. На первом решено было подать адрес государю. На втором рассматривались проекты адресов, написанные симбирским, г. Шидловским, и харьковскими, ярославскими и одним тверским депутатом (г. Унковским); но оба эти проекта были устранены. В третьем заседании был представлен рязанским депутатом г. Кошелевым проект адреса, который и был единогласно одобрен, и даже черновая оного подписана двадцатью одним членом. Вот содержание этого адреса:

Всемилостивейший государь!

По высочайшему повелению Вашего императорского величества мы рассмотрели первоначальные материалы, составленные Редакционными комиссиями по крестьянскому делу, и представили председателю оных наши объяснения и соображения. Разногласие в мнениях между означенными комиссиями и нами значительно, даже существенно. К тому же важная часть их работ еще не

могла быть нами обсуждена: порядок введения нового положения еще не предположен; доклад о казенных повинностях еще не окончен; состав и круг действия местных учреждений, имеющих решать все дела между помещиками и крестьянами, еще не определены; почему обязанности, налагаемые на нас доверием Вашего императорского величества и сословия, к коему мы принадлежим, решают нас всеподданнейше просить о нижеследующем:

1. Дозволить нам рассмотреть окончательные труды Редакционных комиссий до поступления их на обсуждение Главного комитета; и

2. Даровать нам возможность представить сему комитету изустные объяснения в подтверждение изложенных нами мнений.

Искренно и глубоко сочувствуя великому преобразованию, Вашим императорским величеством предпринятому, и желая, чтоб оно, для блага отечества нашего, совершилось мирно и удовлетворительно для обоих сословий, в сем деле преимущественно заинтересованных, мы дерзаем сию нашу всеподданническую просьбу повергнуть к стопам нашего всемилостивейшего государя.

Вашего императорского величества верноподданные:

Крашенинников. Шидловский. Васильев. Кн. Волконский. Офросимов. Кошелев. Кн. Гагарин. В. Подвысоцкий. Стремоухов. Кн. Щербатов. Петр Косаговский. Н. Волков. С. Волков. А. Маркович. Н. Ознобишин. Гр. Шувалов. Голенищев-Кутузов. Гр. Левашев. Петрово-Соловово. Никифоров и Парначев.

Депутаты собрались на другой день для подписания этого адреса, набело переписанного; но вдруг возникли опасения и недоумения. Не слишком ли он резок? Не изложена ли просьба слишком требовательно? Не лучше ли оставить бóльший простор к удовлетворению просьбы депутатов? Хотя большинство было за прежде одобренный адрес, но некоторые члены объявили, что они его подписать не могут и, в удовлетворение их, приступлено было к составлению нового адреса. После долгих толков, исправлений и изменений, вышел следующий адрес, которого вполне не одобрял никто, но который был подписан всеми. Как на губернских выборах попадают иногда в губернские предводители люди, которых никто для этого звания не имел в виду, так состоялся и этот адрес. Его можно назвать *шумовым*. Вот он:

Всемилостивейший государь!

Как члены от дворянских комитетов, мы исполнили высочайшее повеление Вашего императорского величества и представили наши замечания и соображения на первоначальные труды Редакционных комиссий по крестьянскому делу.

Различествуя между собою в некоторых воззрениях, мы пришли, однако, к тому общему заключению, что предположения Редакционных комиссий в настоящем их виде не соответствуют общим потребностям и не приводит в исполнение тех основных начал, которые с благоговейною готовностью дворянство приняло в руководство по крестьянскому делу.

Ревнуя оправдать доверие всемилостивейшего нашего государя и имея в виду, что объяснения и соображения наши относятся только к первоначальным материалам упомянутой комиссии, мы дерзаем всеподданнейше просить Ваше императорское величество о том, чтоб дозволено было нам представить наши соображения на окончательные труды Редакционных комиссий до поступления их в Главный комитет по крестьянскому делу.

Вашего императорского величества верноподданные:

Член от Воронежского комитета Ф. Крашенинников. Член от Воронежского комитета кн. И. Гагарин. Член от Московского комитета С. Волков. Член от Нижегородского комитета Стремоухов. Член от Новгородского комитета П. Косаговский. Член от Рязанского комитета Ф. Офросимов. Член от Рязанского комитета кн. С. Волконский. Член Рязанского комитета А. Кошелев. Член от С.-Петербургского комитета гр. П. Шувалов. Член от С.-Петербургского комитета гр. Левашев. Член от Полтавского комитета М. Позен. Член от Псковского комитета В. Голенищев-Кутузов. Член от Псковского комитета Н. Волков. Член от Саратовского комитета кн. В. Щербатов. Член от Саратовского комитета Н. Ознобишин. Член от Тамбовско го комитета Г. Петрово-Соловово. Член от Тамбовского комитета Н. Никифоров. Член от Черниговского комитета В. Подвысоцкий.

Не подписали из депутатов, участвовавших в общих совещаниях: полтавский – Богданович, который опоздал в собрание и приехал в оное уже тогда, когда адрес был отвезен к министру внутренних дел. Сверх того, не участвовали в этих последних совещаниях депутаты, уехавшие тотчас после подачи своих замечаний и ответов, и именно: двое костромских, двое владимирских, один тверской (Кардо-Сысоев), один черниговский (Маркович) и один нижегородский (Нестеров). Вовсе не участвовали в депутатских собраниях: симбирский – Ланской, владимирский – Гаврилов, астраханский – Кишенский и вятский – Тиховидов. Трое из сих членов были по назначению правительства, а г. Гаврилов, хотя был и по выбору дворянства, но по приезде в С.-Петербург поступил на службу

в Министерство внутренних дел. Сверх того, не подписали этого адреса следующие члены, подавшие особые адресы: симбирский – г. Шидловский, тверской – г. Унковский, харьковские: гг. Хрущов и Шретер, и ярославские: гг. Дубровин и Васильев. Первый подал особое всеподданнейшее письмо, а последние пять – совокупный адрес. Вот его содержание:

Всемилостивейший государь!

Державным словом Вашего императорского величества об освобождении крестьян Россия пробуждена к новой жизни. Это поворот в истории нашего Отечества. Ему предстоит два пути развития: один – мирный и правомерный; другой путь насилий, борьбы и печальных последствий.

Первый истекает из любви Вашей, государь, к России и ее счастию.

Второй может быть последствием неудовлетворительного решения вопроса, которое не оправдает ожиданий и потребностей народа.

В неизреченной милости Вашей, великодушный монарх, к дворянству Вы призвали наше сословие к участию в великом деле преобразования быта земледельцев.

Столь высокое доверие налагает на нас, членов от дворянских комитетов, священную обязанность верноподданнически высказать Вашему величеству мнения наши о направлении, полученном ныне крестьянским делом.

Если мы выходим из пределов данного нам полномочия, то это мы совершаем во имя любви к Вам, государь, и живой преданности к престолу и Отечеству.

Да будет над нами суд вашего величества.

Согласно высочайше утвержденной Вашим императорским величеством инструкции, мы представили в Редакционные комиссии наши подробные соображения и замечания, но из внимательного изучения заключений комиссий мы убедились, что увеличением надела крестьян землею и крайним понижением повинностей в большей части губерний помещики будут разорены, а быт крестьян вообще не будет улучшен по той причине, что хотя крестьянам и предоставляется самоуправление, но оно будет подавлено и уничтожено влиянием чиновников, и потому, что крестьяне только тогда почувствуют быт свой улучшенным, когда они избавятся от всех обязательств пред владельцами и когда сделаются собственниками: ибо свобода личная невозможна без свободы имущественной.

В установленных обязательных отношениях между лично свободными крестьянами и помещиками, лишенными общественного значения и участия в управлении народом, лежат зародыши опасной борьбы сословий.

Веруя в благодушие Вашего величества, зная волю Вашу, государь, чтоб Россия шла путем мирного развития, убедившись, что крестьяне имеют надежду, превратившуюся в верование, охватившее весь народ от мала до велика, получить свободу полную и землю в собственность и что быт сословий не может быть улучшен без преобразования существующего порядка администрации, полиции и суда, мы дерзаем, государь, всеподданнейше просить Ваше императорское величество о нижеследующем:

1. Даровать крестьянам полную свободу с наделением их землею в собственность, посредством немедленного выкупа, по цене и на условиях неразорительных для помещиков.

2. Образовать хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий, основанное на выборном начале.

3. Учредить независимую судебную власть, т.е. суд присяжных и гражданские судебные учреждения, независимые от административной власти, с введением гласного и словесного судопроизводства и с подчинением местных должностных лиц непосредственной ответственности перед судом. И

4. Дать возможность обществу путем печатной гласности доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления.

Убежденные, что крестьянское дело не может решиться спокойно и правомерно иначе, как на изложенных основаниях, мы считаем священным долгом, в оправдание высокого доверия, оказанного Вашим императорским величеством дворянскому сословию, повергнуть на всемилостивейшее воззрение Ваше, государь, наши откровенные убеждения, в полном уповании на милостивое внимание к мыслям, внушенным нам долгом присяги, беспредельною любовью к престолу и Отечеству.

Подлинное подписали:

Дмитрий Хрущов, член Харьковского комитета. Александр Шретер, член Харьковского комитета. Алексей Унковский, председатель Тверского комитета. Демосфен Васильев, член Ярославского комитета. Павел Дубровин, член Ярославского комитета.

Октября 16 дня 1859 года.

Следовательно, не подписали никакого адреса только семь членов, уехавшие из С.-Петербурга до возвращения государя императора; четверо, назначенные от правительства или состоящие у него на службе, и один, случайно не успевший подписать адреса 18-ти. Таким образом, последний адрес может считаться общим выражением желания дворянства, ибо уехавшие, конечно бы, его подписали, потому что и прежде согласны были в мнениях с прочими депутатами. Сверх того, двое из уехавших и доселе думают, что они адрес подписали; ибо, отъезжая, они утвердили своими подписами адрес, прежде единогласно одобренный, уже набело переписанный, но потом измененный.

Я нарочно остановился на подробном исчислении всех подписавших и неподписавших депутатов, потому что выведено было, как говорят, на справку, что столько-то депутатов не участвовало в адресе и что это *благонамеренное* меньшинство членов, довольное трудами Редакционных комиссий, не одобряло подачи адреса. Это совершенно несправедливо: можно положительно сказать,

что не подписали адресов только четверо членов, о которых упомянуто было выше, т.е. трое, назначенных от правительства, и один, состоящий у него на службе.

Депутаты, подавшие в числе восемнадцати, самый скромный адрес, уверены были, что их просьба не будет отвергнута; но проходили дни, недели, а решения им никакого не объявляли. Наконец, пронесся слух, что 5 ноября было заседание Главного комитета под председательством самого императора, что положено сделать депутатам кому выговор, кому замечание и что эти решения должны быть им объявлены чрез начальников губерний. Сперва никто не хотел этому верить; от бюрократии, конечно, всего можно было ожидать, но депутаты полагали полную надежду на государя (видно, ложные доносы ввели его в заблуждение), к крайнему удивлению всех и каждого, вскоре этот случай подтвердился. Тогда депутаты решились разъехаться. Они не замедлили получить, каждый от своего губернатора, отношения, в которых объявлялись им высочайше утвержденные положения Главного комитета. Таким образом, пять депутатов, подавших одну общую просьбу, получили, по высочайшему повелению, *замечание* "за неправильные и неуместные свои домогательства", с *разъяснением*, "что они не имели права подавать прошение за общим подписом".

Восемнадцать депутатов получили от начальников губерний отношения *с разъяснениями*, по высочайшему повелению, "что, имея в виду высочайшею властью одобренный порядок своих действий, они не должны были утруждать его императорское величество ходатайством к изменению сего порядка клонящимся и что члены не имели права подавать подобную просьбу за общим их всех подписом".

Такие решения на всеподданнейшие просьбы депутатов глубоко огорчили всех людей, искренно преданных государю и великому делу, им предпринятому. Эти решения были и неосновательны, и неосторожны, и неполитичны. Ставить депутатам в вину общее подписание тогда, как вчера общим же подписанием дворян, не собранных в официальное заседание, воспользовались для издания высочайших рескриптов по крестьянскому делу, было явною непоследовательностью. Странно также применять полицейское правило к такому делу, каково крестьянское: правительство освобождает без вознаграждения людей, принадлежащих помещикам, и отводит земли первым из владения последних; следовательно, действует если не беззаконно, то сверхзаконно; и в то же самое время оно требует, чтоб дворяне *даже не подавали правительству прошений за общим подписом*. Далее: упрекают депутатов в том, что они осмелились утруждать государя ходатайством, клонящимся к изменению порядка, высочайше утвержденного для их действий; но само правительство изменяло, и даже не один раз, свои решения в отношении к депутатам. Не делало ли оно еще более? Не отступало ли оно по крестьянскому вопросу от прежде обнародованных основных начал и не утверждало ли иные, более соответствующие требованиям дела? Люди добросовестные, конечно, не обвиняли в том правительство, ибо, по мере развития во-

проса, предположения, как его, так и дворянства, необходимо должны были испытывать такую участь; но осторожно ли было ставить в вину депутатам, что они допускали возможность изменения решений правительства и что просили его не о чем-либо новом, а только об исполнении прежде им обещанного или, вернее сказать, даже части того, что им было обещано?* К чему было теперь, при новых, вполне изменившихся обстоятельствах, выдвигать опять обветшалую непогрешимость власти и ставить депутатам в вину их маловерие в эту непогрешимость? Другие времена – другие начала; а потому должны быть и иные нравы, иные обычаи. Провозглашенное уничтожение крепостного права как бы захлопывало дверь (так следовало, по крайней мере, ожидать) за прежними временами. К тому же эти новые решения Главного комитета были и в высшей степени неполитичны. Для депутатов, избранных от дворянства, эти замечания получали значение медалей *за усердие*. Дворянство вообще не было довольно действиями своих депутатов в Петербурге, ибо находило, что они там вели себя слишком уклончиво; эти замечания и разъяснения убеляли депутатов; но неудовольствие против правительства или, вернее сказать, против бюрократии от того усиливалось и углублялось. Последствия этих неполитичных действий правительства не преминут обнаружиться. При будущих собраниях дворянства сочувствие его к депутатам выскажется гласно и даже громко и будет явным осуждением правительственных распоряжений.

Упомянутые губернаторские отношения, распространенные в бесчисленном множестве копий, произвели на дворянство самое раздражающее действие. Ни “*Колокол*”[4], ни все прочие запрещенные книги и листки не могли совершить того, что сделали эти копии. Все заговорили: “У нас отнимают принадлежащих нам людей и даже часть крепостных наших земель, а за нами не хотят признать даже право обращаться к правительству с просьбами за общим подписом! Чего можно было прежде лишать нас, подкупленных выгодами крепостного права, в том теперь невозможно нам отказывать; спасибо депутатам за то, что сделали; но жаль, что они действовали слишком уклончиво и слабо; авось, члены второго призыва исправят ошибки своих предшественников. Теперь бояться и терять нам нечего, пусть бюрократия освобождает крепостных людей и сама с ними управляется: мы устранимся, и тогда увидим, насколько станет ее и со всеми ее чиновниками.

И прежде дворянство было недовольно некоторыми действиями правительства по крестьянскому вопросу; но, по крайней мере, просвещенное меньшинство помещиков стояло на стороне правительства и сильно ратовало в его пользу. Теперь и этим последним зажат рот, ибо нечего сказать в оп-

---

* Государь объявил дворянству, что депутаты вызваны будут *для присутствования общего обсуждения в С.-Петербург при рассмотрении положений всех губерний в Главном комитете*; депутаты же скромно просили о дозволении им рассмотреть окончательные труды Редакционных комиссий *до поступления в Главный Комитет* по крестьянскому делу.

равдание власти. Сама она действует почти революционно; от других же требует слепого, безответного повиновения. Сама во всем берет инициативу, и существующее в ее глазах не имеет никаких преимущественных прав на дальнейшее бытие: другим же она не дозволяет даже сказать слово в свою защиту. Неудовольствие, даже ожесточение всех против бюрократии в Петербурге, Москве и во внутренности России растет не по дням, а по часам. Теперь во многих губерниях должны быть обыкновенные собрания дворянства; нельзя не ожидать там протестов, даже скандалов. К тому же теперь, при общем раздражении умов, еще нарушается одно из самых существенных прав дворянства, а именно принадлежащее ему на основании Св⟨ода⟩ зак⟨онов⟩, т. IX, ст. 112, преимущество совещаться о своих пользах и нуждах. Год тому назад было объявлено высочайшее повеление, в силу коего дворянство в своих губернских собраниях имело воздержаться от суждений по крестьянскому вопросу. Тогда подобная мера была возможна, ибо крестьянский вопрос находился в рассмотрении губернских комитетов, естественно, что дворянство не могло обсуживать одно и то же дело в двух своих инстанциях. Но ныне обстоятельства совершенно иные: учрежденная в С.-Петербурге Редакционная комиссия отвергла все проекты губернских комитетов, составила свои предположения и распустила их в числе трех или более того тысяч экземпляров. Как же теперь дворянству по этому жизненному для него вопросу не высказать своего мнения? Как теперь воспретить ему пользование правом, торжественно за ним признанным как ныне царствующим императором, так и августейшими его предшественниками? В настоящих обстоятельствах повторение, подтверждение вышеупомянутого прошлогоднего высочайшего повеления есть дело более чем неосторожное. Оно является не действием самодержавия, а своеволием бюрократии, которая и без того сосредоточивает на себе самую глубокую ненависть всех и каждого. Подобные своеволия, с какою бы целью ни предпринимались и от кого бы ни исходили (от Паниных, Чевкиных, Муравьевых, или от либеральных людей, заседающих в Редакционной комиссии), равно недостойны сильного и благонамеренного правительства, равно ему вредят, раздражают общество, – и самое добро, которое при подобных мерах имеется в виду, они превращают в зло, и в зло тем бо́льшее, чем чище источник, из которого они исходят. Но справедливость требует сказать, что никто не относит к императору деспотических действий бюрократии и что даже слухи, в публике распространяемые, приписывают все доброе ему, а все худое людям, во зло употребляющим его имя и доверие.

Теперь по разным губерниям имеют быть выборы, и дворянство в крайнем смущении. Не высказать своих опасений и желаний оно не может, ибо бюрократия выставит его молчание за одобрение своих действий. Заявление же неудовольствия со стороны дворянства будет неминуемо представлено в виде оппозиции видам правительства. Нашему дворянству, как всякому русскому, несвойственны действия оппозиционные; но не может, не должно оно давать бюрократии попирать себя по ее прихотям. Вероятно, дворянство решится почтительно-

верноподданнически высказать свои опасения и недоумения, или оно достойно той участи, которую бюрократия ему готовит.

Вот краткий, несколько сухой, но беспристрастный рассказ о внешней деятельности членов от 19 губернских комитетов, в продолжение двухмесячного их пребываний в С.-Петербурге. Следовало бы представить очерк их внутренней деятельности, т.е. передать сущность поданных ими замечаний, соображений и ответов; но эта задача неисполнима. Редакционная комиссия хвалится, что она депутатов утопила в чернилах и схоронила в кипе бумаг. Это совершенно справедливо: бюрократии неоспоримо принадлежит дар все живое топить и хоронить. Депутаты первого призыва подали, как говорят, до 2000 исписанных листов бумаги; по крайней мере, столько же должно быть еще представлено членами от остальных 27 губерний*; следовательно, всего должно быть не менее 4000 листов, из которых выйдет печатных от 250 до 300 листов. Кто прочтет все эти писания? Из этой массы бумаг составятся своды, которые представят не мнения депутатов, доказательно изложенные (opinions motivées), а один остов или оглавление их замечаний и соображений. Вероятно, эти своды будут сделаны еще с бóльшею бесцеремонностью и еще с меньшею аккуратностью, чем своды из губернских положений; вероятно, замечания и соображения депутатов опровергнутся en bloc**, как то сделано в отношении к трудам губернских комитетов; самые же работы членов, вероятно, полежат несколько времени в Главном комитете и в кабинетах его членов, полежат также в Государственном совете и, наконец, сдадутся в архив, в библиотеки и в табачные лавки. Депутаты предвидели участь, ожидающую их труды: они просили о дозволении им иметь официальные собрания, которые дали бы им возможность представить высшему правительству общее их мнение. Но в этом им отказали. Мы, члены от губернских комитетов, знаем поданные мнения двух, трех, пяти наших собратий; но бóльшая часть депутатских работ нам неизвестна. Даже депутаты, между собою совещавшиеся, спешно излагали после собраний свои заметки на бумагу, отдавали их переписывать и представляли председателю Редакционных комиссий. У всякого была лишь одна забота: как бы свои соображения и ответы окончить в крайне тесный срок, назначенный для депутатских работ; а до трудов своих собратий почти никому не было дела. А потому никто из нас не в состоянии представить верный и подробный отчет о всех поданных депутатами мнениях. Постараюсь, хоть в кратких словах, изложить содержание главных мнений, высказанных ими во время общих и частных их совещаний.

Первое всех депутатов, участвовавших в совещаниях, общее убеждение заключалось в том, что предположения Редакционных комиссий нарушают,

---

* Обыкновенно относят ко второму призыву 25 губерний, но от первого призыва остались две губернии: Минская и Витебская, которых депутатам велено приехать в Петербург вместе с членами от западных губерний, причисленных ко второму призыву.

** целиком (*фр.*)

без всякой необходимости и совершенно произвольно, права собственности помещиков. Почти все депутаты сознавали необходимость наделения крестьян землею, но *отдача помещичьих земель в бессрочное пользование крестьян за неизменные повинности* казалась ничем не оправдываемым нарушением права собственности. Большинство членов требовало обязательного выкупа как единственного средства произвести освобождение на законном основании и удовлетворительно для помещиков и для крестьян. Меньшинство депутатов, соглашаясь на отдачу мирских земель в бессрочное пользование крестьян, требовало переоценки или земли, или, по крайней мере, денежных повинностей. Первые доказывали, что предположения Редакционных комиссий должны иметь последствиями: 1) неприязненные отношения между землевладельцами и земледельцами, имеющие превратиться в явную борьбу; 2) необеспеченность положения как помещиков, так и крестьян, требующая постоянного чиновничьего вмешательства в их взаимные отношения; и 3) разорение помещиков, обязанных или довольствоваться невозможною барщиною, или заводить вольнонаемные хозяйства без получения денежных на то средств. Сверх того депутаты опасались, что если раз установится бессрочное пользование крестьян помещичьими землями за неизменные повинности, то правительство успокоится и долго-долго не озаботится устройством выкупа. – Меньшинство депутатов, не желавшее выкупа, требовало переоценки земли или, по крайней мере, повинностей как потому, что стоимость земли постоянно возвышается, так и потому, что деньги у нас еще быстрее упадают в стоимости. Все эти, вполне основательные, доводы многосторонне развивались членами губернских комитетов в опровержение вышеупомянутого главного начала, положенного Редакционною комиссиею в основу ее трудов. Замечательно, что *ни один депутат* (кроме, быть может, четырех, не участвовавших в депутатских собраниях) не одобрял этого основного положения Редакционной комиссии, хотя в числе призванных членов были представители не одного большинства, но и разных меньшинств губернских комитетов.

Второй пункт, вызвавший такое же общее неодобрение со стороны всех депутатов, есть произвольное назначение высших крестьянских наделов по губерниям. Редакционная комиссия, желая дать своим выводам некоторую, хотя наружную, правильность, составила ведомости крестьянским существующим наделам; но она исключила из этих списков все имения ниже 100 душ, где, как известно, наделы самые малые, и включила в них имения оброчные, где, по большей части, все помещичьи земли числятся в крестьянском пользовании. Посредством таких произвольных исключений и включений цифры наделов подняты были неправильно, а в некоторых случаях и чрезмерно. Сверх того, почти все комитеты подали голос в пользу нормальных наделов, – Редакционные же комиссии не только их отвергли, но установили свои высшие и низшие наделы, как будто в явную противоположность комитетским положениям, столь же несоразмерно возвысив первые, сколько понизив последние. К тому же многие отдельные постановления Редакционных ко-

миссий* сильно тревожили членов губернских комитетов, а именно: *а*) Отдача земель усадебных в пользование не крестьянских обществ, как предполагалось всеми великороссийскими комитетами, *а крестьянских семейств*, с предоставлением последним права выкупать свои отдельные усадьбы; *б*) предоставление крестьянам права уходить, по истечении 9 лет, целыми обществами на иные земли, по своему усмотрению; *в*) дарование права лицам выходить из обществ на условиях весьма легких; *г*) *удержание барщины* на условиях невозможных; *д*) произвольное, ничем не оправдываемое понижение оброков по многим местностям; воспрещение помещикам, которых крестьяне платили малые оброки, поднимать оные до нормы, правительством установляемой; и даже, при выкупе, капитализация из этих добродушием или беспечностью установленных оброков.

Третий пункт существенного разногласия между Редакционною комиссиею и всеми депутатами заключался в том, что чиновничье вмешательство водворялось в дела сельские и что влияние дворянства на крестьян вовсе устранялось. Хотя бережно скрывалось от депутатов будущее устройство как земской полиции, так и мировых судей; однако слухи насчет назначения всех этих чиновников не по выбору сельского населения вообще, а по произволу губернаторов, слухи насчет чисто бюрократического устройства всего уездного управления полиции и суда сильно волновали членов губернских комитетов и представляли им в будущем совершенную невозможность жить в деревнях. А потому неудивительно, что депутаты в своих замечаниях дозволяли себе самые резкие выходки *против чиновничества вообще и против вмешательства администрации в дела сельского населения*. Я убежден, что правительство не имеет в виду усилить и возвеличить чиновничий элемент и вовсе не желает лишить сельское население участия в местном управлении, расправе и суде; но оно таит свои предположения; а потому естественно, что муха кажется слоном и что депутаты видят в замыслах администрации то, чего, наверное, в них вовсе и нет. Кого винить в этом деле? Труды Редакционных комиссий, направленные против помещичьей власти, печатаются более чем в 3000 экземплярах и раздаются щедрою рукою; а работы комиссии об уездных учреждениях издаются в таком числе экземпляров, что нет возможности их достать. Почему бы не сообщить их депутатам? Почему бы не потребовать от них на оные замечаний? Такое к ним доверие значительно бы их успокоило, устранило бы много раздражения в их отношениях к правительству и, наверное, доставило бы ему много дельных замечаний.

В этих трех главных и еще некоторых второстепенных пунктах депутаты были единодушны. Затем они расходились на приверженцев обязательного выкупа, которые составляли огромное большинство, и на защитников или постоянного пользования с переоценкою, или освобождения крестьян с

---

* Редакционных комиссий считается несколько, но они имеют одно общее присутствие. Поэтому и самое название употребляется иногда во множественном числе, иногда в единственном, безразлично. Так поступили и мы.

правом свободных переходов. Число членов двух последних категорий было незначительно. Далее депутаты делились на сторонников нормальных и существующих наделов; за первые стояло большинство; но была возможность согласить эти два мнения установлением для существующего надела границ, близких к норме, что́, вместе с тем, было бы и вполне согласно с требованиями рескриптов. Что касается до повинностей, то они не составляли существенного предмета разногласий между депутатами: те из них, которые всего усерднее отстаивали помещичьи интересы, не требовали высоких повинностей, лишь бы поземельные наделы были как можно ограниченнее; депутаты же, объявившие себя за существующие наделы, желали повинностей настоящих, достаточно вознаграждающих дворянство за отходящие от них земли. Но в этом отношении между депутатами непременно последовало бы соглашение, если б только были допущены официальные совещания. Еще некоторые члены губернских комитетов сильно восставали против разных заключений комиссии, нарушающих народные обычаи, и в особенности *общинное поземельное владение и круговую поруку*; но большинство депутатов, преимущественно занятое интересами дворянства, для которых предположения комиссии казались гибельными, мало обращало внимания на важный предмет охранения народного быта от посягательства администрации.

Вообще можно сказать, что *все* депутаты, без исключения, были за уничтожение крепостного состояния, что *все* они желали развязки скорейшей и окончательной и что большинство из них было одушевлено самыми миролюбивыми чувствами. Что касается до сопротивления воле государя насчет освобождения крестьян до желания затянуть дело и, под видом увольнения, устроить иное обязательное и столь же для крестьян тягостное положение, то таких намерений никто из депутатов решительно не имел, и слухи, в сем смысле распущенные, суть чистейшие клеветы. По окончании занятий в губернских комитетах члены их пожили в своих деревнях, убедились в невозможности удержать крепостное право, в необходимости разрешить вопрос в скорейшем по возможности времени – и приехали в С.-Петербург с искренним желанием помочь правительству в установлении нового порядка вещей в сельском быту, на прочных основаниях.

К сожалению, не все замечания и ответы депутатов были изложены с надлежащим спокойствием и умеренностью. Некоторые депутаты воображали, что резкость выражений есть лучший довод против предположений Редакционных комиссий. Этим они много повредили делу и доставили комиссиям против себя оружие.

Знаю, что некоторые люди сочтут мои слова пристрастными. Как большинству депутатов члены Редакционных комиссий казались людьми, желающими разорить дворянство и заклятыми чиновниками, так и депутаты представлялись большинству членов Редакционных комиссий крепостниками, приехавшими отстаивать только свои губернские положения и одни интересы дворянства в самом тесном их смысле. Неправы в этом были и те, и другие. Хотя Редакционная комиссия, при постановлении своих замечаний, уклонилась во многих случаях, в ущерб дворянства, от требований справедливости, не следовало, однако, упус-

кать из вида, что она, имевши перед собою проекты губернских комитетов, где по большей части мало обращали внимание на интересы крестьян, была в обязанности защитить последних; что произвольные действия первой были вызваны столь же произвольными действиями комитетов; и что, стало быть, депутаты должны были винить в том не одну Редакционную комиссию, но и себя самих или свои комитеты. С другой стороны, Редакционная комиссия, исполненная гнева против губернских положений, видела в депутатах только представителей этих проектов и не хотела обратить внимания на то, что в Петербурге члены от большинства и меньшинства действовали заодно, что не последние перешли на сторону первых, а наоборот, и что вообще депутаты были весьма умеренны в своих мнениях и действиях. Главная причина всех этих недоразумений заключалась не в депутатах и не в членах Редакционной комиссии, а в несчастном обстоятельстве воспрещения депутатам иметь официальные собрания. Если б им дозволено было иметь отдельные официальные собрания, то их действия были бы явны, всякие клеветы были бы невозможны, и депутаты в своих выражениях были бы осмотрительнее и воздержнее. Если бы депутатов соединили с членами Редакционной комиссии, то непременно произошло бы слияние, составилось бы большинство умеренное, и вышли бы положения равно удовлетворительные для помещиков, для крестьян и для государства. Вместо того чтó случилось? Между депутатами распространялись слухи самые тревожные: говорили, что инструкция для них составлена в Редакционной комиссии с целью подавить их деятельность; что имели в виду этою бюрократическою проделкою сбыть их поскорее с рук и унизить в глазах России; что государь, спрашивая у каждого депутата, где кто служил, имел в виду дать дворянству почувствовать, что оно есть только служилое сословие, не больше; что назначение огромных крестьянских наделов имело целью окончательное уничтожение дворянства; что министр внутренних дел и председатель Редакционной комиссии сообща представили государю депутатов в виде строптивых, упорных крепостников, с которыми необходимо разделаться à la Pierre le Grand*, и проч. Сверх того, известие, что труды Редакционных комиссий печатаются в количестве 8 или даже 12 т⟨ысяч⟩ экземпляров и должны быть пущены в продажу по дешевой цене, с целью сделать невозможными большие изменения в предположениях комиссий, – это известие чрезвычайно тревожило большинство депутатов, видевших в такой мере изощрение топоров против них, против их семейств и собратий. Эти слухи, с разными прибавлениями и комментариями, все более и более раздражали депутатов: к их успокоению нимало не способствовали действия Редакционной комиссии; а потому должно скорее дивиться благоразумию и умеренности депутатов вообще, чем пользоваться неосторожностями, резкостями и выходками отдельных лиц и возводить на таком основании обвинения против всех.

Но как на депутатов возведены, и притом с разных сторон, тяжкие обвинения, то и не могу пройти их молчанием.

---

* на манер Петра Великого (*фр.*).

Редакционная комиссия обвиняла депутатов в том, что они приехали с враждебными против нее предубеждениями, что ожесточение сих членов, во время их пребывания в С.-Петербурге, росло и усиливалось и что они всеми силами домогались уничтожения Редакционной комиссии. В этом обвинении хотя много преувеличенного, но есть и доля правды. Что большинство депутатов не могло благосклонно относиться к Редакционной комиссии, это вполне справедливо. Во 1-х, состав Редакционной комиссии внушал вообще к ней мало доверия: в ней заседали преимущественно чиновники, которых хотя и замаскировали званием помещиков, но это никого не обманывало; напротив, это еще усиливало недоверие к комиссии. Сверх того, туда призваны были большею частью члены меньшинства губернских комитетов, а из членов большинства там заседало только двое или трое. Во 2-х, кто беспристрастно прочел труды комиссии, кто вник в смысл ее главных постановлений и обратил внимание на ее заключения, прямо направленные против помещиков, тот, конечно, найдет нерасположение депутатов к Редакционной комиссии вполне естественным, даже обязательным. Можно и должно было противодействовать положениям губернских комитетов, назначивших для крестьян недостаточные наделы, установивших странные оценки усадьб, удержавших многие принадлежности крепостного права, и проч.; но Редакционная комиссия не исправила недостатков, замеченных в губернских проектах: она просто-напросто отставила их совершенно в сторону, сочинила свои собственные предположения и при этом мало заботилась о правах помещиков, а считала их достояние материею, из которой следовало выкроить крестьянское благосостояние. Похвально и необходимо содействовать этой благой цели, но справедливость должна быть главною руководительницею при начертаниях законодателя. Если люди сторонние дивятся увлечениям Редакционной комиссии, если многие из собственных ее членов выражают во всеуслышание свое с нею несогласие и рассказывают, какими способами добывалось видимое единодушие в ее постановлениях, если самые ревностные защитники крестьянских прав и интересов не решились следовать за нею во всех ее предположениях, то как же винить депутатов вообще, поверенных, если не от дворянства, то от дворянских комитетов, в том, что они не с благодарностью приняли, во имя дворянства, заключения комиссии, которых последствием должно быть обеднение и унижение всего их сословия? Нет! депутаты должны были дружно стать против Редакционной комиссии, указать энергически ее заблуждения и заявить правительству, что ее заключения не только уничтожают значение дворянства как землевладельца, но усиливают, быть может, вопреки ее желанию, то, что всего ненавистнее в России, – чиновничество. Депутаты это исполнили по совести; теперь предстоит правительству воспользоваться их полезными указаниями и дать предпринятому преобразованию направление, соответствующее общим потребностям нашей земли. Что касается до последней части обвинения, то это чистая клевета; депутаты вовсе не домогались уничтожения комиссии, во 1-х, потому, что они все глубоко сознавали необходимость скорейшего разрешения крестьянского вопроса и, вследствие того, не могли желать, чтоб начертание положений перешло в новые руки, а во 2-х, потому,

что никто из них не искал навалить на себя ответственность по такому делу, которое захватывает самые живые и существенные интересы не только двух сословий, но и всего государства, и которое, как бы оно разрешено ни было, не может не возбудить, в большей или меньшей степени, неудовольствие и крестьян, и того сословия, к которому депутаты принадлежат.

Еще Редакционная комиссия обвиняла депутатов в том, что они, оставаясь на почве своих губернских положений, не хотели никак податься вперед и думали только о том, как бы отстоять интересы своего сословия. Очень естественно, что депутаты старались защищать свои губернские положения; ибо для того они и были присланы с С.-Петербург; но несправедливо, что они не хотели податься вперед: представленные ими замечания доказывают противное. Конечно, они не могли подняться до точки стояния Редакционной комиссии, для этого им следовало бы перестать быть представителями, поверенными, почти членами своего сословия и сделаться чиновниками, теоретиками и проч. Это было для них тем невозможнее, что многие эксперты и даже некоторые депутаты от министерств далеко не одобряли предположений комиссии и радовались, что ее заключения встречали единодушное сопротивление со стороны депутатов. Что последние защищали интересы своего сословия, это весьма естественно вообще и совершенно необходимо при том положении, в которое Редакционная комиссия ставила дворянство. Почему в губернских комитетах были большинства и меньшинства, почему там многие старались оградить крестьян от притеснительных предположений комитетов, почему там некоторые люди не боялись противодействовать своему сословию, оставаясь верными убеждениям, в силу которых крестьяне получали свободу с землею и на безобидных условиях? Почему же в Петербурге таковое отношение членов друг к другу изменилось, несмотря на то, что представители всех проектов были призваны? Предоставляю решение этих вопросов размышлению Редакционной комиссии. Если из 38 депутатов никто не стал на ее точку, то это должно что-нибудь да значить.

Еще одно обвинение со стороны Редакционной комиссии возводится на депутатов. Говорят, будто они строили против нее козни, входили в сношения с высшими государственными сановниками с целью ее низвергнуть и принимали участие в разных интригах и злоумышлениях. Не знаю, были ли какие-либо ковы и злоумышления со стороны высших сановников против Редакционной комиссии; не знаю, был ли кто из людей, носивших звание депутата, в сношениях с ними, имея целью ее низвергнуть; темна чужая душа; но я знаю положительно, что депутаты, как таковые, как депутаты, не принимали участия ни в каких кознях и ковах против Редакционной комиссии и что они не были в сношениях ни с кем из высших сановников. Я участвовал во всех общих совещаниях депутатов, был с ними в коротких, товарищеских отношениях и могу положительно сказать, что ни слова не было говорено ни о каких-либо заговорах против Редакционной комиссии, ни о том, чтоб войти в сношения с высшими государственными сановниками с какою-либо особенною целью. Мы предполагали ехать в мундирах представиться председателю Государственного совета и Главного комитета по крестьянскому делу. Но князь Орлов отклонил это представление.

Не было никакой иной, ни тайной, ни явной попытки привлечь на свою сторону высших сановников; и с их стороны также не было к нам никаких засылок или внушений.

Не могу умолчать и об обвинениях, высказываемых против депутатов со стороны дворянства. Оно укоряет их в том, что они не решились прямо и откровенно высказать правду государю и указать, куда ведут предположения Редакционной комиссии. Это обвинение не лишено некоторой основательности, хотя при этом много упущено из вида. Депутаты первого призыва боялись излишнею поспешностью и некоторою резкостью более повредить, чем пособить делу. Всем известны полная благонамеренность и доброта души царствующего императора. Депутаты знали, что, действуя смело и решительно, они не подвергали себя опасности; но они боялись употребить во зло благодушие императора, оскорбить его и тем повредить делу. К тому же депутаты от дворянства являлись в первый раз по вызову правительства; как им действовать, как слова их будут приняты, в какие отношения к ним станет правительство – все было неизвестно. При таких обстоятельствах умеренность и спокойствие были необходимы. По этой причине большинство депутатов в своих ответах, замечаниях, письменных и словесных отзывах и особенно в адресе имело постоянно в виду избегать всего, что может раздражить, и старалось высказывать свои мнения в самых вежливых и примирительных выражениях. В подтверждение этого ссылаюсь на бумаги, поданные в Редакционную комиссию от большинства депутатов. К сожалению, некоторые из них дозволили себе выходки, неумеренные колкости и шутки. Ими воспользовались некоторые члены Редакционной комиссии, много об них говорили и старались накинуть ими невыгодную тень на действия депутатов вообще. В сношениях депутатов с Редакционною комиссиею было только два случая размолвки, и они возведены были на степень истории. Первый случай состоял в следующем: один член Редакционной комиссии выразился в заседании насчет Ярославского комитета не совсем уважительно; член оного счел долгом вступиться и объявил, что за сим он не считает возможным оставаться в заседании. Председатель хотел дело уладить и предложил члену Редакционной комиссии точнее объяснить свою мысль; но последний, не находя в своих словах ничего оскорбительного для Ярославского комитета, повторил прежде им сказанное; тогда депутат счел долгом удалиться из заседания. Другой случай: как Редакционная комиссия приглашала депутатов в свои заседания только ради формы, т.е. для исполнения 7 пункта инструкции и как происходившие в комиссии объяснения не оставляли никаких следов, то один депутат почтительно просил председательствующего члена Редакционной комиссии о том, чтоб вопросы предложены были ему на бумаге, обещая на бумаге же дать и ответы, или же, чтобы записывались в журнал как делаемые ему вопросы, так и его ответы. Ему было в том отказано, и он удалился из заседания. Не оправдываю в обоих случаях ни депутатов, ни Редакционной комиссии: ибо если первые были, может быть, слишком требовательны, то последняя роняла вовсе значение правительства и свое собствен-

ное, превращая исполнение пункта высочайше утвержденной инструкции в чистую бюрократическую проделку; но должен сказать, что оба случая совершенно ничтожны и что никак не следовало жаловать их в чин *историй*, а тем менее скандалов.

Второе обвинение против депутатов со стороны дворянства заключаются в том: почему они не сошлись между собою, к чему было исписывать до 2000 листов, и отчего они не действовали единодушно и не высказали своих требований единогласно? В этом обвинении много справедливого; но необходимо принять в соображение обстоятельства, при которых происходили занятия депутатов. Дело об освобождении крестьян затрогивает самые существенные интересы дворянства и возбуждает в высшей степени страсти его членов. К тому же три года тому назад об уничтожении крепостного состояния мало думали, еще менее говорили и почти вовсе не писали. Как же требовать, чтобы люди, съехавшиеся из разных краев России, защитники разнородных, даже противоположных интересов, представители различных мнений и лично друг друга не знавшие, разом сошлись, сделавши один другому все необходимые уступки, и, отказавшись от некоторых личных воззрений, пошли одним путем и заговорили одним языком? Нет, такое единодушие было невозможно, и если, в краткий срок своего пребывания в Петербурге, депутаты сошлись между собою в некоторых главных основаниях, то и это уже заслуга с их стороны: кому неизвестно, что во всех совещательных собраниях первые месяцы проходят в том, что члены между собою знакомятся, стараются сблизиться, и что общее мнение составляется только после многих совещаний и баллотировок? Как же можно упрекать депутатов в том, что они, увидевши друг друга, не сошлись внезапно все в мнениях и не составили одной плотной массы? И то по многим губерниям произошли в Петербурге явления неожиданные: люди, которые в губернских комитетах в течение 6, 7 и 8 месяцев между собою боролись и которых проекты были весьма различны, согласились между собою и стали говорить в один голос. Депутаты исписали, конечно, много бумаги, но что же было делать? Они просили официальных совещаний: в этом им было отказано. На частных совещаниях не только каждое мнение имело свою самостоятельность, но даже каждый способ выражения мог быть сохранен, ибо мнения депутатов велено было подавать особо от каждого лица или от каждой губернии. Как же мне подписывать от своего имени то, с чем я вполне не согласен, и в том виде, в каком я не совсем одобряю? При официальных заседаниях решало бы большинство, и частные мнения явились бы только в виде исключений, или составились бы два, три мнения. При частных совещаниях это было невозможно.

В заключение скажем: задача, предлежавшая депутатам первого призыва, была затруднительна по неопределенности их положения и по неизвестности отношений, в какие станет к ним правительство. Задача, предлежащая депутатам второго призыва, еще щекотливее. Редакционная комиссия доказала, что она смотрит на призыв и дело депутатов как на бюрократическую формальность. Высшее правительство уклонилось и не имело с ними ника-

ких сношений. Неужель эта странная проделка еще раз повторится? Это невозможно. Что же сделает правительство в отношении к новым депутатам? Как поступят имеющие съехаться депутаты в отношении к правительству? Не осмеливаемся отвечать на эти вопросы, но умоляем и тех, и других быть, по возможности, умеренными и стараться сблизиться, а не расходиться еще более. При излишних требованиях и неосторожных выходках со стороны депутатов Редакционная комиссия усилится, предположения ее чрез то значительно окрепнут, и высшее правительство, не одобряя их вполне, но не имея также, чем их заменить, будет в необходимости утвердить проекты, представленные Редакционною комиссиею. Если сия последняя дозволит себе те же действия, которые, внезапно совершенные, отчасти удались ей при первом призыве, то депутаты дружно сомкнутся, и правительству придется одному приводить в исполнение новое, никем не одобряемое положение. Не думаю, чтоб возможно было устроить новый порядок на прочных основаниях, при уклонении всего дворянства от участия в этом деле. Наша крепкая надежда – на государя, которого благодушие и мудрость должны спасти Россию от увлечений, от посягательств, с одной стороны, и от сомнений, опасений, уклонений и сопротивлений, с другой стороны. Мудро и благовременно начатое – да совершится не к обиде кого-либо, а ко благу всех.

2-го декабря 1859 года.

P.S. В журнале общего присутствия Редакционных комиссий от 4 ноября 1859 года содержится нижеследующее:

"Ныне все гг. члены первого приглашения, вызванные от губернских комитетов, мнения свои по работам комиссий для составления положений о крестьянах уже представили; но, *к крайнему для нас сожалению и затруднению*, гг. члены губернских комитетов *не только не пришли друг с другом к соглашению, но разъединились между собою даже в главных* началах, на коих должна быть основана реформа, *и составили таким образом несколько групп*".

"*Мнения эти образовали такую громадную массу*, что рассмотрение оных увеличивает работу комиссий *по крайней мере вдвое*. Я сделал уже распоряжения, чтобы *доставить каждому из гг. членов комиссий возможность прочесть все эти мнения,* но для сего понадобится немало времени".

Спрашивается: добросовестно ли изъявлять подобные сожаления и возводить такие обвинения?

"Члены губернских комитетов не пришли друг с другом к соглашению". – Но не были ли приняты все нужные меры к получению такого результата? Для чего воспрещены депутатам официальные собрания? Для чего вменено им в обязанность подавать замечания или отдельно от своего имени, или по губерниям, но отнюдь не совокупно, за общим подписом? Как винить людей в том, что они не сошлись, когда их лишили всяких к тому вспомогательных средств? – Для чего при совещаниях нужна официальность? Для того, чтобы члены обязаны были покоряться решению большинства, чтобы при взаим-

ных уступках они могли приходить к одному общему положению, чтобы в крайних случаях подавались, сверх того, одно, два, три отдельные мнения, а не высказывалось постоянно столько мнений, сколько людей в собрании, и чтоб один обязательный порядок вел всех к одной цели. Депутаты были глубоко убеждены в пользе официальности для их совещаний; они просили о предоставлении им этого права, но им было в том отказано; а теперь ставят им в вину, что они не дошли до соглашений! Редакционная комиссия сама знает, чтó такое разногласия: для прекращения их в среде своей она прибегла к средству даже незаконному, т.е. к лишению членов права подписывать *с особым мнением* журналы общего присутствия, а равно и доклады отделений... Как же полагать, что депутаты, не избранные одним лицом, по тем или другим уважениям, а вызванные как представители самых разноречивых, даже противоположных проектов, съедутся, увидятся и во всем сойдутся! Даже наши мирские сходки, состоящие из людей по преимуществу единодушных, приходят к единогласию только потому, что они обязаны обычаем составить один общий приговор. А депутатам сказано: подавайте свои мнения каждый отдельно и не смейте представлять их за общим подписом; разве, при этом условии, возможно было депутатам сойтись, сделать друг другу все нужные уступки не только в мнениях, но и в способах их выражения, и подать в 19 экземплярах (по числу губерний) одно и то же мнение? А если б такое чудо и совершилось, то не было ли бы оно еще сочтено за стачку? Нет! такое требование граничит с недобросовестностью, к которой Редакционная комиссия, при полноте своих прав, не имеет, кажется, нужды прибегать.

“Члены губернских комитетов разъединились между собою в главных основаниях и составили таким образом группы”. Это обвинение еще страннее первого. Неужель кому-либо неизвестно, что все люди, имеющие мнение по крестьянскому вопросу, делятся на защитников освобождения крестьян с землею или без земли, и на сторонников освобождения с выкупом обязательным или добровольным, или вовсе без выкупа! Все дворянство в этом отношении распадается на несколько самых разноречивых партий. Да и в самой Редакционной комиссии имеются, кажется, довольно яркие образцы подобных разногласий. Как же было думать, что депутаты, представители каждый своего проекта, могли приехать в С.-Петербург или с мнениями совершенно одинакими, или вовсе без мнений? Как могли они не быть отголосками общественного мнения и потому сторонниками самых противоположных мнений? Следовательно, депутаты *не разошлись* между собою в главных основаниях и не составили вследствие того групп, а напротив: они сошлись между собою в главных основаниях и потому составили группы. Самое сильное разъединение в мнениях было до приезда депутатов в С.-Петербург и до начала их бесед; а в С.-Петербурге, вследствие бесед, состоялись между депутатами некоторые соглашения, и потому сделалось возможным образование групп. Прискорбно, истинно прискорбно, что не допущены были официальные собрания депутатов: неминуемо составилось бы между ними большинство плотное, либеральное, умеренное, которое значительно помогло бы пра-

вительству в разрешении многотрудной, ему предлежащей задачи, и явило бы миру великий пример благоразумия и несебялюбивого расчета, устрояющих на прочных основаниях благо двух сельских сословий.

"Мнения членов губернских комитетов образовали такую громадную массу, что рассмотрение их увеличивает работу комиссий по крайней мере вдвое". – Депутаты это знали вперед; il ne fallait pas être prophète pour le savoir*. Они это изложили в своем письме к председателю[5] и преимущественно на этом основании просили о дозволении им иметь официальные собрания. Редакционная комиссия жалуется, что ее труды увеличиваются, по крайней мере, вдвое от огромной массы бумаг, исписанных депутатами. Это – еще не беда: комиссия уже доказала свое умение по части сокращений и выписок из губернских проектов; а потому она легко управится и с мнениями депутатов; но есть беда другая, несравненно бóльшая и вполне действительная: государю императору благоугодно было удостоверить депутатов, что их мнения, согласные с мнением Редакционной комиссии, войдут в положение; *все же остальные* будут представлены в Главный комитет и дойдут до сведения его императорского величества. Как исполнить это высочайшее обещание? Вот о чем должна быть забота; вот о чем должны крепко подумать добросовестные советники царские.

Председатель объявляет, "что им уже сделаны распоряжения к тому, чтобы доставить каждому из членов комиссии возможность прочесть все мнения депутатов". Напечатание этих мнений есть, конечно, вещь весьма полезная и нетрудная; за типографиями, вероятно, остановки не будет; но прочтение трех толстых томов, которые составятся из ответов и замечаний депутатов первого призыва, будет трудом менее легким. Как бы все дело не ограничилось одним напечатанием!

Вышеприведенные пятнадцать строк из журнала 4 ноября содержат в себе, для депутатов второго приглашения, новое и весьма сильное побуждение к единогласию. Теперь уже настоит для них крайняя надобность в том, чтобы, отложа в сторону все личные воззрения и даже местные хозяйственные соображения, они соединили все свои усилия к опровержению одних главных начал, принятых Редакционною комиссиею, начал, долженствующих почти уничтожить значение землевладельцев, породить борьбу между ними и земледельцами, соделать необходимыми частые вмешательства власти в дела сельские, и тем еще усилить в России ненавистную для всех бюрократию. От души желаем, чтоб это воззвание, бессознательно обращенное Редакционною комиссиею к новым депутатам, было на сей раз не гласом вопиющего в пустыне.

8 декабря 1859.

---

* не нужно быть пророком, чтобы предвидеть это (*фр.*).

Государственная
канцелярия.

ОТДЕЛЕНИЕ
ДЕЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ.

11-го августа 1859 г.
№ 368.

Господину председателю Редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости.

По высочайшему его императорского величества повелению, последовавшему в сентябре 1858 года, губернские комитеты, учрежденные для составления Положений об улучшении быта помещичьих крестьян, должны выбрать из среды себя двух членов для представления высшему правительству всех тех сведений и объяснений, кои оно *признает нужным иметь при рассмотрении составленных губернскими комитетами проектов**.

По случаю прибытия в скором времени сюда членов, избранных некоторыми губернскими комитетами, государь император, приняв во внимание как изложенную выше цель их вызова, а также, что общие начала по крестьянскому делу указаны высочайшими рескриптами, программою и высочайше утвержденными журналами Главного комитета, местным же комитетам было высочайше предоставлено *применение общих начал к особенностям каждой губернии,* изволил признать необходимым определить образ действий как председателя Редакционных комиссий для составления Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, так и членов, избранных губернскими комитетами, сообразно с упомянутым, высочайше уже указанным, распределением действий.

В сих видах его императорское величество соизволил высочайше повелеть руководствоваться по этому делу следующими правилами:

1. Председатель Редакционных комиссий должен, прежде всего, истребовать от каждого из вызванных членов *местные* сведения и объяснения по таким вопросам, которые возникли впоследствии, уже при разработке крестьянского дела, в некоторых лишь губернских комитетах или в самых Редакционных комиссиях, а потому не могли еще быть окончательно развиты сими

* Замечательно тут отступление от первоначальных слов высочайшего повеления. Там в отношении г. министра внутренних дел было сказано: *при окончательном обсуждении и рассмотрении каждого проекта.*

последними (по образцу всех докладов трех отделений) прежде пополнения первоначальных необходимых для того материалов. Сюда относятся:

а) Практические указания на меры к охранению владельческой поземельной собственности (особенно помещичьих лесов) от умышленной порчи, похищений и пожаров; о порядке заключения условий по вольному найму и об обеспечении надежного выполнения оных.

б) Местные данные о том, в каких размерах понадобятся межевые средства для скорейшего разграничения угодий, предоставляемых за повинность в пользование крестьян, от прочих земель и угодий.

в) Ближайшие соображения о порядке и условиях обращения промышленных сел в посады или местечки.

г) Практические данные о средствах пополнения и сохранения в целости сельских хлебных магазинов, а также о возможном сокращении формальностей при освежении хлеба или раздаче оного в ссуду с соблюдением, однако же, нужных предосторожностей.

д) Необходимые данные для введения между крестьянами взаимного страхования от огня, градобития и других неожиданных несчастий.

е) Соображения по ходатайству некоторых губернских комитетов о предоставлении лицам, принадлежащим к потомственному дворянству, права приобретать населенные имения без всяких ограничений; и

ж) Предварительные соображения о порядке добровольных соглашений между владельцами и крестьянами относительно выкупа последними поземельных угодий в собственность.

2. По доставлении членами губернских комитетов ответов на все означенные, еще не разработанные вопросы, председатель Редакционных комиссий *предъявляет каждому из сих членов* труды комиссий уже разработанные, *собственно по проекту Положения о крестьянах*; причем, для успешнейшего и удобнейшего окончания всего дела и для облегчения самих членов, должны, по сему проекту, быть предложены им и *вопросы, по коим требуются от каждого члена местные сведения и объяснения*. Работы комиссий собственно по проекту положения, вместе с извлеченными из оных вопросами, *предъявляются, по усмотрению председателя*, или по каждому из трех отделений комиссий порознь, или все совокупно.

3. Председателю предоставляется, независимо от указанных выше вопросов, пригласить вызванных членов к доставлению и всех тех местных данных и соображений, какие еще окажутся необходимыми при дальнейшем ходе работ.

4. *Так как сущность работы вызванных членов заключается*, по высочайшему указанию, собственно *в применении общих правил к особенностям каждой губернии*, то каждый член представляет *особый, по своей губернии, письменный ответ на каждый вопрос отдельно, или члены одной губернии дают ответы за общим подписанием*.

5. Каждый из вызванных членов не обязывается излагать, ни в полном, ни в систематическом порядке, соображения по предложенным им вопросам; он мо-

жет ограничиться хотя бы только и отдельными заметками; но для точного выполнения высочайшей воли необходимо, чтобы представляемые ответы основывались на местных данных и, по возможности, на положительных фактах как бывших в виду губернских комитетов, так и лично известных каждому члену, который, при изложении своих ответов, не обязан стесняться комитетскими постановлениями.

6. Если применение общих правил к местным обстоятельствам вызовет какие-либо особые соображения, то каждому из вызванных членов предоставляется, после доставления положительных ответов на предложенные вопросы, представить председателю Редакционных комиссий и означенные соображения.

7. При получении ответов председателю предоставляется, *по своему усмотрению и по мере надобности,* приглашать, для словесных объяснений членов одной губернии или нескольких вместе, согласно с 10-м пунктом высочайше утвержденного 26 октября 1858 года журнала Главного комитета по крестьянскому делу.

8. Дабы не останавливать дальнейшего движения работ по Редакционным комиссиям, председателю оных вменяется в обязанность наблюсти, чтобы все необходимые сведения и объяснения были доставлены от членов губернских комитетов *не позже одного месяца со дня предъявления им первых вопросов.*

9. По получении председателем Редакционных комиссий всех необходимых сведений и объяснений *занятия вызванных сюда, избранных губернскими комитетами членов считаются оконченными*, и председатель извещает о том министра внутренних дел.

10. *Все без исключения* ответы членов как ныне вызванных, так и тех, кои будут вызваны впоследствии, вместе с заключениями по оным Редакционных комиссий, представляются на обсуждение Главного комитета по крестьянскому делу, одновременно с проектом Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. В проект этот должны быть включены все соображения вызванных членов, которые будут приняты Редакционными комиссиями.

О таковой высочайшей воле я имею честь сообщить Вашему превосходительству для надлежащего распоряжения к ее исполнению, уведомив об оной и г. министра внутренних дел, для его сведения.

Подлинное подписал: Государственный секретарь
В. Бутков.

Скрепил: Исправляющий должность статс-секретаря
С. Жуковский.

Приложение седьмое:

а) Письмо к государю и б) Записка о делах Царства Польского.

Всемилостивейший Государь!

По воле Вашего Императорского Величества я отправился в 1864 году в Варшаву и там исправлял обязанности члена Учредительного комитета и главного директора финансов. Я действовал по совести и по лучшему своему разумению к достижению полного и окончательного присоединения Польши к России. Иное мнение о средствах к достижению этой цели, противуположное моим убеждениям, все более и более одерживало верх в управлении польскими делами и становилось его руководящим началом, а потому я счел долгом совести удалиться, к чему побуждало меня и расстроившееся мое здоровье.

Считая способ действия, принятый по польским делам, вредным для России, я, раз осчастливленный всемилостивейшим вниманием ко мне Вашего Величества, не могу возвратиться в жизнь частную, не изложивши Вам, Государь, моего по сему предмету откровенного мнения, образовавшегося и утвердившегося во время 25-месячного пребывания в Варшаве.

Почему осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества краткую по сему предмету записку, и вместе с тем считаю долгом доложить, что это мое действие есть совершенно бескорыстное. Я не нуждаюсь в службе; я не алчу почестей; готовый по воле моего Государя, как всякий верноподданный, посвятить свою деятельность на то, что́ могло бы быть мне указано, я охотно возвращаюсь в жизнь частную, где также, по силам и способностям, постараюсь быть хотя сколько-нибудь, полезным Отечеству.

Вашего Императорского Величества
верноподданный
Александр Кошелев
Действительный статский советник

Ноября, 1866.
с. Песочня, Рязанской губ.
Сапожковского уезда.

Русские вообще и те в особенности, которые находятся или находились в последнее время в Польше, все убеждены в том, что эта страна, без вреда для России и самой себя, отдельно существовать не может; что она непременно должна составлять часть империи; и что одни и те же законы, власти и распорядки, по возможности, должны относиться ко всем частям нашего государства. Это убеждение, основанное на прежней истории Польши и ее отношений к России, еще более укоренилось в русских после бывших там беспорядков в 1862–1864 годах и после того, как они короче ознакомились с положением и свойством этой страны и ее жителей. Следовательно, относительно цели, к которой правительство и ее деятели должны стремиться в Польше, нет между русскими никакого разногласия; но тем сильнейшее разномыслие существует между ними относительно средств к достижению этой, всеми равно желаемой цели.

Одни полагают, что кроткие, примирительные средства никуда не годятся; что необходимо обессилить, разорить, окончательно подавить шляхту, которой неприязненность к России не подлежит сомнению; что необходимо искоренить всякие польские порядки как произведения шляхетские, напоминающие о прежнем отдельном государственном бытии Польши; что необходимо поднять и усилить крестьянство как непримиримого врага шляхетства и как класс населения, который все ожидает от России; что города и в особенности евреев, составляющих самую многочисленную часть городского населения, нужно привлечь разными выгодами на сторону новых устройств; что должно принимать меры радикальные и вовсе не удерживаться опасением, что чрез то некоторые существующие интересы будут нарушены; что русские законы, учреждения и распоряжения должны быть вводимы немедленно и почти без всяких изменений, хотя бы эти законы, учреждения и распоряжения в самой империи признавались не вполне соответствующими своей цели и подлежащими преобразованию; что русскими чиновниками должны быть замещены все несколько значительные места по разным частям управления; что неизбежно удержать как можно долее военное положение и соединенные с ним стеснительные и карательные меры; наконец, что должно постоянно иметь в виду, что материальная сила одна есть и еще долго должна оставаться главною основою нашего владычества в Польше.

Другие, напротив того, признают необходимость мер примирительных. Они убеждены, что такой край развитой (хотя и ложно, ошибочно, порочно), как Польша, где потребности людей и их отношения между собою, а равно к предметам собственности весьма многоразличны и где они уже получили более или менее соответственное, но во всяком случае определенное удовлетворение и разрешение, и такую народность, какова польская, имеющую свои тысячелетние предания, невозможно быстро изменить; что поспешность, резкость, явная неприязненность в распоряжениях могут произвести действие, противное желаемому; что мы не должны обманывать себя насчет средств, которыми мы располагаем; что мы не имеем излишка в людях способных и дельных, которыми могли бы заместить поляков, и что еще менее имеем мы излишек в капиталах, которыми были бы в состоянии заменить те, которые мы теперь уничтожаем в руках шляхетских; что порядки, существующие в Польше, как ни дурны, но они там имеют силу и развились из тамошних потребностей; и что те порядки русские, которые мы должны там вводить, подлежат приспособлениям, требуемым местными обстоятельствами; что едва ли наши порядки так хороши и общеприменимы, что могут быть пересажены в Польшу без изменений; что верные своей истории и духу православия, мы должны действовать примирительно; что беспорядки 1862–1864 годов и полное усмирение края нам вполне подготовили для таких действий почву; что сами поляки, мечтавшие о независимости Польши, теперь не надеются более ни на иностранные державы, столько раз их обманывавшие, ни на собственные силы, в корне подрезанные указами 19 февраля (2 марта) и 27 октября (8 ноября) 1864 и 14/26 декабря 1865 года, и тем еще менее на революционные комитеты и на своих эмигрантов, которых они теперь боятся более всяких врагов; что, при таких обстоятельствах, мы должны подку-

пать поляков благоустройством, которое мы можем там водворить; это материальные силы и насильственные средства могли временно принести нам пользу, и ее они нам уже оказали полным усмирением края, но что для устройства его, для полного его присоединения к России, нужны меры государственные, бесстрастные, носящие на себе отпечаток благоразумия и кротости; что невозможно обойтись без содействия самих поляков; и что должно воспользоваться теперешнею готовностью к тому многих из них, хотя бы оная оказывалась, конечно, не из любви и преданности к России, а по расчету и в виду революционной пропаганды, обещающей Польше одни беспорядки и разорение.

В начале преобразований, особенно в 1864 году, способ действий, основанный на первом из изложенных мнений, был необходим. Так, указы об устройстве крестьян содержали меры, которые, за несколькими частными исключениями, не могли не быть одобренными со стороны всех русских. Нанести решительный удар всемогуществу шляхты и упрочить быт крестьян на широких и твердых основаниях, т.е. дать им землю и самостоятельное существование, было делом первой необходимости. Издание этих указов было действием великой государственной мудрости; этим положено верное и твердое основание для нашего владычества в Польше.

Указы о закрытии некоторых монастырей и преобразовании остальных, а равно об устройстве светского римско-католического духовенства, – хотя меры крутые, однако они также были неизбежны и неотложны; они и не возбудили сильного негодования в Польше, ибо все видели, что правительство не могло не принять мер против монастырей, епископов и ксендзов, явно и всячески против него действовавших как в прежние, так и последние времена. Даже насчет первого указа многие поляки говорили: давно следовало монастыри прибрать к рукам.

Эти меры, как выше сказано, были необходимы; и все русские без исключения от души их одобряли. К тому же меры крупные, решительные, из существа дела истекающие, хотя временно и поражают, даже ошеломляют людей, но они их не раздражают.

Натяжки при развитии и исполнении законов, явная наклонность истолковывать их не на основании справедливости и доброй совести, а всегда в одну сторону, излишние стеснения и напрасные оскорбления, – вот что особенно раздражает людей, отнимает у них всякое доверие к правительству, убивает всякую бодрость духа и порождает уныние и отчаяние. К сожалению, именно это часто бывало в последнее время в Польше, и это систематически приводится в исполнение сторонниками первого мнения.

Указы 19 февраля 1864 года так радикальны[1], что должно было только привести их в исполнение во всей их силе; далее идти не было никакой надобности. Между тем управление старалось постепенно расширять смысл указов и истолковывать их большею частию в одну сторону, т.е. в пользу крестьян. Чрез это открывался такой ряд произвольных действий, что ни один помещик не знал, что́ у него останется. Предоставление домов и клочков земли почти всяким рабочим; расширение прав на сервитуты и предоставление их крестьянам, хотя бы эти сервитуты не были внесены в престационные табели 1846 года и хотя бы

это пользование было самое кратковременное и единственно из милости[2]; приведение в исполнение указов одними комиссиями так, а другими иначе, в особенности потому, что главное управление крестьянским делом не давало разрешений на представления комиссий и тем предоставляло им действовать по своему произволу; пристрастное удовлетворение жалоб крестьян и почти верный отказ на просьбы помещиков и пр. – вот действия, которые часто повторялись в последнее время и которые не только раздражали помещиков, но отнимали у них всякую надежду на какое-либо положительное устройство в будущем.

Способ приведения в действие указов о монастырях и светском духовенстве также возбудил много неудовольствий. Ссылка Ржевуцкого в Астрахань, заключение в крепость Щигельского и Домогальского, назначение Зволинского администратором Варшавской епархии, взятие под стражу разных лиц, подозреваемых в противузаконных сношениях с монастырями или духовенством и пр., раздражали без всякой необходимости поляков и оправдывали до некоторой степени слухи о том, что правительство преследует католическую церковь[3] и желает ее уничтожить.

Правительство издало законы насчет устройства разных учебных заведений и ассигновало на этот предмет значительные суммы. Такие распоряжения должны бы встретить общее одобрение и расположить страну в пользу правительства. Но вместе с тем не только главное, но и посредствующее заведывание этими учреждениями передано было исключительно русским, и удалены были все поляки, даже такие, которые искренно были преданы России. Все директоры назначены были из русских или из русских немцев; а потому, кроме того, что сомнительно, справятся ли они с сим делом, чрез это к учебным заведениям вызвано нерасположение поляков, которые, однако, там должны воспитывать своих детей. Вообразите какую страну угодно; если бы в этой стране поступлено было так, как в Польше, то, конечно, отцы и матери не могли бы там иметь никакого доверия к учебным учреждениям, от заведывания которыми исключены их земляки и которые переданы в полное управление людей чуждых им по вере, языку и чувствам. Если бы при такой передаче соблюдена была еще какая-нибудь постепенность и некоторый decorum*, то дело еще могло бы состояться, и поляки нечувствительно очутились бы под русским учебным направлением; но все вышесказанное было сделано вдруг даже с некоторою торжественностию. Вызваны были русские en masse** для занятия мест директоров; назначены им большие жалованья, и сверх того даны им значительные подъемные деньги. Удивительно ли, что, при таких обстоятельствах, учебные заведения не внушают полякам к себе никакого доверия. Можно даже опасаться, что вновь изданные законы и ассигнованные деньги не принесут настоящей пользы; как бы не пришлось насильственными мерами загонять в школы учеников.

Полицейское управление края было долгое время в заведывании четырех властей, кроме пятой – учреждений по крестьянским делам, которые также и

---

* внешний порядок (*лат.*).

** во множестве (*фр.*).

весьма сильно участвовали в производстве некоторых полицейских дел. Эти четыре власти были: военная, военно-полицейская, жандармская и гражданская. Легко себе вообразить, какой был тогда беспорядок. В начале нынешнего года власть военная была устранена; а военно-полицейская подчинена губернаторам и комиссии внутренних и духовных дел. С этою переменою должно было ожидать несколько меньшего безобразия в управлении; но все стеснительные меры были удержаны, и оставшиеся власти продолжали своевольничать по-прежнему. Теперь предполагается соединить все власти в одну военно-гражданскую, т.е. все гражданские дела передать уездным начальникам, которые будут назначаемы из русских военных и подчинены губернаторам и комиссии внутренних и духовных дел. Такая перемена едва ли улучшит ход дел, ибо молодые люди из военных, которые будут уездными начальниками, не знают гражданских дел, весьма сложных в Польше, и, побуждаемые к деятельности губернаторами и комиссиею внутренних и духовных дел, будут непременно разрубать сплеча все встречающиеся затруднения.

Правительству угодно было отменить консумационные сборы в городах[4] и устроить акцизные сборы на тех же основаниях, какие существуют в империи. Первое не может быть принято городами иначе, как с великою благодарностью; последнее довольно удобно, ибо такая перемена уже два года подготовлялась, и значительного нарушения чьих-либо интересов в этом преобразовании не будет. Но с этим нововведением правительство сочло нужным произвести другое – подчинение этого нового устройства Министерству финансов империи, которое не знает местных обстоятельств и должно будет все решать на основании рапортов одного лица, заведывающего варшавским центральным акцизным управлением; следовательно, никто не будет в состоянии быстро, на месте и с надлежащим знанием дела принимать те меры, которые могли бы облегчить введение новой системы, и разрешать те затруднения и недоумения, которые при этом не могут не возникнуть. Особенно должно затруднить и усложнить это дело то, что Министерство финансов признало необходимым всех управляющих и ревизоров назначить из русских. Не говоря уже о том, что хорошие и опытные люди из русских едва ли решатся поступить в Польшу на меньшее жалованье, чем то, какое получают управляющие и ревизоры в империи, – не могу не заметить, что они не знают ни местного языка, ни обстоятельств здешнего края. Сверх того нельзя умолчать и о впечатлении, какое произвело на поляков вообще то, что даже по акцизным сборам, т.е. по такому делу, которое не имеет ничего общего ни с крестьянским устройством, ни с политикою, ни даже с полициею, присылаются люди из России, а они, поляки, вообще устраняются и от посредствующего управления этою частью.

Мысль о замещении русскими чиновниками всех несколько значительных мест по управлению Польши есть мысль, которую нельзя не признать весьма вредною. К сожалению, она с особенною настойчивостью проводится сторонниками первого, нами изложенного мнения. Конечно, главное управление края должно быть в руках русских; по крестьянскому делу могут быть употребляемы одни русские; и желательно, чтобы по всем частям управления были и русские;

но замещение одними русскими мест директоров учебных округов, управляющих и ревизоров по акцизным сборам, уездных начальников и пр. есть такая мера, которая, кроме вреда и притом весьма значительного, ничего произвести не может. Во 1-х, имеем ли мы в империи излишек в хороших чиновниках? Едва ли кто решится ответить иначе, как отрицательно. Теперь в Польше есть отличные русские чиновники, но число их весьма незначительно; они посвятили себя большею частью крестьянскому делу, но с нетерпением ожидают его окончания и пламенно желают возвратиться восвояси, где теперь так много всякого дела. Большинство же русских, находящихся в Польше, состоит из средних и плохих чиновников. Число этих чиновников теперь умножается, тогда как число отличных деятелей постоянно уменьшается. При таком положении дела полезно ли держаться мысли – все несколько значительные места по управлению замещать русскими? Проживши более двух лет в Польше и имев достаточно случаев ознакомиться с тамошними чиновниками, я не могу не сказать, что вообще польские чиновники, по своему развитию, стоят выше русских чиновников и что между ними много способных, весьма исполнительных и честных. Польские чиновники имеют, конечно, свои убеждения, свои цели и некоторые недостатки, развитые в них как прежнею историею Польши, так и нашим там владычеством; но нет достаточных причин, нет возможности подвергать их вообще остракизму[5]. По моему глубокому убеждению, хорошие русские чиновники весьма полезны, необходимы; но плохие и даже средние – положительно вредны, ибо поляки не могут не чувствовать своего над ними превосходства, и такие русские чиновники или делают на каждом шагу промахи и только запутывают дела, или поддаются полякам, которые в этом случае делают чрез них то, чего бы сами никак не решились сделать.

Во 2-х, в Польше чиновников очень много; бедный класс, доставляющий кандидатов в оные, крайне многочислен. Эти люди, кроме службы, не имеют никаких средств к содержанию себя и семейств своих. Если число русских чиновников в Польше значительно усилится, то куда деваться польским чиновникам? К тому же, если одни чернорабочие места будут за ними оставлены, то какая для них будет перспектива на службе? Призыв русских en masse на службу в Польшу грозит польским чиновникам голодною смертью; при таком положении каковы должны быть их чувства и действия? К чему, спрашиваю, учреждать, умножать в Польше учебные заведения, долженствующие развивать способности шляхты, всего более алчущей образования? Соответственнее было закрыть и существующие, и наделив шляхту, из которой выходят все чиновники, клоками земли, перечислить ее в крестьянство. Принятие подобной меры, конечно, нежелательно, оно и невозможно; а потому не согласно с видами мудрой политики становить всю массу польских чиновников в безвыходное положение.

Другая мысль, не менее вредная, преобладающая теперь в системе управления польскими делами, заключается в том, чтобы пересаживать в Польшу все русское без разбора, хорошо ли оно, соответствует ли тамошним потребностям или нет. Так, между прочим, предполагается ввести в Польше русское Положение о праве торговли и промысла. Кто жил в империи, вникал в это устройство,

и особенно кто имел случай видеть действие этого Положения в западных губерниях, тот, конечно, не может не признать всей несоответственности этого узаконения для самой России. Для Польши особенно важна мелочная торговля; там почти *все* торгуют и имеют на продажу *чуть-чуть не всё*; как же там привести в исполнение то разграничение между продажными предметами, которое установлено упомянутым Положением и которое составляет существенную, основную его принадлежность?

Правительство признало необходимым произвести преобразование в действующих в Польше законах гражданских и уголовных, в постановлениях о судоустройстве и судопроизводстве, в уставе торговом и пр. Эта мысль вполне верна, ибо трудно себе вообразить что-нибудь уродливее польской юриспруденции, основанной на законах древних польских, австрийских и прусских, на постановлениях правительства до 1831 года, последующего и, наконец, новейшего времени, т.е. после 19 февраля 1864 года. Такое предположение правительства должно бы встретить полное сочувствие в Польше, и многие польские юристы готовы бы были оказать усердное содействие к исполнению этого великого и общеполезного дела. Но что сделало правительство для осуществления этой благой мысли? Оно учредило, даже с некоторою торжественностью, комиссию, в которую членами назначило молодых воспитанников школы правоведения[6], и не только не посадило туда ни одного поляка, но даже ни одного известного русского юриста. Спрашивается: может ли такая комиссия исполнить свое назначение и внушить полякам к себе какое-либо доверие?

Еще одно весьма вредное мнение руководит ныне управлением в Польше: для удержания края в полном повиновении, для водворения и утверждения в нем новых порядков признается необходимым удержание в силе тех обязательных и карательных мер, которые неизбежны были в начале, т.е. при учреждении военного положения. Вследствие этого до сих пор, т.е. слишком два года после полного усмирения края, нет никакого свободного движения во всем Царстве. Никто не может переехать или перейти пределы ведомства военно-полицейского начальства, не испросивши у него особого на то билета. Никто не может выйти для прогулки в Варшаве, не будучи на то уполномочен особым билетом, выдаваемым от обер-полицеймейстера. После полуночи всякое движение по улицам воспрещено, и исключения из этого правила только в пользу лиц, снабженных особыми билетами. Полиция сохраняет право задерживать кого угодно и не подлежит ответственности за свои промахи. Она имеет право и штрафовать обывателей за малейшее отступление от ее распоряжений: так, штрафуют 3, 5 и до 10 рублей за то, что калитка или вороты не были днем затворены, что на дворе найдена какая-нибудь нечистота и пр.; деньги эти идут на составление капитала, который находится в распоряжении самой полиции. На железных дорогах для получения билета везде требуется паспорт, и сверх того, во многих местах производится общая поверка всех паспортов. Дела по жалобам на потравы, порубки и по найму рабочих изъяты из общего порядка производства и подчинены ведению военно-участковых начальников – русских военных, вовсе незнакомых с польскими постановлениями и обстоятельствами.

До сих пор, т.е. два года после полного усмирения Польши продолжаются следствия касательно действий, бывших во время мятежа, хватают людей, сажают их в крепость, допрашивают и постоянно находят необходимым делать новые аресты и розыски. Известно, что при такой системе нет причины когда-либо закончить следствия. Едва ли согласно с государственною пользою продолжать бесконечно розыски после того, как главные виновники уже открыты и наказаны. Необходимо когда-нибудь заключить это дело, и двухлетнее совершенное спокойствие края дает, кажется, к тому полную возможность.

При таком необеспечении личной безопасности и имущественных прав, при такой неопределенности положения вообще, при таких полицейских стеснениях и при беспрестанном ожидании еще худшего в будущем очевидно, что ни торговля, ни промышленность, ни земледелие развиваться не могут; а потому и не удивительно, что застой во всем крайний, что безденежье достигает пределов едва вообразимых и что край идет быстрыми шагами к полному разорению.

Спрашивается: вышеизложенные меры должны ли вести к окончательному слиянию Польши с Россиею? На радость ли России будет присоединение к ней края, оскорбленного во всех его чувствах, приведенного в крайний беспорядок и разоренного донельзя?

Положение Польши теперь таково, что нельзя там опасаться какого-либо сопротивления. Страна эта, конечно, еще не вполне убита, но силы ее находятся в крайнем упадке. Едва ли выгодно для России держать долее в таком положении край, долженствующий составлять часть ее империи. Расстроить, разорить имение или страну легко – и для этого не нужно много времени; но поправить финансовое положение имения или страны, возбудить в нем или в ней опять деятельность и привести в нормальное положение – это весьма трудно и требует много времени, трудов и расходов. Примеров этому и в частной, и в государственной жизни много. Один из самых известных и самых разительных представляет Ирландия. Убита была там местная самобытная деятельность; английское правительство и английские землевладельцы, несмотря на все усилия и расходы, не в состоянии восстановить благосостояние этой страны. Не мешает к этому присовокупить и то, что убитые, бедные страны не всегда бывают самые спокойные: кроме Ирландии, турецкие и австрийские провинции доказывают, что дух возмущения не иссякает вместе с денежными средствами. Очень опасно, чтобы подобное что-либо не случилось и в Польше. Мы стремимся там уничтожить шляхту – самую образованную и самую зажиточную часть польского населения. Чем же мы ее заменим? Конечно, не русскими землевладельцами и не русскими капиталами, ибо и того, и другого у нас не хватит и на западные губернии. В городах вся сила будет сосредоточена в руках евреев; это еще не беда. Но в деревнях, обитаемых тремя четвертями всего народонаселения, что́ останется? Крестьянство – класс бедный, еще долго неспособный к инициативе, и разоренные дворяне, которые продадут по необходимости свои имения пруссакам. Едва ли такой исход выгоден для России. Мы не можем сосредоточить всю силу в руках крестьян и на них одних опираться; для этого мы должны были бы изменить всем своим преданиям и переиначить весь строй нашего государства;

ибо невозможно в одной части империи действовать в духе самого крайнего демократизма, а в прочих придерживаться иных, более здравых начал. Еще менее мы имеем право основывать наши надежды на немцах-землевладельцах, опирающихся на Пруссию, и в особенности после событий нынешнего года[7].

Имевши теперь довольно случаев узнать поляков и в особенности польскую шляхту и вникнувши в их характер, считаю долгом здесь высказать мое по сему предмету откровенное мнение.

Известный эпитет, данный русским народом поляку, нельзя не признать верным. Хотя поляк умен, ловок и находчив, однако недостаток благоразумия в нем поразителен. Он считает возможным, вероятным, почти несомненным все то, что составляет предмет его желаний, а потому вовлечь поляка в самое безрассудное предприятие есть дело крайне легкое. Поляк вообще неправдив; ложь считается им орудием непостыдным; он употребляет его охотно в отношении не только других, но и самого себя; доходит ли до него слух самый неправдоподобный, заметил ли, вздумал ли он сам что-нибудь, и этот слух, это его замечание или мнение тотчас в его уме принимают плоть; он их разукрашивает и так себя убеждает в их истине, что готов головою за нее отвечать; и потому нигде не распространяется столько ложных известий, как в Польше. Поляк вовсе несамостоятелен; вследствие того он имеет мало уважения к себе и к другим: он вечно хитрит, не брезгает никакими средствами для достижения своей цели и равно способен к самоуничижению и высокомерию. Женщины в Польше имеют все эти недостатки, и в степени еще много высшей, чем мужчины. Как обыкновенно и в добродетелях, и в пороках (а в сих последних, к несчастию, еще более, чем в первых) первенство, верх остается за тем, кто имеет в этих свойствах превосходство, то этим легко объясняется преобладание в Польше женщин над мужчинами. Как вышеупомянутые недостатки встречаются вообще более в женщинах, чем в мужчинах, то *женственность* есть то слово, которое вернее и объемистее определяет характер поляков. Понятно, почему они во времена своей независимости не могли иметь государство самостоятельное и почему интриги внутренние и внешние составляли всю их жизнь государственную и общественную. Понятно, почему католичество с своими обманами, домогательствами и способами действия так пришлось полякам по природе и почему оно так въелось в их кости.

Указанные в поляках недостатки могут быть побеждены только свойствами противуположными. Мужественность русского духа и святость нашей церкви дают нам к тому верные средства. Благоразумие русского народа доказано всею его историею, поведение его во время прекращения крепостного состояния убедило даже его врагов и людей, дотоле мало его ценивших, что это качество по преимуществу ему принадлежит. Состоятельность русского народа еще менее может подлежать сомнению: он отстоял свою народность даже и тогда, когда правительство и высшее общество, увлеченные Европою, неслись в противуположном направлении и почти стыдились своей отчизны. Хотя русский нелегковерен, но он и не недоверчив; для этого он должен бы не верить самому себе, к чему он никаких причин не имеет. Напротив того, в русском есть креп-

кая вера в Бога, в Божий Промысел и в великое его назначение; при этом недоверчивым человеком он быть не может. Церковь наша, сознавая свою святость, свою истинность, никогда для своего возвеличения не прибегала к средствам неправедным и никогда их не разрешала сынам своим; по отношению же к другим вероисповеданиям она держалась полной веротерпимости, будучи убежденною, что только это правило согласно с учением Христовым и что гонения производят всегда действие противное желаемому.

Следовательно, мы имеем все средства, чтобы победить поляков, овладеть Польшею и ее вполне за нами укрепить. Вся задача – употребить эти средства надлежащим образом.

Иные думают, что необходимо принять за правило не верить ни одному поляку, поставить его, лишением всякого богатства и силы, в невозможность когда-либо нам вредить, что необходимо заявлять полякам постоянное недоверие и презрение и только гнетом и строгостию удерживать их в повиновении. Нет! этим способом действия нельзя устроить никакой страны, никакого отдельного состояния в оной, ни даже детской школы или исправительной тюрьмы. Первое условие к успешному действию на кого бы то ни было есть оказание ему доверия и уважения и вызов его на содействие. Ни детской школы, ни уголовного исправительного учреждения нельзя устроить и успешно вести, если считать детей существами неразумными, а преступников неисправимыми бездельниками и постоянно высказывать им недоверие и неуважение. Недостатки польского характера и быта нам известны; наша обязанность как победителей, как власть предержащих противудействовать этим недостаткам; соображать, на основании этого знания, наши способы действия, и вместе с тем, оказанием полякам некоторого, в разумных пределах заключенного, доверия и уважения, возбуждать, вызывать в них свойства иные – лучшие, и стремиться к тому, чтобы из поляков образовать полезных граждан нашего государства. Возможно ли это? Пока на опыте мы не убедимся в этой невозможности, мы не имеем права отвечать отрицательно; и это тем более, что способ действия противуположный, т.е. гнет, притеснения, строгости, бедность еще не припаивали никакой страны к государству-победителю. Только уравнение в правах присоединяемых с присоединителями, только прекращение мер исключительных и водворение порядка нормального, только мудрая кротость и благоразумное доверие совершали такие дела государственные.

Скажут, быть может, что система доверия и кротости уже была в отношении Польши испытана и что именно она-то и произвела там все бедствия 1830 и 1862–64 годов. Действительно, Польша имела прежде всего что-то вроде конституционного правления; действительно, в недавнее время вводима там была автономия с отменою почти всякого русского вмешательства; но обе эти системы основаны были на ложном, невозможном основании – на обособлении Польши от России, а потому они не могли удаться. Теперь цель, которую мы должны достигнуть в Польше, ясна; последние беспорядки очистили нам почву для наших действий; а потому остается только воспользоваться обстоятельствами.

Будущность Польши, по глубокому моему убеждению, находится теперь вполне в руках нашего правительства. Если оно будет действовать разумно, бесстрастно, последовательно, веротерпимо, без легковерия, но и без недоверия к самому себе и к Польше, если оно, руководствуясь истинным русским духом и черпая в нем свою мудрость и силу, будет иметь постоянно и неуклонно целью слить Польшу с Россиею, то ни революции, ни значительные беспорядки в Польше более невозможны, и этот край перестанет быть легкоуязвимою пятою нашего государства.

Теперь или, вернее сказать, с год тому назад, настало, думаю, для России самое благоприятное время для успешных действий к окончательному и полному присоединению Полыни к России.

С одной стороны, русский народный дух пробудился; его потребности, желания и мнения несколько высказались; правительство как во внешней политике, так и во внутреннем управлении приняло направление более чем прежде согласное с интересами и нуждами страны; освобождение крестьян с наделением их землею, дарование земских учреждений, введение гласного судопроизводства, начатки свободного тиснения и другие важные, хотя и менее крупные преобразования, дали положительные основания нашему государственному управлению; теперь Россия и ее правительство все теснее и теснее соединяются друг с другом, и все более и более сознают свои общие силы, свои общие цели и средства к их достижению.

С другой стороны, Польша последними своими отчасти неосторожными, отчасти в высшей степени преступными действиями утратила всякое право на сколько-нибудь самостоятельное существование. Она может ожидать улучшения своей участи только от милости и мудрости русского правительства. Всех виновнее в бывших беспорядках шляхта; но теперь она-то и находится в самом бедственном положении. Обремененная тяжкими старыми и новыми долгами, лишенная большей части своих доходов, обязанная платить почти двойные против прежнего подати и устраненная чуть-чуть не вовсе от заведывания делами страны, шляхта видит пред собою гибель неминуемую*. Подобно утопающему, который в чаянии спасения хватается даже за соломинку, шляхта готова теперь принять с благодарностью всякое устройство, которое даст ей возможность существовать.

---

* Вознаграждение, ныне выдаваемое помещикам ликвидационными листами за земли, отошедшие в собственность крестьян, есть вознаграждение более кажущееся, чем действительное: оно есть, скорее, уравнительная раскладка между помещиками тяжестей по случаю наделения крестьян землею, чем уплата за землю, которая отошла от прежних ее собственников. Это очевидно из нижеследующего: во 1-х, по оценке крайне умеренной, сделанной Земским кредитным обществом и принятой правительством при устройстве земских податей, морг земли[8] в сложности во всем Царстве стоит около 25 руб., по сведениям, обнародываемым от Учредительного комитета, за морг земли в сложности выдается вознаграждения около 13 руб.; во 2-х, эти 13 руб. выдаются ликвидационными листами, которых ценность стоит около 62 к. за рубль; следовательно, упомянутые 13 руб. превращаются почти в 8 руб., чего, конечно, сто́ят сервитуты в пользу крестьян, оставленные на помещичьих землях.

Правительству, кажется мне, необходимо воспользоваться этою минутою и вовсе не стремиться к окончательному разорению польской шляхты, сословия, без которого мы обойтись не можем. Опираться в Польше на одно крестьянство, при пособии русских чиновников, значило бы действовать не в пользу, а во вред России. Такое устройство бюро-охлократическое одной части нашего государства не осталось бы без самых вредных последствий и для остальных его частей; это было бы привитие к России такого недуга, впущение в ее здоровое тело такого яда, который переел бы собственные ее силы и подготовил бы ее падение.

Конечно, немецкий Herrenstand*, французская noblesse**, русское барство, польское панство сокрушены безвозвратно; даже английское лордство, учреждение, разумеется, и более здоровое, чем континентальные его собратья, ежедневно утрачивает часть своей силы; но есть аристократия, которая в благоустроенном государстве должна всегда сохранить силу и значение; это аристократия образования и достатка. Наши земские и городские учреждения уже доказали, что наш народ вовсе не против такой аристократии; напротив того, он предпочтительно облекает властью людей из дворян как сословия более образованного и более достаточного. Было бы слишком неосторожным, скажу более, было бы противным мудрой государственной политике попирать, уничтожать в Польше, части нашего государства, именно то, что должно составить основу его состоятельности, силы и величия.

Не менее кого другого я желаю полного, немедленного и окончательного присоединения Польши к России; но я желаю, чтобы оно совершилось действительно, в существе, а не только в форме, не временно, а навсегда, для блага России и части ее, Польши. Для этого нет надобности теперь расстроивать, разорять, оскорблять и угнетать эту страну. Напротив того, надо скорее вывести ее из неопределенного состояния, в котором она находится, и указать ей то поло-

---

Сверх того, для усиления средств ликвидационной комиссии, т.е. для того, чтобы она могла платить процент по ликвидационным листам, а равно своевременно их погашать, помещики обложены новыми податями: прибавкою 50% к прежде ими платимым офяре[9] и подымной, чтó составляет около 900 т. р. Еще помещики платят в ликвидационный капитал 600 т. р. за пропинацию на крестьянских землях[10], которою прежде они пользовались, которая законом была за ними признана и за утрату которой они не получили никакого вознаграждения. Как процентов на ликвидационные листы предполагается выплачивать около 2 мил. руб. и на погашение около $^1/_2$ м. р., то помещики из этой суммы уплачивают $^3/_4$ взыскиваемых с них вперед и выдаваемых им впоследствии в виде процентов.

Из изложенного здесь очевидно, что вознаграждение, выдаваемое помещикам за отошедшие от них земли, есть, как сказано выше, более кажущееся, чем действительное, и что оно есть только уравнительная раскладка тяжестей между помещиками, по случаю наделения крестьян землею; ибо иначе некоторые помещики, раздавшие всю землю или много земли крестьянам, остались бы совершенно без ничего, а другие, удержавшие всю землю в своем распоряжении, не потерпели бы никаких убытков.

* господствующий класс (*нем.*).

** знать (*фр.*).

жение, которое она должна занять в нашей империи. Для этого нужно было бы немедленно возвестить те перемены, которые должны быть произведены в управлении Польшею, призвать поляков к содействию и прекратить способ управления, основанный на недоверии, тайне и враждебности, которые в последнее время слишком явно выказывались полякам. Неизвестность будущего, неопределенность настоящего, опасения и подозрения, вследствие того необходимо возникающие, для человека и для страны тяжелее, чем действительность, хотя и не блестящая, не соответствующая желаниям, однако положительная, удовлетворяющая главным потребностям человека. Чем Пруссия действительно присоединила к себе рейнские и польские провинции? Благоустройством, развитием земледелия, промышленности и торговли, уравнением всех граждан в правах и отсутствием австрийской системы подозрений и угнетений. Конечно, люди крайние, беспокойные останутся недовольными общим положением края; но их голоса будут вопить в пустыне; а значительное большинство оценит существующее благоденствие и останется в покое. Можно теперь наверное сказать, что и Ганновер, и даже Франкфурт, весьма недовольные присоединением к Пруссии, через весьма немного лет сделаются преданными провинциями прусского государства; и это почему? Потому, что прусское правительство действует бесстрастно, весьма разумно, энергически, но без излишних строгостей и в особенности без ненужных стеснений и оскорблений.

Для достижения в Польше вышеупомянутой цели следовало бы, по моему мнению, немедленно принять, между прочим, следующие главные меры:

1. Преобразование Царства Польского в губернии империи.

2. Упразднение в Польше Государственного совета, Совета управления и Учредительного комитета, а равно должностей наместника и главных директоров.

3. Упразднение статс-секретарства или отделения собственной канцелярии, его заменившего, а равно Комитета по делам Царства Польского.

4. Подчинение всех частей управления разным министерствам империи по принадлежности.

5. Образование в Варшаве временного общего присутствия из главных лиц, имеющих заведывать различными частями управления и назначаемых каждым министром по своей части.

6. Вменение как сему присутствию, так и отдельным управлениям каждого министерства в обязанность руководствоваться, при заведывании делами, постановлениями, существующими в Польском крае, с постоянным стремлением приводить их, по возможности, в согласие с законами, действующими в империи.

7. Назначение нескольких поляков как в упомянутое общее присутствие, так и в Государственный совет империи, где, само собою разумеется, будут рассматриваться и дела, касающиеся польских губерний.

8. Закрытие следственных комиссий по делам о бывших беспорядках в 1862–1864 годах и снятие военного положения.

Для успеха этих мер всего важнее, всего необходимее действовать не враждебно, не недоверчиво и не скрытно, а явно, благодушно и с призывом самих по-

ляков к содействию, с указанием им, что этим они могут приобщиться к правам и выгодам, которыми пользуются прочие граждане империи. Последнее теперь сказать мы можем, ибо Россия имеет земские учреждения, гласное судопроизводство и до некоторой степени свободу книгопечатания. Конституционное правление, которое поляки когда-то имели, никогда не было действительным. Теперь они с радостию примут меньшее, но дарующее им права и выгоды положительные.

Если бы против предложенных мер было сделано возражение, что по дипломатическим соображениям невозможно возвестить о всех преобразованиях, предполагаемых в Польше, то на это отвечать кажется нетрудно: после всех присоединений (annexions), сделанных в последнее время Пруссиею, с лишением многих коронованных лиц даже наследственного их престола и с необращением внимания на желания народонаселения, едва ли кто может что-либо сказать против действий России в Польше. Впрочем, не в этом возвещении или невозвещении предпринимаемых преобразований заключается главное, существенное различие между способом действия ныне принятым и тем, который здесь предлагается. Конечно, весьма желательно, чтобы была бóльшая по возможности откровенность в распоряжениях, чтобы неопределенность нынешнего положения Польши скорее прекратилась и заменена была состоянием положительным, но еще несравненно важнее – систему недоверия и враждебности заменить системою благоразумного доверия и государственного благодушия. Против этого, кажется, не может быть предъявлено никаких возражений и к этому нет, кажется, никаких препятствий.

Дозволю себе присовокупить еще одно: изменение нынешнего способа действия в Польше требуется также хотя посторонним, однако весьма важным соображением. Славяне внимательно следят за нашими действиями в Польше, и наши нынешние там распорядки производят на них самое тяжелое и для нас самое невыгодное впечатление. Те из славян, которые всего дружественнее к нам расположены, ничего не могут сказать в нашу пользу, ибо беспрестанно доходят туда слухи о наших религиозных преследованиях в Польше, о беспрестанных нарушениях там права собственности, о стеснении, почти прекращении всякого свободного движения в этой стране, о крутых способах, принимаемых правительством к обрусению Польского края, и пр. Правда, эти слухи часто преувеличены, иногда и вовсе ложны, но повод к ним действителен; многое из рассказываемого справедливо; а потому и неудивительно, что таким слухам верят и что враги наши ими пользуются во вред нашего влияния в землях славянских. Теперь, при том брожении, которое существует во всех австрийских провинциях, это обстоятельство имеет особенную важность.

Содержание

Приложения к "Запискам Александра Ивановича Кошелева"

ПРИЛОЖЕНИЕ ШЕСТОЕ (к стр. 81)

ПРИЛОЖЕНИЕ СЕДЬМОЕ (к стр. 124)

ДОПОЛНЕНИЯ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

председателя Общества любителей российской словесности А.И. Кошелева в заседании 13-го апреля 1869 года

Милостивые государи!

Не без глубокой, сердечной горести и не без страха сажусь я на кресло, которое с такою пользою для общества и с таким блеском занимал мой покойный друг А.С. Хомяков и которое, еще так недавно, многие из нас настоятельно предлагали другому другу моему, ныне от нас также отшедшему, – князю В.Ф. Одоевскому. Первая горесть несколько утоляется десятилетием, почти истекающим после кончины А.С., и в особенности тем, что действие, произведенное изданием первых двух томов его сочинений[1], ныне до того сильно, что он как будто здесь, посреди нас, и неутомимо, неуклонно действует проповедью великих истин, которые он так живо и глубоко сознавал.

Но последняя наша горесть еще ничем не умеряется. Так недавно князь Одоевский был между нами, так молод и свеж он был душою и умом, так юношески он любил человечество и каждого из своих собратий, что почти не верится, что его уже нет в живых и что этой разнообразной и всегда благожелательной деятельности уже положен конечный предел. Мы еще до того изумлены, поражены этою утратою, что едва ли кто теперь в состоянии обстоятельно рассказать события жизни покойного и оценить его заслуги по разным поприщам, на которых он действовал. Для меня, м⟨илостивые⟩ г⟨осудари⟩, связанного с ним почти полувековою дружбою, которая не нарушалась ни одним, самым кратковременным охлаждением, – такая задача совершенно невозможна. Но при нынешнем, первом после кончины князя Одоевского, заседании Общества чувствую потребность помянуть его несколькими словами: нужно, отрадно говорить об утраченном предмете любви или дружбы – этим покойный как будто воскрешается и вызывается в нашу среду.

Отличительным свойством князя Одоевского было то, что он прежде и более всего был человек, брат всякого человека. Узнавать все до человечества относящееся и могущее быть для него пригодным, действовать на пользу своих собратий и помогать ближнему и советом, и делом, и своими небольшими достатками – было делом всей его жизни. С ранней молодости, в лета зрелые, и до последних дней своей жизни он, в этом отношении, был неизменно верен сам себе.

Хотя он был характера мягкого, легко поддавался убеждениям других и сам часто увлекался, однако никогда и никому не уступал, коль скоро видел в уступке опасность, ущерб для своей или чьей-либо человечности. Он глубоко, благоговейно уважал свободу всякого человека и никогда не позволял себе рыться в чужой совести. В самых искренних беседах он никогда и ни о ком не говорил дурно; напротив того, всегда старался отыскивать лучшие побуждения, которые могли заставлять людей действовать так, а не иначе; и особенное наслаждение он находил в защите обвиняемых. Не раз он говаривал: "Хочу лучше быть сто раз обманутым, чем однажды приписать человеку зло, в котором он неповинен". Когда же он вполне удостоверялся в негодности какого-либо поступка, тогда он приходил в негодование и считал долгом совести всеми силами обличать такое дело; но и тут, клеймя поступок, он никогда не касался до человека вообще. Замечательно, что, обличая, он всегда оставался незлобным; и что, посреди тяжких испытаний, выпадавших на долю ему самому, людям более или менее ему близким и глубоко им любимому отечеству, он никогда не впадал в отчаяние, ибо глубоко верил, что все людям во благо.

Любознательность и деятельность князя Одоевского были до того разнообразны и до того, по всем частям, живы, что трудно решить, на каком поприще он с особенною любовию подвизался. Он страстно и глубоко любил музыку; но вместе с тем он постоянно, усердно и с увлечением занимался науками; он изучал философию, химию, физику, естественные науки, даже математику, но с особенным наслаждением писал по части изящной словесности; он ревностно, с полною добросовестностью, даже с жаром посвящал себя занятиям по государственной службе и в Петербурге и в Москве[2]; и, в то же время, служил Обществу и различным его отделам со всем усердием частного свободного человека.

Огромная библиотека, им собранная, и многочисленные заметки, карандашом на книгах им сделанные, свидетельствуют о том, что не было знания, к которому бы он оставался равнодушным. Статьи, им написанные, как появившиеся в печати, так и те, которые им были задержаны в письменном столе, показывают, что ни одна отрасль человеческой деятельности не была ему чужда и что ни к одной из них он не относился не только с презрением, но даже с равнодушием. Люди, мало знавшие покойника, едва поверят, что этот музыкант, беллетрист, человек, охотно посещавший частные и публичные собрания, вел постоянно, аккуратно, своею собственною рукою, журнал всем делам, в решении которых в Сенате он принимал участие; до двадцати толстых книг такого журнала доказывают, как добросовестно покойный исправлял свои служебные обязанности.

Не менее замечательно и то, что князь Одоевский, проживши в Петербурге около сорока лет, написавши в это время много разных проектов и еще несравненно более официальных бумаг, и почти постоянно участвовавши, или без имени или под псевдонимом, в разных петербургских периодических изданиях[3], – он, несмотря на то, сохранил в своем слоге полную чистоту русского языка. Галлицизмы, обороты, не свойственные русской речи, неточные выражения его в высшей степени оскорбляли, и, читая книги, даже газеты, он подчеркивал такие места, а иногда даже на поле их исправлял.

Дела земские, городские, всякие общественные так живо занимали князя Одоевского, что он с особенным удовольствием читал журналы этих учреждений. В Петербурге он был гласным Общей думы, и гласным весьма много трудившимся. Здесь, по его просьбе, городской голова присылал ему доклады разных комиссий Общей думы; он читал их и даже делал разные заметки, которые охотно сообщал здешним гласным. У меня он всегда брал журналы земских собраний Рязанского губернского и Сапожковского уездного и никогда не возвращал их без своих заметок.

Скажу еще более: что могло быть для него, и по постоянному его пребыванию в столицах, и по занятиям его музыкальным, литературным и служебным, менее занимательным, чем сельское хозяйство? А между тем, и им он живо интересовался, усердно об нем расспрашивал, даже предлагал делать разные опыты, и сам некоторые из них производил в горшках и на дачах, где он проводил лето.

Благотворительность для князя Одоевского была не долгом, который он на себя налагал, не средством к получению награды в будущем мире; нет! она была для него потребностию – наслаждением жизни. В Петербурге ему преимущественно обязаны своим началом общество посещения бедных, детские приюты, Максимилиановская лечебница и много других благотворительных заведений и действий. А как любил он лично, тайно благотворить!

Чистота души его была изумительная: проживши весь свой век в самых частых сношениях с людьми, на службе, посреди интриг всякого рода и звания, он всегда оставался им совершенно чуждым. Даже на почве самой скользкой – при дворе – он оставался тем же человеком, каким он был у себя дома, в кругу своих друзей.

Одним словом, все человеческое, как общественное, так и частное, как теоретическое, так и практическое, имело в нем сторонника, сотрудника, защитника и поощрителя. Он мог, с полною правдою, сказать: “Все человеческое мне близко и дорого, и ничего человеческого я не считаю для себя чужим”.

Переезд князя Одоевского из Петербурга в Москву составляет в его жизни одно из тех событий, которое всего вернее и лучше его характеризует. Он прожил в Петербурге без малого сорок лет; привык к тамошней жизни; пользовался и на службе и в обществе самым приятным положением; ему предстояло получить место служения более самостоятельное; он удостоен был самым милостивым и лестным расположением к себе августейших особ; и несмотря на то, он никогда не покидал мысли перебраться в Москву и тут провести остаток дней своих. Часто об этом своем желании он говаривал, и когда встречал в друзьях и приятелях сомнение насчет устойчивости его в таком намерении, тогда он смолкал, но видно было, что про себя думал: а на деле будет так. Получив звание сенатора, тотчас он стал хлопотать о переводе своем в Москву[4]. Петербургские друзья князя Одоевского всячески старались его от того отклонить; но он, вообще мягкий и сговорчивый, остался непоколебимым в этом своем намерении и переехал в Москву, с твердым решением не покидать более любимого им города. Москва, после почти сорокалетнего его отсутствия, пришла ему совершенно по сердцу; он чувствовал

здесь себя дома и постоянно радовался, что ему удалось привести в исполнение свое горячее, всегдашнее желание.

Другому не менее горячему, не менее существенному его желанию не суждено было осуществиться. Князь Одоевский ожидал закрытия московских департаментов Сената, желая тогда вполне предаться изучению и восстановлению нашей древней церковной и русской народной музыки и очищению ее от всякой иноземной и несвойственной ей примеси. Не раз в прежние времена он добродушно посмеивался над своими друзьями – сотрудниками "Русской беседы" – и сильно восставал против внесения стихии народности в науку, политику и музыку. Но изучение древней церковной и народной музыки произвело в нем коренной переворот; и в последние годы с особенным удовольствием он говаривал: "Посмотрите, как я вам послужу – музыкою я обращу к вам более душ, чем вы можете того достигнуть всеми вашими рассуждениями". В последнее время древняя церковная музыка была самым любимым предметом его занятий, и он жаждал той минуты, когда настанет для него возможность вполне ему отдаться. Тут он находил пищу и для своей любознательности, и для своей любви к музыке, и для своего религиозного чувства. Замечательно, что последняя его беседа в сем мире была посвящена этому любимому предмету: накануне своей кончины, на смертном одре, он более часа говорил с отцом Разумовским о древнем церковном пении.

В заключение моего слова считаю долгом довести, милостивые государи, до вашего сведения, что Общество любителей российской словесности, желая сохранить сколь возможно более подробностей о жизни и трудах А.С. Хомякова и князя В.Ф. Одоевского и чрез то получить возможность составить обстоятельные их биографии, положило в заседании 2-го текущего апреля обратиться ко всем знавшим их лицам с просьбою о сообщении Обществу сведений об этих двух замечательных его членах.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.С. ХОМЯКОВЕ

Первое мое знакомство с А.С. Хомяковым было в 1823 году, в Москве, в доме Веневитиновых. Короче друг с другом мы сошлись в Петербурге, в марте 1827 года, во время предсмертной болезни Дмитрия Веневитинова. Брат Хомякова Федор ухаживал за больным как нежнейшая мать или сестра, а нас (своего брата Алексея и меня) он почти не впускал к больному, находя, что мы очень неловки и только его тревожили своим уходом. Во время этих нескольких суток, проведенных нами вместе, в третьей комнате от больного, среди тревог и страхов, мы много толковали и спорили о философии вообще, и о Шеллинге в особенности, о христианстве и о других жизненных вопросах, и вследствие того очень сблизились. Затем, во время моего пребывания в Петербурге с 1827 по 1831-й год, А.С. Хомяков часто живал там, и тогда почти ежедневно мы виделись или у князя Одоевского, или у К.А. Карамзиной, или друг у друга. Хомяков всегда был строгим и глубоковерующим православным христианином, а я – заклятым шеллингистом, и у нас были споры бесконечные. Никогда не забуду одного спора, окончившегося самым комическим образом. Проводили мы вечер у князя Одоевского, спорили втроем о конечности и бесконечности мира, и незаметно беседа наша продлилась до трех часов ночи. Тогда хозяин дома нам напомнил, что уже поздно и что лучше продолжить спор у него же на следующий день. Мы встали, начали сходить с лестницы, продолжая спор; сели на дрожки и все-таки его не прерывали; я завез Хомякова на его квартиру; он слез, я оставался на дрожках, а спор шел своим чередом. Вдруг какая-то немка, жившая над воротами, у которых мы стали, открывает форточку в своем окне и довольно громко говорит: Mein Gott und Herr, was ist denn das?*. Мы расхохотались, и тем окончился наш спор.

В Петербурге у князя Одоевского, мы часто встречали профессора Велланского[1], графа М.Ю. Виельгорского и других умных и ученых людей. В наших беседах принимал живое участие приехавший из Москвы наш приятель В.П. Титов. Вечера и обеды у князя Одоевского все более и более скрепляли нашу дружбу и сильно содействовали к нашему умственному и нравственному развитию. У К.А. Карамзиной мы видали часто Блудова, Жуковского, П.А. Муханова и других; а из женщин особенно нас очаровывала и красотою, и умом девица Россети, вышедшая впоследствии замуж за Н.М. Смирнова. Хомякову она внушила стихи "Иностранке"[2]; но когда она их узнала от П.А. Муханова, то осталась ими очень недовольною и некоторое время относилась к Хомякову весьма холодно. В карамзинской гостиной предметом разговоров были не философ-

---

* Боже мой, Господи, что же это такое? (*нем.*).

ские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и росказни. Литературы, русская и иностранная, важные события у нас и в Европе, особенно действия тогдашних великих государственных людей Англии Каннинга и Гускиссона составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы, что в тогдашней петербургской душной атмосфере было для нас особенно полезно. Хозяйка дома умела всегда направлять разговоры на предметы интересные.

Так прожили мы до июня 1831 года, когда я, больной, отправился за границу. Свиделся я опять с Хомяковым в Москве в начале 1833 года. С этого времени мы зимою постоянно живали в Москве, очень часто видались и у него, и у меня, и особенно у И.В. Киреевского. Последний жил у Красных ворот с своею матерью А.П. Елагиною, которую мы все горячо любили и глубоко уважали. Тут бывали нескончаемые разговоры и споры, начинавшиеся вечером и кончавшиеся в 3, 4, даже в 5 и 6-м часу ночи или утра. Тут вырабатывалось и развивалось то направление православно-русское, которого душою и главным двигателем был Хомяков.

Многие из нас вначале были ярыми западниками, и Хомяков почти один отстаивал необходимость для каждого народа самобытного развития, значение веры в человеческом душевном и нравственном быту и превосходство нашей церкви над учениями католичества и протестантства. Впоследствии большинство из нас перешло, по искреннему убеждению, к этому направлению; но некоторые из наших приятелей и собеседников остались при своих с Запада полученных мнениях и воззрениях и прозвали нас славянофилами, хотя расположение и любовь к славянам никогда не составляли самого существенного основания наших убеждений.

В наших беседах читались разные статьи, которые, за строгостью и бессмысленностью цензуры, не могли быть переданы печати. Хотя вера и философия были преимущественными предметами этих бесед, однако часто возбуждались и политические вопросы, и в особенности вопрос о прекращении крепостной зависимости крестьян и дворовых людей. Насчет способов и времени совершения этой реформы были между нами разногласия: Киреевские, как Иван, так и Петр, опасались радикальных и спешных по сему предмету мер, а Хомяков и я, мы крепко отстаивали полное освобождение крестьян посредством одновременного выкупа по всей России. Но все мы были согласны в том, что крестьяне должны быть наделены землею и что птичья свобода для крестьян была бы не добром, а величайшим бедствием, не шагом вперед, а страшным шагом назад. Быт народа русского и его воззрения, как вероисповедные, так и общественные, были самою любимою темою наших разговоров. На вечерах у Елагиной, Киреевских, Свербеевых и у нас бывали Чаадаев, Герцен, Грановский и другие сторонники противных мнений. Явились туда также молодые люди К. Аксаков, Ю. Самарин, Попов, Валуев[3], В. Елагин и другие, которые не замедлили вполне присоединиться к православно-русскому направлению и подчиниться благому влиянию Хомякова. Эти вечера много принесли пользы как лицам, в них участвовавшим, развивая и уясняя их убеждения, так и самому делу, т.е. выработке

тех двух направлений, так называемых славянофильского и западного, которые ярко выказались в нашей литературе сороковых и пятидесятых годов.

Так протекли многие годы, и только война с Турциею[4] в союзе почти со всею Европою своими тяжкими ударами несколько изменила характер этих бесед. Уже не церковь с своими догматами и учреждениями, не философия немецкая, не община с своими обычаями и установлениями занимали нас преимущественно. Грозные события 1854 и 1855 годов приковали к себе все наше внимание. Мы все чувствовали, что бедствия, которые испытывала Россия, ею вполне заслужены, и по этому поводу Хомяков с особенным жаром и увлечением говорил о том, что безнаказанно нельзя ни стеснять и подавлять дух человеческий, ни допускать его стеснение и подавление. Вскоре начавшееся новое царствование[5] подало нам надежды на лучшее будущее. Утомленные гнетом только окончившегося тридцатилетнего царствования, мы радостно собрались у меня вечером в самый день присяги государю, весело выпили за его здоровье и от души пожелали, чтобы в его царствование совершилось великое дело освобождения крестьян и русский человек мог ожить умом и духом.

Вскоре после того мы задумали издавать журнал, но препятствий к тому оказалось много. В сотрудниках, и весьма даровитых, у нас не было недостатка; но многие из них, Хомяков, И. Киреевский, К. Аксаков и некоторые другие, были под цензурною опалою, т.е. все их статьи должны были цензуроваться не в Москве, а исключительно в Петербурге. Такое распоряжение было сделано вследствие статей, ими представленных к напечатанию во 2-й книге "Московского сборника"[6]. Я был несколько раз у попечителя университета В.И. Назимова, ездил в Петербург к А.С. Норову, тогдашнему министру народного просвещения (в то время цензура еще не была передана в Министерство внутренних дел); отправлялся туда и Хомяков. Наконец, после долгих хлопот и разного рода разъяснений, особенно при горячем содействии В.И. Назимова, я получил разрешение издавать журнал под именем "Русская беседа". С особенным жаром посвятил себя этому изданию А.С. Хомяков и верно исполнил данное им мне слово: не отказываться ни от какой работы, которую я как издатель и редактор на него наложу. В "Беседе" он напечатал много стихотворений и статей: последние появлялись то с подписью его имени, то от имени "Беседы". Они все вошли в 1-й том полного собрания его сочинений, напечатанного в Москве[7]. К удовлетворительному ходу "Русской беседы" особенно много содействовал Хомяков не только помещением в ней своих сочинений, но и тем, что он умиротворял возникавшие в среде ее сотрудников разногласия. Всех требовательнее и настойчивее был К. Аксаков, и тут мне не раз случалось обращаться к Хомякову для укрощения порывов его исключительности. Впрочем, дело шло у нас ладно, и в течение пяти лет не было напечатано в "Русской беседе" ни одной статьи, которая бы возбудила неудовольствие кого-либо из сотрудников.

Не могу не упомянуть об одном случае, бывшем при издании "Беседы" и окончившемся особенно счастливо по милости Хомякова. Напечатана была в 1858 году статья "Возрождение болгар", где греко-фанариоты[8] выставлены были в настоящем их виде и где обстоятельно описывалось угнетение болгар царе-

градским патриархатом. Эта статья, пропущенная цензурою, вызвала замечания тогдашнего обер-прокурора Св. синода графа Александра Петровича Толстого, и в цензурном комитете получена была бумага, которою требовалось от редакции "Русской беседы" разъяснения и делались ей разные внушения. Я тотчас же отправил эту бумагу в копии по эстафете в деревню к Хомякову[9], который через два дня доставил мне великолепный ответ на все предъявленные мне замечания и внушения. Я велел этот ответ переписать, подписал и отправил его в цензурный комитет. Ответ был таков, что уже более мы не получали никаких замечаний и внушений, хотя и продолжали писать и печатать статьи в том же смысле. Прилагаю ниже этот ответ.

Опубликование высочайшего рескрипта на имя виленского генерал-губернатора[10] несказанно обрадовало Хомякова, и он всею душою предался разъяснению в беседах вопроса об освобождении крестьян. Он следил с самым живым участием за ходом этого дела, как в губернских комитетах, так и в Редакционных комиссиях, учрежденных в Петербурге. Он вообще не одобрял действий ни тех, ни других, находя, что первые руководствовались узкими сословными интересами, а вторые не обращали надлежащего внимания на требования в этом деле народного духа и быта. Он особенно не одобрял предположений, касавшихся переходного девятилетнего положения для крестьян, устройства волостного суда и управления и тех статей, которые, по его мнению, подкапывали русскую общину. Это свое неодобрение переходного состояния и свои мысли насчет выкупа он ясно и резко высказал в письме к Я.И. Ростовцеву. В этом письме, коего черновой подлинник сохранился в бумагах покойного, он пространно и обстоятельно доказывал несостоятельность девятилетнего переходного положения и необходимость одновременного обязательного выкупа*. Сам он не дожил до окончательного решения этого дела. Он скончался от холеры 23 сентября 1860 года в своей деревне, в с. Ивановском Донковского уезда Рязанской губернии.

Имев счастие много лет пользоваться дружбою А.С. Хомякова и быть с ним в самых коротких отношениях, я могу сказать, что в моей жизни мне не случилось встретить человека более постоянного в своих убеждениях и в сношениях с людьми. Я знал Хомякова 37 лет, и основные его убеждения 1823 года остались те же и в 1860 году. Вместе с тем никак нельзя было упрекать его в косности. Напротив, он постоянно шел вперед в развитии своих мыслей, тщательно всматривался в события и сопровождавшие их обстоятельства, угадывал очень удачно их внутренний смысл и соображал свои мнения с их требованиями. Многие упрекали его в любви к софизмам и спорам и уверяли, что он противуречил часто сам себе, защищая сего дня то, что он опровергал накануне. Такой упрек показывает лишь одно, что люди, позволявшие его себе, не вникали в глубокий смысл его слов. Действительно, он иногда как будто противуречил себе: так, в

* Письмо к Ростовцову о способе увольнения помещичьих крестьян от крепостной зависимости ныне вошло во второе издание первого тома Сочинений А.С. Хомякова (М., 1879, стр. 639). Письмо это до такой степени замечательно, что Я.И. Ростовцов, как мы слышали от лиц к нему близких, выражал намерение пригласить Хомякова к участию в трудах Редакционных комиссий; но приглашение это почему-то не состоялось. *П.Б.*[11]

беседе с иными людьми он словно отделялся от православной церкви, нападая на некоторые ее обряды, на ее служителей и на подчиненное ее положение гражданской власти, и дозволяя себе все это даже осмеивать; в беседе же с другими лицами он крепко отстаивал необходимость соблюдения церковных обрядов и строго порицал тех, которые, самовольно или из пренебрежения, или из личной гордости, позволяли себе становиться выше церкви и не исполнять ее установлений. В таких его речах было только видимое, а вовсе не действительное противоречие. Для Хомякова дороже всего была жизнь, правда, как в церкви, так и в человеке. Когда он видел перед собою людей, для которых обрядность составляла суть церкви, то считал долгом разить эту обрядность; когда же, напротив того, он встречал людей, которые, соглашаясь с главными догматами церкви, с ее идеальною стороною, считали обряды принадлежностью толпы, а не развитой части исповедников, то он защищал обряды, будучи глубоко убежден в том, что мы, как люди, должны иметь и определенные, осязательные формы для выражения наших чувств и убеждений, что мы обязаны дорожить связью с народом, отнюдь себя из него не исключать и быть с ним в возможно полном единстве. Он был душою предан свободе, всегда имел ее в виду и крепко за нее ратовал, и вместе с тем он отстаивал самодержавие. Многим казались такие его речи софизмами; а между тем, тут, в его понятиях, не было ничего противуречащего. Хомяков пуще всего ненавидел ложь, а именно такою представлялась ему всякая западноевропейская конституция, переложенная на нашу почву. Он глубоко был убежден, что система противувесов (système des contre-poids), господствующая на Западе, была произведением ложного, внешними обстоятельствами обусловленного развития тамошнего просвещения и тамошней жизни, что она совершенно неприменима к России, что у нас должна быть иная, более полная, более человечная свобода и иная более сильная, более действительная власть; и что мы сумеем согласовать самодержавие с широкою гласностью и со всенародным представительством. Он мог ошибаться, но никогда и ни в каком случае он не позволял себе говорить против своих убеждений, а убеждения его были так тверды и постоянны, как едва ли в ком-либо из русских. Случалось мне его упрекать в том, что он излагал свои мнения в виде софизмов, и я получал от него в ответ: “Наше общество так апатично, так сонливо, и понятия его покоятся под такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотом пробивать кору их умственного бездействия и безмыслия”.

Во все продолжение нашей дружбы, т.е. слишком тридцати лет, ни разу Хомяков на меня не сердился, и никогда, ни на один день, не было между нами холодности. Случалось мне на него сердиться и даже его бранить, но своею детскою кротостью он тотчас меня обезоруживал, и никогда мы с ним не расходились с дурным чувством друг против друга. Как он способен был сильно любить, так и сильно ненавидеть; но он ненавидел не людей, даже не представителей каких-либо мнений, а развратников и существа бездушные, употреблявшие насилие к достижению своих целей. Пуще всего он ненавидел насилие, в каком бы виде оно ни являлось. Благотворения путем насилия возбуждали особенное его негодование, и он беспощадно разил либералов, которые желали быть благоде-

телями народа вопреки его желаниям. Он был не скор на осуждения, старался переноситься в положение тех, кого в чем-либо обвиняли, и позволял себе порицание даже жесткое, но не иначе как по обсуждении всех обстоятельств дела и по оценке тех побуждений, которыми обвиняемый мог руководствоваться. Вообще же он был чрезвычайно благодушен к людям, и только в крайнем случае он позволял себе показывать к человеку неуважение. Особенно кроток он был к людям глупым и уверял, что он еще в жизни не встречал ни одного дурака и что в глупейшем человеке есть сторона, в которой он умен.

Простота его обхождения была очаровательна. Он себя ценил очень невысоко, даже чересчур невысоко, никогда и никому не давал почувствовать свое над ним превосходство и ко всем относился как к существам вполне ему равным.

Хомяков интересовался всем, имел обширные сведения по всем частям человеческого знания, и не было предмета, который был бы ему чужд или в котором бы он не принимал участия. Помню, однажды отправились мы на вечер к Свербеевым, куда нас пригласили для беседы с одним русским, возвратившимся с Алеутских островов. Шутя я говорю ему: "Ну, друг Хомяков, придется тебе нынче послушать и помолчать". В начале вечера действительно Хомяков долго слушал этого заезжего русского, расспрашивал его подробно насчет Алеутских островов, но под конец высказал ему по этому предмету такие сведения и соображения, что путешественнику почти приходилось обратить оглобли и ехать откуда приехал, для окончательного ознакомления с местами, где он пробыл уже несколько лет.

Память и способность скорочтения были в Хомякове изумительные. Помню однажды, в споре богословском с И. Киреевским, он сослался на одно место в творениях одного св. отца, которые он читал лет пятнадцать тому назад в библиотеке Троицкой лавры и которые только там и имелись. Киреевский усомнился в верности цитаты и сказал Хомякову в шутку: "Ты любишь ссылаться на такие книги, по которым тебя нельзя поверить". Хомяков указал почти страницу, 11 или 13, и место на этой странице (в середине), где находится сделанный им цитат. По учиненной справке, ссылка его оказалась совершенно верною. (Это было редкое издание творений св. Кирилла Иерусалимского.) – Однажды он увидел у меня на столе три–четыре книги, только что купленные, и взял их у меня на одну ночь. На следующее утро книги были мне возвращены; и когда после, месяц спустя, я их прочел и вздумал экзаменовать моего скорочтеца, то убедился, что он в одну ночь внимательнее их прочел, чем я в течение целого месяца.

Хомяков сочинял свои статьи нескоро: он долго их обдумывал и обрабатывал в голове; но когда он начинал их писать, то они выливались у него на бумагу быстро, и он мало их исправлял. Стихотворения свои он почти никогда сам не передавал бумаге; по большей части их записывали те, кому он их сообщал. Когда случалось упрекать Хомякова в том, что он слишком мало пишет и слишком много говорит, то он отвечал: "Изустное слово плодотворнее писанного; оно живит слушающего и еще более говорящего; чувствую, что в разговоре с людьми я и умнее, и сильнее, чем за столом и с пером в руках. Слова произнесенные и слышанные коренистее слов писанных и читанных".

Обряды церковные, и в особенности посты, он соблюдал строго, никогда при том не осуждая тех, которые, в этом отношении, действовали иначе. Даже в Париже, где в первый раз он был в ранней молодости, он сумел во весь великий пост ни разу не оскоромиться. Он говорил, что содержит посты потому, что церковь их установила, что не считает себя вправе становиться выше ее и что дорожит этою связью с народом. В церковь он ходил очень прилежно, и хотя имел привычку вставать по утрам поздно, часу в 12-м, однако по праздникам не пропускал обедни и часто ходил даже к заутрени. Молился он много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывать. Никто и никогда не мог упрекнуть его в святошестве. Для Хомякова вера Христова была не доктриною и не каким-либо установлением; для него она была жизнью, всецело обхватывавшею все его существо. Когда он говорил о Христе и его учении, о различных вероисповеданиях и церквах, и о судьбе христианства в прошедшем, настоящем и будущем, – тогда в словах его была какая-то сила необычайная, возбуждавшая в слушателях понятие о деятельности апостольской. И жизнь его подкрепляла силу его слов.

В заключение не могу не упомянуть о редкой способности Хомякова привлекать к себе и привязывать и стариков, и сверстников своих, и молодежь. Он становился средоточием везде, где находился, и в Москве, и в каждой гостиной, куда он приезжал. Этим он был обязан, конечно, своему обширному, глубокому и своеобразному уму и своей всегда живой и завлекательной речи, но еще более кротости и безобидности своей беседы. Молодежь, особенно *свирепая*, как он ее называл, расположенная к тому, что впоследствии названо было нигилизмом, была предметом его особенной заботливости. Он любил беседовать с этими юношами, которые были к нему чрезвычайно хорошо расположены, и он на них действовал благодетельнее всяких проповедей и других внушений.

Да! Жизнь этого человека была постоянным подвигом на благо ближнего, подвигом, который достойно оценится разве потомством.

28 февраля 1873. *А. Кошелев.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Министерство народного просвещения, Московский цензурный комитет в Москве. 5 июля 1858 года. № 3.

В редакцию журнала “Русская беседа”

Г. обер-прокурор Святейшего синода сообщил г. министру народного просвещения о глубоко горестном впечатлении, произведенном на святейшего патриарха Константинопольского и тамошний Синод статьею, допущенною Московскою цензурою в духе самом враждебном против греческой церкви, какой никогда еще в России не появлялось и помещенною в “Русской беседе” (кн. 2).

Нельзя и представить себе, пишет граф Толстой*, чтобы православный христианин мог решиться писать в сем духе, но должно скорее предположить, что статья эта есть плод внушений заграничной пропаганды. С первого разу можно уже видеть в ней явное оскорбление главной иерархии восточной православной церкви и что она не столько ведет к возбуждению сочувствия нуждам болгар (которое можно возбуждать и не оскорбляя иерархии), сколько к тому, чтобы поселить в русском народе ненависть к единоверному греческому народу и к константинопольской церкви, от которой отечество наше получило свет веры Христовой. Вследствие сего, г. министр народного просвещения предлагает Московскому цензурному комитету истребовать от редактора журнала "Русская беседа", по поводу вышеозначенной статьи, надлежащее объяснение, и Комитет имеет честь сообщить о сем в редакцию журнала, покорнейше прося доставить в оный требуемое г. министром объяснение.

Член Комитета *Н. фон Крузе.*

II. В Московский цензурный комитет

От издателя "Русской беседы"

Отношение г. обер-прокурора Святейшего синода к г. министру народного просвещения, изъясненное в предложении его высокопревосходительства Московскому цензурному комитету об истребовании от меня объяснения по поводу помещения в "Русской беседе" статьи г. Даскалова под заглавием "Возрождение болгар", меня глубоко огорчило и налагает обязанность представить подробно причины, побудившие меня к напечатанию упомянутой статьи.

С самого основания своего "Русская беседа" поставила себе прямою и первою обязанностию, по мере сил, трудиться не только в пользу просвещения вообще, но по преимуществу в смысле просвещения истинного, истекающего из начал верховной правды Богом откровенной, т.е. веры православной. С другой стороны, "Русская беседа" считает своим долгом содействовать постоянно пользе отечества и всех народов единокровных, а особенно единоверных России. Этим двум стремлениям она была и будет всегда верною.

Между тем на Востоке возникло и ежедневно усиливается самое печальное и пагубное явление – раздор между православными славянами и их духовными пастырями: греческим духовенством Константинопольской патриаршей епархии. Этот раздор, сам по себе уже весьма печальный, грозит разрывом между паствою и пастырями и отторжением всего племени болгарского и значительной части сербского, т.е. слишком семи миллионов людей от православия, следовательно, грозит величайшим бедствием для церкви и не только духовною, но и общественною гибелью двух народов, нам единокровных и единоверных. Ни один русский, ни один православный не должен и не может оставаться равно-

* Просим читателя припомнить, что в то время, двадцать слишком лет назад, прискорбные отношения между греческим черным духовенством и его паствою славянского происхождения были еще новостью для России. Позднее сам гр⟨аф⟩ Александр Петр⟨ович⟩ Толстой узнал о настоящем положении дел на Востоке. *П.Б.*

душным при таком важном вопросе, не обличая в себе в то же время полного равнодушия к отечеству земному и к отечеству небесному.

Раздор и грозящий разрыв истекают очевидно не из иноверной пропаганды (хотя она, бесспорно, старается его усилить и им воспользоваться) и не из склонности к иноверию в болгарах и сербах, некогда много содействовавших Греции в деле духовного просвещения России и всегда остававшихся твердыми в православии, несмотря на все искушения власти мусульманской или латынствующей (в Австрии) и несмотря на все страдания мученической истории в продолжение четырех веков. Бедственное явление, нам современное, истекает единственно из разноплеменности народа – славянского и высшего духовенства греко-фанариотского, которого своекорыстие служит орудием, отчасти бессознательным, власти турок и происков иноземных держав. Угнетение приходского духовенства и самих православных обителей славянских служит тому лучшим и неоспоримым доказательством.

При таких обстоятельствах была очевидная необходимость познакомить с ними людей благомыслящих и истинно просвещенных в России. Странно и стыдно бы было нам оставаться в неизвестности по вопросу, который должен быть так близок сердцу всякого православного и русского тогда, когда он сделался уже предметом изучения и разговора во всей Европе. Понятно, что журналы, издаваемые духовным ведомством, не могли говорить об нем; их слова в таком деле носили бы уже на себе характер суда одной епархиальной иерархии над иерархиею другой епархии. Таких препон не было для журнала светского. "Русская беседа" сочла своею обязанностью обратить внимание читателей на вопрос о духовной будущности и о современных страданиях Болгарии.

Официальных данных не было и быть не могло, ибо все они в руках турецкой власти и греко-фанариотского начальства; иностранные свидетельства крайне ненадежны и неполны. Оставалось только одно: обратиться к показаниям самого народа, отстраняя, елико возможно, то раздражение, которое по необходимости истекает из долгих страданий и постоянной неправды. "Русская беседа" просила сведений у молодых уроженцев Болгарии, воспитывающихся в России, т.е. у таких людей, которые самим выбором места, в котором они желали получить образование, доказывают свою верность духовным и народным началам своей родины и предпочитают видимую скудость средств научных в земле единоверной и единокровной богатству научному на Западе, к которому уже устремились многие из их соотечественников. Из молодых болгар статью доставил г. Даскалов, человек не только даровитый, но искренне преданный своему народу, и в то же время вполне убежденный, что все надежды Болгарии на лучшую будущность связаны неразрывно с ее неизменною твердостию в вере православной.

Статья не могла и не должна была быть холодною: стыдно было бы болгарину говорить без глубокого и горячего негодования о постоянном угнетении своих единоплеменников, о постоянном и хитром насилии греко-фанариотов над славянскими народностями, о постоянном их стремлении искоренить всякую умственную жизнь, местную, непокорную или, лучше сказать, не рабствующую перед своекорыстием

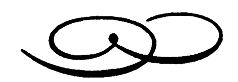
греческого Фанара. Но, с другой стороны, ни одно слово в целой статье не обращено не только против веры православной, но даже и против законов церковной иерархии. Еще более: обличая поступки фанариотов, автор ограничивается только теми, которые прямо враждебны духовной жизни болгарского народа или разорительны для его вещественного благосостояния, и не касается многих и слишком плачевных явлений в цареградской иерархии, которые известны, к несчастию, всем видевшим ее вблизи, но не прямо падают на страдальческие головы задунайских славян. В этом уже видно самое ясное доказательство, что пером его водила не вражда, не неверие, не почтение к закону иерархическому, но единственно тяжелая необходимость исполнить священный долг заступничества за истомленных братий.

Таково направление статьи, и в таком смысле была она принята "Русскою беседою". Бесспорно, в ней могут заключаться некоторые показания неверные, ибо официальные данные недоступны, и "Русская беседа" всегда с радостию примет сведения, исправляющие такие невольные ошибки. Многое основано на устном предании, на рассказах народных, даже на свидетельстве народной песни; но это-то самое и важно. Для людей благонамеренных, для христиан искренних и искренне стремящихся к извлечению глубокой раны церковной и к примирению болгарской паствы с ее начальством нужно знать не только, что было действительно, но и то, как оно казалось глазам народа и действовало на его душу. Без этого знания невозможно никакое полезное действие, особенно там, где, с одной стороны, является бедный, страдающий и почти безграмотный народ, а с другой – спорящее с ним и угнетающее его начальство просвещенное, богатое и издавна искусившееся во всех хитростях многосложного закона политического и деятельности придворной.

Не в духе вражды или неверия, а в духе глубокой скорби и душевной болезни была писана и напечатана статья г. Даскалова. Она должна была познакомить русских с вопросом близким сердцу каждого из нас; она должна быть полезною славянам, которым покажет, что мы неравнодушны к их бедствиям; она может быть, наконец, полезна самим фанариотам как предостережение, как доказательство, что сочувствие России будет не с ними, а с бедным народом, гонимым их слепым своекорыстием из недр истинной церкви в лоно обманчивых, но гостеприимных ересей.

Иезуитская Австрия запретила не только перепечатывать, но даже и пропускать в изданиях заграничных жалобы славян на греческое духовенство: она желает заглушением жалоб довести православный народ до отчаяния и отпадения. Такое действие Австрии служит нам назидательным уроком. То, о чем она старается, не может быть полезно для России; то, чему ее учат духовные ее наставники иезуиты, не может иметь других целей, кроме целей, гибельных для веры православной.

Вот соображения, на основании коих мною помещена статья г. Даскалова в № 2 "Русской беседы". Я остаюсь вполне уверенным, что просвещенное начальство оценит по справедливости действие добросовестное, предпринятое в видах общей пользы православной церкви, России и соплеменных ей единоверцев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Т.Ф. Пирожкова

А.И. КОШЕЛЁВ И ЕГО МЕМУАРЫ

Александр Иванович Кошелёв (1806–1883), имя которого известно сегодня немногим, был такой значительной фигурой в русском обществе XIX в., что без него невозможно представить в полной мере развитие русской духовной жизни и общественной мысли. В некрологе ему газета "Новое время" писала: "В его лице Россия потеряла одного из образованнейших и ценных общественных деятелей, а русское печатное слово в частности – талантливого публициста"[1].

Ближайший друг известных славянофилов И.В. Киреевского и А.С. Хомякова, Кошелёв в конце 1840-х годов вошел в славянофильский кружок, приняв деятельное участие в его журнально-издательских планах: выпустил "Московский сборник" 1852 г. (т. I), был издателем и бессменным редактором славянофильского журнала "Русская беседа" (1856–1860).

Его имя связано с великим делом крестьянского освобождения. Страстный приверженец отмены крепостного права, он входил в Рязанский комитет по крестьянскому делу, издавал собственный журнал "Сельское благоустройство" (1858–1859), целиком посвященный ходу реформы, составил самый смелый в славянофильской среде проект освобождения крестьян.

В пореформенные годы Кошелёв увлекся земской работой и публицистикой: он автор многочисленных журнальных и газетных статей, напечатанных в "Дне", "Новом времени", "Русской мысли", "Земстве" и других изданиях, а также около 20 брошюр, вышедших в России и за границей.

Он оставил по себе прекрасную память и за пределами России, особенно в славянских странах, куда в 1857 г. специально ездил для налаживания контактов с деятелями славянского возрождения (Вацлавом Ганкой, Павлом Йозефом Шафариком, Карлом Яромиром Эрбеном, Вуком Караджичем и др.)[2]. Франтишек Палацкий и Франц Ригер стали его близкими приятелями. В 1864–1866 гг. Кошелёв – главный директор финансов, т.е. министр финансов в Царстве Польском. "Думаю, что я кое-что сделал там для пользы России вообще и для блага тамошнего края", – написал он в своих "Записках". В XIX в. одна из каменноугольных шахт Польши (они входили в его ведомство) носила имя Кошелёва. Он прекратил практику доплат русского правительства в бюджет Польши, имевшую место в течение полувека (с 1815 г.), нашел на месте средства на по-

---

[1] Памяти земского человека // Новое время. 1883. 15 (27) нояб. № 2772. С. 1.

[2] *Кошелев А.И.* Шесть недель в австрийских славянских странах // Русская беседа. 1857. № 4. Отд. "Смесь". С. 1–18.

крытие дефицита. Редактируемый Кошелёвым журнал "Русская беседа" был для славян, по словам И.С. Аксакова, "единственным духовным хлебом"[3]; его редактора славяне называли "одним из величайших двигателей славянского движения"[4].

Кошелёв оставил глубокий след и в русской мемуаристике. Его "Записки" охватывают огромный отрезок времени – 70 лет, начинаясь с 1812 г. и заканчиваясь 1883 г., годом смерти автора. В них отражена жизнь страны и собственная жизнь мемуариста, его незаурядная личность. Биограф Кошелёва Нил Петрович Колюпанов считал, что жизненный путь Кошелёва "представляет общественный интерес, наравне с биографиями всех замечательных людей"[5].

Жизнь и деятельность Кошелёва тесно связаны и с Рязанским краем, где в Сапожковском уезде у него было имение Песочня, и – особенно – с Москвой. Кошелёв был москвичом по рождению, воспитанию, образованию (окончил словесный факультет университета), по принадлежности к московскому (т.е. славянофильскому) направлению. Он застал Москву в самую лучшую ее пору. В "Записках" Кошелёв утверждал: "Не было в умственном движении Москвы более оживленной эпохи, как время сороковых годов". Он немало потрудился на благо Москвы: в 1833–1834 гг. служил в Московском губернском правлении, в 1860–1862 гг. возглавил Московское общество сельского хозяйства, с 1869 г. до 3 января 1872 г. был председателем Общества любителей российской словесности при Московском университете, денежно поддерживая его предприятия (благодаря финансовой помощи Кошелёва появились первые книги "Толкового словаря" В.И. Даля, "Русские песни, собранные П. Киреевским", сборник народных стихов "Калики перехожие" П.А. Бессонова и др.); в Москве издавал два журнала ("Русская беседа", "Сельское благоустройство") и газету ("Земство") и до последнего дня работал в финансовой комиссии Московской думы.

В московском обществе Кошелёв занимал видное место. "Гостеприимный хозяин… он слишком 30 лет сряду собирал у себя в доме еженедельно многолюдное интеллигентное общество…", – отмечал И.С. Аксаков в некрологе Кошелёву[6]. Это был один из самых богатых людей в городе, "миллионщик". В 1868 г., когда правительство объявило торги на продажу железной дороги между Петербургом и Москвой, он, в числе немногих богачей вроде В.А. Кокорева, готов был ее купить.

До нынешнего времени сохранился собственный дом Кошелёва на углу Поварской и Трубниковского переулка (Поварская, № 45, теперь № 31), в прошлом веке настоящий "дворец", по отзыву современников[7], а ныне нуждающееся в реставрации здание. Дом больше чем на столетие пережил своего владельца, к которому время, как ни грустно это констатировать, оказалось более неумолимым.

---

[3] Письмо Н.С. Соханской от 16 мая 1860 г. (Русское обозрение. 1897. Март. С. 169).

[4] РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 18 (Отзыв М.Ф. Раевского в письме И.С. Аксакова А.И. Кошелёву от 20 июля 1859 г.).

[5] *Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева: в 2 т. М., 1889. Т. I, кн. 1. С. V.

[6] Русь. 1883. 15 нояб. № 22. С. 2.

[7] *Беэр М.В.* Семейная хроника Елагиных-Беэр (РГБ. Ф. 99. Карт. 25. Ед. хр. 19. Л. 77).

Кроме биографии Кошелёва, написанной Н.П. Колюпановым еще в дореволюционное время и незавершенной (доведена до 1856 г.), специальных трудов, в которых была бы оценена его многогранная деятельность, не появилось: Кошелёв оказался в тени главных деятелей славянофильского движения и на периферии внимания исследователей. В послереволюционное время в журнале "Голос минувшего" (1918, 1922) были опубликованы письма Кошелёва к И.С. Аксакову и через 100 с лишним лет в издательстве МГУ переизданы мемуары Кошелёва и его статья "Охота пуще неволи"[8]. К сожалению, характеристике мемуаров отведено три страницы. Пришло время вывести имя Кошелёва из забвения, отметить заслуги деятеля, сыгравшего значительную роль в истории развития русского самосознания.

* * *

Александр Иванович Кошелёв[9] родился 9 мая (по старому стилю) 1806 г. в Москве. Он принадлежал к дворянской знати: род Кошелёвых известен с конца XV в.; дядя его отца граф А.С. Мусин-Пушкин был послом России в Англии и Швеции при Екатерине II; дядя А.И. Кошелёва Р.А. Кошелёв, известный масон, мистик – личный друг императора Александра I. Отец А.И. Кошелёва, образованнейший человек своего времени, учившийся в Оксфорде, состоял адъютантом князя Г.А. Потемкина-Таврического. В конце XVIII в., выйдя в отставку, он поселился в Москве, в которой имел славу "либерального лорда". Мать А.И. Кошелёва – Д.Н. Дежарден – из семьи французского эмигранта.

К поступлению в Московский университет (1821) Кошелёва готовили его лучшие профессора: А.Ф. Мерзляков – по словесным и Х. Шлёцер – по политическим наукам. Греческий язык он изучал (как и Д.В. Веневитинов) под руко-

---

[8] Записки А.И. Кошелева / Сост. и публ. Н.И. Цимбаева. М., 1991.

[9] Правильное произношение фамилии: Кошелёв, а не Кóшелев. См.: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 583. В XIX в. необходимости в этом уточнении не было: фамилия была на слуху. См., к примеру, эпиграмму Н.Н. Боборыкина:

Во имя странного святого
Устроен ваш славянский скит.
На бочке там вина простого
Великий Кокорев сидит.

Пред ним коленопреклоненный,
Не враг, конечно, откупов,
Кадит усердно муж почтенный,
Отец "Беседы", Кошелев.

(*Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов.М., 1997. С. 205)

Покойный Н.Н. Бобринский (ум. в 2000 г.), правнук А.С. Хомякова, следуя семейной традиции, произносил эту фамилию: Кошелёв. В берлинском издании "Записок" 1884 г., в целом ряде дореволюционных и современных публикаций фамилия писалась: Кошелев, что нами сохраняется. Однако мы придерживаемся написания: Кошелёв.

водством грека Байло, издателя трудов Плутарха, Исократа и других классиков. Кошелёв свободно читал на старогреческом, новогреческом, латинском языках, говорил на английском, немецком, французском, в юности любил заниматься переводами.

Решительное влияние на его судьбу имела встреча с И.В. Киреевским в начале 1820-х годов. Вскоре молодые люди подружились: вместе учились в Московском университете, затем поступили в московский Архив коллегии иностранных дел, стали членами общества любомудрия, а позднее – славянофильского кружка.

Сдружились и их матери – Дарья Николаевна Кошелёва и Авдотья Петровна Елагина, племянница В.А. Жуковского, дом которой был "средоточием московской умственной и художественной жизни"[10]: здесь бывали А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, А.С. Хомяков, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, П.Я. Чаадаев, П.А. Вяземский, Аксаковы и др. Кошелёв воспитывался в этом салоне и на всю жизнь сохранил восторженное отношение к его хозяйке – "глубоко уважаемой и искренне любимой"[11] Авдотье Петровне. И она всегда чувствовала Кошелёва очень родным и близким себе человеком: "Ваша дружба с Иваном привязала меня к Вам материнскою любовью"[12].

Благодаря дружбе с Иваном Киреевским Кошелёв приобщился к серьезным философским занятиям. "Локка мы читали вместе", – напишет Кошелёв в своих "Записках". В 1820–1840-е годы немецкая наука успешно пересекла Волгу, по замечанию А.И. Герцена; образованное русское общество в то время было буквально "помешано" на немецких философах. Кошелёв особенно сильно увлекался Кантом, Фихте, Шеллингом. Сохранилось несколько писем Д.В. Веневитинова Кошелёву 1825 г., свидетельствующих об углубленном интересе Кошелёва к идем Шеллинга и французского математика Франкера. Именно у Кошелёва Веневитинов взял на все лето "Натуральную философию" Шеллинга, а сам спешил послать другу то лучший из европейских ученых журналов "Isis oder Encyclopädische Zeitung", издававшийся немецким философом Океном, то свой перевод отрывка из его "Теософии": "...уверен, что она ("Теософия". – *Т.П.*) приведет вас в восторг". Веневитинов отмечал основательность умственных занятий Кошелёва: "...вижу, что древо истинного познания пустило в рассудке вашем глубокие корни"; "Ваша диалектика очень верна..."[13]. Позднее, попав в Берлин, Кошелёв станет усердным слушателем лекций знаменитого философа и теолога Фридриха Шлейермахера.

И в московском кружке любомудров, в который входил Кошелёв, штудировали философов, особенно Спинозу, творения которого, по свидетельству автора "Записок", ставили "много выше Евангелия". Список участников кружка, названных в мемуарах Кошелёва (В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, Д.В. Веневи-

---

[10] *П.Б.* (Бартенев П.И. – *Т.П.*). Авдотья Петровна Елагина // Русский архив. 1877. Кн. 2. № 5–8. С. 493.

[11] Письмо А.И. Кошелёва А.П. Елагиной от 1 января 1875 г. (РГБ. Ф. 99. Карт. 8. Ед. хр. 33. Л. 17).

[12] *Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. I, кн. 2. С. 13.

[13] *Веневитинов Д.В.* Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 346, 348, 349, 352 (серия Лит. памятники).

тинов, Н.М. Рожалин и сам Кошелёв), значительно короче указываемого в исследовательской литературе[14]. Но те, с кем общался Кошелёв в 1820-е годы (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, В.Ф. Одоевский, Н.А. Мельгунов, Ф.И. Тютчев, М.П. Погодин, С.П. Шевырев), впоследствии составят костяк славянофильской партии или станут ее ближайшим окружением. И не встреться Кошелёв в начале 1820-х годов с И. Киреевским, судьба все равно привела бы его в среду славянофилов, ибо в 1827 г. около постели своего умиравшего приятеля Д.В. Веневитинова Кошелёв сблизился с Хомяковым и на всю жизнь остался для последнего "дорогим и милым другом"[15].

Философские собрания общества любомудров прервало восстание декабристов, и его председатель князь В.Ф. Одоевский сжег в камине устав и протоколы. Два родственника Кошелёва – декабристы М.М. Нарышкин и В.С. Норов – были арестованы[16], сам он – участник собраний, на которых К.Ф. Рылеев, И.И. Пущин, Е.П. Оболенский и другие обсуждали планы свержения правительства, жил то ожиданием прихода декабристов с юга, чтобы вступить в их ряды, то, собрав необходимые вещи, в течение нескольких месяцев ожидал ареста, "почти желал" быть взятым, чтобы "стяжать и известность и мученический венец".

Никогда ни ранее, ни позже настроения Кошелёва не были такими резко оппозиционными, радикальными по отношению к существующему режиму, как в первой половине 1820-х годов, особенно в то время, когда Кошелёв жил надеждой на приход заговорщиков из Южного общества в Москву. "Немецкие философы", по словам мемуариста, ежедневно упражнялись в верховой езде и фехтовании, "готовились к деятельности, которую мы себе предназначили". Имена их в "Записках" не названы, но после выхода мемуаров из печати племянник Д.В. Веневитинова, сославшись на рассказ Кошелёва за два года до своей смерти, прояснил события той далекой поры, поименно перечислив тех, кто "готовился к деятельности": Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский и А.И. Кошелёв[17].

Известие о казни декабристов произвело на "архивных юношей" такое потрясающее действие, для описания которого и спустя несколько десятилетий Кошелёв в "Записках" не находил подходящих слов, – "словно каждый лишился своего отца или брата". Потому император на коронации производил "отталкивающее" впечатление: Кошелёв смотрел на него глазами человека, тяжело пережившего и казнь и ссылку декабристов.

Николай I не скрывал своего нерасположения к Кошелёву, подозревая его в свободомыслии и неумолимо вычеркивая ненавистную фамилию из списков награждаемых. Граф Бенкендорф по секрету познакомил Кошелёва с досье на него, хранившимся в III отделении, в частности с перлюстрированным письмом

---

[14] *Каменский З.А.* Московский кружок любомудров. М., 1980. С. 10.

[15] *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1904. Т. VIII. С. 158.

[16] М.М. Нарышкин, член Союза благоденствия и Северного общества, был приговорен к 12 годам каторжных работ с последующей пожизненной ссылкой в Сибири; В.С. Норов, член Южного общества, приговорен к 15 годам каторги с последующим пожизненным поселением в Сибири.

[17] *Веневитинов А.М.* К биографии поэта Д.В. Веневитинова // Русский архив. 1885. № 1. С. 115.

И.В. Киреевского к Кошелёву, в котором шла речь "о необходимости революции в нашем умственном и нравственном быте". Слова были доведены до сведения царя и поняты им буквально.

Кошелёв в свою очередь не любил Николая I. Уже во вступлении к "Запискам" автор обмолвился о том, как "много нравственно пострадал" в его царствование, а в мемуарах писал об утомительности этого правления и особой тяжести лет, наступивших после 1848 г., о страхе перед революцией, постоянно жившем в душе государя. Еще откровеннее высказывался Кошелёв о николаевской эпохе в письмах: "Тридцать лет нас душили, становили под безвоздушный колпак, старались всячески погасить в нас и волю и ум; возможно ли, чтоб вдруг мы стали опять полными людьми"[18], и в дневнике: "Бывало страшно и подумать о нуждах России: взад темно, вперед темно; вправо, влево – все то же"[19].

О тягостных годах николаевского царствования Кошелёв вспоминал и в своих брошюрах. В "Нашем положении" читаем: "С 1825 по 1855 год мы обретались под тяжким, постоянным, почти однообразным гнетом: у нас не было никакой общественной гражданской жизни; о земской деятельности не позволялось и думать..."; "Русский не смел ни в журнальных статьях, ни в книгах говорить о вопросах политических и о злобах дня. Одним словом, внизу была мертвенность полная, а в верхних слоях гулял произвол без всякой удержи"[20].

Именно в годы николаевского правления, в 1835 г., Кошелёв вышел в отставку и к служебной деятельности в дальнейшем возвращался эпизодически: в 1858 г. по просьбе рязанского губернатора М.К. Клингенберга стал членом от правительства в Рязанском комитете по крестьянскому делу, в 1864–1866 гг. – уже по личной просьбе Александра II – трудился в финансовой комиссии Царства Польского.

Служив отлично, карьеры молодой Кошелёв, однако, не сделал, дослужившись к моменту отставки до надворного советника, поскольку ни продвижение по службе, ни придворная жизнь его не привлекали. Вольнодумство племянника приводило его дядю Р.А. Кошелёва "в гнев и ужас". В "Записках" приведена его фраза, сказанная племяннику: "Mon cher, vous finirez mal; aves de telles idées on n'avanse pas, mais on se prépare la Sibérie ou pire que cela" ("Мой дорогой, вы плохо кончите; с такими идеями не продвигаются вперед, а готовятся к Сибири или к чему-то худшему"). В Сибирь Кошелёв, к его счастью, не попал, хотя начало николаевского правления провел в напряженном ожидании ареста; зато конец царствования Николая I славянофилы отметили распитием шампанского именно в кошелёвском доме.

Оценивая сегодня пройденный Кошелёвым путь, нельзя не удивиться тому, какой насыщенной была его жизнь, каким широким – диапазон возможностей и какой решительностью он обладал, периодически меняя жизненную стезю. В

---

[18] Письмо М.П. Погодину от 9 июля 1855 г. (*Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1900. Кн. 14. С. 48).

[19] *Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Т. II. С. 228.

[20] *Кошелев А.И.* Наше положение. Berlin, 1875. С. 2, 3. См. также: *Он же.* Что же теперь делать? Berlin, 1879. С. 3.

пору, когда не читавший Гегеля человек считался "почти что несуществующим" (П.В. Анненков), Кошелёв зачитывался философскими трудами. Он отдал дань и светским соблазнам: азартно играл в карты, увлекался женщинами, в том числе и известной своей красотой А.О. Россет. Но женившись в 1835 г. на Ольге Федоровне Петрово-Соловово (1816–1893), он десять с лишним лет посвятил обеспечению семейства, покупке и благоустройству имения, занимаясь этим легко, без напряжения, – "если уже не con amore, то по крайней мере без малейшей скуки"[21]. Хозяйственная деятельность и особенно откупа сделали Кошелёва настолько богатым, что, по словам С.П. Шевырева, отпала необходимость умножать состояние[22]. Некоторые друзья полагали, что Кошелёв уже никогда не вернется к интеллектуальным занятиям, но Хомяков верил, что увлекавшийся философией человек не может навеки погрязнуть в откупах, – и не ошибся: в конце 1840-х годов Кошелёв стал очень деятельным славянофилом: на свои средства издал "Московский сборник" 1852 г., внес самый большой взнос на выпуск журнала "Русская беседа" и стал его редактором. "Решительно действуешь ты, любезный Кошелёв , – подзадоривал Хомяков, – и, может быть, так и лучше. Молодцы западные не дремлют; дремать не следует и нам"[23]. Действительно, время, наступившее после смерти Николая I, было временем социального обновления, оживления журналистики. "Взявшись за гуж, не скажу, что не дюж, пока Бог жизнь и здоровье мне сохраняет", – писал Кошелёв К.С. Аксакову[24]. Вторая половина 1850-х и начало 1860-х годов были периодом подготовки крестьянской реформы – и Кошелёв без устали, не жалея сил и здоровья, трудится в Рязанском комитете по крестьянскому делу и в Московском обществе сельского хозяйства. "Я болен и больной еду председательствовать в Общ⟨ество⟩ сел⟨ьского⟩ хозяйства", – сообщал он в одном из писем[25]. Необходимость проведения крестьянской и финансовой реформ в Польше побудила Александра II обратиться за помощью к Кошелёву – и он откликнулся. В конце 1860-х – начале 1870-х годов он стремится оживить деятельность Общества любителей российской словесности[26]. Одновременно принимает энергичное участие в земской деятельности. Он "земец", как сам себя называл[27]: бессменный гласный Сапожковского уездного и Рязанского губернского собраний, в течение нескольких лет почетный мировой судья в уездном присутствии по крестьянским делам, в 1859–1860 гг. член комиссии для устройства земских банков, в 1874–1880 гг. председатель уездного (Сапожковского) училищного совета. Кошелёв открывал сельские школы в своих имениях (за 20 лет – пять школ), в 1869 г. в пользу сельских школ Сапожковского уезда издал сборник собственных статей "Голос

---

[21] Письмо И.С. Аксакову от 25 мая 1854 г. (Голос минувшего. 1918. № 1–2. Янв.–февр. С. 243).

[22] Письмо П.А. Вяземскому от 9 декабря 1857 г. (Старина и новизна: В 22 кн. СПб., 1901. Кн. 4. С. 167).

[23] *Хомяков А.С.* Поли. собр. соч. Т. VIII. С. 140.

[24] Письмо от 13 июня 1856 г. (Голос минувшего. 1918. № 7–9. Июль–сент. С. 169).

[25] Письмо С.А. Соболевскому от февраля 1862 г. (РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 587).

[26] См. письма А.И. Кошелёва П.А. Бессонову 18 апреля 1869 г., 23 февраля 1870 г., 4 апреля 1872 г., 16 ноября 1874 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 496. Л. 18 об., 24, 37–37 об., 43).

[27] *Лясковский В.Н.* Воспоминания: 1858–1917 (РГАЛИ. Ф. 298. Ед. хр. 6. Оп. 1. Л. 81).

из земства"; при его содействии была открыта публичная библиотека в Рязани. В 1880–1882 гг. он частично финансирует издание газеты "Земство"; жертвует 25 тыс. руб. серебром на устройство при Румянцевском музее Всероссийского земского архива и земской библиотеки. Встреченного за границей своего друга А.М. Жемчужникова Кошелёв настойчиво убеждал вернуться на родину, чтобы поработать в земстве.

Многогранная деятельность Кошелёва в общественной сфере всегда была сплетена с тем значительным, чем жило его Время, при этом в увлечениях он был неудержим, делам предавался самозабвенно, будь то архивные занятия (опись древних столбцов мало увлекала "архивных юношей", но Кошелёв являлся на службу спозаранку) или покупка за границей жатвенных машин, которые он первым ввез в Россию, или чтение богословских трудов, доходившее, по свидетельству И.С. Аксакова, до "святого безумия", или дело крестьянского освобождения – уже через полгода после смерти Николая I от страстного ожидания перемен Кошелёв пришел в такое лихорадочное состояние, что Хомяков в письме осведомлялся: "Здоров ли ты?.. Пожалуйста, будь здоров столько же, сколько ты всегда бодр"[28].

Состоялась крестьянская реформа – и одно из писем И.С. Аксакову Кошелёв подписывает так: "Утопающий в хозяйстве…". И снова "страсти роковые": крестьяне не ослушиваются и не работают, на оброк не идут, на сделки не соглашаются. "Знаете, надо их очень любить, чтоб их не возненавидеть"[29]. Хомякова уже нет в живых, и теперь И.С. Аксаков охлаждал кошелёвский пыл: "Все говорят, что барщина идет гнусно и проч., но никто не приходит в такой ужас, как Вы"[30].

"Я всегда и всем занимался страстно", – признался однажды Кошелёв, и это чистая правда. Вероятно, от матери-француженки он унаследовал необыкновенно живой и пылкий характер. Людей, подобных себе, он понимал очень хорошо. В 1853 г. И.С. Аксаков решил отправиться в трехгодичное кругосветное путешествие, известие о котором привело всю аксаковскую семью в страшное беспокойство. Но в Кошелёве, мечтавшем побывать в Соединенных Штатах Америки, Аксаков нашел союзника: "Понимаю, совершенно понимаю Вашу жажду к деятельности видимой, осязательной, приносящей плоды положительные… Нимало не считаю сумасбродством или эксцентричностью мысль, желание ваше совершить кругосветное путешествие. Весьма желаю, чтоб вам это удалось. Не будь у меня семьи, будь я 20 годами помоложе, я счел бы за счастие объехать вокруг света"[31].

Однако от большинства увлекающихся людей Кошелёв отличался трудолюбием и неимоверной настойчивостью в исполнении задуманного. В пору его молодости эта особенность его натуры выражалась порою в наивных и не ли-

[28] *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 142.
[29] Письмо И.С. Аксакову от 25 июля 1861 г. (Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 65).
[30] Письмо от 21 октября 1861 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 29 об.).
[31] Письма от 9 августа и 1 сентября 1853 г. (Голос минувшего. 1918. № 1–2. Янв.–февр. С. 239, 240).

шенных комизма формах. Так, находясь в Женеве в 1831–1832 гг., он и Шевырев создали "Общество трудолюбия", дабы бороться со свойственной русским ленью: член общества был обязан ежедневно работать восемь часов и еженедельно отчитываться о прочтенных книгах, написанных сочинениях и т.п.[32]

23 ноября 1848 г., примерно в середине своего жизненного пути, Кошелёв записал в дневнике: "Мне 42 года; говорят, что я очень трудолюбив, и действительно, я великий человек на малые дела; но в сравнении с тем, что каждому человеку следовало бы быть, я – нуль. Конечно, другие из нашего сословия менее чем нуль; но разве ничтожность другого может служить мне в оправдание? Одному дается один талант, другим – два, три, десять талантов; всякий должен отдать хозяину отчет в том, что каждый получил. Жизнь наша есть заем; мы все должны трудиться; мы не отвечаем за последствия, результаты наших действий; но один труд служит нашим оправданием"[33].

Этот человек не знал, что такое разлад между словом и делом. Всякое дело он доводил до конца. В "Записках" Кошелёв рассказал, как однажды в тире в обществе молодых людей он попал вместо мишени в потолок, но упорными тренировками добился того, то стал "одним из первых стрелков в Москве". Начав многотрудные хлопоты о получении разрешения на издание журнала "Русская беседа", он не остановился и тогда, когда даже у жизнелюбивого, неунывающего Хомякова от нескончаемых препятствий в буквальном смысле слова опустились руки. В одном из писем В.А. Черкасскому Кошелёв объяснил корни своей напористости: "...во мне есть варяжская кровь (бабка моя была немка)"[34]. П.И. Бартенев, в 1857 г. помогавший Кошелёву редактировать журнал, подтверждал: "Это было железное трудолюбие и живость в работе чрезвычайная. Дело так и кипело и спорилось под его руками, и было что-то заразительное в его неустанной и строго-точной деятельности"[35].

Таким он был в молодости, в зрелом возрасте, таким оставался и в старости. Кошелёв не дожил трех лет до своего 80-летия, но его духовная энергия с возрастом не угасала. В 1880 г. он писал П.А. Бессонову: "...я, по милости Божьей, здоров, читаю, пишу, болтаю, слушаю – время праздно не провожу"[36]. Накануне смерти он допоздна заседал в финансовой комиссии Московской думы. Замечательно точную характеристику дал в некрологе Кошелёву И.С. Аксаков, близко знавший покойного: "Этот живой, рьяный, просвещенный и талантливый общественный деятель и публицист, сильный и цельный духом, необычайно-выразительно искренний и в своей внешности, и в речах, и поступках, – не знавший ни угомона, ни отдыха, ни устали, бодрствовавший на работе до самого последнего часа своей жизни"[37].

---

[32] *Колюпанов Н.П.* Указ. соч. Т. II. С. 15–16.

[33] Там же. С. 80.

[34] Письмо от 6 января 1856 г. (РГБ. Ф. 327/II. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 14). Ср.: *Кошелев А.И.* Наше положение. С. 38 ("немцы достигают почти всегда того, чего они хотят").

[35] *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М., 1997. С. 134.

[36] Письмо от 20 января 1880 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 496. Л. 60).

[37] Русь. 1883. 15 нояб. № 22. С. 1.

Окружавших его людей Кошелёв осуждал за нерадивость, безделие. Особенно доставалось Ивану Киреевскому. Вот отрывок из раннего письма другу (1823 г.): "...если б я имел над тобою власть, то бы принудил тебя писать, ибо очень жалко, что с твоими способностями ты проводишь время в бездействии. Брось лень свою, бери перо и пиши о просвещении и присылай на суд..."[38]. А теперь – из письма 1853 г.: "Знаешь, друг мой, лень твоя лежит свинцом даже на моей душе"[39].

Зная о медлительности в работе Петра Киреевского, Кошелёв просил его за полгода до выхода "Московского сборника" 1852 г. "отложить в сторону чрезмерное смирение и излишнюю совестливость" и принять участие "в общем деле" – прислать в сборник статью или несколько песен, а еще лучше и то и другое[40]. Все время он кого-то понуждал к труду, тормошил, подгонял. Он убеждал П.А. Бессонова написать для "Русской беседы" рецензию на книгу А.В. Горского и К.И. Невоструева "Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки": "Не скромничайте, а беритесь за перо, почтенный a la Филиппов"[41]. Узнав, что Константин Аксаков трудится над статьей о русском воззрении для этого журнала, Кошелёв его подбадривал: "Очень рад, что Вы работаете. Да, работать надобно всеми силами, пока мы еще здесь: великий грех зарывать таланты"[42]. И так всегда, везде, со всеми.

В переписке деятелей 1840-х годов, в их воспоминаниях довольно часто затрагивался вопрос, мимо которого нельзя пройти при осмыслении нами этой фигуры, – вопрос о естественной принадлежности или чужеродности Кошелёва той славянофильской среде, в которой он провел бóльшую часть своей жизни.

С.М. Соловьев в собственных "Записках" расценил как странность появление Кошелёва среди людей романтического склада, которые составляли славянофильский кружок: "...человек с противоположною натурою, человек практический, мастер обсуживать предметы осязательные, но становившийся совершенным дураком, когда предмет поднимался в высшую сферу..."[43]. С Соловьевым был солидарен Б.Н. Чичерин, который в мемуарах "Москва сороковых годов" заметил: "Я мало встречал образованных людей с меньшею способностью к теоретическим вопросам"[44]. Это мнение подкреплено его же высказыванием

---

[38] Письмо от 4 июня 1823 г. (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 3–3 об.).

[39] Письмо от 6 октября 1853 г. (Там же. Л. 74).

[40] Письмо от 15 октября ⟨1851 г.⟩ (РГБ. Ф. 99. Карт. 8. Ед. хр. 37. Л. 1, 1об.). В "Московском сборнике" 1852 г. были напечатаны русские народные песни из собрания П.В. Киреевского с примечанием собирателя и предисловием к ним А.С. Хомякова (М., 1852. Т. I. С. 317–356).

[41] Письмо от 16 января 1856 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 496. Л. 1 об.). Критический разбор первой части указанного труда А.В. Горского и К.И. Невоструева, вышедшего в 1855 г. и посвященного рукописям священных книг, был напечатан в "Русской беседе" (1856. № 2. Отд. "Критика". С. 1–90). Т.И. Филиппов серьезно интересовался богословскими вопросами. Позднее уйдет в "официальное православие", по словам А.А. Григорьева (письмо Е.Н. Эдельсону от 13(25) ноября 1857 г. См.: *Григорьев А.* Письма. М., 1999. С. 157; серия Лит. памятники).

[42] Письмо от 13 июня 1856 г. (Голос минувшего. 1918. № 7–9. Июль–сент. С. 168). Статья К.С. Аксакова "Еще несколько слов о русском воззрении" была напечатана в "Русской беседе" (1856. № 2. Отд. "Смесь". С. 139–147).

[43] *Соловьев С.М.* Избранные труды: Записки. ⟨М.⟩, 1983. С. 302.

[44] *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1997. С. 204.

в одном из писем: "Кошелёв в практических вопросах человек сведущий и неглупый, но выше этого он решительно ничего не понимает. Всякое воззрение становит его в тупик"[45]. С.Т. Аксаков в одном из писем сыну Ивану, сообщая об обсуждении в славянофильском кружке вопросов народного обучения, обронил: "...глуповатый Кошелев"[46]. А генерал А.П. Ермолов с присущей некоторым военным нестесненностью в выражениях отозвался о Кошелёве еще более резко: "...дурак дураком"[47].

Было бы несправедливым не обратить внимания и на другие высказывания, которые находятся в странном противоречии с только что приведенными. Д.В. Веневитинов вел с Кошелёвым ученые разговоры о цели познания, признавался, что в беседах с другом "привык летать за небо", благодарил за "основательные" замечания к своей статье "Разбор рассуждения г. Мерзлякова" и ждал мнения Кошелёва о книге А.И. Галича "Опыт науки изящного"[48].

И.В. Киреевский на протяжении всей своей жизни испытывал к другу глубокое уважение, не печатал свои статьи без предварительного просмотра их Кошелёвым. В 1827 г. он признался ему: "Для меня на всем земном шаре существуют только два человека, которых одобрением я дорожу как собственным: это ты и Титов"[49]. И незадолго до смерти, готовя для "Русской беседы" статью, И. Киреевский прислушался к мнению Кошелёва, которому слово "направление" в первом варианте названия показалось слабым, и он посоветовал заменить его другим – "начало"[50]: статья стала называться "О необходимости и возможности новых начал для философии". Возражения Кошелёва по поводу статьи И. Киреевского для "Московского сборника" 1852 г. "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России" также очень серьезны и дельны[51].

Когда Кошелёв присоединился к славянофильскому кружку, Хомяков обрадованно сообщал единомышленникам в Петербург: "Это приобретение было бы важно не только по уму, но и по характеру серьезной воли в Кошелеве"[52].

А.К. Толстой, встретившийся с Кошелёвым в 1866 г. в Карлсбаде, с удовольствием общался с ним и с грустью сообщал жене Софии Андреевне: "Сегодня уезжает Кошелев, и мне это жалко; я к нему привык, и он ко мне. Он очень интересный и умный человек, и никакой в нем нет натяжки, никакого козыряния, хотя он немного глух, но с ним было очень ловко – и говорить очень приятно..."[53].

---

[45] Письмо К.Д. Кавелину от 26 января ⟨1856 г.⟩ (ИРЛИ. Архив К.Д. Кавелина. 20. 761/CXL 16. 25. Л. 5).

[46] Письмо от 10 февраля ⟨1850 г.⟩ (*Аксаков И.С.* Письма к родным: 1849–1856. М., 1994. С. 522; серия Лит. памятники). Кстати, в этом же письме С.Т. Аксаков аттестует своего старшего сына как "неразумного Консту".

[47] *Вяземский П.А.* Записные книжки. М., 1992. С. 260.

[48] *Веневитинов Д.В.* Стихотворения. Проза. С. 347, 349–350, 353, 355.

[49] *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. I. С. 11.

[50] Письмо от 17 апреля 1856 г. (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 86–86 об.).

[51] См. письмо от 10 декабря 1852 г. (Там же. Л. 60 об., 62 об. – 65 об.).

[52] Письмо А.Н. Попову ⟨от 13 февраля 1849 г.⟩ (*Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 190).

[53] Письмо от 10(22) августа 1866 г. (*Толстой А.К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. IV. С. 183).

Кто прав в суждениях о Кошелёве? И негативные, и одобрительные оценки его личных качеств принадлежат высокообразованным представителям русского общества.

Необходимо иметь в виду общую высокую культуру русского общества в то время; кружки западников и славянофилов состояли из людей, живших интенсивной духовной жизнью, их участники дышали "редким воздухом горних высот философской мысли, отвлеченной, логической"[54]. И было бы ошибкой отзывы Соловьева, Чичерина и других трактовать буквально. Нелепость такого подхода более чем очевидна: член кружка любомудров, прошедший серьезную философскую школу, слушавший в Берлинском университете Ганса, Савиньи, Шлейермахера, собеседник Гёте, Кавура, Гизо и Тьера, Кошелёв не был глупым человеком в общепринятом смысле этого слова.

Чтобы верно судить о человеке, необходимо его хорошо знать. К примеру, С.Т. Аксаков, по его собственному признанию, встречался с Кошелёвым до 1855 г. всего дважды, но счел назначение его в редакторы "Русской беседы" неудачным[55] и, к счастью, ошибся в своем мнении; впоследствии охотно печатался в журнале (отрывок из "Семейной хроники", "Литературные и театральные воспоминания", "Детские годы молодого Багрова", "Встреча с мартинистами").

Вероятно, Кошелёв казался умнее в письмах, чем в разговорах. Константин Аксаков в гостиных был красноречив, но в статьях экспрессивность его речи не ощутима. Его брат Иван заявил о себе, что он умнее на бумаге, чем в разговоре. Хомяков же был одинаково увлекателен и в беседе, и в сочинениях. Среди речистых славянофилов Кошелёв, может статься, выглядел и не выигрышно. Но тот, кто знаком с письмами Кошелёва, как опубликованными (Н.П. Колюпановым в его биографии, в "Русском архиве", "Голосе минувшего"), так и неопубликованными, а также с его трудами, с печальным недоумением прочтет отзывы Соловьева, Чичерина, Ермолова и других и не сможет признать справедливыми высказывания о глупости Кошелёва. Ведь недаром Иван Киреевский однажды написал Кошелёву: "Письмо твое доставило мне такое же наслаждение, какое получает скупой, когда пересматривает свои сокровища..."[56].

Кошелёв давал поводы для критических суждений в собственный адрес и изза горячности натуры: достаточно было Константину Аксакову надеть русское платье, как Кошелёв тут же облачился в армяк и жену свою нарядил в старинный костюм. На одном из вторников у Кошелёва Чичерин был неприятно поражен, увидев генерала Н.А. Жеребцова "в мужицком одеянии"[57]. Помещиков – соседей по рязанскому имению – Кошелёвы тоже заинтересовали русским стилем одежды[58]. И на К. Аксакова в обществе смотрели как на диковинное явление,

[54] Письмо И.С. Аксакова А.И. Кошелёву от 25 ноября 1853 г. (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: В 4 т. М., 1892. Т. III. С. XI).

[55] Письмо С.Т. Аксакова И.С. Аксакову от 22 декабря ⟨1855 г.⟩ (*Аксаков И.С.* Письма к родным: 1849–1856. С. 604).

[56] Письмо от 4 июля 1828 г. (*Киреевский И.В.* Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. II. С. 215).

[57] *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. С. 205.

[58] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 14. С. 21.

но странности его поведения можно было объяснить его молодостью. Кошелёву же было 50 лет…

П.И. Бартенев, лицо, несомненно, осведомленное о том, как относились к Кошелёву в обществе, дал этому следующее объяснение: "Как человек выдающихся способностей, широкой образованности и отменного трудолюбия, был он предметом зависти и мишенью клеветы"[59]. "Предметом зависти" Кошелёв являлся не только в силу перечисленных Бартеневым талантов, но и из-за своего богатства. Клубящиеся вокруг Кошелёва завистливые пересуды и злословие А.П. Елагина, к примеру, сразу отметала, полагаясь на собственное мнение об этом человеке. Получив в феврале 1861 г. письмо от В.А. Елагина, в котором сообщалось о карточном проигрыше сына Кошелёва и о каких-то сплетнях в адрес самого Кошелёва, она в ответном письме заявила: "Не верю я, чтоб Кошелёв был подлец, спокойный подлец. Кошелёв, друг Ванюши (И.В. Киреевского. – *Т.П.*), друг Хомякова! – Клевета легко привязывается, а он дает повод всему как глухой и бессловесный. Я помню, чего не выдумывали на меня, каких гадостей, а я еще не так колола глаза окружающим, как Ко⟨шелёв⟩ с своими миллионами"[60].

Объяснение Бартенева представляется нам недостаточным и потому, что негативные оценки принадлежали и людям неординарным...

Очень существенно, с нашей точки зрения, то обстоятельство, что после занятий откупами Кошелёв вернулся к интеллектуальной деятельности в полную силу только в 1848 г., когда славянофилы уже очертили основной круг своих излюбленных идей; много раз обговоренные в тесном окружении, их мысли стали привычными для людей посвященных; Соловьев, Чичерин, С.Т. Аксаков, искушенные участники споров и дискуссий тех лет, понимали друг друга с полуслова, тогда как Кошелёву потребовалось известное время для вхождения в мир отвлеченных понятий.

О том, что путь Кошелёва в славянофильский кружок был непростым, свидетельствуют недавние публикации исследователей[61].

Разумеется, в области умозрительных воззрений Кошелёв уступал своим друзьям – И. Киреевскому, Хомякову; и хотя его молодость прошла под знаком характерной для 1840-х годов увлеченности философией, с годами Кошелёв все менее удовлетворялся ею. Его сильная сторона заключалась в очень развитом чувстве реальности; он был человеком живого дела, и здесь немногие могли с ним состязаться. Политэкономия, выкупные платежи, поземельный кредит, сервитуты – во всем этом Кошелёв чувствовал себя, как рыба в воде. Не кичась своей осведомленностью в практических вопросах и не осуждая друзей за их неграмотность в экономике, он видел подлинное счастье в деятельности, приносящей осязаемую пользу людям. "Из всего нашего круга у тебя мысль и дело ближе всех срослись между собою", – писал ему И. Киреевский[62], и в этом принци-

[59] Из писем И.В. Киреевского к А.И. Кошелеву, М.П. Погодину, А.С. Хомякову и А.П. Елагиной // Русский архив. 1909. № 5. С. 96.

[60] Письмо от 26 февраля ⟨1861 г.⟩ (Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. I. С. 235).

[61] Меморандум В.Ф. Одоевского / Публ. и коммент. М.И. Медового // Там же. С. 55–56.

[62] Письмо от 10 июля ⟨1851 г.⟩ (*Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 257).

пиальное отличие Кошелёва от большинства славянофилов. Старший сын Хомякова Дмитрий Алексеевич в некрологе Кошелёву взвешенно и точно определил ту роль, которую Кошелёв играл в славянофильском кружке. Его слова могли бы послужить достойным ответом Соловьеву, Чичерину, С.Т. Аксакову: "Если другие его единомышленники не менее высоко подняли и держали знамя русской мысли, то в смысле труда, т.е. проявления мысли в дело, едва ли кто-нибудь из русских людей столько поработал своим убеждением, всем существом своим. Для него мысль и дело были понятия почти тождественные"[63].

Поэтому появление Кошелёва, "человека практического в кругу людей отвлеченных", по меткому высказыванию И. Аксакова[64], пошло на пользу славянофильскому кружку, в котором было достаточно и мыслителей и мечтателей, но постоянно не хватало практических тружеников. И совершенно естественно – при большой деловой сметливости – Кошелёв стал исполнителем издательских предприятий славянофильского кружка.

Именно он решил продолжить традицию издания славянофильских "Московских сборников" (два были выпущены в 1846 и 1847 гг., после чего их публикация прекратилась из-за смерти издателя В.А. Панова). Кошелёв пожертвовал деньги на общественно-полезное дело, а вышедшему в отставку И.С. Аксакову предоставил новое поле деятельности: редактирование издания.

Можно со всей уверенностью утверждать, что если бы не Кошелёв, "Московский сборник" 1852 г. никогда не появился бы. Время было очень неблагоприятным для издания – самый гнетущий период николаевского царствования, "мрачное семилетие" (1848–1855), период особенно пристального надзора за печатью. Узнав о намерении Кошелёва, И. Киреевский предупреждал друга о возможных осложнениях: "Мне кажется, что ты рассчитывал без хозяина, т.е. без цензора, который, как говорят, марает с плеча, и марает все, но особенно то, где есть мысль, и особенно мысль, которая могла бы быть полезна. Впрочем, попробуй"[65].

Кошелёва предупреждение не остановило – в апреле 1852 г. он и И.С. Аксаков выпустили "Московский сборник", который имел "успех изумительный"[66]. Кошелёв, в частности, напечатал здесь статью "Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку", которая удостоилась особенных похвал "Современника", отметившего "дельность суждений и замечаний, верный практический взгляд автора на многие вопросы сельского хозяйства", что обеспечило публикации "первое место между статьями, появившимися на русском языке по поводу Всемирной выставки"[67].

Статья не вызвала нареканий у властей, однако почти все остальные материалы сборника породили недовольство, а их авторы (братья Аксаковы, Хомяков, И.В. Киреевский и Черкасский) фактически лишились возможности печа-

---

[63] *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. С. 134.

[64] Письмо Ф.В. Чижову без даты (РГБ. Ф. 332. Карт. 15. Ед. хр. 5. Л. 21 об).

[65] Письмо от 10 июля ⟨1851 г.⟩ (*Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 258).

[66] Письмо А.Н. Попова И.С. Аксакову ⟨от весны 1852 г.⟩ (*Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. С. 112).

[67] Современник. 1852. Т. XXXIII. № 5. Отд. "Библиография". С. 11.

таться (с них была взята подписка цензуровать произведения в Главном управлении цензуры в Петербурге). Во втором томе "Московского сборника", подготовленном И. Аксаковым, власти усмотрели "открытое противодействие правительству", и сборник был запрещен.

Конечно, изданием его славянофилы испортили свои репутации, по словам И. Аксакова, и в Петербурге о них ходили "клеветы и сплетни"[68]. Но все-таки они сумели заявить о себе в такое тяжелое время, т.е. «играли в ту игру, которая известна под именем: "жив курилка"», если принять терминологию Хомякова.

Совместная деятельность сблизила Кошелёва и И. Аксакова: последний уважал Кошелёва как старшего товарища, в свою очередь Кошелёв дорожил энергичным и исполнительным И. Аксаковым. Летом 1853 г. Ю.Ф. Самарин осведомлялся у Константина Аксакова: "Что делает Иван Сергеевич? Мне много говорил про него Кошелёв, который душевно полюбил его"[69].

Редкому организаторскому и редакторскому таланту Кошелёва и его задору обязаны славянофилы и выпуском в течение пяти лет журнала "Русская беседа" (1856–1860). Задумаемся, кто бы мог заменить его. Хомяков? Не журнальный человек, признававшийся, что не чувствует "ни малейшего желания беседовать с публикою". В первый год выхода журнала славянофильский кружок потерял братьев Киреевских. К. Аксаков был против журнала, предпочитая сборники; даже от хлопот о журнале устранился. Собственный опыт издания им газеты "Молва" показал, что увлеченности и активности его хватает ненадолго: через четыре месяца К. Аксаков оставил газету. Его брат Иван до конца 1856 г. находился на Украине, два первых месяца 1857 г. провел в совершенном "затворе", не выезжая никуда, готовя отчет-исследование об украинских ярмарках. Самарин и Черкасский вторую половину 1850-х годов посвятили делу крестьянского освобождения. Переговоры с Ф.В. Чижовым, жившим тогда на Украине, даже насчет соредакторства успехом не увенчались.

Хотя идея выпуска журнала принадлежала Хомякову, все хлопоты по получению разрешения взял на себя Кошелёв. Поездка в декабре 1855 г. с этой целью в Петербург убедила его в том, как трудно правительству "сворачивать" с николаевской дороги на новую: "Страшно ищут подозрительных и неблагонамеренных людей, и коль их нет, то призывают на помощь старые воспоминания"; "Странное положение: теперь столько же страшатся западного направления, сколько и противоположного, и стараются избирать людей без решительного направления"[70]. Так как история с крамольным "Московским сборником" 1852 г. за три года, протекшие со времени его выхода, не изгладилась из памяти властей, то они в продолжение нескольких месяцев не давали согласия на издание "Русской беседы", видя в ней продолжение сборника[71].

---

[68] Письмо А.И. Кошелёву от 8 декабря 1853 г. (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. С. XVIII).
[69] РГБ. Ф. 265. Карт. 140. Ед. хр. 2. Л. 5.
[70] Письма В.А. Черкасскому от 12 и 21 декабря 1855 г. (РГБ. Черк./III. Карт. 5. Ед. хр. 3. Л. 12, 13 об.).
[71] См. письмо А.И. Кошелёва В.А. Черкасскому от 16 ноября 1855 г. (Там же. Черк. /II. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 8).

Только благодаря настойчивости Кошелёва, который руководствовался принципом – “не дóлжно опускать рук”[72], в середине декабря 1855 г. разрешение было получено. Еще два месяца ушло на бюрократическую волокиту, на путешествие документов из Петербурга в Москву. И лишь 14 февраля 1856 г. Кошелёв облегченно вздохнул: “Наконец получены, – сообщал он Черкасскому, – официальные бумаги о дозволении журнала и о снятии запрещения со всех вас”[73].

Самарин советовал Кошелёву отложить издание до 1857 г., заготовить статьи и приступить к выпуску ежемесячного (а не выходящего четыре раза в год) журнала[74]. Получив долгожданное разрешение на издание “Русской беседы”, Кошелёв медлить не стал, хотя мечтал о выпуске ежемесячного журнала[75].

Кошелёв составил программу издания[76], это тоже его заслуга. Одобренная Хомяковым и Самариным, она была прочитана в доме С.Т. Аксакова при большом собрании приглашенных, которые загорелись желанием содействовать утверждению русского воззрения на науку и искусство, в ней декларированного.

Хотя на составление и печатание первого номера у Кошелёва было всего два месяца, он получился удачным: вступительное слово Хомякова, стихотворения Хомякова и И. Аксакова, русские народные песни из собрания П. Киреевского, статья Самарина “Два слова о народности в науке”, заметка К. Аксакова “О русском воззрении”, рецензия Н.П. Гилярова-Платонова на “Семейную хронику” и “Воспоминания” С.Т. Аксакова, обозрение политических событий минувшего года Черкасского. Редактор поместил в номере две статьи о железных дорогах, которые похвалил Н.Г. Чернышевский (“отличаются большим знанием дела”)[77].

Черкасского Кошелёв извещал: «”Беседа” вышла 28-го апреля... Статья Ваша решительно нравится всем, и ее хвалят больше всех остальных. Также очень довольны вступлением Хомякова. Вообще появление “Беседы” произвело довольно сильное действие». Ему же в следующем письме: “Должен Вам сказать, что 1-й номер произвел некоторый эффект: друзья и приятели все довольны, и враги смотрят на книгу с уважением”[78].

Второй номер журнала получился лучше первого. Похоже, что славянофилы не рассчитывали на такой успех. Самарин писал Чижову 16 июня 1856 г.: «”Русская беседа” пошла хорошо, так хорошо, как ни я и никто не ожидал». Число подписчиков, радовался он, возрастает, “что всего важнее, возбуждено сочувствие”. Но Самарин не считал предпринятое дело надежным из-за редактора, для которого журнал “дело второстепенное”: “Иначе и быть не может у человека, имеющего 6 т⟨ысяч⟩ душ и управляющего своим имением...”[79]. Однако Самарин тревожился напрасно: Кошелёв – при его-то энергии! – поспевал всюду.

---

[72] Там же.
[73] Там же. Л. 16.
[74] Письмо от 4 августа 1855 г. (РГБ. Ф. 265. Карт. 142. Ед. хр. 8. Л. 26, 26 об.).
[75] См. письмо Ф.В. Чижову от 9 апреля 1857 г. (Там же. Ф. 332. Карт. 35. Ед. хр. 30. Л. 2).
[76] См. письмо В.А. Черкасскому от 16 ноября 1855 г. (Там же. Черк. /II. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 7 об.).
[77] *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. III. С. 661.
[78] Письма от 1 и 8 мая 1856 г. (РГБ. Черк. /II. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 19, 22).
[79] Там же. Ф. 332. Карт. 51. Ед. хр. 15. Л. 9.

Когда "Записки" Кошелёва вышли из печати, их издательница О.Ф. Кошелёва была огорчена и возмущена редакционной заметкой (Ольга Федоровна назвала ее "фельетоном"), появившейся в газете А.С. Суворина "Новое время"[80]. Издателя она укоряла в том, что в заметке излагается "факт, совершенно ложный и невозможный, выдаваемый за несомненный": "Вы пишете, будто мой муж, приступая к изданию и редактированию журнала (почтенная "Русская беседа"), заставил своих сотрудников Хомякова и другого славянофила (почему его не назвали – любопытно) поклясться перед иконой, что они его не подведут под правительственную кару: этим вы доказываете его гражданскую трусость"[81].

Можно понять негодование Ольги Федоровны: предположение о гражданской трусости Кошелёва – невероятно. Человек независимый, служивший эпизодически, он ни перед кем не трепетал. Ольга Федоровна в письме Суворину ссылается на статьи и брошюры мужа, напечатанные за границей и содержавшие критику "правительственных мер и самих деятелей", – он всегда подписывал их своим именем. Кроме того, продолжает она, журнал был подцензурный – "редактор не ответчик". Наконец, клятва перед иконой – "совсем уж не в религиозном духе Кошелева"[82].

Однако смеем предположить, что факт с клятвой (перед иконой или нет) – вполне в стиле характера Кошелёва. В своих воспоминаниях о Хомякове (см. наст. изд.) он писал, что друг "верно исполнил данное им мне слово: не отказываться ни от какой работы, которую я как издатель и редактор на него наложу". Клятва с Хомякова была взята после того, как на просьбу Кошелёва о статье для первого номера "Русской беседы" он ответил, что статьи не обещал, о ней не думал и предмета не имеет[83], как будто бы это издание не было его идеей. Человек требовательный, не одобрявший необязательности в работе, Кошелёв честно признался: "Я седлал и ездил верхом на некоторых моих сотрудниках и этим поддерживал журнал"[84].

Выдвинем даже догадку о том, кто был тот неназванный в "Новом времени" славянофил, от которого Кошелёв мог требовать осмотрительности: это К. Аксаков. Заказывая ему статью для первого номера, Кошелёв просил сделать ее "не слишком воинственной", предостерегал от необдуманных действий: «Нам в нынешнем году надобно быть крайне осторожными, ибо доносы будут; и могу Вам сказать, что дозволение на издание "Беседы" было взято приступом, а потому мы должны быть осмотрительны и в статьях и даже в словах»[85]. Чижов предлагал повременить с печатанием аксаковской статьи, так как она может принести несомненный вред журналу или даже погубит его.

---

[80] Новое время. 1884. 30 сент. (12 окт.). № 3086.

[81] Письмо без даты (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 1–1 об.).

[82] Там же. Л. 1 об.–2, 3 об.–4. См. также заявление А.И. Кошелёва: "Мы печатаем наши мнения, где можем – за границею; не скрываем имени и не уклоняемся от ответственности за высказанное" (*Кошелев А.И.* Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862. С. IV).

[83] *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. С. 137.

[84] Там же.

[85] Письмо от 15 декабря 1855 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 115. Л. 7 об.).

О неосторожности в высказываниях К. Аксакова хорошо знали в славянофильском кружке и за его пределами. Н.В. Шаховской вспоминал: "К. Аксаков был, так сказать, самый увлекающийся из славянофилов; своею прямолинейностью он внушал некоторый страх даже своим"[86].

Можно представить, как волновался Кошелёв, потративший несколько месяцев, бездну сил и терпения на хлопоты о журнале. Естественно, он не хотел, чтобы ситуация развивалась по правительственному сценарию: Л.В. Дубельт в Главном управлении цензуры заявил (и это стало известно редактору), что славянофилы утомятся после выпуска двух-трех номеров и будут рады запрещению журнала. Угроза серьезная – Кошелёв учитывал опыт издания "Московского сборника" 1852 г. Поэтому случай с клятвой ни в коем случае не роняет достоинства Кошелёва, а лишь подтверждает то, что он тревожился за общее дело славянофильского кружка, – ведь даже имени его не было на обложке выпускаемого журнала. И гордился тем, что за два первых года издания "Русской беседы" не получил ни одного замечания со стороны Министерства народного просвещения.

Стоит принять во внимание, что Кошелёв изменился ко времени начала издания "Русской беседы". В "Записках" он писал о том, что в молодости "христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров". Между тем с начала 1850-х годов он стал усердным читателем творений Василия Великого, Иоанна Златоуста, Тихона Воронежского, протестантского пастора Александра Вине и др. Богословские вопросы обсуждались в беседах и в переписке его с Хомяковым, И. Киреевским, И. Аксаковым (приведена в биографии Кошелёва, составленной Колюпановым). Теперь он радовался тому, что написанную им программу журнала одобрили митрополит Московский Филарет и Макарий Оптинский.

Молодые члены кружка славянофилов (И. Аксаков, Черкасский) жалели, что "Русская беседа" не привлекает юных людей. И. Аксаков осуждал направление журнала, а сочувствие старцев считал "просто позорным"[87]. Но Кошелёв очень хорошо усвоил, что национальная идея в представлении славянофилов тесно связана с православием, поэтому в 1857 г. никак не соглашался на предложение Черкасского сделать И. Аксакова своим соредактором: «Теперь скажу в ответ на Ваше мнение о том, что И.С. Аксаков может быть соиздателем "Беседы" и что не беда изменить несколько направление "Беседы". Нет, батюшка, последнее совершенно невозможно. *Наши* убеждения совершенно тверды и со дня на день все более и более определяются даже для читателей»[88].

Изменились и политические взгляды Кошелёва. В 1825 г. речи К.Ф. Рылеева "о необходимости покончить с этим правительством" производили на него, судя по "Запискам", "сильное впечатление"; в декабре этого года Кошелёву ка-

[86] *Шаховской Н.В.* Годы службы Н.П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете // Русское обозрение. 1897. Авг. С. 741.
[87] Письмо К.С. Аксакову от 14(2) июля 1857 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7).
[88] Письмо от 21 ноября 1857 г. (РГБ. Черк./Ш. Карт. 5. Ед. хр. 3. Л. 33 об.).

залось, что "для России уже наступал великий 1789 год", но попытка насильственного свержения власти не удалась. Пережив мрачную эпоху николаевского царствования, Кошелёв после смерти Николая I радовался, что "отрадная звезда взошла на нашем горизонте"[89]. Из "сочувственника" (Н.М. Карамзин) Рылееву он превратился в защитника монархии, верил в желание власти осуществить реформы и выразил готовность поддержать ее в этом стремлении: "Мы все за самодержавие, ибо признаем его необходимость для России; но мы все также против бюрократии, ибо считаем ее злейшим врагом России и самого правительства. Самодержавие теперь – вне области борьбы; в схватке теперь – бюрократия и земля"[90].

И. Аксакова, все-таки ставшего в 1858 г. соредактором "Русской беседы", Кошелёв призывал преодолеть свое фрондерство, "болезненное нерасположение к власти", ибо он, Кошелёв, готов скорее отказаться от журнала, нежели поставить его в оппозиционное власти положение. Поэтому судьба этого журнала была судьбой благополучной (в отличие от "Московского сборника" 1852 г.): славянофилы сами закрыли его, а не правительство.

"Хотя моих статей было немного, но моей деятельности было много", – считал редактор[91]. Много было потрачено Кошелёвым и денег: хотя "Русская беседа" создавалась на паях (Хомяков, Кошелёв, Самарин, Черкасский), вклад Кошелёва был самым весомым (когда журнал закрывался, соредактор И. Аксаков подсчитал, что Кошелёв издержал на него 40 тыс. руб. серебром). И в обществе знали о том, что основным вкладчиком являлся Кошелёв. "Капитал дает Кошелёв", – сообщал в 1855 г. Т.Н. Грановский К.Д. Кавелину[92]. Одним словом, преданность общему делу, способность погружаться в него целиком, самоотверженность – все эти качества Кошелёва особенно ярко проявились во время руководства "Русской беседой". И. Аксаков отдал должное редактору, подчеркнув его несомненные заслуги перед славянофильским кружком: «Честь и слава Кошелеву, основавшему "Р⟨усскую⟩ беседу": только благодаря его настойчивости и энергии она могла возникнуть, только благодаря его огромным материальным пожертвованиям могла она существовать»[93].

Журнал сделал Кошелёва известным в мире литературном и политическом, и не только в России, но и на Западе[94]. Была организована подписка на журнал за границей: в Вене через священника русской церкви М.Ф. Раевского, в Париже в конторе газеты "Le Nord" на boulevard de la Madeleine, № 5, в Лейпциге у книгопродавца Франца Вагнера. В 1859 г. И. Аксаков сообщал Кошелёву из-за границы, что на днях виделся с Раевским, рассказавшим, какой популярностью пользуется имя Кошелёва у славян и как велика их признательность ему; влия-

---

[89] *Колюпанов Н.П.* Указ. соч. Т. II. С. 228 (запись А.И. Кошелёва в дневнике 1856 г.).
[90] Письмо Ю.Ф. Самарину от 1 февраля 1860 г. (РГБ. Черк./II. Карт. 5. Ед. хр. 5. Л. 29 об.).
[91] Письмо И.С. Аксакову от 2 июня 1858 г. (*Колюпанов Н.П.* Указ. соч. Т. II. С. 247).
[92] Письмо от 2 октября 1855 г. (Т.Н. Грановский и его переписка. В 2 т. М., 1897. Т. II. С. 457).
[93] *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. С. 127.
[94] См. письмо И.С. Аксакова К.С. Аксакову от 14(2) июля 1857 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 7).

ние "Русской беседы" на славянское движение "огромное", ее авторитет среди славян очень велик[95].

Таким образом, изданием "Московского сборника" 1852 г. и – в еще бóльшей мере – "Русской беседы" Кошелёв обеспечил себе "видное место"[96] в истории русской журналистики.

Именно "Русская беседа" и другой – собственный – журнал Кошелёва "Сельское благоустройство" сыграли большую роль в деле крестьянской реформы.

В четвертой книге "Русской беседы" за 1857 г. появилась статья Кошелёва "По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и о поземельной общинной собственности". Противник безземельного освобождения крестьян, он заявил: "Крестьянин без земли, что рыба без воды". В статье "Общинное поземельное владение", напечатанной позже, уже в "Сельском благоустройстве" (1858, № 3), он снова выступил с защитой "кругового ручательства", т.е. сельской общины, владеющей общей землей. Заслуги Кошелёва в разъяснении и защите коллективной формы землевладения и ее "великой роли" в судьбе русского крестьянства признавали даже западники, в частности историк К.Д. Кавелин[97].

В общине Кошелёв видел средство достижения стабильности государства и сохранения личного землевладения. Еще в 1848 г. он писал И. Киреевскому, что освобождение крестьян без земли есть вещь "неудобоисполнимая и опасная", так как без оседлости такая масса населения грозит государству смутами и беспокойством[98]. Его взгляды на общину – при кажущемся сходстве – отличались от взглядов революционеров-демократов, также защищавших общину, но рассматривавших ее как удобную форму для перехода к крестьянскому социализму. "Туда за г. Чернышевским мы следовать не расположены"[99], – заявил Кошелёв, желая отмежеваться от радикально мыслящей части русского общества.

Лучшие свойства деятельной и целеустремленной натуры Кошелёва с наибольшей силой обнаружились в его трудах по освобождению крестьян. Умный и распорядительный помещик, он раньше других осознал вред крепостнических отношений, препятствовавших новым формам ведения хозяйства. Еще в предреформенные годы в имениях Кошелёва использовались привезенные им из Англии сельскохозяйственные машины, был построен винокуренный завод, открыты школы для крестьянских детей. До 1857 г. он освободил более 200 крепостных. Освобождал своих крестьян и Хомяков до начала подготовки реформы: "Я опять отпустил еще одну деревню и надеюсь на будущий год отпустить последнюю из степных деревень"[100].

---

95 Письмо от 20 июля 1859 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 17 об.–18).

96 *Колюпанов Н.П.* Указ. соч. Т. I, кн. 1. С. VI.

97 *Кавелин К.Д.* Взгляд на русскую сельскую общину // *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М., 1989. С. 96, 100–101.

98 Письмо от 15 марта 1848 г. (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 45 об.).

99 *Кошелев А.И.* По поводу журнальных статей... // Русская беседа. 1857. № 4. Отд. "Критика". С. 170.

100 Письмо П.М. и П.А. Бестужевым ⟨от последней недели октября 1852 г.⟩ (Хомяковский сборник. Т. I. С. 99).

Славянофилы регулярно собирались или в рязанском имении Кошелёва Песочня, или в Богучарове под Тулой у Хомякова для обсуждения вопросов крестьянской эмансипации. “Цель наша общая: улучшение сельского хозяйства”, – писал Кошелёв И. Аксакову[101]. Для Хомякова Кошелёв был авторитетом в крестьянских делах. Он с ним постоянно советовался: так, в мае 1860 г. спрашивал мнение друга относительно мер по выкупу крестьян и добровольным сделкам между ними и помещиками. За труды в Лебедянском и Московском обществах сельского хозяйства Кошелёв был награжден двумя золотыми медалями. Вопрос крестьянского освобождения И. Киреевский назвал “любимым” для Кошелёва[102]. Не случайно свои материалы, посвященные отмене крепостного права (письма к министру внутренних дел, дворянству Рязанской губернии, государю и др.), Кошелёв посчитал нужным дать в приложении к “Запискам”. Проблемы, связанные с борьбой за уничтожение крепостного состояния, подробно освещаются на страницах мемуаров. То, что они постоянно занимали ум и сердце Кошелёва, видно и из его переписки. “Одно убеждение во мне весьма твердо: необходимость уничтожения крепостного права на людей”, – писал он еще в 1848 г. И. Киреевскому[103].

Вопрос об освобождении крестьян от крепостного права был очень важным для Кошелёва: когда в 1860 г. внезапно умер Хомяков и Кошелёв был безутешен, И. Аксаков выражал робкую надежду на то, что “эманципация, из области бумажной переходя в действительность”, снова вернет его к жизни[104].

Кошелёв имел полное право написать в “Записках” о том, что славянофилы были “самыми усердными поборниками освобождения крестьян”, тем более что трое славянофилов – Самарин, Черкасский и А.Н. Попов – трудились в Редакционных комиссиях.

В Рязанской губернии Кошелёв был известен “недворянскими стремлениями”: еще в 1847 г. он предлагал министру внутренних дел создать в губернии комитет для улучшения быта крестьян, но министр нашел предложение неудобным. В том же году в статье “Охота пуще неволи”, напечатанной в “Земледельческой газете”, призывал помещиков отпускать на волю дворовых людей. Будучи уездным предводителем дворянства, он пресекал имевшие место проявления помещичьего произвола, о которых откровенно рассказал в мемуарах: заключение работников в рогатки, приковывание к столбу, кормление селедкой без воды и т.п. Помещик Ч-ов, возмущенный и оскорбленный вмешательством Кошелёва, заявил ему: “...никогда ни один предводитель не позволял себе подобных внушений...”.

В речи, адресованной дворянам Рязанской губернии в конце 1840-х годов, Кошелёв пытался убедить их, что откладывать освобождение “столько неудобно, сколько и опасно”. Он хорошо сознавал, какую угрозу для общественного

---

[101] Письмо от 24 августа 1854 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 296_2).
[102] Письмо А.И. Кошелёву от 20 февраля 1851 г. (*Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. Т. II. С. 252).
[103] Письмо от 15 марта 1848 г. (РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 42).
[104] Письмо А.И. Кошелёву от 11 ноября 1860 г. (Хомяковский сборник. Т. I. С. 231).

спокойствия несет в себе сохранение крепостной зависимости, и стремился избежать кровавой развязки. И в записке государю в начале 1858 г. настоятельную необходимость "законных мер к прекращению крепостного состояния" он обосновывал опасением, как бы крестьяне сами не выхватили свободу силой. Он отправил и царю, и министру внутренних дел собственный проект освобождения крестьян посредством выкупа, с предоставлением им земли. Это был самый смелый среди славянофильских проектов. Однако ответа автор не получил.

Кошелёв – хорошо осведомленный человек в деле крестьянской реформы: он знал, как она готовилась, и в губернских комитетах, будучи членом такового в Рязани, и в Редакционных комиссиях, где трудились его друзья по славянофильскому кружку.

В Рязанском комитете по крестьянскому делу Кошелёв, являвшийся членом от правительства, выдержал многие битвы с крепостниками, всячески противившимися делу освобождения. "Слышали ли вы, какое возмущение произошло в Рязанском комитете? Кошелева прогнали просто", – сообщала Е.И. Елагина Г.С. Батенькову 28 ноября 1858 г.[105] Рязанская история дошла до министра внутренних дел. В правительстве испугались, что депутаты от губерний, в большинстве своем крепостники, повсюду в комитетах прогонят членов от правительства. Поэтому ситуация разрешилась в пользу Кошелёва: он был восстановлен в должности, а комитету объявлено высочайшее неудовольствие.

Кошелёв горько переживал свое неучастие в работе Редакционных комиссий, созданных в феврале 1859 г. Он был приглашен туда их председателем Я.И. Ростовцевым. Но ожидаемое в Песочне приглашение все не приходило, хотя члены-эксперты уже собрались в Петербурге. "Кому это приписать, не знаю. Видно, добрые мои приятели о том похлопотали", – подумал было Кошелёв[106]. Однако ситуация прояснилась: "Русская беседа" и "Сельское благоустройство" явились причиной того, что их редактора-издателя не пригласили в комиссии. Министр юстиции В.Н. Панин оказался самым большим недоброжелателем Кошелёва. Хомяков как мог утешал Кошелева: "Радуюсь за тебя, что ты в комитете и что не в ростовцевском; ты свободнее"[107]. Через несколько лет Кошелёв обрадуется тому, что не работал в комиссиях: "Благодарю Бога, что я не участвовал в редакции этого Положения"[108]. Кабинетная работа оторвала славянофилов, заседавших в Редакционных комиссиях, от реальной крестьянской жизни. Кошелёв критиковал работу комиссий в выпущенной в 1860 г. в Лейпциге брошюре "Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу", и в "Записках" не скрыл, что страшился излишней регламентации в подготавливаемых комиссией документах (опасения его оказались не напрасными). О том же читаем в его переписке. "Петербургская стряпня", заметил Кошелёв в письме А.Н. Попову, приведет к появлению "точных правил и на счет того, как кресть-

---

[105] *Беэр А.С.* Фамилиана (РГБ. Ф. 99. Карт. 26. Ед. хр. 15. С. 121).

[106] Письмо В.А. Черкасскому от 16 марта 1859 г. (Там же. Черк. /II. Карт. 9. Ед. хр. 35. Л. 8).

[107] Письмо ⟨от октября 1859 г.⟩ (*Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 155).

[108] Письмо И.С. Аксакову от 25 мая 1861 г. (Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 63).

янину чихнуть и как ему поздороваться... Знаете, мороз по коже дерет и меня, и Хомякова от одних опасений". Чем более неполным будет проект освобождения, тем лучше, считал он: "Одно спасение – предоставить самой жизни выливать для себя формы"[109]. Кошелёв беспокоился о том, чтобы положения готовящейся реформы не нарушили внутреннюю жизнь крестьянского мира. Предвидел он и сложности (также впоследствии возникшие) в отношениях между помещиками и крестьянами при вольнонаемной обработке полей – после освобождения было нелегко заставить наемных рабочих трудиться по-настоящему, не как на барщине: "Прежде мы это сваливали на крепостное состояние, но теперь его нет, а недобросовестность еще сильнее выказывается"[110].

В одном из писем Кошелёву Черкасский вспоминал о задушевных беседах с ним, о том, как они говорили, что почтут себя счастливыми, если доживут до освобождения крестьян[111]. И вот – дожили до этого дня! После реформы Кошелёв с головой ушел в крестьянские дела до такой степени, что все привычные занятия почти утратили для него интерес. "Вообразите, – сообщал он И. Аксакову, – я читать ничего не могу. Покойный Хомяков часто смеялся надо мною, что я погружаюсь по маковку в каждое дело, которым занимаюсь, что не тону в нем, но лишаюсь всех чувств в отношении ко всему остальному. Это совершенно справедливо"[112].

Однако Кошелёва ждало разочарование: "Крестьяне решительно помещикам не верят. Я думал, что пользуюсь их доверием, но на деле оказывается, что и я помещик и потому не пользуюсь верою со стороны крестьян. Тяжело барахтаться в этом омуте..."[113]. После отмены крепостного права, убедившись в неповиновении крестьян, Кошелёв утратил сочувствие "сословию обиженному", по терминологии Хомякова. "Возгласы в пользу крестьян – в газетах и журналах – мне теперь до того противны..."; «Ради Бога, – просил он И. Аксакова, – в своей газете ("День". – *Т.П.*) не воспевайте народ...»[114].

Теперь Кошелёв был обеспокоен выполнением крестьянами заключенных с помещиками условий, охранением помещичьих лесов и полей от потравы и порубок, о чем мемуарист повествовал в начале XII главы. В письмах Самарину он жаловался на то, что крестьяне не выходят на барщину, что спокойствие в Сапожковском уезде, где жил Кошелёв, воцарилось только после того, как генерал-губернатор высек человек 50[115]. Но и в самаринских деревнях положение было сходным: Самарину пришлось в с. Владимирское Самарской губернии вызвать исправника, который "коекого посек и привел все в порядок..."[116].

---

[109] Письмо от 17 августа 1860 г. (Русский архив. 1886. № 1. С. 360, 361).
[110] Письмо И.С. Аксакову от 14 сентября 1861 г. (Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 68).
[111] Письмо от 13–16 февраля 1862 г. (РГБ. Ф. 265. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 96).
[112] Письмо от 25 мая 1861 г. (Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 65).
[113] Письмо И.С. Аксакову от 25 июля 1861 г. (Там же. С. 66).
[114] Письмо от 14 сентября 1861 г. (Там же. С. 67, 68).
[115] Письмо от 4 июня 1861 г. (РГБ. Ф. 265. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 36).
[116] Письмо Ю.Ф. Самарина С.Ю. Самариной от 10 апреля ⟨1861 г.⟩ (Там же. Карт. 38. Ед. хр. 2. Л. 51).

Не отчаивался только Черкасский. Кошелёв сообщал ему, что толковал с крестьянами целых полгода, однако "ничего не уладил", "ослушание на каждом шагу"[117]. Та же картина, по его словам, была в Тульской губернии: Кошелёв, опекун детей Хомякова после его смерти, убедился в этом, разъезжая по его имениям. От Черкасского был получен следующий ответ: "Вы, по свойственной Вам привычке к большим делам и по врожденному нам всем теперь стремлению скорее узреть землю обетованную, – Вы требуете слишком многого от немногих нами пройденных с 19 февраля минут, и тихий исторический рост новых отношений принимаете за фиаско"[118].

Всегда с радостью уезжавший из Москвы в деревню, Кошелёв в 1861 г. впервые с удовольствием покидал рязанское имение: "Здесь от хлопот и неприятностей голова идет кругом"[119]. Его раздражало, что "Положение" от 19 февраля, в редактировании которого принимали участие славянофилы, допускало множество толкований, что приводило к страшной сумятице. В Карлсбаде, куда летом 1862 г. Кошелёв прибыл поправлять свое расстроенное хлопотами здоровье, он встретил Черкасского, который «вполне всем доволен и молит Бога только об одном – чтоб не было никаких перемен и чтобы их "Положение" свято соблюдалось как совершеннейшее Откровение свыше. Просто эти люди рехнулись», – писал он И. Аксакову[120].

Выступая за реформу, Кошелёв – помимо искреннего желания облегчить участь крестьянскую – был озабочен перспективой смут и политических бедствий, которыми грозило сохранение крепостничества. Освобождение свершилось, но тревога не покидала его: потрясения не миновали Европу, навстречу им шла и Россия. "Народ страшен единомыслием", – читаем в одном из писем Кошелёва 1861 г. "Мы дремлем у огнедышащего жерла", – из другого письма того же года[121].

Поэтому аксаковские идеи ликвидации дворянства как привилегированного сословия и уничтожения имущественного ценза, выдвинутые им в газете "День", не встретили сочувствия у Кошелёва. Он заявил, что не видит возможности для дворянского сословия соединиться с остальным народонаселением из-за острого антагонизма дворянского и крестьянского сословий, интересы которых "весьма различны и часто даже противуположны... их понятия, верования и чувства существенно расходятся с нашими"[122].

Кошелёв понимал, что с уничтожением крепостной зависимости и с введением всеобщей воинской повинности (1874) дворянство лишилось "сословных оград", но, в отличие от Самарина и Черкасского, также не одобрявших аксаковскую идею бессословного общества, не снимал вины за беды России с того сословия, к которому принадлежал: "своекорыстники", как он говорил, кото-

---

[117] Письмо от 12 октября 1861 г. (Там же. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 65).

[118] Письмо от 12 ноября 1861 г. (Там же. Л. 68 об.).

[119] Письмо Ю.Ф. Самарину от 20 октября 1861 г. (Там же. Л. 53 об.).

[120] Письмо от 1(13) июня 1862 г. (Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 74).

[121] Письмо И.С. Аксакову от 25 мая 1861 г. (Там же. С. 62); письмо В.А. Черкасскому от 20 ноября 1861 г. (РГБ. Ф. 265. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 75).

[122] *Кошелев А.И.* О мелкой земской единице. М., 1881. С. 10.

рым нет дела до нужд земства, отечества, действуя в узкодворянских интересах, порождают анархистов, желающих помочь бедным. Первые, считал Кошелёв, хуже вторых.

В послереформенный период Кошелёв стал "серьезным и убежденным публицистом", по мнению его биографа Колюпанова[123]. Печататься он начал еще в 1827 г. в журнале "Московский вестник", затем публиковал статьи в "Земледельческой газете", в "Московском сборнике" 1852 г., в "Русской беседе" и "Сельском благоустройстве". Но подлинный расцвет его публицистики приходится на время после крестьянского освобождения. В эту пору Кошелёв – активный сотрудник газет "День", "Новое время", "Земство", журнала "Беседа", автор около 20 брошюр, напечатанных в России и за границей.

Споры об общине с новой силой возобновились в 1870–1880-е годы. В брошюре "Об общинном землевладении в России" (1875) Кошелёв писал об атаках на общину с двух сторон: со стороны крепостников, тоскующих о былом крепостном праве, и со стороны либералов, видящих в ней ограничитель личной свободы крестьянина. Либералы воспитаны, по мнению автора, на западных образцах, но в Европе нет той общины, которая есть в России, т.е. спокойной, миролюбивой, консервативной, а есть ее противоположность – коммуна, грозящая в будущем великими бедствиями для государства[124]. И в 1880-е годы в брошюре "О сословиях и состояниях в России" он снова разъяснял, что если видеть в общине "социалистическое сообщество", то это чревато в будущем «волнениями и гибелью всего выработанного "цивилизациею"»[125].

Во многих своих брошюрах Кошелёв защищал мысль о необходимости созыва Земской думы. Впервые из славянофилов высказав ее в записке Александру II еще в 1850-е годы, он не уставал повторять эту мысль позднее в своих печатных выступлениях: "Конституция, самодержавие и Земская дума" (1862), "Какой исход для России из нынешнего ее положения?" (1862), "Наше положение" (1875), "Общая Земская дума в России" (1875). По его словам, эта идея стала "мономанией". "Четырнадцать лет я носился с освобождением крестьян, – писал он Черкасскому. – Теперь мысль о необходимости созвания Земской думы в Москве овладела мною совершенно"[126]. Черкасский считал, что Кошелёв "решительно сошел с ума на Земской думе"[127].

Противник конституции, Кошелёв в общественном мнении видел единственный ограничитель верховной власти. Созвать Думу должен царь, союз которого с народом поможет уберечь страну от революции. Через предварительное рассмотрение Думы будут проходить все проекты законов, мечтал Кошелёв, и гласность ее заседаний благотворно подействует на Государственный совет, который не захочет отставать от Думы и в разработке законов проявит державную мудрость[128].

---

[123] *Колюпанов Н.П.* Указ. соч. Т. I, кн. 1. С. VI.

[124] *Кошелев А.И.* Об общинном землевладении в России. Berlin, 1875. С. 1–2, 44, 45.

[125] *Он же.* О сословиях и состояниях в России. М., 1881. С. 7–8.

[126] Письмо от 20 марта 1862 г. (РГБ. Ф. 265. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 88 об.).

[127] Письмо Ю.Ф. Самарину от апреля 1862 г. (Там же. Л. 104 об.).

[128] *Кошелев А.И.* Общая Земская Дума в России. Berlin, 1875. С. 49.

Самарину и Черкасскому мысль о Думе казалась непродуктивной, они считали, что нужно не Думу созывать, а начинать постройку снизу, с фундамента, с местных учреждений[129]. Однако Кошелёв был убежден, что в России могут осуществиться только реформы, идущие сверху: "Как может развиваться местная общественная жизнь, когда бюрократия не позволяет даже посредникам и предводителям съезжаться для совместных совещаний"[130].

Главного врага Кошелёв видел в бюрократии, в административном бездушии: "У нас самодержавствует не государь, а бюрократия"[131], т.е. начальство, существующее отдельно от прочего населения страны[132].

Хотя после 1861 г. повеяло "свежим воздухом", бюрократы живут и мыслят по-прежнему: "...их цель – сохранение, по возможности увековечение тех выгод, которые им доставляет нынешний порядок вещей". Кошелёв мечтал дожить до блаженного дня, когда администрация перестанет быть "нашею владычицею и распорядительницею"[133]. Но не дожил... На личность царя критические суждения не распространялись – Кошелёв был убежденным монархистом.

Многое из того, что было написано Кошелёвым более века назад, не утратило своей злободневности, а, стало быть, и притягательности для сегодняшнего читателя. Так, в 1870-е годы он критиковал правительство Александра II за непонимание нужд страны: у населения отнимали права, дарованные в первое десятилетие царствования; на людей давили законы, мало соответствовавшие изменившемуся положению России; народ чувствовал себя стесненным в земском и городском самоуправлении; всесословные земские учреждения превратились в чисто дворянские; финансовое положение страны ухудшилось; свобода слова ограничивалась; сельское население предавалось пьянству[134].

Еще более острой была критика Кошелёвым правительственного курса Александра III. В брошюре "Где мы? Куда и как идти?" (1881) он писал о гнетущем застое, в котором находилась страна, о населении, лишенном возможности высказывать верховной власти свои нужды, о роскоши двора при повсеместном безденежье, о казнокрадстве, ежегодных дефицитах государственного бюджета. Правительственную политику, старавшуюся удержать Россию в неподвижности, автор квалифицировал как легкомысленную. Особую опасность, с точки зрения Кошелёва, вызывали представители охранительного направления (в первую очередь подразумевался М.Н. Катков), которые советовали правительству принять строгие меры в наведении порядка через ущемление гражданских

---

[129] Письмо В.А. Черкасского А.И. Кошелёву от 13–16 февраля 1862 г. (РГБ. Ф. 265. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 95 об.).

[130] Письмо А.И. Кошелёва В.А. Черкасскому от 25 января 1862 г. (Там же. Л. 86 об.).

[131] *Кошелев А.И.* Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862. С. 29.

[132] *Он же.* Где мы? Куда и как идти? Berlin, 1881. С. 23.

[133] *Он же.* Какой исход для России из нынешнего ее положения? С. 4, 5, 31–32.

[134] *Он же.* Наше положение. Berlin, 1875. С. 3–4, 6, 43; *Он же.* Что же теперь делать? Berlin, 1879. С. 9.

и общественных свобод. Кошелёв ратовал за беспрепятственное выражение общественного мнения и предупреждал, что многолетний опыт запрещений приводит к обратному результату – к усилению и распространению нежелательных идей и действий[135].

Однако правительство и Александра II, и Александра III не желало знать мнение о себе и не позволяло подданным обсуждать собственные действия. Поэтому многие брошюры Кошелёва не вышли на родине, он вынужден был прибегать к помощи берлинских и лейпцигских печатных станков: брошюры "Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу", "Какой исход для России из нынешнего ее положения?", "Конституция, самодержавие и Земская дума", "Наше положение" выпущены в Лейпциге в 1860, 1862, 1875 г., "Об общинном землевладении в России", "Общая Земская дума в России", "Где мы? Куда и как идти?", "Что же теперь?" – в Берлине в 1875, 1881, 1882 гг. Наивно отправляя их очередному царю вместе с "всеподданнейшим письмом", дабы подтвердить свою лояльность, автор только под конец жизни удостоверился, что в Петербурге читали его труды, да и то в связи с тем, что статья "Великая наша беда" (1882) вызвала недовольство Александра III и министра внутренних дел графа Д.А. Толстого, сделавшего предостережение газете "Голос" за ее публикацию.

А на выпущенные на Западе работы Кошелёва ополчился П.А. Валуев, министр государственных имуществ и бывший министр внутренних дел. В 1876 г. в Берлине он выпустил брошюру "Русские заграничные публицисты" (под псевдонимом "Русский"), в которой недоумевал, как человек, занимавший некогда видные служебные должности, т.е. Кошелёв, "печатно поносит... весь современный строй своей страны...". Для чиновника до мозга костей, коим являлся Валуев, подобное было непредставимо.

Чичерин в мемуарах "Москва сороковых годов" заметил, что Кошелёв "напрасно" печатал за границей свои брошюры о необходимости созыва Земского собора – "никто им не внимал"[136]. Но это мнение ошибочно.

В "Записках" Кошелёв упомянул, что брошюра "Какой исход для России из нынешнего ее положения?" (1862), где впервые была высказана мысль о Земской думе, "прошла не бесследно": "Многие соотечественники выразили мне сочувствие к высказанным в ней мнениям; а барон Гакстгаузен напечатал ее в немецком переводе", и во введении к переводу "воздал хвалы автору". А в частном письме Кошелёв признался, что успех этой брошюры стал для него совершенно неожиданным – он назвал его даже пугающим[137].

Более того – публицистические труды Кошелёва заинтересовали иностранных читателей. «Мои брошюры в Европе обратили на себя внимание, – сообщал Кошелёв И. Аксакову. – Английские газеты много об них говорят. "Наше положение" переведено на немецкий язык и напечатано в Берлине. "National

---

[135] *Он же.* Где мы? Куда и как идти? С. 3, 12, 34, 61.
[136] *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1997. С. 206.
[137] Письмо В.А. Черкасскому от 25 января 1862 г. (РГБ. Ф. 265. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 86).

Zeitung" расхвалила мои две брошюры, первую и последнюю[138], и по умеренности воззрений и требований считает их выражением общественного мнения в России. Остзеец проф⟨ессор⟩ Вагнер разругал меня за брошюру об общ⟨инном⟩ землевладении. – Знаю, что Валуев, Пален и Тимашев, проезжая через Берлин, сами взяли мои брошюры из лавки Берса»[139]. На одну из брошюр Кошелёва обратил внимание А.И. Герцен, извещавший читателей "Колокола": "В Лейпциге вышла замечательная и любопытная брошюра: *Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу*. Эту брошюру надо всякому прочесть"[140].

Возвращаясь к отзыву Чичерина о якобы "напрасном" печатании Кошелёвым брошюр, отметим, что позиция Кошелёва была совершенно не понята Чичериным, который очень недолго (1856–1858) занимался журнально-публицистической деятельностью; позже работал над научными сочинениями, писал мемуары, трудился в земстве. Кошелёва как человека и общественного деятеля отличала исключительная причастность к тому, что совершалось в его время, и он хорошо чувствовал нужды века. Неважных тем для него не существовало: он писал о запасах продовольствия для войска ("Еще несколько слов о способах заготовления провианта и фуража для армии и флота", 1857), о низком курсе рубля, поднять который поможет только "развитие производительных сил в государстве" ("О нашем денежном кризисе", 1864; "О мерах к восстановлению ценности рубля", 1878), о необходимости упразднения уездных присутствий по крестьянским делам, так как их возглавляют уездные предводители дворянства, стало быть, присутствия не выполняют своего назначения ("О крестьянском самоуправлении и о присутствиях по крестьянским делам", 1881), о бесполезности деления уездов на волости, поскольку это может привести только к увеличению начальства ("О мелкой земской единице", 1881), о противодействии пьянству ("О мерах к сокращению пьянства", 1881) и т.п.

Он писал о том, что думал и чувствовал в данный отрезок времени. Послав очередную брошюру А.П. Елагиной, он интересовался: "Погладите ли меня по головке или побраните за нее? Высказал откровенно, что думаю..."[141].

На свою публицистическую деятельность Кошелёв смотрел как на "историческую повинность", если воспользоваться выражением И. Аксакова. "Теперь молчание – не золото, а гражданский проступок", – считал Кошелёв[142]. "Во мне от избытка души уста глаголют"[143]. Публикуя свои статьи и брошюры, он не

---

[138] Вероятно, речь идет о первой напечатанной за границей брошюре "Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу" (1860) и последней (письмо написано в конце 1875 г.) – "Наше положение" (1875). Вполне возможно, что в действительности "Наше положение" вышло годом раньше, о чем сообщал автор в предуведомлении к брошюре "Общая Земская дума в России" (1875), которая являлась дополнением к "Нашему положению". "National Zeitung" – немецкая газета, выходившая в Берлине в 1840-х годах XIX в. Поддерживала программу национально-либеральной партии.

[139] Письмо от 25 ноября 1875 г. (Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 82).

[140] Колокол: В 11 вып. М., 1962. Вып. III. Л. 64. 1 марта 1860 г.

[141] Письмо от 1 января 1875 г. (РГБ. Ф. 99. Карт. 8. Ед. хр. 33. Л. 17 об.–18).

[142] *Кошелев А.И.* О мерах к восстановлению ценности рубля // Новое время. 1878. 13(25) окт. № 943. С. 1.

[143] *Он же.* Наше положение. Berlin, 1875. Предуведомление. А.И. Кошелёв цитирует Евангелие от Матфея (Мф. 12:34) и от Луки (Лк. 6:45).

вынашивал честолюбивых планов познакомить читателей с какими-то ранее неизвестными истинами; его цель была скромнее – наладить "обмен мыслей между людьми, деятельно занимающихся земским делом"[144].

* * *

Особая страница в творческой биографии Кошелёва и наиболее интересная для нас – его воспоминания. "Записки" значительны сами по себе, но дополнительную ценность придает им то, что мемуарные свидетельства, вышедшие из славянофильской среды, очень немногочисленны. Опубликованное нетрудно назвать: два некрологических очерка Хомякова о В.А. Панове и о Д.А. Валуеве, воспоминания Кошелёва о Хомякове (см. в наст. изд.), дневники В.С. и Л.С. Аксаковых, "Очерк семейного быта Аксаковых" И. Аксакова, "Материалы для биографии И.С. Киреевского", составленные Н.А. Елагиным.

У И. Аксакова было намерение сочинить биографии брата Константина и Хомякова "в виде целого эпизода истории общества за последние 25 лет"[145], но, к сожалению, оно не осуществилось: И. Аксаков написал только о детских годах Константина ("Очерк семейного быта Аксаковых").

Дата начала работы Кошелёва над "Записками" указана мемуаристом во вступлении – 13 апреля 1869 г. Через несколько дней автору исполнялось 63 года. Настало, по его мнению, время подвести итоги пережитому. Множество "великих событий", свидетелем и участником которых он был, и то немаловажное обстоятельство, что из своих сверстников он остался "одним их последних", побудило его к работе: друзья И. Киреевский и Хомяков были уже в могиле, 27 февраля 1869 г. умер В.Ф. Одоевский, последний из трех его "сердечных с юности друзей". Именно после смерти последнего друга пришло осознание того, что далее нельзя медлить: через 40 дней после кончины Одоевского Кошелёв взялся за перо. Пример товарищей, имевших намерение писать мемуары, но не успевших осуществить его, был поучителен.

Имелась еще одна причина, не названная Кошелёвым, но тем не менее заставлявшая работать над "Записками": уже вышли "Былое и думы" А.И. Герцена, "Встреча моя с Белинским" и "Литературные и житейские воспоминания" И.С. Тургенева, биографический очерк А.В. Станкевича о Т.Н. Грановском.

В исследовательской литературе, посвященной славянофилам, высказано мнение о том, что "Записки" Кошелёва в какой-то степени ориентированы на "Былое и думы" Герцена – одновременно полемично и сочувственно – и что поэтому в обеих книгах совпадает начальная дата отсчета событий – 1812 г.; оба мемуариста рассказывают о 1825 г.[146] К сожалению, это суждение не получило обстоятельного обоснования.

---

[144] *Кошелев А.И.* Голос из земства. М., 1869. Вып. 1. Предуведомление.

[145] Письмо И.С. Аксакова Д.А. Оболенскому от 7 декабря 1869 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 92 об.).

[146] *Рейфман П.С.* К истории славянофильской журналистики 1840-х – 1850-х гг. (Некоторые общие проблемы) // Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1977. Вып. 414 (Тр. по русск. и славянск. филологии. XXVIII. Литературоведение). С. 41.

Думается, что наличие сюжетов о 1812 и 1825 г. объясняется не ориентированностью кошелёвских мемуаров на герценовские, а тем, что события этих лет были определяющими в судьбе поколения, к которому принадлежали оба мемуариста. Только Герцен, родившийся в 1812 г., знал о войне из рассказов нянюшки и близких, Кошелёв же, которому в это время исполнилось шесть лет, сохранил о 1812 г. "живое и определенное" воспоминание; и патриотический порыв, одушевлявший взрослых, передался ребенку, желавшему непременно "идти на Бонапарта".

Разумеется, Кошелёв читал "Былое и думы". Связь между Герценом и москвичами была хорошо налажена: известно, что Кошелёв и его жена встречались с Герценом за границей, имя Кошелёва фигурирует в списке посылавших материалы в герценовские издания – список был доставлен в III отделение[147]. В "Записках" мемуарист дважды упомянул о Герцене – среди "главных, самых исключительных защитников западной цивилизации" наряду с Т.Н. Грановским, Н.Ф. Павловым и П.Я. Чаадаевым и среди участников споров со славянофилами в окружении тех же деятелей и "некоторых других умных и замечательных людей".

Но мемуары Кошелёва не похожи на герценовские – ни по содержанию, ни по манере, ни по тону.

Автор "Былого и дум" – художник; его интересовал прежде всего психологический облик личностей ("печальный покой морской зыби над потонувшим кораблем" в облике И. Киреевского; К. Аксаков – напротив, воин, готовый фанатично сражаться за свои убеждения). Кошелёв – не писатель, и потому не мог создать объемные портреты своих современников. Будучи близким другом И. Киреевского, он тем не менее не объяснил читателю его резкую непохожесть на других славянофилов, а сообщил общеизвестное (постоянные споры с Хомяковым, увлеченность религиозными и философскими вопросами).

Герцен подчеркивал социальную обусловленность характеров, общественную значимость явлений: сломанность судеб некоторых людей в николаевскую эпоху, причины появления кружков западников и славянофилов, сущность их споров. В изложении Кошелёва все выглядит проще: славянофильский кружок составился "незаметно", время его создания определить невозможно.

"Былое и думы" отличает поэзия мысли, поэзия человеческих отношений; мемуарист подробно и тонко пишет о своей душевной жизни. Кошелёв, напротив, сводит личные моменты в тексте "Записок" к минимуму. Это человек с ярко выраженной практической направленностью мышления (в противовес Герцену). Его привлекала деловая сторона жизни, деловые отношения людей. Прения в губернских и земских собраниях, деятельность различных комиссий на местах и в столице, устройство дорог, мостов, сельских школ и училищ – все это исполнено для Кошелёва смысла, было жизнью его сердца, приносило ему глубокое творческое удовлетворение. Хотя деловая жизнь в изображении Кошелё-

[147] Летопись жизни и творчества А.И. Герцена: 1851–1858 / Сост. Л.Р. Ланский, И.Г. Птушкина. М., 1976. С. 447.

ва полна напряжения и драматизма (атмосфера в губернских комитетах в период подготовки крестьянской реформы, история несостоявшейся покупки Николаевской железной дороги и т.п.).

Газета "Новое время" в своем редакционном отзыве о кошелёвских мемуарах с похвалой отозвалась именно об их деловой стороне, каковая является не недостатком "Записок", а их отличительной особенностью. Мемуарист сознавал ценность сообщаемых им практических сведений для будущих поколений. Однако не скрыл свою серьезную озабоченность убыванием в России числа дельных и полезных деятелей.

Судя по всему, умный и сметливый Кошелёв понимал, что соревнование с Герценом в аналитизме, умении создавать портреты современников, в мастерстве диалога – задача трудноисполнимая, и не брал ее на себя. Разумеется, каждый из них имел свою точку зрения на происходившее, выразил в мемуарах свои симпатии и антипатии, так что славянофил Кошелёв нарисовал в "Записках" картину, отличную от созданной западником Герценом в "Былом и думах". Но читатели, познакомившиеся с обоими воспоминаниями, смогут полнее ощутить глубину и многомерность эпохи, в которой звучали разные голоса. Audiatur et altera pars[148].

Создавались "Записки" на протяжении нескольких лет (1869–1883). Ободренный похвалой М.П. Погодина, которому в 1872 г. были прочитаны первые три главы, Кошелёв трудился над мемуарами до самой смерти. В 1873 г. завершены и опубликованы в "Русском архиве" 1879 г. воспоминания Кошелёва о Хомякове. При известном сходстве и близости воспоминаний к тому, что было рассказано о Хомякове в "Записках", есть и существенные различия, что позволяет рассматривать воспоминания как этап работы над мемуарами и в то же время как самостоятельное сочинение (см. Дополнение).

"Записки" доведены автором до 1882 г. и завершаются дневниками 1882–1883 гг. Последняя запись сделана 1 февраля 1883 г., весной Кошелёв заболел, летом лечился за границей, а осенью умер. Судить о процессе написания мемуаров довольно сложно, сообщаемые Кошелёвым сведения порой противоречивы. Так, из сноски к главе IV мы узнаем, что в 1870 г. "Записки" заканчивались описанием посещения Кошелёвым Веймара в 1831 г., и только похвалы и уговоры М.П. Погодина, прочитавшего мемуары, подвигли автора к продолжению трудов. Однако эта информация расходится с тем, что написал мемуарист в XIV главе: якобы в 1869 г. рассказ был доведен им до варшавского периода, т.е. до 1864 г.

Известно, что в начале 1880-х годов работа замедлилась, и тому были серьезные причины политического характера. Рухнули надежды на обновление России, и творческая активность Кошелёва ослабла. В неспокойном 1880 г. он жаловался И. Аксакову: «Хотел сильно подвинуть "Записки", но что-то плохо пишется. Даже мои надежды на Лорис-Меликова мало-помалу уничтожаются»[149].

---

[148] Следует выслушать и другую сторону (*лат.*).

[149] Письмо от 10 июня 1880 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л.6).

Познакомившись с М.Т. Лорис-Меликовым еще в 1875 г., Кошелёв дорожил приятельскими отношениями с ним и надеялся на перемены в стране – в момент написания письма к И. Аксакову Лорис-Меликов был начальником Верховной распорядительной комиссии, а с августа 1880 г. – министром внутренних дел. Упразднение III отделения, курс на сближение правительства и общества, цензурные послабления, содействие изданию газеты И. Аксакова "День"[150] и прочие меры Лорис-Меликова, направленные к умиротворению общества, воспринимались Кошелёвым с пониманием.

Однако смена царствования привела к отстранению Лорис-Меликова от дел (1881). В 1882 г. перо буквально падало из рук Кошелёва: граф Д.А. Толстой, в 1880 г. удаленный с поста министра народного просвещения к всеобщему ликованию общества, был назначен теперь министром внутренних дел. Кошелёв расценил это как "насмешку над общественным мнением или чистое безумие". Стало ясно, что Александр III опирается на "катковщину". "Граф Толстой не сходил у меня с ума"; работа над мемуарами шла с неимоверным трудом.

Окончание "Записок" писалось почти "след в след" за событиями, по горячим следам. Автор желал, чтобы мемуары были напечатаны без промедления. Осуществить публикацию на родине без значительных купюр в тексте было невозможно. По всей видимости, автор предвидел, что мемуары не удастся опубликовать в России, – горький опыт выпуска собственных брошюр за границей должен был убедить его в этом. В 1884 г. О.Ф. Кошелёва издала "Записки" в Берлине "совершенно в том виде, в каком они вышли из-под пера" мужа[151].

Достоинством мемуаров Кошелёва является хронологическая последовательность в расположении материала, временного смещения событий нет, благодаря чему читатель находится в четких временных рамках. Для удобства чтения О.Ф. Кошелёва разделила "Записки" на главы, каждую из которых предварила раскрытием ее содержания и соответствующими ему датами (только в XI главе даты отсутствуют).

Достоверность "Записок" подтверждена дневниками, которые автор вел на протяжении жизни и отрывки из которых за 1857, 1882 и 1883 гг. включены в текст мемуаров[152]. Сопоставление событий, освященных в дневниках автора и в его "Записках", позволяет понять суть и направление работы Кошелёва-мемуариста: он отсекал частные подробности, оставляя общезначимое, общеинтересное. Так, в январском дневнике за 1851 г. Кошелёв записал о встрече с В.А. Жуковским за границей, о том, как одряхлел писатель за те 10 лет, что они не виделись, что дети его не говорят по-русски, что мнения Жуковского и его собственные по поводу смертной казни разошлись: Жуковский был против ее уничтожения, тогда как Кошелёв считал, что в христианском государстве смертная казнь является преступлением[153]. "Записки" скупее: Кошелёв зафиксировал

---

[150] Письмо И.С. Аксакова Г.П. Галагану от 23 сентября 1880 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 13).

[151] Записки Александра Ивановича Кошелева. Berlin, 1884. С. V.

[152] Дневники обильно цитируются Н.П. Колюпановым в биографии А.И. Кошелёва и даны в приложениях к ней.

[153] *Колюпанов Н.П.* Указ. соч. Т. II. С. 207, 208, 211.

факт ежедневных и продолжительных бесед с Жуковским, оставив рассказ последнего о наследнике (будущем императоре Александре II), одаренном, по его словам, здравым смыслом, что подтверждали полученные от него письма, которые Жуковский дал прочесть Кошелёву.

Тот же принцип выдержан Кошелёвым и при описании фактов своей биографии. Хотя большинство мемуаристов любят распространяться о себе, в "Записках" на первом месте рассказ о событиях эпохи. История тех "минут роковых", очевидцем и участником которых Кошелёв был, обладала в его глазах бóльшей значимостью, чем факты собственной жизни. Складывается впечатление, что Кошелёв не позволял себе отступления в личную сферу: женился тогда-то, в таком-то году женил сына и выдал замуж дочь и т.п. Оставлено только то, что интересно для большинства читателей: надзор московского военного генерал-губернатора А.А. Закревского за домом Кошелёва и его посетителями, высочайшее повеление об обритии славянофилами бород, которому Кошелёв не подчинился, и т.п.

Желая подчеркнуть роль дневников в создании мемуаров, заметим, что без них память мемуариста не могла бы удержать массу сообщаемых им подробностей (даты и повестки различных заседаний, состав участников обсуждений, перечень обсуждаемых вопросов и т.п.). Обстоятельность сообщаемых Кошелёвым сведений вызвала даже нарекания со стороны современников: так, знакомые И. Аксакова, ранее его прочитавшие кошелёвские "Записки", сетовали на утомительную подробность материала о земской деятельности[154]. Однако те подробности, которые казались современникам излишними, наносящими ущерб занимательности рассказа, обрели в наши дни несомненную значимость для понимания сущности исторических событий.

Правда, со второй половины 1860-х годов печатались "Журналы Рязанского губернского земского собрания" и сборник его постановлений. Кошелёв в период написания "Записок" мог пользоваться содержащимися в них документальными материалами, но, по всей вероятности, не использовал эту возможность. Иначе чем можно объяснить его фразу в XIV главе: "Помнится, что они (прения в Рязанском губернском собрании. – *Т.П.*) продолжались два или три заседания…", – взяв в руки журнал, Кошелёв точно знал бы, сколько.

То, что писал Кошелев в мемуарах, и то, что содержится в его письмах, и по сути, и по формулировкам совпадает или подтверждается свидетельствами его современников. Так, он рассказал в "Записках" о том тяжелом впечатлении, которое вынес Д.В. Веневитинов с допросов в III отделении и от которого не мог избавиться до конца жизни. Об этом факте свидетельствовал биограф Веневитинова А.П. Пятковский ("О жизни и сочинениях Д.В. Веневитинова") и родственница декабриста Н.М. Муравьева П.Н. Лаврентьева, отрывки из неопубликованных записок которой приведены исследователем З.А. Каменским[155].

---

[154] См. письмо И.С. Аксакова Е.А. Свербеевой от 25 августа 1884 г. (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 620-а. Л. 49).

[155] *Каменский З.А.* Московский кружок любомудров. М., 1980. С. 102–103.

Кошелёвский рассказ об ополчении 1854 г., которое было встречено без одушевления народом и дворянством, подтверждается дневником В.С. Аксаковой, письмами И. Аксакова из ополчения 1855–1856 гг. История временного устранения Кошелёва из Рязанского губернского комитета в 1858 г., изложенная в "Записках", до малейших деталей совпадает с кошелёвским письмом Самарину от 11 ноября 1858 г.[156] и с содержанием письма И. Аксакова Погодину от 30 ноября того же года[157].

В мемуарах Кошелёв не скрыл своих расхождений с И. Аксаковым в начале 1880-х годов: «Мне особенно неприятны были выходки Аксакова против либералов… Ни Хомяков, ни кто-либо из нас никогда не высказывался против либерализма, либералов… Прибавка "лже" к слову либерал нисколько не изменяла смысла нападок…». О том же читаем в кошелёвских письмах И. Аксакову: "Всех называть *лже*либералами и только себя считать либералом – вовсе не либерально"[158]; «Ни Хомяков, ни Киреевский, ни ваш брат никогда не ругали либерализм. В "Русской беседе" ни единого слова нет в этом смысле»; "…если бы Хомяков был жив, то теперь он скорее одобрил бы наш способ действия, чем Ваш, и что он во многом бы с нами согласился"[159].

Но порою – и это вообще не редкость в мемуарах – Кошелёв не свободен от пристрастий. Возможно, не все в "Записках" заставит читателя стать безоговорочным единомышленником автора. К примеру, мемуарист явно несправедлив к Черкасскому. Горячо уверяя в одном месте "Записок", что народ не был для славянофилов кумиром, в другом Кошелёв отказывает Черкасскому в праве называться славянофилом именно из-за насмешек над народом-кумиром. Отсутствие единомыслия во взглядах славянофилов на тот или иной вопрос общеизвестно, но чтобы одним росчерком пера вывести Черкасского за пределы славянофильского кружка, когда тот возразить не может, когда его нет среди живых… Веских оснований отказывать Черкасскому в праве называться славянофилом Кошелёв не имел. Обратим внимание на то, что Черкасский писал Кошелёву в 1862 г.: «Что касается до меня, то уж одним участием своим в "Р⟨усской⟩ беседе", несмотря на многие коренные мои, не вполне согласные с нею убеждения, я до некоторой степени доказал свою верность общему знамени…». Себя Черкасский назвал "верным союзником, умеющим уважать дисциплину и подчиняться в случае нужды миру…"[160]. И в период редактирования "Русской беседы" Кошелёв радовался сотрудничеству Черкасского и его политическим обозрениям, печатаемым в журнале, – они были блестящи: "Ваша статья нравится всем без исключения – она просто схоронила все статьи Корша, по сознанию самих западников"[161]; "Статья вообще

[156] РГБ. Черк. / Ш. Карт. 5. Ед. хр. 5. Л. 9–10.

[157] Там же. Пог. / II. Карт. 1. Ед. хр. 36. Л. 24.

[158] Письмо от 16 августа 1881 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л. 10 об.).

[159] Письма от 10 июня 1880 г. и от 23 августа 1881 г. (Там же. Л. 13–14 об.).

[160] Письмо от 13–16 февраля 1862 г. (РГБ. Ф. 265. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 98–98 об.).

[161] Письмо от 8 мая 1856 г. (Там же. Черк. /II. Карт. 9. Ед. хр. 33. Л. 22). Корш – Е.Ф. Корш, автор политических обозрений, печатавшихся в "Русском вестнике". По мнению Б.Н. Чичерина, они были "образцовые" (*Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. С.165).

крайне жива, интересна и *остроумна*. Честь и слава Вам! Интересна и крайне осторожна – просто чудо! Вам следовало бы служить в дипломатии"[162]. Тогда восторги Кошелёва были неподдельны.

И у нас больше оснований доверять этим оценкам, чем тому, что Кошелёв написал о Черкасском в мемуарах: в период работы над ними отношение к нему было осложнено разногласиями, обнаружившимися в период подготовки крестьянской реформы в России и во время службы в Царстве Польском.

Есть неточные суждения: И. Аксакова в начале 1850-х годов мемуарист считал "чистым и ярым западником". Расходясь с братом Константином – и не только с ним – по некоторым положениям славянофильской доктрины, И. Аксаков тем не менее западником не был и именно в это время стал причислять себя к славянофильскому кружку.

Немногочисленные ошибки в хронологии, встречающиеся в "Записках" Кошелёва, объясняются несовершенством памяти: он забыл, что поступил в Московский университет в 1821 г., а не в 1822-м, как написал в мемуарах.

Гораздо существеннее замеченная нами особенность "Записок" – они подчас не свободны от групповых пристрастий славянофильского кружка. Чичерин в мемуарах "Москва сороковых годов" назвал "совершенной манией" присущую Хомякову особенность: «Везде он видел темные интриги и каверзы, направленные против славянофилов… Мне случалось выражать удивление, что, вращаясь постоянно в противоположном лагере, я ничего не ведаю об этих кознях. "Это оттого, что вы стоите за редутом", – отвечал Хомяков. Между тем мне было хорошо известно, что никакого редута тут не обреталось»[163]. И Кошелёв в "Записках" порою с предубеждением пишет о западниках, якобы распространявших о славянофилах клевету, тогда как последние не относились враждебно к противникам. Чичерин в тех же мемуарах писал, что в течение двух зим 1856 и 1857 гг. он еженедельно бывал на вечерах в доме Кошелёва (и это в разгар полемики между славянофильской "Русской беседой" и западническим "Русским вестником", в котором сотрудничал Чичерин).

Но Кошелёв в "Записках" не написал о том, что внес свою лепту в обострение отношений славянофилов и западников, напечатав в 1856 г. в "Русской беседе" статью В.В. Григорьева о Т.Н. Грановском, статью очень неуважительную по отношению к только что умершему историку. Она вызвала возмущение в обществе и даже в среде, близкой к славянофилам (С.П. Шевырев, Е.И. Елагина, А.А. Григорьев). Свое негодование по поводу публикации В.В. Григорьева высказали Н.М. Павлов, К.Д. Кавелин и А.И. Герцен.

Эта скованность Кошелёва мнениями кружка дает знать о себе и при оценке им отдельных лиц. Известно, что мемуарист входил в один дружеский круг с А.С. Пушкиным: в Петербурге они были связаны друг с другом через Карамзиных, Жуковского, С.А. Соболевского, А.О. Россет; в Москве, по словам

---

[162] *Трубецкая О.* Материалы для биографии кн. В.А. Черкасского: Кн. В.А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. М., 1901. Т. I, кн. 1. С. 75.

[163] *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. С. 202–203.

К.Д. Кавелина, оба входили в кружок, образовавшийся вокруг Н.А. Полевого[164]. Не забудем, что Кошелёв общался с Пушкиным, когда славянофилом еще не был. Вот его письмо В.Ф. Одоевскому от 21 февраля 1831 г.: "Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина. Он очень мне обрадовался. Свадьба его была 18-го, т.е. в прошедшую среду. Он познакомил меня с своею женою, и я от нее без ума. Прелесть как хороша. Сегодня вечером еду к ним"[165]. Содержание и тон письма убеждают в том, что не только Пушкин "очень обрадовался" встрече с Кошелёвым, но и Кошелёв чрезвычайно рад приглашению Пушкина. Но в "Записках", вспоминая о своем общении с поэтом, мемуарист ограничился сухой и единственной фразой: "Пушкина я знал довольно коротко; встречал его часто в обществе; бывал я и у него; но мы друг к другу не чувствовали особенной симпатии".

Мемуары писались на склоне лет, и общее отношение славянофилов к Пушкину, которое критик Н.Н. Страхов охарактеризовал как холодноватое[166], ощутимо сказалось в них[167].

Закономерно вытекает из этого отношения несогласие Кошелёва с идеей, высказанной Ф.М. Достоевским в 1880 г. в его речи о Пушкине на торжествах открытия памятника поэту. Достоевский, как известно, назвал Пушкина пророком. "Это не составляет отличительной его черты", – возразил Кошелёв, оскорбившийся за Хомякова, которого "более чем кого-либо можно признать поэтом-пророком"[168]. Все усилия И. Аксакова предотвратить печатную полемику Кошелёва с Достоевским были безрезультатны.

Это не единственный случай предубежденности. Так, первое посещение Парижа оставило в Кошелёве глубокий след. 2 марта 1832 г. он писал С.П. Шевыреву: "Ну, Париж! Чудо, да и только. Кто в нем не бывал, тот не может себе составить понятия о сем животном! До сих пор я пьян, не знаю ни что делаю, ни что говорю… одним словом, если б теперь меня увезли из Парижа, то я бы подумал, что я видел его только во сне"[169]. В "Записках" же рассказа о Париже нет ("осматривал достопримечательности Парижа"), упомянуты лишь знаменитости, с которыми Кошелёв встречался. И не удивительно – славянофилы ориентировались на Англию как страну традиций, которая не в пример Франции в XIX в. сумела предотвратить революционные взрывы.

Порой мемуарист предельно краток в своих описаниях. Весьма ощутим, к примеру, разрыв между той большой ролью, какую сыграла "Русская беседа" в журнально-издательских трудах славянофилов и в журнальной полемике вто-

---

164 *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М., 1989. С. 324.

165 Из переписки кн. В.Ф. Одоевского // Русская старина. 1904. Апр. С. 206.

166 *Страхов Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888. С. 112.

167 Подробнее об отношении славянофилов к А.С. Пушкину см.: *Пирожкова Т.Ф.* "Живая связь любви" (о речи И.С. Аксакова на пушкинских торжествах 1880 г.) // Е.Р. Дашкова и А.С. Пушкин в истории России. М., 2000.

168 *Кошелев А.* Отзыв по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве // Русская мысль. 1880. Окт. С. 2.

169 РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 321. Л. 1.

рой половины 1850-х годов, и краткостью рассказа о ней в "Записках". Кошелёв сообщил только о трудностях получения разрешения на журнал, о составе первой книги и откликах на нее, об отзывах министра народного просвещения и обер-прокурора Синода. В сущности, это то немногое, что узнает читатель.

Возможно, лаконизм в данном случае объясняется тем, что не редактирование журнала, а участие в освобождении крестьян Кошелёв считал главным делом своей жизни. Кроме того, "Русская беседа" – издание всего славянофильского кружка, предприятие общее; себя Кошелёв считал только "главным распорядителем" журнала. Его мечта о журнале, выходящем 12 раз в год[170] и даже, как "Русский вестник", "два раза в месяц"[171], не осуществилась. Вероятно, Кошелёв не хотел подробно писать о журнале, поскольку – несмотря на успех "Русской беседы" у образованной части русского общества и за границей – журнальный опыт его был достаточно горьким. Он написал в мемуарах о "возражениях и насмешках со стороны всех повременных изданий" после выхода первой книги журнала, но в действительности полемика началась еще раньше, с публикации написанной Кошелёвым программы журнала. Появление в журнале воспоминаний В.В. Григорьева о Грановском, рецензии Т.И. Филиппова на драму А.Н. Островского "Не так живи, как хочется" с нападками автора на Запад, эмансипацию, "натуральную школу", статьи В.И. Даля, недовольного распространением грамотности среди крестьян (поскольку грамотный норовит в указчики), повредили репутации журнала и имели следствием язвительную критику со стороны Герцена, Чернышевского, Чичерина, Кавелина, Павлова.

Но когда, не скрывая обид, мемуарист заявляет, что "ни одна газета и ни один журнал не отнеслись к нам сочувственно", это несправедливо и не соответствует тому, что он сам писал в июле 1856 г., надеясь на увеличение подписки после радушного приветствия "Современника" и считая, что этот журнал и "Библиотека для чтения" явно "за нас"[172].

Кошелёв не хотел в "Записках" распространяться о журнале, еще меньше – о внутриредакционных отношениях. Мемуарист ограничился замечанием, что за все время существования журнала "не возникло ни одного сколько-нибудь серьезного столкновения или недоразумения между сотрудниками и издателем-редактором". Картина неприкрыто приукрашенная. Сотрудники "Русской беседы" были людьми непростыми. Чего стоил "пылкий и вполне своеобразный К.С. Аксаков"! Дальше этих эпитетов автор "Записок" не пошел, но в ранее вышедших воспоминаниях о Хомякове (1879) поведал, что друг нередко сглаживал возникавшие среди сотрудников разногласия, укрощал эксцентрические выходки К. Аксакова.

Закрывая журнал, Кошелёв 20 июня 1860 г. писал К. Аксакову, что для сотрудников "Петры с палками разных размеров еще необходимы"[173]. И почти в

[170] См. письмо А.И. Кошелёва Ф.В. Чижову от 9 апреля 1857 г. (РГБ. Ф. 332. Карт. 35. Ед. хр. 30. Л. 2).
[171] Письмо М.П. Погодину от 2 декабря 1856 г. (Там же. Пог. /П. Карт. 16. Ед. хр. 88. Л. 22).
[172] Письмо В.А. Черкасскому от 12 июля 1856 г. (*Трубецкая О.* Указ. соч. Т. I, кн. 1. С. 75).
[173] *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. С. 162.

это же время – 25 августа 1860 г. – жаловался Погодину: “Вначале и на словах все готовы работать, даже денег не хотят брать… а на деле оказывается – совершенно противное”[174]. Кошелёв “утопал в радости”, по словам Хомякова, когда трудился; что касается сотрудников, то большинство из них, как можно судить из отзыва редактора, были людьми медлительными, инертными. Возможно, их раздражала властность Кошелёва: Т.И. Филиппов в первый год издания “Русской беседы” в отсутствие редактора попробовал вставить статью в номер без согласования с ним, но Кошелёв сразу пресек подобную практику и заявил пайщикам, что и впредь не потерпит чужого хозяйничанья: “Избирайте другого издателя, а я отвешу Вам низкий поклон, да и вон…”[175].

В 1859 г. Кошелёв стал президентом Московского общества сельского хозяйства. И. Аксаков прокомментировал это событие в 1860 г. следующим образом: “Общество сельского хозяйство избрало себе кнут, палку или – красивее сказать – повелителя в лице Кошелева, и покуда он будет гнать их на барщину, общество принесет огромную пользу, – если только он не будет уже чересчур давить своим деспотизмом”[176]. И. Аксакову можно верить – в 1858–1859 гг. он являлся соредактором Кошелёва в “Русской беседе” и в полной мере постиг его характер, которому были присущи некоторые деспотические черточки.

Непростыми были и отношения Кошелёва со своими соредакторами – за время издания журнала сменилось четыре соредактора: Филиппов и М.А. Максимович не устраивали его тем, что не могли выдержать темп и накал кошелёвской журнальной деятельности, П.И. Бартенев – неумением ладить с авторами и типографщиками. Энергичным и трудолюбивым И. Аксаковым Кошелёв был доволен, но соредактора угнетала опека Кошелёва и то обстоятельство, что ему не удалось переломить сложившееся отношение к журналу (хотя «“Русскую беседу” стали похваливать в “Санкт-Петербургских ведомостях” и других газетах»[177]) и переориентировать элитный журнал на более демократического читателя. Но в “Записках” Кошелёв ни словом не обмолвился ни о сложности работы с соредакторами, ни о причинах расставания с ними. И первые читатели мемуаров, знакомые И. Аксакова, отметили эту сдержанность автора и даже объяснили ее причину: «Личности все более или менее тщательно пощажены… “Записки” имеют в виду публику и писаны для публики»[178].

Как правило, мемуары пишутся для публики, но степень откровенности мемуаристов бывает разной. Посвящать публику, т.е. людей посторонних, в сложности своих отношений с членами славянофильского кружка, делать известным то, что было скрыто от глаз, Кошелёв явно не желал. Да и как можно было откровенно писать о сотрудниках, когда к моменту окончания работы над “Записками”

---

[174] РГБ. Пог./II. Карт. 16. Ед. хр. 90. Л. 3 об., 4.

[175] *Пирожкова Т.Ф.* Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М., 1984. С. 110.

[176] Письмо К.С. Аксакову от 27 марта 1860 г. // (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. С. 395).

[177] Письмо И.С. Аксакова А.И. Кошелёву от 4 августа 1859 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 22).

[178] Письмо И.С. Аксакова Е.А. Свербеевой от 25 августа 1884 г. (Там же. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 620-а. Л. 49).

здравствовали два брата и две сестры К. Аксакова, его племянница, две его невестки, живы были и все соредакторы, за исключением Максимовича!

Разногласия с Черкасским во время службы в Варшаве, которые обрисованы в "Записках", – другое дело: о них стало известно правительству, и речь шла о государственной политике в Польше, а не об отношениях частных лиц.

Так же немногословен Кошелёв и в рассказе о "Сельском благоустройстве" – о журнале, выпускавшемся с марта 1858 г. Между тем речь идет о любимом детище Кошелёва: журнал был свой, собственный, ежемесячный (в отличие от "Русской беседы"), т.е. своевременно реагировавший на события и своевременно освещавший подготовку крестьянского освобождения, иначе статьи теряли "всякое значение" и не могли принести "никакой пользы", по мнению издателя[179].

Снова, как в случае с "Русской беседой", рассказывается об общеизвестном – о том, за что издатель был "привязан журналистикою к позорному столбу", – за публикацию статьи Черкасского "Некоторые общие черты будущего сельского управления" в защиту розог[180]. Кошелёв объяснил, что произошло после этого в Рязанском губернском комитете (глава X), но "за кадром" остались хорошо известные Кошелёву переживания И. Аксакова по поводу происшедшего, с одной стороны, и с другой – реакция Самарина.

И. Аксаков посчитал выступление Черкасского нетактичным и несвоевременным, поскольку русское общество исстрадалось из-за насилия (из-за "права кулака"). Отнюдь не разделяя убеждений Черкасского и Кошелёва по этому вопросу, И. Аксаков в заметке, опубликованной в "Московских ведомостях", попытался защитить их от нападок прессы, подчеркивая, что оба деятеля в губернских комитетах борются с теми, кто олицетворяет "закоснелое невежество и корысть"[181]. Всегда дороживший своим честным именем, И. Аксаков не скрыл от Кошелёва, как он удручен тем, что подверг себя "равным обвинениям" вместе с автором статьи и издателем, что отныне в глазах публики будет на подозрении его, аксаковский, образ мыслей. Свои смятенные чувства он изложил в письме к Кошелёву[182].

Однако самопожертвование И. Аксакова оказалось напрасным. В редакционном комментарии к его заметке "Московские ведомости" писали, что на больной вопрос, затронутый Черкасским, возможен только один ответ, не допускающий никаких сделок. Самарин и Черкасский, искушенные в компромиссах с дворянством во время работы в губернских комитетах, считали, что И. Аксаков оказал им медвежью услугу. Самарин сообщил Кошелёву, что после прочтения заметки И. Аксакова газета выпала из его рук: "Лютейший враг наш не мог бы выдумать ничего лучшего"; "Мочи нет, как досадно"[183].

---

179 Письмо П.А. Вяземскому от 26 января 1858 г. (Там же. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2100. Л. 6 об.).

180 Сельское благоустройство. 1858. № 9.

181 Московские ведомости. 1858. 30 окт. С. 531.

182 Письмо от 12 ноября 1858 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 11 об.).

183 Письмо от 22 ноября 1858 г. (*Трубецкая О.* Указ. соч. С. 249).

Публикация статьи Черкасского не украсила страницы журнала, нанесла ущерб доброму имени Кошелёва: письма, полученные в это время редакцией "Сельского благоустройства", были настолько резки, что И. Аксаков, ведший конторские дела журнала, не решался пересылать их редактору в Рязань[184]. А однажды по почте был получен большой ящик с двумя связанными пучками розог – для издателя "Сельского благоустройства" и лично для князя Черкасского[185].

Но публикация статьи в защиту розог в журнале Кошелёва не была случайностью: редактор "Сельского благоустройства" и в момент публикации статьи Черкасского, и позже был убежден в благодетельной пользе телесных наказаний, приводящих возбужденных крестьян в полное спокойствие[186]. Приверженец либеральных мер, Кошелёв вдруг пошел наперекор либеральному движению, ратовавшему за отмену телесных наказаний.

В кошелёвских мемуарах порою нет этого "второго плана". Но будем благодарны автору за то, что в них имеется.

"Записки" отчетливо обрисовывают личность Кошелёва – человека независимого характера с необыкновенно развитым чувством собственного достоинства. Эти качества проявились в нем очень рано. В 1822 г., через год после поступления Кошелёва в Московский университет, совет университета принял постановление о том, что студенты должны слушать лекции не менее восьми профессоров. Десять студентов (и в их числе Кошелёв и его друг И. Киреевский) покинули университет в знак протеста, а в 1824 г., подготовившись, выдержали университетские экзамены экстерном.

Так же независимо держался Кошелёв и на службе. В "Записках" описан случай, происшедший с ним на дипломатическом приеме в 1832 г., когда он, малоизвестный чиновник Министерства иностранных дел, столкнулся с А.Ф. Орловым, генералом, участником войны с Наполеоном и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. (впоследствии всесильным шефом корпуса жандармов и начальником III отделения). Как человек, пользовавшийся особым покровительством царя (за участие в подавлении восстания декабристов), Орлов приобрел развязную привычку влиятельных людей обходиться с окружающими свысока и на "ты". Никто из дипломатов не смел одернуть его. Но когда он "тыкнул" Кошелёву, приглашая в поездку с собой, тот ответил в тон, сразу поставив Орлова на место: "С тобою я охотно всюду поеду". "Внезапно воцарилась мертвая тишина", – пишет Кошелёв.

Мемуары открывают нам многое в поведении и поступках Кошелёва. Это был характер большой силы. В 1856 г. по ходатайству московского губернатора А.А. Закревского славянофилам запретили появляться в обществе в национальном платье и с бородой. Хомяков заказал фрак; 10 апреля 1856 г. через полицию ему объявили высочайшее повеление сбрить бороду и впредь не носить

[184] Некоторые из этих писем сохранились: *Ракович Г.О.* Еще несколько слов о статье кн. В.А. Черкасского (РГБ. Ф. 139. Карт. 15. Ед. хр. 4. Л. 1–2).

[185] См. письма И.С. Аксакова А.И. Кошелёву от 11 и 12 ноября 1858 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 9 об., 12).

[186] См. письма А.И. Кошелёва Ю.Ф. Самарину и В.А. Черкасскому (РГБ. Ф. 265. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 24, 36, 65,76).

русский костюм, в чем была взята даже подписка[187]. К. Аксаков так же вынужденно подчинился требованию. "Мне ничего не объявили, и я по-прежнему хожу в р⟨усском⟩ платье", – радостно извещал Кошелёв славянофила Чижова[188]. Но дошла очередь и до него. Московскому обер-полицеймейстеру Кошелёв заявил, что обрить его можно только насильно. С ним решили не связываться, и он единственный остался в русском костюме и с бородой.

Однажды Кошелёв в письме И. Аксакову отметил важную черту своего характера: "Каков я ни есть, но куклой ничьей не был и ничьим ветром мой пузырь не надувался"[189], и об этом признании следует помнить, когда мы оцениваем позицию Кошелёва по отношению к властям, друзьям, сослуживцам. Далеко не всегда кошелёвская позиция встречала понимание у современников. Так, в своих воспоминаниях "Москва сороковых годов" Чичерин осудил Кошелёва, который в варшавский период своей деятельности[190] разошелся с Н.А. Милютиным и Черкасским, которые его туда пригласили: "Будучи призван как союзник, он тотчас же присоединился к врагам"[191]. Приведенные слова – свидетельство печального непонимания Чичериным характера Кошелёва. Во-первых, Кошелёв отправился в Варшаву только по личной просьбе Александра II. "До вчерашнего дня, т.е. до моего представления государю, – писал он 13 мая 1864 г. Черкасскому, – я считал мою поездку еще вовсе нерешенною"[192]. Во-вторых, Милютину и Черкасскому были хорошо известны взгляды Кошелёва – своих продворянских симпатий он не скрывал, и желание искоренить, разорить шляхту, к чему стремилось большинство русских чиновников, понимания и поддержки у Кошелёва не встретило. Он полагал, что из польских землевладельцев, польской интеллигенции не нужно делать враждебную России силу. Разумеется, Кошелёв в Польше тоже защищал русские интересы, считая, что вне России (или Германии) для Польши пути нет, но трезвость всегда брала верх в его рассуждениях: "Не таковы наши порядки, чтобы кого-либо к нам привлечь", – написал он в "Записках".

Славянофильская дружба подверглась в Царстве Польском суровым испытаниям, но с присущей ему прямотой Кошелёв высказывал свое несогласие Черкасскому и Самарину. Составив бюджет Польши на 1866 г., Кошелёв настоял на том, чтобы наместник Ф.Ф. Берг на его обсуждение непременно пригласил князя Черкасского, своего постоянного оппонента, – бюджет был принят единогласно. О расхождениях с Черкасским Кошелёв без всяких околичностей писал в Россию. "Дела наши здесь не улучшаются, – сообщал он Погодину, – и партия красных, т.е. М⟨илютина⟩, Ч⟨еркасского⟩ и пр. берет все более силы"[193].

---

[187] См.: *Оболенский Д.А.* Записки. Т. 2 // Аксаков И.С. Письма к родным: 1849–1856. С. 604.

[188] Письмо от 25 апреля 1856 г. (РГБ. Ф. 332. Карт. 35. Ед. хр. 29. Л. 5 об.).

[189] Письмо от 4 февраля 1859 г. (*Колюпанов Н.П.* Указ. соч. Т. II. С. 251).

[190] Пользуемся случаем исправить ошибку о времени службы А.И. Кошелёва в Польше, допущенную в нашем издании "И.С. Аксаков. Письма к родным: 1844–1849". С. 620; Там же. 1849–1856. С. 519. Сведения были даны по энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (СПб., 1895. Т. XVI. С. 469), где указаны годы службы: 1861–1863 гг., что неверно. А.И. Кошелёв служил в Польше в 1864–1866 гг.

[191] *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. С. 206.

[192] РГБ. Черк./III. Карт. 5. Ед. хр. 2. Л. 90.

[193] Письмо от 26 декабря 1865 г. (7 января 1866 г.) (РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 5).

В другом письме Погодину Кошелёв аттестует Черкасского и Милютина как "сумасшедших или врагов России": "С такими людьми общего ничего иметь не желаю. Слишком два года я боролся против их действий"[194].

Как бы предвидя непонимание своих поступков, Кошелёв писал И. Аксакову: "Ни в литературе, ни в земстве я не состою ни с кем в обязательном союзе, – в таком, чтобы ему жертвовать моими убеждениями. Да и в Варшаве, как Вы знаете, я остался самим собою, хотя и был туда приглашен Черкасским и Милютиным. Могу ошибаться, могу иметь ошибочные мысли и преследовать ошибочные цели; но никому в угоду не пожертвую своими убеждениями"[195]. Кошелёв решительно во всех жизненных обстоятельствах оставался самим собой.

Мемуары характеризуют не только личность Кошелёва, но и круг его общения, который был очень широк. Судьба сводила его с людьми выдающимися. Среди его знакомых мы видим Жуковского, Пушкина, А.А. Дельвига, А.И. Тургенева, а также европейских знаменитостей: известного дипломата, президента Греции графа Каподистрия, премьер-министра Пьемонта Кавура, министров правительства Луи Филиппа Тьера и Гизо, славянских деятелей Ганку, Шафарика, Палацкого, Эрбена, Шумавского и др. Жаль, что в "Записках" Кошелёв только упомянул о своем знакомстве с И.А. Крыловым, Е.А. Баратынским. Он также знал А.С. Грибоедова, Адама Мицкевича, которые в мемуарах не фигурируют. Ни словом не обмолвился Кошелёв и о Д.Н. Свербееве, близком к славянофильским кругам.

Внимательный читатель "Записок" Кошелёва заметит, как постепенно, начиная с молодости, сужался круг его друзей. Первым ушел Веневитинов. Ближайший друг, Кошелёв вместе с другими более 50 лет отмечал день его смерти – 15 марта. В 1856 г. скоропостижно скончался И. Киреевский, дружба с которым, по словам Кошелёва, не прерывалась "ни единой размолвкой"[196]. Письма Кошелёва 1856 г. – сплошная кровоточащая рана. "Эта весть меня просто сразила, – сообщал он Чижову. – В нем я лишился 38-летнего нежнейшего друга. Это, конечно, такая утрата, от которой не скоро опомнишься"[197]. Друзья беспокоились, как Кошелёв перенесет неожиданный удар[198].

Однако судьба снова готовила Кошелёву серьезнейшее жизненное испытание – внезапную смерть Хомякова в 1860 г. "Еще никакое событие не имело на меня такого сильного действия: я чувствую, что одна половина меня уже схоронена", – писал он И. Аксакову[199]. Далее в письме идут замечательные слова о том, что если И. Аксаков, Самарин и другие видели в Хомякове "великого мыслителя", то он, Кошелёв, любил в нем просто человека. Хотя, разумеется, будущее славянофильского кружка также вызывало его беспокойство. "Ну что же мы теперь будем делать? – спрашивал Кошелёв Самарина. – Слабы были мы

---

[194] Письмо от 24 июля (6 августа) 1866 г. (Там же. Л. 11 об.).

[195] Письмо от 13 декабря 1881 г. (Там же. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л. 17–17 об.).

[196] Письмо И.С. Аксакову от 2 июля 1856 г. (*Аксаков И.С.* Письма к родным: 1849–1856. С. 620–621).

[197] Письмо от 22 июня 1856 г. (РГБ. Ф. 332. Карт. 35. Ед. хр. 29. Л. 19).

[198] См. письмо Ю.Ф. Самарина А.И. Кошелёву от 26 июля 1856 г. (Там же. Ф. 265. Карт. 142. Ед. хр. 8. Л. 31).

[199] Письмо от 1(13) ноября 1860 г. (Голос минувшего. 1918. № 7–9. Июль–сент. С. 183).

при нем, чем же мы будем без него – без человека, который своею снисходительностью, возвышенностью и ясностью взгляда нас всех соединял. Знаете – у меня просто руки опустились, и будущее является крайне мрачным"[200]. Не только Кошелёв, но и молодые члены славянофильского кружка сознавали, что со смертью Хомякова завершалась история славянофильства, а для оставшихся наступила, как говорил И. Аксаков, "пора доживанья".

В 1864 г. Кошелёв по существу расстался с Ф.В. Чижовым, который очень ревниво отнесся к предложению, сделанному Кошелёву насчет службы в Польше. То, что оставалось секретом, разгласил Самарин, нарушив данное им Кошелёву слово. Он один был виновен в возникшем напряжении. Зная, что Чижов пишет записки (в действительности дневник, неопубликованный до сих пор), Кошелёв в своих мемуарах посчитал необходимым объяснить сложившуюся ситуацию. Кто через полвека – таков был установленный Чижовым срок запрета на печатание – сможет возразить Чижову, когда никого из славянофилов и вообще из современников не будет в живых? После 1864 г. отношения с Чижовым были натянутыми, но и до этого случая в семье Кошелёвых бытовало мнение, что в Чижове "до некоторой степени месть развита"[201]. В этом отношении Кошелёв являлся противоположностью Чижову: свое несогласие высказывал прямо и откровенно, но зла в себе не копил.

В 1864–1866 г. напряжение возникло между Кошелёвым, с одной стороны, и Самариным и Черкасским – с другой, из-за проводимой в Польше политики. Расставшись с единомышленниками, Кошелёв ближе сошелся с Погодиным, которого знал очень давно, с молодости, но приятельских отношений между ними не было. Кошелёв вспоминал: "М⟨ихаил⟩ П⟨етрович⟩ неоднократно посещал меня в деревне, а в истекшем году мы провели почти неразлучно две недели в Эмсе"[202]. Но в 1875 г. не стало и Погодина.

К началу 1880-х годов из всего славянофильского кружка в живых остались только Кошелёв и И. Аксаков. Последний в своей газете "Русь" с необыкновенной категоричностью осуждал либерализм ("либеральный галоп", как он говорил). Кошелёв же доказывал ему, что во времена, когда в стране тают надежды на свободомыслие, издеваться над либерализмом означает действовать в интересах реакции, "вместе с Катковым". "Пусть либеральничают и вкривь и вкось; все-таки это лучше катковщины"[203].

А во второй половине 1850-х годов, во время издания "Русской беседы", Кошелёв уговаривал И. Аксакова не фрондерствовать – со временем, как видим, они как бы поменялись местами.

Кошелёв очень верно отметил характерную черту И. Аксакова в начале 1880-х годов – непримиримость к тем деятелям, чьи взгляды не совпадали с его собственными. Он был убежден, что И. Аксакову следует изменить свое поведе-

---

[200] Письмо от 3 октября 1860 г. (РГБ. Черк. / Ш. Карт. 5. Ед. хр. 5. Л. 31).

[201] Письмо О.Ф. Кошелёвой П.А. Бессонову от 17 апреля 1861 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 497. Л. 11–11 об.).

[202] *Кошелев А.И.* Речь в память М.П. Погодина (РГБ. Пог./Л. Карт. 51. Ед. хр. 49. Л. 1 об.).

[203] Письмо от 31 августа 1882 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед.хр. 182. Л. 19, 21 об.).

ние – не ссориться с противниками, а терпеливо убеждать людей. Кошелёв ссылался на старших славянофилов, ставя их в пример: “Вспомните Хомякова; как он ко всем относился благожелательно, любовно, снисходительно; и этим-то он многих к себе привлекал и вразумлял”. Кошелёв болезненно переживал расхождения во мнениях с Аксаковым, считал, что их “разноголосица” внешняя, что в основных убеждениях они согласны: “Вы за православие, за народность и за свободу; я тоже”[204]. Добавим: И. Аксаков был противником конституции, и Кошелёв тоже.

Но сколько бы ни уверял себя Кошелёв, что расхождения с Аксаковым – недоразумение, взаимное непонимание было непреодолимым, что осложнило и их личные отношения. В.Н. Лясковский, биограф Хомякова и братьев Киреевских, общавшийся с Кошелёвым и И. Аксаковым в последний период их жизни, заметил их нарастающее отчуждение: Кошелёв, постоянный посетитель аксаковских вечеров по пятницам, разойдясь с Аксаковым, стал появляться там реже, как и И. Аксаков у него[205].

Хотелось бы подчеркнуть одну существенную черту нравственного облика Кошелёва, которая по понятным причинам не могла найти отражения на страницах мемуаров: Кошелёв был прекрасным другом, необыкновенно заботливым и преданным. Он не рассказал о том, что когда зимой 1852 г. умирала горячо любимая Хомяковым его жена Екатерина Михайловна, только Кошелёв и Д.Н. Свербеев как самые близкие люди были подле Хомякова. Кошелёв вел денежные дела своего непрактичного друга В.Ф. Одоевского. Умирающий Погодин написал письмо Кошелёву, прося его (а также И. Аксакова и В.А. Кокорева) наблюдать за исполнением завещания[206]. После смерти друзей И. Киреевского и Хомякова Кошелёв считал своим долгом издать их сочинения: именно он осуществил в 1861 г. первое издание сочинений И.В. Киреевского (два тома трудов и писем под редакцией М.А. Максимовича и при участии В.А. и Н.А. Елагиных, братьев И. Киреевского по второму браку его матери); именно он в 1861 г. выпустил (вместе с И. Аксаковым) том сочинений Хомякова, напечатал воспоминания о нем в “Русском архиве” 1879 г., сделал его главным “героем” своих “Записок”, а в одной из статей заявил, что Хомяков как поэт, философ и богослов не оценен по достоинству и слава его еще впереди[207]. Решительно и без промедления он взял на себя опеку над детьми Хомякова: “Сперва я было хотел приобщить к ней Хомякова Вас⟨илия⟩ Ив⟨ановича⟩ и Свербеева; но первый, по старости лет, отказался, а другой поставил такие условия странные, что очевидно было, что он желал также уклониться под благовидным предлогом. Ну, авось справим дело и без них”[208]. Даже когда человек не был

---

[204] Там же. Л. 19 об., 22.

[205] *Лясковский В.Н.* Воспоминания: 1858–1917 (РГАЛИ. Ф. 298. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 73 об., 75).

[206] Письмо от 19 апреля ⟨1875 г.⟩ (Там же. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 97. Л. 1).

[207] *Кошелев А.И.* Отзыв по поводу слова, сказанного Ф.М. Достоевским на Пушкинском торжестве // Русская мысль. 1880. Окт. С. 2.

[208] Письмо И.С. Аксакову от 1(13) ноября 1860 г. (Голос минувшего. 1918. № 7–9. Июль-сент. С. 183). Подробнее об этом см.: *Пирожкова Т.Ф.* “Я буду один и опекун и попечитель” // Хомяковский сборник. Т. I.

особенно близок Кошелёву, добросердечие не позволяло ему остаться равнодушным. В 1853 г. был арестован и отправлен в пермскую ссылку известный писатель Н.Ф. Павлов. Поводом послужила жалоба его жены, поэтессы К.К. Павловой московскому генерал-губернатору Закревскому на пристрастие мужа к карточной игре, разоряющей семью. Истинная же причина была в неверности мужа. В доме писателя был произведен обыск, найдена запрещенная литература, после чего его арестовали и больше месяца продержали в заключении. И хотя Кошелёв уважал Павлова, но не очень любил[209], он искренне пожалел о происшедшем, возмутился действиями властей и просил служившего в Петербурге А.Н. Попова помочь "этой жертве неслыханного произвола"[210].

Когда некоторые знакомые Н.Ф. Павлова прекратили посылать ему письма и не принимали их от него, Кошелёв писал "на берега серой Камы", сообщал Павлову московские новости, обещал позаботиться о его возвращении в Москву и помочь по приезде деньгами[211]. С.Т. Аксаков, принявший в этом конфликте сторону жены, был особенно возмущен тем, что Кошелёв с Шевыревым приняли "подлеца" Павлова "с отверстыми объятиями": "Павлов вырос от этого и едет в Петербург хлопотать о восстановлении своих прав..."[212].

Нужда других рождала в Кошелёве желание помочь. В 1856 г. острую нехватку в деньгах испытывал А.А. Григорьев, собравшийся даже закладывать дом. Выручил его Кошелёв. "Дай Бог ему здоровья", – писал Григорьев[213].

А в 1859 г. в отчаянном положении, к тому же за границей, оказался Н.А. Мельгунов, просивший телеграммой А.А. Краевского спасти его от тюрьмы, выслав необходимую сумму в счет будущих произведений и статей для "Отечественных записок". Деньги были присланы, но не Краевским, а Кошелёвым.

В 1852 г. Кошелёв предложил С.Т. Аксакову 3 тыс. руб. серебром для взноса в Опекунский совет и на какой угодно срок[214].

Особенно охотно Кошелёв жертвовал деньги на общественно полезные нужды: на издание сборников, газет и журналов ("Московский наблюдатель", "Московский сборник" 1852 г., "Русская беседа", "Земство" и др.), на издание словаря В.И. Даля[215] и песен, собранных П.В. Киреевским[216]. И. Аксакову он предложил деньги для издания его газеты "День" и в помощь болгарам[217]. Постоянно он о ком-то или о чем-то хлопотал и помогал очень многим. Внешне Ко-

---

[209] См. письмо А.И. Кошелёва И.С. Аксакову от 2 апреля 1853 г. (РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 182. Л. 1–1 об.).

[210] Письмо А.Н. Попову от 10 февраля 1853 г. (Русский архив. 1886. № 1. С. 355).

[211] Письма от 23 мая, 1 августа и 8 сентября 1853 г. (РГБ. Ф. 359. Карт. 8226. Ед. хр. 1. Л. 1, 2, 4–4 об., 5).

[212] Письмо И.С. Аксакову от 17 января 1854 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 14. Л. 8 об.).

[213] Письмо А.В. Дружинину от 19 сентября 1856 г. (*Григорьев А.* Письма. М., 1999. С. 118; серия Лит. памятники).

[214] Письмо И.С. Аксакову от 20 июня 1852 г. (ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Ед. хр. 292_2).

[215] *Хомяков А.С.* Речь председателя, читанная в публичном заседании 6 марта 1860 года // *Хомяков А.С.* О старом и новом. М., 1988. С. 334.

[216] См. письмо О.Ф. Кошелёвой Ф.Д. Нефедову от 8 мая (26 апреля) 1885 г. (РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1–1 об.).

[217] Письмо от 25 мая 1861 г. (Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 63).

шелёв казался человеком суровым, сухим, голос имел громовой, но сердце – нежное и отзывчивое.

Радушный и гостеприимный, он жил открытым домом, в больших залах которого шумно спорили гости, принадлежавшие часто к различным общественным группировкам[218]. В письмах Аксаковых 1840–1850-х годов нередки упоминания о собраниях в кошелёвском доме: то там В.А. Соллогуб читает свою драму "Местничество", то десятка два гостей обсуждают проблемы народного обучения, то устраивается музыкальный концерт композитора Студнички[219].

После смерти главных славянофилов Кошелёв пытался скрепить распадавшийся славянофильский кружок, привлечь новых людей. На вечерах в его доме велись, по его собственному признанию, "очень живые разговоры"[220], читались лекции, одна из них, к примеру, лекция П.А. Бессонова о русском народном песенном творчестве[221].

Конечно, "умственным центром" на этих кошелёвских вторниках был сам хозяин. В.Н. Лясковский, запомнивший Кошелёва уже в старости, писал, что при его появлении в гостиной все оживало, хотя внешне он мало подходил на роль лидера: "Семидесятилетний приземистый старик с недавно поседевшею черною бородою, в темных очках, глухой настолько, что не мог участвовать в разговоре многих собеседников и не всякого, кто говорил с ним, хорошо слышал, с очень неприятным резким голосом: таков он был. Но все эти внешние недостатки забывались ради его острого ума и необыкновенной энергии"[222].

Чичерин, нередко посещавший дом Кошелёва, считал, что тот "выбивался из сил, чтобы поддержать свои исторические вторники, но напрасно: все элементы умственной жизни исчезли, и кроме нестерпимой скуки, здесь ничего нельзя было обрести"[223]. "Выбивался из сил" – этой фразой подчеркнуто какое-то нарочитое стремление хозяина салона воскресить то, что оживлению не подлежало. В действительности же Кошелёв ясно сознавал, что исчезли из жизни люди 1840-х годов, люди особого духовного склада, одухотворенные, пылкие, погруженные в серьезные умственные интересы. Об этом красноречиво свидетельствуют и "Записки", в которых мемуарист пишет о вечерах в своем доме в 1874 г., где "живого слова почти не было слышно", и его письмо И. Аксакову от 21 ноября 1878 г.: "О нашем житье-бытье скажу вам, что у нас по вторникам собираются и в количестве довольно значительном. Разговоры и споры бывают довольно живые, но замечательно, что из них нечего извлечь и что существенного ничего не высказывается. Вообще – во всем какое-то уныние и отсутствие всякой жизни..."[224].

---

[218] *Лясковский В.Н.* Воспоминания: 1858–1917 (РГАЛИ. Ф. 298. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 75).
[219] *Аксаков И.С.* Письма к родным: 1844–1849. С. 675; *Он же.* Письма к родным: 1849–1856. С. 220, 522.
[220] Письмо П.А. Бессонову от 20 января 1880 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 496. Л. 58 об.).
[221] РГАЛИ. Ф. 2866. Оп. 1. Ед. хр. 5. Лекция датируется 1868–1869 гг.
[222] *Лясковский В.Н.* Воспоминания: 1858–1917 (Там же. Ф. 298. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 75 об.–76).
[223] *Чичерин Б.Н.* Земство и Московская дума. М., 1934. С. 67.
[224] Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 87.

И вечера у И. Аксакова, на которых также бывал Чичерин, последний назвал "скудными и вялыми сборищами разных второстепенных, преимущественно славянофильствующих лиц; на них никогда не слышалось живого слова или сколько-нибудь интересного разговора"[225]. Дело, как видим, было не в Кошелёве или Аксакове, а в изменении интеллектуальной и нравственной атмосферы русского общества. Настало иное историческое время, иным стало и мироощущение. Отправленный в 1878 г. в ссылку И. Аксаков не спешил возвращаться в Москву, которая стала для него "совершенной пустыней", по его определению; люди духа все перемерли, а оставшиеся в живых "поблекли, полиняли, измельчали"[226]. За день до своей смерти он жаловался в письме Г.П. Галагану не только на свое "дрогнувшее" здоровье, но и на гнетущее ощущение "нравственного измора", фальшь, пошлость и "беспроглядность" общественной обстановки[227].

Историческая перспектива развития страны не радовала и Кошелёва. Правительство Александра III, жившее только настоящим, не ведавшее о том, что будет завтра, он назвал "домом слабоумных"; с негодованием писал о петербургской бюрократии, для которой граждане огромной страны представляются как бы несуществующими, – все интересы этих людей ограничены придворной сферой. Таяли надежды Кошелёва на либерализацию страны, и в конце жизни он (как и И. Аксаков) предавался горестным размышлениям. "Неужель Россия идет назад?..", – задавал он в "Записках" страшный для себя вопрос.

И умер неожиданно; через два с небольшим года после смерти Кошелёва так же скоропостижно скончался И. Аксаков – у того и другого не выдержало сердце.

Кошелёв умер 12 ноября 1883 г. Накануне смерти до ночи заседал в финансовой комиссии Думы. "Умер, как жил, добрый и деятельный до конца", – писал Лясковский[228].

Из дома на Поварской гроб был доставлен в церковь Рождества в Кудрине. "Церковь была переполнена публикой", как сообщали газеты[229]. Похоронили Кошелёва на кладбище Даниловского монастыря (могила не сохранилась). В те годы это было "под Москвою", как писала вдова. В последний путь Кошелёва провожали помощник попечителя Московского учебного округа, представители Московской думы, профессора университета, журналисты: редакторы "Руси", "Русской мысли", "Русских ведомостей", "Русского курьера" и других изданий. Были присланы венки от Общества сельских хозяев, от Общества любителей российской словесности, от управления Московско-Рязанской железной дороги, от Сапожковского уездного земства, от редакций газет и журналов.

Издатель-редактор "Русского архива" П.И. Бартенев был уверен: "История оценит его заслуги русскому просвещению. Это был неутомимый борец за самобытность русской мысли, горячий друг и честный гражданин"[230].

---

[225] *Чичерин Б.Н.* Земство и Московская дума. С. 67.

[226] Письмо В.А. Елагину от 20 ноября 1878 г. (Русский архив. 1909. № 5. С. 149, 150).

[227] Цит. по: *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 255.

[228] *Лясковский В.Н.* Воспоминания: 1858–1917 (РГАЛИ. Ф. 298. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 112).

[229] Русские ведомости. 1883. 16 нояб. № 315. С. 2.

[230] Русский архив. 1909. № 5. С. 96.

С.А. Юрьев, издатель-редактор журнала "Беседа" (1871–1872) и тогдашний редактор журнала "Русская мысль" (Кошелёв являлся сотрудником обоих изданий), особо подчеркнул заслуги Кошелёва в деле освобождения русского народа от крепостного права, а также его сопротивление насильственному обрусению поляков. В некрологе было отмечено, что деятельность Кошелёва имела практическую направленность[231].

Об этом же читаем в некрологе И. Аксакова в газете "Русь": "С обширным, даже классическим и философским образованием, но, в отличие от своих друзей, с направлением ума резко-положительным, деловым, с характером твердым и решительным, не способный довольствоваться отвлеченною работою мысли, он был человек не только идеи, но и по преимуществу *дела*..."[232]

Ученый М.М. Ковалевский в некрологе, напечатанном в "Русских ведомостях", утверждал, что главное место в жизни покойного занимала публицистическая деятельность[233].

А газета "Новое время" считала, что Кошелёв – это прежде всего "*земский человек* в самом широком значении этого слова – и по деятельности, и по убеждениям"[234].

Одним словом, в прессе подчеркивались широта интересов умершего деятеля, разнообразие присущих ему дарований. Вдова была утешена тем, что русское общество с горестью отозвалось на смерть Кошелёва. "Слава Богу, что все его знавшие лично и даже лично не знавшие, все отзывались более или менее сочувственно к этой утрате. Для нас это камень, упавший нам на сердце, – и как бы глубоко он ни улегся, но исчезнуть, разумеется, особливо для меня никогда не может"[235].

После смерти мужа О.Ф. Кошелёва сделала все возможное, чтобы сохранить память о нем: она серьезно занялась разбором его бумаг и рукописей[236], собирала его письма у знакомых – в одном из писем 1886 г. благодарила Бартенева за присылку собранных им писем Александра Ивановича и дала согласие на их печатание в "Русском архиве". Она издала "Записки" Кошелёва в Берлине через год после его смерти. После их выхода газета "Новое время", в двух номерах пересказывая их содержание и цитируя отрывки, между прочим, заметила: "На *москвичах* лежит долг дать публике дельную биографию Кошелева и оценку его литературной, экономической и политической деятельности"[237]. Но этот долг лег на плечи вдовы и Н.П. Колюпанова (1827–1894), которому она передала бумаги и письма мужа[238]. Известно, что в 1886 г. Колюпанов уже трудил-

---

[231] Русская мысль. 1883. № 12. Страницы некролога не нумерованы.
[232] Русь. 1883. 15 нояб. № 22. С. 1.
[233] Русские ведомости. 1883. 15 нояб. № 314. С. 2.
[234] Новое время. 1883. 15(27) нояб. № 2772. С. 1.
[235] Письмо П.А. Бессонову от 24 января 1884 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 497. Л. 17–17 об.).
[236] Там же.
[237] Новое время. 1884. 2(14) окт. № 3088. С. 2.
[238] См.: *Колюпанов Н.П.* Указ. соч. Т. I, кн. 1. С. V.

ся над составлением биографии[239]. Это был известный литератор, экономист, сотрудник, как и Кошелёв, "Беседы" и "Русской мысли", мемуарист (его записки "Из прошлого" вышли в 1895 г.), приятель известного собирателя фольклора П.И. Якушкина. Смерть в 1894 г. помешала ему закончить биографию Кошелёва, которую он довел до 1856 г.

Когда второй том биографии Колюпанова в 1892 г. вышел из печати, Д.И. Воейков высказал свое недовольство "своеобразным решением" О.Ф. Кошелёвой, взявшей в биографы хотя и "довольно известное литературное имя, но западника весьма либерального оттенка". "Не высидеть курице утиных яиц", – таков был приговор Д.И. Воейкова[240].

Отдавал ли себе отчет писавший эти строки, что у Ольги Федоровны не было выбора? Славянофильский кружок был немногочисленным; как шутил по этому поводу граф Д.Н. Блудов, все славянофилы могли бы поместиться на одном диване[241]. К моменту, когда Колюпанов работал над биографией, в живых уже не было никого ("последний славянофил" И. Аксаков скончался в январе 1886 г.).

Колюпанов, конечно, не был достаточно осведомленным человеком в том, что касалось жизни славянофильского кружка, но он хорошо помнил атмосферу 1840-х годов, годы учения в Московском университете, когда он с упоением слушал лекции Грановского. Кроме того, Ольга Федоровна привлекла к работе над биографией сына Хомякова Дмитрия Алексеевича, который, по свидетельству Воейкова, делал поправки к биографии[242].

Издательские труды не были непривычным для Ольги Федоровны делом: в 1860 г. она собирала рукописи Хомякова, занималась их перепиской[243], в 1863 г. под наблюдением И.Д. Беляева напечатала в Москве собрание стихотворений К.К. Павловой, самостоятельно вела переговоры с издателями и книгопродавцами, в том числе и с иностранными. В 1861 г., еще задолго до начала работы мужа над "Записками", она сообщала в одном из писем о том, что "в Лейпциге позвала к себе книгопродавца Вагнера и познакомилась с ним"[244].

"Когда я вышла замуж, – рассказывала она Лясковскому, – то все говорили: Кошелев взял хорошенькую и глупенькую жену, и никто не обращал на меня внимания. Один только Хомяков заговорил со мною и нашел, что я не так уж глупа"[245]. "Космополитка" в молодости, по собственному признанию[246], красавица, она стала деятельной помощницей мужа в земских делах (занималась сельскими школами, прогимназией в Сапожке, готовившей домашних учительниц)[247], его

[239] Письмо О.Ф. Кошелёвой П.А. Бессонову от 4 февраля 1887 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 497. Л. 20–20 об.).

[240] *Воейков Д.И.* Рецензия на II том "Биографии Александра Ивановича Кошелева" (РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1).

[241] *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 184.

[242] РГАЛИ. Ф. 88. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 2.

[243] Письмо И.С. Аксакова Н.А. Елагину от 29 июня 1861 г. (Русский архив. 1915. № 1. С. 11).

[244] Письмо П.А. Бессонову от 27 июня 1861 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 497. Л. 5).

[245] *Лясковский В.Н.* Воспоминания: 1858–1917 (РГАЛИ. Ф. 298. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 75 об.).

[246] Письмо Ф.В. Чижову от 12 ноября 1865 г. (РГБ. Ф. 332. Карт. 35. Ед. хр. 32. Л. 14).

[247] См. письмо О.Ф. Кошелёвой А.П. Елагиной от 4 августа 1876 г. (Там же. Ф. 99. Карт. 8. Ед. хр. 33. Л. 21, 21 об.).

опорой в Царстве Польском, где потребовалось налаживать контакты с местным чиновничеством, а также хозяйкой известного в Москве салона.

Когда ее муж стал членом славянофильского кружка, Кошелёвой пришлось стать почитательницей русских обычаев и русской одежды, тем самым вызвав восхищение К. Аксакова. И даже раньше, еще в 1844 г., он считал ее воплощением русскости, и С.Т. Аксаков в письмах сыну Ивану сообщал о "схватках" Константина с К.К. Павловой и даже Хомяковыми "за ум Ол⟨ьги⟩ Федор⟨овны⟩ Кошел⟨ёвой⟩"! Дамы отнеслись к "выходкам" К. Аксакова ревниво и разобиделись, особенно Павлова, а мужчинам Константин заявил о своей готовности доказать ум О.Ф. Кошелёвой "на каком угодно оружии… Каково?" – подтрунивал отец над своим "неразумным Констой"[248].

С.Т. Аксакову Ольга Федоровна казалась "простенькой"[249]. Вероятно, своей простотой и сердечностью она привлекла внимание К. Аксакова, Вот отрывок из его письма к ней, проникнутого благодарностью и высоким уважением: "Слышать голос искренний, в котором все правда – великая радость; хорошо на душе, когда веришь вполне каждому слову, знаешь, что правота говорящего не только высказывает лишь то, что он чувствует, но даже словами не усиливает его ощущения: а это всегда бывает в беседе с Вами, Ольга Федоровна! Можете, следовательно, сами судить, как всегда истинно приятны Ваши письма и мне, и всем нам". И далее, продолжая размышлять, на четырех страницах К. Аксаков высказывает свое отношение к славянским народам, будучи уверен, что адресату "не скучны серьезные мысли"[250].

Ольга Федоровна, как и ее муж, была отзывчивым человеком: в Москве навещала больную дочь Аксаковых Ольгу, когда вся семья жила в Абрамцеве, престарелую А.П. Елагину в Тульской губернии осенью 1860 г., детей Хомякова после его смерти и т.д.

Встретившись в Калуге с А.О. Смирновой-Россет, в которую Кошелёв был влюблен в молодости, И. Аксаков испытывал соблазн поговорить с ней об Ольге Федоровне. По его словам, последняя была полной противоположностью Смирновой: "Это такой контраст, что они едва ли поймут друг друга"[251].

Неизвестно, решился ли застенчивый И. Аксаков на такой разговор (в письмах родным о нем не упоминается), но одно несомненно: в пору влюбленности в Смирнову Кошелёв верил, что "можно жениться только по любви", но впоследствии пришел к выводу, что "едва ли не стократ счастливее брак, основанный рассудком на согласии чувствований и мнений… для моего счастья мне необходима женщина, которая понимала бы всю глубину моих скорбей"[252]. Вероятно, этими соображениями он руководствовался, когда делал предложение О.Ф. Петрово-Соловово. Она, как и Е.А. Свербеева, была для братьев Аксако-

---

[248] Письма от 3 и 18 марта ⟨1844 г.⟩ (Там же. ГАИС/Ш. Карт. Ш. Ед. хр. 22б. Л. 19 об., 24).
[249] См. письмо И.С. Аксакову от 24 февраля ⟨1850 г.⟩ (Там же. Ед. хр. 22г. Л. 36).
[250] Письмо без даты (Там же. Ед. хр. 10. Л. 1, 2 об.).
[251] Письмо родным от 27 ноября 1845 г. (*Аксаков И.С.* Письма к родным: 1844–1849. С. 227).
[252] Письмо В.Ф. Одоевскому от 8(20) ноября ⟨1831 г.⟩ (*Колюпанов Н.П.* Указ. соч. Т. II. С. 18).

вых олицетворением "московской жены", тогда как Смирнова – "петербургской". Предпочтение, естественно, отдавалось первой[253].

Однако русскость Ольги Федоровны как-то трудно сочетается с пристрастием к курению пахитоски, о чем вспоминали современники[254]. Однако курением была увлечена не только жена Кошелёва, но и жена Хомякова Екатерина Михайловна. Хомяков жаловался ее брату Н.М. Языкову: "Какова выдумка моей жены? Курить сигару. Не правда ли, к лицу ей? Истая амазонка! Я обещаю ей дать позволение тогда, когда она несколько подобреет или, по их наречию, перестанет быть интересною"[255].

После смерти мужа Ольга Федоровна болела, жаловалась, что "голова постоянно не своя"[256], и, очевидно, подолгу жила в монастыре, так как два ее последних письма, адресованные дочери Хомякова Марии Алексеевне, имеют обратный адрес: "Остоженка. Зачатиевский монастырь. Келия О.Ф. Кошелевой".

В доме на Поварской, который, по завещанию Александра Ивановича, был оставлен в ее пожизненное владение, она сохранила все так, как было при муже: стояла прежняя мебель, его стул, диван, на котором он скончался. "Одним словом, я живу с ним духом...", – сообщала она П.А. Бессонову[257].

А за пределами кошелёвского дома продолжала царить "путаница не только в делах, но и в мнениях и даже в чувствах", как писал Кошелёв в конце своих "Записок". Он тревожился, как бы "возвратные" меры правительства вроде назначения Толстого министром внутренних дел не привели к "смутам и другим бедствиям". Например, летом 1849 г., когда в Европе было уже "тихо, смирно" (после революций), Кошелёв считал, что это "едва ли надолго": "Коммунизм не побежден; он все более и более распространяется. Теперешнее спокойствие есть лишь станция"[258]. Проницательность, с которой он предвидел будущие бедствия Европы, а также испытания, которые ждут Россию, делает ему честь.

О.Ф. Кошелёва, жившая общественными интересами, как и ее муж, писала в 1887 г. П.А. Бессонову: "Катков, Победоносцев и Толстой (Д.А. Толстой. – *Т.П.*), эти недруги России, к несчастью, властвуют и тянут ее к отжившему времени. Беда да и только"[259].

Оказалось, – в конечном итоге – что они "тянули" Россию к революции, к подвалу ипатьевского дома, где окончились дни царской семьи. Но Ольга Федоровна об этом уже не узнала: в 1893 г., ровно через 10 лет после смерти Кошелёва, она скончалась.

---

253 *Аксаков И.С.* Письма к родным: 1844–1849. С. 627.

254 *Лясковский В.Н.* Воспоминания: 1858–1917 (РГАЛИ. Ф. 298. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 75 об.).

255 Письмо от 1 апреля ⟨1842 г.⟩ (*Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 107).

256 Письмо М.А. Хомяковой без даты (ОПИ ГИМ. Ф. 178. Ед. хр. 59. Л. 105).

257 Письмо от 4 февраля 1887 г. (Там же. Ф. 56. Ед. хр. 497. Л. 19–23. Листы письма пронумерованы неверно).

258 Письмо А.Н. Попову от 29 августа (10 сентября) 1849 г. (Русский архив. 1886. № 1. С. 352).

259 Письмо П.А. Бессонову от 4 февраля 1887 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 497. Л. 20, 23 об. Листы письма пронумерованы неверно).

ПРИМЕЧАНИЯ

"Записки" А.И. Кошелёва были изданы его вдовой Ольгой Федоровной в следующем после смерти мужа году – 1884-м – в Берлине. В предваряющем мемуары коротком вступлении "От издательницы" она писала о своем первоначальном намерении напечатать их в России, однако это оказалось невозможно осуществить без значительных купюр в тексте. Чтобы выпустить мемуары без цензурных искажений и сокращений, их пришлось печатать за границей.

Местонахождение автографа "Записок" неизвестно. Поиски его, предпринятые Ю.И. Герасимовой и Н.И. Цимбаевым, успехом не увенчались[1]. Не исключено, что рукопись осталась в Берлине. Разделение текста на главы (всего в "Записках" 18 глав) с перечнем их содержания выполнены издательницей.

Мечта О.Ф. Кошелёвой переиздать мемуары мужа на родине не исполнилась: на их издание и перепечатку был наложен запрет. В Алфавитном каталоге изданий, запрещенных к обращению и перепечатке в России (1894), кошелёвские мемуары значатся под номером 534. Ольга Федоровна даже опасалась пересылать их кому-либо. П.А. Бессонову она писала: «С оказией Вам бы дала "Записки" А⟨лександра⟩ И⟨вановича⟩, но эта книга сильно запрещена и послать по почте к Вам боюсь»[2].

Вероятно, по этой причине мемуары почти не получили отклика в критике. В журнале "Русский архив" (1885. Кн. 1) племянник Д.В. Веневитинова уточнил некоторые детали, относящиеся к положению любомудров в начале 1826 г., а в газете "Новое время" появился "фельетон", который так взволновал Ольгу Федоровну[3]. С одной стороны, в двух номерах газеты (от 30 сентября и 2 октября) внимание читателей привлечено к факту выхода мемуаров, излагается их содержание, приводятся отдельные выдержки из них, но заметка от редакции в значительной степени "опрокидывает" доброе намерение. Кошелёва совершенно справедливо полагала, что редакционный комментарий преследовал цель умалить значение "Записок", о чем откровенно написала издателю газеты А.С. Суворину[4].

В этой заметке почти все не соответствует действительности. Например, утверждение, что мемуары имеют "исключительно *личный* характер" и даже представляют собою "как бы личный панегирик": "...везде он себя самого старается поставить выше тех, которые его окружают". Скорее, наоборот: мемуарист часто уходил в тень, нигде намеренно не выпячивал свою личность.

Автор (или авторы) заметки не видит и "достаточного беспристрастия в суждениях о людях, даже очень близких...". Это утверждение противоречит тому, что писалось в прессе после смерти Кошелёва. В.Ю. Скалон в некрологе, напечатанном в "Русских ве-

---

[1] См.: Записки А.И. Кошелева / Сост. и публ. Н.И. Цимбаева. М., 1991. С. 205.

[2] Письмо от 4 февраля 1887 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 497. Л. 20).

[3] См. с. 361, 373 наст. изд.

[4] Письмо без даты (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 1).

домостях", особо отмечал, что покойный "был чужд всякой нетерпимости: имея сам твердые, вполне установившиеся убеждения, он умел уважать убеждения других, умел дорожить и чужими интересами"[5]. Скалон хорошо знал Кошелёва: в течение полутора лет (с 3 декабря 1880 г. по 3 июля 1882 г.) он издавал с ним еженедельную газету "Земство". О широкой терпимости А.И. Кошелёва писал и А. Иванов, отлично осведомленный о деятельности покойного в Рязанском земском собрании: "И как сдержан, как снисходителен был покойный к мнениям своих оппонентов! В то время как эти последние не церемонясь переходили от дела к личности, никто никогда не слышал, чтобы Александр Иванович унизил себя даже ответом, подобным брошенному вызову..."[6].

Того же мнения придерживался и С.А. Юрьев, редактор московского журнала "Русская мысль". В некрологе, опубликованном в журнале, он привел письмо, полученное от Кошелёва после прочтения им статей В.Г. Белинского. В нем – доказательство того, что не только к своим, но и к чужим (вопреки мнению редакции "Нового времени") Кошелёв мог быть беспристрастен. "Винюсь и каюсь, – писал он Юрьеву, – что о Белинском судил более со слов других, не прочитав сам, как следует, его сочинений. Уезжая в деревню на лето, я запасся ими, принялся читать, не мог оторваться от чтения и прочитал все, написанное Белинским. Это была пламенная душа, стремившаяся к правде, благородный ум, искавший истины по всем направлениям. Если ошибался он иногда, то сколько благородства было в самих ошибках, вызванных слишком горячими стремлениями его к правде. А сколько истин, и истин неопровержимых, высказано и выяснено им! Многим ему обязано читавшее его поколение"[7].

Удивителен и вывод, которым завершается заметка в газете "Новое время": "Сам Кошелев не был в сущности ни славянофилом, ни западником, ни либералом, ни консерватором – он принадлежал понемножку ко всем партиям". Кто автор данных суждений? Кошелёва писала Суворину: "Желаю думать, что не Вы написали этот фельетон и что даже Вы его не прочли"[8].

Публикация подобной заметки – очень странный поступок по отношению к бывшему сотруднику: Кошелёв неоднократно печатался в газете, сочувствуя, по его словам, "направлению и духу" издания. Но, возможно, здесь нет ничего странного – ведь Кошелёву приходилось иногда одергивать Суворина. Так, Суворин однажды напечатал в "Новом времени" фельетон, направленный против Хомякова, и Кошелёв написал издателю, что можно спорить со славянофилами, даже ругать их, "но глумиться над таким человеком, как Хомяков – это непозволительно"[9].

Известна еще одна – также суровая – оценка мемуаров, принадлежащая Б.Н. Чичерину: "пустые"[10]. Однако не забудем, что мемуаристы находились в разных положениях: Чичерин разрешил печатать воспоминания только через 30 лет после смерти, был, следовательно, свободнее в своем повествовании. Запрет на печатание вполне соответствовал спокойному, уравновешенному характеру Чичерина.

Кошелёву с его горячим характером требовалось как можно скорее выразить то, что он думал и чувствовал; он желал, чтобы его "Записки" были напечатаны без про-

---

[5] Русские ведомости. 1883. 15 нояб. № 314. С. 1.

[6] *Иванов А.* Александр Иванович Кошелев и Рязанское земское собрание (Воспоминание) // Современные известия. 1883. 26 нояб. № 326. С. 2.

[7] Русская мысль. 1883. № 12. Страницы некролога не нумерованы.

[8] Письмо без даты (РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2045. Л. 2 об.).

[9] Письмо без даты (Там же. Ед. хр. 2041. Л. 4).

[10] *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1997. С. 204.

медления, а потому был скованнее в своем рассказе, щадил личности. Кроме того, светская жизнь, описанию которой так много уделено внимания в "Москве сороковых годов" Чичерина, мало интересовала Кошелёва после его женитьбы.

"Записки" в берлинском издании вышли без примечаний: имеются лишь редкие подстрочные уточнения, сделанные издательницей. Текст впервые был прокомментирован Н.И. Цимбаевым, переиздавшим его через 100 с лишним лет в издательстве МГУ (1991). Однако "Записки" изданы здесь не полностью: в них отсутствуют дневники Кошелёва 1857, 1882, 1883 гг., являющиеся их непременной составной частью. Мемуары оканчиваются дневником 1883 г., после которого следуют завершающие слова: «Конец "Записок"». Отсутствие дневников в издании 1991 г. повлекло за собой некоторые несообразности: так, в перечне содержания, предваряющем главы, заявлены определенные темы, освещенные в дневниках, но из-за отсутствия последних они как бы "повисают в воздухе" (см. главы X и XVIII). Не были воспроизведены и приложения (за исключением второго), к которым Кошелёв отсылал читателей в тексте "Записок" и которые составляют с ними нерасторжимое целое. Осталось также неясным, какие именно "досадные неточности в написании имен и фамилий"[11] исправлены публикатором – в комментариях поправки не оговариваются.

В нашей книге текст воспроизведен по берлинскому изданию 1884 г. вместе с теми семью приложениями, которые были присоединены к мемуарам и имели четкую цель – показать общественную деятельность Кошелёва, прежде всего его участие в деле крестьянского освобождения.

Для того чтобы как можно полнее представить Кошелёва-мемуариста, в разделе "Дополнения" помещены его воспоминания о В.Ф. Одоевском и А.С. Хомякове.

Текст печатается по современной орфографии и пунктуации. Заглавные буквы поставлены в соответствии с существующими правилами орфографии. Сохранены архаичные написания таких слов, как "противуречия", "противувес", "вотчим", "калибер", "затрогивать", "устроивать" и т.п.

В написании фамилий Кошелёв придерживался обычно особенностей устного произношения: Брольи – в мемуарах Броли, Вильмен – в мемуарах Вилмен, Матюшенков – в мемуарах Матушенков, Воцель – в мемуарах Воцел и т.п.

Явные описки и опечатки устранены без оговорок. Слова, подчеркнутые автором, набраны курсивом. В берлинском издании "Записок" выделены курсивом фамилии. Нами курсив оставлен только в тех случаях, когда в тексте имеется смысловой оттенок ("лицезреть Гете" и т.п.). Предположительные даты даны в угловых скобках. Сокращенные слова, обозначающие, к примеру, титулы (имп., вел. кн., бар.), нами не раскрываются.

Отдельные иностранные слова и выражения в тексте переведены доцентом факультета журналистики МГУ В.Е. Аникеевым.

---

[11] Записки А.И. Кошелева. С. 206.

ГЛАВА I. (1806–1824)

1 *... близ Сухаревой башни...* – Трехъярусное здание, построенное в 1692–1701 гг. и замыкавшее Сретенку. Снесено в первой половине 30-х годов XX в.

2 *... на 1-й Мещанской улице...* – Ныне Проспект Мира.

3 ... в доме ... ныне принадлежащем купцу Перлову. – Известному в Москве чаеторговцу В. Перлову.

4 *Род наш идет от Аршера Кошеля ...* – Неточность: по свидетельству биографа А.И. Кошелёва Н.П. Колюпанова, род Кошелёвых подразделялся на два рода, имевших различное происхождение; А.И. Кошелёв принадлежал к тому, который вел происхождение не от Аршера, а от Василия Кошелёва. Дядя Александра Ивановича И.А. Кошелёв относился именно к этому роду (см.: *Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. I, кн. 1. С. 1, 2). По утверждению Колюпанова, а также В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, род, идущий от Василия Кошелёва, более древний, чем тот, который ведет начало от Аршера Кошелёва: Василий Кошелёв жил в конце XV столетия (Руммель и Голубцов называют его Кушелевым: *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий: В 2 т. СПб., 1886. Т. I. С. 428); Аршер Кошелёв прибыл в Россию из Литвы в первой половине XVI в. Однако в гербовник было внесено потомство Аршера Кошелёва (см.: Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. Сост. гр. А. Бобринский. СПб., 1890. Ч. 1).

5 *... при... Василии Иоанновиче ...* – При великом князе Василии III.

6 *Дед мой...* – Иродион Иродионович Кошелёв, статский советник, воронежский вице-губернатор (1759).

7 *... жил на Девичьем поле в своем доме (впоследствии принадлежавшем Мальцовым, а ныне Черняевскому училищу).* – Вероятно, речь идет о семействе Сергея Ивановича Мальцева (Мальцова).

8 *Отец мой...* – Иван Родионович Кошелёв.

9 *... отдан... дяде его Мусину-Пушкину...* – Алексей Семенович Мусин-Пушкин был послом в Англии и Швеции при Екатерине II. В 1779 г. получил графский титул.

10 *... в Оксфордский университет...* – Университет в Оксфорде (Англия), основанный во второй половине XII в.

11 *...замечен императрицею...* – Екатериной II.

12 *В царствование имп. Павла он вышел в отставку...* – В 1797 г.

13 *... женился на княжне Меньшиковой...* – На Меншиковой Елизавете Петровне.

14 *...имел... четырех дочерей...* – Елена Ивановна, в замужестве Горчакова, Варвара Ивановна, Екатерина Ивановна, в замужестве Иванова. О четвертой дочери сведений нет (см.: *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I. С. 430–431). О Елене и Варваре Кошелёвых см.: *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 70, 361 (серия Лит. памятники).

15 *...избрал... в подруги... Дарью Николаевну Дежарден...* – И.Р. Кошелёв женился на Д.Н. Дежарден в августе 1804 г.

16 *... в день вступления Наполеона в Москву...* – 2 сентября 1812 г.

17 *... в Тамбов, где прежде губернаторствовал... родной его брат.* – Дмитрий Родионович Кошелёв был тамбовским губернатором в 1803–1811 г.

18 *...любимый им "ерофеич" связывал его язык...* – Водка, настоянная на травах. Свое название получила по имени ее создателя московского целовальника Василия Ерофе-

ича. По другим сведениям, по имени цирюльника Ерофеича, вылечившего водкой графа А.Г. Орлова.

19 *... у кандидата университета...* – Кандидат – высшее звание, дававшееся лучшим выпускникам университета.

20 *...перевел несколько книг Фукидидовой истории Пелопонесской войны и много отрывков из Платоновой республики...* – "История" древнегреческого историка Фукидида в восьми книгах посвящена истории Пелопонесской войны 431–404 гг. до н.э., т.е. междоусобной войне между Афинами и Спартой. "Платонова республика" – по всей вероятности, работа древнегреческого философа Платона "Государство", в которой представлено идеальное политическое устройство, основанное на справедливости.

21 *...познакомились наши матери...* – Т.е. Д.Н. Кошелёва и А.П. Елагина.

22 *В сентябре 1822 года я поступил в Московский университет...* – Ошибка памяти: в действительности в 1821 г.

23 *...наше время мы посвящали немецким любомудрам.* – Т.е. Канту, Фихте, Шеллингу, Окену, Гёрресу.

24 *...Авдотья Петровна Елагина, друг Жуковского...* – А.П. Елагина приходилась племянницей В.А. Жуковскому.

25 *... мы держали с Киреевским экзамен в университет, требовавшийся указом 1809 года для поступления на службу.* – Указ от 8 августа 1809 г., который запрещал получение чинов коллежского асессора и статского советника без свидетельства об успешном окончании университета или сдаче специальных экзаменов.

ГЛАВА II. (1825)

1 *После кончины моего отца...* – В 1818 г.

2 *...пользовался особенною дружбою Александра I.* – "Из семейных преданий известно, – писал биограф А.И. Кошелёва, – что император Александр бывал запросто у Кошелева..." (*Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. I, кн. 2. С. 194).

3 *... чин актуариуса...* – протоколиста, регистратора. Согласно введенной Петром I "Табели о рангах" (1722), чиновники были поделены на 14 классов. 14-й класс – коллежский регистратор – последний.

4 *...попали в стихи... А.С. Пушкина.* – Имеются в виду строки из "Евгения Онегина": "Архивны юноши толпою / На Таню чопорно глядят..." (Гл. VII, строфа XLIX).

5 *...под председательством переводчика "Георгик" С.Е. Раича...* – "Георгики" Вергилия в переводе С.Е. Раича вышли в 1821 г.

6 *...лицей гг. Каткова и Леонтьева...* – Императорский лицей в память цесаревича Николая был первоначально открыт 13 января 1868 г. на Большой Дмитровке в здании, где прежде помещалось Муравьевское училище колонновожатых, основанное Н.Н. Муравьевым, а затем пансион проф. М.Г. Павлова, в котором воспитывался М.Н. Катков. Затем на Остоженке основатели лицея приобрели дворец вел. кн. Елены Павловны и возвели собственное здание лицея, открытое в мае 1875 г. Лицей был создан на средства М.Н. Каткова, П.М. Леонтьева (а также С.С. Полякова), "заимствованные у казны" (*Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1997. С. 162).

7 *... на квартире сенатора Рахманова...* – У которого из Рахмановых, Дмитрия Александровича или Григория Николаевича, собиралось литературное общество под председательством С.Е. Раича (Амфитеатрова), выяснить не удалось: оба жи-

ли и служили в Москве, тот и другой были сенаторами (Дмитрий Александрович в 7-м департаменте, Григорий Николаевич – в 8-м департаменте Правительствующего сената). У Г.Н. Рахманова, по всей вероятности, были основания опасаться за свою судьбу после восстания декабристов: вряд ли случайно именно 29 декабря 1825 г. он получил отпуск на один год и на службу не возвратился, в 1827 г. выйдя в отставку.

8 *...удалось... прочесть некоторые переводы...* – Переводы А.И. Кошелёва неизвестны.

9 *...до 14 декабря 1825 года...* – Т.е. до восстания декабристов.

10 *... жалобы на слабость императора Александра I в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву.* – Политика австрийского министра иностранных дел Клеменса Меттерниха отличалась лицемерием и коварством. На Венском конгрессе (1814–1815), который проходил под его председательством, Австрии удалось присоединить к себе Ломбардию и Венецианскую область. На Веронском конгрессе (1822) он сумел удержать Александра I от поддержки Греции, восставшей против турецкого гнета. А.А. Аракчеев – военный министр, всесильный временщик, деспотическая политика которого получила название аракчеевщины. Пользовался неизменным доверием и любовью Александра I, который незадолго до своей смерти в письме 22 сентября 1825 г. приглашал его в Таганрог: "Приезжай ко мне; у тебя нет друга, который бы тебя искреннее любил" (Русский архив. 1884. Кн. 2. С. 230).

11 *...у внучатного моего брата...* – Т.е. троюродного.

12 *... вот как люди меняются!* – Речь идет о князе Н.И. Трубецком, очень радикально настроенном перед восстанием декабристов, но впоследствии сделавшем блестящую карьеру: сенатор, с 1867 г. член Государственного совета.

13 *...адъютант гр. П.А. Толстого, тогда командовавшего корпусом, расположенным в Москве и ее окрестностях...* – 5-м пехотным корпусом.

14 *...наступал ... 1789 год.* – Начало Великой французской революции.

15 *... присягнули... императору Константину Павловичу...* – Великий князь Константин Павлович, наследник Александра I, еще 14 января 1822 г. известил царя о своем отречении от престола в пользу младшего брата Николая Павловича. Однако содержание письма было тайной до конца 1825 г.

16 *... пропел "Марсельезу".* – Национальный гимн революционной Франции, сочиненный в 1792 г. К.Ж. Руже де Лилем.

17 *...прибавляли, что Ермолов также не присягает и с своими войсками идет с Кавказа на Москву.* – Слухи возникли в связи с тем, что А.П. Ермолов, в то время главнокомандующий русскими войсками в Грузии, отличался независимостью своих взглядов, из-за которых и был отправлен в 1827 г. Николаем I в отставку.

18 *... ожидали... с юга новых Мининых и Пожарских.* – Т.е. членов Южного тайного общества декабристов.

19 *...до назначения Верховного суда, т.е., кажется, до апреля...* – Верховный уголовный суд над декабристами был назначен в июне 1826 г.

20 *... в Архангельском соборе...* – В усыпальнице великих князей и царей, построенной в 1333 г. в Москве.

21 *... известием о казни...* – Указ Верховному уголовному суду, приговорившему к казни пятерых декабристов (К.Ф. Рылеева, П.И. Пестеля, С.И. Муравьева-Апостола, М.П. Бестужева-Рюмина, П.Г. Каховского), был подписан 10 июля 1826 г. Известие о казни, состоявшейся 13 июля 1826 г., находившийся в Москве А.И. Кошелёв мог узнать из "Московских новостей" от 14 июля.

ГЛАВА III. (1826–1830)

1 *...родственником нашим кн. С.И. Гагариным...* – Кошелёвы состояли в родстве с Гагариными благодаря браку Марии Алексеевны, дочери Маргариты Иродионовны Кошелёвой, с князем И.С. Гагариным. Сергей Иванович Гагарин, князь, сенатор, в 1844–1859 гг. президент Московского общества сельского хозяйства, с 1842 г. член Государственного совета.

2 *... по их мартинистским связям...* – Речь идет об обществе русских масонов, названном по имени французского теософа Сен-Мартена Луи Клода (1743–1803).

3 *...в отделение ее, которым заведывал гр. Лаваль...* – Граф И.С. Лаваль был управляющим 3-й экспедицией особой канцелярии Министерства иностранных дел.

4 *...при самом приезде из Москвы...* – Д.В. Веневитинов прибыл в Петербург в ноябре 1826 г.

5 *... взят в 3-е отделение...* – Вместе с секретарем графа И.С. Лаваля Карлом Августом Воше, возвратившимся из Сибири, куда он сопровождал ехавшую к мужу-декабристу дочь графа Е.И. Трубецкую.

6 *...кончина незабвенного Алексея Степановича.* – А.С. Хомяков умер в сентябре 1860 г.

7 *...замещен ... мало живым остзейцем гр. Медем.* – Неясно, о котором из братьев Медем идет речь: о Павле Ивановиче или Александре Ивановиче, оба служили на дипломатическом поприще. Остзейцами называли жителей прибалтийских губерний.

8 *... написанное им донесение следственной комиссии по делу 14-го декабря.* – Д.Н. Блудов был направлен в Следственную комиссию Министерством иностранных дел. Донесение было составлено им при участии А.И. Чернышева и В.Ф. Адлерберга.

9 *...интересовали меня бумаги по Преобразовательному комитету...* – Речь идет о секретном "Комитете 6 декабря 1826 г.", занимавшемся разбором бумаг покойного императора Александра I.

10 *... указ об обязанных крестьянах...* – Указ от 2 апреля 1842 г., разрешавший помещикам переводить крестьян в вольные хлебопашцы. Выделив крестьянину участок земли, помещик получал с него оброк или другие повинности, определяемые инвентарями.

11 *... для лютеранских церквей...* – Т.е. для протестантских.

12 *Суперинтенденты* – духовные лица в протестантской церкви, возглавлявшие церковные округа.

13 *Консистория* – церковно-административный орган у лютеран.

14 *Партикуляризм* – стремление к независимости от центра, к сохранению местных привилегий.

15 *...протестантское духовенство...* – Т.е. последователи протестантизма, возникшего в Западной Европе в ходе Реформации – социально-политических движений XVI в., направленных против католической церкви.

16 *Ландраты* – члены ландратских собраний – органов дворянского самоуправления в Эстляндии и Лифляндии.

17 *...особенную отраду находил в посещении двух домов – Константина Яковлевича Булгакова и Екатерины Андреевны Карамзиной...* – А.И. Кошелёв дважды в тексте ошибочно назвал Константина Булгакова "Яковлевичем" – это отчество его отца Александра Яковлевича Булгакова; речь идет о доме второй жены Н.М. Карамзина – салон существовал уже после его смерти (1826).

18 *... любили играть... в экарте.* – В карточную игру для двух лиц с 32 картами.

[19] *... играл в вист...* – Карточная игра для 2–4 лиц.

[20] *Жена К.А. Булгакова, волошанка, не была особенно привлекательна ни разговором, ни обхождением...* – Возможно, опечатка в тексте: "волошанка" вместо "волощанка". В "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даль дает это слово как рязанское: волощанин, волощанка – волостной обыватель, селянин (М., 1978. Т. I. С. 235). Вероятно, поэтому жена К.А. Булгакова не отличалась хорошими манерами – они были предметом пересудов. 10 февраля 1849 г. И.С. Аксаков писал родным из Петербурга: "Вы говорите, что жена Булгакова вам всем очень понравилась. Я ее не знаю, но по тому, что́ об ней знаю, удивляюсь этому. Или уже ей растолковали, как вести себя в нашем доме, как и чем прикинуться, чтоб заслужить общее благорасположение, хоть самою простою женщиной..." (*Аксаков И.С.* Письма к родным: 1844–1849. М., 1988. С. 466; серия Лит. памятники).

[21] *...перехваченное на почте письмо Киреевского ко мне...* – Из контекста ясна причина столь явной осведомленности К.А. Булгакова, петербургского почт-директора – перлюстрация писем была распространенным явлением в николаевское царствование. Именно поэтому Булгаков "умел сделаться необходимым для самих министров", по словам А.И. Кошелёва. Положительной оценке, данной К.А. Булгакову в "Записках", не соответствует мнение С.М. Загоскина, который в своих воспоминаниях писал: «Булгаков, известный московский почт-директор, человек умный, забавный, большой шутник, был, несмотря на свои преклонные года, усердным поклонником всех красивых, молодых женщин. Сын его, так называемый "Костя", известный в Петербурге и Москве своими забавными проделками и остротами и заслуживший через них особое расположение князя Михаила Павловича, был человеком уже не первой молодости, одаренный всевозможными талантами, но, вместе с тем, препустейший и иногда уж чересчур надоедавший своими постоянными каламбурами. Он близко сошелся с Орловым (Н.В. Орловым-Денисовым. – *Т.П.*) и, кажется, превзошел его в слабости к крепким напиткам. Одетый всегда каким-то уродливым франтом, с лицом, напоминавшим черноглазую старую моську, он много выезжал в свет, являясь, конечно, всюду, в своем обычном не совсем трезвом виде» (Исторический вестник. 1900. Февр. С. 519). Того же мнения о К.А. Булгакове придерживался и И.С. Аксаков: "Сын Булгакова, известный повеса..." (*Аксаков И.С.* Письма к родным: 1849–1856. С. 10).

[22] *...вечера... где не играли в карты и где говорили по-русски.* – Характеристику салона Е.А. Карамзиной см.: *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990. С. 12–15; *Смирнова А.О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 167, 179, 192, 197, 467. См. также посвященное Е.А. Карамзиной стихотворение Е.П. Ростопчиной "Где мне хорошо" (1838).

[23] *...вследствие июльской революции во Франции и последовавших затем беспорядков и возмущений в Польше и Германии...* – Имеется в виду Июльская революция 1830 г., свергшая Бурбонов и возведшая на престол Луи Филиппа Орлеанского, польское восстание, начавшееся 17 ноября 1830 г., и взрыв оппозиционных настроений в Германии.

[24] *... издателем газеты.* – "Литературная газета", издаваемая и редактируемая А.А. Дельвигом, выходила в 1830–1831 гг. в Петербурге. В ее организации принимал участие А.С. Пушкин.

ГЛАВА IV. (1831–1832)

1 *...в стране Канта, Шеллинга, Шиллера и Гёте...* – Т.е. в Германии.

2 *...любовался... Брюловскою террасою...* – Речь идет о Брюлевской террасе, располагавшейся на крепостной стене Дрездена над Эльбой. Дворец, на ней находившийся, был местом пиров Брюля Генриха (1700 – около 1763), министра курфюрста Саксонского Августа III. Брюль отличался необыкновенной любовью к богатству.

3 *...король саксонский.* – Антон Клеменс Теодор.

4 *Тут пил я сперва Mühlbrunnen, потом Neubrunnen и наконец жгучий Sprudel...* – Минеральные воды Карлсбада, первые две негазированные, третья газированная.

5 *...в 82-ю годовщину от рождения великого поэта.* – В 1831 г.

6 *...своему сыну, ныне царствующему герцогу...* – Карлу Александру, великому герцогу Саксен-веймарскому (с 1853 г.)

7 *...наследника всероссийского престола.* – Будущего императора Александра II. В.А. Жуковский в 1825–1841 гг. был его воспитателем.

8 *...осмотрел... собор, Кайзер-зал, Денекерову "Ариадну"...* – Католический собор в готическом стиле, сооруженный в 852 г.; замок Saalhof, возведенный в XIV в. на месте построенного в 822 г. Людовиком Благочестивым (Kaiserpfalz); статуя "Ариадна на пантере" (1809) в музее Бетмана – работа немецкого скульптора Даннекера Иоганна Генриха (1758–1841).

9 *...герцога Нассауского...* – Имеется в виду Адольф-Вильгельм, супруг (с 1844 г.) вел. кн. Елизаветы Михайловны.

10 *...беседовал... с ...политикоэкономом Росси... первым министром в Риме во время либерального порыва Пия IX.* – Пий IX – с 1846 г. папа римский. При нем кабинету министров Папской области, созданному в 1848 г. и возглавляемому П.Л. Росси, предстояло провести ряд либеральных реформ. Но 5 ноября 1848 г. в результате заговора Росси был убит, после чего Пий IX бежал из Рима.

11 *...встретил... С.П. Шевырева с его воспитанником кн. Александром Волконским...* – В 1829–1832 гг. Шевырев находился в Италии с сыном З.А. Волконской.

12 *...после взятия Варшавы русскими.* – 26 августа 1831 г., при подавлении восстания в Польше.

13 *... я обратился к знакомому мне коммонеру...* – Коммонер – в Англии член нижней палаты, человек, не принадлежащий к членам палаты лордов.

14 *...прошел в палате лордов знаменитый reform bill.* – Билль – законопроект в английском парламенте. Принятый в нижней палате, он передается в верхнюю и после утверждения ею становится законом. Reform bill 1832 г. касался избирательного права.

15 *... навестить своего отца, который постоянно жил в Лондоне.* – С.Р. Воронцов был послом в Англии в 1784–1806 гг.

16 *...бунт в новгородских военных поселениях.* – Летом 1831 г.

17 *В 1849 году... я вздумал обратиться к графу Орлову с просьбою помочь мне в получении паспорта, необходимого мне для поездки за границу по причине тяжкой болезни моей жены.* – Разрешение было получено, и Т.Н. Грановский воспользовался возможностью передать с А.И. Кошелёвым письмо А.И. Герцену и Н.П. Огареву: "Кошелев берется доставить Вам эти письма, друзья мои" (Звенья: В 9 т. М.; Л., 1936. Кн. VI. С. 359). В письме Грановский предельно откровенно характеризовал тяжелую обстановку, сложившуюся после 1848 г. в стране и в Московском университете, из которого ученый не считал возможным уйти. В "Записках" Кошелёв ни словом не обмолвился о своей встрече с Герценом в 1849 г., но можно утверждать, что она состоя-

лась, на основании косвенных данных (доставленное Герцену письмо, упоминание в мемуарах о маршруте путешествия: "Из Лондона в самом конце июня я отправился в Карлсбад..."). Возможно, что и жена Кошелёва была знакома с Герценом, ибо в письме Е.И. Елагиной из Веве 28(16) сентября 1856 г. она пишет о Герцене как о знакомом человеке, в свидании с которым она уверена: "Отсюда поеду в Женеву. Говорят, там Герцен. Разумеется, его буду искать и сыщу и увижу. Я в восхищении от его ума и таланта писать; все его приобрела и читаю с восхищением" (Летопись жизни и творчества А.И. Герцена: 1851–1858 // Сост. Л.Р. Ланский, И.Г. Птушкина. М., 1976. С. 301).

18 *... после польского мятежа, только что усмиренного...* – Польское восстание 1830–1831 гг.

ГЛАВА V. (1833–1834)

1 *...с друзьями моими Киреевскими... Свербеевыми...* – Речь идет об И.В. и П.В. Киреевских. Свербеевы – Дмитрий Николаевич и его жена Екатерина Александровна, урожденная Щербатова.

2 *...за отъездом матери и вотчима...* – А.П. Елагиной и А.А. Елагина.

ГЛАВА VI. (1835)

1 *...в Венгерской кампании.* – Имеется в виду подавление русскими войсками венгерской революции 1848–1849 гг.

2 *...кн. В.В. Долгорукий (кажется, обер-шталмейстер)...* – Князь В.В. Долгоруков стал обер-шталмейстером в 1832 г. Обер-шталмейстер принадлежал к первым членам двора (чин 2-го класса Табели о рангах). Заведовал придворной конюшней, экипажами и конюшенной конторой.

3 *...гр. М.Ю. Виельгорский.* – Неизвестно, о котором из братьев идет речь, Михаиле Юрьевиче или Матвее Юрьевиче.

4 *... проводили время с добрыми приятелями... Елагиными, Хомяковыми...* – Елагины – А.П. Елагина, ее муж А.А. Елагин и их дети: Василий Алексеевич, Николай Алексеевич, Андрей Алексеевич, Елизавета Алексеевна; Хомяковы – А.С. Хомяков и его жена Екатерина Михайловна, урожденная Языкова.

5 *... в самые первые дни министерства Тиера, т.е. ministère du 1 mars, как долго называли это министерство.* – 1 марта 1840 г. А. Тьер составил свой второй (после 1836 г.) кабинет, в котором он был министром иностранных дел.

ГЛАВА VII. (1836–1848)

1 *... по...оберланду.* – По нагорью.

2 *...действовать шаром...* – При голосовании.

ГЛАВА VIII. (1849–1850)

1 *...на основании высочайшего указа, изданного 12 июня 1844 года...* – Указ разрешал помещикам освобождать дворовых людей (без земли).

2 *... по ревизским сказкам...* – Ревизская сказка – список лиц каждой семьи с указанием, сколько лиц и когда выбыло со времени предшествующей ревизии.

[3] *...до начала Крымской войны...* – До 1853 г.

[4] *... был юнкером и потом офицером...* – В 1823–1825 гг. А.С. Хомяков служил в Петербурге в лейб-гвардии Конном полку.

[5] *... не был "народником" в смысле Шишкова или последующих так называвшихся славянофилов под знаменем "Руси...* – В начале XIX в. шишковисты и карамзинисты вели споры о старом и новом слоге. Карамзинисты ратовали за сближение литературного языка с языком образованного общества, шишковисты усматривали в этом отказ от национальной традиции, иностранное влияние. В приверженности шишковистов к архаичной лексике, устаревшим грамматическим конструкциям А.И. Кошелёв видел поверхностную народность, тогда как заслугой А.С. Хомякова он считал самобытность его мысли, имевшей источником глубокое изучение народной истории и быта. К моменту издания И.С. Аксаковым газеты "Русь" (1880–1886) Кошелёв рассматривал славянофильство как изжитое явление, а попытки продолжить его в изменившихся исторических условиях – обреченными на неуспех, что и дало ему повод сравнить шишковистов с поздними славянофилами.

[6] *... вести споры по Сократовой методе.* – Древнегреческий философ Сократ вел споры устно, в публичных и частных местах.

[7] *... его богословские сочинения...* – При жизни автора опубликованы за границей в 1850-е годы. Впервые после смерти напечатаны во втором томе полного собрания сочинений А.С. Хомякова (Прага, 1867), изданном под редакцией Ю.Ф. Самарина.

[8] *...даже гегельянцем...* – За границей в 1830 г. И.В. Киреевский слушал лекции Гегеля и лично познакомился с немецким философом.

[9] *С Хомяковым у Киреевского были всегдашние нескончаемые споры...* – Начиная с 1839 г., когда статья "О старом и новом" А.С. Хомякова вызвала "В ответ А.С. Хомякову" И.В. Киреевского, и кончая 1852 г., когда опубликованная в первом томе "Московского сборника" 1852 г. статья Киреевского "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России" вызвала возражения Хомякова – "По поводу статьи И.В. Киреевского...". Статья Хомякова предназначалась для второго (запрещенного впоследствии) тома сборника. Опубликована в полном собрании сочинений А.С. Хомякова (2-е изд. М., 1878. Т. I).

[10] *Его последние статьи, помещенные в "Русской беседе"...* – "О необходимости и возможности новых начал для философии" (Русская беседа. 1856. № 2). Статья не была закончена из-за смерти автора. "Русская беседа" – славянофильский журнал, издаваемый в 1856–1860 гг. в Москве.

[11] *... усиливала его влияние в обществе, и особенно на женщин.* – С.Т. Аксаков дал следующее объяснение усилиям Константина по распространению славянофильских идей: "Константин увлекался мыслью, что истины, которые он проповедовал там ... произведут благотворное действие. Он ошибался. Свет с любопытством и удовольствием слушал его, как диковинное явление, и только" (*Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 60; серия Лит. памятники).

[12] *... упомянуть об Иване Сергеевиче Аксакове, тогда только вышедшем в отставку...* – И.С. Аксаков вышел в отставку в 1851 г. из-за конфликта с министром внутренних дел Л.А. Перовским, недовольным литературными занятиями молодого чиновника.

[13] *Тогда он был чистым и ярым западником, и брат его Константин постоянно жаловался на его западничество.* – Воспитанный в славянофильской среде, И.С. Аксаков западником не был. Но нередко в 1840–1850-е годы выступал с критикой славянофильских воззрений, избегал крайностей кружка, что и вызывало нарекания со стороны К.С. Аксакова.

14 *... мы... не относились враждебно к нашим противникам.* – Пасквили Н.М. Языкова на Т.Н. Грановского, А.И. Герцена, П.Я. Чаадаева ("Константину Аксакову, "К не нашим", "К Чаадаеву"), никем, кроме К.С. Аксакова, в славянофильском кружке не осужденные, свидетельствовали об обратном.

15 *... прозвали "славянофилами"; но это прозвище вовсе не выражает сущности нашего направления.* – Впервые слово "славянофилы" в значении "противники западников" употребил В.Г. Белинский в заметке 1842 г. "Денница новоболгарского образования". В отличие от А.И. Кошелёва, К.С. Аксаков считал это слово удачно передающим сущность течения: "...кто не славянин, тот и не русской" (*Аксаков К.С.* Отголоски о новом происхождении имени славян и славянофилов – РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Ед. хр. 12. Л. 1).

16 *... не ставили на пьедестал крестьянина, не поклонялись ему...* – А.И. Кошелёв противоречит сам себе, насмешливое отношение В.А. Черкасского к народу было основанием, по которому Кошелёв отказывал ему в праве называться славянофилом (см. с. 60 наст. изд.).

17 *...настроение Англии и даже Франции во время борьбы славян на Балканском полуострове...* – Англия и Франция были равнодушны к национально-освободительному движению славян на Балканах, а также в Австрийской империи.

ГЛАВА IX. (1851–1856)

1 *... жена моя с детьми...* – Ольга Федоровна и дети Дарья Александровна и Иван Александрович.

2 *... нынешний император...* – Александр II.

3 *... расспрашивал... об Обществе любителей российской словесности...* – Общество было основано в 1811 г. при Московском университете, около 1844 г. прекратило существование. Его деятельность возобновилась в 1858 г.

4 *... в "Московском сборнике", изданном Ив⟨аном⟩ Сер⟨геевичем⟩ Аксаковым в Москве в 1852-м году.* – И.С. Аксаков был только редактором "Московского сборника", который издавался на средства А.И. Кошелёва. Однако дважды в мемуарах Кошелёв назвал И.С. Аксакова издателем "Московского сборника" 1852 г., помня, очевидно, о том, как много хлопот взвалил на себя энергичный и решительный редактор: дела с типографщиками и переплетчиками, печатание портрета Н.В. Гоголя, приложенного к сборнику, рассылка тиража и т.п.

5 *... были все запрещены... обязаны подпискою ничего не печатать.* – Опала коснулась не всех участников сборника, а только братьев Аксаковых, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, В.А. Черкасского, которые получили распоряжение впредь ничего не печатать без разрешения Главного управления по делам цензуры в Петербурге. И.С. Аксаков был лишен также права редактировать какие-либо издания.

6 *Уничтожение турецкого флота под Синопом...* – 18 ноября 1853 г.

7 *Высадка союзников в Крым в 1854 году... сражения при Альме и Инкермане...* – Высадка союзников произошла 2 сентября 1854 г. под Евпаторией, сражение на Альме – 8 сентября 1854 г., Инкерманская битва – 24 октября 1854 г.

8 *Падение Севастополя...* – 27 августа 1855 г. русские войска были вынуждены перейти с южной в северную часть города.

9 *М.В. Беляев* – описка или опечатка; сотрудником "Русской беседы" был писатель Илья Васильевич Беляев.

[10] *Только на этих условиях мы и согласились принять кн. Черкасского в постоянные сотрудники "Русской беседы"*. – Возможно, условия были оговорены устно. Судя по известным нам письмам А.И. Кошелёва к В.А. Черкасскому, никакими условиями сотрудничество последнего в "Русской беседе" ограничено не было.

[11] *... ожесточенные возражения и насмешки со стороны всех повременных изданий в Петербурге и Москве.* – Спор с "Русской беседой" о русском воззрении, о народности в науке был начат "Московскими ведомостями" (1856. 3, 8 марта, 3 мая), заявившими, что возможно только одно – общечеловеческое – воззрение на эти предметы. В майской книге "Русского вестника" 1856 г. появилась статья Б.Н. Чичерина "О народности в науке". Она была ответом на появившуюся в первом номере "Русской беседы" заметку Ю.Ф. Самарина "Два слова о народности в науке", в которой он утверждал, что ученый в исследованиях должен исходить из лежащих в основе своей народности начал. Чичерин заявил, что привязанность к своей народности исключает возможность беспристрастного суда, предостерегал от национальных воззрений в изучении русской истории – для науки необходимо воззрение объективное. В июньских книгах "Русский вестник" напечатал заметку в поддержку позиции своего сотрудника. Н.Г. Чернышевский в "Заметках о журналах. Декабрь 1856 года" в № 12 "Современника" за 1856 г. нашел странными "туманные мечты о какой-то особенной народности в науке".

[12] *...Катков ...разразился целым рядом самых едких статей.* – См. «Заметки "Русского вестника"» (без подписи) (Русский вестник. 1856. Июнь. Кн. 1, 2), статью Б.Н. Чичерина «Критика г. Крылова и способ исследования "Русской беседы"» (Там же. 1857. Авг. Кн. 2; Сент. Кн. 1).

[13] *Хомяков составил прекрасный... ответ...* – Статья Х. Даскалова "Возрождение болгар, или Реакция в европейской Турции" вызвала недовольство обер-прокурора Святейшего синода графа Александра Петровича Толстого. Ответ А.С. Хомякова в Московский цензурный комитет см. на с. 352–354 наст. изд.

[14] *...статья "По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и о поземельной общественной собственности"*. – Название статьи приведено неточно: описка А.И. Кошелёва или опечатка. Правильно: "общинной" вместо "общественной". Напечатана в "Русской беседе" (1857. № 4. Отд. "Критика").

[15] *... рескрипта 20 ноября 1857 года...* – Рескрипт Александра II виленскому военному, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору (т.е. В.И. Назимову) касался создания комитетов по улучшению быта помещичьих крестьян. Комитеты образовывались из предводителей дворянства и помещиков этих губерний (Московские ведомости. 1857. 19 дек. № 152. С. 1257–1258). С этого рескрипта, разрешавшего дворянству составление проектов улучшения крестьянского быта, началась подготовка освобождения крестьян.

[16] *...старший его сын...* – Василий Иванович Киреевский.

ГЛАВА X. (1857–1860)

[1] *...доклад министра внутренних дел...* – В 1855–1861 гг. министром внутренних дел был С.С. Ланской.

[2] *...я сильно принялся за свои "Записки" ...* – Имеется в виду "Записка по уничтожению крепостного состояния в России".

[3] *"Сельское благоустройство"* – журнал, выходивший в 1858–1859 гг. в Москве. Считался приложением к "Русской беседе", потому что, по тогдашним правилам, одному лицу (т.е. А.И. Кошелёву) запрещалось одновременно издавать два журнала.

[4] *... передал ему главные труды и заботы по изданию "Русской беседы"*. – Сделал это А.И. Кошелёв очень неохотно, потому что И.С. Аксаков казался ему недостаточно твердым славянофилом: обнаружились несогласия относительно направления журнала, оценки деятельности А.И. Герцена, Н.И. Крылова и пр. (см.: Голос минувшего. 1918. № 7–9. С. 175, 178).

[5] *...статья кн. Черкасского...* – "Некоторые общие черты будущего сельского управления" (Сельское благоустройство. 1858. № 3).

[6] *... поднялись в журналистике ужасные крики, брани и глумления.* – Н.А. Добролюбов в "Литературных мелочах прошлого года" (Современник. 1859. № 1) издевался над такими "передовыми людьми", которые всерьез обсуждают вопрос, надо ли сечь. А.И. Герцен в статье "Розги долой!" (Колокол. 1860. 1 июля) выступил за освобождение податного сословия от побоев, призвал бросить розгу "в виду черкасской партии".

[7] *... в статье, напечатанной в "Московских ведомостях"...* – Иван Аксаков взял под защиту и поклонника розог, и издателя "Сельского благоустройства", где появилась статья В.А. Черкасского (см. выше), уверяя, что оба чувствуют отвращение к насилию (Московские ведомости. 1858. 30 окт.). В редакционной заметке было отмечено, что на больной вопрос о наказаниях крестьян, поднятый Черкасским, возможен только один ответ, не допускающий никаких компромиссов. Черкасский их допустил, и в этом состоит его ошибка. Члены губернских комитетов были оскорблены тем, что Иван Аксаков представил их защитниками "своекорыстия и невежества", считали это заявление клеветой на них и требовали от А.И. Кошелёва публичного опровержения мнения Аксакова.

[8] *Десятина* – русская единица земельной площади, равная 1,09 гектара.

[9] *... и в Карлсбад и в Остенде...* – Карлсбад – курорт в северной Богемии (или Чехии), известный минеральными источниками; Остенде – бельгийский курорт (в западной Фландрии), знаменитый морскими купаниями.

[10] *... все австрийцы, как немцы, так и славяне...* – Имеются в виду славяне, живущие в Австро-Венгрии.

[11] *... посетили чудный собор Св. Витта...* – Собор в готическом стиле в Градчанах. Строить его начал император Карл IV в 1344 г.

[12] *... нынешнего императора шибко не жалуют.* – Иосифа I.

[13] *"Русских чехов... теперь остается только один Ганка... теперь чехи хотят быть чешскими чехами"*. – Речь идет о стремлении чехов к самобытности и самостоятельности; В. Ганка был известен своим русофильством, мечтал сделать русский язык общеславянским языком, но в 1850-е годы среди чехов у него было немного единомышленников.

[14] *... здешнего Лютеранского Коллегиума славян...* (*Б.а.Л.*). – Возможно, Большая академия Лютеран.

[15] *Матица чешская самая деятельная.* – Матица – у австрийских славян литературно-научное общество, занимавшееся изучением истории и литературы славян, разработкой народного языка, изданием книг. Матиц известно девять, самая ранняя – сербская (1826). Чешская матица была основана в 1830 г. в Праге.

[16] *... иллирийская...* – Термин введен Людевитом Гаем, выдающимся хорватским деятелем. Иллирийский – относящийся к южным славянам: хорватам, сербам. Иллирийские провинции, прежде находившиеся в зависимости от Франции, в 1813 г. были включены в состав Австрийской империи.

[17] *...имел долгий разговор с словаком Гурбаком.* – Вероятно, с Й.М. Гурбаном.

[18] *Он обещался быть деятельным сотрудником "Русской беседы"*. – Доктор В.Ф. Клун выполнил обещание: в нескольких номерах журнала печатался присланный им из

Лихтенштейга (Швейцария) материал (Словенцы: Этнографический очерк // Русская беседа. 1857. № 3. Отд. "Науки". С. 65–122; Словенцы: Очерк истории их словесности // Там же. 1859. № 1. С. 87–120; № 2. С. 95–126).

19 *... на вершине Риги.* – Горный массив в Альпах (Швейцария).

20 *Жирандоль...* – Подсвечник.

21 *... по причине Виллафранкского мира между Франциею и Италиею.* – 11 июля 1859 г. в Виллафранке около Вероны был заключен мир между Францией и Австрией, положивший конец войне за независимость Италии. Франция и Австрия стремились образовать итальянскую конфедерацию, но итальянская революция 1859–1860 гг. привела к национальному объединению страны и созданию единого государства.

22 *... в своей книге о России...* – Речь идет о трехтомном исследовании А. Гакстгаузена "Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands" (Hannover; Berlin, 1847–1852) ("Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России").

23 *В Кавуре я нашел не пламенного итальянца (да он и не итальянец)...* – К.Б. Кавур был выходцем из Савойи – области на юго-востоке Франции, на границе с Италией.

24 *...скорбел об участи Франции, угнетенной ловким мошенником, вскарабкавшимся на ее престол.* – Речь идет о французском императоре Наполеон III. После революции 1848 г. стал президентом. В результате государственного переворота в 1852 г. разогнал законодательное собрание и основал вторую империю (1852–1870). Во время его правления во Франции был установлен деспотический режим.

25 *В Брюсселе виделся с Погенполем и много говорил о направлении "Nord"'а...* – Н.П. Поггенполь, редактор основанной в Брюсселе газеты "Le Nord". Газета выходила в 1855–1865, 1868–1871 гг. на французском языке на средства русского правительства.

26 *... комиссии ... вдавались в регламентацию.* – См. письмо А.И. Кошелёва А.Н. Попову от 17 августа 1860 г. (Русский архив. 1883. № 3. С. 360–362).

27 *К.С. Аксаков ... написал ... свои возражения в виде писем, которые и напечатал за границею.* – "Замечания на новое административное устройство крестьян в России" (Лейпциг, 1861). Статью напечатал И.С. Аксаков, а не Константин, умерший в 1860 г. Она написана в форме письма В.А. Черкасскому от 26 августа 1859 г. Другие письма К.С. Аксакова Черкасскому 1859 г. см.: Записки отдела рукописей РГБ. М., 1995. Вып. 50. (Публ. М.Ф. Маливанова).

28 *... письмо ... было напечатано в "Русском архиве" 1876 г., а потом в полном собрании сочинений А.С. Хомякова (изд. 1878 г.).* – "Об отмене крепостного права в России. Письмо Я.И. Ростовцеву". Без имени автора (Русский архив. 1876. № 1) и в I томе полного собрания сочинений А.С. Хомякова (М., 1878. 2-е изд.).

29 *...в Данковском его имении в селе Ивановском.* – Имение А.С. Хомякова находилось в Рязанской губернии.

30 *При его кончине был только сосед его Л.М. Муромцев.* – Воспоминания Леонида Матвеевича Муромцева о последних минутах жизни А.С. Хомякова см.: *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1904. Т. VIII. Приложения. С. 46–48.

31 *... в Даниловом монастыре...* – В 1930-е годы прах перезахоронен на Новодевичьем кладбище. О некоторых подробностях смерти А.С. Хомякова см. в нашей публикации "Письма Аксаковых о смерти Хомякова" (Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. 1).

32 *... по предмету французских брошюр Хомякова...* – Богословские сочинения А.С. Хомякова были написаны на французском языке. В Париже были напечатаны "Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу брошюры г. Лоранси"(1853), "Несколько слов православного христианина о западных

вероисповеданиях по поводу одного окружного послания парижского архиепископа" (1855) и др. Переведенные на русский язык Н.П. Гиляровым-Платоновым и Ю.Ф. Самариным, вошли во второй том полного собрания сочинений Хомякова, изданный в 1867 г. в Праге под редакцией Ю.Ф. Самарина.

ГЛАВА XI

[1] *...записку о необходимости замены откупов введением акцизного сбора с вина и пива.* – Акцизный сбор – налог на предметы потребления, не являющиеся первой жизненной необходимостью (вина, табак и т.п.), обращающиеся во внутренней торговле страны.

[2] *...гипотечного положения.* – Гипотека (ипотека) – обеспечение надежности приобретения недвижимого имущества: в специальной поземельной книге фиксировалось имя собственника, наличие или отсутствие совладельцев и их доли в имуществе, долги, лежащие на имении, и т.п. Записи имели юридическое значение и были всем доступны.

[3] *...уставы о гипотечном обеспечении продолжают странствовать из комиссии в комиссию...* – Ипотечная система была введена 19 мая 1881 г.

[4] *Его книга о прусских финансах замечательна.* – Труд А.П. Заблоцкого-Десятовского "Финансовое управление и финансы Пруссии" (СПб., 1871).

ГЛАВА XII. (1861–1862)

[1] *Уставные грамоты* – документы, определявшие отношения помещиков и освобожденных в 1861 г. крестьян.

[2] *...решился издать их за границею под заглавием "Какой исход для России из нынешнего ее положения".* – Брошюра вышла в 1862 г. В ней автор критиковал бюрократическую систему, считая ее главным врагом царя, России и дворянского сословия: "У нас самодержавствует не государь, а бюрократия". А.И. Кошелёв полагал, что единственное назначение бюрократии – "быть слугой царя и народа". В брошюре была высказана идея о необходимости созыва Земской думы в Москве, в сердце России, подальше от бюрократического центра (*Кошелев А.И.* Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862. С. 5, 29, 38). А.И. Герцен откликнулся на выход этой брошюры в статье "Без масок" (*Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. XVI. С. 83–84), полностью перепечатав в "Колоколе" ее предисловие, в котором Кошелёв сообщал, что представил в цензуру свою статью "Что такое русское дворянство и чем оно быть должно?", однако не получил разрешения на печатание под предлогом, что она может вызвать недовольство дворянства. Дворянин пишет о дворянстве, пишет не воззвание, а умеренное рассуждение, но статью цензура не разрешает печатать. Остается единственный путь, по мнению Кошелёва, – печатать за границею.

[3] *... многие соотечественники выразили мне сочувствие к высказанным в ней мнениям...* – Однако славянофилы Ю.Ф. Самарин и В.А. Черкасский не были в их числе. Посылая брошюру Черкасскому, А.И. Кошелёв писал 25 января 1862 г.: "Самарин ругается и говорит, что в моей брошюре хорошо только предисловие, а остальное есть произведение зуда" (РГБ. Ф. 265. Карт. 33. Ед. хр. 2. Л. 86–86 об.). Самарин был убежден, что реформы следует начинать с местной общественной жизни. Черкасский согласился с ним и в ответном письме Кошелёву писал о необходимости создания

твердого фундамента местных учреждений, а не созыва Земской думы (Там же. Л. 95 об.). Кошелёв был другого мнения: реформы нужно начинать только сверху, так как местная общественная жизнь не может развиваться из-за засилия бюрократии (Там же. Л. 87).

4 *В этой книжке я еще более уяснил свои мысли о самодержавии и конституции...* – Общественное мнение А.И. Кошелёв считал единственным ограничителем власти; конституция, по его мнению, должна быть "творением общим государя и народа", это дело будущего времени, а сейчас царь специальным манифестом должен объявить о созыве Земской думы, в которой будут предварительно рассматриваться проекты законов (*Кошелев А.И.* Конституция, самодержавие и Земская дума. Лейпциг, 1862. С. 10, 17, 18). А.И. Герцен в заметке в "Колоколе" от 15 октября 1862 г. объявил о выходе этой брошюры, весьма полезной для высших правительственных лиц, "если б они могли что-нибудь понимать" (*Герцен А.И.* Собр. соч. Т. XVI. С. 295).

5 *...желание видеть вторую Лондонскую выставку...* – В 1851 г. была первая Всемирная выставка, в 1862 г. – вторая.

6 *... готовность отвести нам бесплатно место под церковь. В следующие годы занимались этим граф Анд⟨рей⟩ Пет⟨рович⟩ Шувалов и Мусин-Пушкин.* – Кто из Мусиных-Пушкиных принимал участие в строительстве русской православной церкви в Карлсбаде, выяснить не удалось.

7 *Экстирпаторы* – лапчатые культиваторы для уничтожения сорняков.

8 *... усиление строгости цензуры по делам печати...* – Речь идет о законе о печати, подписанном 6 апреля 1865 г. и вступившем в действие с 1 сентября 1865 г. Закон сохранял предварительную цензуру на местах; для столичных периодических изданий вводилась карательная система: министр внутренних дел получил право объявлять предостережения и после трех предостережений приостанавливать издание на шесть месяцев. Случаи нарушения издателями законов о печати рассматривались в судебном порядке.

9 *...сын мой...* – Иван Александрович Кошелёв.

10 *...дочь моя...* – Дарья Александровна Кошелёва, в замужестве Беклемишева.

ГЛАВА XIII. (1863–1867)

1 *...прочел новое "Положение" для крестьян Царства Польского ... права собственности польских помещиков... принесены в жертву цели лучшего устройства быта тамошнего крестьянства...* – Речь идет об указе от 19 февраля (2 марта) 1864 г., согласно которому польские крестьяне стали собственниками занимаемых ими земель и получили право на самоуправление.

2 *Эти слова решили мою поездку в Варшаву...* – См. об этом письмо А.И. Кошелёва В.А. Черкасскому от 13 мая 1864 г., которое подтверждает, что до представления царю Кошелёв считал свою поездку в Варшаву нерешенною. "Но государь был так мил; он принял мое поступление на службу как жертву, а вовсе не как желание собственно служить, получать чины, кресты и жалованье, и моя борода вовсе его не покоробила, а потому я теперь решительно еду..." (РГБ. Черк./III. Карт. 5. Ед. хр. 2. Л. 90).

3 *... написал свои записки...* – Речь идет не о записках, а о не опубликованном до настоящего времени дневнике Ф.В. Чижова, хранящемся в РГБ (Ф. 332).

4 *Я написал об этом к Самарину...* – В письме от 13 апреля 1864 г. А.И. Кошелёв напомнил Ю.Ф. Самарину, что о содержании переписки Кошелёва и князя В.А. Черкасского насчет Варшавы знал один Самарин, который дал честное слово никому об

этом не говорить и при отъезде в Варшаву еще раз подтвердил данное Кошелёву слово. "Только что Вы уехали, я узнаю, что Вы это сообщили сперва Ив⟨ану⟩ Сер⟨геевичу⟩ Аксакову, а потом Чижову, и последнему вовсе не как *тайну*. Вчера об этом пошел трезвон, для меня крайне неприятный. Вчера Елагины, Свербеевы, Аксаковы и пр. – все меня об этом спрашивали и упрекали в скрытности... Потрудитесь мне разъяснить этот Ваш поступок, который для меня совершенно непостижим" (РГБ. Ф. 332. Карт. 51. Ед. хр. 15. Л. 11–11 об., 12). В этот же день Кошелёв послал письмо Черкасскому с изложением возникшей ситуации, чтобы Черкасский не подумал, что молва распространена Кошелёвым (Там же. Черк./III. Карт. 5. Ед. хр. 2. Л. 88–88 об.).

5 *...с приложением очень резкого письма к Чижову, которое Самарин просил меня по прочтении отослать к Чижову.* – Письмо А.И. Кошелёва Ю.Ф. Самарину от 13 апреля 1864 г. находится в одном письме с письмом Самарина Чижову, которому Самарин сообщал: "Посылаю Вам в подлиннике только что полученное мною письмо от Кошелева. Что я сообщил Вам дело по *секрету*, просил Вас, и не один раз, не говорить об этом *никому, ни даже Кошелеву* – это я помню очень хорошо... Рассудите сами: приятно ли получать подобные письма и быть в необходимости сознаться в вине за излишнюю доверенность к чужой секретности. Ю. Самарин" (письмо без даты; РГБ. Ф. 332. Карт. 51. Ед. хр. 15. Л. 12).

6 *...отвез меня в Брюловский дворец...* – Имеется ввиду Брюлевский дворец, построенный в 1754 г. министром короля Августа III Г. Брюлем.

7 *Ф.А. Соловьев* – Опечатка в инициале. Членом Учредительного комитета по крестьянскому делу в Царстве Польском был экономист Яков Александрович Соловьев.

8 *...В.А. Арцымович...* – В.А. Арцимович.

9 *...Заболотский...* – В.И. Заболоцкий.

10 *...прежде где-то был губернатором...* – Р.И. Брауншвейг до назначения в Царство Польское был подольским губернатором (1860–1864).

11 *После обеда я поехал в Лазенки...* – Парк, окружавший бывший загородный дворец короля. Находится под Варшавой.

12 *Реквизиция* – требование военного начальства к местным властям о снабжении войска провизией и фуражом.

13 *...поляков, занимавшихся...консумационными делами...* – Т.е. делами, связанными с консумационным сбором с винных изделий и забитого скота при их ввозе в город.

14 *...сбор... пропинационный...* – Монопольное право взимания пошлины за торговлю вином в определенной местности.

15 *...сбор ... шинковый...* – Взимавшийся с шинка – небольшого питейного дома.

16 *Сервитут* – право пользования какого-либо лица чужой собственностью (так называемое "право в чужой вещи"): пастбищем, выгоном, водопоем. Фактическое совладение.

17 *...это отчасти нам уже удалось исполнить.* – А.И. Кошелёв намекает на недоброжелательное отношение к русским в болгарской администрации в начале 1880-х годов.

18 *...бар. Мегден.* – В.М. Менгден.

19 *...о покушении Каракозова...* – Д.В. Каракозов, студент Московского университета, революционер-террорист, 4 апреля 1866 г. у ворот Летнего сада стрелял в императора Александра II. Верховным уголовным судом приговорен к смертной казни через повешение.

20 *...рескрипт к председателю Комитета министров кн. Гагарину...* – Высочайший рескрипт от 13 мая 1866 г., которым предписывалось не допускать вражды между сосло-

виями, обратить особое внимание на воспитание юношества, принять меры борьбы с пагубными учениями, колеблющими основы веры, нравственности и общественного порядка. Несоблюдение этих указаний обществом, предупреждал царь, будет караться законом (Московские ведомости. 1866. 18 мая. С.1).

21 *...военные действия пруссаков в Богемии.* – Имеется в виду Австро-прусская война 1866 г.

22 *...отправился на Эгер, Регенсбург, Линц и Зальцбург.* – Эгер – город в северо-западной Богемии (Чехии); Регенсбург – город в Баварии; Линц – город в Австрии; Зальцбург – герцогство в Австро-Венгрии, славящееся минеральными источниками.

23 *Меран* – город в Тироле (Австрия).

24 *Веве* – город в Швейцарии на Женевском озере.

ГЛАВА XIV. (1867–1870)

1 *Меня, почетного мирового судью, избрали председателем мирового съезда...* – Мировые суды были созданы в уездах в 1864 г. Мировой съезд – съезд судей уезда.

2 *...ожидаемый в Москве Славянский съезд...* – В мае 1867 г., одновременно с этнографической выставкой.

3 *Этнографическая выставка... в Москве...* – Состоялась в мае 1867 г.

4 *...городской голова...* – Александр Алексеевич Щербатов, который в 1862–1869 гг. являлся московским городским головой.

5 *...законом 5 апреля 1865 года...* – Закон о печати был подписан 6 апреля 1865 г. (см. примеч. 8 к гл. XII).

6 *...Николаевскую железную дорогу.* – Между Петербургом и Москвой. Движение официально открыто в 1851 г.

7 *...о неудовлетворительном положении сельских общественных хлебных магазинов...* – Сельские магазины – склады зерна на случай неурожая.

8 *...не подозревавшие всех козней гр. Толстого...* – Д.А. Толстой, находясь на посту министра народного просвещения (1866–1880), ставил различные препоны для низших сословий на пути к образованию.

9 *...переданном мною в Московскую публичную библиотеку.* – В Отделе рукописей РГБ этих материалов нет.

10 *...его покойною женою...* – Ольга Степановна Одоевская умерла в 1872 г.

11 *...издал особою книгою ("Голос из земства")...* – Вып. 1 вышел в Москве в 1869 г. В статьях, составивших эту книгу, А.И. Кошелёв отмечал, что земская реформа была встречена в обществе с меньшим сочувствием, чем другие реформы 1860-х годов, что свидетельствует о неподготовленности к самоуправлению, о непонимании путей, которые должны привести к сближению дворян с остальным населением страны. Он сожалел о том, что правительство не заботится об умственном и нравственном развитии народа, не считает себя обязанным давать деньги на начальные школы, не понимая, что удобнее управлять людьми хоть немного образованными, чем неграмотными; не принимает мер к сокращению пьянства в народе и т.п.

12 *...в память покойной...* – Речь идет о "Русской беседе", прекратившей свое существование в 1860 г.

13 *"Беседа"* – ежемесячный журнал славянофильского направления, выходивший в 1871–1872 гг. в Москве. Издатель-редактор С.А. Юрьев.

14 *...помещал произведения...противные нашим общим убеждениям.* – Непоследовательность С.А. Юрьева, издателя-редактора "Беседы", впоследствии редактора "Русской

мысли", отмечал и И.С. Аксаков, писавший 28 марта 1881 г. Е.А. Свербеевой: "Завелись новые славянофилы вроде Юрьева, которые одновременно в одной и той же книжке журнала восхваляют Хомякова и ползают перед памятью Чернышевского, угождая и вашим и нашим" (РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. Ед. хр. 620. Л. 47).

15 *Эмс* – курорт в прусской провинции Гессен-Нассау.

16 *...на развалины Тюльерийского дворца...* – Дворец в Париже (Тюильри), построенный в 1564 г., местонахождение французских королей. В 1871 г. во время Парижской Коммуны был сожжен, затем восстановлен.

ГЛАВА XV. (1871–1875)

1 *Я писал для "Беседы" разные статьи, большею частью финансовые...* – За время издания журнала А.И. Кошелёв напечатал на его страницах следующие статьи: "Богаче ли стали крестьяне с 1871 года", "В чем мы всего более нуждаемся?", "Заметка по поводу одной французской брошюры, напечатанной в Петербурге", "О воинской повинности с земской точки зрения", "О всесословной волости", "О государственном земском сборе", "О подушных податях", "О прусских податях классной и подоходной и о том, желательно ли и можно ли ввести их у нас?", «Ответ на статью г. Н. Колюпанова "Заметки о переложении подушной подати"».

2 *...статья... "В чем мы всего более нуждаемся?"...* – Помещена в № 8 журнала "Беседа" за 1871 г.

3 *...конфиденциальное внушение впредь воздержаться от помещения подобных статей.* – Журнал "Беседа" издавался без предварительной цензуры, но это не избавило его от репрессивных мер властей. Конфиденциальное внушение могло быть сделано и председателем Московского цензурного комитета (в 1866–1879 гг. им был И.В. Росковшенко), и министром внутренних дел А.Е. Тимашевым, и их подчиненными.

4 *...по определению Комитета министров сожгли две ее книги...* – Неприятности были и с № 9 журнала "Беседа" за 1871 г., который перепечатывался.

5 *...обещания...прекратить издание журнала.* – В № 12 журнала "Беседа" за 1872 г. редакция сообщала о прекращении издания "до более благоприятного времени": «Теперь же, после неожиданного для нас уничтожения книжек нашего журнала, мы опасаемся, несмотря на все предосторожности с нашей стороны, ставить в затруднительное положение наших сотрудников и возбуждать против нас незаслуженное нами неудовольствие подписчиков, подвергая их лишениям по не зависящим от нас обстоятельствам. Выпустив в свет XII-ю и вновь издав, с исключением запрещенной статьи, уничтоженную IX-ую книжки "Беседы", мы почитаем за лучшее на время замолчать» (Беседа. 1872. № 12. С. II). Действительно, продолжать издание не было никакой возможности из-за произвола администрации. 22 марта 1872 г. П.А. Валуев записал в своем дневнике: "Третьего дня в Государственном совете прошел временный закон по делам печати, предоставляющий министру внутренних дел право задерживать без судебного преследования вредные книги и журналы" (Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. II. С. 279).

6 *Указ июня 1872 года передал печать в полную зависимость администрации...* – Закон был утвержден Александром II 7 июня 1872 г. По этому закону "О дополнении и изменении некоторых действующих узаконений о печати" запретительные функции, которыми обладал суд, были переданы административным органам (Министерству внутренних дел, Комитету министров).

[7] *...заставили меня написать книжку... "Наше положение"*. – "Наше положение (Политический и экономический очерк России)" (Лейпциг, 1875). В этой книге автор писал о том, что некоторые люди находят нынешнее положение тяжелее предыдущего 30-летнего царствования Николая I: теперь мы чувствуем себя стесненными в земском и городском самоуправлении, подвергаемся действию законов, не выражающих нужды страны, отнимающих у нас приобретения, дарованные в первое десятилетие царствования Александра II. Особенно неблагополучное положение, по мнению А.И. Кошелёва, сложилось в области печати: если бы тут был простор, то посредством печатного слова можно было бы разъяснить правительству наши гражданские потребности. Произвол администрации направлен прежде всего против земских учреждений: сведения о прениях в земских собраниях могли быть переданы в печать только с разрешения губернского начальства (*Кошелев А.И.* Наше положение. Berlin, 1875. С. 1, 3–4, 43, 50). Книга была запрещена, о чем автор известил читателей в предуведомлении к брошюре "Общая Земская дума в России": запрещена "за то, что в ней высказаны некоторые правды насчет настоящего нашего положения и действительного ведения у нас дел", тем самым нарушена "гармония лжи, которою стараются все прикрыть" (*Кошелев А.И.* Общая Земская дума в России. Berlin, 1875. С. V).

[8] *...посвящен немцами празднованию Седанской победы.* – Речь идет о Франко-прусской или Франко-германской войне 1870–1871 гг. В 1870 г. под Седаном французские войска потерпели поражение от прусских войск, Наполеон III с армией сдался в плен.

[9] *25 мая в этом году (1874) состоялось новое положение о начальных народных училищах, которым значительно и в враждебном земству духе изменялось прежнее по сему предмету положение 1864 года.* – Речь идет о циркуляре министра народного просвещения от 25 мая 1874 г., обращенном к попечителям учебных округов. Циркуляр касался воспитанников учительских семинарий, которые должны нести рекрутскую повинность, – им предоставлялась отсрочка до 22-летнего возраста; воспитанники семинарий, оканчивавшие курс в предельном льготном возрасте, не могли поступать в военную службу до прослужения в учительской должности установленного числа лет или до взноса причитавшихся с них за обучения денег. А.И. Кошелёв был недоволен тем, что контроль за этим процессом брало на себя Министерство народного просвещения (а не земство), куда и следовало направлять сведения о воспитанниках, которым надлежало поступление в войска: имя, фамилия, время рождения, год поступления в семинарию, класс, в котором они находятся (Московские ведомости. 1874. 31 мая. № 135. С. 1).

[10] *...так называемой Валуевской комиссии...* – П.А. Валуев возглавлял комиссию по исследованию сельского хозяйства и его производительности.

[11] *...в виде отдельной книжки под заглавием "Об общинном землевладении в России"*. – В книге автор брал под защиту общину, которая ограждает крестьян от нищеты, обеспечивает им некоторую самостоятельность. На Западе есть коммуны, которые, по мнению А.И. Кошелёва, являются карикатурой нашей общины. Коммуны грозят Европе великими бедствиями, тогда как русская община спокойна и миролюбива. Для поддержания ее нужно одно – прекратить под нее подкапываться (*Кошелев А.И.* Об общинном землевладении в России. Berlin, 1875. С. 1, 2, 4, 44, 45, 55, 56).

[12] *"Times"* – одна из старейших и влиятельнейших ежедневных газет Великобритании. Выходит с 1788 г. в Лондоне.

[13] *...побудили меня написать новую книжку в виде продолжения к "Нашему положению"*. – Книга "Общая Земская дума в России" (Berlin, 1875). В ней проводилась мысль о необходимости учреждения Земской думы, о невозможности конституционализма в России и преимуществах самодержавной власти.

[14] *...приехали Погодины.* – М.П. Погодин и его жена София Ивановна.
[15] *Выпивши стакан "Кесселя"...* – Пиво домашнего приготовления (в южной Германии, жители которой считают, что в пиве должны быть три компонента: хмель, солод и вода без добавок ячменя, пшеницы и пр.).
[16] *...Григорьеву, старому моему знакомому...* – В № 3 и 4 "Русской беседы" за 1856 г. А.И. Кошелёв напечатал статью В.В. Григорьева "Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве", которая вызвала резкое недовольство в прессе.
[17] *...о кончине М.П. Погодина.* – Умер в 1875 г. См.: *Кошелев А.И.* Речь в память М.П. Погодина (РГБ. Пог./I. Карт. 51. Ед. хр. 49).
[18] *...сочувствие ему, заявленное обществом и печатью...* – Вырезки из газет и телеграммы по случаю смерти Ю.Ф. Самарина см.: РГБ. Ф. 265. Карт. 129. Ед. хр. 1.
[19] *...только блистал своим отсутствием... московский генерал-губернатор...* – Долгоруков (Долгорукий) Владимир Андреевич, в 1865–1891 гг. московский генерал-губернатор.

ГЛАВА XVI. (1876–1877)

[1] *...вести из Боснии и Герцоговины...* – Имеется в виду восстание против турецкого гнета в Боснии и Герцеговине в 1875 г.
[2] *...посетили лавру, Николаевский мост, церковь Андрея Первозванного...* – Достопримечательности Киева. Киево-Печерский монастырь, основанный в 1051 г., стал лаврой с 1182 г.; церковь Андрея Первозванного сооружена по проекту архитектора В.В. Растрелли.
[3] *...бразильский император...* – Педро II.
[4] *Чуфут-Кале* – пещерный город недалеко от Бахчисарая.
[5] *Георгиевский монастырь* – находится на берегу Черного моря в 12 км к югу от Севастополя.
[6] *...объехали Ливадию (куда нужно было выхлопотать билет)...* – Ливадия расположена неподалеку от Ялты на южном берегу Крыма. Специальные хлопоты были связаны с тем, что Ливадия была имением императора.
[7] *Алупка* – имение князя М.С. Воронцова на южном берегу Крыма.
[8] Воронцовы – М.С. Воронцов и его жена Елизавета Ксаверьевна.
[9] *...о приближающейся войне с Турциею...* – Началась весной 1877 г. после отказа Турции предоставить автономию Боснии, Герцеговине и Болгарии. Закончилась в 1878 г. заключением Сан-Стефанского мирного договора.
[10] *...действия московского Славянского комитета...* – Московский Славянский комитет был самым деятельным среди других. В 1875 г. председателем московского Славянского комитета (в 1877 г. преобразованного в Славянское благотворительное общество) был избран И.С. Аксаков, который вел в русском обществе горячую пропаганду в пользу славян, поддерживал национально-освободительное движение славянских народов (сбор средств, покупка и доставка оружия и обмундирования, отправка добровольцев на Балканы).
[11] "*Голос*" – петербургская газета, выходившая в 1863–1884 гг. В 1870-е годы издатели-редакторы – А.А. Краевский и В.А. Бильбасов.
[12] *...написал свои "Записки"...* – Ф.В. Чижов писал дневник, а не записки.
[13] *...в Сан-Стефано подписан мирный трактат...* – Мирный договор между Россией и Турцией был подписан 19 февраля (3 марта) 1878 г. Его условия были выгодны для

России, упрочившей свое положение на Балканах. Было создано княжество Болгарское; Сербия, Черногория и Румыния получили полную независимость.

14 *...на конференции в Берлине...* – Берлинская конференция (или конгресс) проходила с 13 июня по 13 июля 1878 г., была созвана из представителей шести держав для рассмотрения Сан-Стефанского договора между Россией и Турцией, заключенного 19 февраля (3 марта) 1878 г. Решениями этого договора были недовольны Англия и Австрия.

15 *...выбор представителями России одряхлевшего кн. Горчакова...* – Ошибками А.М. Горчакова, министра иностранных дел, объясняли неудачи России на Берлинском конгрессе, на котором были пересмотрены условия Сан-Стефанского мирного договора и урезаны приобретения России в войне 1877–1878 гг.

16 *...в довольно сильных словах в заседании Славянского комитета, бывшем в июне.* – 22 июня 1878 г. И.С. Аксаков назвал “позорным” мир, в результате которого Россия согласилась на передачу южной части Болгарии Турции. Речь Аксакова перепечатали газета “Гражданин” и целый ряд иностранных газет, после чего последовали репрессивные меры: по личному распоряжению Александра II Аксаков был смещен с поста председателя Славянского благотворительного общества, выслан из Москвы, а Славянское благотворительное общество (самое деятельное из славянских обществ) закрыто.

17 *Речь свою И.С. Аксаков передал мне, с просьбою ее напечатать за границею, что́ я охотно исполнил, ибо вполне ей сочувствовал.* – Речь И.С. Аксакова была напечатана А.И. Кошелёвым в Берлине именно в момент окончания работы Берлинской конференции. Поскольку пафос выступления И.С. Аксакова в Славянском комитете шел вразрез с решениями дипломатов, реакция последовала незамедлительно: к берлинскому книгопродавцу Беру явилась полиция и арестовала непроданные экземпляры аксаковской речи. “Не безумие ли не только со стороны нашей дипломатии, но и прусской администрации”, – жаловался Кошелёв И. Аксакову в письме от 3 сентября 1878 г. (Голос минувшего. 1922. № 2. Окт. С. 85). Однако отношение Кошелёва к выступлению И. Аксакова в 1878 г. отличается от описанного в мемуарах. В том же письме Кошелёв сообщил адресату о встрече в Париже с Ф. Ригером, который сердился на И. Аксакова за эту речь и сожалел о закрытии Славянского комитета в Москве: “Я защищал Вас, – писал Кошелёв, – но вполне оправдывать не мог, ибо всегда находил Ваш ответ не своевременным и не ловким. Не всякую истину можно во всякое время высказывать. Вы правы вообще, т.е. в сущности; но неправы были на горячий отзыв ответить такой жалкою отповедью” (Там же).

18 *...под председательством их канцлера...* – Имеется в виду О. Бисмарк.

19 *...рассказывал... о взятии Карса...* – М.Т. Лорис-Меликов участвовал в осаде и взятии Карса в 1854–1855 гг.

20 *...избрал себе местом пребывания имение свояченицы... в Владимирской губернии.* – Село Варварино Юрьевского уезда принадлежало Екатерине Федоровне Тютчевой, сестре жены И.С. Аксакова.

ГЛАВА XVII. (1878–1880)

1 *Известия об убийстве кн. Кропоткина в Харькове, о покушении 2-го апреля на жизнь императора...* – Речь идет об акциях, совершенных народовольцами: Г. Гольденберг 9 февраля 1879 г. смертельно ранил харьковского генерал-губернатора Дмитрия Николаевича Кропоткина, 2 апреля 1879 г. А.К. Соловьев стрелял в Александра II на Дворцовой площади.

[2] *...озаглавил свою книжку так:* "Что же теперь делать?" – Вышла в Берлине в 1879 г. А.И. Кошелёв сожалел, что нововведения в стране было поручено проводить людям, которые новшествам не сочувствовали; крестьянское самоуправление ограничено, мировые посредники попали в полную зависимость от губернаторов; Министерство народного просвещения, названное автором "министерством народного затемнения и притупления", требовало от студентов только знаний греческого и латинского языков; в обществе процветает нигилизм, появившийся в результате давления сверху. Автор предлагал созвать Земскую думу и обеспечить свободу печати, которая существует во всем образованном мире, и Россия не дожна быть исключением в этом отношении (*Кошелев А.И.* Что же теперь делать? Berlin, 1879. С. 5, 15, 20, 36, 68, 69).

[3] *...покушение... посредством подкопа ... под Московско-Курскую железную дорогу...* – Взрывом поезда, в котором ехал Александр II, руководил народоволец А.И. Желябов (1879).

[4] *...известие о взрыве в Зимнем дворце.* – Взрыв в Зимнем был осуществлен 5 февраля 1880 г. С.Н. Халтуриным. Погибло много солдат в помещении гауптвахты.

[5] *...указ об учреждении... Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка...* – Создана в начале 1880 г.

[6] *...против... чумы в Ветлянке.* – В Астраханской губернии в 1879 г.

[7] *Известия о покушении... на жизнь гр. Лорис-Меликова и о казни виновного...* – Речь идет о И.О. Млодецком, покушавшемся 20 февраля 1880 г. на жизнь М.Т. Лорис-Меликова и казненном 22 февраля 1880 г.

[8] *...под условием учреждения комиссии для пересмотра положения по делам печати с введением в него взысканий по суду за проступки по этой части.* – Н.С. Абаза, став начальником Главного управления по делам печати и будучи человеком либеральным, настаивал на прекращении административных репрессий в отношении прессы; карательные меры должен осуществлять только суд.

[9] *Безжизненность и формалистика его классической системы...* – Речь идет о проведенной Д.А. Толстым в 1871 г. реформе среднего образования. Только воспитанники классических гимназий, в которых было усилено преподавание древних языков, пользовались правом поступления в университеты.

[10] *...в отношении к всесословной волости...* – Отношение А.И. Кошелёва к всесословной волости, которая была предметом толков в обществе, выражено в его брошюре "О мелкой земской единице". Кошелёв был против деления уездов на несколько округов, которые в свою очередь делятся на несколько волостей, так как считал, что нет ни достаточного количества людей для замещения служебных мест, ни достаточного количества денег для оплаты службы новых администраторов (*Кошелев А.И.* О мелкой земской единице. М., 1881. С. 3, 5, 11).

[11] *...И.С. Аксаков также предполагал издавать еженедельную газету...* – Газету "Русь" (1880–1886).

[12] *...мы положили с первых чисел декабря начать выпуски номеров нашего издания.* – Газета "Земство" выходила еженедельно в Москве с 3 декабря 1880 г. по 3 июня 1882 г.

ГЛАВА XVIII. (1881–1882)

[1] *...упразднение III отделения собственной канцелярии...* – В 1880 г.

[2] *Программа администрации, сообщенная гр. Лорис-Меликовым, была также благонамеренна, как и благоразумна...* – Став в 1880 г. министром внутренних дел, гр. Лорис-Меликов заявил о своей приверженности политике реформ и сотрудничества с либеральной частью общества.

3 *...учрежденная под председательством П.А. Валуева комиссия для пересмотра законоположений и временных правил о печати...* – Комиссия была создана по инициативе гр. Лорис-Меликова и начала свою работу в октябре 1880 г. Ее целью было создание нового закона о печати, который должен был упразднить систему административных притеснений прессы и заменить ее судебным разбирательством. Однако отставка гр. Лориса-Меликова 1 мая 1881 г. и переход правительства на путь репрессий похоронили надежды на выработку нового закона.

4 *С.А. Юрьев издавал... "Русскую мысль".* – Научный, литературный и политический журнал, выходивший в Москве в 1880–1918 гг. Издателем был В.М. Лавров, С.А. Юрьев – редактором.

5 *...об ужасной кончине императора.* – В результате смертельного ранения, полученного от взрыва бомбы на набережной Екатерининского канала в Петербурге. Участники покушения: С.Л. Перовская, Н.И. Рысаков, И.И. Гриневицкий.

6 *...подписали адрес вновь вступившему на престол императору...* – Александру III.

7 *...окончил свою брошюру.* – "Где мы? Куда и как идти?" (Berlin, 1881). В ней А.И. Кошелёв осуждал гнетущий застой, в котором находилась страна: стремление удержать все в неподвижности, надежда на русский "авось" и "как-нибудь" губительны для государственного организма. Политика правительства была откровенно охарактеризована автором как "легкомысленная". Единственный путь к спасению Кошелёв видел в создании совещательного собрания, Земской думы, которая бы установила прямые отношения между царем и народом: "...чтобы мы имели возможность высказывать прямо верховной власти наши нужды, желания, чувства и мнения..." (*Кошелев А.И.* Где мы? Куда и как идти? Berlin, 1881. С. 61).

8 *...отправил... к... Коханову.* – М.С. Каханову, члену Государственного совета.

9 *...призывают катковщину к управлению...* – М.Н. Катков был обрадован правительственным курсом Александра III; оба были сторонниками диктатуры.

10 *Манифест 29 апреля 1881 года...* – Содержал программу внутренней и внешней политики нового императора Александра III. Во внутренней политике был взят курс на укрепление самодержавной власти.

11 *...увольнение... Милютина...* – Речь идет о Д.А. Милютине, военном министре (1861–1881), проведшем в 1860–1870-е годы реорганизацию русской армии (введение всеобщей воинской повинности, сокращение сроков военной службы с 25 до 16 лет, отмена шпицрутенов, розог, издание книг и журналов для просвещения солдат и др.). Был уволен вскоре после отставки гр. Лорис-Меликова. Характеристику Д.А. Милютина см.: *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. С. 117–120.

12 *...первые три дня посвятил... осмотру выставки.* – 20 мая 1882 г. в Москве открылась Всероссийская промышленно-художественная выставка. Однако на ней была представлена не только отечественная промышленность, но и сельское хозяйство: демонстрировался молочный скот, проводился конкурс земледельческих машин на ферме Петровской академии. В день открытия выставки в Москву прибыли великие князья Владимир Александрович и Георгий Максимилианович, герцог Лейхтенбергский, посетившие выставку в сопровождении московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова (см.: Московские ведомости. 1882. 20 мая. № 138. С. 2). Газета "Московские ведомости" регулярно оповещала о ходе подготовки выставки (см.: № 121, 125, 137. 3, 7, 19 мая).

13 *...принялся... за свою брошюру... "Что же теперь?"* – Мысли, содержащиеся в ней, перекликаются с теми, что были высказаны в брошюре "Где мы? Куда и как идти?" (см. примеч. 7 к наст. главе). В брошюре "Что же теперь?" автор осуждал противоречия в действиях правительства, писал о новом подтверждении его непоследовательно-

сти: граф Д.А. Толстой, в 1880 г. уволенный от должности министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего синода, 30 мая 1882 г. был назначен министром внутренних дел. А.И. Кошелёв отмечал, что многие отказывались верить в возможность этого: "Все ошалели" (*Кошелев А.И.* Что же теперь? Berlin, 1882. С. 4). Консерватизм правительственных мер, призывы "Московских ведомостей" к репрессиям внушали серьезные опасения автору брошюры (Там же. С. 39, 41).

14 *...написал статью "Великая наша беда" ... статья очень не понравилась Толстому ... сделал предостережение "Голосу" и запретил розничную продажу "Московскому телеграфу", перепечатавшему отрывки из этой статьи.* – Правительство было недовольно общей оценкой положения в стране, содержавшейся в статье А.И. Кошелёва. Автор ее писал о произволе властей, застое и недовольстве в обществе, угасании земской жизни: избранные гласные редко съезжаются на земские собрания, поскольку обсуждать и отправлять правительству ходатайства о местных нуждах, с точки зрения Кошелёва, "труд бесполезный"; в присутствиях по крестьянским делам исправники получили неограниченную власть; крестьяне бедствуют и пьянствуют, помещики заложили почти все свои земли и уезжают из деревень, так как тайный полицейский надзор ведется даже за теми, кто читает много газет и журналов. Вольготно живется только бюрократии, не заботящейся о завтрашнем дне страны. Кошелёв сетовал на огромное количество комиссий во всех министерствах, в которых исписываются горы бумаг, однако ничего живого и путного в этих комиссиях не рождается. В конце статьи он высказал гневное возмущение теми, кто надеется успокоить общество репрессивными мерами: с момента сотворения мира, напоминал автор, запретный плод имеет для людей неизъяснимую прелесть, и задержанные цензурой книги, газеты и журналы различными путями проникают в общество, производя "сильнейшее действие", не сравнимое с тем, какое производит появившееся в печати (Голос. 1882. 11(23) дек. № 337. С. 1–3). "Голос" – газета А.А. Краевского и В.А. Бильбасова, выходившая в 1863–1884 гг. в Петербурге; "Московский телеграф" – политическая и литературная газета, выходившая в 1881–1883 гг. в Москве. Издатель-редактор – И.И. Родзевич.

15 *...в гостинице Варварина.* – В Рязани.

Примечания

ПРИЛОЖЕНИЯ К "ЗАПИСКАМ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КОШЕЛЕВА"

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ:

а) Письмо А.И. Кошелева к министру внутренних дел Льву Алексеевичу Перовскому об улучшении быта помещичьих крестьян, 1847 г.; б) Ответ Л.А. Перовского; в) Предложение А.И. Кошелева дворянству Рязанской губернии о том же.

Последний документ среди перечисленных – не речь, а только проект речи, поскольку министр счел обсуждение вопроса об изменении быта помещичьих крестьян на дворянских выборах Рязанской губернии "не совсем удобным". Однако содержание речи Кошелёв довел до сведения рязанского предводителя дворянства Н.Н. Реткина, а тот рассказал помещикам. Последовала незамедлительная реакция, о которой сообщено в "Записках": "...за это мало меня четвертовать".

[1] *...приветствовал я указы об обязанных крестьянах...* – Указ от 2 апреля 1842 г.

[2] *...благодетельные сии меры не получают до сих пор надлежащего развития...* – Причина этого явления была в нежелании государственной власти разрешить крестьянскую проблему. Николай I в своей речи в Государственном совете 30 марта 1842 г. по поводу указа об обязанных крестьянах поставил вопрос о крестьянском освобождении в зависимость от воли и желания помещиков. По сути документ не имел практического результата.

[3] *Причина совершенного неразвития сего законоположения... лежит... в статьях 906 и 912 тома IX свода законов.* – См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 9: Свод законов о состояниях. Ст. 906: "В случае неисполнения крестьянами приемлемых ими на себя по договору обязанностей они понуждаются к тому земскою полициею под руководством уездных предводителей дворянства и под высшим наблюдением губернского правления" (Кн. I. С. 171); ст. 912: "Помещики и обязанные крестьяне сохраняют заключенные ими между собою договоры всегда ненарушимо, имея, однако, право особыми частными условиями делать изменения в наделе землею и повинностях на определенные сроки, с обоюдного согласия; а если имения состоят в залоге, то и с согласия надлежащих кредитных установлений; во всех же случаях не иначе, как с предварительного утверждения правительства" (Там же. С. 172). Впервые "Свод законов" был обнародован в 1833 г.

[4] *...на основании статьи 104-й тома IX свода законов...* – Эта статья гласит: "Сверх сего, дворянство в собрании может делать совещания о своих нуждах и пользах, представлять об оных чрез губернского предводителя начальнику губернии и Министерству внутренних дел; а в случаях важных приносить и всеподданнейшие прошения императорскому величеству" (Свод законов Российской империи. Т. 9: Свод законов о состояниях, кн. I. С. 22).

[5] *Мирное присоединение к нашей православной церкви двух миллионов наших братий, отторгнутых Униею; издание свода законов; размежевание чересполосных дач; переход через Балканы – все сии чудеса совершены во дни ныне благополучно царствующего императора...* – С начала 1830-х годов началась ликвидация униатских церквей, завершившаяся 12 февраля 1839 г. в Полоцке подписанием представителями духовенства специального акта о соединении православных и униатских церквей; 25 марта 1839 г. Николай I утвердил решение Синода по этому вопросу. Издание свода законов осуществлено в 1833 г. Дело размежевания поземельных владений, фактически начатое в 1839 г. созданием особых посреднических комиссий, завершилось в 1850 г. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. 6-й и 7-й корпуса русской армии перешли Балканский хребет, были взяты Варна и Силистрия.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

Охота пуще неволи

Статья под этим заглавием, а не измененным (см. стр. 48 наст. изд.), была впервые напечатана в "Земледельческой газете" (1847. 12 дек. № 99. С. 790–791). Подпись: "Александр К... Село Песочня Рязанской губернии Сапожковск⟨ого⟩ уезда". Перепечатана Н.П. Колюпановым в "Биографии Александра Ивановича Кошелева" (М., 1892. Т. II: Приложение второе. С. 11–13). Указ от 12 июня 1844 г. об отпуске на волю дворовых людей чрезвычайно обрадовал А.И. Кошелёва, который с 1849 г. приступил к его осуществлению.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Поездка русского земледельца в Англию на Всемирную выставку

О.Ф. Кошелёвой напечатаны только отрывки из статьи. Полностью: Московский сборник. М., 1852. Т. I. С. 145–243, под названием "Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку".

1 *Трансепт* – поперечный неф.
2 *...чувствуешь, как верно... выразил Шеллинг сущность искусства: "бесконечное проявлять в конечном"*. – Вероятно, имеется в виду работа Шеллинга "Система трансцендентального идеализма" (1800), в которой мир рассматривался как продукт художественного творчества; в произведениях искусства, по мнению философа, может быть достигнута бесконечность.
3 *...теория Луи Блана и вообще более или менее всех французов, требующих, чтоб правительство вмешивалось во все промышленные производства и оказывало им деятельное содействие...* – Французский утопический социалист Луи Блан считал, что для достижения ожидаемого им братства народа и буржуазии необходимо, чтобы государственная власть снабжала общественные мастерские необходимыми орудиями производства.

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ:

а) Письмо к государю и б) Записка о денежных средствах России

Перепечатано Н.П. Колюпановым в "Биографии Александра Ивановича Кошелева" (М., 1892. Т. II: Приложение одиннадцатое. С. 127–140). Письмо датировано апрелем 1855 г. и адресовано Александру II. Записка датирована декабрем 1854 г., написана в царствование Николая I и предназначалась ему, но, по мнению автора, не утратила своей актуальности, если он счел возможным препроводить ее новому императору. Александр II отправил ее министру финансов П.Ф. Броку, который автору не ответил. "Более об этом я уже ничего не слыхал", – написал Кошелёв в мемуарах.

1 *...Севастополь и значительная часть наших границ находятся под ударом врагов...* – Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг. с коалицией Турции, Англии и Франции. Военные действия велись на западной, южной и северной границах России. В начале октября 1854 г. англо-французские войска приступили к осаде Севастополя.
2 *...в 1856 году, разоренная и побежденная, должна будет принять те условия, которые победителям угодно будет ей даровать.* – Оборона Севастополя, несмотря на героизм солдат и офицеров, окончилась капитуляцией. 18(30) марта 1856 г. будет подписан Парижский мирный договор: не имея средств к продолжению войны, Россия вынуждена будет пойти на уступки врагам.
3 *...не знаем, необходимы ли для правительства пожертвования... мы смущены его уступчивостью в отношении к европейским державам...* – Летом 1854 г. в русском обществе были распространены упорные слухи о мире. Действительно, с 1854 г. в Вене имели место дипломатические переговоры, посредником в которых выступала Австрия.

[4] *Тягло* – надел, пашня.

[5] *...ответ г. Тенгоборского на статью Леона Фоше...* – Каков был ответ и на какую статью, выяснить не удалось. Возможно, речь идет об одной из статей, входившей в книгу французского автора "Études sur l'Angleterre par Léon Faucher": вышедшая в 1844 г., она вызвала большой интерес в России. Когда она в 1856 г. была выпущена вторым изданием с добавлением новых статей, рецензии на нее писали известные публицисты. См., например: *Чичерин Б.Н.* Промышленность и государство в Англии // Атеней. 1858. Март. Апрель.

[6] *...государь принимает пожертвования и ... своим последним манифестом нас на то вызывает.* – Вероятно, речь идет о высочайшем манифесте от 16 декабря 1854 г., в котором отмечалась храбрость русских войск, – предвестие счастливейших будущих событий. Было также заявлено, что мирные предложения Россия примет только в том случае, если они будут соответствовать ее достоинству.

[7] *...Думы созывались ... даже в первые годы царствования Петра Великого.* – Речь идет о Земском соборе 1683–1684 гг. на котором обсуждался вопрос о мире с Польшей.

[8] *При императрице Екатерине были созваны депутаты для составления общего уложения для империи; дело не удалось по разным причинам, но, конечно, не по оппозиционному духу, в нем развившемуся.* – А.И. Кошелёв неправ, утверждая, что в Комиссии по составлению нового уложения (1767–1768) совершенно отсутствовал оппозиционный дух. Горячность, с какой выборные делегаты обсуждали крестьянский вопрос и критиковали неполадки в системе государственной власти, были причиной закрытия Комиссии под благовидным предлогом начавшейся войны с Турцией. Основной причиной окончания работы Комиссии было нежелание Екатерины II ограничивать самодержавную власть.

[9] *...император Александр в годину вторжения Наполеона в наши пределы созывал московское дворянство и купечество как представителей* России... – 15 июля 1812 г. император Александр I обратился за помощью в защите Отечества к московскому дворянству и купечеству. Дворяне обещали направить в действующую армию каждого десятого крестьянина; те из дворян, кто был способен взять в руки оружие, обещали отправиться на войну. Купцы менее чем за полчаса собрали пожертвования – 2 400 тыс. руб. (см.: *Балязин В.Н.* Император Александр I. М., 1999. С. 181). Атмосферу всеобщего воодушевления после обращения царя прекрасно передал Л.Н. Толстой в романе "Война и мир" (Т. 3, ч. 1).

[10] *Кадастр* – роспись землевладений с определением их ценности, доходности (в целях налогообложения).

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЯТОЕ

Записки по уничтожению крепостного состояния в России А.И. Кошелева

I. О необходимости немедленного уничтожения крепостного состояния.

II. О различных способах освобождения крестьян. III. Предполагаемые меры к освобождению крестьян. IV. Предполагаемые меры к освобождению дворовых людей.

Записки были отправлены императору Александру II в начале 1858 г. Над своим проектом освобождения крепостных крестьян А.И. Кошелёв работал в течение нескольких лет. В мемуарах он писал, что еще в 1850 г. отослал министру внутренних дел Л.А. Перовскому проект освобождения собственных крестьян (с землей, с выдачей им выкупных де-

нег по 40 рублей серебром за десятину), однако ответа не дождался (в бумагах Кошелёва Н.П. Колюпанов обнаружил несколько редакций проекта 1850 г., из которых составил сводную редакцию. Основные положения проекта см.: *Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1892. Т. II. Приложение шестое. С. 24–30). Проект Кошелёва активно обсуждался в славянофильской среде. В 1850 г. И.С. Аксаков привез его в Ярославль, где тогда служил, и дал прочесть знакомому купцу Е.В. Трехлетову, который прежде был крепостным. Характерен отзыв Трехлетова о проекте в передаче Аксакова: "Он во многих частях осуждает его и вообще говорит, что помещик себя не забыл" (письмо родным от 26 января 1850 г. – *Аксаков И.С.* Письма к родным: 1849–1856. М., 1994. С. 101; серия Лит. памятники). Действительно, из "Записок по уничтожению крепостного состояния в России", итогового документа, видно, что их автор опасался разорения дворянского сословия, поэтому предлагал длительный – 12-летний – срок освобождения (для дворовых даже 20 лет), чтобы помещики не внезапно лишились нужных людей; считал, что выбор способа освобождения должен быть предоставлен дворянам, как и выбор способа оценки имения (по угодиям или по количеству оброка); стремился сохранить как можно больше земель во владении помещиков (излишки земли, превышающие действительные потребности крестьянина, можно отрезать); не забыл и о том, что если дворовые мальчики обучались в казенных учреждениях за счет помещиков, то уплаченные деньги должны вернуть, и т.п. Это характерное для Кошелёва опасение: так, во время службы в Царстве Польском в действиях Ю.Ф. Самарина и В.А. Черкасского он усматривал намерение разорить польскую шляхту. Среди составленных славянофилами проектов (проекты Ю.Ф. Самарина, В.А. Черкасского) кошелёвский был самым радикальным: Самарин пришел от него "в ужас", о чем сообщено в "Записках", и даже советовал не посылать его в Петербург, боясь испугать власть. Кошелёв отправил свой проект в столицу, однако в скором времени в решительности предлагаемых мер его опередили авторы других проектов.

[1] *Пример Пруссии в 1806–1813 годах в этом отношении крайне назидателен.* – 9 октября 1807 г. в Пруссии была отменена крепостная зависимость тех, кто владел наделами в качестве собственников; специальными указами 1807, 1808, 1811 гг. были освобождены государственные крестьяне; в 1816 г. стали свободными помещичьи крестьяне.

[2] *... на нашей памяти уничтожено большее или меньшее рабство в Пруссии, в других немецких государствах, в Австрии, в Прибалтийских губерниях, в Дунайских княжествах, в Бессарабии...* – См. выше. Страх перед венгерской революцией вынудил австрийское правительство издать 18 марта 1848 г. указ о выкупе крестьян на свободу. Недовольство крестьян этим указом привело к тому, что 26 июля того же года крепостное право в Австрии было полностью отменено. Проект освобождения эстляндских крестьян разрабатывался с 1810 г., был утвержден Александром I 23 мая 1816 года (объявлен 8 января 1817 г.). Крестьяне освобождались без земли с правом покупать или арендовать землю. Окончательное освобождение эстляндских крестьян состоялось 26 марта 1819 г. Указ от 23 мая 1816 г. (относительно эстлянских крестьян) в 1817 г. стал действовать в Курляндской и Лифляндской губерниях. Дунайские княжества – Бессарабия и Валахия. Говоря об уничтожении крепостного права в Бессарабии, А.И. Кошелёв, вероятно, имел в виду указ от 1 июня 1839 г., разрешавший заключение добровольных соглашений между помещиками и оброчными крестьянами. В Валахии в 1836 г. личную свободу обрели цыгане, в 1842 г. были освобождены монастырские цыгане. И только в 1864 г. оброчные крестьяне в Бессарабии и Валахии добились освобождения с землею за выкуп.

[3] *...многие... готовы были согласиться на... прекращение крепостного состояния, лишь бы освободили их от страха, возбужденного в них возможностью провозглашения вольности при вторжении врагов в наши пределы.* – 1 сентября 1854 г. у Евпатории появился англо-французский флот и произошла высадка неприятельских войск между Евпаторией и Каптугаем. Страх народного гнева, о котором пишет А.И. Кошелёв, был особенно ощутим на юге России, поблизости от района военных действий. И.С. Аксаков, который осенью 1855 г. стоял с ополчением в Бессарабии, в одном из писем родным передал жалобы замученного барщиной крестьянина на своего господина и его надежды на то, что приход врагов освободит от злодея: "Хоть бы англичанин скорее пришел!" Аксаков заключает: "Помещикам в здешнем крае не мешало бы одуматься. Не скажу наверное, но полагаю, что иностранные эмиссары могут найти себе внимательных слушателей в здешнем крепостном народонаселении" (письмо от 14 октября 1855 г. – *Аксаков И.С.* Письма к родным: 1849–1856. С. 386, 387).

[4] *...как дворянство... отличилось при выборах и при пожертвованиях по ополчению...* – Манифест "О призвании к государственному ополчению" был утвержден 29 января 1855 г. Однако дворянство не проявило патриотизма, откупалось от выборов в ополчение, о чем А.И. Кошелёв написал в своих мемуарах. При втором призыве летом 1855 г. наблюдалась та же картина: большинство дворян отказывалось идти в ополчение. Снаряжение ополчения было неудовлетворительным. Квартирмейстер Серпуховской дружины Московского ополчения И.С. Аксаков сообщал родным: "Вещи, построенные Московским губ⟨ернским⟩ Комитетом ополчения, отвратительнейшие: воровство самое наглое, украдено денег, конечно, больше, чем наполовину"; "Дружинные начальники все подняли громкий вой по причине скверного качества вещей, доставляемых губернатором (он председатель губ⟨ернского⟩ Комитета, строившего все вещи)..." (письма от 21 и 29 мая 1855 г. – *Аксаков И.С.* Письма к родным: 1849–1856. С. 349, 350).

[5] *...сильные опасения насчет возмущений, могущих вспыхнуть в случае, если неприятель... провозгласит вольность.* – См. примеч. 3.

[6] *...возвратиться ко временам догодуновским.* – Т.е. ко временам до конца XVI в. (Борис Годунов стал царем 17 февраля 1598 г.), когда крестьяне лишились права переходить от одного господина к другому.

[7] *Инвентарное положение в Киевской, Польской и Волынской губерниях преимущественно благоприятствует крестьянам... – Польской* – вероятно, опечатка. Правильно: Подольской. Инвентари или инвентарные правила – законодательные акты, введенные в 1847–1848 гг. с целью нормализации отношений между крестьянами и помещиками юго-западных губерний. Несомненно, что система инвентарей подготовила и облегчила проведение в этом крае крестьянской реформы. Однако А.И. Кошелёв ошибался, считая, что инвентари "благоприятствуют крестьянам": на практике инвентари безнаказанно нарушались в ущерб крестьянским интересам (см.: Обозрение Киевской, Подольской и Волынской губерний с 1838 по 1850 год // Русский архив. 1884. Кн. 3. С. 28–29).

[8] *Указ 20-го февраля 1803 года установил звание свободных хлебопашцев...* – Речь идет о предложении графа С.П. Румянцева разрешить помещикам по своей воле освобождать крестьян. Государственный совет принял предложение, и 20 февраля 1803 г. оно стало законом: отдельные крестьяне получили право освобождаться за выкуп, с землей. Выкупившиеся становились свободными хлебопашцами. Но к 1858 г. выкупилось всего 151 895 крепостных, т.е. 1,5% от общего числа помещичьх крестьян (см.: Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 369).

[9] *...великое дело уничтожения крепостного состояния, затронутое более полувека тому назад...* – Т.е. в 1803 г. (см. примеч. 8).

[10] *...требуют возмездия помещикам за землю и за людей...* – В данном контексте слово "возмездие" употреблено в значении "возмещение".

[11] *В пополнение, разъяснение и изменение св⟨ода⟩ зак⟨онов⟩ тома IX, статей 760–787, относящихся до свободных хлебопашцев...* – См.: Свод законов Российской империи. Т. 9: Свод законов о состояниях, кн. I. Разд. "О свободных хлебопашцах". С. 148–152.

[12] *...ссуды на основании договоров, заключаемых между помещиками и их крестьянами, и свидетельств, установленных св⟨одом⟩ зак⟨онов⟩, т. IX, ст. 766...* – Ст. 766 гласит: "Договор, таким образом подписанный (в предыдущих статьях указано, как он должен быть составлен, кем подписан и где зафиксирован. – *Т.П.*), подается от помещика губернскому предводителю дворянства при прошении на высочайшее имя и при свидетельстве гражданской палаты о том, не состоит ли имение под запрещением по спору и взысканию, или в залоге казенном либо частном" (Свод законов Российской империи. Т. 9: Свод законов о состояниях, кн. I. С. 149).

[13] *...по 9-й народной переписи...* – 9-я народная перепись (или ревизия) была проведена в 1850 г.

[14] *Десятина* – русская единица земельной площади, равная 1,09 гектара.

[15] *Выпуск... кредитных бумаг не наводнил Франции; а, напротив того, процветание ее во времена Реставрации, по милости мудрого устройства финансов, осталось навсегда в памяти народа и признается самими порицателями старшей линии Бурбонов.* – 6 апреля 1814 г. сенат восстановил монархию Бурбонов в лице Людовика XVIII. В его правление (1814–1824) были существенно сокращены расходы на армию.

[16] *Ревизская сказка* – список лиц каждой семьи с указанием, сколько лиц выбыло и когда со времени предшествующей ревизии. Составление списков входило в обязанности казенных палат и особых ревизских комиссий. Сказки составлялись, чтобы взимать подушную подать.

[17] *..."довлеет дневи злоба его"*. – Мф. 6:34.

ПРИЛОЖЕНИЕ ШЕСТОЕ

Депутаты и Редакционные комиссии по крестьянскому делу. 1860

Брошюра А.И. Кошелёва, написанная в 1859 г., вышла в 1860 г. в Лейпциге анонимно. На нее отклинулась редакция "Колокола" (л. 64 от 1 марта 1860 г.), оценив ее как "замечательную и любопытную брошюру". В заметке отмечено несколько существенных положений брошюры: нелогичное поведение правительства, вызвавшего в столицу депутатов от губернских комитетов и запретившего им официальные совещания; способ действия Редакционных комиссий, которые принимают "несносную форму бюрократического учреждения"; неприличный выговор правительства губернским депутатам по поводу "прошения за общим подписом" через местное начальство, тогда как времена "не смей говорить", как считала редакция "Колокола", прошли. В то же время она не во всем соглашалась с автором брошюры, мало веря в то, что депутатам при официальных совещаниях удалось бы договориться, скорее всего, восторжествовало бы "узко помещичье мнение, и образованное меньшинство было бы оттерто в сторону" (Колокол: В 11 вып. / Факсим. изд. М., 1962. Вып. III. С. 536, 537).

[1] *...по словам г. министра внутренних дел...* – Министром внутренних дел в 1855–1861 гг. был С.С. Ланской.
[2] *...без гнева и пристрастия...* – Слова принадлежат рискому историку Тациту.
[3] *...в Главном комитете.* – Имеется в виду Главный комитет по крестьянскому делу.
[4] *"Колокол"* – первая русская бесцензурная газета, издававшаяся А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в 1857–1867 г. Выходила в Лондоне, с 1865 г. в Женеве.
[5] *...в своем письме к председателю...* – Речь о Я.И. Ростовцеве, председателе Редакционных комиссий.

ПРИЛОЖЕНИЕ СЕДЬМОЕ:

а) Письмо к государю и б) Записка о делах Царства Польского. Письмо и записка были представлены императору Александру II в 1866 г.

[1] *Указы 19 февраля 1864 года так радикальны...* – Указ от 19 февраля (2 марта) 1864 г. о крестьянской реформе в Царстве Польском, по которому польские крестьяне получили пахотные земли, находившиеся в их владении на момент выхода указа. Сверх того, они сохранили право пользования пастбищами помещиков. Помещики из казны получили вознаграждение за отчуждаемые земли (ликвидационные листы).
[2] *...расширение прав на сервитуты и предоставление их крестьянам, хотя бы эти сервитуты не были внесены в престационные табели 1846 года и хотя бы это пользование было самое кратковременное и единственно из милости...* – Сервитуты – право пользования какого-либо лица чужой собственностью (пастбищем, выгоном, возможностью охотиться или ловить рыбу в чужих владениях и т.п.). Речь идет об изданных в июне 1846 г. в Царстве Польском правилах, ограничивающих помещичий произвол: право помещика уменьшать крестьянский надел, присоединять пустоши, оставшиеся после крестьян, и т.п. А.И. Кошелёв был недоволен ущемлением прав польских землевладельцев в пользу крестьян.
[3] *Ссылка Ржевуцкого в Астрахань, заключение в крепость Щигельского и Домогальского, назначение Зволинского администратором Варшавской епархии... оправдывали... слухи о том, что правительство преследует католическую церковь...* – А.И. Кошелёв дает отрицательную оценку действиям русских чиновников в Польше, а именно созданной в ноябре 1864 г. комиссии внутренних дел для управления делами католического духовенства. Комиссия создавала в Царстве Польском епархии по русскому образцу, закрывала монастыри, конфисковывала церковную собственность. Директором комиссии был назначен В.А. Черкасский.
[4] *Правительству угодно было отменить консумационные сборы в городах...* – Сбор с винных изделий и с забитого скота при ввозе их в города.
[5] *...нет достаточных причин... подвергать их вообще остракизму.* – Остракизму, т.е. гонению.
[6] *...учредило... комиссию, в которую членами назначило молодых воспитанников школы правоведения...* – Имеется в виду Училище правоведения, перворазрядное закрытое учебное заведение, готовившее чиновников по судебной части. Находилось в ведомстве Министерства юстиции.
[7] *...в особенности после событий нынешнего года.* – Речь идет об австро-прусской войне 1866 г., произошедшей из-за соперничества этих стран в Германском союзе. Она закончилась выгодными для Пруссии территориальными приобретениями

(Шлезвиг-Гольштиния и др. области) и привела к созданию в 1867 г. Северогерманского союза.

8 *...морг земли...* – Морг – польская земельная мера, равная приблизительно 0,5 гектара.

9 *Офяра* – главная подать с пахотных земель в Польше, взимаемая с дворян сообразно их доходам.

10 *...помещики платят... за пропинацию на крестьянских землях...* – Пропинация, пропинационное право – исключительное право изготовления и продажи вина в определенной местности. Было распространено в XIX в. в Царстве Польском, Западном крае, прибалтийских губерниях.

ДОПОЛНЕНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

председателя Общества любителей российской словесности А.И. Кошелева в заседании 13-го апреля 1869 года

Напечатано в сборнике "В память о князе В.Ф. Одоевском" (М., 1869. С. 1–10). Печатается по тексту сборника.

1 *...действие, произведенное изданием первых двух томов его сочинений...* – К моменту произнесения А.И. Кошелёвым этой речи, т.е. к 1869 г., были выпущены два тома сочинений А.С. Хомякова: т. I, состоявший из отдельных статей и заметок, вышел в 1861 г. в Москве под редакцией И.С. Аксакова; т. II, состоявший из богословских сочинений, вышел в 1867 г. в Праге под редакцией Ю.Ф. Самарина.

2 *...посвящал себя занятиям по государственной службе и в Петербурге и в Москве...* – В.Ф. Одоевский был директором Румянцевского музея, сенатором, камергером, гофмейстером двора.

3 *...почти постоянно участвовавши... в разных петербургских периодических изданиях...* – А.И. Кошелёву в данном контексте важно было подчеркнуть участие В.Ф. Одоевского в петербургской периодике, но не менее активно он участвовал и в московских изданиях. Вклад Одоевского в русскую журналистику значителен: он был издателем альманахов "Мнемозина" и "Детская книжка для воскресных дней на 1835", сотрудником журналов "Московский телеграф", "Современник", "Отечественные записки", "Библиотека для чтения", "Русский архив", газет "Современные известия" и "Литературные прибавления" к "Русскому инвалиду" и др.

4 *...стал хлопотать о переводе своем в Москву.* – Получив в 1862 г. звание сенатора, В.Ф. Одоевский переехал в Москву.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.С. ХОМЯКОВЕ

"Мои воспоминания об А.С. Хомякове" А.И. Кошелёва впервые напечатаны в журнале "Русский архив" (1879. № 11. С. 265–272). Приложения к ним (письмо цензора фон Крузе в редакцию "Русской беседы" и ответ издателя) см.: Там же. С. 273–276. "Мои воспоминания об А.С. Хомякове" перепечатаны: *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1900. Т. VIII. С. 125–131. Печатаются по тексту журнальной публикации.

1 *...встречали профессора Велланского...* – Очевидно, речь идет о натурфилософе Д.М. Велланском, одном из создателей школы русского просветительского идеализ-

ма. В "Биографии Александра Ивановича Кошелева" напечатана программа публичных чтений профессора Велланского в Санкт-Петербурге в 1830 г. (*Колюпанов Н.П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М., 1889. Т. I, кн. 2. Приложение пятое. С. 434–438). О Д.М. Велланском см.: *Каменский З.А.* Московский кружок любомудров. М., 1980.

[2] *Хомякову она внушила стихи "Иностранке"...* – А.О. Россет посвящеты три стихотворения А.С. Хомякова: "Иностранка", "О, дева-роза..." и "К А.О. Р⟨оссет⟩" ("Она лукаво улыбалась..."). Все они предположительно датируются 1832 г.: в январе 1832 г. она вышла замуж за Н.М. Смирнова.

[3] *...Валуев ...* – Дмитрий Александрович Валуев, – славянофил, занимавшийся главным образом историческими исследованиями, журналист. Подробнее о Валуеве см.: *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М., 1997 (гл. третья).

[4] *...война с Турциею...* – Началась в 1853 г.

[5] *Вскоре начавшееся новое царствование...* – Александр II вступил на престол в 1855 г.

[6] *...статей... к напечатанию во 2-й книге "Московского сборника".* – Речь идет о "Московском сборнике" 1852 г.

[7] *...вошли в I-й том полного собрания его сочинений, напечатанного в Москве.* – В 1861 г. под редакцией И.С. Аксакова.

[8] *...греки-фанариоты...* – Названы так по кварталу в Стамбуле (Фанара), где они проживали и где находилась резиденция греческого патриарха. Представители аристократии, они пользовались особыми привилегиями в турецком административном управлении.

[9] *...в деревню к Хомякову...* – В Богучарово Тульской губернии, где находилось имение А.С. Хомякова.

[10] *Опубликование высочайшего рескрипта на имя виленского генерал-губернатора...* – Речь о В.И. Назимове, виленском генерал-губернаторе. Рескрипт положил начало эпохе подготовки крестьянской реформы.

[11] *...приглашение это почему-то не состоялось. П.Б.* – Примечание принадлежит Петру Ивановичу Бартеневу, издателю журнала "Русский архив".

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Отдел рукописей), Санкт-Петербург
РГАЛИ	Российский Государственный архив литературы и искусства, Москва
РГБ	Российская Государственная библиотека (Отдел рукописей), Москва
РНБ	Российская национальная библиотека (Отдел рукописей), Санкт-Петербург
ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Имена современных исследователей в Указатель не включены.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

ЗАПИСКИ

Александра Ивановича
КОШЕЛЕВА

(1812–1883 годы)

С семью приложениями

Утверждено к печати
Редколлегией серии
"Литературные памятники"

Заведующая редакцией *А.И. Кучинская*

Редактор *А.Н. Торопцева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры
Н.П. Круглова, Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 11.06.2002
Формат 70 × 90 $^1/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,1 + 0,7 вкл. Усл.кр.-отт. 37,9. Уч.-изд.л. 39,4
Тираж 1750 экз. Тип. зак. 6260

Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА"

Магазины "Книга–почтой"

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75; (код 812) 235-05-67

Магазины "Академкнига" с указанием отделов "Книга–почтой"

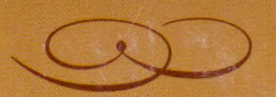
690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга–почтой"); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга–почтой"); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга–почтой"); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф.Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга–почтой"); (код 3832) 35-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга–почтой"); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга–почтой"); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга–почтой"); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g.23.relcom.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-94-64

По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Записки Александра Ивановича Кошелева

(1812 – 1883 годы)

«История оценит его заслуги русскому просвещению. Это был неутомимый борец за самобытность русской мысли, горячий друг и честный гражданин».

П.И.Бартенев

